

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2022
Issue 7

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies 'FENNICA'
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies 'NORDICA'
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

**АЛЬМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BAL TIC STUDIES REVIEW**

Вып. 7 / Issue 7

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2022**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)
ББК 63.3(4)+63.3(2)
А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petrso.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстиков

Редакционный совет

Богатырёв Сергей, Великобритания
Валге Яак, Эстония
Валцак Войцех, Польша
Вишавайнен Тимо, Финляндия
Гьеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Кюнг Энн, Эстония
Линдквист Уле, Исландия
Мулонен И. И., Россия
Селин А. А., Россия
Сүни А. В., Россия

Редакционная коллегия

Брюггеман Карстен, Эстония
Голубев Алексей, Канада
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Кривоноженко А. Ф., Россия
Мюклебуст Кари Ага, Норвегия
Нымм Елена, Эстония
Рупасов А. И., Россия
Соломещ И. М., Россия

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 413
E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ FENNICA ПетрГУ, 2022
© МНОЦ NORDICA ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2022
© Авторы, 2022
© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2022

International academic journal <http://nbsr.petrSU.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Alexander Tolstikov

Editorial Council

Sergei Bogatyrev, UK
Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kallaur, Poland
Vladimir Karelin, Russia
Enn Küng, Estonia
Ole Lindquist, Iceland
Irma Mullonen, Russia
Adrian Selin, Russia
Leo Sun, Russia
Jaak Valge, Estonia
Timo Vihavainen, Finland
Wojciech Walczak, Poland

Editorial Board

Karsten Brüggeman, Estonia
Alexey Golubev, Canada
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Kari Aga Myklebost, Norway
Jelena Nömm, Estonia
Alexander Rupasov, Russia
Ilya Solomeshch, Russia

Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk,
Republic of Karelia, Russia
E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies
'FENNICA', 2022

© Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy
of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies
'NORDICA', 2022

© Authors, 2022

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	9
EDITORS' FOREWORD.....	10

СТАТЬИ / ARTICLES

<i>Светлана Кочкуркина, Марина Петрова / Svetlana Kochkurkina, Marina Petrova</i> КИРЬЯЖСКИЙ ПОГОСТ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА / THE KIRYAZH POGOST OF THE NOVGOROD LAND: A HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE ETHNO-CULTURAL CENTRE.....	12

<i>Татьяна Джаксон / Tatjana Jackson</i> «ОКОНЧАНИЕ МОРСКОГО ЗАЛИВА» И «МОРЕ ТУМАНОВ»: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ СКАНДИНАВОВ О СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ / HAFSBOTN AND DUMBSHAF: SOME OLD NORSE-ICELANDIC IDEAS OF THE ARCTIOCEAN.....	33

<i>Елена Мельникова / Elena Melnikova</i> «ОН БЫЛ В ГРИКЛАНДЕ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ВОЙСКА»: СКАНДИНАВ В ВИЗАНТИИ / 'HE WAS IN GREECE, THE COMMANDER OF THE RETINUE': A SCANDINAVIAN IN BYZANTIUM	47

<i>Елена Литовских / Elena Litovskikh</i> СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСЛАНДЦЕВ / WAYS TO IDENTIFY MEDIEVAL ICELANDERS.....	95

<i>Владимир Карелин / Vladimir Karelin</i> ПРОБЛЕМА ЭКСПЛУАТАЦИИ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПОГРАНИЧНОЙ РЕКИ ПАЗ В РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1906–1913 гг.) / THE PROBLEM OF PASVIK BORDER RIVER HYDROPOWER RESOURCES EXPLOITATION AND RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER COOPERATION: FIRST STEPS, 1906–1913	117

<i>Екатерина Орехова / Ekaterina Orekhova</i> СТРОИТЕЛЬСТВО ПАЗСКИХ ГЭС В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТ «ПОЛЯРНАЯ ПРАВДА» И «СОВЕТСКАЯ ПЕЧЕНГА» (1950–1970-е гг.) / CONSTRUCTION OF THE PAZ HYDROPOWER PLANTS IN THE PUBLICATIONS OF THE NEWSPAPERS POLIARNAYA PRAVDA AND SOVETSKAYA PECHENGA (1950–1970s)	140

<i>Ярослава Новикова / Yaroslava Novikova</i> ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА РОМАНА КАУКО РЁУХКЯ «МАГНИТ» КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДЛЯ ВЫВОДА ПОВЕСТВОВАНИЯ НА МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ / THE TWELFTH CHAPTER OF KAUKO RÖYHKÄ'S NOVEL THE MAGNET AS AN OBLIGATORY STRUCTURAL ELEMENT FOR BRINGING THE NARRATIVE TO THE METAPHYSICAL LEVEL	148

ПУБЛИКАЦИИ / PUBLICATIONS

Инна Матюшина / Inna Matyushina

«САГА О КЛАРУСЕ»: ЖАНР, КОМПОЗИЦИЯ, СТИЛЬ / *CLÁRI SAGA: GENRE, COMPOSITION AND STYLE* 165

Владимир Карелин / Vladimir Karelin

ШЕСТЬ ДОКУМЕНТОВ О РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (1906–1918) / SIX DOCUMENTS ON THE RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER RELATIONS (1906–1918) 209

Екатерина Орехова / Ekaterina Orekhova

СТРОИТЕЛЬСТВО КАСКАДА ПАЗСКИХ ГЭС В ФОТОМАТЕРИАЛАХ МУРМАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ / CONSTRUCTION OF THE CASCADE OF THE PAZ HYDROPOWER PLANTS IN THE PHOTO MATERIALS OF THE MURMANSK REGIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM..... 219

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ / PAPERS OF THE ACADEMIC CONFERENCES

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ / BUBRIKH READINGS: LANGUAGES AND CULTURES IN THE AGE OF DIGITALISATION

Светлана Яловицына / Svetlana Yalovitsyna

ПРЕДИСЛОВИЕ / FOREWORD..... 231

Мария Кундозерова / Maria Kundozerova

БАЗА ДАННЫХ «КАРЕЛЬСКИЕ РУНЫ»: ИДЕЯ СОЗДАНИЯ, КОНЦЕПЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ / DATABASE KARELIAN RUNES: IDEA OF CREATION, CONCEPT, PROSPECTS..... 233

Анна Елагина, Алексей Рыжков / Anna Elagina, Aleksei Ryzhkov

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ КАРЕЛИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ / THE KARELIAN LANGUAGE IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF KARELIA AND CONSTRUCTION OF LOCAL SPACES..... 241

Игорь Лиман / Igor Liman

КЮЭСТИ ВИЛКУНА И ЕГО ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ НАСТУПЛЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ НА ФИНЛЯНДСКУЮ АВТОНОМИЮ / KYÖSTI WILKUNA AND HIS OEUVRE UNDER THE CONDITIONS OF IMPERIAL GOVERNMENT'S ATTACKS ON FINNISH AUTONOMY 249

Мария Потапова / Maria Potapova

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ ФИНЛЯНДИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ХАННУ МЯКЕЛЯ *PIENI PAIKKA KERVIHAN* («МЕСТЕЧКО КЕРБИАН») / GENDER IDENTITY IN FINNISH LITERATURE: THE CASE OF HANNU MÄKELÄ'S NOVEL *PIENI PAIKKA KERVIHAN* (A SMALL PLACE KERVIHAN)..... 255

**ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕВЕР ЕВРАЗИИ —
ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: МНОГООБРАЗИЕ
ПОДХОДОВ» / ALL-RUSSIAN CONFERENCE 'THE NORTH
OF EURASIA — THE SPACE OF INTERACTION: A VARIETY
OF APPROACHES'**

ПРЕДИСЛОВИЕ / FOREWORD.....	263

Сергей Курьелёв, Татьяна Жуковская / Sergei Kuryliov, Tatiana Zhukovskaya

UNIVERSITAS И CHOLERA MORBUS: УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА В ГОДЫ ЭПИДЕМИЙ 1831 И 1848 ГОДОВ / UNIVERSITAS AND CHOLERA MORBUS: EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF PETERSBURG DURING THE EPIDEMICS OF 1831 AND 1848	265

Александр Голубев / Alexander Golubev

КАРЛ НИКОЛАЕВИЧ (ЧАРЛЬЗ) БЕРД — УЧЕНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ИДЕЙ КАРЛА КАРЛОВИЧА (ЧАРЛЬЗА) ГАСКОЙНА / KARL NIKOLAEVICH (CHARLES) BYRD IS A STUDENT AND FOLLOWER OF THE IDEAS OF KARL KARLOVICH (CHARLES) GASCOIGN	275

Анастасия Шабунина / Anastasia Shabunina

УПОМИНАНИЯ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА В СРЕДНЕВИКТОРИАНСКОЙ ПРЕССЕ БРИТАНИИ / MENTIONS OF THE CITY OF PETROZAVODSK IN THE MIDDLE-VICTORIAN PRESS OF BRITAIN.....	281

Константин Годунов / Konstantin Godunov

«КАК ПАСХА...»: ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ОКТЯБРЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ И ПЕРЕНОС САКРАЛЬНОСТИ / 'LIKE EASTER...': THE CELEBRATION OF THE FIRST ANNIVERSARY OF THE REVOLUTIONARY OCTOBER IN THE OLONETS PROVINCE AND THE TRANSFER OF SACRALITY	293

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Александр Рупасов / Alexander Rupasov

РЕЦ. НА КН.: Ritvanen J.-M. Mureneva kulmakivi: Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YYA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992. Helsinki: Siltala, 2021. 350 s. / REVIEW OF: Juha-Matti Ritvanen. Mureneva kulmakivi. Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YYA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992 (Helsinki: Siltala, 2021), 350 p.....	306

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

Наталья Чикина / Natalia Chikina

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2005 / CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2005.....	315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Олег Климов, Андрей Репневский, Владимир Силов / Oleg Klimov, Andrey Repnensky, Vladimir Silov

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО (70 ЛЕТ ВЛАДИМИРУ АНАТОЛЬЕВИЧУ КАРЕЛИНУ) / 70 YEARS ANNIVERSARY OF VLADIMIR ANATOLYEVICH KARELIN.....	353

Андрей Репневский / Andrey Repnevsky

ЭНЕРГИЯ РЕКИ ПАЗ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ /
THE PAZ RIVER ENERGY IN A RESEARCH PROJECT 361

Борис Жаров / Boris Zharov

ПЕРЕВОДЧИКИ ПЁТР ГОТФРИДОВИЧ И АННА ВАСИЛЬЕВНА
ГАНЗЕНЫ / TRANSLATORS PYOTR G. GANZEN AND ANNA V. GANZEN..... 363

Елена Дорофеева / Elena Dorofeeva

О ПРОЕКТЕ «НОРДБУК» ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГОРОДЕЦ» / ON THE NORDBOOK
SERIES OF THE GORODETS PUBLISHING HOUSE..... 373

Дарья Глебова / Daria Glebova

XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ САГОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«САГИ И ЦИРКУМБАЛТИЙСКАЯ АРЕНА» (ХЕЛЬСИНКИ, ТАЛЛИНН,
7–14 АВГУСТА 2022) / 18TH INTERNATIONAL SAGA CONFERENCE SAGAS
AND THE CIRCUM-BALTIC ARENA (HELSINKI AND TALLINN, 7TH–14TH
AUGUST 2022)..... 390

Александр Кривоноженко / Alexander Krivonozhenko

КНИГА А. В. ЭРВАСТИ «ВОСПОМИНАНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ
ПО РУССКОЙ КАРЕЛИИ ЛЕТОМ 1879 ГОДА» КАК ВАЖНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК / THE BOOK
BY A. V. ERVASTI RECOLLECTIONS FROM A TRIP TO RUSSIAN KARELIA DURING
THE SUMMER OF 1879 AS AN IMPORTANT HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC
SOURCE..... 400

ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО БЛОКНОТА / FROM A STUDENT **NOTEBOOK**

Ирина Такала / Irina Takala

НЕОБХОДИМОЕ ВСТУПЛЕНИЕ / A NECESSARY INTRODUCTION 415

Алексей Финогенов / Alexei Finogenov

МНЕНИЕ О ПОСТАНОВКЕ «НОРЫ» / AN OPINION ON THE STAGING
OF NORÄ 416

Терентий Чернышов / Terentii Chernyshov

ПЬЕСА VS ПОСТАНОВКА / THE PLAY VS THE STAGING..... 418

Сергей Каширов / Sergei Kashirov

«НОРА». ИЗ ПУЧИН НИГИЛИЗМА К ТРАДИЦИИ / NORÄ. FROM THE ABYSS
OF NIHILISM TO THE TRADITION 421

IN MEMORIAM

Борис Жаров / Boris Zharov

ШРАДЕР ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА (1939–2022) / SCHRADER TATIANA
ALEKSEEVNA (1939–2022) 426

Юлия Бучатская / Julia Butschatskaja

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ШРАДЕР / IN MEMORY OF TATIANA
ALEKSEEVNA SCHRADER..... 429

Светлана Кочкуркина, Марина Петрова / Svetlana Kochkurkina, Marina Petrova

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА САКСЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ / DEDICATED TO THE BLESSED MEMORY OF
ALEKSANDR IVANOVICH SAKSA 436**

Станислав Бельский / Stanislav Belskiy

**САКСА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (11.08.1951–14.08.2022) / SAKSA ALEKSANDR
IVANOVICH (11.08.1951–14.08.2022) 439**

Светлана Яловицына / Svetlana Yalovitsyna

**ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ — СУНИ ЛЬВА ВАЛЬТЕРОВИЧА (1932–2022) /
IN MEMORY OF THE TEACHER — SUNI LEV VALTEROVICH (1932–2022) 442**

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Дорогие читатели, 2022 год оказался самым тяжёлым в короткой пока истории нашего Альманаха. События этого года шокировали и выбили из рабочей колеи многих из нас, разрушили многолетние связи учёных разных стран, мы оказались в научной изоляции. Из состава редакционного совета и редколлегии вышло несколько наших зарубежных коллег. Мы понимаем и принимаем их решение о приостановке сотрудничества, но всё же надеемся, что связи прерваны не навсегда.

К сожалению, безвозвратно ушёл от нас член редколлегии, специалист по истории Финляндии XIX в., профессор Лев Вальтерович Суни (1932–2022).

Проблема поиска материалов для публикации и новых авторов в сложившейся ситуации значительно обострилась, и мы очень благодарны нашим российским коллегам за поддержку и помощь, благодаря которой сумели собраться и подготовить к изданию очередной выпуск. Особая благодарность московским нордистам — их стараниями в номере получился замечательный раздел по средневековой скандинавской истории. Петербургские, мурманские и архангельские коллеги представляют на суд читателя первые результаты совместного российско-норвежского проекта по истории каскада ГЭС на реке Паз. Эти два блока материалов и составили основную часть наших главных рубрик «Статьи» и «Публикации».

Прошедшие в Петрозаводске осенью 2022 г. Всероссийские конференции позволили сформировать рубрику «Материалы конференций». Разнообразная тематика двух из них представлена в докладах петрозаводских, московских и Санкт-Петербургских учёных.

Новацией этого выпуска является рубрика «Из студенческого блокнота». Во вступительном слове к ней мы объясняем причины её создания. Здесь лишь отметим, что одной из задач Альманаха является подготовка новых кадров. Привлекать молодёжь в нордистику надо с младших курсов, когда ещё не сформировались научные навыки, но уже есть острое желание высказать своё мнение. Мы посчитали, что создание такой своеобразной площадки для пробы пера вполне соотносится с программными целями нашего издания.

Очень надеемся, что тематика материалов этого выпуска расширит нашу читательскую аудиторию, привлечёт новых авторов, а 2023 год станет для всех годом мира, взаимопонимания и плодотворного сотрудничества.

Ирина Такала
Александр Толстик
Александр Кривоноженко
Петрозаводск, 27 декабря 2022 г.

EDITORS' FOREWORD

Dear readers,

The year 2022 turned out to be the most difficult one in the still short history of our *Review*. The events of this year shocked and demoralized many of us and destroyed longstanding connections between scholars from different countries. We found ourselves in an international isolation. Several of our foreign colleagues left the Editorial Council and Board. We understand and accept their decision to suspend our collaboration yet hope that these connections have not been cut forever.

Unfortunately, we lost one of our Editorial Board members, a historian of nineteenth-century Finland, Professor Leo Suni (1932–2022).

Solicitation of new materials and recruitment of new authors have become much more complicated in the current situation, and we are very grateful to our Russian colleagues for their support and help that were instrumental in the preparation and publication of the current issue. A special thanks goes to Moscow-based scholars of Nordic studies whose contributions made an exemplary section on medieval Scandinavian history. Scholars from St. Petersburg, Murmansk, and Arkhangelsk introduce the early results of a collaborative Russian-Norwegian project on the history of Paatsjoki River hydroelectric powerplants. These materials form the basis of our sections *Articles* and *Publications*.

Two conferences hosted in Petrozavodsk in fall 2022 are covered in the section *Conference Papers* with texts by scholars from Petrozavodsk, Moscow, and St. Petersburg.

This issue introduces a new section *From a Student's Notebook*. It has a separate foreword explaining why we decided to add it to the journal; here, we only want to mention that one of the goals of the *Review* is to train new scholars of Nordic studies, a process that should start from their early undergraduate years when they are still mastering the historian's craft yet already have ambitions to get heard. We decided that a special section for aspiring undergraduate scholars fits the mission of our journal.

We hope that new themes presented in this issue will expand our audience and help us recruit new authors and that the year 2023 will be the year of peace, mutual understanding, and productive collaboration.

Irina Takala

Alexander Tolstikov

Alexander Krivonozhenko

Petrozavodsk, December 27, 2022

СТАТЬИ
ARTICLES

КОЧКУРКИНА Светлана Ивановна / KOCHKURKINA Svetlana

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

svetlana.kochkurkina@mail.ru

ПЕТРОВА Марина Игоревна / PETROVA Marina

Куркиёкский краеведческий центр / Kurkijoki Local History Centre

Россия, Куркиёки / Russia, Kurkijoki

kirjzh@mail.ru

КИРЬЯЖСКИЙ ПОГОСТ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА

THE KIRYAZH POGOST OF THE NOVGOROD LAND: A HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE ETHNO-CULTURAL CENTRE

Abstract: On the basis of archaeological data, toponymy, and written sources the cultural zones of medieval villages that constituted the centre of the Kiryazh (Kurkijoki) Pogost are localised in today's Kurkijoki village of the Republic of Karelia. A historical and archaeological study made it possible to identify the main stages in the development of this important ethno-cultural center of medieval Karelia and show the continuity of the 10th–14th centuries settlements, known from archeology and toponymy, with the 15th–17th centuries settlements.

Ключевые слова / Keywords: Археология Карелии, средневековая Карелия, Кирьяжский погост, Куркиёки / Archeology of Karelia, medieval Karelia, the Kiryazh Pogost, Kurkijoki

«В лето 6904. <...> Того же лѣта пришедише Нѣмци в Корѣльскую землю и повоеваша два погоста: Кюрѣеский и Кюлолаский, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корѣлою гнася по них, и язык изима и присла в Новѣгород»¹. То же известие содержится в Новгородской IV, Софийской I, Никоновской летописях и летописи Авраамки².

В древнерусских источниках под 1396/97 г. впервые упомянуты два корельских погоста, расположенных на северо-западном побережье Ладожского озера, но формирование этнокультурной поселенческой структуры проходило на протяжении нескольких веков. Историко-археологическое изучение Кирьяжского погоста, ведущееся несколькими поколениями археологов, историков и специалистами естественнонаучных дисциплин, позволило обозначить основные этапы формирования и развития этнокультурного центра средневековой Карелии в X–XVI вв. от появления редких погребальных комплексов до укрепленных

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 387.

² Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 89.

городищ-поселений³. Ядро Кирьяжского погоста отмечено концентрацией археологических находок. На основании археологических, исторических источников и данных топонимии в границах современного посёлка Куркиёки локализован ряд деревень, составлявших центральную часть Кирьяжского погоста: Лайккала, Нивкала, Похьиин, Рахола, Отсанлахти, Куупшала, Соскуа, Хямеенлахти, Риеккала (Рис. 1).

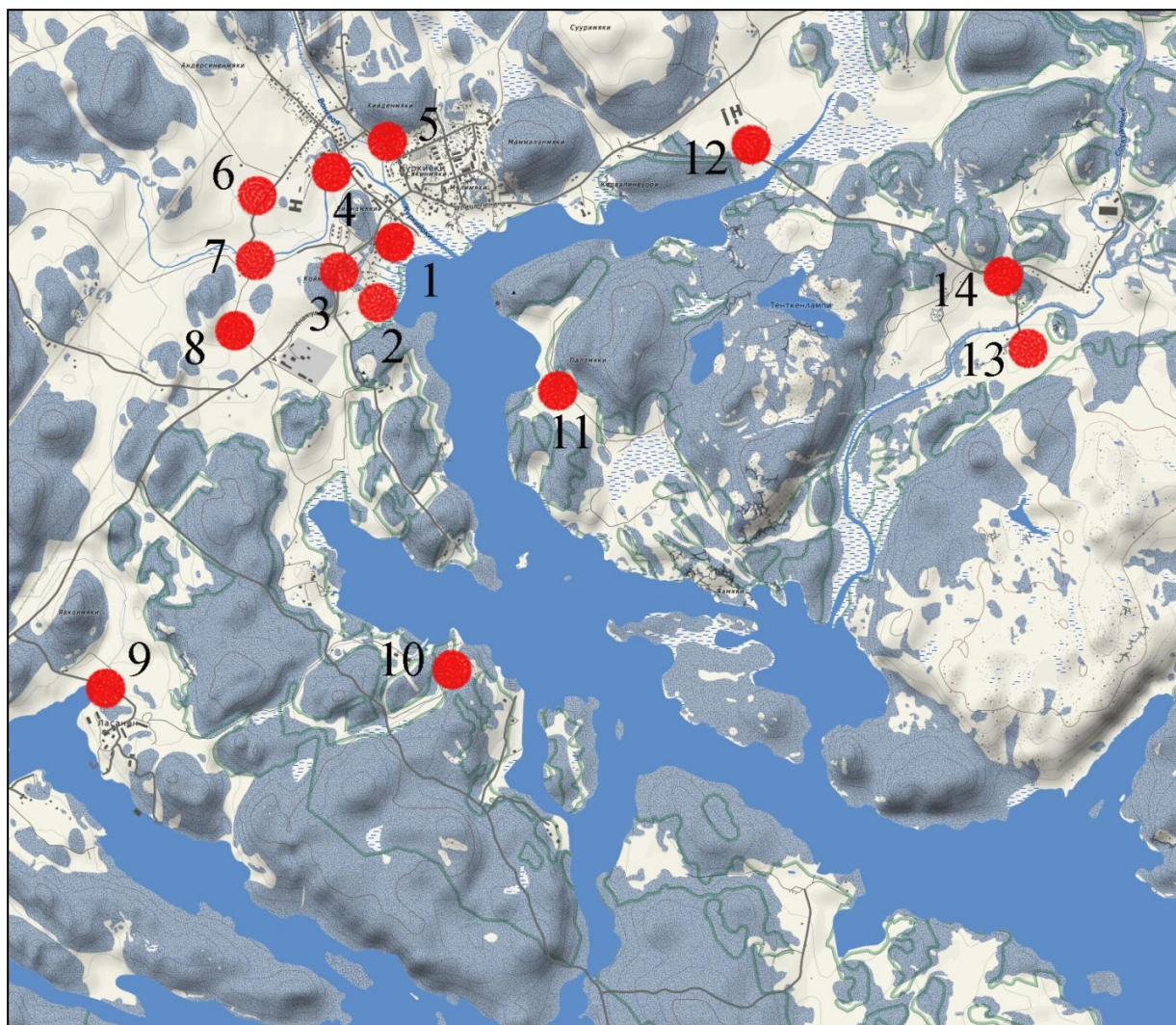

Рис. 1. Деревни, входившие в ядро Кирьяжского погоста в XV в.

Карта центральной части Кирьяжского погоста (современная геоподоснова, макет карты — Д. А. Бакалин, условные обозначения — М. И. Петрова). 1. «Деревня под Городищем». 2. Ладикола на лахте Ладикольской. 3. Койгуево у погоста. 4. Нивкола на реке на Кирьеше. 5. Деревня на Гиемкумбе. 6. Погицы. 7. Деревня Герела за рекою за Раголою. 8. Рагола. 9. Рекольская весь. 10. Гемелакша. 11. Куупшала. 12. Очелакша. 13. Сопково. 14. Гирокала.

³ Кочуркина С. И., Петрова М. И. Археология и история Кирьяжского погоста. Формирование поселенческой структуры // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 11–18. URL: <https://uchzap.petrus.ru/journal/article.php?id=325> (16.12.2022).

На становление и развитие поселенческой структуры Ки́рьяжского погоста повлиял торгово-промысловый тип экономики, характерный для Новгородской земли. Управление Корельской землёй осуществлялось на основе взаимодействия представителей местной знати и правящей элиты Великого Новгорода. Приграничное положение Корельской земли отразилось в сложных демографических процессах и повлияло на этнический состав населения погоста. Влияние элиты Неревского конца Великого Новгорода в Ки́рьяжском погосте прослеживается по берестяным грамотам с конца XIV в. со стороны боярского рода Мишиничей-Онцифировичей. Содержание новгородских берестяных грамот № 286, 278, 130, 403, 248, 249 подтверждает экономические интересы новгородцев к пушным и рыбным ресурсам побережья Ладоги и Сайменской озерной системы⁴. Влияние Неревской группировки бояр Великого Новгорода сохранялось в Ки́рьяжском погосте до конца новгородской независимости. Так, один из наиболее видных новгородских государственных деятелей второй половины XV столетия боярин Василий Александрович Казимир имел доход, получаемый с ки́рьяжских деревень, известных соколиным промыслом, лососевыми ловлями и кузнечным производством⁵.

Дальнейшее экономическое развитие территории на протяжении XIV–XVII вв. сдерживалось из-за частых приграничных конфликтов и войн. После включения в 1478 г. Новгородской земли в состав Русского централизованного государства и проведения административных реформ, границы и поселенческие центры Ки́рьяжского погоста прослеживаются по писцовым материалам.

Археологические памятники на территории погоста
(даны в хронологической последовательности)

Куркиёки-Лопотти. Памятник исследовался Я. Аппельгреном в конце XIX в., в 1981 г. введён в отечественную научную литературу как Лопотти⁶. Невысокая

⁴ Бельский С. В. Моги́льник Кюлолахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2005–2009 гг.). СПб., 2012. С. 184–196. URL: <https://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/05/978-5-02-038311-1> (17.12.2022); Петрова М. И. Деревни Ки́рьяжского и Кюлолакшского погостов в новгородских берестяных грамотах № 130, 248, 249, 278, 286, 403 // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2019. Вып. 33. С. 154–165; Она же. Жабий Нос в новгородской берестяной грамоте № 249 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1(79). С. 7–16. URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2020_1/part_2.pdf (16.12.2022).

⁵ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 года / Сообщ. д. ч. кн. М. А. Оболенским // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 12. С. 120–122. (Далее — Писцовая книга Водской пятины.)

⁶ Appelgren H. Suomen muinaslinnat: Tutkimus vertailevan muinaistieteen alalla. Helsinki, 1891 (=Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Vol. XII). S. 145–159. URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89963> (17.12.2022); Кочуркина С. И. Археологические памятники Корелы. Л., 1981. С. 66. Лопотти (*Lopotti*), по мнению

возвышенность (42 м), вытянутая в направлении север — юг (200 х 75–100 м), находится в петле р. Рахоланйоки, которая с северо-восточной стороны приняв воды р. Хейнйоки, под новым именем р. Куркийоки впадает в залив Ладожского озера (Рис. 2 и 3).

Рис. 2. Исторический центр п. Куркийёки (фото — М. И. Петрова).

Рис. 3. Вид с горы Линनावуори-Лопотти на центральную часть п. Куркийёки (фото — М. И. Петрова).

топонимистов, — это несколько изменённое русское слово «слобода»: Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010. С. 52–62.

Выявленный погребальный инвентарь позволяет утверждать, что здесь в начале X в. были погребены по обряду трупосожжения мужчина-воин (или двое, если исходить из количества боевого оружия) и две женщины. По мнению П. Уйно, в могильнике могли быть погребены пять и шесть персон: двое или трое мужчин, столько же женщин и ребёнка⁷.

Судить об этнической принадлежности погребённых трудно, поскольку обряд захоронения не ясен. Найденные предметы вооружения (мечи, наконечники копий) аналогичны оружию Северной Европы того времени. Некоторые украшения указывают на связи со Швецией, Финляндией, Прибалтикой.

Для исследования возвышенности в 1889 г. в Куркиёки вернулся Т. Швиндт. Он вскрыл северную часть, но подробностей о полевых работах не изложил, ограничившись перечислением найденных предметов: два фрагмента цепочек из двойных колечек, обломки нескольких узких пластинчатых неорнаментированных спиралевидных браслетов и неопределённых изделий (цветной металл), железная фибула со спирально свёрнутыми концами, две целых и половинка третьей сердоликовых бусин, кусочки шлаков, глиняной обмазки, фрагменты гончарной керамики, кости. Вполне возможно, что часть вещей происходит из разрушенного могильника, поэтому в слова Т. Швиндта о том, что эти находки сделаны в северной части горы, не верится, так как в северной части горы Лопотти в процессе крупномасштабных раскопок предметов X в. не выявлено.

Могильник Кууппала относится к числу редких памятников начала II тыс. н. э. на северном побережье Ладожского озера. Включение археологического объекта в круг памятников Ки́рьяжского погоста, хотя он и удалён от его центра, обусловлено тем, что кладбище в Кууппала, вполне вероятно, использовалось жителями центрального поселения⁸.

В Кууппала по обряду трупосожжения X–XII вв. погребены не менее пяти мужчин-воинов с конским снаряжением, возможно, одно женское. Все они были разрушены более поздними погребениями по обряду трупоположения, а также в процессе освоения возвышенности сельским населением, когда в их поколении информация о могильнике уже отсутствовала.

⁷ Uino P. Viikinkiaika n. 800–1000 jKr. // Viipurin läänin historia I: Karjalan synty / Päätoim. H. Sihvo, Y. Kaukainen; toim. M. Saarnisto. [Lappeenranta], 2003. S. 330.

⁸ Кочуркина С. II. Могильник Кууппала (пос. Куркиёки Республика Карелия): новые материалы // Археологические вести. СПб., 2019. Вып. 25. С. 185–191. URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/AV_25.pdf (17.12.2022); Кочуркина С. II., Сумманен II. М. Средневековые древности: Каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН: (Памятники Юго-Восточного Приладожья, бассейнов Онежского озера и Белого моря). Петрозаводск, 2021. С. 243 (Рис. 134), 244 (Рис. 135); Сакса А. II. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб, 2010. С. 246–254.

На памятнике найдены вещи, не входящие в классический набор погребального ритуала: клюкарза, пробойники (3), зубила (3), цилиндрический замок, рыболовный крючок, свидетельствующие, вероятно, о следах поселения, существовавшего после того, когда возвышенность перестала использоваться под захоронения.

Осенью 1866 г. житель д. Куупшала обнаружил под камнем «несколько сотен монет». В руки исследователей попало менее 100 монет, среди которых описаны восточные, немецкие, англосаксонские, ирландские, датские, венгерские. По датировке младших монет время зарытия клада приходится на 1070 г.

Могильник Сяккимяки (*Lopotti-Säkkimäki*) (Рис. 4). Под камнями вскрыто трупосожжение с вещами. Это две овально-выпуклые фибулы типа Н НВ: 2а и две подковообразные (одна из них выпуклая карельского типа), бронзовые бусы, нож с литой орнаментированной рукоятью в кожаных ножнах, копоушка с орнаментом пальметта (2053: 1-5)⁹, ладьевидный браслет (2616: 5). Когда Т. Швиндт начал раскопки, то нашёл железное кольцо, бронзовый цепедержатель, ключ, точильный брусок, втульчатый наконечник копья, медный котелок, фрагменты посуды и кости овец (2644: 1-13). В 1928 г. в Национальный музей Финляндии поступил фрагмент ножа (8904)¹⁰.

Рис. 4. Гора Сяккимяки (фото — М. И. Петрова).

⁹ Здесь и далее — шифр артефактов из коллекции Национального музея Финляндии (*Kansallismuseo*).

¹⁰ Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017. С. 208; Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors, 1924 (=Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja=Finska fornminnesföreningens tidskrift. Vol. XXXIV. No. 3 — пагинация отдельная). S. 154. URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89957> (17.12.2022); Uino P. Ancient Karelia: Archaeological Studies = Muinais-Karjala: Arkeologisia tutkimuksia. Helsinki, 1997 (=Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Vol. 104). S. 243.

Городище Лопотти. В районе пос. Куркиёки на невысокой возвышенности Лопотти в XV–XVI вв. было построено городище. Площадь поселения около 500 кв. м (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С. И. Кочкуркиной раскопано 444 кв. м). Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защищающих возвышенность с трёх сторон, существовала внутренняя — из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 кв. м имели печи-каменки в северо-восточном углу. Под юго-восточным углом фундамента при раскопках обнаружено сланцевое тесло, датирующееся поздним мезолитом или ранним неолитом. Видимо, положено оно под угол фундамента с какими-то ритуальными целями.

Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперёк возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые одной стороной примыкали к общей каменной стене. Среди немногих находок — единичные украшения, стамески, гвозди, железные накладки, ключи, точильные бруски — нет таких, по которым можно установить точный период существования, поэтому городище Лопотти датируется приблизительно XV–XVI вв., но может быть, и более поздним временем¹¹.

Каталог археологической коллекции Куркиевского краеведческого центра был впервые описан С. И. Кочкуркиной в 2020 г. Каталог насчитывает 391 предмет. Он включает предметы X–XII вв. (67); XIII–XIV вв. (они характеризуют древнекарельский период в истории края) (54); предметы, датированные эпохой Средневековья (40), а также изделия, характеризующие Новое время (230 предметов). Большинство из них составляют случайные находки, обнаруженные в окрестностях п. Куркиёки, среди которых есть типичные и уникальные вещи (Приложение 1).

Ядро Ки́рьяжского погоста в XV–XVI вв.

К концу XV в. обширная территория Ки́рьяжского погоста включала несколько областей, отличающихся природными и климатическими условиями. Древнейший пласт составляли прибрежные поселения, сосредоточенные вдоль береговой линии Ладожского озера в приустьевых зонах рек, в оконечностях заливов, на островах и архипелагах. Юго-западная часть входила в ядро Корельской земли, где имелись лучшие условия для развития земледелия и сходились важнейшие пути. Северо-восточная область охватывала протяжённую береговую линию Ладожского озера. Концентрация поселенческих центров приходилась на приустьевые зоны рек.

¹¹ Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища... С. 62–66.

Ценным источником, раскрывающим структуру Кирьяжского погоста, является Писцовая книга Водской пятины 1499/1500 гг.¹² В документе зафиксирована владельческая ситуация, сложившаяся к концу новгородского периода до секуляризации земель у новгородского владыки, монастырей и новгородских бояр, и отражающая положение дел на время переписи.

Со времени заключения Ореховецкого мира (1323) до конца XV в. владельческая ситуация в Корельской земле претерпела значительные изменения. К концу новгородской независимости большая часть земель Новгородской республики представляла собой систему вотчин, за исключением территорий, закрепленных «за владыкой». Остатки древнего общинного землевладения, по мнению В. А. Янина, можно было бы найти в тех кормленых волостях, что были «за владыкой»¹³. Наглядно иллюстрирует подобную ситуацию Кирьяжский погост, где земли, бывшие «за владыкой» представлены исключительно чернокунскими волостями¹⁴.

После присоединения Новгородской земли к Московскому государству корельскому наместнику были переданы земли, изъятые у новгородского владыки в Корельском уезде. По новому письму, в Кирьяжском погосте насчитывалось 783 двора и 1053 лука, из них в чернокунских деревнях — 161 (20,6 %) двор, где проживало 135 (12,8 %) глав хозяйств¹⁵.

Центр Кирьяжского погоста находился в основании узкого залива Ладожского озера, протяжённостью 14 км. Системы трёх рек, впадавших в залив, соединяли Кирьяж с обширной сетью водно-волоковых путей погоста. Группа поселений образовалась при слиянии рек Кирьяж и Хийенйоки (Хейнйоки). Водно-волоковая сеть р. Сошковой (или Соскуанйоки — *Soskuanjoki*) объединяла деревни ладожского побережья с северными территориями (Приложение 2)¹⁶.

Кирьяжский погост был разделён на две группы податных округов: волости великого князя «за наместником за корельским»¹⁷ и чернокунские волости «что были за владыкою, а ныне приданы наместнику корельскому»¹⁸. К первой группе относилась территория древнего заселения береговой полосы Ладожского озера, разделённая родовыми границами.

¹² Писцовая книга Водской пятины. С. 120–143.

¹³ Янин В. А. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 202.

¹⁴ Петрова М. И. Чернокунские волости Кирьяжского погоста Корельского уезда к концу XV в. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2020. Вып. 16. С. 111–126.

¹⁵ Писцовая книга Водской пятины. С. 120–143.

¹⁶ Петрова М. И. Реконструкция водно-волоковых путей Кирьяжского погоста по новгородским берестяным грамотам и писцовым книгам XV–XVI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2021. Вып. 34. С. 165–171.

¹⁷ Писцовая книга Водской пятины. С. 122.

¹⁸ Там же. С. 134.

Правый берег реки Ки́рьяж: Деревня под Городищем, Койгуево у погоста, Лайдикола, Рагола

В Писцовой книге 1500 г. в Ки́рьяжском погосте упомянута церковь Рождества Богородицы с причтом: поп Кузьма, дьяк церковный Гаврилка, сторож церковный Лучка, проскурница Орина¹⁹. Церковные земли располагались в соседней деревне Рагола²⁰. Перечень Казимировских земель следует сразу после перечисления причта церкви: «В Ки́рьяжском же погосте великого князя деревни оброчные Казимировские, а приданы к городу Кореле судом и оброком и всем, опричь обежной дани»²¹. Новгородский посадник Василий Александрович Казимир (Казимер)²² был одним из наиболее видных новгородских государственных деятелей второй половины XV столетия. Казимировские деревни имели наиболее выгодное географическое положение на пересечении торговых путей. Так, д. Кууппола располагалась на полуострове между устьем реки Сошковой и заливом Очелакша напротив устья реки Ки́рьяж. Помимо ценных ловчих птиц в д. Кууппола и кузнечных изделий в д. Сандалакше, Василий Казимир получал доход с лососевых ловлей в устье реки Ажила, а также пушнину с севера Иломанского погоста.

Приустьевую часть реки Ки́рьяж занимали малодворные деревни: «Ладикола на лахте на Ладикольской» (двенадцать луков) и Ладикола (два лука)²³. На карте 1646 г., созданной предположительно Эриком Андерссоном Уттером, д. Лайдикола (*Laikala*) помещена на берегу залива к югу от «Деревни под Городищем» (*Potgåroditzä*)²⁴. Д. Лайдикола упоминается в новгородской берестяной грамоте № 278²⁵. Топонимический след остался в названии залива Лайккаланлахти.

Залив Очелакша (Отсанлахти), долины рек Рагола и Хийенйоки (Хейнйоки): деревни Очелакша, Погици, Гиемкумба, Рагула, Гахкола

По писцовым материалам хорошо видна связь между ядром погоста и его периферийными областями, объединёнными водно-волоковыми путями. Так, ядро Очелашской перевары, название которой происходит от залива и одноимённой д. Очелакша (Вочелакша), находилось в центре Ки́рьяжского погоста и включало

¹⁹ Там же. С. 120.

²⁰ Там же. С. 143.

²¹ Там же. С. 120.

²² В источниках встречается написание как Казимир, так и Казимер.

²³ Писцовая книга Водской пятины. С. 126, 127.

²⁴ Riksarkivet, Stockholm. Lantmäteristylelsen. Ser. 2. Lantmäteristylelsens leverans 1850. Vol. 1. Nr 109 (=SE/RA/420571/02/1/0109:00001): Geographisch afriktningh uppå Kürck-Jocki pogost i Kexholms Norre lähn, anno 1646. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0002172_00001 (17. 12. 2022).

²⁵ *Арциховский А. В.* Грамоты № 195–318 // *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. Т. 5. С. 105. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/library/book/96/> (17.12.2022).

ещё три прибрежные деревни Погици, Рагула, Гахкола. В крупной деревне Вочелакша (Очелакша) насчитывалось 27 дворов (47 луков). Владельцами общих дворов, как правило, были близкие родственники: «Ивашко Куземкин сын Воронцово, да зять его Макар Омосов, Захарко Ескин, брат его Фомка Гамелевы, Спирко, да Федко, да Лоривонко Васьковы дети Игамелевы, Сидко Еськин сын Веледыхина, Ивашко Обонежанин да сын его Родионко, Офонаско Левков»²⁶. Земли Очелашской перевары включали часть прибрежных деревень ядра Ки́рьяжского погоста и отдалённые деревни в обширных лесных массивах по долинам Хийенйоки (приток р. Ки́рьяж) и р. Сошковой. Выходцы из прибрежных деревень Очелашской перевары закрепились в опорных пунктах вдоль водно-волоковых путей, ведущих к Сайменской системе озёр и далее — на север.

Приустьевая часть р. Сошковой: группа деревень Сошково, Гирокала (Рис. 5)

Монастыри Корельской земли, известные по Писцовой книге Водской пятины 1500 г., имели землевладения в трёх уездах: Корельском, Ореховском и Ладожском. Пятая часть от всех владений Корельских монастырей в Водской пятине приходилась на Ки́рьяжский погост. В целом, по новому письму, монастыри имели в Ки́рьяжском погосте 69 дворов, в которых проживало 100 глав хозяйств²⁷. Жители прибрежных и островных деревень Ки́рьяжского погоста были вовлечены в духовную и хозяйственную деятельность ближайших монастырей: Спасского Валаамского, Богородицкого Коневского, Ивановского и Никольского из Корельского городка²⁸. Монастырские владения располагались в ключевых пунктах водно-волокового пути, соединявшего Ки́рьяжский погост с северными территориями и торговыми поселениями вдоль береговой линии Ладожского озера²⁹.

Владения Валаамского монастыря простирались к востоку и северо-востоку от острова Кильпола. Крупное хозяйство на десять луков располагалось

²⁶ Писцовая книга Водской пятины. С. 137.

²⁷ После присоединения Новгородской земли к Московскому государству в Корельском уезде изъятые земли новгородского владыки были переданы корельскому наместнику. Процесс секуляризации в большей части здесь не затронул монастырские владения. По этой причине по письму 1499 г. самыми богатыми монастырями по количеству земли в Водской пятине были Спасский Валаамский (230 и 1/2 обож) и Богородицкий Коневский (208 и 1/2 обож), Никольский Вяжицкий (139 и 1/2 обож) и Спасский Хутынский (68 обож). См.: *Сергий (Тихомирлов)*, архим. Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. С. 340.

²⁸ В городе Корела располагались также Воскресенский и Юрьев монастыри, землевладения которых находились в погостах Передней Корелы.

²⁹ *Петрова М. И.* Монастыри Карелии в Ки́рьяжском погосте к концу XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 26–45. URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2021_1/part_3.pdf (17.12.2022).

в д. Гирокала³⁰ на реке Сошковой у крепостной горы Линнамяки³¹. В XVI в. на пороге реки стояла мельница³².

Рис. 5. Вид с горы Линнамяки на деревню Соскуа (Сошково)
(фото — М. И. Петрова).

Таким образом, содержательная информативная база археологических и письменных источников, данные исторической географии, идентификация и локализация географических названий, топонимов, упомянутых в русских

³⁰ Гирокала — *Hirokala*, от *hiirakko*, *hiirikka*, *hiirakas* ‘чалая лошадь’. См.: Трусман Ю. Ю. Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Ревель, 1898. Ч. 1. Пятины Водьская, Деревская и Шелонская. С. 58. Микротопоним отмечен в д. Соскуа на финляндской топографической карте 1939 г.: *Topografinen kartta* (4114 12) Kurkijoki. Helsinki: Maanmittaushallitus, 1939.

³¹ О городище Соскуа-Линнамяки см.: Кочуркина С. И. Древнекарельские городища... С. 89–97.

³² Отказная книга № 218/982 // Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Ч. 2. Документы Поместного стола новгородской Съезжей избы XVI века. С. 389 (№ 38. Погост Воскресенский Соломенский. Книги оброчные мельничные). URL: <http://elibrary.ru/nodes/14540-t-2-novootkrytye-dokumenty-pomestno-votchinnyyh-uchrezhdeniy-moskovskogo-tsarstva-1909> (17.12.2022).

летописях и новгородских берестяных грамотах, позволяет доказательно установить непрерывную линию развития поселенческой структуры с X–XI до XVII в.

Приложение 1. Предметы из археологической коллекции Муниципального бюджетного учреждения культуры «Куркиёкский краеведческий центр»

Массивный браслет (Рис. 6).

Рис. 6. Массивный бронзовый браслет (Коллекция МБУК «Куркиёкский краеведческий центр»).

В научной литературе, как в отечественной, так и зарубежной, эта категория оригинальных украшений не была обойдена вниманием, но относительно их происхождения, ареала, конструктивных особенностей были высказаны некоторые спорные суждения³³. В финляндской научной литературе такие изделия названы

³³ Кочуркина С. И. Ладьевидные так называемые энколпиобраслеты: ареальные особенности // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 28. С. 329–334. URL: <https://www.archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/arheologicheskie->

enkolpio-браслетами³⁴. Но термин, по нашему мнению, неудачен, так как противоречит назначению предмета. Известно, что на Руси энколпионы использовались для хранения частиц христианских реликвий, но изделия X в., о которых мы рассуждаем, вряд ли могли использоваться с этой целью. По традиции такие браслеты считаются чисто карельскими, поскольку за пределами Карелии и приграничной территории Саво они не встречены³⁵.

Массивных бронзовых браслетов с полый средней частью, закрывающейся ажурной вставкой, и зауженными, свободными концами в Северо-Западном Приладожье найдено 23 экз., из них два в Саво, вблизи современной границы Финляндии и Карелии. Они изготовлены, как и другие изделия рубежа X–XI вв. (например, равноплечие фибулы), из свинцовых латуней³⁶. Исследователями отмечено, что в ювелирных мастерских Северо-Запада и Северо-Востока Руси в VIII–XI вв. латуни были главным материалом для изготовления украшений и бытовых изделий. За пределами Древней Руси латунь характерна для Восточной Пруссии, Прибалтики, Швеции. В самой представительной новгородской серии анализов доля латуней в X — начале XII в. составляет 67 %³⁷. В Северо-Западном Приладожье доля латуней не превышает 18 %, что объясняется, скорее всего, небольшим количеством изделий X–XI вв.

Возможно, в X–XI вв. средневековая Карелия находилась в обширном ареале латунных сплавов, в который входили материковая Швеция и Готланд, Прибалтика, северо-западные и северо-восточные регионы Древней Руси. Вероятнее всего, медно-цинковые сплавы, полученные из сырья рудников в районе Верхнего Мааса и Вестфалии, поступали на Русь через Скандинавию и Прибалтику³⁸. Связи Карелии с Прибалтикой и Швецией в IX–XI вв. документируются многочисленными находками вещей западного происхождения из погребальных памятников Карельского перешейка³⁹.

vesti-in-t-istorii-materialnoi-kultury-ran.-2014-vyp.-28-gl.-red.-n.-v.-hvoshinskaya.-2014-spb.-2020.-2014-463-c.-il/view (17.12.2022).

³⁴ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. Abb. 752.

³⁵ *Korkeakoski-Väisänen K.* Manner-Suomen viikinki ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka. Turku, 1981 (=Karhunhammas. Vol.5).

³⁶ *Кочуркина С. И., Ениосова Н. В.* Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV века: ареал, датировка, химический состав // Труды КарНЦ РАН. Сер. «Гуманитарные исследования»: Вып. 1. 2010. № 4. С. 24–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnekarelskie-yuvelirnye-izdeliya-iz-tsvetnogo-i-dragotsennogo-metalla-x-xv-vekov-areal-datirovka-himicheskij-sostav> (17.12.2022).

³⁷ *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М., 2008. С. 133–135 (Табл. 3.1).

³⁸ Там же. С. 155.

³⁹ *Кочуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 18–25.

Отметим некоторую связь изделий Северо-Западного и Юго-Восточного Приладожья: крышки от браслетов, найденных на городище Паасо по длине и ширине идентичны таковым из оятских курганов, но отличаются некоторыми деталями орнамента и диаметром отверстий в них. Объяснить это явление пока не представляется возможным. Может быть, такие престижные вещи, как ладьевидные браслеты, изготавливались на заказ в какой-то высокого класса ювелирной мастерской, откуда они на рубеже X–XI вв. попали на территорию северо-западной Руси.

Наконечник ножен меча (Рис. 7)

Рис. 7. Наконечник ножен меча (Коллекция МБУК «Куркиёкский краеведческий центр»).

Целиком сохранившийся *наконечник ножен меча* обнаружен при земляных работах в Рахола (окрестности пос. Куркиёки) (Рис. 7). Этот ажурный, с двумя разной высоты боковыми выступами и ножкой-приливом (7,5 x 4,4 x 1,2 см), аналогичен наконечнику первой половины XIII в, обнаруженному в Троицком VIII раскопе Великого Новгорода: «В центре орнаментальной композиции расположена вписанная в медальон трехлистная фигура, боковые листья которой оформлены в виде завитков, а верхний представляет собой петлю на закрученной ножке». Как осторожно предположили исследователи, наконечник ножен мог быть изготовлен в средневековом Великом Новгороде⁴⁰.

Спиралевидные цепедержатели (Рис. 8)

Для женского костюма средневекового населения Северо-Западного Приладжья на протяжении длительного времени были характерны два комплекта нагрудных украшений, в которые входили фибулы, Ф-образные пронизки, цепедержатели с подвешенными к ним на цепочках ножами, копоушками и т. д. Ранее из-за недостатка фактического материала, были определены только два типа цепедержателей: спиралевидные и ажурные крестовидной формы⁴¹. Появление новых археологических находок, в первую очередь спиралевидных, дают возможность пересмотреть их классификацию, ареал и датировку⁴². Чётко выделяются три варианта. Все изделия отлиты из цветного металла по восковой модели.

Вариант I (Рис. 8:2). На лицевой стороне изображены два спиралевидных круга; иногда они соприкасаются, в других изделиях разделены геометрическими деталями орнамента, внизу — три овально-круглых отверстия, обратная сторона гладкая. В Северо-Западном Приладжье найдено десять экземпляров. Размеры их варьируются от 4,4 x 4,3 см до 5 x 4,75 см. За исключением экземпляра из могильника с трупосожжениями Кууппала, датирующегося XI–XII вв., остальные — случайные находки.

Вариант II. Между двумя спиралевидными кругами располагается вытянутая вверх овальная петля, внизу три сквозных отверстия. Обратная сторона гладкая (Рис. 8:3). В Северо-Западном Приладжье на сегодняшний день имеется

⁴⁰ Каинов С. Ю., Авдеенко Е. Е. Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) // Археологические вести. СПб., 2012. Вып. 18. С. 149. URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/AV_18.pdf (17.12.2022).

⁴¹ Кочуркина С. II. Древняя корела. С. 112–113.

⁴² Она же. Спиралевидные цепедержатели в древнекарельском костюме // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. 2021. Вып. 34. Материалы XXXIV научной конференции, посвященной памяти Е. Н. Носова. Великий Новгород, 28–30 января 2020 г. С. 172–175.

16 экземпляров. Известны почти квадратные изделия (4 x 4 см), маленькие (3,7 x 3,9), у некоторых предметов ширина больше высоты (4 x 4,3 см).

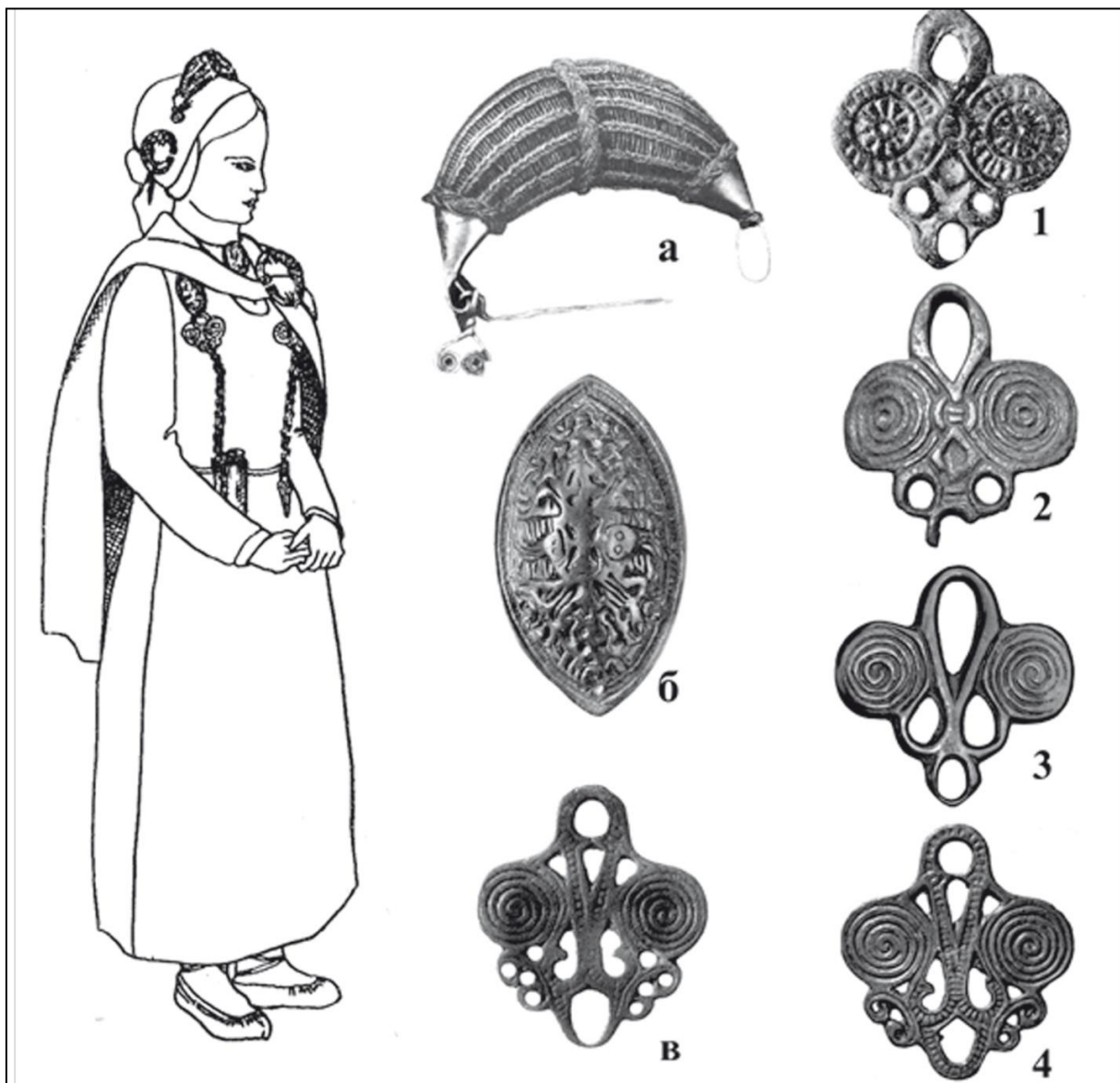

Рис. 8. Реконструкция женского костюма из погребения на Карельской перешейке (раскопки Т. Швиндта): а — сюкерё, б — овално-выпуклая фибула, в — цепедержатель: 1–4 — варианты цепедержателей
(Кочуркина С. И. Спиралевидные цепедержатели в древнекарельском костюме. С. 173 (Рис. 1)).

Основная масса цепедержателей варианта II в настоящее время находится в Куркиёвском краеведческом центре (двенадцать экземпляров), три экземпляра происходят из погребений могильника Куупшала (окрестности пос. Куркиёки), Кекомьяки, Саккола (два последних могильника известны по раскопкам Т. Швиндта на Карельском перешейке). В большом количестве (около 50 экз.) они найдены

на территории Финляндии⁴³. Встречаемость этого варианта цепедержателей с ранними типами овально-выпуклых фибул позволяет датировать спиралевидные цепедержатели XII в.

Вариант III. Спиралевидные усложненной формы: вытянутая петля с дополнительными по бокам отверстиями располагаются между двух спиралей. Во второй части цепедержателя, ниже спиралевидных кругов, имеются ещё три отверстия, по бокам которых располагаются скобки с завитками (вариант а — *Рис. 8:4*) или вместо них три сквозных отверстия (вариант б — *Рис. 8:6*). Все внешние границы отверстий подчеркнуты выпуклыми вертикальными короткими столбиками. На изделиях варианта III отчётливо видно, что левая спираль из центра идёт слева направо, правая — справа налево. Изделия отличаются высококачественным исполнением. Некоторые цепедержатели, по-видимому, изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы, так как имеют серебристый оттенок.

На Карельском перешейке и на северном побережье Ладожского озера найдено 28 изделий этого варианта, одному цепедержателю — в Орешке в слое XIV в.⁴⁴ и в Новгороде⁴⁵. В основном они присутствовали в погребениях по обряду трупоположения, но есть и случайные находки. Размеры колеблются от 5 x 4,5 до 5,6 x 4,8 см. Декоративный вариант спиралевидных цепедержателей, по всей вероятности, следует считать типично древнекарельским изобретением и украшением (найлены на городище Терву-Линнасаари, XIII–XIV вв., за пределами Северо-Западного Приладожья, т. е. территории летописной корелы, они крайне редки.

В результате удалось представить новые находки цепедержателей в качестве важных деталей женского средневекового костюма, уточнить датировку изделий и этнокультурный ареал. Если более ранние изделия характерны для территории юго-восточной Финляндии и Северо-Западного Приладожья, то цепедержатели XIII–XIV вв. являются этноопределяющими изделиями средневекового древнекарельского костюма.

⁴³ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Abb.767.

⁴⁴ *Кильдюшевский В. II.* Карельские вещи из раскопок древнего Олонца // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2008. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 75–87 (Рис. 1:8).

⁴⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 33 (Рис. 10:3).

**Приложение 2. Таблица. Деревни ядра Кирьяжского погоста:
приустьевая зона рек Кирьяж и Сошковой; Рекольский залив.**

№	деревня
Кирьяжская перевара	
1	д. Рекола Микулино
2	д. Рекольская весь
3	д. Ловгола в Рекале
4	д. Каллила в Рекале
5	д. Гемелакша
6	д. Гемелакша же в Лахте
7	д. Рагола
8	д. Герела за рекою за Раголою
9	д. Гахкола
10	д. Очелакша
11	д. Койгуево у погоста
12	д. Ладикола на лахте на Ладикольской
13	д. Мензуева Погица
14	д. Погицы
15	д. Нивкола на реце на Кирьеше
16	д. Подгородищем
17	д. Ладикола
18	д. на Гиемкумбе
Перевара Лапилашская и Сошковская	
19	д. Оллила на реце на Сошкове за лахтою
20	д. Сошково за лахтою
21	д. Сошково же на другой стороне реки
22	д. Сошково на той же стороне
23	д. Очелакша (часть)
Чернокунская перевара Очелашская	
24	д. Вочелаша
25	д. Погици
26	д. Рагула
Владения Валаамского монастыря	
27	д. Гирокала
Великого князя деревни оброчные, Казимировские	
28	д. Куупшала

Список литературы

Арциховский, А. В. Грамоты № 195–318 / А. В. Арциховский // Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.) / А. В. Арциховский, В. И. Борковский. — Москва : Академия Наук СССР, 1963. — Т. 5. — С. 3–166. — URL: <http://gramoty.ru/birchbark/library/book/96/>. — (17.12.2022).

Бельский, С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2005–2009 гг.) / С. В. Бельский. — Санкт-Петербург : Наука, 2012. — 239 с. — URL: <https://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/05/978-5-02-038311-1>. — (17.12.2022).

Ениосова, Н. В. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. — Москва : Восточная литература, 2008. — С. 107–188.

Каинов, С. Ю. Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) / С. Ю. Каинов, Е. Е. Авдеев // Археологические вести. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2012. — Вып. 18. — С. 145–148. — URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/AV_18.pdf. — (17.12.2022).

Кильдюшевский, В. И. Карельские вещи из раскопок древнего Олонца / В. И. Кильдюшевский // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. — Санкт-Петербург : ИИМК РАН ; СЗИ Наследия, 2008. — Вып. 2. Древности Ижорской земли. — С. 75–87.

Кочуркина, С. И. Археологические памятники Корелы / С. И. Кочуркина. — Ленинград : Наука, 1981. — 160 с.

Кочуркина, С. И. Древняя корела / С. И. Кочуркина. — Ленинград : Наука, 1982. — 216 с.

Кочуркина, С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья / С. И. Кочуркина. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. — 264 с.

Кочуркина, С. И. Археология средневековой Карелии / С. И. Кочуркина. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2017. — 277 с.

Кочуркина, С. И. Могильник Куушпала (пос. Куркиёки Республика Карелия): новые материалы / С. И. Кочуркина // Археологические вести. — Санкт-Петербург, 2019. — Вып. 25. — С. 185–191. — URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/AV_25.pdf. — (17.12.2022).

Кочуркина, С. И. Ладьевидные так называемые энколпиобраслеты: ареальные особенности / С. И. Кочуркина // Археологические вести. — СПб., 2020. —

Вып. 28. — С. 329–334. — URL: <https://www.archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/arheologicheskie-vesti-in-t-istorii-materialnoi-kultury-ran.-2014-vyp.-28-gl.-red.-n.-v.-hvoshchinskaya.-2014-spb.-2020.-2014-463-c.-il/view>. — (17.12.2022).

Кочуркина, С. И. Спиралевидные цепедержатели в древнекарельском костюме / С. И. Кочуркина // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Великий Новгород : Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2021. — Выпуск 34. Материалы XXXIV научной конференции, посвященной памяти Е. Н. Носова. Великий Новгород, 28–30 января 2020 г. — С. 172–175.

Кочуркина, С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV века: ареал, датировка, химический состав / С. И. Кочуркина, Н. В. Ениосова // Труды КарНЦ РАН. Сер. «Гуманитарные исследования» : Вып. 1. — 2010. — № 4. — С. 24–33. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnekarelskie-yuvelirnye-izdeliya-iz-tsvetnogo-i-dragotsennogo-metalla-x-xv-vekov-areal-datirovka-himicheskij-sostav>. — (17.12.2022).

Кочуркина, С. И. Археология и история Кирияжского погоста. Формирование поселенческой структуры / С. И. Кочуркина, М. И. Петрова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 4 (181). — С. 11–18. — URL: <https://uchzap.petrso.ru/journal/article.php?id=325>. — (16.12.2022).

Кочуркина, С. И. Средневековые древности : каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН : (памятники Юго-Восточного Приладожья, бассейнов Онежского озера и Белого моря) / С. И. Кочуркина, И. М. Сумманен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021. — 296 с.

Петрова, М. И. Деревни Кирияжского и Кюлолакшского погостов в новгородских берестяных грамотах № 130, 248, 249, 278, 286, 403 / М. И. Петрова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Великий Новгород : Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2019. — Вып. 33. — С. 154–165.

Петрова, М. И. Жабий Нос в новгородской берестяной грамоте № 249 / М. И. Петрова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2020. — № 1 (79). — С. 7–16. — URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2020_1/part_2.pdf. — (16.12.2022).

Петрова, М. И. Чернокунские волости Кирияжского погоста Корельского уезда к концу XV в. / М. И. Петрова // Новгородский архивный вестник. — Великий Новгород : Департамент культуры и туризма Новгородской области, 2020. — Вып. 16. — С. 111–126.

Петрова, М. И. Монастыри Карелии в Кирияжском погосте к концу XV в. / М. И. Петрова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2021. — № 1 (83). — С. 26–45. — URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2021_1/part_3.pdf. — (17.12.2022).

Петрова, М. И. Реконструкция водно-волоковых путей Кирияжского погоста по новгородским берестяным грамотам и писцовым книгам XV–XVI вв. / М. И. Петрова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. —

Великий Новгород : Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2021. — Вып. 34. — С. 165–171.

Сакса, А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. : происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли / А. И. Сакса. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. — 400 с.

Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. — Москва : Наука. 1981. — 196 с.

Сергий (Тихомиров), архим. Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни) / архим. Сергей (Тихомиров). — Санкт-Петербург : тип. М. И. Акинфиева, 1905. — 598 с.

Трусман, Ю. Ю. Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах / Ю. Ю. Трусман. — Ревель : тип. Г. Матизена, 1898. — Ч. 1. Пятины Водская, Деревская и Шелонская. — 376 с.

Янин, В. Л. Новгородская феодальная вотчина : (историко-генеалогическое исследование) / В. Л. Янин. — Москва : Наука, 1981. — 296 с.

Appelgren, H. Suomen muinaslinnat : tutkimus vertailevan muinaistieteen alalta / H. Appelgren. — Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1891. — 237 s. — (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Vol. XII). — URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89963>. — (17.12.2022).

Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text / E. Kivikoski. — Helsinki : Weilin + Göös, 1973. — 153 S.

Korkeakoski-Väisänen, K. Manner-Suomen viikinki ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka / K. Korkeakoski-Väisänen. — Turku : Turun yliopisto. Kulttuurien tutkimuksen laitos. Suomalainen ja vertaileva arkeologia, 1981. — 195 s. — (Karhunhammas. Vol.5).

Nordman, C. A. Karelska järnåldersstudier / C. A. Nordman. — Helsingfors : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1924. — 200 s. — (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja=Finska fornminnesföreningens tidskrift. Vol. XXXIV, no. 3). — URL: <https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89957> (17.12.2022).

Uino, P. Ancient Karelia : Archaeological Studies = Muinais-Karjala : arkeologisia tutkimuksia / P. Uino. — Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1997. — 426 p.

Uino, P. Viikinkiaika n. 800–1000 jKr. / P. Uino // Viipurin läänin historia I : Karjalan synty / päätoim. H. Sihvo, Y. Kaukainen ; toim. M. Saarnisto. — [Lappeenranta] : Karjalan kirjapaino, 2003. — S. 313–382.

ДЖАКсон Татьяна Николаевна / JACKSON Tatjana N.

Институт всеобщей истории РАН / Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Россия, Москва / Russia, Moscow

Tatjana.Jackson@gmail.com

**«ОКОНЧАНИЕ МОРСКОГО ЗАЛИВА» И «МОРЕ ТУМАНОВ»:
НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ СКАНДИНАВОВ
О СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ**

HAFSBOTN AND DUMBSHAF:

SOME OLD NORSE-ICELANDIC IDEAS OF THE ARCTIC OCEAN

Abstract: The article deals with several placenames that occur in Old Norse texts denoting waters and territories outside the inhabited lands north of Norway. The combination of real knowledge and geographical discoveries with the idea of the North that seemed to be the abode of hostile forces and mythological creatures, led to the fact that the North Atlantic and the Arctic Ocean appear in a wide range of Old Norse sources of different genres and written down at different times in the form of a large sea bay that consisted of separate seas and was surrounded by lands stretching from the European North through Greenland and North America all the way to Africa, where both real and marvelous peoples lived.

Ключевые слова / Keywords: Северный Ледовитый океан, северная Атлантика, памятники древнескандинавской письменности, географические представления, ментальная карта, историческая география, мифологические представления / Arctic ocean, North Atlantic, Old Norse-Icelandic literature, geographical ideas, mental map, historical geography, mythological ideas

Памятники древнескандинавской письменности зафиксировали весьма любопытное представление о Северном Ледовитом океане. В этих сочинениях он превратился из части мирового океана, омывающего, по мнению раннесредневековых географов, круглую плоскую землю («земной круг»), в залив этого океана. Изменения были следствием продвижения человека в северном и восточном направлениях и расширения известных и/или обитаемых пространств. Как отметил Г. Сторм, до того как людям стала хоть в какой-то степени понятна протяжённость Скандинавского полуострова в эти две стороны света, они должны были считать, что там, на самых отдалённых окраинах их собственных земель, на границе с мировой бездной, прозываемой в скандинавской мифологии *Гиннунгагап*, живут великаны¹. Но к концу IX в., когда житель Холугаланна Оттар обогнул Нордкап и добрался до Земли Бьярмов², легендарным персонажам пришлось подвинуться дальше на север, а Земля Великанов (*Ётунхейм*) оказалась отделена от Норвегии большим морем, на что намекал в 1070-е гг. Адам Бременский (IV. 40–41) и о чём говорил в начале XIII в. Саксон Грамматик (0.2.8)³. Автор анонимной латиноязычной хроники «История Норвегии», писавший в третьей четверти XII в.

¹ Storm G. Ginnungagap i Mythologien og i Geografien // Arkiv för nordisk filologi. 1890. Bd. VI. S. 344.

² См.: Ohthere's Voyages. A late 9th-century account of voyages along the coast of Norway and Denmark and its cultural context / Ed. by J. Batley, A. Englert. Roskilde, 2007.

³ Storm G. Ginnungagap. P. 344.

(т. е. веком позже Адама) и в значительной мере опиравшийся на его труд⁴, языческих и загадочных обитателей перенёс из Норвегии, Дании и Швеции («эти земли — слава Богу — населяют нынче христианские народы») ещё дальше в северо-восточную сторону: «К северу же за Норвегией с восточной стороны простираются многочисленные племена, преданные — о ужас! — язычеству, а именно: кирьялы и квенны, рогатые финны, и те и другие бьярмоны». Кроме того, из его рассказа следует, что когда какие-то мореплаватели собрались проплыть от Исландии до Норвегии, они попали в «зимнюю область» и прибились к берегу между гренландцами и бьярмами, где им встретились разные удивительные люди, а от этих последних, по его словам, «Гренландия отделяется скалами, покрытыми льдом»⁵. То есть, по мнению анонимного норвежского автора, между Гренландией и Землей Бьярмов (Беломорьем) не лежат (как думали Адам Бременский и Саксон Грамматик и как мы подумали бы сегодня, зная, что Гренландия — это остров) воды Северного Ледовитого океана, а располагается земля, на которой либо водятся странные обитатели, либо находятся ледяные горы. Далее он указывает, что за северной оконечностью Норвегии и Финнмарка (земли саамов) помещается «самый глубокий Северный Залив»⁶, явно имея в виду то же водное пространство, в которое попали упомянутые им выше путешественники. По мнению Л. Б. Мортенсена, «это мог быть фьорд, который в соответствии с идеей о том, как Гренландия связана с Европой, должен был находиться между этими двумя областями»⁷. Более того, из «Истории Норвегии» следует, что Гренландия «почти доходит до африканских островов»⁸. Та же мысль формулируется в географическом сочинении конца XII в. с условным названием «Описание Земли I», где сообщается, что «от Бьярмаланда тянутся через северную область незаселённые земли, пока не дойдут до Гренланда», к югу от которого лежат последовательно *Хеллуланд*, *Маркланд* и *Винланд* — земли в Северной Америке, открытые викингами. Здесь тоже упоминается Африка, до которой, «как думают некоторые люди», тянется Винланд. Весьма любопытно следующее умозаключение автора трактата: «и если это так, то вход из внешнего моря должен находиться между Винландом и Маркландом»⁹. Тем самым он

⁴ См.: Jackson T. N. The Far North in the Eyes of Adam of Bremen and the Anonymous Author of *Historia Norvegie* // The Medieval Globe. 2021. Vol. 7.1. P. 77—89.

⁵ *Historia Norvegie* / Ed. by I. Ekrem, L. B. Mortensen, trans. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 52, 54 (I, 6—7, 9—10): «Quas nunc partes — Deo gratias — gentes colunt christiane. Versus uero septemtrionem gentes perplures paganismo — pro dolor — inseruientes trans Norwegiam ab oriente extenduntur, scilicet Kyriali et Kweni, Cornuti Finni ac utrique Biarmones... Quidam tamen naute cum de Glaciali Insula ad Norwegiam remeare studuissent et a contrariis uentorum turbinibus in brumalem plagam propulsi, inter Viridenses et Biarmones tandem applicuerunt, ubi homines mire magnitudinis et Virginum Terram (que gustu aque concipere dicuntur) se reperisse protestati sunt. Ab istis uero Viridis Terra congelatis scopulis dirimitur» (перевод фрагментов «Истории Норвегии» — А. В. Подосинова).

⁶ Ibid. P. 56 (II, 10): «profundissimus Septemtrionalis Sinus».

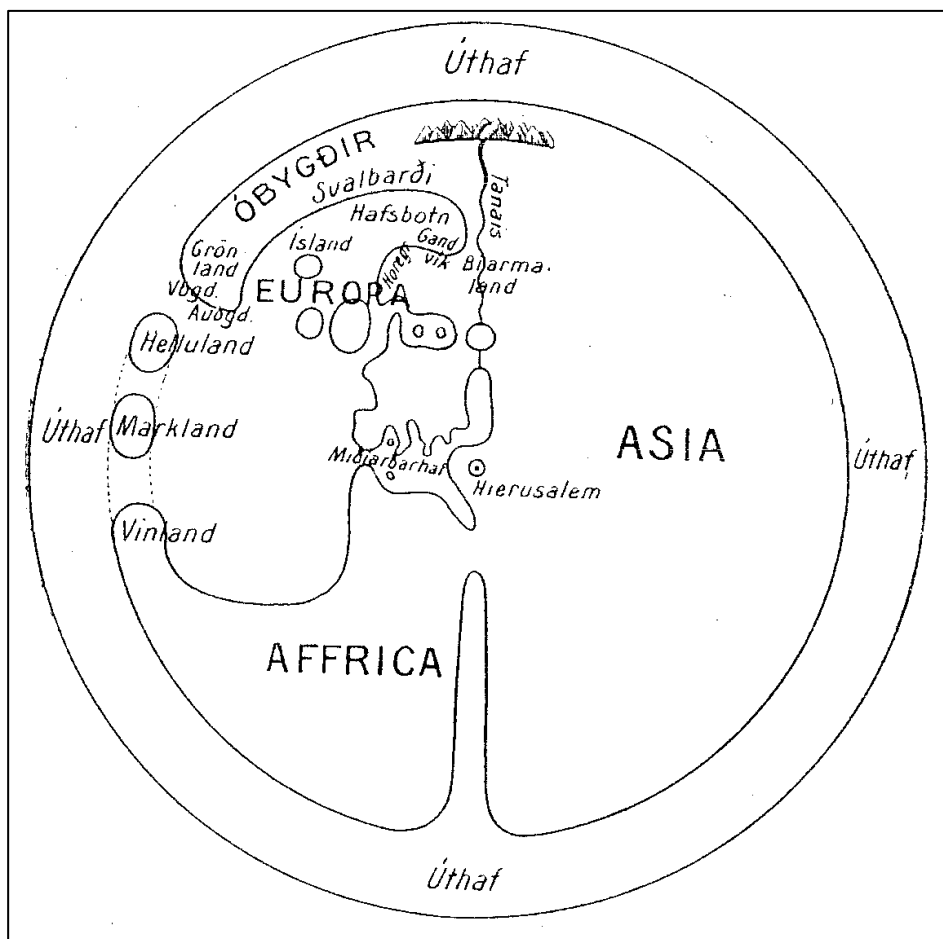
⁷ Ibid. P. 118, commentary to II, 10.

⁸ Ibid. P. 54 (I, 11): «fere contingens Affricanas insulas».

⁹ *Alfræði Íslenzk. Islandsk encyclopædisk litteratur* / Udg. ved Kr. Kålund. København, 1908 (=Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. 37). Bd. I. S. 12: «[Af] Biarmalandi ganga lond óbygd of norðr-êtt, unz vidtekr Grenland. Sudr fra Grenlandi er Hellu-land, þa er Markland, þ[a] er eigi langt til

утверждает, что водные пространства между североамериканскими и североευропейскими землями — это внутреннее море (моря).

Воды Атлантического и Северного Ледовитого океанов видятся людям того времени как большой северный залив, который авторы «Книги о занятии земли» и саг — не давая ему специального имени — называют *hafsbotn*. Композит *hafsbotn* (мн. ч. *hafsbotnar*), из *haf*, n «море» и *botn*, m «1) дно; 2) оконечность/вершина залива, фьорда, озера, долины»¹⁰, используется для обозначения глубоко врезающегося в сушу морского залива, которым море и заканчивается, так что дальше некуда плыть¹¹. Но этот термин не является топонимом, поскольку не имеет однозначной локализации, а может относиться как к Черному или Балтийскому морям, так и, как в нашем случае, к Атлантическому и Северному Ледовитому океанам¹². Эти представления хорошо в целом иллюстрирует карта-реконструкция, составленная А. Бьёрнбу¹³ (см. Илл. 1).

Илл. 1. Север в представлении древнескандинавских авторов

Vinlandz ens goda, er sumir menn ætla at g[an]gi af Affrika, ok ef sva er, þa er úthaf innfallanda á milli Vinlandz ok Marklandz».

¹⁰ Cleasby R., *Gudbrand Vigfusson*. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 73, 228.

¹¹ Fritzner J. Ordbog over Det gamle norske Sprog. Christiania, 1886. Bd. 1. S. 688.

¹² Примеры см.: Ordbog over det norrøne prosasprog / Dictionary of Old Norse Prose [Электронный ресурс]. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o30427> (15.11.2022) (s. v. *hafsbotn*).

¹³ Björnbo A. A. Adam af Bremens Nordensopfattelse // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1909. R. II. Bd. 24. S. 231.

Притом что в средневековой Исландии не возникло специальных топонимов для обозначения отдельных океанов, в памятниках древнескандинавской письменности (исландских сагах и географических сочинениях, норвежских хрониках) зафиксировано значительное число названий морей и заливов¹⁴. Самым распространённым гидронимом из северных арктических областей оказывается Гандвик (*Gandvík*), буквально «Колдовской залив», из *gandr*, т «колдовской посох» и *vík*, f «залив»¹⁵. Большинство исследователей, однако, видит в основе гидронима *Gandvík* местное финское название *Kanta-lahdi*, изменённое посредством народной этимологии. Но каким бы по происхождению ни считалось это название, всеми исследователями оно воспринимается как обозначение Белого моря или ещё уже — его Кандалакшского залива. Не соглашаясь с данной точкой зрения, я, напротив, нахожу дополнительную аргументацию в поддержку оставленного без внимания вывода К. Ф. Тиандера, что «весь Ледовитый океан на север от европейских берегов был понят как залив — *sinus septentrionalis* и назван Гандвиком. С течением времени, однако, понятие Гандвика стало суживаться»¹⁶. Мне доводилось писать об этом гидрониме¹⁷, поэтому здесь я останавливаться на нём более подробно не буду.

Ещё один гидроним, относящийся к Северному Ледовитому океану или его части, это *Dumbshaf* (из *dumba*, f «туман» и *haf*, n «море») «Туманное море, Море Туманов»¹⁸. Он фигурирует в исландском сочинении, излагающем историю около 430 первопоселенцев на острове, их семей и потомков и носящем название «Книга о занятии земли» (сохранилась в пяти редакциях XIII–XVII вв.), а также в пяти сагах легендарного содержания, датируемых XIV в., — двух поздних родовых сагах («Сага о Барде Асе Снежной Горы» и «Сага о Золотом Торире») и трёх сагах о древних временах («Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков», «Сага о Хальвдане Эйстейнссоне» и «Сага о Кетиле Лососе»).

В «Книге о занятии земли» рассказывается о норвежце по имени Хельги Тоций, который отправился с женой и детьми в Исландию. О нём говорится, что он не был последователен в вере и, хотя верил в Христа, в трудные минуты жизни молился Тору. Подплывая к Исландии, он обратился к Тору с просьбой указать, где ему следует пристать к берегу. Согласно редакции *Sturlubók* (ок. 1275–1280)¹⁹, когда знамения направили их корабль в северную часть острова, сын Хельги Хрольв язвительно поинтересовался у отца, не решил бы тот отправиться дальше в *Думбсхав*, если бы Тор указал на него, невзирая на то, что лето уже подходило к концу и все

¹⁴ Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 228.

¹⁵ Ibid. P. 188, 716.

¹⁶ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 73.

¹⁷ Джаксон Т. Н. О гидрониме *Gandvík* // Сборник статей к 85-летию Д. А. Мачинского (в печати).

¹⁸ Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 109.

¹⁹ Эта редакция «Книги о занятии земли» обозначается по имени своего автора, исландского писателя и политика Стурлы Тордарсона (1214–1284). Она сохранилась в бумажном списке AM 107 fol — копии середины XVII в. с утраченного позднее оригинала.

хотели пристать к берегу²⁰. Под *Думбсхавом* здесь, судя по логике рассказа, имеется в виду то, что мы назвали бы Гренландским морем, т. е. та часть Северного Ледовитого океана, которая находится к северу от Исландии.

Название моря объясняется в зачине родовой «Саги о Барде Асе Снежной Горы» и возводится к полувеликану–полутроллю по имени *Думб*²¹. Как отметила Л. Мотц, *Думб* — это одно из тех имен великанов, которые связаны с атмосферными явлениями или природными силами²². В большинстве рукописей саги (и в частности в AM 158 fol, ок. 1560) этот зачин таков: «Одного конунга звали Думб. Он правил окончаниями тех морских заливов (*hafsbötnar*), которые идут в северном направлении мимо Хеллуланда и теперь зовутся Думбсхав по имени конунга Думба»²³. А вот в рукописи AM 165 g fol (перв. пол. XVII в.) сага начинается несколько иначе: «Конунг Думб правил окончаниями тех морских заливов (*hafsbötnar*), которые идут на юго-восток от Рисаланда, а к югу лежит то море, которое теперь зовётся Думбсхав»²⁴. На первый взгляд, *Думбсхав* в двух редакциях саги относится к разным географическим объектам, но это — обманчивое впечатление: разнятся не денотаты, а как бы позиция в пространстве того, кто это описывает. Если в первом фрагменте перед нами взгляд на *Думбсхав*, так сказать, с юга, откуда-то южнее *Хеллуланда*, то во втором море описано с севера, со стороны Страны Великанов, зовущейся *Рисаланд*. Поскольку *Хеллуланд*, по представлениям того времени, лежал первым к югу от Гренландии, то под окончаниями морских заливов, уходящими (по более распространённой версии саги) в северном направлении мимо *Хеллуланда*, скорее всего подразумевалась часть большого морского залива (сегодняшнего Северного Ледовитого океана), а именно — опять же Гренландское море. Что касается Страны Великанов *Рисаланд*, то этот топоним (*Risaland*, от *risi*, т «великан» и *land*, п «земля, страна») встречается в очень небольшом числе саг о древних временах. По рыцарской «Саге о Самсоне Прекрасном» (XIV в.; старшая рукопись XV в.), «Рисаланд лежит к востоку и к северу от Аустрвега (Восточного пути. — Т. Д.) и оттуда на северо-восток. Там лежит та земля, которая зовётся Ётунхеймар (ещё одна страна великанов. — Т. Д.), и живут тролли и злые духи»²⁵. То есть эта земля представляется лежащей где-то далеко на север, восток и северо-восток от

²⁰ Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968 (=Íslensk fornrit. Bd. I). Bls. 250.

²¹ См. его имя в ст. 3 анонимной тулы «Прозвища ётунов I» (*Gurevich E. Anonymous Þulur, Jǫtna heiti I 6 // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Turnhout, 2017. Vol. 3. Poetry from Treatises on Poetics / Ed. by K. E. Gade, E. Marold. P. 710*).

²² Motz L. Old Icelandic Giants and Their Names // Frühmittelalterliche Studien. 1987. Bd. 21. S. 304.

²³ Barðarsaga Snæfellsáss // Barðarsaga Snæfellsáss. Viglundarsaga. Þórðarsaga. Draumavitránir. Völsapáttir / Udg. ved Guðbrandr Vigfússon (=Nordiske Oldskrifter. Bd. 27). København, 1860. Bls. 1: «Dumbr hefir konúgr heitið, hann ræð fyrir hafsbötnum þeim er ganga norðr um Helluland ok nú er kallat Dumbshaf, ok kent var við Dumb konúgr».

²⁴ Ibid. Bls. 1, n. 2: «Dumbr konúgr ræð fyrir hafsbötnum þeim er ganga í landsuðr af Risalandi, en fyrir sunnan er haf þat, er nú er kallat Dumbshaf».

²⁵ Samsons saga fagra / Udg. ved J. Wilson. København, 1953 (=Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. 65). Bls. 31–32: «Risaland liggir til austurs og nordurs af Austurueginum og þadan til landnordurs. Þa liggir þat land er Iotunheimar heita ok bua traull og ovættir».

Швеции (т. к. шведские земли тоже входят в число земель по Восточному пути). И соответственно, во «встречном» описании *Думбсхава* со стороны *Рисаланда* под ним подразумеваются те же воды, что и в описании со стороны североамериканских земель. В «Саге о Барде» *Думбсхав* упоминается ещё трижды: Бард и Торкель плывут из Холугаланна «на север через Думбсхав»²⁶; другой Торкель, как выясняется, воспитывался «к северу от Думбсхава»²⁷; Гест, сын Барда, плывёт из Норвегии вдоль берега, минуя Холугаланн и Финнмарк, вплоть до «окончаний морских заливов» (*hafshotnar*) и приплывает «на север за Думбсхав»²⁸. Указание на земли, лежащие за *Думбсхавом*, прекрасно вписывается в те самые географические представления, согласно которым Гренландия была частью «моста суши», протянувшегося от Беломорья до североамериканских земель и превратившего сегодняшний Северный Ледовитый океан вместе с Атлантическим океаном в большой залив, отходящий от окружающего землю океана.

В родовой «Саге о Золотом Торире» (написанной, вероятно, в начале XIV в. и сохранившейся в единственной рукописи AM 564 4° ок. 1400 г.²⁹), рассказывается о викинге по имени Валь, который награбил много золота, сражаясь с великанами. Все свои сокровища он перенёс в пещеру в горе *Блесаверг* на севере у *Думбсхава*. Там они с сыновьями улеглись на золото, превратились в летающих драконов и стерегли золото, пока у них не отобрал его Золотой Торир³⁰. Тот же рассказ (в сокращённой и несколько трансформированной форме) обнаруживается в виде «Пряди о Вале» в двух поздних пространных редакциях «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне» (не ранее середины XIV в.)³¹, где сообщается, что Валь с братом «были викингими, ходили в *Думбсхав* и грабили великанов», а золото Валь отнял у великана Свади, жившего в горе *Блесанерг* к северу от *Думбсхава*³². Со ссылкой на Р. Зимека Г. В. Глазырина определила *Думбсхав* как «северо-западную часть Белого моря у побережья Норвегии»³³, хотя у Зимека в упомянутой работе локализация несколько иная: он утверждает, что это — «воды к западу от Гандвика, к северу от Норвегии»³⁴, и коль скоро *Гандвик* для Зимека, насколько можно судить по его публикациям, это —

²⁶ Barðarsaga Snæfellsass. Bls. 5: «norðr yfir Dumbshaf».

²⁷ Ibid. Bls. 6: «fyrir norðan Dumbshaf».

²⁸ Ibid. Bls. 51: «norðr fyrir Dumbshaf».

²⁹ Margrét Eggertsdóttir. Gull-Þóris saga // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. by Ph. Pulsiano et al. N.Y.; L., 1993. P. 249–250.

³⁰ Gull-Þóris saga / Udg. ved Kr. Kålund. København, 1898 (=Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. 26). Bls. 11–14).

³¹ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 47–48.

³² Там же. С. 86–87: «feir váru víkingar ok lágu úti í Dumbshaf»; «þat er fyrir norðan Dumbshaf».

³³ Там же. С. 113, примеч. 137.

³⁴ Simek R. Elusive Elysia or Which Way to Glæsisvellir? On the Geography of the North in Icelandic Legendary Fiction // Sagnaskemmtun. Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday, 26th May 1986 / Ed. by R. Simek, Jónas Kristjánsson, H. Bekker-Nielsen. Wien; Köln; Graz, 1986. P. 257: «the waters west of Gandvik, north of Norway» (сохранено авторское написание гидронима). Никакой аргументации в поддержку своей локализации автор не приводит.

Белое море³⁵, получается, что в его видении *Думбсхав* — не что иное, как современное Баренцево море. На мой взгляд, «Прядь о Вале» даёт основания для отождествления *Гандвика* и *Думбсхава* (или, по крайней мере, подчёркивает отсутствие четкой границы между ними), поскольку, с одной стороны, в саге сообщается, что «Валь обитал в Думбсхаве», а с другой (буквально через несколько строк) — что Хальвдан и Сигмунд, пришедшие на поиски Валя «на восток в Бьярмаланд», нашли его «к северу от Гандвика»³⁶. Скорее всего, и *Гандвик*, и *Думбсхав* мыслились как переходящие одна в другую части того морского залива (*hafsbötn*), каким представлялся скандинавским авторам Северный Ледовитый океан, доходящий до лежащих между Бьярмаландом и Гренландией земель, заселённых лишь великанами и троллями. Соответственно, Херманн Паульссон и П. Эвардас переводят *Dumbshaf* данной саги как *the Arctic Ocean/Sea* («Северный Ледовитый океан/море»)³⁷.

В «Книге о занятии земли» этот придуманный средневековыми скандинавскими авторами «морской залив» (*hafsbötn*) помещён в общий контекст с названием ещё одного весьма любопытного географического объекта. Речь идёт о топониме *Svalbarði*, нередко отождествляемом — на основании звукового сходства — с сегодняшним Свальбардом (Шпицберген), что, вне всякого сомнения, является ошибочным суждением. Название «Свальбард» для обозначения архипелага Шпицберген (над которым по Шпицбергенскому трактату от 9 февраля 1920 г. устанавливался суверенитет Норвегии) было утверждено норвежским стортингом и вступило в силу 14 августа 1925 г. Не последнюю роль в принятии такого решения сыграло мнение крупнейшего норвежского историка, знатока и издателя древнескандинавских источников Г. Сторма³⁸, горячо поддержанное знаменитым норвежским полярным исследователем и политическим деятелем Ф. Нансеном³⁹.

В одной из начальных глав «Книги о занятии земли» для уточнения географического положения Исландии рассказывается о направлениях и протяжённости связывающих её с другими землями морских маршрутов. Завершается глава указанием на продолжительность плаваний из Исландии на юг и на север. В редакции *Sturlubók* (вероятно, вследствие ошибки Стурлы Тордарсона и пропуска им при переписывании со своего источника нескольких слов)⁴⁰ путь на север отсчитывается от той же точки, что и до лежащей к югу от острова Ирландии, а именно от *Рейкьянеса* («Дымного мыса»), принадлежащего Южной четверти

³⁵ Ibid.: «the White Sea, which was commonly called Gandvik».

³⁶ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги. С. 86–89.

³⁷ Halfdan Eysteinnsson // Seven Viking Romances / Trans. by Hermann Pálsson and P. Edwards. L., 1985. P. 196–197.

³⁸ Storm G. Ginnungagap. P. 344–345.

³⁹ Nansen F. In Northern Mists. Arctic Exploration in Early Times / Trans. by A. G. Chater. L., 1911. Vol. II. P. 166–173; см.: Поспелов Е. М. Шпицберген // Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. 2-е изд. М., 2002. С. 475.

⁴⁰ Не случайно издатель «Книги о занятии земли» Якоб Бенедиктссон в редакции *Sturlubók* восстанавливает пропущенные слова на основании редакции *Hauksbók* (Landnámabók. Bls. 34).

Исландии, но лежащего на юго-западе острова. Напротив, в редакции *Hauksbók* («Книге Хаука»), написанной Хауком Эрлендссоном в первом десятилетии XIV в.⁴¹, отправной точкой путешествия в северном направлении назван *Ланганес* («Длинный мыс»), расположенный на северо-востоке острова и принадлежащий Северной четверти Исландии: «От Рейкьянеса на юге Исланда три дня морем до Йёльдухлаупа в Ирланде на юге; а от Ланганеса четыре дня морем до Свальбарди на север в морской залив»⁴².

Топоним *Свальбарди* (*Svalbarði*) неоднозначно трактуется исследователями⁴³. Словно возражая оппонентам, Р. Зимек в одной своей работе заявляет, что *Свальбарди* это «скорее Ян-Майен, нежели Шпицберген»⁴⁴, а в другой всё же утверждает тождество *Свальбарди* и Шпицбергена⁴⁵, тем самым фиксируя два основных мнения относительно локализации данной земли. Однако, наряду с этими двумя точками зрения, в литературе присутствует и третья, представляющаяся мне наиболее правомерной, а именно утверждение, что это — часть восточного берега Гренландии, в районе залива Скорсби⁴⁶. В качестве аргумента против такого отождествления *Свальбарди* выдвигается утверждение, что в конце XII в. (а именно тогда, согласно исландским анналам, была открыта эта земля) скандинавские мореплаватели никак не могли подойти к восточному берегу Гренландии. Однако, как подчёркивает В. А. Державин, «плавания викингов приходились на период Малого климатического оптимума, т. е. потепления, и, несмотря на сложные ледовые условия у восточного побережья Гренландии, им удавалось, хоть и изредка, проникать к берегу», о чём убедительно свидетельствуют, пусть и немногочисленные, находки норманнского происхождения, сделанные археологами в эскимосских погребениях залива Скорсби⁴⁷.

Исландские анналы говорят об открытии этой земли под 1194 годом⁴⁸. Но насколько стоит доверять этой датировке? Вопрос о том, содержат ли анналы действительные даты и можно ли полагаться на них в историческом исследовании,

⁴¹ Из этой последней фрагмент, вне сомнения, был заимствован и в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (*Ólafs saga Tryggvasonar en mesta* / Udg. af Ólafur Halldórsson. København, 1958. (=Bibliotheca Arnemagnæana. Ser. A. Vol. 1). Bls. 255–256).

⁴² *Landnámabók*. Bls. 33, 35: «Frá Reykjanesi á sunnanverðu Íslandi er þriggja dægra haf til Jölduhlaups á Írlandi í udr; en frá Langanesi á norðanverðu Íslandi er fjögurra dægra haf til Svalbarða norðr í hafsbót...» (редакция *Hauksbók*).

⁴³ Детальный анализ имеющихся в литературе точек зрения см.: *Chekin L. S. Svalbarðs fundr: The Place Name Svalbard and Its Connotations in Medieval and Modern Literature and Cartography* // *Nordlit*. 2020. No. 45 (February). P. 18–38.

⁴⁴ *Simek R. Elusive Elysia*. P. 252: «Jan Mayen rather than Spitsbergen»; cp. P. 258: «= Jan Mayen».

⁴⁵ *Idem. Altnordische Kosmographie: Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14. Jahrhundert*. B.; N.Y., 1990. S. 187: «Svalbarði (= Spitzbergen)».

⁴⁶ *Державин В. А. Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв.* // *Российская археология*. 2016. № 4. С. 151–161.

⁴⁷ Там же. С. 156.

⁴⁸ *Islandske annaler indtil 1578* / Udg. ved G. Storm. Christiania, 1888 (reprint — Oslo, 1977). S. 22, 62, 121, 181, 324, 477; *Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler* / Udg. ved Guðbrandr Vigfússon, C. R. Unger. Christiania, 1868. Bd. III. S. 520.

весьма непрост. Начнём с того, что возникновение полноценной исландской анналистики учёные относят лишь к концу XIII в. (не ранее 1280 г.). Считается, что все исландские анналы основаны на одной редакции (её можно назвать «протоанналами»), значительная часть информации которой так или иначе воспроизводится в каждом тексте. С записей, относящихся к XIV в. и далее, в анналах появляются известные расхождения, указывающие на то, что анналы с этого времени стали вестись независимо⁴⁹. Датировки более раннего времени, чем конец XIII в., могут иметь разную степень точности — всё зависит от того, на каком источнике основывалось то или иное известие. Записи могли быть результатом знакомства составителей исландских анналов с трудами их европейских коллег, могли опираться на устную информацию, распространявшуюся в исландско-норвежских клерикальных кругах, могли быть следствием циркулировавших в обществе слухов, а порой и вовсе результатом вымысла⁵⁰.

Интересующая нас информация заключена в короткую фразу: «Открытие (обнаружение) Свальбарда (*Svalbard's fundr*)» в шести анналистических памятниках и «Свальбарди найден (*Svalbarði fundinn*)» — в одном. Это означает, что в шести анналах из семи использована иная форма топонима (где вторая часть композита — *barð*, n), нежели в «Книге о занятии земли» (где вторая часть композита — *barði*, m). Первый корень связан с прилагательным *svalr* «холодный» во всех трёх случаях (о третьем варианте топонима — чуть ниже). Как отмечает Л. С. Чекин, самая ранняя рукопись, содержащая топоним *Svalbarð*, — это рукопись «Королевских анналов» (GKS 2087 4to, ок. 1300–1328). Он не считает убедительным мнение Финнура Йоунссона, что исходной формой была та, которая дошла до нас в «Скальхольтских анналах» (AM 420 a 4º, ок. 1362 г.), а именно *Svalbarði*, потому что, как он настаивает, рукопись «Королевских анналов» была создана примерно на полвека раньше⁵¹. Этот аргумент, однако, не работает по ряду причин. Во-первых, потому, что к более раннему времени относится «Книга о занятии земли» с формой *Svalbarði*; во-вторых, потому, что и «Королевские анналы», и «Скальхольтские анналы» могли черпать информацию для конца XII в. из одного источника. Численное превосходство формы *Svalbarð* над *Svalbarði* в анналах тоже ни о чём не говорит опять же по причине наличия «протоанналов» и взаимозависимости всех известных исландских анналистических памятников. Напротив, мотивировка Финнура Йоунссона существенна. В Исландии, как он указывает, имелись топонимы *Barð* и *Svalbarð*; существительное *barð* было достаточно широко распространено и использовалось для обозначения внешнего края чего-либо, в частности носа (военного) корабля,

⁴⁹ Islandske annaler. S. LXXIII.

⁵⁰ См. об анналах в моей статье: Джаксон Т. Н. *Hófræ Tartarar secundum quosdam*: сведения о татарах в исландских анналах // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 616–635.

⁵¹ Chekin L. S. *Svalbard's fundr*. P. 19, 21.

а в ландшафте имело значение «вершина, гребень»⁵². Финнур подчёркивает, что от этого *barð* был с лёгкостью образован *barði* с тем же значением, и действительно *barði* (не слишком частотное слово) служит обозначением определённого типа корабля, имеющего *barð*, т. е. таранного судна⁵³. Исследователь утверждает, что трудно сказать, какая форма (*Svalbarð* или *Svalbarði*) верна, но он склонен думать, что правильной является та, которая совпадает с формой в «Книге о занятии земли», поскольку гораздо естественнее заменить редкое *Svalbarði* на хорошо известное *Svalbarð*, чем наоборот⁵⁴. Собственно говоря, авторы, составители и переписчики саг не всегда были последовательны в передаче топонимов, особенно географических названий на территории других стран и регионов⁵⁵. Обнаружив в редакции А «Саги о епископе Гудмунде» (ок. 1320–1330, рукопись AM, 399 4°, ок. 1330–1350) третий вариант написания топонима (*Svalbarðr*, где вторая часть композита — *barðr*, m), Л. С. Чекин уделил, на мой взгляд, излишне много внимания обсуждению причин, по которым это имя приобрело другие род и окончание⁵⁶, не заметив, что данная форма всего лишь *hvarf legomenon* и могла быть как случайной ошибкой писца, так и попыткой придать имени более привычную форму. Автор редакции А этой саги, активно черпавший материал из исландских анналов⁵⁷, поместил в свой текст последовательно два известия, входящие во всех упомянутых выше анналах⁵⁸ в статью под 1194 годом — о коронации норвежского конунга Сверрира и об открытии Свальбарда, несколько перефразировав их и действительно изменив топоним⁵⁹.

Думаю, имеется дополнительная аргументация в поддержку мнения Финнура Йоунссона относительно первичности формы *Svalbarði* и достоверности датировки данного события. Это — конвой интересующего нас известия в анналах. Под 1194 годом, помимо этого географического открытия, — неравномерно распределённые по разным анналистическим сборникам — помещены сведения о

⁵² См.: Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 51–52; Ordbog over det norrøne prosasprog / Dictionary of Old Norse Prose [Электронный ресурс]. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o6937> (15.11.2022) (s. v. *Barð*).

⁵³ См.: Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 51–52; Ordbog over det norrøne prosasprog / Dictionary of Old Norse Prose [Электронный ресурс]. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o6969> (15.11.2022) (s. v. *barði*); de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957–1961. S. 26.

⁵⁴ Finnur Jónsson. Svalbarde // Geografisk Tidsskrift. 1926. Bd. 29. S. 80.

⁵⁵ См.: Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985. С. 216–217, примеч. 31; Она же. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012. С. 346 (примеч. 17, 18), 347 (примеч. 20), 360 (примеч. 59).

⁵⁶ Chekin L. S. Svalbarðs fundr. P. 20–21.

⁵⁷ Stefán Karlsson. Guðmundar saga biskups // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. by Ph. Pulsiano et al. N.Y.; L., 1993. P. 245–246; Cormack M. Christian Biography // A Companion to Old Norse–Icelandic Literature and Culture / Ed. by R. McTurk. Oxford, 2005. P. 34–37.

⁵⁸ См. примеч. 48.

⁵⁹ Guðmundar sögur biskups / Stefán Karlsson (Editiones Arnarnagætanæ; 6). København, 1983. Bd. I. Bls. 83: «Vigðr Sverrir konungr undir korono. Þa fannz ok Sualbarðr» («Коронован конунг Сверрир. Тогда был найден (букв.: нашёлся) и Свальбард»).

событиях, действительно относящихся к 1194 г.: о кончине бергенского епископа Паля (1156–1194); о битве конунга Сверрира в заливе Флорувагар (3 апреля 1194); о коронации Сверрира (29 июня 1194); о смерти трёндского лендрманна Барда Гутхормссона (ум. 1194); а также о том, что Паль Йонссон был избран епископом Скальхольта (1194). Новости имеют отношение преимущественно к событиям эпохи гражданских войн в Норвегии, а вот для Исландии наиболее значимым событием этого года является избрание Скальхольтского епископа. Как описывается в «Саге о епископе Пале» (нач. XIII в.), «на следующее лето после смерти святого епископа Торлака Паль был избран епископом. Перед этим было очень долгое обсуждение этого вопроса, но, в конце концов, дело было передано епископу Бранду, в основном по совету Халля Гицурарсона, и он выбрал Паля для поездки за границу»⁶⁰. Паль отправился в Норвегию и Данию и был там рукоположен Лундским архиепископом Абсалоном, по совету Нидаросского архиепископа Эйрика, в день холарского епископа Йона, т. е. 23 апреля 1195 г.⁶¹. Для скальхольтского анналиста избрание Паля — событие значимое, поскольку с 23 декабря 1193 г., с кончины Торлака Торхалльссона (1178–1193), в Скальхольте епископа не было. Анналист начинает статью о данном годе, естественно, поместив известие о Пале Йонссоне на первое место. Надо думать, скальхольтский анналист обладал аутентичной информацией о событиях этого года. И именно в этой статье возникает топоним *Svalbarði* — в форме, отличающейся от остальных анналов, но в той же, что и в «Книге о занятии земли». Так что именно она и представляется мне исходной.

Позднее топоним в той же форме — *Svalbarði* — появится в «Саге о Самсоне Прекрасном», вторая часть которой включает легендарный материал, основанный на скандинавской мифологии⁶². В данном случае *Свальбарди* выступает не как реальная земля, а как часть мифического пространства «к востоку и северу от Аустрвега и оттуда на северо-восток»⁶³. Сначала там лежит Страна Великанов *Рисаланд*, там есть Страна Великанов *Ётунхейм*, а вот за ней, вплоть до незаселённых частей Гренландии, тянется земля под названием *Свальбарди*⁶⁴. Географическое описание включает в себя имена реальных и фантастических земель, и картина выстраивается следующая: между вполне реальным «Восточным путем» (*Austrvegr*, как правило, с начала XIII в. служил обозначением земель по

⁶⁰ Páls saga // Biskupa sögur II / Jónas Kristjánsson gaf út. Reykjavík, 2002 (=Íslensk fornrit. Bd. 16). Bls. 299–300: «Ít næsta sumar eptir andlát Þorláks byskups ins helga var Páll kóinn til byskups. Áðr var mjök löng tilræða um þat mál, en þar kom um síðir at þat var lagt undir Brand byskup, mest at ráði Hals Gizurarsonar, en hann kaus Pál til útanferðar». Ср.: Íslandske annaler (s. a. 1194). S. 62, 121, 181; Flateyjarbók. Bd. III. S. 520; Oddaannálar og Oddverjaannáll / Eiríkur Þormóðsson, Guðrún Ása Grímsdóttir. Reykjavík, 2003. Bls. 137.

⁶¹ Páls saga. Bls. 300; Íslandske annaler (s. a. 1195). S. 121, 181, 324; Flateyjarbók. Bd. III. S. 520; Oddaannálar. Bls. 137.

⁶² См.: Chekin L. S. Svalbarðs fundr. P. 25.

⁶³ См. текст в примеч. 25.

⁶⁴ Samsons saga fagra. Bls. 31–32: «enn þadan til mozs við Grænlanz obygdar geingr þat land er Sualbarði heiter. þat byggja ymissar þioder».

берегам Балтийского моря) и незаселёнными пространствами Гренландии (*Grænlan̥z óbyggðir*) лежат *Рисаланд*, *Глэсисвеллир*, *Ётунхеймар* и *Свальбарди*. Последнее имя, как было сказано выше, я склонна рассматривать как название части восточного берега Гренландии в районе залива Скорсби. Однако стоит подчеркнуть, что топоним не был широко распространён, употреблялся в источниках нечасто да и служил обозначением таких труднодоступных земель, что вполне мог в легендарном контексте использоваться не в своем основном значении. Тем более что перечисленные далее в тексте диковинные народы представлены именно как обитатели *Свальбарди*. И вновь сага рисует ту же картину, о которой уже шла речь выше: европейский Север и Северную Америку соединяет «мост суши» (Р. Зимек называет эту пространственную конструкцию *north-continent* — «северный континент»)⁶⁵, в состав которого входит обитаемая (реальная) Гренландия, а также её незаселенные части и бескрайние пространства, на которых проживают великаны, тролли и прочие мифические существа.

* * *

Подведём итоги. Разножанровые и разновременные сочинения древнескандинавской письменности зафиксировали долгое время существовавшее представление о неразрывности северных земель и о том, что Европа была посредством «моста суши», включавшего в себя Гренландию, соединена с Америкой, а та, в свою очередь, с Африкой. Внутренние воды (а это современные Северный Ледовитый океан и северная часть Атлантического океана) где-то имели выход во внешний (омывающий «земной круг») океан. В пределах этого огромного фьорда или залива (*hafsbót, sinus septentrionalis*) выделялось несколько морей, в частности *Гандвик* (*Gandvík* «Колдовской залив»), и *Думбсхав* (*Dumbshaf* «Море Туманов»), которые, вероятнее всего, воспринимались как соседствующие или переходящие одна в другую части этого морского залива, который доходил до лежащих между Бьярмаландом и Гренландией земель, где жили лишь великаны и тролли. В их число входила и обнаруженная в 1194 г., согласно исландским анналам, земля под названием *Свальбарди* (*Svalbard*). Под этим именем, конечно же, понимался не современный Свальбард/Шпицберген, а часть восточного берега Гренландии в районе залива Скорсби. Подобную картину мира формировали мифологические представления в соединении с реальными открытиями, делавшимися по мере продвижения человека в северном направлении.

Список литературы

Глазырина, Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий / Г. В. Глазырина — Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. — 240 с.

⁶⁵ *Simek R. Elusive Elysia. P. 258.*

Державин, В. Л. Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. / В. Л. Державин // Российская археология. — 2016. — № 4. — С. 151—161.

Джаксон, Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год — Москва: Наука, 1985. — С. 212—228.

Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное / Т. Н. Джаксон. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 779 с.

Джаксон, Т. Н. *Hófrættarar secundum quosdam*: сведения о татарах в исландских анналах / Т. Н. Джаксон // Золотоордынское обозрение. — 2019. — Т. 7, № 4. — С. 616—635.

Джаксон, Т. Н. О гидрониме *Gandvík*: в развитие темы / Т. Н. Джаксон // Сборник статей к 85-летию Д. А. Мачинского (в печати).

Поспелов, Е. М. Шпицберген / Е. М. Поспелов // Поспелов, Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. — 2-е изд. — Москва: Русские словари; Астрель, 2002. — С. 475.

Тиандер, К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море / К. Ф. Тиандер — Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1906.

Bjørnbo, A. A. Adam af Bremens Nordensopfattelse / A. A. Bjørnbo // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. — 1909. — R. II. — Bd. 24. — S. 120—244.

Chekin, L. S. Svalbarðs fundr: The Place Name Svalbard and Its Connotations in Medieval and Modern Literature and Cartography / L. S. Chekin // Nordlit. — 2020. — No. 45 (February). — P. 18—38. — URL: <https://doi.org/10.7557/13.5025>. — (10.06.2022).

Cleasby, R. An Icelandic-English Dictionary / R. Cleasby, Gudbrand Vigfusson. — Oxford: Clarendon Press, 1957. — 833 p.

Cormack, M. Christian Biography / M. Cormack // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / ed. by R. McTurk. — Oxford: Blackwell, 2005. — P. 27—42.

Finnur Jónsson. Svalbarde / Finnur Jónsson // Geografisk Tidsskrift. — 1926. — Bd. 29. — S. 80—90.

Fritzner, J. Ordbog over Det gamle norske Sprog / J. Fritzner. — Christiania: Den norske Forlagsforening, 1886. — Bd. 1. — 860 s.

Gurevich, E. Anonymous Þulur, Jǫtna heiti I 6 / E. Gurevich // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. — Vol. 3. Poetry from Treatises on Poetics / Ed. by K. E. Gade, E. Marold. — Turnhout: Brepols, 2017. — P. 706—716.

Jackson, T. N. The Far North in the Eyes of Adam of Bremen and the Anonymous Author of *Historia Norvegie* / T. N. Jackson // The Medieval Globe. — 2021. — Vol.

7.1. — P. 77—89.

Margrét Eggertsdóttir. Gull-Þóris saga / Margrét Eggertsdóttir // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. by Ph. Pulsiano et al. — New York; London: Garland Publishing, 1993. — P. 249—250.

Motz, L. Old Icelandic Giants and Their Names / L. Motz // Frühmittelalterliche Studien. — 1987.— Bd. 21. — S. 295—317.

Nansen, F. In Northern Mists. Arctic Exploration in Early Times / F. Nansen; trans. by A. G. Chater. — London: William Heinemann, 1911. — 2 vols.

Ohthere's Voyages. A late 9th-century account of voyages along the coast of Norway and Denmark and its cultural context / Ed. by J. Batley, A. Englert. — Roskilde: The Viking Ship Museum, 2007. — 216 p. — (Maritime culture of the North. Vol. 1).

Ordbog over det norrøne prosasprog / Dictionary of Old Norse Prose [Электронный ресурс]. — URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>. — (15.11.2022).

Simek, R. Elusive Elysia or Which Way to Glæsisvellir? On the Geography of the North in Icelandic Legendary Fiction / R. Simek // Sagnaskemmtun. Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday, 26th May 1986 / Ed. by R. Simek, Jónas Kristjánsson, H. Bekker-Nielsen. — Wien; Köln; Graz: Hermann Böhlau Nachf, 1986. — P. 247—275.

Simek, R. Altnordische Kosmographie: Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und Island vom 12. bis zum 14. Jahrhundert / R. Simek. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. — XVI, 644 p. — (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 4).

Stefán Karlsson. Guðmundar saga biskups / Stefán Karlsson // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. by Ph. Pulsiano et al. — New York; London: Garland Publishing, 1993. — P. 245—246.

Storm, G. Ginnungagap i Mythologien og i Geografien / G. Storm // Arkiv för nordisk filologi. — 1890. — Bd. VI. — S. 340—350.

de Vries, J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch / J. de Vries. — Leiden: Brill, 1957–1961. — 689 s.

МЕЛЬНИКОВА Елена Александровна / MELNIKOVA Elena A.

Институт всеобщей истории РАН / Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

Melnikova_2002@mail.ru

**«ОН БЫЛ В ГРИКЛАНДЕ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ВОЙСКА»:
СКАНДИНАВ В ВИЗАНТИИ***

**‘HE WAS IN GREECE, THE COMMANDER OF THE RETINUE’:
A SCANDINAVIAN IN BYZANTIUM**

Abstract: The article deals with the activities of Scandinavians who came to Byzantium directly from the North during the Viking Age. The main stimulus for their travels to the Empire was acquisition of riches and fame. Both goals were best achieved by military service in the Byzantine army and fleet from the beginning of the tenth century and in the emperor’s guard since the end of the tenth century. The trade expeditions from Scandinavia to Byzantium which started probably in the ninth century were suppressed in the tenth century by the Rus’ (Scandinavians who took roots in Eastern Europe) that seized Kiev and settled there. The trade with Byzantium was a vital necessity for the Rus’ and they strived to monopolize it. After the adoption of Christianity in the eleventh century the earliest information about the pilgrimages to Constantinople or the Holy Land appears. Such travels were not numerous though the sacral objects and places in Constantinople attracted attention of Scandinavian mercenaries who served or passed the one of the capitals of the Christian world.

Ключевые слова / Keywords: Скандинавия, Византия, эпоха викингов, наёмничество, торговля, паломничество / Scandinavia, Byzantium, Viking Age, mercenaries, traders, pilgrims

В конце XI в. некий Рёгнвальд заказал знаменитому мастеру-рунографу Эпиру мемориальную стелу в память о своей матери и дополнил традиционный текст горделивыми словами: «Руны велел высечь Рёгнвальд. Он был в Грикланде предводителем войска»¹. Местечко, где установлен этот камень шириной в пять и высотой в три метра, Эд (Упланд, Средняя Швеция), находилось на пересечении торговых путей и было богатой усадьбой, которой владели предки Рёгнвальда. О благосостоянии последнего говорит уже то, что он мог позволить себе воздвигнуть подобный камень и пригласить одного из лучших мастеров своего времени. Можно предполагать, что Рёгнвальд был местным хёвдингом, который

* При подготовке этой статьи в отдельных случаях использованы некоторые предыдущие публикации автора, в которых рассматриваемые здесь вопросы освещаются более полно или затрагиваются в других контекстах.

¹ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001 (=Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 352–353 (Часть Б, Приложение 1, № 22).

собрал окрестных искателей богатства и славы и со своей дружиной отправился в далёкую Византию — источник земных благ².

До начала X в. появления скандинавов в Византийской империи³, насколько можно судить по письменным и археологическим источникам, были нерегулярны и не слишком часты. Мы знаем о послах-росах (свеонах-шведах), прибывших к императору Феофилу незадолго до 839 г., по свидетельству Бертинских анналов⁴; о флотилии росов, осадивших великий город в 860 г. (по древнерусским летописям, под предводительством Аскольда и Дира) и, позднее, но до 866 г., об их послах, пришедших в Константинополь с просьбой прислать к ним епископа для крещения, чём пишет патриарх Фотий⁵; наконец, о войске князя Олега, в 907 г. остановившегося у стен города, а затем о его послах, договаривавшихся об условиях мира, согласно древнерусским летописям⁶. Однако уже ко времени заключения договора Олегом (2 сентября 911 г.) эти спорадические контакты сменяются постоянными, практически ежегодными торговыми караванами и отрядами воинов-скандинавов, готовых служить любому щедрому правителю, в том числе византийскому императору. Изменение в частоте и характере поездок скандинавов в Византию отразилось прежде всего в древнейших сохранившихся документальных источниках — русско-византийских договорах, сам факт заключения которых служит безусловным свидетельством интенсивности связей. Двойственная деятельность скандинавов в Византии — торговая и военно-грабительская — подразумевается уже в первом из договоров, помещённом в Лаврентьевской и

² О восприятии Византии в Скандинавии см.: *Sverrir Jakobsson*. Centre and Periphery in Icelandic Medieval Discourse // *A' austrvega. Saga and East Scandinavia: Preprints Papers of the 14th International Saga Conference: Uppsala, 9th–15th August 2009* / Ed. A. Ney, H. Williams and Fr. Charpentier Ljungqvist. Gävle, 2009. P. 918–924. URL: <http://hig.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A224754&dswid=7769> (07.12.2022).

³ О скандинавах в Византии см.: *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Он же*. Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 176–376. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/4899-t-1-vizantiya-i-pechenegi-varyago-russkaya-i-varyago-angliyskaya-druzhina-v-konstantinopole-xi-i-xii-vekov-o-varyago-russah-1908> (07.12.2022); *Ellis Davidson H.* The Viking Road to Byzantium. London, 1976; *Sigfús Blöndal*. The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History / Transl., revised, and rewritten by B. S. Benediktz. Cambridge; New York, 1978; *Scheel R.* Skandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen, 2015; *Sverrir Jakobsson*. The Varangian. In *God's Holy Fire*. Cham, 2020. См. также материалы конференций: *Le Pays du Nord et Byzance: Actes du colloque d'Upsal 20–22 avril 1979* / Red. R. Zeitler. Uppsala, 1981; *Bysans och Norden: Akta för Nordiska forskarkursen i byzantinisk konvetenskap 1986* / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989; *Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. M. Müller-Wille. Stuttgart, 1997. Bd. 1.

⁴ *Annales Bertiniani*, s. a. 839 // *Annales de Saint-Bertin* / Ed. by F. Graf, J. Viellard, S. Clémencetith with an introd. and notes by L. Levillain. Paris, 1964. P. 30–31; *Shepard J.* The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // *Early Medieval Europe*. 1995. Vol. 4. Issue 1. P. 41–60; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джексона, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 19–20.

⁵ *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000 год. М., 2003. С. 5–172.

⁶ *Пчелов Е. В.* Олег Вещий: Великий викинг Руси. М., 2018. С. 60–97 (с литературой).

Ипатьевской летописях под 907 г. С одной стороны, договор регламентирует пребывание в Константинополе купцов-русов:

«Приходяще русь да витают у святого Мамы, и послеть царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмутъ мѣсячное свое... И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творят куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же»⁷.

Хотя здесь впервые упомянут квартал св. Маманта как место пребывания купцов-русов⁸, можно полагать, что в договоре фиксируется уже сложившаяся практика и размещение купцов вне стен Константинополя, на другой стороне Золотого Рога, подальше от жизненно важных зданий, было привычным уже к началу X в.

С другой стороны, договор предусматривает некоторые гарантии от нападений на византийские владения:

«...да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей»⁹.

В этих пунктах договора отчётливо противопоставлены две категории руси. Первая — это купцы, которые размещаются в квартале св. Маманта, не имеют права входить с оружием в сам город, контролируются имперскими чиновниками («...да испишут имена их...»), а их деятельность определена стандартными рамками византийского законодательства. Конечно, конфликты купцов-русов и жителей столицы были неизбежны, но договор предусматривал их разрешение. Разумеется, «творить пакости», т. е. совершать нападения и грабить, могли и купцы (они же воины) по пути в Константинополь или из него, но обременённые товарами и намеревавшиеся получить огромную прибыль на рынках столицы, вряд ли они сколько-нибудь часто переходили от торговли к разбою. Поэтому запрет «творить пакости» не имел для них особого смысла. Иное дело — небольшие группы или значительные отряды скандинавов, имевшие целью военную службу или грабёж. Именно они, видимо, и составляли вторую группу русов, о которой сказано, что она «творит пакости в селѣх в странѣ нашей» и потому потенциально опасна. Очевидно, что эти русы не концентрировались в столице, а могли оказаться в любой местности империи и никак не контролировались имперскими властями.

Единственный путь с Севера в Византию в IX–XI вв. лежал через Восточную Европу¹⁰. На протяжении трёх столетий менялись причины, влекшие скандинавов

⁷ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись (далее — Лавр.). Стб. 31.

⁸ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 105–130.

⁹ Лавр. Стб. 31.

на юг, трансформировался характер этих поездок, их интенсивность и число их участников. Неизменным (или почти неизменным) оставалось одно — путь, по которому следовали как военные отряды, так и караваны торговцев и который пролегал через равнины Восточной Европы. Лишь уже в XII в. некоторые из путешественников начали избирать западный путь вокруг Европы, как Сигурд Крестоносец¹¹. Многие из отрядов начинали свою наёмническую деятельность на Руси, проведя несколько лет на службе русских князей и лишь затем продолжали свой путь на юг. Так, Торкель Светлая Прядь, сын Тьоста, в 930-е гг. отправился «на восток», несколько лет служил на Руси, а затем в течение семи лет «ходил под рукой конунга Гарды» (*er handgenginn Garðskonunginum*)¹². Наиболее известна деятельность «на востоке», по определению исландских саг, Харальда Сигурдарсона, сводного брата Олава Святого и будущего конунга Норвегии, получившего прозвище Суровый Правитель. После гибели Олава (30 июля 1030 г.) Харальд с большим количеством сторонников Олава уехал на Русь, где несколько лет прослужил Ярославу Мудрому, а затем отправился в Византию. По сообщениям саг, он возглавил отряд «дворцовых вэрингов» в Константинополе, после чего вернулся в Норвегию также через Русь, где женился на дочери Ярослава Елизавете¹³. Однако, далеко не все дружины скандинавов имели намерение долгой службой завоёвывать себе «богатство и славу», многие, как на западе¹⁴, так и, вероятно, на востоке, предпочитали быстрое обогащение в ходе молниеносного набега на периферийные центры, располагавшиеся на побережье. Осады столичных городов: Парижа, Лондона, Константинополя — были редким и опасным предприятием. Значительно удобнее были нападения на города и селения вдоль морских побережий или в устьях крупных рек. Таким был первый упомянутый в византийских источниках набег росов — на небольшой город Амастриду на юго-западном побережье Чёрного моря¹⁵. Таково было и нападение росов-дромитов, о котором говорится в хронике

¹⁰ Обзоры поездок скандинавов в Византию см.: *Ellis Davidson H. The Viking Road to Byzantium; Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium; Scheel R. Skandinavien und Byzanz.*

¹¹ *Magnússona saga* // *Snorri Sturluson. Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1951. Bd. 3. (=Íslensk Fornrit. Bd. XXVIII). Bls. 238–277. Сага о сыновьях Магнуса Голоногого // *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Издание подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 481–487.

¹² *Hrafnkels saga Freysgoða*, 9. kafli: *Hrafnkels saga Freysgoða* // *The Icelandic Saga Database* [Электронный ресурс]. URL: https://www.sagadb.org/hrafnkels_saga_freysgoða (03.12.2022).

¹³ *Haralds saga Sigurðarsonar* // *Snorri Sturluson. Heimskringla*. Bd. 3. Bls. 68–202. Перевод на русский язык: Сага о Харальде Суровом // *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. С. 402–464; о пребывании Харальда на Руси см.: *Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012 (=Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 427–493; Scheel R. Skandinavien und Byzanz. S. 293–372.*

¹⁴ О западных походах викингов см.: *Conpland S. The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England to 911* // *The New Cambridge Medieval History* / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995. Vol. II. С. 700 — с. 900. P. 190–201; *The Normans in Europe* / Ed. and trans. by E. van Houts. Manchester, 2000; *The Viking World* / Ed. by St. Brink in collaboration with P. Nice. London; New York, 2008. P. 341–469.

¹⁵ См.: *Житие Георгия Амастридского* // *Васильевский В. Г. Труды*. Пг., 1915. Т. 3. С. 64 (гл. 43).

Псевдо-Симеона (X в.) в перечне балканских географических реалий и которое ряд исследователей (Р. Дженкинс, М. В. Левченко и др.) стремились увязать с маршрутом русского войска Олега в легендарном походе 907 г.:

«Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать)»¹⁶.

Именно такие отряды представляли наибольшую опасность и грозили разорением целых областей, и именно против них и направлено требование, чтобы киевский правитель, контролировавший путь по Днепру в Чёрное море, «запрещал своим словом» нападения на византийские владения проходящим варяжским отрядам.

Ещё одной категорией скандинавов в Византии с конца X в. стали паломники. Паломничества в Святую Землю, Рим и Константинополь начались практически одновременно с принятием христианства в Скандинавских странах. В нарративных источниках отмечаются «элитарные» поездки скандинавских правителей (датских королей Кнута Великого в 1027–1028 гг. и Эрика Доброго в 1103 г.), которые совмещали паломничества с решением политических задач. Они ездили в первую очередь в Рим, где общение с папой давало возможность урегулировать проблемы скандинавской церкви (создание новых епископий и т.п.). Сведения же о вызывавшихся исключительно религиозными соображениями паломничествах простых жителей Скандинавских стран крайне скудны, и рунические надписи — единственные современные им тексты — лишь очень редко дают возможность отделить поездки-паломничества от торговых или военных предприятий. Главным показателем того, что путешественник преследовал религиозные цели, является упоминание в двух рунических надписях из Средней Швеции Иерусалима как конечного пункта поездки (Рим в рунических надписях не называется).

Пребывание — в первую очередь наёмников-вэрингов — в Константинополе оставило ощутимые следы в древнескандинавской письменности. Наряду с наименованием самого города (*Miklagarðr* от *mikill* ‘большой, великий’ и *garðr* ‘огороженный хутор, двор’ — вероятно, калька др.-рус. *Царьградъ*) королевские и родовые саги содержат подчинённые сюжету упоминания и — реже — описания отдельных районов или зданий города, в первую очередь императорского дворца и прилегающих к нему участков (подобных описаний для Новгорода или Киева нет).

¹⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. 2010. Т. II. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. С. 182–184. См. подробнее: *Карпозилос А.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 112–118. URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/49/52701> (07.12.2022). Последняя фраза была интерпретирована славянским переводчиком как обозначение принадлежности росов-руси к «роду варяжскому».

Эти описания остаются своего рода гапаксами, которые не вошли в основной фонд знаний скандинавов о мире. Единственным сооружением Константинополя, которое запечатлелось в коллективной памяти скандинавов, был собор Святой Софии, получивший «скандинавское» наименование Эгисив (адаптация греческого *Αγία Σοφία*) и упоминаемый, в частности, в географических трактатах: «В Миклагарде есть церковь, которую их люди (греки. — *Е. М.*) называют Агисофия, а норманны называют Эгисив»¹⁷. Другим, хотя и менее известным, зданием был императорский дворец, получивший название Полота (от др.-рус. *палата*), но он упоминается в контексте рассказов о вэрингах.

Таким образом, по совокупности древнескандинавских, древнерусских и византийских источников вырисовывается несколько ипостасей, в которых скандинавы могли оказаться в Византии. Это, как принято считать, викинг-грабители, наёмники, купцы, паломники. Однако не все отмеченные виды деятельности скандинавов в Византии изображаются в скандинавских сагах, записанных в конце XII–XIV вв., но опирающихся на устную традицию и скальдическую поэзию X–XII вв. Отсутствие сведений о грабительских походах на Византию и о собственно скандинавских купцах (т. е. торговцах из Скандинавских стран, а не из Восточной Европы) заставляет более пристально взглянуть в сообщения источников.

Викинг-грабитель

Как ни удивительно, саги, десятки и сотни раз повествующие об удачных (а иногда и неудачных) викингских походах, рассказывающие о богатой добыче предприимчивых викингов, не содержат сведений об их набегах на византийские владения. Походы в Англию, Ирландию, северо-западную Франкию отмечаются и в родовых и королевских сагах, сообщения которых более или менее достоверны, но Византия и Константинополь (*Miklagarðr*) называются в них только как место военной службы скандинавов¹⁸. Особенно показательны повествования так называемых саг о викингах¹⁹, которые обобщают и типизируют сюжеты, восходящие к событиям IX–X вв. и отложившиеся в устной традиции как устойчивые мотивы, в значительной степени окрашенные фольклорно-сказочными элементами²⁰. Но и в них Византии предстаёт не как объект нападений викингов (подобно Гардарики — Северо-Западной Руси), а как источник христианства²¹.

¹⁷ Описание Земли I, Какие земли лежат в мире: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 56–84.

¹⁸ О характере исторической информации родовых и королевских саг см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой; авт. М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. Изд. 2-е. М., 2013. С. 444–462.

¹⁹ Там же. С. 462–468.

²⁰ Мельникова Е. А. Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг // Вестник РГТУ. Серия

Одной из причин отсутствия сведений о походах в Византию было, вероятно, незначительное (в любом случае, несопоставимое с количеством походов в Западную Европу) число удачных — а потому заслуживавших рассказа и последующей меморизации — походов скандинавов в пределы Византийской империи. Слишком далеко она находилась, и слишком сложен был путь к ней по рекам Восточной Европы. Неслучайно «саги о викингах» знают всего лишь об одном военном предприятии скандинавов в Средиземном море — легендарном походе Бьёрна Железнобокого — сына Рагнара Лодброка — и некоего Хастинга (*Alstignus*), которые, войдя в Средиземное море с запада, через Гибралтарский пролив, разорили итальянский городок Луну, приняв его за Рим (середина X в.)²². Попытки грабительских же походов в Византию, видимо, не приносили большого успеха.

Тем не менее византийские власти уже с начала X в. были озабочены возможностью нападений скандинавов: прочно закрепилась в памяти осада Константинополя в 860 г.²³, прибавило опасений и нападение Олега. Вряд ли можно сомневаться, что это были далеко не единственные походы на Великий город. Ещё об одном таком походе на хазарские, а затем византийские владения в Причерноморье — возможно, инспирированном сначала византийскими властями (нападение на хазар), а затем совершённым уже под давлением хазар (на Византию) — говорится в так называемом Кембриджском документе (X в.). Возглавляемый неким ХЛГУ (*Helgi* > Олег, отождествляется иногда с киевским князем Олегом), отряд потерпел в результате сокрушительное поражение, и большая часть его участников погибла²⁴. Поэтому неслучайно в договоры и 911, и 944 гг. включены статьи, регламентирующие прибытие скандинавских как караванов купцов, так и военных отрядов из Восточной Европы (точнее, по Днепровскому пути)²⁵. Причём первый договор формулировал это требование ещё достаточно общо:

«Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 26–40. URL: <https://history.rsu.ru/jour/article/view/797> (07.12.2022).

²¹ Мельникова Е.А. Византия и христианизация Скандинавии // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: сборник статей памяти профессора И. С. Чичурова / Под ред. П. В. Кузенкова, А. А. Войтенко, М. В. Грацианского. М., 2012. С. 211–22. См. также примеч. 31.

²² *Dudo de St. Quentin. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. I.2* / Publiée par J. Lair. Caen, 1865 (=Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie. Vol. 23). P. 132–135 (I. 5–7). URL: <https://archive.org/details/demoribusetacti00dudogoog> (07.12.2022).

²³ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь.

²⁴ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997 (2-е изд.: 2003). С. 101–193. Специально о ХЛГУ кембриджского документа см.: Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М., 2000. С. 222–229.

²⁵ Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // Российская история. 2019. № 4. С. 66–81. URL: <https://russian-history.ru/s086956870005873-1-1/> (07.12.2022).

«...да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей»²⁶.

Договор же 944 г. существенно расширил и «бюрократизировал» обязательства киевского князя:

«А великий князь Руский и боляре его да посылають в Греки... корабля елико хотять, со слы [своими] и с гостьми. Якоже им уставлено есть, ношаху сли печати злата, а гостье сребрени... иже посылаеми бывають от них [сли] и гостье, да приносятъ грамоту, пишюче сице: яко послах корабль селико; и от тех да увемы и мы, оже с миромъ приходить. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять»²⁷.

Можно предполагать, что опасность нападений самостоятельных викингских отрядов не только не уменьшилась, а напротив, возросла. Неслучайно этот пункт вынесен в начало договора и составляет первую статью после интитуляции и определения санкций за нарушение договора. Изменяется и характер принимаемых на себя киевским князем обязательств: от него более не требуется обеспечивать мирную деятельность идущих в Византию скандинавов. Видимо, за прошедшие 30 лет византийские власти убедились в невыполнимости этого требования: с одной стороны, кроме днепровского пути существовали и другие выходы в Чёрное море, которые с легкостью могли использовать скандинавы, с другой — никакие требования киевского князя не могли иметь обязательной силы для не подчинявшихся ему викингских команд — те подчинялись только своему предводителю. Поэтому, вероятно, в договоре 944 г. предусмотрен совершенно иной способ обеспечения безопасности византийской территории: князь должен выдавать «мирные грамоты» и золотые или серебряные печати тем, кто отправляется в Византию с очевидно мирными целями, — послам и купцам. Возможно, аналогичные грамоты могли выдаваться и тем, кто ехал наниматься на службу в византийскую армию, особенно если эта группа скандинавов прослужила некоторое время на Руси. Во всяком случае, именно так поступил князь Владимир в 978 г., отправивший в Византию варягов, участвовавших в захвате Киева (правда, в своём письме он предупреждал императора и о неблагонадёжности варягов и советовал

²⁶ Лавр. Стб. 31.

²⁷ Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. С. 31. URL: https://archive.org/details/Monuments_of_Law_of_Kievan_State_Zimin (07.12.2022). Ср.: Лавр. Стб. 48.

«расточить их по градамъ»)²⁸. Условие договора 944 г. снимало с русского князя ответственность за прибывавшие с территории Руси (или через Русь) отряды без грамот: таким новоприбывшим имперские власти не только не гарантировали безопасности, но более того, предусматривалось их задержание до выяснения их намерений, а в случае разбоя — уничтожение.

Яркой иллюстрацией к статье договора 944 г. о праве византийских властей расправляться с отказывавшимися сложить оружие отрядами из Восточной Европы, служит история некоего Хрисохира (*Χρυσόχειρ*, буквально «золотая рука»), родственника князя Владимира Святославича. После смерти последнего Хрисохир с 800 воинов оказался в Византии и хотел поступить на службу, но отказался сдать оружие по требованию властей. Отвергнув также предложение о переговорах, он силой прорвался к Абидосу на азиатском побережье пролива Дарданеллы, разгромил пропонтидского стратига и вышел в Эгейское море, где у о. Лемнос был окружён византийским флотом. Его корабли были потоплены, и сам он погиб в сражении²⁹.

Другой причиной отсутствия запечатлённых в сагах воспоминаний о грабительских походах в Византию, мог быть сложившийся и устойчивый, неоднократно воспроизводимый в «сагах о викингах» образ Византии как одного из главных центров мира (наряду с Римом) — средоточия верховной власти, богатства, культуры³⁰ — и как источника христианской веры, центра, куда скандинав приходит в поисках истинной веры и где обретает её³¹. Показательна трансформация византийских эпизодов в истории князя Олега и викинга Оdda Стрелы. Мотив «смерти от коня», объединяющий оба персонажа, возник в варяжской среде на Руси в рамках эпизации сказаний о деятельности Олега и был затем перенесен в Скандинавию и совмещён с образом Оdda³². Можно полагать, что и многие другие элементы истории Оdda (если не весь вообще этот персонаж, неизвестный ни одной другой саге и упоминаемый лишь один раз у Саксона Грамматика) восходят к той же варяжской эпической традиции, героем которой был Олег. В этой, древнерусской, традиции, запечатлённой в летописях, важное (если не центральное) место занимает

²⁸ Лавр. Стб. 48.

²⁹ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum* / Rec. H. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 367 (гл. 46, строки 71–74). URL: <https://archive.org/details/scylitzae1973/page/867/mode/2up> (07.12.2022).

³⁰ *Sverrir Jakobsson*. Centre and Periphery.

³¹ Глазырина Г. В. От язычества к истинной вере: Путь главного героя древнеисландской *Саги об Оdde Стреле* // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). СПб.; Псков, 1995. Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. С. 85–87. URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdaniya/pdf/Tserk_archeo_01_1995.pdf/view (07.12.2022); Она же. Путь на восток — путь к христианскому спасению: Сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. М., 2010. С. 384–404.

³² *Melnikova E.* The Death in the Horse's Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions // *Gudar på jorden: Festschrift till Lars Lönnroth* / Red. S. Hansson, M. Malm. Eslöv, 2000. S. 152–168; Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95–108.

повествование о его блистательном походе на Византию, насыщенное фольклорными мотивами и сюжетами (корабли на колёсах, отравленное вино и пр.). В «Саге об Оdde Стреле» герой оказывается в Византии не во главе военного предприятия, а как одинокий путник, который с детства противится язычеству и после долгих странствий обретает истинную веру и принимает крещение (надо отметить, что уже в начале своего трёхсотлетнего пути Ода встречает монаха-отшельника и знакомится с христианством, но не принимает его, а продолжает свой путь)³³. Мотив военного похода заменяется здесь мотивом обретения веры.

Отмеченные причины — во-первых, редкость таких грабительских походов, которые предпринимались из самих Скандинавских стран (подобные походы осуществляли уже осевшие в Восточной Европе скандинавы), имели своей непосредственной целью Византию и притом приносили заслуживающий меморизации результат, а во-вторых, устойчивость образа Византии как центра мира и источника христианства — видимо, в совокупности и обусловили отсутствие в скальдических стихах и сагах рассказов (или упоминаний) о военных экспедициях в Византию.

Наёмник в полевом войске

Первым скандинавом, служившим в Византии, исландская традиция считает исландца Болли:

«Мы не слышали рассказов, чтобы какой-нибудь норманн пошел на службу конунга Гарды (византийского императора. — Е.А.) раньше, чем Болли, сын Болли»³⁴.

Возвращение Болли из Византии после многих лет пребывания там условно датируется временем около 1030 г. Но на самом деле Болли был далеко не первым скандинавом-наёмником, о чём проговаривается и сам автор «Саги о людях из Лососьей долины»: приведённая выше ремарка следует за рассказом о поездке Болли в Миклагард: «Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину» («Hann var litla hríð þar áður hann kom sér í Væringjasetu»). Ко времени приезда Болли «варяжский корпус», таким образом, уже существовал. Действительно первые по времени вэринги³⁵ упомянуты в «Саге о Хравнкеле Годи Фрейра»: в ней рассказывается, во-первых, о поездке в Константинополь Торкеля Светлая Прядь,

³³ Qrvar-Odds saga / Hrsg. von R. C. Boer. Leiden, 1888. URL: <https://archive.org/details/rvaroddssaga00unkngoog> (07.12.2022).

³⁴ Laxdæla saga, 73. kafli: Laxdæla saga // The Icelandic Saga Database [Электронный ресурс]. URL: https://sagadb.org/laxdaela_saga.is (03.12.2022). Ср. перевод на русский язык: Сага о людях из Лаксдаля // Исландские саги / Ред., вст. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 428.

³⁵ О соотношении обозначений *варяг* — *βαργγυοι* — *væring* см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/slav-1994-2.pdf> (07.12.2022).

сына Тьоста, который в течение семи лет «ходил под рукой конунга Гарды» («er handgenginn Garðskonunginum»)³⁶, и, во-вторых, о пребывании в Миклагарде мореплавателя (*farmaðr*) Эйвинда Бьярнарсона, который «снискал там большое расположение греческого конунга и был там в дружине» («fek þar goðar virðingar af Grikkja konungi ok var þar um hrið»)³⁷. Поездка Торкеля датируется 937–944 гг., Эйвинда — временем до 950 г.³⁸

До Болли, согласно сагам, в Константинополе побывали и другие исландцы: Финнбоги Сильный, ставший дружинником (*hirdmaðr*) императора Иона — Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.); Грис Сэмингссон (ок. 970–980 гг.), который снискал в Византии «большой почёт»; Колльскегг (вскоре после 989 г.), Гест Торхалльссон и Торстейн Стюрссон (ок. 1011 г.); Барди (между 1022 и 1025 гг.)³⁹. Вскоре после 1016 г. в Константинополе находился датчанин Эйлив Торгильссон, брат ярла Ульва. Таким образом, сообщение автора «Саги о людях из Лаксдаля» ошибочно и, видимо, связано со стремлением автора саги по возможности возвеличить Болли сына Болли.

Начиная с этого времени сообщения о службе скандинавов в Византии насчитываются десятками: только в шведских рунических надписях XI в. их более двадцати⁴⁰.

В отличие от скандинавских, византийские источники, однако, относят первые случаи привлечения скандинавов (*Ρῶς*) на военную службу к значительно более раннему времени — самому началу X в. Прибытие росов из Восточной Европы отмечает Лев VI Мудрый в разделе *Ναυμαχία* трактата *Τακτικά*, написанного между 904 и 912 гг.⁴¹ Едва ли не первым сообщением о службе росов является упоминание о росах, именуемых дромитами, в т. н. Хронике Псевдо-Симеона, о чём говорилось выше. Это сообщение приведено в описании событий 904 г.⁴² Возможно,

³⁶ Hranfnkels saga Freysgodi. 9. kafli.

³⁷ Ibid. 3. kafli.

³⁸ Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. P. 310.

³⁹ Дабы согласовать хронологию поездок Геста, Барди и Кольскегга с сообщением «Саги о людях из Лаксдаля» о Болли, как первом дружиннике в Константинополе, В. Г. Васильевский предложил передатировать их 1020-ми гг. (Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. С. 181–191). Однако контекст рассматриваемых известий и хронология соответствующих саг не даёт для этого оснований. См.: Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. S. 315, 317.

⁴⁰ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 98–120 и др. В двух рунических надписях из Эстерьётланда присутствует имя собственное **uirikR** (Ög. III, Landeryds kyrka) и **uerekR** (Ög. 68, Ekeby), возможно, относящиеся к одному и тому же человеку. Оно может быть интерпретировано как имя (прозвище?) *VaringR*. Более вероятно, однако, что здесь представлено известное личное имя *VérikR* (ср.: *Vemundr*, *Eiríkr* и др.).

⁴¹ Шавелев А. С. Известие о «северных скифах» («россах») в разделе «Ναυμαχία» трактата «Τακτικά» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 236–250.

⁴² Symeonis Magistri et Logothetae. Chronicon / Rec. S. Wahlgren. Berlin; New York, 2006 (=Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XLIV/1). S. 84*–91*, 139*. См.: Карнозинос А. Рос-дромиты. С. 112–118; Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. М., 2011. Вып. VIII. С. 7–35; Шавелев А. С. «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana=Петербургские

как предполагает А. С. Щавелёв, упоминание рос-дромитов связано с их участием в войне патрикия Имерия против арабского адмирала Льва Триполита в 905/906 г.⁴³ В 910–911 гг. командующий морским походом против арабов логофет дрома патрикий Имерий использовал отряд народа *Рѡς* из 700 человек в морской экспедиции на Крит⁴⁴. Семь кораблей росов (с 415 воинами) участвовали в морских операциях при императоре Романе I Лакапине в 935 г., 584 роса и 45 юношей при них — при Константине VII Багрянородном в 949 г.⁴⁵ Служба руси в Византии предусматривается договорами и князя Олега 911 г.:

«Егда же требуетъ на войну ити, и сии хотятъ почтити царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотятъ остатися у царя вашего своею волею, да будутъ», —

и князя Игоря 944 г.:

«Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к нам, елико же хотимъ...»⁴⁶

Византийские власти «начали хотеть» воинов-русов уже через несколько лет после заключения второго договора: во время своей поездки в Константинополь Ольга — вероятно, по просьбе императора — обещала прислать военный отряд в помощь византийцам, а в 988 г. князь Владимир Святославич отправил шеститысячное войско для борьбы с мятежниками. Присланные воины стали органической частью византийской армии, что отметил в 956 г. арабский историк Абу-л-Хасан ал-Мас'уди:

«...Ар-Рус... вошли многие из них в настоящее время в общность ар-Рум (Византийская держава) подобно тому, как вошли ал-Арман (армяне) и ал-Бургар (болгары), которые [представляют собой] один из видов ас-Сакалиба (славяне), и ал-Баджанак (печенеги) из тюрок. И они [византийцы] поместили их [русов, армян, болгар и печенегов] гарнизонами во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа (сирийской), обратили их против Бурджан (бургундцев?) и других народов, враждебных им и окружающих их владения»⁴⁷.

славянские и балканские исследования. 2017. № 1 (21). С. 87–88. URL: <https://slavica-petropolitana.spbu.ru/files/2017-1/06-Schavelev.pdf> (07.12.2022).

⁴³ Щавелёв А. С. «Держава Рюриковичей». С. 87–88.

⁴⁴ Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies: In 2 vols. / Trans. by A. Moffart, M. Tall. Canberra, 2012. Vol. 2. P. 651–652, 654.

⁴⁵ Ibid. P. 660–678.

⁴⁶ Лавр. Стб. 36, 52.

⁴⁷ Абу-л-Хасан ал-Мас'уди. Книга предупреждения и пересмотра / Пер. с араб. В.М. Бейлиса; изд. подг. по материалам В. М. Бейлиса Т. М. Калинина и О. Б. Бубенок. М., 2021. С. 152.

Таким образом, уже с самого начала X в. византийская армия и флот пополнялись выходцами из Скандинавии, как прибывавшими непосредственно из Скандинавских стран, так и уже осевшими на Руси, и на протяжении X в. и вплоть до второй половины XI в. их поток продолжал расширяться.

Деятельность скандинавов в Византии до поездки Кольскегга (т. е., условно говоря, до 980-х гг.) определяется в сагах разнообразными терминами, связанными с военной службой и вассальным подчинением, но только не словом *вэринги*. Торкель (дословно) «ходит под рукой» византийского императора, Эйвинд служит «в дружине» и т. д. Кольскегг был первым, кто не только «пошёл на службу», но и стал «предводителем войска вэрингов» («*var hofðingi fyrir væriagarlið*»), открывая череду прославившихся выдающимся положением в Византии скандинавов, среди которых затем были Эйлив Торгильссон, Харальд Суровый Правитель, Рёгнвальд из рунической надписи № 118 и др. «Служат в числе вэрингов» («*ganga a mala með væringjum*») Гест и следующие за ним десятки скандинавов. Начиная с этого времени название *væringi* и производное от *væringjalíð* — «войско вэрингов» будут постоянно встречаться в рассказах о поездках норманнов в Византию.

Вместе с тем название *вэринги* приложимо не только не ко всем, кто побывал в Византии — общим обозначением для купцов, паломников, а также воинов было *Grikklandsfari*, буквально «ездивший в Грецию», — но даже не ко всем служившим в византийском войске. Называя кого-либо *вэрингом*, авторы саг нередко добавляют, что человек либо служил «в войске вэрингов», либо был дружинником (*hirðmaðr*), охранником (*vörðamaðr*), либо просто был «мужем» (*maðr*) византийского императора, как Эйвинд, Финнбоги и затем многие другие.

Одновременно составители саг противопоставляют *вэрингов* и *норманнов* (обычное обозначение скандинавов). Так, уже в истории Геста и Торстейна говорится: «И таков был обычай вэрингов и норманнов, чтобы днём быть на состязаниях и заниматься борьбой»⁴⁸. Термины *вэринги* и *норманны* соотносятся, с одной стороны, как частное и общее (вэринги — определённая группа, выделенная среди норманнов-скандинавов), как, например, в «Саге о битве на Хейде»: Барди «был там среди вэрингов, и все норманны ценили его». С другой, как в истории Геста и Торстейна (а также в ряде других), и вэринги, и норманны бесспорно служат в византийском войске и совместно участвуют в некоторых церемониях, но они различаются и подчас противопоставляются и ими самими, и — на основе информации, полученной от них, — авторами саг.

Сходная дифференциация содержится и в византийских источниках. С одной стороны, параллельное византийское название (очевидно заимствованное либо из др.-рус. *варяг*, либо др.-сканд. *Varangr*) относится к не очень многочисленному и привилегированному контингенту скандинавов на византийской службе — отряду телохранителей императора, императорской гвардии. С другой — в византийском

⁴⁸ *Heiðarvíga saga* // *Borgfirðinga sögur* / Guðni Jónsson ok Sigurður Nordal gáfu út. 2 utg. Reykjavík, 1955 (=Íslenzk fornrit. Bd. III). S. 243.

войске служили и другие, более многочисленные (насчитывавшие подчас тысячи) отряды скандинавов, которые также именовались варангами. Это положение нашло отражение в противопоставлении «дворцовых» и «внешних» варангов, участвовавших в восстании в царствование Никиты Вотаниата⁴⁹. Различает два контингента варангов и Пселл: первый он определяет как «ту часть наемническую, которая обыкновенно принимает участие в царских выходах», второй — как союзнический корпус⁵⁰.

Можно предполагать, что противопоставление вэрингов норманнам в сагах зиждется на той же самой основе: вэринги — это соответствующая «дворцовым» варангам Скилицы особая, пользующаяся привилегиями и находящаяся в особой близости к императору часть скандинавских наемников. Неслучайно так часты упоминания византийских василевсов, называемых в общем форме или поименно, в связи с вэрингами. Норманны же — это «внешние» варанги, союзнические отряды в составе византийского войска.

Строгая отнесённость термина *вэринги* в скандинавских источниках к отряду императорских телохранителей («дворцовым» варангам) объясняет, почему скандинавы, служившие в византийском войске и принимавшие участие в различных военных действиях Византии, до конца X в. не называются этим термином — лишь после создания «варяжского корпуса» как императорской гвардии, заменившего армянских телохранителей, видимо, где-то около 980 г. (что перекликается с отправлением отряда варягов к византийскому императору Владимиром), появляется специальное обозначение этой части скандинавов, которое проникает затем в Скандинавию вместе с возвращающимися варангами,

Два известных нам случая упоминания вэрингов на Руси не могут поставить под сомнение однозначность понимания этого слова в Скандинавии, тем более что одно из них допускает и обычное толкование термина. В «Саге о битве на Хейде» в рассказе о Барди говорится, что он поступил на службу, будучи на Руси, и был там «вместе с вэрингами» (*med væringjum*). Примечательно, однако, что далее автор говорит: «И все норманны (*nordmenn*) ценили его»⁵¹, традиционно разделяя и противопоставляя тех и других. Если бы слово *вэринги* обозначало всех скандинавов на русской службе, то основы для такого противопоставления не существовало бы. Приезд Барди на Русь датируется в целом 1020-ми гг., т. е. тем временем, когда «варяжская гвардия» уже была создана. Основным путём в Византию для скандинавов была Восточная Европа, путь из варяг в греки, причём по сообщениям многих саг (например, «Саги о Харальде Суровом Правителе», «Саги об Ингваре» и др.) мы знаем, что нередко на пути в Византию или обратно скандинавы задерживались на Руси и проводили некоторое время на службе русских князей. Не этих ли скандинавов, уже побывавших в Константинополе и послуживших в гвардии

⁴⁹ *Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. P. 92.*

⁵⁰ *Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. С. 217.*

⁵¹ *Heiðarvíga saga. 40. kafli.*

императора, называет здесь сага вэрингами — в полном соответствии с традицией, в противоположность всем остальным норманнам, находившимся в тот момент на русской службе? Возможно, что привилегированное положение вэрингов в Византии отражалось и на их статусе на Руси, более высоком, нежели статус остальных скандинавских наемников, не имевших подобного опыта.

Контекст упоминания «некоего вэринга на Руси» (*varingus quidam in Ruscia*) в одном из чудес св. Олава⁵², действие которого происходит в Новгороде, не оставляет сомнения в том, что это ремесленник-скандинав (отнюдь не воин!), находящийся на Руси и не бывавший в Византии, однако, есть достаточно оснований полагать, что эта новелла сложилась в Новгороде в среде прихожан и клира церкви св. Олава и испытала влияние местного, новгородского словоупотребления⁵³, поэтому слово *varingus*, отражающее скорее древнерусскую форму *варягъ*, нежели древнескандинавскую *væringi*, использовано здесь в том значении, которое оно имело на русской почве. Возможно, что несоответствие значений слова в древнерусском и в древнескандинавских языках и заставило автора новеллы специально оговорить, что действие происходит «на Руси».

Таким образом, представляется, что в скандинавской письменности термин *væringi* однозначно приложим только к скандинавским наёмникам, служившим в «варяжском корпусе» в Византии — привилегированном отряде телохранителей императора, и первоначально не распространялось на другие группы скандинавов в византийской армии или на Руси. Узкая специализация термина и его однозначность позволяют предположить, что он вошёл в употребление в Скандинавии лишь после создания «варяжского корпуса» и одновременно с появлением византийского названия того же института — варанги. Иностранность и позднее происхождение древнескандинавского названия нашли косвенное отражение в одной из редакций «Саги о Харальде Суровом Правителе» (по рукописи *Flateyjarbók*), где говорится о положении в Константинополе перед приездом Харальда: «И было там уже множество норманнов, которых они (т. е. византийцы. — Е. М.) называют вэрингами» («En mikill mennjoidi var þar aðr fyrir nordmanna, er þeir kalla væringja»)⁵⁴. Подобное противопоставление двух наименований: одного — местного, другого — заимствованного, широко распространено в древнескандинавской литературе.

Подавляющее большинство варангов служили в войсковых полевых частях, образуя отдельную элиту⁵⁵ или входя в общевойсковой контингент. Таковы

⁵² Monumenta historica Norvegiæ: Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880. S. 143. URL: <https://archive.org/details/monumentahistor00storgoog/page/n218/mode/1up> (07.12.2022); Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги. С. 563–568.

⁵³ Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. 1996. Т. 56. С. 92–106. URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/56/53018> (07.12.2022).

⁵⁴ Flateyjarbók / Sigurður Nordal gaf út. Akranes, 1945. Bd. IV. S. 60.

⁵⁵ Филиппук А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в.: контакты, торговля и формирование политической элиты // Восточная Европа в древности и средневековье: XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 292–297.

«рузы», о которых сообщает армянский историк Х в. Асолик, рассказывая о болгарской кампании византийского императора Иоанна Цимисхия (кир-Жана) (969–976). По словам Асолика, в сражении на Балканах на помощь болгарам был призван народ рузов (в других рукописях – «народ русов»):

«...потом он (Иоанн Цимисхий. — *Е. М.*) отправился войной на землю Булхаров (болгар. — *Е. М.*), которые при помощи Рузов вышли против кир-Жана[,] и когда завязался бой, Рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска»⁵⁶.

Очевидно, Асолик передаёт здесь рассказы очевидцев — возможно, тех армянских воинов, которые составляли собственную дружину и отборные отряды войска армянского аристократа и полководца Цимисхия. Из контекста ясно, что рузы являлись наиболее боеспособной частью войска союзников и вполне могли бы переломить ход сражения, если бы не армянская гвардия императора.

Асолик рассказывает и о другом случае участия рузов в кавказских делах — шеститысячном войске, которое было прислано императору Василию II киевским князем Владимиром около 988 г.: войско было задействовано во время византийского похода в Тайк, предпринятого с тем, чтобы получить владения Давида Куропалата, завещанные им империи. В составе войска Василия находились русские отряды:

«В самый день отъезда последнего (императора Василия II. — *Е. М.*) в греческом лагере произошла сильная схватка из-за ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида, прибывшие туда, стояли недалеко от греческого лагеря. Из пехотного отряда Рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из Ивирийцев и отнял у него сено. Тогда прибежал к Рузу на помощь другой Руз. Ивериец кликнул к своим, которые, прибежав, убили первого Руза. Тогда весь народ Рузов, бывших там, поднялся на бой: их было 6 000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего»⁵⁷.

«Полевых» варангов упоминают и византийские источники, в том числе военные трактаты, а в сочинении «О церемониях» византийский император Константин Багрянородный подробно характеризует состав и содержание наёмников-росов⁵⁸. Скандинав-наёмник на службе в Византии, таким образом, —

⁵⁶ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым. М., 1864. С. 127–128. URL: <https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtMTc2NA/cGFnZTAwMDAw> (07.12.2022).

⁵⁷ Там же. С. 200.

⁵⁸ Филипчук О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: Дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010; *Він же. Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // Ruthenica*. Київ, 2008. Т. VII. С. 7–29. URL: <http://history.org.ua/JournALL/ruthenica/7/1.pdf> (07.12.2022).

наиболее распространённый образ в скандинавских источниках, возникший уже во второй трети X в. и достигший наибольшей популярности в XI в.

Императорский гвардеец

Почти обо всех скандинавах-наемниках сообщается, что они были с почестями приняты самим императором, который наградил их за верную службу, — такова стереотипная характеристика доблестного воина. Однако в действительности лишь немногие и далеко не сразу добились почётной службы в императорской гвардии. К числу таких немногих, видимо, принадлежал упоминавшийся выше исландец Болли Болласон из знатного рода, который уже во взрослом возрасте, женатый и имевший детей, решил не ограничиваться обычными поездками в Норвегию и Данию:

«И после того как Болли провел зиму в Дании, он отправился в дальние страны и не прерывал своего путешествия, пока не прибыл в Миклагард. Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец или исландец до Болли, сына Болли, стал дружинником короля Миклагарда (Константинополя. — *Е. М.*). Он провел в Миклагарде много лет и выказывал себя во всех испытаниях как самый отважный воин и всегда был первым среди других. Варяжские дружинники очень ценили Болли, пока он был в Миклагарде»⁵⁹.

Согласно «Саге о людях из Лососьей долины», Болли прослужил в Константинополе долгие годы и по хронологии саги вернулся в Исландию около 1030 г. Его служба, очевидно, протекала успешно, потому что

«Болли привез с собой большие богатства и много драгоценностей, которые ему подарили высокопоставленные люди. Болли так привык к пышности, когда он вернулся из своего путешествия, что не желал носить никакой другой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей, и все его оружие было украшено золотом. Его называли Болли Горделивый. Он объявил своим корабельным спутникам, что намерен отправиться на запад, в свою родную округу, и оставил корабль вместе с грузом в руках своих спутников. Болли уехал со своего корабля вместе с одиннадцатью спутниками, и все они были в пурпурных одеждах и сидели на позолоченных седах. Все они были хороши собой, но Болли превосходил их всех. Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил король Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ, а за поясом у него был меч Фотбит. Его крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка была обвита золотой нитью. На голове у него был золоченый шлем, а на боку красный

⁵⁹ *Laxdæla saga*. 73. kafli; Сага о людях из Лососьей долины. С. 428.

щит, на котором был изображен золотой рыцарь. В руке у него была пика, как это принято в других странах. Везде, где они останавливались, женщины оставляли все свои дела и только смотрели на Болли и на его величие, и на его сотоварищей»⁶⁰.

Исландского сказителя интересует судьба Болли и принёсшие ему славу результаты его деятельности в Византии, нежели сама эта деятельность. Значительно больше внимания подвигам своего героя в Византии уделяет другой сказитель, который повествовал о самом известном из варангов-гвардейцев — Харальде Сигурдарсоне, ставшем позднее норвежским королём и получившем прозвище Суровый Правитель. Славе Харальда способствовало и сочинение скальдических стихов — в том числе им самим (он был искусным скальдом), — и его рассказы о своих сражениях в Византии, подхваченные его дружинниками и затем передававшиеся другими рассказчиками — уже в Исландии.

Ярким следом «дворцовых» варангов-скандинавов являются рунические надписи в соборе св. Софии в Константинополе. Все они расположены на галерее второго этажа, где во время богослужений должны были находиться телохранители императора. Три воина, Ари, Хальвдан и Аринбьярн, вероятно, заскучавшие во время длительной церемонии, вырезали свои имена — засвидетельствовав тем самым свое пребывание в соборе.

Купец

Деятельность скандинавов в Византии в отечественной и зарубежной литературе традиционно характеризуется как наёмничество и торговля. Так, об «интенсивном обмене товарами и услугами» пишет, например, Э. Пильц⁶¹. Правда, собранные ею обширные и разнообразные материалы (в значительной части указывающие лишь на поездки скандинавов в Византию, но не на их торговую деятельность) привели её к выводу о том, что торговые связи с Византией были преимущественно опосредованными и что таким посредником была Русь. К сходному выводу пришёл и Я. Ферлуга, отметивший незначительность следов торговой активности скандинавов с Византией в Скандинавии⁶². Однако вопрос о том, почему прямые торговые связи скандинавов⁶³ с Византией в IX–XI вв. — в

⁶⁰ Ibid. 77. kaflí; Там же. С. 436.

⁶¹ Piltz E. Varangian Companies for Long Distance Trade: Aspects of Interchange between Scandinavia, Rus' and Byzantium // Byzantium and Islam in Scandinavia. Acts of a Symposium at Uppsala University June 15–16 1996 / Ed. E. Piltz. Göteborg, 1998. P. 86.

⁶² Ferluga J. Der byzantinische Handel nach Norden // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Göttingen, 1987. Teil IV. Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit / Hrsg. K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, und D. Timpe. S. 639–642 S. 616–642.

⁶³ Я имею в виду исландцев, норвежцев, шведов, данов. Скандинавов, осевших в Восточной Европе в VIII — первой половине X в., я условно называю русью/русами.

отличие от активной военной деятельности и при бесспорной престижности византийских материальных и культурных импортов — не получили распространения, как кажется, даже не ставился.

Если почти полное отсутствие сведений о торговой деятельности скандинавов на Волжском пути и об их противоречивых отношениях с Хазарией вполне объяснимо, с одной стороны, большой временной дистанцией и спецификой отражения событий IX–X вв. (в форме сюжетных мотивов в сагах о викингах), а во-вторых (и это, видимо, главное) — практически полным прекращением связей с указанным регионом Европы в последующее время, то контакты с Византией в том же X в., как мы видели, представлены и в современных событиях письменных текстах (скальдические стихи, ранние рунические камни), и в более поздних, XIII–XIV вв. (родовые и королевские саги). Память о контактах IX–X вв. поддерживалась их сохранением и в XII–XIV вв. (паломничества, участие в Крестовых походах и др.), а также чрезвычайно высоким престижем Византийской империи.

Удивительно, однако, что среди таких сообщений практически нет известий о скандинавских купцах, отправившихся в Византию с или за ценными товарами — прежде всего шёлком и предметами роскоши, которые появились в Скандинавии уже в IX в.⁶⁴ Единственным, насколько мне известно, прямым сообщением о торговле скандинава в Византии является рассказ о поездке Финнбоги Сильного в Константинополь по поручению норвежского ярла Хакона для взыскания долга с исландца Берси Белого, который семь лет назад «поселился в Грикланде, и там служит конунгу, которого зовут Йон, знатному хёвдингу. Теперь сделался Берси дружинником Йона конунга и [был] в большой милости». Прибыв в Грикланд, Финнбоги «поселился невядалеке от палат конунга. Они вели торговлю с местными жителями». Встретившись с императором Йоном, Финнбоги излагает ему своё поручение, получает обещание «подумать об этом деле» и предложение остаться на зиму «и свободно заниматься торговлей с нашими людьми»⁶⁵. Получив долг и богатые подарки от императора, а также прозвище *rammi* — Сильный, Финнбоги возвращается в Норвегию. Сага, написанная, вероятно, в первой половине XIV в., романтизирует героя — реальное лицо, упомянутое в «Книге о занятии земли» (гл. 71), — используя распространённые повествовательные мотивы саг о древних временах и родовых саг. При этом хронологические ориентиры саги не согласуются между собой. Согласно внутренней хронологии саги, Финнбоги должен был родиться между 925 и 931 гг., а в Норвегию и Византию он отправился, как

⁶⁴ *Duczko W.* Byzantine Presence in Viking Age Sweden: Archaeological Finds and their Interpretation // *Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glauberwechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. M. Müller-Wille. Stuttgart, 1997. Bd. 1. S. 291–311; *Androschuk F.* Vikings in the East: Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala, 2013. P. 91–117.

⁶⁵ «„Hann sé kominn út í Grikkland en þar ræður fyrir konungur sá er Jón heitir og ágætur höfðingi. Nú hefir Bersi gerst hirðmaður Jóns konungs og vel virður»; «Fer Finnboგი hljóðlega og tekur sér herbergi skammt frá konungs aðsetu. Þeir hafa kaupstefnu við landsmenn»; «Nú skuluð þér hér í vetur vera og eigið frjáltslega kaup við vora menn» (*Finnboga saga ramma*, 18.–19. kaflar: *Finnboga saga ramma* // The Icelandic Saga Database [Электронный ресурс]. URL: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_ramma (05.12.2022)).

говорится в саге, в возрасте 18 лет, т. е. в 940-е гг. Однако в то время хладирским ярлом был Сигурд сын Хакона; его отец Хакон сын Грьотгарда был союзником Харальда Прекрасноволосого, который умер ок. 933 г., а его сын Хакон Могучий был фактическим правителем Норвегии в 971–995 гг. Частое отождествление «конунга Йона» с Иоанном Цимисхием также недостоверно: побывать в Византии при Иоанне Цимисхии, который взойшёл на престол в 969 г., Финнбоги никак не мог. Поскольку других императоров с именем Иоанн в X в. не было, предполагается, что автор саги использовал имя одного из последующих императоров: Иоанна II Комнина (1142–1143), Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254), Иоанна IV Дуки Ласкариса (1254–1261), т. е. императора Иоанна (Йона), но современного не Финнбоги, а автору саги⁶⁶. Эти хронологические неувязки и беллетризированный характер как саги в целом, так и данного рассказа (см., например, мотивацию прозвища героя — Сильный, которое было дано ему императором, поскольку Финнбоги поднял помост с сидевшим на троне императором и его приближёнными), заставляют с крайней осторожностью относиться к упоминанию о торговой деятельности Финнбоги в Византии: не исключено, что оно отражает представления автора саги, жившего в ганзейскую эпоху, когда торговля была естественным занятием многих исландцев и норвежцев — в отличие от наёмничества.

Другим, но ещё более сомнительным свидетельством торговли скандинавов в Византии является уже упомянутый рассказ в «Саге о Хравнкеле Годи Фрейра» об условно датируемой 950 г. поездке исландца Эйвинда сына Бьярни. Эйвинд едет в Норвегию в качестве купца (*farmaðr*), после чего отправляется в Миклагард (Константинополь), где проводит «некоторое время». Поездки исландцев в Норвегию с торговыми целями были регулярны, и упоминание об этом вполне обыденно. Однако о продолжении торговой деятельности Эйвинда на востоке сага не упоминает, и значительно вероятнее, что он поступил в империю на военную службу, как и другие его соотечественники.

Надо отметить, что сообщений о торговых поездках скандинавов за пределы Скандинавских стран в исландских сагах не так много, особенно в сравнении с рассказами и упоминаниями их военных предприятий, но все они говорят о торговых связях с Новгородом, Англией и Ирландией. В шведских рунических надписях XI в. увековечивается память о человеке, которые «часто плавал в Земгалию на корабле с дорогими товарами», а также о некоем Дьярве, получившем весы у земгальца⁶⁷. Саги неоднократно рассказывают о купцах, исландцах и норвежцах, торговавших на Руси. Древнейшее из таких упоминаний относится ко второй половине IX в.: исландец Бьёрн получил прозвище Шкура, потому что «он был великим путешественником, Ездоком-в-Хольмгард и купцом, часто ездил на восток, и у него были лучшие шкуры на продажу, чем у большинства других купцов,

⁶⁶ *Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. P. 196.*

⁶⁷ *Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 307–308 (Б-III.5.13), 330–331 (Б-III.7.18).*

и поэтому его прозвали Бьёрн-Шкура»⁶⁸. Речь, однако, идёт исключительно о поездках в Новгород⁶⁹, где на торгу скандинавы приобретают драгоценные ткани, вероятно, византийского производства, богатые одежды, меха, в том числе для перепродажи в Западной Европе, предметы роскоши: украшения, столовую утварь и др., а также рабов (рабынь). Здесь же они встречаются с купцами из других стран: согласно «Пряди о Хауке Длинные Чулки» по «Большой саге об Олаве Трюгтвасоне» (ок. 1300 г.), Хаук покупает драгоценный плащ, отделанные золотом, у торговца-грека⁷⁰; по хронологии саги его поездка датируется первой третью X в. Возможно, уже во второй половине 1020-х гг. был заключён первый торговый договор с Норвегией⁷¹.

В 22 рунических надписях отношения заказчиков памятника и поминаемого определяются словом *félagi* (от *liggja fé*, дословно «складывать имущество») «компаньон, сотоварищ», которое могло относиться к участникам викингского грабительского похода, но чаще, особенно в сагах, означало складников — купцов, ведших совместную торговлю за пределами Скандинавии⁷². Однако в связи с поездками в Византию этот термин упоминается только один раз — на камне, найденном на о. Березань в устье Днепра и датированном второй половиной XI в.: «Грани сделал этот холм по Карлу, своему сотоварищу» (*félagi*)⁷³. Род занятий Грани и Карла и цель их поездки остаются неясными: они могли быть как воинами, так и купцами и направляться как в Византию, так и на Ближний Восток или возвращаться оттуда.

Таким образом, древнескандинавские источники, уверенно свидетельствуя о торговле с Новгородом, практически совсем не отразили прямые торговые контакты с Византией.

Если не об отсутствии таковых, то, по крайней мере, об их незначительности, вероятно, говорят и довольно скудные византийские импорты в Скандинавии, сосредоточенные в основном на востоке: в Свеаланде и на Готланде. Древнейшим свидетельством контактов скандинавов с Византией считается монета чеканки 776/7 г. из Петергофского клада, зарытого в самом начале IX в., с греческим граффито ΖΑΧΑΡΙΟΥ (*gen.* от *Zacharias*)⁷⁴. Для IX в. наиболее показательны монеты императора

⁶⁸ Литовских Е. В. Древнерусско-исландские связи в X–XIII вв.: Бьёрн-Шкура «Ездок в Новгород» // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 184–189.

⁶⁹ Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Вып. XXXII. С. 117–128; Она же. Исландские королевские саги. С. 327–329.

⁷⁰ Она же. Исландские королевские саги. С. 626–627.

⁷¹ Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 354–370.

⁷² Там же. С. 345–353.

⁷³ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. С. 200–202 (А.2.1).

⁷⁴ Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 26–47.

Феофила (829–842) и три печати (найжены в Хедебю, Риббе и Тиссё) патрикия Феодосия⁷⁵.

Византийские монеты начинают поступать в Скандинавию уже в эпоху Великого переселения народов (известно ок. 900 солидов этого времени из Швеции и Дании)⁷⁶. С VII и вплоть до XII в. в Скандинавию приходят фоллисы (их число невелико, и они представлены единичными находками)⁷⁷, а с 800 г. появляются милиарисии (древнейшие — 6 монет императора Феофила, 803–842 гг., найденных в Швеции, из них четыре — в Бирке), число которых не превышает 600: около 500 из Швеции (из них 104 милиарисия найдено в одном кладе — из Оксарве, Готланд), 40 из Дании, 20 из Норвегии и 19 из Финляндии⁷⁸, причём обнаруживаются они в основном в кладах середины IX — середины X в. только вместе с восточными монетами⁷⁹, что говорит о сложении комплексов монет в Восточной Европе. 23 золотые номисмы происходят с о. Готланд, из Дании и Норвегии⁸⁰, из них 16 представлены в кладе из Хён (*Hoen*), Норвегия. При этом 24% всего количества найденных византийских монет были превращены в подвески, в том числе все номисмы из клада из Хён⁸¹. По сравнению с 90 000 восточных монет, найденных в материковой Швеции и на о. Готланд, византийский монетный импорт ничтожен и вряд ли указывает на интенсивность торговых связей с Византией. Он свидетельствует скорее о том, что византийские монеты высоко ценились и были престижны⁸².

Более репрезентативны находки фрагментов изделий из шелковых тканей⁸³ — их необычно большое число концентрируется в Бирке. Они найдены примерно в 70 погребениях — как мужских, так и женских⁸⁴. Вывоз шёлка, однако, строго контролировался византийскими властями⁸⁵. Иное дело — подарки отрезков шёлка или изделий из него. Согласно «Повести временных лет», Ольга перед отъездом из Константинополя получила в дар «злато и серебро, паволоки и съсуды различные»⁸⁶. Исландец Болли сын Болли, побывав в Византии, «не желал носить никакой другой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей...

⁷⁵ *Androschuk F. Vikings in the East. P. 95.*

⁷⁶ *Kromann A. Mønterne fra Byzanz // Bysans och Norden / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989. S. 84.*

⁷⁷ *Ibid. S. 88.*

⁷⁸ *Ibid.; Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. Byzantine Coins Found in Sweden. Stockholm; London, 1989; Androschuk F. Vikings in the East. P. 113–117.*

⁷⁹ *Androschuk F. Vikings in the East. P. 115.*

⁸⁰ *Duczek W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden. P. 293.*

⁸¹ *Audy F. How were Byzantine coins used in Viking-Age Scandinavia? // Byzantium and the Viking World / Ed. F. Androschuk, J. Shepard, M. White. Uppsala, 2016. P. 144, 151. 141–168.*

⁸² *Malmer B. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Century A.D. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du Colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979 / Red. par R. Zeitler. Uppsala, 1981. P. 128; Audy F. How were Byzantine coins used. P. 165.*

⁸³ *Lopez R. J. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. Vol. 20. P. 1–42.*

⁸⁴ *Hägg I. Silks in Birka // Byzantium and the Viking World. P. 281–304.*

⁸⁵ *Hauszig S. W. Der Seidenhandel über die Chazaren mit Byzanz und Skandinavien // Les pays du Nord et Byzance. P. 187–194; Ferluga J. Der byzantinische Handel nach Norden. S. 635–639.*

⁸⁶ Лавр. Стб. 61.

Он был в тех дорогих одеждах, которые ему подарил конунг Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ...»; пурпурные одежды были и на его 12 спутниках⁸⁷. Это и другие подобные сообщения саг подтверждаются археологическим материалом. По наблюдениям И. Хегт, ряд погребённых в Бирке воинов были одеты в шёлковые одежды; в одном случае удалось даже восстановить покррой одеяния — византийского скарамантия, верхней одежды, которую носили военнослужащие, чиновники и придворные, а также сам император⁸⁸. Могли изделия из шёлка попадать в Византию и транзитом: драгоценный (шёлковый?) плащ, отделанный золотом, был куплен Хауком в Новгороде у торговца-грека (см. выше). Однако находки ценных украшений, предметов культа и утвари собственно византийского производства, а не русского по византийским образцам, — единичны⁸⁹.

Таким образом, археологический материал свидетельствует о существовании связей Скандинавии с Византией, особенно во второй половине X–XI в., однако он не даёт оснований говорить о сколько-нибудь регулярных прямых торговых контактах.

Между тем, восточные и византийские источники содержат информацию о торговле ар-рус, или росов в Византии⁹⁰, причём уже с третьего десятилетия IX в. Ибн Хордадбех, прекрасно осведомлённый в силу своей официальной должности о международных контактах в Восточной Европе и на Переднем Востоке, пишет о том, что с купцов-русов «берет десятину властитель Рума (Византии. – Е. М.)»⁹¹, т. е. в арабском мире было известно о том, что русы приходят в Византию с торговыми целями. Это сообщение Ибн Хордадбега присутствует в ранней редакции его «Книги путей и стран» и, соответственно, датируется временем не позднее 840-х гг.⁹² Оно недвусмысленно свидетельствует о проникновении скандинавских торговцев в Византию практически одновременно с появлением в Константинополе послов-свеев, назвавшихся росами, от некоего «кагана», о чём сообщается в «Бертинских анналах»⁹³. Из слов Ибн Хордадбега, однако, остаётся

⁸⁷ «Bollí hafði mikið fé út og marga dýrgripí er höfðingjar höfðu gefið honum... Hann vildi engi klæði bera nema skarlatísklæði og pellsklæði... Bollí ríður frá skipi við tólfta mann. Þeir voru allir í skarlatísklæðum, fylgdarmenn Bolla... Hann var í pellsklæðum er Garðskonungur hafði gefið honum. Hann hafði ysta skarlatískápu rauða»: *Laxdæla saga*. 77. kafli; Saga о людях из Лососьей долины. С. 436.

⁸⁸ *Hägg I. Birkas orientalska praktplagg // Fornvännen*. 1984. Årg. 78. S. 218. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?dsid=4405&pid=diva2%3A1225705> (07.12.2022).

⁸⁹ *Duczko W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden*.

⁹⁰ Я не рассматриваю здесь сообщения о торговле русов по Волжскому пути. Надо лишь отметить, что как сообщения восточных писателей (в частности, Ибн Фадлана), так и нумизматические данные указывают на то, что между Скандинавскими странами и Волжской Булгарией существовали прямые торговые связи. См.: *Kovalev R. Were there Direct Contacts between Volga Bulgária and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence // Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2013. Vol. 20. P. 67–102.

⁹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. 2009. Т. III. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. С. 30.

⁹² *Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков*. М., 2018. С. 163.

⁹³ См. выше примеч. 4.

неясным, каких именно скандинавов он имел в виду: приходивших непосредственно из Скандинавии или уже осевших в Восточной Европе (в Ладоге). Скорее всего, он вообще не делал различия между теми и другими и знал только, что они приходят из земли славян, отчего и причислил их к роду славян (если эта фраза не является позднейшей вставкой).

Очевидно, что такие появления были нечастыми и мало заметными в системе обширных торговых связей Византии. Неслучайно в 860 г. патриарх Фотий, свидетель осады Константинополя росами и участник обороны города, называет нападавших не незнакомым византийцам народом, а «народом незаметным, народом, не бравшимся в расчет, народом, причисляемым к рабам»⁹⁴. Формулировки Фотия предполагают, что к 860 г. в Византии уже были достаточно хорошо знакомы с росами, но они не привлекали внимания и не вызвали интереса у властей ни как торговые партнеры, ни как военная сила, угрожающая империи или пригодная для использования: как угроза — до событий 860 г. как наёмники — до начала X в., как торговые партнеры — вплоть до 910-х гг.

Таким образом, на протяжении большей части IX в. торговые плавания скандинавов в Византию были спорадическими, осуществляемыми отдельными отрядами, которые, вероятно, использовали различные маршруты, в том числе и Днепровский, о котором пишет Ибн Хордадбех. Однако редкость этих поездок почти на всём протяжении IX в. не вызвала ещё необходимости в сколько-нибудь постоянных стоянках, и только к концу этого столетия возникают эмпории, обслуживавшие Днепровский путь: Гнёздово в начале пути и Киев в его центральной части. Их появление знаменует интенсификацию движения по Днепровскому пути и, соответственно, увеличение числа торговых предприятий скандинавов — военные отряды, ехавшие с целью грабежа или найма на службу, в таких стоянках нуждались в значительно меньшей степени.

Купцы-скандинавы — но уже осевшие в Восточной Европе — хорошо известны в Византии самое позднее с 911 г., когда был заключён первый известный нам договор с византийскими властями, который касался прежде всего торговых отношений. Заключённый в 944 г. русско-византийский договор не только посвящён торговле, но перечисляет в качестве свидетелей 26 купцов («гостей»), среди которых два носят славянские имена, один — финское (?), остальные — скандинавские. Подробно пишет об организации торговли росами Константин VII Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (начало 950-х гг.)⁹⁵. Он же упоминает в справочнике «О церемониях», написанном в 963 г. или позже, купцов, сопровождавших княгиню Ольгу: их количество достигает 44 человек⁹⁶. Почти столетие спустя Скилица сообщает об убийстве на рынке русского купца, что

⁹⁴ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь. С. 57.

⁹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989 (=Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 44–51.

⁹⁶ Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies. Vol. 2. P. 511, 594–597.

спровоцировало в 1043 г. неудачный поход на Константинополь Владимира Ярославича⁹⁷.

Однако во всех этих случаях торговые операции в Византии совершают отнюдь не выходцы непосредственно из Скандинавии. Константин, безусловно считая росов скандинавами, пишет только о тех росах и их архонтах, которые прочно обосновались в Киеве. Здесь они обитают, отсюда отправляются в полюдье по подвластным им территориям, сюда «подплатёжные» им славяне доставляют моноksилы и здесь моноksилы затем оснащаются для плавания в Византию⁹⁸. Константин прямо не говорит о целях, которые преследуют росы, отправляясь в Константинополь, но упоминание рабов, которых в цепях проводят по суше при преодолении порога Айфор, а также грузов, которые переносят на плечах, с очевидностью указывает на торговый характер этих поездок. Едва ли ошибочно общее мнение, что в Константинополь росы везли на продажу рабов и ценности (пушнину, воск, мёд), полученные ими в ходе полюдья. Подавляющее большинство купцов, засвидетельствовавших договор 944 г., судя по их именам — скандинавы, но вряд ли столь серьёзная миссия могла быть возложена на случайных, только что прибывших норманнов. Скорее это были более или менее профессионализировавшиеся к тому времени люди, регулярно занимавшиеся дальней торговлей, возможно — жившие в различных центрах подвластной Рюриковичам территории. Точно так же и в свите княгини Ольги не могли оказаться случайные люди. И в том, и в другом случае это должны были быть доверенные члены княжеского окружения, имевшие опыт плаваний в Византию. Они должны были быть и неплохими воинами, способными защитить себя и свои товары — неслучайно, по рассказам исландских саг, торговля нередко перетекала в вооружённое столкновение и наоборот, а преодолевавшим Днепровские пороги росам, по словам Константина Багрянородного, постоянно приходилось нести стражу и отражать нападения печенегов. Таким образом, в византийских источниках, сообщающих о торговых отношениях со скандинавами, речь идёт о киевской руси, а не о жителях Скандинавии.

Так же и русско-византийские договоры заключаются «великими князьями рускими» — скандинавами, но уже осевшими и закрепившимися в Киеве, и, как Игорь, уже частично ассимилировавшимися в славянской среде (ср. славянские имена у членов княжеского рода: Святославъ, Володиславъ, Передъслава). В текстах договоров недвусмысленно подразумеваются купцы (гости), если и не из Киева, то из других центров «Руской земли», подвластной киевскому князю. Так, в договоре под 907 г. гости «поидучи же **домовъ, в Русь** (выделено мной. — Е. М.) за ся, да емлют у царя вашего на путь брашно...елико имъ надобе»⁹⁹. В договоре 944 г. идентичность «сълов и гостей» определяется словами «от рода рускаго», т. е. они —

⁹⁷ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. P. 430 (гл. 6, строки 41–48); *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *История Византии*. М., 1967. Т. 2. С. 347–353.

⁹⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 44–47.

⁹⁹ Лавр. Стб. 31.

скандинавы (что подтверждается подавляющим большинством имён послов и купцов), но живущие на территории, на которую распространяется власть «рускаго» (киевского) князя. Именно князь и его «боляре» посылают в Византию своих послов и купцов, удостоверяя их лояльность золотыми и серебряными печатями и княжескими грамотами (см. выше). Речь, таким образом, идёт исключительно о тех послах и купцах, которых русский князь сам посылает в Византию, или о тех воинских контингентах, которых киевский князь отправляет в Византию по просьбе императора, но не о неких самостийно «приходящих» скандинавах, независимых торговцах, воинских отрядах или отдельных викингах, собирающихся наняться на службу в империю. Их возможное появление в Византии также оговорено в договоре 944 г.: приходящие «без грамоты» подлежат аресту до выяснения их намерений у киевского князя, а в случае их вооружённого сопротивления они могут быть убиты без компенсации¹⁰⁰. Судя по употреблению притяжательных местоимений («преданы будуть намъ» и «възвѣстимъ князю вашему»), это положение внесено в текст договора византийской стороной. Очевидна нежелательность для византийских властей подобных визитов.

Однако в упорядочении русско-византийских связей, как свидетельствует договор 944 г., была заинтересована не только византийская, но и русская сторона. Инициатива введения «удостоверительных грамот» принадлежит не византийцам, а самому киевскому князю: «Ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему»¹⁰¹. В этом разделе речь идёт о послах и купцах. Ниже оговаривается процедура найма на военную службу: «Аще ли хотѣти начнуть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ»¹⁰². Тем самым устанавливался жёсткий контроль киевских властей над поездками с целью как торговли, так и наёмничества в Византию из Восточной Европы.

Таким образом, с середины X в. осуществлять поездки в Византию скандинавы (как другие, некиевские, группировки росов, осевших в Восточной Европе, так и пришедшие непосредственно из Скандинавии), могли только с согласия киевского князя, хотя первые, ещё, видимо, мало эффективные попытки ограничить несанкционированный доступ в Византию делаются уже в тексте договора, помещённом под 907 г., где ответственность за «благонадёжность» прибывающих русов возлагается на киевского князя: «...да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей»¹⁰³. Это условие не конкретизировано и выглядит скорее общим пожеланием: если киевский князь мог запретить своим дружинникам, отправлявшимся в Константинополь для торговли или службы, грабить встречавшиеся на пути поселения и города (впрочем,

¹⁰⁰ Там же. Стб. 48.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. Стб. 52.

¹⁰³ Там же. Стб. 31.

неясно, насколько действенным было для них его «слово»), то трудно представить себе, каким образом он мог «своим словом» воспрепятствовать проходу вооружённых отрядов с севера даже мимо Киева, не говоря уже о других возможных выходах в Чёрное море¹⁰⁴.

Заинтересованность Византии в предотвращении появления независимых отрядов викингов вполне понятна — они представляли серьёзную угрозу для империи в X в. Но, видимо, киевский князь имел не меньше оснований не допускать независимых купцов-скандинавов, нежели византийские власти. С одной стороны, отряды воинов-скандинавов были опасны обосновавшимся в Восточной Европе русам, хотя условия плаваний по рекам существенно снижали фактор неожиданности и тем самым степень опасности. Тем не менее столкновения между их отдельными группами были неизбежны, и если в сагах о викингах эти столкновения отразились в одном из наиболее распространённых сюжетных мотивов — нападении героя-скандинава на «конунга Гардарики»¹⁰⁵, то в «Повести временных лет» мы находим прямой рассказ о борьбе двух групп скандинавов: нападении войска Олега (*Helgi*) на обосновавшихся в Киеве скандинавов под главенством Аскольда и Дира (*Höskuldr* и *Dyrr/Dyr*), убийстве последних и вокняжении Олега в Киеве (изменение в Новгородской первой летописи, т. е. в Начальном своде, ролей Олега и Игоря Рюриковича сути повествования не меняет).

С другой стороны, речь в соответствующих статьях идёт не столько о военных отрядах (условия их доступа в Византию оговариваются ниже в отдельной статье), сколько о купцах, которые должны получать грамоты стандартизированного содержания: «...да приносить грамоту, пишуще сице: яко послах корабль селико...» Текст договора прямо указывает на то, что поездки в Византию могут совершаться только с разрешения верховного правителя Киевской Руси. Выдававшиеся князем грамоты служили как «удостоверениями» благонадёжности приезжающих, так и своего рода лицензиями на торговлю. Если первая функция грамот обеспечивала интересы византийских властей, то вторая отвечала потребностям киевской элиты и фактически устанавливала исключительное право киевских русов на торговлю с Византией.

Монополизация византийской торговли была жизненно важна для киевских властей — в условиях военно-торговой экономики элиты¹⁰⁶ торговля составляла важнейший источник её материального обеспечения, получения сверхприбыли и приобретения предметов роскоши, маркирующих её социальный статус. Военная

¹⁰⁴ Мельникова Е. А. Скандинавы в Восточной Европе. С. 66–81.

¹⁰⁵ Она же. Восточноевропейский мир IX–X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: К 70-летию А. В. Назаренко. М., 2019. С. 351–355. URL: https://ebookiriran.ru/sites/default/files/2022-07/Nazarenko_2019.pdf (07.12.2022).

¹⁰⁶ Она же. Экономические системы в эпоху возникновения государства: Древняя Русь и Скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. М., 2017. С. 390–440.

элита скандинавского происхождения, укрепившись в Киеве, не имела исконных земельных владений, т. е. источника доходов производящего хозяйства. Правители Киева и их окружение были изначально обособлены от местного населения, и их экономическое обеспечение полностью зависело от степени контроля над торговыми путями¹⁰⁷ и местным населением, от размера подвластной территории, успеха военных походов, т. е. от интенсивности и успешности военной и торговой деятельности. Присутствие конкурентов — независимых купцов-скандинавов — было для киевской руси крайне нежелательным: оно могло существенно снизить доходы руси и поставить под угрозу не только благополучие, но и само существование военной элиты, которое обеспечивалось мощным (по тому времени) профессиональным войском, требовавшим значительных затрат на его содержание и экипировку. Торговая монополия¹⁰⁸ предотвращала утечку прибыли и позволяла концентрировать доходы от торговли в княжеской казне.

Паломник

Проникновение на север восточного христианства¹⁰⁹ и формирование в скандинавском обществе более или менее устойчивого представления о Византии (наряду с Германией и Англией) как источнике христианизации Северной Европы¹¹⁰

¹⁰⁷ Обеспечение свободного прохода из Киева в Византию было настолько важной задачей для элиты формирующейся политики, что одной из первых военных акций киевских князей стала борьба с уличами, занимавшими территорию южнее Киева по Днепру и преграждавшими свободное передвижение из Киева к устью Днепра, завершившаяся их разгромом и вытеснением на новые места (Шавелев А. С. «Держава Рюриковичей». С. 92 и примеч. 52).

¹⁰⁸ Формы контроля над торговлей, как кажется, существенно различались в средnedнепровской и волховско-ильменской политиях. В последней, судя по сообщениям восточных писателей, купцы могли свободно передвигаться по Волжскому пути (ср. описание купцов-русов у Ибн Фадлана), но с них взималась торговая пошлина: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 55 («Худуд ал-Алам»), 59 (Гардизи).

¹⁰⁹ В скандинавской историографии «восточным» влияниям до последнего времени уделялось крайне мало внимания. Общей тенденцией было скорее их полное отрицание, чему способствовала нередко не критическая (а подчас и тенденциозная) интерпретация источников для доказательства проникновения восточного христианства в Восточную Скандинавию. См., в частности, статьи слависта А. Шёберга (*Sjöberg A. Pop Upir' Lichoј and the Swedish Rune-Carver Ofeigr Upir // Scando-Slavica. 1982. Vol. 28. P. 109–124; Idem. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age: Papers of the VIIth Visby Symposium Held at Gotlands Fornsal, Gotland's Historical Museum, Visby August 15th–19th, 1983 / Ed. Sven-Olof Lindquist; assist. ed. B. Radhe. Visby, 1985 (=Acta Visbyensia. Vol. VII). P. 69–78; Idem. Öpir — runristare i Uppland och hovpredikant i Novgorod // Långhundraleden: En seglats i tid och rum: 50 bidrag om den gamla vattenleden från Trälhavet till Uppsala genom årtusendena / Sammanställda av redaktionsgruppen inom Arbetsgruppen Långhundraleden. Uppsala, 1993. S. 184–188 и др.), первая из которых вызвала резкую критику голландского рунолога А. Квака и польского историка А. Поппэ: *Quak A. Ist Pop Upir' Lichoј mit dem Runenmeister Öpir identisch? // Scando-Slavica. 1985. Vol. 31. P. 145–150; Поппэ А. «Ис курилоуѣ» и «куриловицѣ» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31–32. P. 319–350). Первым существенным вкладом в изучение этой проблемы явился сборник статей: *Från Bysans till Norden: Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / Red. H. Janson. Skellefteå, 2005.**

¹¹⁰ Хагланд Я.-Р. Христианизация Норвегии и возможные влияния Восточных церквей // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. М., 2004. С. 259–286. В статье предлагается

привело к тому, что ещё до официального принятия христианства в Скандинавских странах между 970-ми гг. и первыми десятилетиями XI в. начались паломничества в Рим и в Святую Землю через Константинополь¹¹¹. Древнейшее упоминание скандинавского паломника по имени Магнус относится к IX в. и содержится в «Книге братьев» швабского монастыря Райхенау¹¹². Цель паломничества Магнуса в списке не указана, но путь из Скандинавии через Центральную Европу вёл, по преимуществу, в Рим, хотя в древнескандинавских итинерариях XII–XIII вв. Райхенау не упоминается¹¹³.

Для конца X — самого начала XI в. саги сообщают, по меньшей мере, о двух поездках в Константинополь с религиозными целями и одной — в Рим. Повествования об этих поездках содержат легендарные подробности и включают ряд устно-традиционных мотивов — что, впрочем, неудивительно в силу длительности передачи этих рассказов изустно до их записи. Согласно «Саге о Торвальде Путешественнике», создание которой датируется временем около 1200 г.¹¹⁴, исландец Торвальд Кодранссон ездил в Иерусалим и Св. Землю, а затем через Сирию попал в Византию и далее на Русь¹¹⁵. Его путешествие относится ко времени около 990 г. и рассматривается как паломничество. Другое — значительно более известное и сагам, и современной историографии путешествие в Константинополь было совершено будущим норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном с целью принять там крещение и обратить в христианство своих покровителей на Руси — князя Владимира и княгиню Аллогию¹¹⁶. Оба повествования содержат сходные мотивы, которые, вероятно, сформировались в устной традиции и в которых содержатся отголоски интенсивного проникновения христианства из Византии в

объяснение причин, по которым «восточные» конфессиональные связи Скандинавии IX–XI вв. оставили лишь незначительные следы в письменных памятниках XIII–XIV вв.

¹¹¹ О скандинавских паломничествах см.: *Riant P. E.* Expéditions et Pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des Croisades. Paris, 1865. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57968157.texteImage> (07.12.2022); *Ellis Davidson E.* The Viking Road to Byzantium. P. 247–270; *Ciggaar K. N.* Western Travellers to Constantinople: The West and Byzantium, 962–1204: Cultural and Political Relations. Leiden; New York; Köln, 1996, а также библиографию в статье: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 363–436.

¹¹² Reichenau-Listen / Udg. Finnur Jónsson og Ellen Jørgensen // Aarbøger for nordisk oldkyndighet og historie. 1923. S. 1–54.

¹¹³ *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии.

¹¹⁴ *Þorvalds þáttur víðförla* // Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ed. Ólafur Halldórsson. København, 1958. Bd. 1. Bls. 280–300. См.: *Глазырина Г. В.* О Торвальде Путешественнике (*Þorvalds þáttur víðförla* и *Kristni saga*) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год. М., 2022. С. 256–325.

¹¹⁵ См. о поездке Торвальда на Русь: *Глазырина Г. В.* О Торвальде Путешественнике.

¹¹⁶ Это повествование содержится в нескольких редакциях «Саги об Олаве Трюггвасоне» (*Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги. С. 210–214) и многократно привлекало внимание исследователей. См. последние его интерпретации: *Jackson T. N.* The Role of Óláfr Tryggvason in the Conversion of Russia // Three Studies on Vikings and Christianization / Ed. M. Rindal. Oslo, 1994. P. 7–17; *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 391–400. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Uspenskij.pdf (07.12.2022); *Хагланд Я.-Р.* Христианизация Норвегии. С. 265–268.

Скандинавию вместе с возвращавшимися на родину варягами¹¹⁷. Важнейшие из этих мотивов — почести и дары византийского императора приехавшим скандинавам (этот мотив сопровождает большинство повествований о скандинавах в Византии¹¹⁸), отправление миссионеров на Русь, крещение Руси (или части её жителей). Последний мотив — император поручает миссию самому Торвальду, вместе с Олавом император посылает на Русь некоего епископа Павла — играет особую роль в обоих повествованиях и, видимо, был принципиально важен для самосознания скандинавов, поскольку именно им эта традиция приписывала честь христианизации Руси.

Примерно к тому же времени — вскоре после официального принятия христианства в Исландии в 1000 г. — относится паломничество в Рим исландки Гудрид, ставшей христианкой ещё до этого события¹¹⁹.

С начала XI в. появляются первые практически современные событиям свидетельства о поездках в Константинополь, в том числе с религиозными целями, — шведские рунические надписи¹²⁰. Сведения о паломничествах в «византийских» надписях (на 32 памятниках) удаётся отделить от упоминаний торговых или военных предприятий лишь очень редко. Главным показателем того, что путешественник преследовал религиозные цели, является упоминание Иерусалима как конечного пункта поездки (ни Рим, ни Константинополь в рунических надписях не названы ни разу). Таких надписей две. Обе происходят из Упланда (Средняя Швеция) и датируются первой половиной XI в. Первая высечена на памятнике, воздвигнутом вдовой паломника Астрид, которая «велела установить эти камни по Эйстейну, своему супругу. Он направлялся в Иерусалим и умер далеко в Греках»¹²¹. Вторая — заказана некоей Ингирун, дочерью Хёрда, «по себе самой.

¹¹⁷ Melnikova E. Varangians and the Advance of Christianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries // *Från Bysans till Norden*. S. 87–124.

¹¹⁸ Мотив связан со стереотипным изображением скандинава (конунга в первую очередь) за пределами Скандинавии, особенно на Руси и в Византии, где его принимают с почётом и дарами: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989 годы*. М., 1991. С. 70–79. Специально о мотиве даров см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Презрение к византийскому золоту: общие сюжетные элементы в летописи и саге // *Раннее Средневековье глазами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени: (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа)*. М., 2006 (=Славяне и их соседи. XXIII конференция, Москва, 2006 г.). С. 48–52. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Slaviane_i_sosedi_XXIII_tezisy.pdf (07.12.2022); Они же. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // *Именослов: Историческая семантика имени*. М., 2007. Вып. 2 / Сост. Ф. Б. Успенский. С. 135–188.

¹¹⁹ *Grænlandinga saga* // *Íslendinga sögur*. Reykjavík, 1953. Bd. 1. Bls. 390. Пер. на рус. яз.: Сага о гренландцах // *Исландские саги* / Под общ. ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 1. С. 472. «Сага о гренландцах» написана, как ныне считается, в конце XII в.

¹²⁰ См. подробнее: Мельникова Е. А. Византия в скандинавских рунических надписях // *Византийский временник*. М., 2005. Т. 64. С. 160–180. URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/64/53329> (07.12.2022).

¹²¹ Она же. Скандинавские рунические надписи. С. 348 (Часть Б, Приложение 1, № 2 — *Broby, Ur. 136*). Семье Эйстейна принадлежат ещё два памятника: один — сделанный по заказу самого

Она собирается ехать на восток и далее в Иерусалим. Фот высек руны»¹²². Вряд ли поездку Ингирун можно объяснить чем-либо иным, нежели стремлением посетить места земной жизни Иисуса Христа. Указание направления поездки — «на восток» свидетельствует о том, что её путь лежал через Русь: таков был основной маршрут скандинавов в Византию в XI в. Двигаясь по Восточному пути, паломники не могли миновать византийские территории.

Среди этих ограниченных и стереотипных сведений о Византии вообще и Константинополе в частности выделяется сочинение, содержащее перечни святынь некоторых городов Германии, Франции, Италии, Рима, Константинополя и Иерусалима с окрестностями¹²³. Оно сохранилось в трёх рукописях, содержащих древнеисландские учёные сочинения (*fræði*), как оригинальные, так и переводные, написанные в разное время, начиная с середины XII в. Древнейшая рукопись датируется временем ок. 1300 г. и содержит лишь небольшую часть интересующего нас описания¹²⁴. Более полный текст (но без конца) с заголовком *Um borga skiptan oc legstaðe heilagra manna* («О перечислении городов и местах упокоения святых людей») читается в «Книге Хаука», написанной между 1320–1334 гг. по заказу знатного исландца Хаука Эрлендссона¹²⁵, и — без заголовка — в «энциклопедическом сборнике» АМ 194, 8° (1387 г.)¹²⁶.

Традиционно это сочинение, как и другие географические трактаты в рукописи АМ 194, 8°, считалось частью «Дневника» аббата монастыря в Тингейраре (Исландия) Николая¹²⁷, и датировалось соответственно временем до 1159 г.¹²⁸ Однако, как и «Описание Земли И», и ряд других географических трактатов, «Перечень городов» представляет собой самостоятельное произведение. Во-первых, в различных рукописях он соседствует с разными текстами. Во-вторых, отличаются маршруты паломников: в Святую Землю из Рима Николай едет через Бари и Морею, автор «Перечня городов» — через Бари и Константинополь. Наконец, описания Рима и Иерусалима в обоих сочинениях различны и по содержанию, и по объёму.

Эйстейна и Астрид в память об их сыне (*Broby, Up. 137*), второй — воздвигнутый сыновьями Эйстейна в его память (*Broby, Up. 135*).

¹²² Там же. С. 332–334 (Б-III.7.20).

¹²³ *Alfræði Íslenzk: Islandsk encyklopædisk litteratur* / Udg. K. Kålund. København, 1914–1916. Bd. I. Cod. Mbr. АМ 194, 8° (далее — АÍ). S. 32–34. Отдельное издание и характеристика сочинения: Мельникова Е. А. Древнескандинавские итинерарии. С. 416–423.

¹²⁴ Рукопись АМ 736 I, 4°, fol. 2v. Об этой и двух других рукописях см.: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 20–22.

¹²⁵ АМ 544, 4°, fol. 14r, конец сочинения попадает на лакуну. Издание рукописи: *Hauksbók* / Udg. Finnur Jónsson. København, 1892–1896 (далее — Нб.).

¹²⁶ АМ 194, 8°, fol. 16r – 19r. Издание рукописи: АÍ.

¹²⁷ Издание дорожника см.: Мельникова Е. А. Древнеисландские итинерарии. С. 369–415.

¹²⁸ Последнее см.: *Ciggaar K. N. Western Travellers to Constantinople*. P. 112–113.

Однако особый интерес представляет описание святынь Константинополя¹²⁹:

«О перечислении городов и местах упокоения святых людей

...В Миклагарде есть церковь, которая называется Эгисив, в этой церкви находится крест Господень, который привезла туда госпожа Елена. В этом городе покоятся Филипп и Иаков, Лука и Тимофей и правая рука Св. Стефана, плащ Господа нашего, голова Иоанна Крестителя и головы Авраама, Исаака, Иакова, там находится и колыбель, в которую был положен Господь наш.

В Азиаланде находится Эфес, там гробница Иоанна евангелиста.

В Миклагарде в одном древнем полоте находится писание, которое Господь наш написал сам своей <благословенной — АМ 194, 8°> рукой, копье и гвозди, терновый венец, накидка, капюшон, кнут, плащ, туфли, камень, который лежал в гробу под головой Господа нашего, и саван с платком и кровью Христовой, сосуд для омовения и тот плат, которым он утёрся, пояс Св. Марии с её посохом, голова Иоанна Крестителя и рука с кистью, жезл Моисея, одеяние святого пророка Илии <, рог, из которого помазывали иудейских королей — АМ 194, 8°>, рука святого апостола Андрея и кисть руки святого апостола Павла, голова евангелиста Луки, голова мученика <мученика — отсутствует в АМ 194, 8°> Феодора, голова апостола Фомы и его пальцы, голова Григория, архиепископа Эрмланды Великого (Великой Армении. — Е. М.), волосы Григория Назианзина, одежды мученика Димитрия, трон конунга Давида, упряжь, принадлежавшая конунгу Константину <и его матери Елене — АМ 194, 8°>, кровь мученика Пантелеимона с молоком, которое текло из раны, когда он был четвертован, часть руки¹³⁰ Св. Петра, серебряный крест, равный по длине телу Христову, три медных трубы, в которые велел трубить Иешуа семь дней, прежде чем пал город Иерихон, тот камень, который лежал у колодца, где Господь разговаривал с самаритянками, серебряный крест, выложенный драгоценными камнями. Этот крест конунг Константин сделал по подобию того креста, который он видел в небе вместе с образами Св. Марии и Иисуса Христа, её сына; этот образ был пронзён неким иудеем ножом в горло и кровоточил. Там покоится и Иаков, брат Господа, и Симеон, который привёл Христа к алтарю древних, Захарий, отец Иоанна Крестителя, и 12 коробов [хлебов], которые носили апостолы, топор Ноя, которым он строил ковчег, голова апостола Матфея. Там покоится конунг Константин Великий и Елена, его мать, и многие другие императоры.

В Миклагарде находятся те пелены, в которые заворачивали Христа, и то золото, которое изготовил некий чужодец, и множество других святых реликвий».

¹²⁹ Перевод фрагмента текста, посвящённого святыням Константинополя, сделан по рукописи АМ 544, 4° с продолжением по рукописи АМ 194, 8°:

¹³⁰ Здесь заканчивается текст в АМ 544, 4°.

Описание Константинополя в «Перечне», не имеющее параллелей в древнескандинавской литературе¹³¹, представляет собой — в отличие от других подобных описаний — сухой список святынь, находящихся в различных церквях города. Вместе с тем число перечисленных в нем реликвий далеко превосходит другие аналогичные тексты. В общей сложности в нем названа 61 реликвия разного характера и происхождения.

Описанию Константинополя и хранящихся в нем христианских реликвий до разграбления города крестоносцами в 1204 г. посвящено несколько сочинений, составленных как в Западной Европе, так и на Руси. К первым относятся четыре текста. Древнейший из них, условно называемый мною Английский аноним, сохранился в рукописи Бодлианской библиотеки Оксфорда (Digbeianus lat. 112, f. 17r–28v). К. Сигтор датирует сочинение началом XII в. и полагает, что его автором является англичанин¹³². К Английскому анониму примыкает т. н. Аноним Меркати (рукопись Ottobonianus lat. 169) начала XIII в. (до 1204 г.)¹³³. Третий небольшой трактат, условно названный Л. К. Масием Санчесом Анонимом Ламбреса (Лондон, Британская библиотека, Cotton Vitellius A.XX. f. 239), видимо, является переводом описания святынь Константинополя на греческом языке, опубликованного С. П. Ламбросом, и написан, по датировке его издательницы К. Сигтор, между 1136 и 1143 гг.¹³⁴ Четвёртый схожий по составу и структуре описания трактат, т. н. Таррагонский аноним (рукопись конца XII или начала XIII в., в Публичной библиотеке г. Таррагон, Каталония № 55, f. 50–58v)¹³⁵, датируется К. Сигтор по составу перечисленных в нем реликвий временем до 1098 г. Главным основанием для этой датировки, по её мнению, является то, что упоминаемое в сочинении среди Страстных реликвий копье не называется в числе святынь Константинополя после 1098 г., когда крестоносцы нашли в Антиохии Святое копье¹³⁶. Исследовательница, однако, не знакома с древнерусской паломнической литературой. Между тем Антоний Новгородский, совершивший

¹³¹ Святая Земля и Иерусалим не раз упоминаются в сагах и итинерариях, в *Kirjalax saga* содержится близкое к «Перечню» описание Иерусалима, а его схематический план изображен в рукописях AM 544, 4° и AM 736 I, 4°.

¹³² Ciggaar K. Une description de Constantinople traduite par un pèlerin anglais // Revue des Etudes Byzantines. 1976. T. 34. P. 211–267 (далее — Angl.). Пер. на рус. яз.: Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Пер., предисл. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 436–463 (далее — Английский аноним).

¹³³ Mercati S. G. Sanctuari e reliquie Constantinopolitane second oil codice ottoboniano latino 169 prima della conquista Latina (1204) // Rendiconti della Perfidia Accademia Romana di Archeologia. 1936. Vol. XII. P. 133–156 (далее — Merc.).

¹³⁴ Ciggaar K. N. Une description anonyme de Constantinople du XII siècle // Revue des Etudes Byzantines. 1973. T. 31. P. 335–354.

¹³⁵ Eadem. Une description de Constantinople dans le Tarrogonensis 55 // Revue des Etudes Byzantines. 1995. T. 53. P. 117–140 (далее — Tarr.); пер. на рус. яз.: Таррагонский аноним. «О граде Константинополе». Латинское описание реликвий XI в. / Пер., предисл. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса // Реликвии в искусстве и культуре восточно-христианского мира: Тез. докл. и мат-лы междунар. симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 156–170 (далее — Таррагонский аноним).

¹³⁶ Tarr. P. 130–132.

поездку в Константинополь в первые годы XIII в., указывает на наличие копья среди других Страстных реликвий, хранившихся в церкви Фаросской Богоматери в Большом дворце¹³⁷. Это означает, что *terminus ante quem*, предложенный К. Сигтор, неверен и Таррагонский аноним не может быть датирован более точно, нежели временем до 1204 г.

Латиноязычные описания, как полагают С. Меркати и К. Сигтор, являются переводами греческого сочинения, в котором описывались храмы Константинополя и находившиеся в них реликвии, а также были широко представлены сказания о чудотворных иконах и других святынях¹³⁸. Автором перевода, по предположению К. Сигтор, был англичанин (две редакции перевода находятся в английских рукописях), связанный с варяжской гвардией византийских императоров.

К этой же традиции примыкает и древнеисландский «Перечень», однако, при значительной близости к Английскому анониму (см. ниже), он не восходит прямо ни к одному из латиноязычных описаний: их отличает, в первую очередь, структура текстов. Все авторы-паломники представляли последовательно группы реликвий, хранящихся в определённом храме, с наименования, а иногда и характеристики которого они начинали каждый раздел. Автор же «Перечня» константинопольских церквей не знает, и список реликвий хаотичен. Во-вторых, латиноязычные описания содержат пространные пересказы византийских «храмовых» легенд: об основании церквей и монастырей, о чудотворных иконах и т. п. В «Перечне» есть аллюзии на некоторые из них, но в очень небольшом количестве, пересказы же легенд отсутствуют совсем.

Другой комплекс описаний святынь Константинополя происходит из Древней Руси. Это прежде всего «Книга паломник» Добрыни Ядрейковича, впоследствии архиепископа новгородского Антония, написанная после его путешествия в Константинополь в первые годы XIII в. Другим близким по времени описанием, но составленным уже после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. (предполагаемая датировка — конец XIII — начало XIV в.) является анонимное Хождение¹³⁹. В составе реликвий, поименованных в русских описаниях и в «Перечне», также существует достаточно выразительное сходство (см. подробнее ниже), однако и они не могут считаться прямыми источниками «Перечня» по тем же причинам, что и западноевропейские.

Можно предполагать, как и в случаях с итинерариями, что «Перечень» основан не столько на конкретных письменных текстах, сколько на воспоминаниях скандинава, побывавшего в Константинополе и Иерусалиме и, вероятно, проехавшего на юг через Центральную Европу и Рим. Впрочем, исключить

¹³⁷ Книга паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа новгородской в 1200 году / Под ред. Хр. М. Лопарева. СПб., 1899 (=Православный палестинский сборник. Т. XVII. Вып. 3). С. 18.

¹³⁸ Merc. P. 134–136; Angl. P. 216–224.

¹³⁹ Прокофьев Н. И. Русские хождения XII–XV вв. // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина: Литература Древней Руси и XVIII в. 1970. Т. 363. Прил. 1. С. 235–252 (далее — Хождение).

знакомство с какими-то описаниями Константинополя невозможно: следы знакомства автора «Перечня» с паломнической литературой допустимо усмотреть в его, пусть и крайне неудачной, попытке систематизировать реликвии по месту их нахождения.

Сведения, приводимые автором «Перечня», образуют два комплекса информации. Первый — перечисление реликвий и мест их нахождения. Вторым — аллюзии на легенды о чудотворных святынях города.

В основу структуры перечня автор кладёт общепринятый в паломнической литературе принцип: местонахождение святыни. Однако его незнание константинопольских храмов делает строгое соблюдение этого принципа невозможным, и он делит свой «Перечень» на следующие неравноценные части: 1) реликвии, хранящиеся в Св. Софии, 2) находящиеся «в этом городе», 3) помещённые «в одном древнем полоте» (императорском дворце), 4) снова «в Миклагарде». Таким образом, за исключением Софийского собора и Большого дворца, автор не может назвать ни одного другого места, где хранились бы реликвии, и вынужден употреблять самую общую отсылку — «в городе» и «в Миклагарде». Неясно, чем определялось отнесение реликвий в тот или иной раздел (во всех из них представлены реликвии из самых разных храмов Константинополя), а также, почему автор счёл необходимым ввести две последние реликвии под новой рубрикой «в Миклагарде».

Нарушает структуру и содержание текста упоминание гробницы евангелиста Иоанна в Эфесе, которое вставлено между 1 и 2 разделами списка и не имеет логической связи ни с предыдущим, ни с последующим списком.

Первый раздел автор «Перечня» вводит, опираясь на общескандинавский фонд знаний о Византии, традиционной фразой: «В Миклагарде есть церковь, которая называется Эгисив». В Софийском соборе он называет лишь одну реликвию — Крест, привезённый Еленой из Палестины¹⁴⁰.

«В городе» он перечисляет 11 реликвий. Этот список разнороден: в нём называются реликвии, находившиеся в различных местах: в церкви Фаросской Богоматери в Большом императорском дворце (одежды Иисуса Христа, мощи апостола Филиппа¹⁴¹), в других церквях Большого дворца (десница св. Стефана¹⁴², голова Иоанна Крестителя¹⁴³, головы Авраама, Исаака и Иакова¹⁴⁴),

¹⁴⁰ Об обретении Животворящего Креста сообщают многие церковные историки. См.: Щедрина К. А. Царей держава: Значение реликвий и символов Святого Креста и Страстей Христовых в церковном освящении государственной власти: (Историко-богословское исследование). М., 2000.

¹⁴¹ Антоний отмечает, что мощи ап. Филиппа находятся в Золотой палате дворца (Книга паломник. С. 19). В других описаниях святынь Константинополя мощи ап. Филиппа не названы.

¹⁴² Английский аноним. С. 440.

¹⁴³ Аноним Меркати называет «совершенно целую» голову и руку Иоанна Крестителя среди реликвий Большого дворца: Merc. P. 140. См. также: Английский аноним. С. 440.

¹⁴⁴ Английский аноним. С. 440.

в церкви Св. Апостолов (тела ап. Луки¹⁴⁵ и св. мученика Тимофея¹⁴⁶). Две из названных здесь реликвий в других известных мне описаниях не встречаются. Это тело ап. Иакова сына Зеведея (мощи Иакова брата Иисуса Христа отмечены ниже), а также колыбель Иисуса Христа.

Третий раздел посвящён, по словам автора, реликвиям, хранящимся в Большом дворце, который автор обозначает словом «полота», но рассматривает его как апеллятив, а не имя собственное. Автор «Перечня» (в отличие от других паломников, оставивших описания святынь Константинополя) явно не знает того, что во дворце находилось несколько церквей и других помещений, в которых хранились святыни. Более того, он не знает и того, что значительная часть из перечисляемых им реликвий находилась отнюдь не во дворце, а в других храмах Константинополя, ни один из которых он не называет в своем сочинении.

Этот раздел включает более 40 реликвий. Из них в Большом дворце (в церкви Фаросской Богоматери, церкви Св. Михаила в Золотой палате и церкви Св. Стефана) хранились лишь 16. Большая часть остальных поименованных в этом разделе реликвий принадлежала трём крупнейшим церквям Константинополя, которых автор «Перечня» не называет: Софийскому собору, церкви Влахернской Богоматери и церкви Св. Апостолов. Две реликвии — «топор Ноя» и «12 коробов, которые носили апостолы» — связаны с колонной Константина, находившейся около Ипподрома. Завершается «Перечень» указанием ещё двух святынь, которые находятся, по определению автора, «в Миклагарде»: детских пелёнок Иисуса Христа¹⁴⁷ и «золота», принесённого волхвами¹⁴⁸. Согласно всем описаниям, они хранились в Софийском соборе.

Перечисление святынь Константинополя в исландском трактате отличается как от западных, так и древнерусских сочинений того же жанра весьма плохим знанием автором мест, где находились реликвии. Фактически, его сведения о возможных местах хранения реликвий ограничиваются лишь двумя местами — императорским Большим дворцом и Софийским собором, т. е. именно теми, которые были хорошо известны скандинавам, находившимся на службе в Византии, а от них — всему скандинавскому обществу. Надо отметить и то, что автор «Перечня» явно не знаком с отдельными частями Большого дворца, его покоями и церквями, а воспринимает его как некое единое здание.

Второй комплекс информации, запечатлевшийся в памяти автора «Перечня», — легенды, связанные с отдельными реликвиями. В отличие от Английского и Таррагонского анонимов, автор не пересказывает легенды, а лишь кратко упоминает о них. В некоторых случаях он сопровождает название реликвии

¹⁴⁵ Английский аноним. С. 450; Таррагонский аноним. С. 159; Книга паломник. С. 24. См. также: *Mango C. Studies on Constantinople. Aldershot, 1993. Study V. P. 52.*

¹⁴⁶ Английский аноним. С. 450; Таррагонский аноним. С. 159; Книга паломник. С. 24.

¹⁴⁷ Английский аноним. С. 440; Merc. P. 140; Таррагонский аноним С. 158; Книга паломник. С. 2 (см. примеч. 53).

¹⁴⁸ Английский аноним. С. 440; Merc. P. 140; Таррагонский аноним С. 158; Книга паломник. С. 2–3.

комментарием, поясняющим отличительную особенность предмета и вызванным прямой необходимостью: без него будет неясно, почему предмет является реликвией. Таковы пояснения: «камень, который лежал у колодца, где Господь разговаривал с самаритянками», «камень, который лежал в гробу под головой Господа нашего», «плат, которым Он утёрся», «три медных трубы, в которые велел трубить Иешуа семь дней, прежде чем пал город Иерихон»¹⁴⁹, и т. п. Подобные дополнения восходят к библейскому тексту, но не воспроизводят его. Эта информация, доступная любому христианину, могла быть почерпнута автором «Перечня» непосредственно из Библии или проповедей, слышанных ещё на родине.

Собственно византийское происхождение имеют только две упомянутые легенды, и узнать их автор «Перечня» мог в Константинополе от человека, достаточно хорошо знакомого с городом: жителя Константинополя или скандинава-христианина, длительное время находившегося на императорской службе. Среди дворцовых реликвий автор видел серебряный крест, «выложенный драгоценными камнями. Этот крест конунг Константин сделал по подобию того креста, который он видел в небе...». Легенда о видении креста Константину была чрезвычайно популярна в Византии, и автору, очевидно, это предание было изложено.

Другая легенда связана с иконой Богоматери: крест «конунг Константин... видел в небе вместе с образами Святой Марии и Иисуса Христа, её сына; этот образ был пронзён неким иудеем ножом в горло и кровоточил». Легенда, которая повествует о ранении иконы с изображением Богоматери и младенца Иисуса, о её сокрытии святотатцем-иудеем, стремившимся скрыть свой поступок, о последующем нахождении иконы, раскаянии иудея и его обращении в христианство, — подробно рассказана в Таррагонском анониме¹⁵⁰ и, видимо, была широко распространена в Византии¹⁵¹. Вместе с тем ни в одном из изложений легенды о видении креста икона не упоминается. Контаминация двух сказаний, очевидно, принадлежит самому автору «Перечня».

Автор «Перечня», несомненно, побывал в Константинополе сам и видел кое-какие из святынь. О других он мог знать понаслышке. Многочисленные неточности скорее обусловлены несколькими обстоятельствами. Совершенно очевидно, что его интересовали реликвии, но не настолько, чтобы запоминать всяческие подробности, например, то, в каких именно константинопольских храмах они хранятся. Его описание святынь можно определить, в отличие от описаний паломников, как «непрофессиональное». Основные сведения о реликвиях, приводимые им (и не только в описании Константинополя), отличаются общеизвестностью (во всём христианском мире или в Византии). Поэтому, представляется, что, будучи христианином и находясь в Константинополе, он, видимо, проявил определённый интерес к христианским святыням города, однако, не столь настойчивый,

¹⁴⁹ Ис. Нав. 6: 1–20.

¹⁵⁰ Таррагонский аноним. С. 161–162; см. также: Английский аноним. С. 441; Книга паломник. С. 2, 16.

¹⁵¹ Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. М., 1994. С. 163–166.

чтобы запомнить наименования церквей, в которых он побывал, или соотнести с ними те или иные реликвии, как это было характерно для паломников, особенно представителей клира. Вероятно, его пребывание в Константинополе было недолгим, что не позволило ему более детально ознакомиться со святынями (не исключено, что он и сам не стремился к их повторному осмотру). Кроме того, ошибки и неточности могли быть вызваны записью перечня по прошествии некоторого, возможно значительного, времени после посещения Константинополя, когда в воспоминаниях о поездке конкретные детали были утрачены и восполнены «фоновыми» знаниями о Византии.

Для характеристики автора «Перечня», возможно, существенно и ещё одно обстоятельство: он не упоминает ни одной реликвии, связанной со святыми-женщинами (кроме Богородицы). Во всех описаниях, как западноевропейских, так и русских, перечисляется немало связанных с женщинами святынь: реликвии Марии Магдалины, погребения святых мучениц, орудия их пыток и т. п. Ни одна из таких реликвий не названа скандинавом. Вряд ли это случайно. Видимо, женщины-святые не интересовали его настолько, что он либо не осматривал соответствующие реликвии, либо полностью о них забыл, либо не счёл необходимым упомянуть их в своем сочинении. Такой гендерно-выборочный подход к реликвиям был бы весьма странным для священнослужителя.

Таким образом, содержание и характер информации о реликвиях Константинополя говорят о том, что автор вряд ли принадлежал к клирической среде, был паломником и находился в городе с целью ознакомления со святынями. «Перечень», скорее, указывает на мирянина, проведшего в Константинополе недолгое время по делам не религиозного характера. Наиболее знакомы ему те места Константинополя, которые составляли среду обитания скандинавских наёмников, служивших в императорской гвардии и проживавших в Константинополе постоянно. Однако и в этих наименованиях он совершает ошибку («в одном древнем полоте»), которая вряд ли была бы возможна, служи он в городе длительное время. Очевидно, что его сведения о Константинополе, соборе Св. Софии и императорском дворце восходят к «фоновым» знаниям, общераспространенным в Скандинавии, а описание реликвий — результат достаточно беглого ознакомления с ними. Вероятнее всего, автором «Перечня» был воин, проезжавший через Константинополь и проявивший интерес к хранящимся в городских церквях святыням, которые были показаны ему одним из скандинавов, находившихся на военной службе в Константинополе. Таким воином мог быть, например, крестоносец — участник одного из крестовых походов или один из членов свиты кого-либо из знатных скандинавских паломников¹⁵².

Время составления «Перечня» установить вряд ли возможно более точно, нежели в самых широких чертах: до 1204 г. Наиболее ранней датой пребывания

¹⁵² Так, например, в 1103 г. король Дании Эрик и его жена Ботхильд с большой свитой останавливались в Константинополе по пути в Иерусалим.

автора «Перечня» в Константинополе можно достаточно уверенно считать 1063 г., когда в город был привезен упомянутый им терновый венец. Что же касается *terminus ante quem*, то для него практически нет оснований. Как было указано выше, предложенная К. Сигтор для Таррагонского анонима граничная дата 1098 г. (после которой копьё якобы не упоминается в числе константинопольских святынь) неверна, т. к. его видел Антоний в самом начале XIV в. Многочисленные неточности и ошибки автора не дают возможности опереться и на сведения о переносе реликвий из храма в храм — другой датирующей информации: так, помещённая автором «в полоту» плащаница была перенесена во Влахерны незадолго до 1204 г., где её видел Робер де Клари; однако автор «Перечня» не знает церкви во Влахернах и помещает в число «дворцовых» реликвий, например, пояс Богоматери, хранившийся во Влахернской церкви. В начале XII в. (в 1121 г.?) кисть руки Иоанна Крестителя была повреждена (один палец оказался на Руси)¹⁵³, но автор «Перечня» не говорит о дефекте реликвии; впрочем, этого дефекта он мог не заметить или не счесть необходимым писать о нём. Поэтому пребывание автора «Перечня» в Константинополе можно датировать лишь самым широким образом: от 1063 до 1204 г., а написание сочинения — второй половиной XI — первой половиной XIII в.

Заключение

Пребывание скандинавов в Византии в эпоху викингов засвидетельствовали многочисленные источники, существенная часть которых современна описываемым событиям. Это прежде всего византийские сочинения и скандинавские скальдические стихи, рунические надписи и записанные в конце XII–XIV в., но основанные на устной традиции исландские королевские и родовые саги. Именно они позволяют воссоздать, по крайней мере, в общих чертах деятельность скандинавов в империи на протяжении IX–XI вв., установить её формы и даже проследить в какой-то степени её изменения. Вопреки распространённому мнению о том, что скандинавы стремились в Византию ради военной службы и торговли, более пристальный анализ источников показывает, что это не совсем так.

Действительно, военная служба привлекала скандинавов в наибольшей степени. С одной стороны, она требовала тех знаний и умений, которые скандинавские юноши приобретали с детства, которыми гордились и в которых достигали совершенства. Недаром викинги в свое время считались едва ли не лучшими воинами Европы¹⁵⁴, и их охотно нанимали на службу франкские и английские короли, русские князья. Не составляли исключения и византийские

¹⁵³ Древнерусское Хождение конца XIII — начала XIV в., отмечает отсутствие пальца на кисти руки Иоанна Крестителя. См.: Карпов А. Ю. Перенесение перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь в контексте византийской политики Владимира Мономаха // *Он же*. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 156 (примеч. 45).

¹⁵⁴ *Line Ph.* The Vikings and their Enemies: Warfare in Northern Europe 750–110. New York, 2015.

императоры. Военная выучка скандинавов, а также их нейтральность по отношению к враждующим группировкам при византийском дворе настолько высоко ценилась императорами, что в конце X в. скандинавы сменили армян в качестве императорских гвардейцев. С другой стороны, служба как в «гвардии», так и в действующей армии приносила и большое состояние, и славу — а именно деньги и слава были главными целями, к которым стремились викинги. «Гвардейцы» императора получали немалую плату, но кроме того, при смене императора — особенно насильственной — получали возможность разграбить часть императорских сокровищ. В исторической памяти скандинавов запечатлелись воспоминания о неисчислимом богатстве, привезённом Харальдом Сигурдарсоном (будущим норвежским королем Харальдом Суровым Правителем) после службы в Константинополе. О неисчислимом количестве вывезенного Харальдом золота говорят уже его скальды, а затем и авторы саг: «Это было такое большое богатство, что ни один человек в северных странах не видел во владении одного человека», — пишет Снорри Стурлусон двумя столетиями позже¹⁵⁵. Разумеется, Харальд занимал особое положение — он удостоился звания (впрочем, не слишком высокого) спафарокандидата и, видимо, возглавлял «дворцовых» варангов. Высокой — по скандинавским меркам — была и плата наёмникам в действующей армии. Но главным источником богатства был, конечно, вполне узаконенный грабёж побеждённых. Поэтому служба в Византии считалась в Скандинавии и престижной, и весьма прибыльной. На протяжении эпохи викингов формы военной службы скандинавов в Византии изменялись. С начала X в. они участвовали как вспомогательные силы в морских операциях византийцев, позднее составляли отдельные этерии в сухопутных войсках, а с конца X в. обеспечивали охрану императора, образуя «гвардейский» корпус, который во второй половине XI в. начал размываться поступающими на службу англосаксами.

Иначе обстояло дело с купцами. Вряд ли можно сомневаться в том, что знакомство с Византией после начавшихся в IX в. походов скандинавов в пределы империи и в Константинополь вызвало интерес у тех, кто предпочитал торговлю грабительским набегам. Богатство византийских рынков предметами роскоши, с одной стороны, и потребность самих византийцев в рабах, мехах и воске, с другой, открывали заманчивые перспективы для скандинавов. И они их попытались реализовать: неслучайно Ибн Хордадбех (IX в.) пишет о торговцах-русах в Византии¹⁵⁶. Однако закрепление скандинавов в Среднем Поднепровье кардинально изменило ситуацию. Свободное плаванье вниз по Днепру в Чёрное море оказалось перекрытым: захватившие власть в Киеве скандинавы сами начали вести активную торговлю с Византией, которая обеспечивала их экономическое благосостояние, и потому стремились ограничить, если не пресечь совсем,

¹⁵⁵ Haralds saga Sigurðarsonar. Bls. 87. Перевод на русский язык: Сага о Харальде Суровом. С. 411. См. об этом сюжете: Джаксон Т. Н. О сагах, скальдах и конунгах: Избранные статьи. М., 2021. С. 251–262.

¹⁵⁶ См. примеч. 91.

проникновение торговцев непосредственно из Скандинавских стран на византийские рынки.

После принятия христианства в Скандинавских странах в конце X — первой половине XI в. возник ещё один стимул для поездок в Византию — посещение святых мест. Константинополь славился в христианском мире своими святынями, кроме того, через Византию лежал путь в Святую землю — наиболее привлекательное место паломничества. Поэтому уже в XI в. появляются сообщения о такого рода поездках, однако они немногочисленны, а в XII–XIII вв. основной целью паломничеств стал Рим. Однако со святынями Константинополя знакомились не только паломники, но и служившие или проезжавшие через столицу империи воины. Они посещали важнейшие храмы города и привозили обратно в Скандинавию реликвии и паломнические знаки, но прежде всего — сведения о тогдашней столице христианского мира.

Список литературы

Абу-л-Хасан ал-Мас'уди. Книга предупреждения и пересмотра / Абу-л-Хасан ал-Мас'уди ; пер. с араб. В. М. Бейлиса ; изд. подг. по материалам В. М. Бейлиса Т. М. Калинина и О. Б. Бубенок. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2021. — 662 с.

Васильевский, В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков / В. Г. Васильевский // Васильевский, В. Г. Труды / В. Г. Васильевский. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1908. — Т. 1. — С. 176–377. — URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4899-t-1-vizantiya-i-pechenegi-varyago-russkaya-i-varyago-angliyskaya-druzhina-v-konstantinopole-xi-i-xii-vekov-o-varyago-russah-1908>. — (07.12.2022).

Глазырина, Г. В. О Торвальде Путешественнике (Forvalds þátrr víðförla и Kristni saga) / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2022 год. — Москва : ГАУГН-Пресс, 2022. — С. 256–325.

Глазырина, Г. В. От язычества к истинной вере : путь главного героя древнеисландской *Саги об Одде Стреле* / Г. В. Глазырина // Церковная археология : материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). — Санкт-Петербург ; Псков : ИИМК РАН, 1995. — Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. — С. 85–87. — URL: https://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdaniya/pdf/Tserk_archeo_01_1995.pdf/view. — (07.12.2022).

Глазырина, Г. В. Путь на восток — путь к христианскому спасению : сюжеты исландских саг о скандинавах-путешественниках / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. — Москва : Индрик, 2010. — С. 384–404.

Голб, Н. Хазарско-еврейские документы X в. / Н. Голб, О. Прицак. — Москва ; Иерусалим : Гешарим, 1997. — 239 с. (2-е изд., испр. и доп. — Москва : Мосты культуры, 2003).

Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989 годы. — Москва : Наука, 1991. — С. 5–169.

Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе : тексты, перевод, комментарий / Т. Н. Джаксон. — Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 779 с. — (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Джаксон, Т. Н. О сагах, скальдах и конунгах : избранные статьи / Т. Н. Джаксон. — Москва : Квадрига, 2021. — 512 с.

Джаксон, Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности / Т. Н. Джаксон // Скандинавский сборник. — Таллин : Ээсти раамат, 1988. — Вып. XXXII. — С. 117–128.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой ; авт. М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. — Изд. 2-е. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2013. — 621 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. — Т. III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. — 250 с.; 2010. — Т. II. Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. — 372 с.; 2010. — Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. — 502 с.

Карпов, А. Ю. Перенесение перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь в контексте византийской политики Владимира Мономаха / А. Ю. Карпов // Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси / А. Ю. Карпов. — Москва : Квадрига, 2014. — С. 143–159.

Карпозилос, А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя / А. Карпозилос // Византийский временник. — 1988. — Т. 49. — С. 112–118. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/49/52701>. — (07.12.2022).

Коновалова, И. Г. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков / И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова. — Москва : Весь Мир, 2018. — 276 с.

Кузенков, П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год. — Москва : Восточная литература, 2003. — С. 5–172.

Кузенков, П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. / П. В. Кузенков // Причерноморье в Средние века. — Москва : Издательство МГУ, 2011. — Вып. VIII. — С. 7–35.

Литаврин, Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. — Санкт-Петербург : Алетей, 2000. — 398 с.

Литвина А. Ф. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов : историческая семантика имени. Москва : Индрик, 2007. — Вып. 2 / сост. Ф. Б. Успенский. — С. 135–188.

Литвина, А. Ф. Презрение к византийскому золоту: общие сюжетные элементы в летописи и саге / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Раннее Средневековье глазами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени : (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). — Москва : Индрик, 2006. — С. 48–52. — (Славяне и их соседи. XXIII конференция, Москва, 2006 г.). — URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Slaviane_i_sosedi_XXIII_tezisy.pdf. — (07.12.2022).

Литовских, Е. В. Древнерусско-исландские связи в X–XIII вв. : Бьёрн-Шкура «Ездок в Новгород» / Е. В. Литовский // Восточная Европа в древности и средневековье : XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2018. — С. 184–189.

Мельникова, Е. А. Византия в скандинавских рунических надписях / Е. А. Мельникова // Византийский временник. — 2005. — Т. 64. — С. 160–180. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/64/53329>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Византия и христианизация Скандинавии / Е. А. Мельникова // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ : сборник статей памяти профессора И. С. Чичурова / под ред. П. В. Кузенкова, А. А. Войтенко, М. В. Грацианского. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2012. — С. 211–225.

Мельникова, Е. А. Восточноевропейский мир IX–X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации / Е. А. Мельникова // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях : юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. — Москва : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2019. — С. 342–359. — URL: https://ebookiriran.ru/sites/default/files/2022-07/Nazarenko_2019.pdf. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Древнескандинавские географические сочинения : тексты, перевод, комментарий / Е. А. Мельникова. — Москва : Наука, 1986. — 230 с.

Мельникова, Е. А. Древнескандинавские итинерарии / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. — Москва : Восточная литература, 2001. — С. 363–436.

Мельникова, Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе / Е. А. Мельникова // Византийский временник. — 1996. — Т. 56. — С. 92–106. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/BB/56/53018>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг / Е. А. Мельникова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2020. — № 1. — С. 26–40. — URL: <https://history.rsuh.ru/jour/article/view/797>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 496 с. — (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Мельникова, Е. А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию / Е. А. Мельникова // Российская история. — 2019. — № 4. — С. 66–81. — URL: <https://russian-history.ru/s086956870005873-1-1/>. — (07.12.2022).

Мельникова, Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях / Е. А. Мельникова // От Древней Руси к новой России: юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. — Москва: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. — С. 95–108.

Мельникова, Е. А. Экономические системы в эпоху возникновения государства: Древняя Русь и Скандинавские страны / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. — Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — С. 390–440.

Мельникова, Е. А. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. / Е. А. Мельникова, А. Б. Никитин, А. В. Фомин // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. — Москва: Наука, 1984. — С. 26–47.

Мельникова, Е. А. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // Славяноведение. — 1994. — № 2. — С. 56–68. — URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/slav-1994-2.pdf>. — (07.12.2022).

Петрухин, В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род / В. Я. Петрухин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. — Москва: Восточная литература, 2000. — С. 222–229.

Поппэ, А. «Ис курилоцѣ» и «куриловицѣ» / А. Поппэ // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. — 1985. — Vol. 31–32. — P. 319–350.

Прокофьев, Н. И. Русские хождения XII–XV вв. / Н. И. Прокофьев // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина: литература Древней Руси и XVIII в. — 1970. — Т. 363. — С. 3–264.

Пчелов, Е. В. Олег Веций: великий викинг Руси / Е. В. Пчелов. — Москва: Молодая гвардия, 2018. — 259 с.

Успенский, Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь : историко-филологические очерки / Ф. Б. Успенский. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 456 с. — URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Uspenskij.pdf. — (07.12.2022).

Филипчук, О. Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? / О. Филипчук // Ruthenica. — Київ, 2008. — Вип. VII. — С. 7–29. — URL: <http://history.org.ua/JournALL/ruthenica/7/1.pdf>. — (07.12.2022).

Филипчук, О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники : дис. ... канд. іст. наук / Олександр Михайлович Филипчук. — Чернівці, 2010. — 183 с.

Филипчук, А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в.: контакты, торговля и формирование политической элиты / А. М. Филипчук // Восточная Европа в древности и средневековье : XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2011. — С. 292–297.

Хагланд, Я.-Р. Христианизация Норвегии и возможные влияния Восточных церквей / Я.-Р. Хагланд // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. — Москва : Восточная литература, 2004. — С. 259–286.

Щавелев, А. С. «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура / А. С. Щавелев // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana=Петербургские славянские и балканские исследования. — 2017. — № 1 (21). — С. 82–112. — <https://slavica-petropolitana.spbu.ru/files/2017-1/06-Schavelev.pdf>. — (07.12.2022).

Щавелев, А. С. Известие о «северных скифах» («росах») в разделе «Ναυμαχιᾶς» трактата «Γαλιτικᾶς» византийского императора Льва VI Мудрого / А. С. Щавелев // Историческая география / отв. ред. И. Г. Коновалова. — Москва : Кругъ, 2016. — Т. 3. — С. 236–250.

Щедрина, К. А. Царей держава : значение реликвий и символов Святого Креста и Страстей Христовых в церковном освящении государственной власти : (историко-богословское исследование) / К. А. Щедрина. — Москва : б. и., 2000. — 62 с.

Androshchuk, F. Vikings in the East : Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100) / F. Androshchuk. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2013. — 272 p.

Audy, F. How were Byzantine coins used in Viking-Age Scandinavia? / F. Audy // Byzantium and the Viking World / ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2016. — P. 141–168.

Bysans och Norden : akta för Nordiska forskarkursen i byzantinsk konstvetenskap 1986 / red. E. Piltz. — Uppsala : Uppsala Universitet, 1989. — 224 s.

Ciggaar, K. N. Western Travellers to Constantinople : the West and Byzantium, 962–1204 : Cultural and Political Relations / K. N. Ciggaar. — Leiden ; New York ; Köln : Brill, 1996. — 396 p.

Coupland, S. The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England to 911 / S. Coupland // The New Cambridge Medieval History / ed. R. McKitterick. —

Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — Vol. II. C. 700 — с. 900. — P. 190–201.

Duczko, W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden : Archaeological Finds and their Interpretation / W. Duczko // Rom und Byzanz im Norden : Mission und Glauberwechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / hrsg. M. Müller-Wille. — Stuttgart : Steiner, 1997. — Bd. 1. — S. 291–311.

Ellis Davidson, H. The Viking Road to Byzantium / H. Ellis Davidson. — London : Allen & Unwin, 1976. — 341 p.

Ferluga, J. Der byzantinische Handel nach Norden / J. Ferluga // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. — Teil IV. Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit / hrsg. K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, and D. Timpe. — S. 616–642.

Från Bysans till Norden : östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / red. H. Janson. — Skellefteå : Artos, 2005. — 224 s.

Hägg, I. Birkas orientaliska praktplagg / I. Hägg // Fornvännen. — 1984. — Årg. 78. — S. 204–220 — URL: <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?dswid=4405&pid=diva2%3A1225705>. — (07.12.2022).

Hägg, I. Silks in Birka / I. Hägg // Byzantium and the Viking World / ed. F. Androschuk, J. Shepard, M. White. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2016. — P. 281–304.

Hammarberg, I. Byzantine Coins Found in Sweden / I. Hammarberg, B. Malmer, T. Zachrisson. — Stockholm : Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien ; London : Spink & Son, 1989. — 108 p.

Haussig, S. W. Der Seidenhandel über die Chazaren mit Byzanz und Skandinavien / S. W. Haussig // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) : actes du Colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979 / red. par R. Zeitler. — Uppsala : Almqvist & Wiksell international, 1981. — P. 187–194.

Jackson, T. N. The Role of Óláfr Tryggvason in the Conversion of Russia / T. N. Jackson // Three Studies on Vikings and Christianization / ed. M. Rindal. — Oslo : Research Council of Norway, 1994. — P. 7–17.

Kovalev, R. Were there Direct Contacts between Volga Bulgária and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence / R. Kovalev // Archivum Eurasiae Medii Aevi. — 2013. — Vol. 20. — P. 67–102.

Kromann, A. Mønterne fra Byzanz / A. Kromann // Bysans och Norden : akta för Nordiska forskarkursen i byzantinsk konstvetenskap 1986 / red. E. Piltz. — Uppsala : Uppsala Universitet, 1989. — S. 81–90.

Line, Ph. The Vikings and their Enemies : Warfare in Northern Europe 750–110 / Ph. Line. — New York : Skyhorse Publishing, 2015. — 360 p.

Lopez, R. S. Silk Industry in the Byzantine Empire / R. S. Lopez // *Speculum*. — 1945. — Vol. 20. — P. 1–42.

Malmer, B. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Century A.D. / B. Malmer // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) : actes du Colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979* / red. par R. Zeitler. — Uppsala : Almqvist & Wiksell international, 1981. — P. 125–129.

Mango, C. Studies on Constantinople / C. Mango. — Aldershot : Variorum, 1993. — 274 p.

Melnikova, E. The Death in the Horse's Skull : the Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions / E. Melnikova // *Gudar på jorden : festskrift till Lars Lönnroth* / red. S. Hansson, M. Malm. — Eslöv : Symposion, 2000. — S. 152–168.

Melnikova, E. Varangians and the Advance of Christianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries / E. Melnikova // *Från Bysans till Norden : östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / red. H. Janson. — Skellefteå : Artos, 2005. — S. 87–124.

Piltz, E. Varangian Companies for Long Distance Trade : Aspects of Interchange between Scandinavia, Rus' and Byzantium / E. Piltz // *Byzantium and Islam in Scandinavia : Acts of a Symposium at Uppsala University June 15–16 1996* / ed. E. Piltz. — Göteborg : Årström, 1998. — P. 85–106.

Quak, A. Ist Pop Upir' Lichoj mit dem Runenmeister Øpir identisch? / A. Quak // *Scando-Slavica*. — 1985. — Vol. 31. — P. 145–150.

Riant, P. E. Expéditions et Pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des Croisades / P. E. Riant. — Paris : A. Lainé et J. Havard, 1865. — 448 p. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57968157.texteImage>. — (07.12.2022).

Scheel, R. Skandinavien und Byzanz : Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen / R. Scheel. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. — 1343 S.

Shepard, J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? / J. Shepard // *Early Medieval Europe*. — 1995. — Vol. 4, issue 1. — P. 41–60.

Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium : an Aspect of Byzantine Military History / Sigfús Blöndal ; transl., revised, and rewritten by B. S. Benedikz. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1978. — 242 p.

Sjöberg, A. Pop Upir' Lichoj and the Swedish Rune-Carver Ofeigr Upir / A. Sjöberg // *Scando-Slavica*. — 1982. — Vol. 28. — P. 109–124.

Sjöberg, A. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? / A. Sjöberg // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age : Papers of the VIIth Visby Symposium Held at Gotlands Fornsal, Gotland's Historical Museum, Visby August 15th–19th, 1983* / ed. Sven-Olof Lindquist ; assist. ed. B. Radhe. — Visby : Gotlands fornsl, 1985. — P. 69–78. — (Acta Visbyensia. Vol. VII).

Sjöberg, A. Öpir — runristare i Uppland och hovpredikant i Novgorod / A. Sjöberg // *Långhundraleden : en seglats i tid och rum : 50 bidrag om den gamla*

vattenleden från Trälhavet till Uppsala genom årtusendena / sammanställda av redaktionsgruppen inom Arbetsgruppen Långhundraleden. — Uppsala : Arbetsgruppen, 1993. — S. 184–188.

Sverrir Jakobsson. Centre and Periphery in Icelandic Medieval Discourse / Sverrir Jakobsson // Á austrvega : Saga and East Scandinavia : Preprints Papers of the 14th International Saga Conference : Uppsala, 9th–15th August 2009 / ed. A. Ney, H. Williams and Fr. Charpentier Ljungqvist. — Gävle : Gävle University Press, 2009. — P. 918–924. — URL: <http://hig.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A224754&dswid=7769>. — (07.12.2022).

Sverrir Jakobsson. The Varangians : In God's Holy Fire / Sverrir Jakobsson. — Cham : Palgrave Macmillan, 2020. — 212 p.

The Normans in Europe / ed. and trans. by E. van Houts. — Manchester : Manchester University Press, 2000. — 308 p.

The Viking World / ed. by St. Brink in collaboration with P. Nice. — London ; New York : Routledge, 2008. — 717 p.

ЛИТОВСКИХ Елена Владимировна / LITOVSKIKH Elena V.

Институт всеобщей истории РАН / Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

elitovskih@mail.ru

СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСЛАНДЦЕВ

WAYS TO IDENTIFY MEDIEVAL ICELANDERS

Abstract: The article based on the material of the Old Icelandic *Brennu-Njáls saga* deals with identification of medieval Icelanders in the society with the help of personal names, patronymics and nicknames. And if, as the analysis of the saga shows, personal names were a means of individual identification of a person, the generic names, on the contrary, connected a person with his family and especially with his namesake ancestors. The goals of the latter were also fulfilled by patronymics, toponymic and generic nicknames, while all other types of nicknames contributed to the individualization of a person. It can be argued that the generic identification of a person in medieval Icelandic society was based on the genealogical principle, and the individual identification complemented it, still relying on it, despite the fact that they were outwardly opposed.

Ключевые слова / Keywords: Родовые саги, «Сага о Ньяле», «Книга о занятии земли», источниковедение, идентификация, антропонимика, прозвища / Family sagas, *Brennu-Njáls saga*, *Landnámabók*, source criticism, identification, anthroponymy, nicknames

Изучение способов идентификации средневековых исландцев — это одновременно изучение и основ их менталитета, и механизма (быть может, одного из важнейших) социального структурирования, и особенностей функционирования исландского общества периода «народовластия». Наиболее богатый материал для этого содержит «Сага о Ньяле» (*Brennu-Njáls saga*), — пожалуй, самая большая и репрезентативная из исландских родовых саг «классического» периода. В саге рассказывается о крупнейшей межродовой распри в Южной четверти Исландии 980–1020-х гг., поэтому в ней действуют (или как минимум упоминаются в генеалогических перечнях) свыше 400 человек¹.

Долгое время исследователи, вслед за Эйнармом Оулавюром Свейнссоном², считали «Сагу о Ньяле» цельным произведением, написанным одним автором и имеющим единый литературный замысел. Однако на настоящий момент большинство саговедов, опираясь на данные текстологического анализа, сходятся во мнении, что сага имеет составной характер (её текст легко распадается на отдельные более или менее завершённые сюжеты) и что первоначально существовали несколько отдельных саг (условные «Сага о Гуннаре» и «Сага о

¹ Полный список личных имён, встречающихся в данной саге, см.: *Finnur Jónsson. Personennamen // Brennu-Njáls saga. Halle a. S., 1908 (=Altnordische Saga-Bibliothek. H. 13). S. 425–443. Выборку по всем родовым сагам см.: Guðni Jónsson. Íslendinga sögur. Nafnaskrá. Reykjavík, 1949.*

² *Einar Ól. Sveinsson. Njáls saga: A Literary Masterpiece. Lincoln, 1970. P. 7–24.*

сожжении Ньяля»), которые были позднее объединены в одно целое³. Не исключено также опосредованное влияние на неё других родовых саг (особенно «Саги о людях из Лососьей Долины»), в окружении которых формировалась «Сага о Ньяле», а также саг о древних временах⁴.

Принятая датировка «Саги о Ньяле» — 1275–1290-е гг.⁵ Сага сохранилась во многих рукописях (всего около 60; пергаменных до 1400 г. — 11), из которых древнейшая относится примерно к 1300 г.⁶ Деление на главы (в саге их 154) было проведено уже в древнейших рукописях. Рукописи имеют незначительные расхождения, которые никак не отражаются на требуемой нам для данного исследования информации саги.

В целом, в родовых сагах именование персонажей непосредственно в ходе самого повествования (вне вводной характеристики⁷) отличалось разнообразием и, как можно предположить, совпадало с их названием в реальном обиходе.

Дети в саге, как правило, упоминаются без вводной характеристики и даже без имени, т. к., с одной стороны, они не были полноценными членами исландского общества, а с другой, — принимали минимальное участие в развитии сюжетной линии⁸. Лишь в редких и исключительных случаях ребёнок назывался в саге точно так же, как и взрослый персонаж, если он вёл себя «по-взрослому» и его поступки оказывали влияние на саговый сюжет⁹.

Варианты именования взрослых действующих лиц «Саги о Ньяле» (свободно экстраполируемые на другие родовые саги) можно объединить в следующие группы: одно имя; имя с патронимом¹⁰ и имя с прозвищем.

³ Jónas Kristjánsson. *Njáls saga* // *Gudar på jorden: Festschrift till Lars Lönnroth* / Red. S. Hansson, M. Malm. Eslöv, 2000. P. 125–130; Cook R. *The Structure of Njáls saga* // *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой* / Под ред. Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазыриной, И. Г. Коноваловой, С. А. Никольского, В. Я. Петрухина. М., 2001. С. 210.

⁴ Finnur Jónsson. *Einleitung* // *Brennu-Njáls saga*. S. XXI; Maxwell I. R. *Pattern in Njáls saga*. London, 1957–1959. (=Saga-Book of the Viking Society. Vol. 15). P. 17–47.

⁵ См., например: Einar Ól. Sveinsson. *Dating the Icelandic Sagas*. London, 1958 (=Viking Society for Northern Research. Text Series. Vol. 3). P. 11–31; Bjarni Guðnason. *Njáls saga* // *Kulturhistorisk leksikon för nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid*. Oslo; Malmö, 1978. Bd. 12. Sp. 244–249. Роберт Кук склонен её сужать до 1280-х гг.: Cook R. *The Structure*. С. 206.

⁶ Список рукописей и их датировку см.: Schach P. *Instant Saga Style: the Evidence of the Manuscripts* // *Journal of English and Germanic Philology*. 1986. No. 3. P. 404–420. Стемму редакций рукописей см.: Einar Ól. Sveinsson. *Um handrit Njáls sögu* // *Skirnir*. 1952. Bd. 26. Bls. 124.

⁷ Про саговые вводные характеристики и способы обозначения в них персонажей см.: Литовских Е. В. *Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (на материале «Саги о Ньяле»): Дисс. ... к. и. н. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 55–67.*

⁸ Типичное описание детей в саге выглядит так: «Sveinar tveir léku á gólfinu, þeir váru veizlusveinar Þjóstólfs ok lék mæð ein hjá þeim» («Два мальчика играли на полу, которые были воспитанниками Тьостольва, и девочка играла возле них»): *Brennu-Njáls saga*. Bls. 23. (Здесь и далее переводы мои. — Е. А.) См. также: Ibid. Bls. 12, 47, 212.

⁹ Ibid. Bls. 63, 179, 214.

¹⁰ Патроним — дериват от имени или прозвища отца. Значение встречающихся в тексте ономастических терминов см.: Подольская Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. М., 1978.

В «Саге о Ньяле» одно только имя используется при обозначении известных в обществе и в устной традиции людей. В саговом нарративе это чаще всего главные действующие лица, во вводной характеристике которых было уже дано максимально полное описание их происхождения и качеств. В дальнейшем повествовании они в большинстве случаев (исключение составляют правовые формулы) называются одним именем. Поскольку при помощи только имени обозначались не все имеющие вводную характеристику персонажи саг, можно предположить, что такой формы названия для данной группы людей было достаточно. Людей же, слабо известных в обществе, или тех, кого необходимо было в силу тех или иных причин как-либо дополнительно определить, называли, используя также патронимы или прозвища.

Основной ситуацией, где требовалась идентификация, было знакомство. В момент знакомства получали первые сведения о человеке, поэтому информация о нём должна была быть достаточно содержательной для противоположной стороны (а в саге и для слушателей): что это за человек, чего можно от него ожидать, как впоследствии он может себя повести, — т. е. получаемые сведения должны были относительно полно охарактеризовать лицо, с которым знакомятся. Ту же цель, помимо прочего, преследовала и саговая вводная характеристика, в которой уделялось большое внимание генеалогическим описаниям. Всё это в итоге помогало слушателям саги понять, в каком отношении к герою находятся другие персонажи саги, а подчас и они сами.

Поэтому, знакомясь, герои в саге прежде всего называли своё личное имя, истинное или вымышленное¹¹. Помимо имени в большинстве случаев уточнялось происхождение человека, место его жительства и ближайшие родственные связи¹².

¹¹ См.: Brennu-Njáls saga. Bls. 209. А вот пример специально оговорённого представления истинным именем: «Hann spurði þenna mann at nafni ok nefndiz hann Tófi. Tófi spurði at hans nafni ok nefndiz Hrappr sem hann hét» («Он спросил того человека об имени, и тот назвался Тови. Тови спросил о его имени, и он назвался Храппом, как его и звали») (Ibid. Bls. 192). Ложное, но говорящее, имя неоднократно называл Тормод Скальд Чернобровой из «Саги о названных братьях», особенно в тех случаях, когда он намеревался отомстить и ему надо было на время скрыть свое истинное имя: «Þorgrímr svarar: “...Eða hvert er nafn þitt?” Hann [Þormóðr] svarar: “Ótryggr heiti ek.” “Hvers son ertu?” sagði Þorgrímr. “Ek er Þortryggsson...”» («Торgrim говорит: “...и как твое имя?” Он [Тормод] говорит: “Меня зовут Отрюгг [Ненадежный]”. “Чей ты сын?” сказал Торgrim. “Я сын Тортрюгга [Коварного]...”») (Fóstbræðra saga. Bls. 44); «Þar mæta þeir manni í hvítum feldi ok spyrja hann at nafni. Hann nefndiz Vígfús» («Там они встречают человека в белом плаще и спрашивают его об имени. Он назвался Вигфусом [Жажущим Боя]») (Ibid. Bls. 46); «Hann [Oddi] svarar: “...eða hvað heitir þú?” Þormóðr svarar: “Ek heiti Þorráðr...”» («Он [Одди] говорит: “...А как тебя зовут?” Тормод отвечает: “Меня зовут Торрад [Трудный замысел]...”») (Ibid. Bls. 53); «Sigríðr mælti: “Hver kom þar?” Hann [Þormóður] svarar: “Ósvífr heiti ek...”» («Сигрид сказала: “Кто там?” Он [Тормод] ответил: “Меня зовут Освивр [Беспокойный]...”») (Ibid. Bls. 62).

¹² См. несколько примеров: «Kolbeinn spurði þenna mann at nafni. “Hrappr heiti ek” — segir hann. “Hvat vill þú mér?” — segir Kolbeinn. “Ek vil biðja þik” — segir Hrappr. — “at þú flytir mik um haf”. “Hvers son ert þú?” — segir Kolbeinn. Hrappr svarar: “Ek em son Örgumleiða Geirólfs sonar gerpis”»

Во многих случаях для того, чтобы представиться, было достаточно назвать имя отца, который, как правило, был (как и его происхождение) широко известен в обществе¹³. Если же отец был малоизвестен, могли называть и деда — в любом случае именование доводилось до известного в обществе человека¹⁴. Гораздо реже это была отсылка к сыну¹⁵. Полученная при первом знакомстве генеалогическая информация приобретала в результате большое значение для формирования отношения к данному человеку.

Использование имени в сочетании с патронимом было наиболее явно связанным с генеалогической информацией способом обозначения человека. Такой способ называния определялся прежде всего стремлением идентифицировать характеризуемого через другого человека, уже имеющего определённую репутацию в обществе, и применялся в том случае, когда сам характеризуемый был известен

(«Кольбейн спросил этого человека о имени. “Меня зовут Храпп,” — ответил он. “Чего ты от меня хочешь?” — спросил Кольбейн. “Я хочу попросить тебя,” — сказал Храпп. — “чтобы ты перевёз меня через море”. “Чей ты сын?” — спросил Кольбейн. Храпп ответил: “Я — сын Эргумасейди сына Гейрольва Вояки»») (Brennu-Njáls saga. Bls. 188); «Jarl spurði hvernar ættar hann væri. Hann segir at hann væri skyldur mjök Gunnari at Hlíðarenda» («Ярл спросил, какого он рода. Он ответил, что он — близкий родич Гуннара с Конца Склона») (Ibid. Bls. 178); «[Ketill] mælti til hennar: “Hvat kona ertu?” “Arneidr heiti ek,” segir hon. Ketill mælti: “Hvert er kyn þitt?”» («[Кетиль] спросил её: “Кто ты такая?” “Меня зовут Арнейд”, — сказала она. Кетиль сказал: “Каков твой род?”») (Droplaugarsonar saga. Bls. 15). Ср.: Brennu-Njáls saga. Bls. 53; Fóstbræðra saga. Bls. 44.

¹³ Вот несколько самых показательных ситуаций знакомства: «“Hverir eigu hér lék svá ójafnan?” Helgi segir til sín ok sagði at í mót váru þeir Grjótgarðr ok Snækólfr. “En hverir eru stýrimenn?” — sagði hann. Helgi svarði: “Bárðr svartir, er lifir, en annar er látinn, er Óláfr hér”. “Eruð þit”, — segir hann. — “Íslenzkir menn?” “Svá er víst” — segir Helgi. Hann spurði hvers synir þeir væri (подчёркнуто мною. — E. A.), þeir sögðu. Þá kannaðiz hann við ok mælti: “Nafnfrægir eruð þér feðgar”. “Hverr ert þú?” — segir Helgi. “Kári heiti ek ok em ek Sölmundarson”» («“Кто это здесь играет в такую несправедливую игру?” Хельги назвал себя и сказал, что из противников зовут Грьотгард и Снекольв. “А кто хозяева кораблей?” — спросил он. Хельги ответил: “Бард Чёрный, он жив, другой погиб, которого звали Олав”. “Вы исландцы?” — спросил он. “Конечно,” — сказал Хельги. Он спросил, чьи они сыновья. Они ответили. Тогда он понял, кто перед ним, и сказал: “Далеко известны ваши имена и имена ваших отцов”. “А кто ты?” — спросил Хельги. “Меня зовут Кари и я сын Сельмунда»») (Brennu-Njáls saga. Bls. 183–184); «Konungr tók vel kveðju hans [Þorgeirs] ok spurði hver hann væri. Hann svarar: “Ek er íslenzkr maðr ok heiti Þorgeir.” Konungr mælti: “Hvert ertu Þorgeir Hávarsson?” Hann svarar: “Sá er maðr enn sami”» («Конунг ответил на его [Торгейра] приветствие и спросил, кто он. Он отвечает: “Я исландец и зовут меня Торгейр”. Конунг сказал: “Не Торгейр ли Хаварссон?” Он отвечает: “Он самый»») (Fóstbræðra saga / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1943 (=Íslenzk fornrit. Bd. VI). Bls. 141); «Hann [Jöðr] spurði hver enn komni maðr væri. Sá sagði: “Ek heiti Þorgeir”. Jöðr segir: “Hver Þorgeir ertu?” “Ek er Hávarsson”» («Он [Ёдур] спросил, кто за человек пришёл. Тот ответил: “Меня зовут Торгейр”. Ёдур сказал: “Который ты Торгейр?” “Я сын Хавара»») (Ibid. Bls. 123); «Þeir spyrja hver þar sé flokksforingur. Þorgeir segir til sín. “Ef þér hefit heyrt getit Þorgeirs Hávarssonar eða Þormóðar Bersasonar þá megir þér hér þá sjá”» («Они спрашивают, кто предводитель отряда. Торгейр назвал себя. “Если вы слышали о Торгейре Хаварссоне или Тормоде Берсисоне, то вы можете теперь их здесь видеть»») (Brennu-Njáls saga. Bls. 129).

¹⁴ Ibid. Bls. 188.

¹⁵ «Steinunn kom í mót honum, móðir Skáld-Refs» («Стейнун вышла ему навстречу, мать Рэва-Скальда»); Ibid. Bls. 240.

окружающим недостаточно хорошо. Поэтому популярность родичей в обществе высоко ценилась исландцами¹⁶. Как правило, в качестве такого референта выступал отец. Ссылка на него использовалась и для обозначения женщин¹⁷.

Исландские патронимы образовывались по модели *N (Gen.)-son*, т. е. имя в форме род. п. плюс *son*¹⁸, что означало «сын такого-то». Они встречаются как в генеалогических перечнях (где служат основным способом ведения генеалогического описания), так и вне них (хотя и реже). В перечнях также употреблялась и другая форма патронима: *sonr N (Gen.)*¹⁹, которая чрезвычайно редко встречается в повествовательной части текста.

Патроним типа *N (Gen.)-son* вне родословных выполнял функцию идентификации нового персонажа, поскольку являлся минимальной единицей родословной. Далее патроним в большинстве случаев переставал употребляться, и для обозначения этого человека использовалось только имя²⁰. Таким образом, употребление патронима в повествовательном тексте после представления персонажа не было строго обязательным.

Именование человека в дальнейшем повествовании (после вводной характеристики) при помощи патронима, как правило, свидетельствовало о переходе к нему личных качеств его отца (так, Мёрд Вальгардссон ведёт себя точно так же, как и его отец, Вальгард Серый²¹), совпадении места его жительства с местом жительства его отца²² или о большой роли его отца в жизни исландского общества²³. Важность обозначения именно через отца для характеристики человека в средневековом исландском обществе отмечал в свое время и Ф. Б. Успенский²⁴.

Наибольшее распространение патронимы получили в официальных обозначениях людей, главным образом в правовой сфере²⁵. В официальных ситуациях — при обращении на тинге, в именовании людей на судебном процессе, в юридических формулах — часто использовался, а иногда и был обязательным патроним *N (Gen.)-son*. Уточнить происхождение человека требовалось и перед

¹⁶ Ср. одобрительное высказывание: «Nafn frægir erud þér feðgar» («Далеко известны ваши имена и имя вашего отца») (Ibid. Bls. 183). Также при введении в повествование Траина его характеризовали через родственные связи следующим образом: «Þráinn hét maðr. Hann var frændi Gunnars ok vírdingamaðr mikill» («Жил человек по имени Траин. Он был родичем Гуннара и очень уважаемым человеком») (Ibid. Bls. 75).

¹⁷ «Hann átti þá konu, er Steinnvör hét, hon var Sigfússdóttir, systir Þráins» («У него [Лютинга] была жена, которую звали Стейнвёр, она была дочерью Сигфуса [и] сестрой Траина») (Ibid. Bls. 224).

¹⁸ В патронимах *sonr*, как правило, теряло окончание номинатива м. р. *-r* и превращалось в *son* (Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1874. P. 578).

¹⁹ Brennu-Njáls saga. Bls. 12, 34, 59, 62, 118, 190, 206, 208, 215, 247, 273.

²⁰ Ibid. Bls. 27, 39, 75, 108, 155, 160, 213, 214, 221, 227, 268, 274, 328, 370, 420.

²¹ Ibid. Bls. 268.

²² Ibid. Bls. 72, 105, 268, 283.

²³ Ibid. Bls. 75, 225, 265, 281, 289, 326, 370, 403.

²⁴ Успенский Ф. Б. К вопросу о происхождении русских отчеств // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2001. [Вып. XIII:] Генеалогия как форма исторической памяти С. 182.

²⁵ Подробнее о правовой функции генеалогий см.: Литовских Е. В. Родословия в процессуальной практике средневековой Исландии // Проблемы источниковедения. 2006. Вып. 1 (12). С. 26–32.

такими социальными актами, как заключение сделки или оказание помощи. Патроним в этом случае выступал в качестве поручительства за выполнение сделки: известное в обществе имя отца (как и его репутация) служило своего рода гарантией соблюдения условий²⁶. Большое количество патронимов присутствует при описании в «Саге о Ньяле» битвы на тинге 1014 г.²⁷ Законоговоритель в саге также называется с патронимом и оттопонимическим прозвищем²⁸. Можно предположить, что именование с патронимом было общепринятой формой официального названия. Однако оно не является единственно обязательным, поскольку встречается наряду с другими способами обозначения²⁹. Также часто при первом упоминании участников процедуры на тинге они называются с патронимами, далее — без них.

Называние судей, которое также являлось одной из форм официального именования людей, было достаточно вариативно и зависело от того способа, которым обозначали конкретного человека. В этом случае имя с патронимом могло соседствовать с одиночным именем или именем с оттопонимическим прозвищем, но это было именно принятое обозначение данного человека³⁰.

²⁶ «Kolbeinn spurði þenna mann at nafni. “Hrappur heiti ek” — segir hann. “Hvat vill þú mér?” — segir Kolbeinn. “Ek vil biðja þik” — segir Hrappur. — “at þú flytir mik um haf.” “Hvers son ert þú?” — segir Kolbeinn. Hrappur svarar: “Ek em son Örgumleida Geirólfssonar gerpis”» («Кольбейн спросил этого человека о имени. “Меня зовут Храпп,” — ответил он. “Чего ты от меня хочешь?” — спросил Кольбейн. “Я хочу попросить тебя,” — сказал Храпп, — “чтобы ты перевез меня через море”. “Чей ты сын?” — спросил Кольбейн. Храпп ответил: “Я — сын Эргумлейди сына Гейрольва Вояки»») (Brennu-Njáls saga. Bls. 188).

²⁷ Ibid. Bls. 369.

²⁸ «Þá gekk fram Hjalti Skeggjason ór Þjósárdal ok mælti...» («Тогда вышел вперед Хьяльти Скеггьясон из Долины Бычьей Реки и сказал...»): Ibid. Bls. 148.

²⁹ «Ásgrmr gekk þá út ok næst honum Helgi Njálsson, þá Kári Sölmundarson, þá Grímr Njálsson, þá Skarphedinn, þá Þórhallr, þá Þorgrímr enn mikli, þá Þorleifr krákr» («Тогда вышел Асгрим, а за ним следом Хельги Ньяльссон, затем Кари Сельмундарсон, Грим Ньяльссон, Скарпхединн, Торхалль, Торгрим Большой и Торлейв Ворон») (Ibid. Bls. 270); «Í sambandi með Gizuri hvíta váru þessir höfðingjar: Skapti Þóroddsson, Ásgrímr Elliða-Grímsson, Oddr frá Kiðjobergi, Halldór Örnólfsson» («На стороне Гицура Белого были следующие знатные люди: Скапти Тородссон, Асгрим Эллидагримссон, Одрр из Киджаберги, Халлдор Орнóльфссон») (Ibid. Bls. 126). «Flosi stóð sunnan at Rangæingadómi ok lið hans, þar var með honum Hallr af Síðu ok Rúnólfr ór Dal, sonr Úlfs aurgóða, ok aðrir þeir, sem Flosa höfði liði heitit. En nordan at Randæingadómi stóðu þeir Ásgrímr ok Gizurr hvíti, Hjalti ok Einarr Þveræingr, en Njálssynir váru heima við búð ok Kári ok Þorleifr krákr ok Þorgrímr enn mikli» («Флоси и его люди встали к югу от суда людей с Кривой Реки, с ним были Халль с Побережья, Рунольв из Долин, сын Ульва Аургоди, и все те, кто обещал Флоси поддержку. К северу от суда людей с Кривой Реки стояли Асгрим, Гицур Белый, Хьяльти и Эйнар с Поперечной Реки; сыновья Ньяля остались во времянке, а с ними Кари, Торлейв Ворон и Торгрим Большой») (Ibid. Bls. 281). Для того же набора имён: Ibid. Bls. 282. Аналогичный способ названия см.: Ibid. Bls. 155.

³⁰ «Nú vil ek nefna mína gerðarmenn, nefni ek fyrstan Hall mág minn, ok Özur frá Breiðá, Súrt Ásbjarnarson ór Kirkjubæ, Móðólf Ketilsson — hann bjó þá í Ásum, — Hafr ok Rúnólf ór Dal... til þessa nefni ek fyrstan Ásgrím Elliðagrímsson ok Hjalt Skeggjason, Gizur hvíta, Einar Þveræing, Snorra goða, Guðmund en ríka» («Теперь я назову своих судей, сначала я назову моего тестя Халля, Эцура с Широкой Реки, Сурта Асбьярнссона из Церковного Двора, Модольва Кетильссона — он жил тогда в Грядях, — Хавра и Рунольва из Долин... затем я назову Асгрима Эллидагримссона, Хьяльти Скеггьясона, Гицура Белого, Эйнара с Поперечной Реки, Снорри Годи и Гудмунда Могучего») (Ibid. Bls. 283); «Njáll var í gerð þessi ok Ásgrímr Elliðagrímsson ok Hjalti Skeggjason» («Ньяль был среди судей, Асгрим Эллидагримссон и Хьяльти Скеггьясон») (Ibid. Bls. 149).

В ряде случаев сочетание *N (Gen.)-son* приближалось по своему значению к функциям прозвища и становилось неотъемлемой частью обозначения человека³¹, что подтверждает не только саговый материал, но и данные «Книги о занятии земли»³². Это наиболее близкое значение к современному определению отчества в русском языке дало основание Ф. Б. Успенскому утверждать, что они полностью совпадают и, более того, русские отчества происходят от древнескандинавских патронимов³³. Однако одно из главных отличий исландских патронимов от русских отчеств, не позволяющее их отождествлять, состоит в том, что, как мы видим из материала саг, в средневековой Исландии сочетание *N (Gen.)-son* употреблялось параллельно с другими обозначениями, и люди, введенные в повествование иным способом, не уступали по знатности тем, кто был введен при помощи патронима³⁴.

Иногда сочетание *N (Gen.)-son* было именно прозвищем, хотя и данным по отцу, но в качестве первого компонента в нём использовалось не имя, а прозвище или социальный статус отца. Так, про Торда говорится: «Его звали Вольноотпущенников Сын (*Leysingjason*). Его отцом был Ситрюгг»³⁵, т. е. прозвище строится по патронимической модели при известном имени отца. В этом случае оно способствует идентификации своего носителя, отсылая к общим знаниям из коллективной памяти исландского социума самым коротким путём, через элемент, вызывающий самый активный мнемонический отклик. В «Книге о занятии земли» так построены прозвища Епископский Сын³⁶, Сын Кислого³⁷, Ярлова Дочь³⁸ и Дочь Хромуна³⁹.

В пользу того, что патронимы в средневековой Исландии не были ещё

³¹ Например: «*far bjó Sörli Broddhelgason, bróðir Bjarna Broddhelgason*» («Там жил Сёрли Броддхельгасон, брат Бьёрна Броддхельгасона») (Ibid. Bls. 320). А также: Ibid. Bls. 106, 125, 213, 225, 265, 281, 282, 289, 313, 340, 348, 370; *Fótbæðra saga*. Bls. 129.

³² «Книга о занятии земли» (*Landnámabók*) — средневековое исландское историческое произведение, повествующее о начальном периоде освоения Исландии. Его первая сохранившаяся редакция (так наз. Книга Стурлы, *Sturlubók*) датируется 1275–1280 гг. В «Книге» упоминаются более трёх с половиной тысяч исландцев, как первопоселенцев, так и их потомков и свыше полутора тысяч топонимов, по большей части исландских, что делает её, несомненно, ценнейшим источником по раннему периоду исландской истории. Сведения «Книги» коррелируют с информацией, получаемой из родовых саг, и дополняют её. Ср. фрагменты генеалогических перечней «Книги о занятии земли», в которых патронимы выполняют функцию, больше приближенную к роли прозвищ, чем к своему исходному значению: *Gudný móðir Sturlusona* (Гудню, мать сыновей Стурлы) (*Landnámabók* // *Íslendingabók*. *Landnámabók* / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968 (=Íslensk fornrit. Bd. I). Bls. 79); *Valgerðr móðir Narfasona* (Вальгерда, мать сыновей Нарви) (Ibid. Bls. 95).

³³ Успенский Ф. Б. К вопросу о происхождении русских отчеств. С. 182–187.

³⁴ Об отличительных признаках русского отчества см.: Пеньковский А.Б. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. М., 1976. С. 79–107.

³⁵ «*Hann var kallaðr Leysingjason. Sigtryggr hét faðir hans*»: *Brennu-Njáls saga*. Bls. 90. Ср.: «*Þórðr hét maðr Víkingsson*» («Тордом звали человека, сына Викинга»): *Landnámabók*. Bls. 180.

³⁶ *Byskupsson*. Это прозвище носят Лофт (Ibid. Bls. 296) и Рунольв (Ibid. Bls. 111).

³⁷ *Súrsson*. Это прежде всего Гисли, сын Торбьёрна Кислого, герой одноименной саги (Ibid. Bls. 153), но так же именуются и его братья. Ср. прозвище сестры Гисли Тордис, образованное по той же схеме: *Súrsdóttir* (Дочь Кислого): Ibid. Bls. 112, 180.

³⁸ *Járlsdóttir*. Это Тордис, дочь норвежского ярла Рёгвальда: Ibid. Bls. 320.

³⁹ *Bæjifótsdóttir* — Гейррид, дочь первопоселенца Торольва Хромуна: Ibid. Bls. 128.

отчествами в современном (и только русском) смысле этого слова, может выступать и тот факт, что наряду с ними бытовали обозначения, представляющие собой также сокращения генеалогического перечня, отсылавшие, однако, не к отцу персонажа, а к другому, скорее всего более известному члену рода — брату⁴⁰, сестре⁴¹, матери или кому-либо ещё⁴².

К матери данное сочетание могло возводиться, даже если отец был известен, но менее знаменит. Самый яркий пример в этом случае — *Droplaugarson*, т. е. «сын Дроплауг», из одноименной саги⁴³. По матрониму называли и детей от неполного брака⁴⁴. В «Саге о людях из Лососьей Долины» дается такое объяснение одной из причин получения прозвища по матери: «Торгильсом звали человека, и был он Хёллусон («сын Халль»). — Е. А.), его потому называли по его матери, что она прожила дольше, чем его отец. Того звали Снорри и он был сыном Альва»⁴⁵. В «Книге о занятии земли» упоминается ещё ряд исландцев, обозначаемых с помощью матронима, однако причины такого именования из-за особенностей текста не указаны⁴⁶.

Иногда в повествовательном тексте саги (вне генеалогических перечней) использовалось упоминание двух колен⁴⁷ или имени отца в сочетании с прозвищем отца⁴⁸. Кроме того, встречающаяся — хотя и редко — в тексте форма *sonr N (Gen.)*⁴⁹ свидетельствует о сохранении вариативности патронимных форм и их более

⁴⁰ *Dórarinn Ragabróðir* (Торарин Брат Раги): *Brennu-Njáls saga*. Bls. 44. Ср.: Ibid. Bls. 210. Торарин (род. ок. 910–969) и его старший брат Раги были сыновьями первопоселенца Олейва Рукояти (род. ок. 877). После смерти отца Раги считался главой рода, даже несмотря на то, что Торарин в 950–969 гг. выбирался законоговорителем.

⁴¹ *Ingveldr Allrasystur* (Ингвельд Сестра Всех): *Landnámabók*. Bls. 257. У неё было большое количество политически активных братьев.

⁴² *Þorleifr Geirólfstjúpr* (Торлейв Отчим Гейрольва): Ibid. Bls. 278; *Þorgils Örrabeinsstjúpr* (Торгильс Отчим Ноги Битвы, он был отчимом Торгрима Ноги Битвы: Ibid. Bls. 272; *Þorfinnr Karlsefni* (Торфинн Наследник): Ibid. Bls. 26; *Þorleifr Hrómundarfóstri* (Торлейв Воспитатель Хромунда): Ibid. Bls. 201 (ср. именование конунга Хакона в исландской традиции *Adalsteinsfóstri* — Воспитанник Адальстейна: Ibid. Bls. 66). Сюда же можно отнести прозвище Торгерда *Heiðarekja* (Вдова с Пустоши): Ibid. Bls. 87).

⁴³ *Þorvaldr faðir Helga Droplaugarsonar* (Торвальд отец Хельги сына Дроплауг): *Brennu-Njáls saga*. Bls. 217. Сыновьям Дроплауг посвящена отдельная сага: *Droplaugarsonar saga // Austfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950 (=Íslensk fornrit. Bd. XI)*. Ср. также именование датского короля: Свен Эстридсен (1047–1076), закрепившееся за ним по той причине, что к королевскому роду принадлежала его мать — в отличие от его отца.

⁴⁴ Например, «сыновья Хильдирна»: *Egils saga Skallagrímssonar / Sigurður Nordal gaf út. Reykjavík, 1933 (=Íslensk fornrit. Bd. II)*. Bls. 72.

⁴⁵ «Maðr hét Þorgils ok var Hölluson, en því var hann kenndr við móður sína at hón lifði lengr en faðir hans. Hann hét Snorri ok var son Álfs»: *Laxdæls saga / Einar Ólafur Sveinsson. Reykjavík, 1934 (Íslensk fornrit. Bd. V)*. Bls. 164. Он же: *Landnámabók*. Bls. 145.

⁴⁶ Это Гардар Сваварсон (*Snavarson* — «сын Свёв») (Ibid. Bls. 34); Флоки Вильгердарсон (*Vilgerðarson* — «сын Вильгерда») (Ibid. Bls. 36); Оад Ирарсон (*Yrarson* — «сын Ири») (Ibid. Bls. 80); Гуннар Хливарсон («сын Хлив») (Ibid. Bls. 75); Эйольв Вальгердарсон (*Valgerðarson* — «сын Вальгерда») (Ibid. Bls. 266).

⁴⁷ «Ek hefi vegit Örlyg Örlygsson Hróðgeirssonar ens hvíta» («Я убил Эрлюга сына Эрлюга сына Хродгейра Белого») (*Brennu-Njáls saga*. Bls. 188).

⁴⁸ *Höskuldr Dalakolsson* (Хёскульд сын Коля из Долины): Ibid. Bls. 77.

⁴⁹ Одних и тех же людей в саге называют *Þorsteinn sonr Halls af Síðu* (Ibid. Bls. 316) и *Þorsteinn Síðubalsson* (Ibid. Bls. 400), *Ámundi sonr Höskulds* (Ibid. Bls. 247) и *Ámundi Höskuldsson* (Ibid. Bls. 126) и др.

широкой, чем у отчеств, сфере применения. Следовательно, в средневековом исландском обществе использовалось только прямое значение сочетания *N (Gen.)-son*: «сын такого-то»⁵⁰.

Тем самым, патроним *N (Gen.)-son*, употребление которого в официальной ситуации можно рассматривать как отсылку на родословную, выполнял в средневековом исландском обществе функцию идентификации человека через его родовую принадлежность. При этом А. Я. Гуревич считал, что такую функцию родовой идентификации в средневековой Исландии выполняли даже личные имена. Он аргументировал это тем, что «указание имени человека само по себе уже являлось характеристикой этого человека, ибо имя не было вырвано из жизненного контекста, но, наоборот, включало данное лицо в некую группу»⁵¹. Тем более справедливо утверждать наличие этой функции у патронимов.

* * *

Практикуемое в средневековой Исландии частое повторение некоторых личных имён внутри одного рода⁵² (примем за него употребление одного и того же антропонима более двух раз на пять колен), безусловно, требовало индивидуализации тёзок для успешной их идентификации. Поэтому уже взрослым людям давались различные прозвища, характеризовавшие наиболее яркие черты их внешности или характера и позволявшие отличить их от других родичей с таким же именем⁵³. Так, в «Саге о Ньяле» Олавом Фейланом называли внука по отцовской линии Олава Белого⁵⁴; Торкелем Дерзким Торгейрссоном — сына дочери Торкеля Чёрного Ториссона и правнука по отцовской линии Торкеля Длинного⁵⁵. Алов из «Саги о битве на Пустоши» отличали от её приёмной матери по прозвищу последней — Кьяннок⁵⁶. Гораздо реже тёзок в сагах различали по патронимам⁵⁷.

⁵⁰ См. употребление этой конструкции в её исходном значении: «Ketill hét annar Sigfússon» («Кетилем звали другого сына Сигфуса») (Ibid. Bls. 75); «Jafnan váru þeir Njálssynir þar er mest þurfti» («Сыновья Ньяля были всегда там, где в них больше всего нуждались») (Ibid. Bls. 183); «Sigfússynir spurðu» («Сыновья Сигфуса спросили») (Ibid. Bls. 266); «Þá spratt Ásgrímur upp ok mælti til Njálssonar» («Тогда Асгрим выступил вперёд и сказал сыновьям Ньяля») (Ibid. Bls. 270) и др.

⁵¹ Гуревич А. Я. Эдда и сага. М., 1979. С. 139.

⁵² Об этом см. подробнее: Литовских Е. В. Изменение исландского ономастического в X–XIII вв. как показатель независимости древнеисландского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 5 (115) [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840021302-1-1/> (30.11.2022).

⁵³ Популярность прозвищ в древней Скандинавии в целом и их чрезвычайно активное (в противовес остальной Европе) использование в обиходе отмечал ещё Ассар Янсен: *Janzén A. De fornsvenska personnamnen // Personnavne / Udg. A. Janzén. København, 1947 (=Nordisk kultur. Bd. VII). S. 242.*

⁵⁴ Brennu-Njáls saga. Bls. 260.

⁵⁵ Ibid. Bls. 215.

⁵⁶ *Kjannok* (д.-ирл. ‘челюсть’): *Heiðarvígá saga / Sigurður Nordal og Guðni Jónsson gáfu út. Reykjavík, 1935 (=Íslenzk fornrit. Bd. IV). Bls. 41.*

⁵⁷ «Nökkuru síðar fór Þorgeir Starkaðarson í Kirkjubæ at finna nafna sinn... Þorgeirr Starkaðarsonr mælti við Þorgeir Otkelsson» («Немного позже Торгейр Старкадссон поехал в Церковный Двор встретиться со своим тезкой... Торгейр Старкадссон сказал Торгейру Откельссону») (Brennu-Njáls saga. Bls. 151).

Можно предположить, что последний способ обозначения был ситуативен и связан скорее всего с тем, что у этих людей не было чётко закреплённых прозвищ.

Сочетание имени с прозвищем выполняло не только различительную функцию, но и давало представление о личных особенностях человека, его внешности или чертах характера в максимально сжатой форме. Финнюр Йоунссон классифицировал древнеисландские прозвища по языковому признаку, выделяя среди них кельтские и скандинавские⁵⁸. На наш взгляд, данная типология является чересчур общей и не затрагивает всего разнообразия собственно скандинавских прозвищ. Другая, более подробная классификация прозвищ, встречающихся в родовых сагах, была проведена в работе Дайаны Вейли, которая разделила их по семантическому принципу. Однако в качестве примеров ею были рассмотрены по большей части редкие и исключительные прозвища⁵⁹.

Осуществлённая нами в соответствии с предлагаемой Д. Вейли методикой полная выборка прозвищ в «Саге о Ньяле» даёт следующую картину: прозвища формируют несколько семантических групп (см. Таблицу 1). Прозвища первого типа характеризуют внешность человека и составляют чуть меньше половины от общего числа прозвищ саги. Наиболее часто встречающиеся среди них: Белый⁶⁰, Рыжий⁶¹, Чёрный⁶² и Красивый⁶³. Единичные: Щёголь⁶⁴, Павлин⁶⁵, Пузатый⁶⁶, Тощий⁶⁷, Длинный⁶⁸, Косой⁶⁹, Хромой⁷⁰, Плосконосый⁷¹, Лопухий⁷², Безволосый⁷³,

⁵⁸ Finnur Jónsson. Norsk-islandske kultur- og spogforhold // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. 1921. Bd. 3. No. 2. S. 38.

⁵⁹ Whaley D. Nicknames and Narratives in the Sagas // The Eighth International Saga Conference. The Audience of the Sagas: Preprints. Gothenburg, 1991. Vol. 2. P. 342–355. Семантике древнеисландских прозвищ посвящена диссертация Пола Петерсона: Peterson P. Old Norse Nicknames: PhD diss. Minneapolis; St. Paul: University of Minnesota, 2015. URL: <http://conservancy.umn.edu/handle/11299/172669> (07.10.2022). Его деление совпадает с классификацией Д. Вейли. Однако оттопонимические прозвища как отдельную группу не рассматривали ни он, ни Вейли.

⁶⁰ *Hvíti*, его носили 14 персонажей саги, это были Хальвард (*Brennu-Njáls saga*. Bls. 63), Халльбьёрн (*Ibid.* Bls. 105), Гицур (*Ibid.* Bls. 145), Хродегир (*Ibid.* Bls. 188), Сигмунд (*Ibid.* Bls. 210), Херольв (*Ibid.* Bls. 215), Бёдвар (*Ibid.* Bls. 217), Хёгни (*Ibid.* Bls. 232), Олав (*Ibid.* Bls. 260), Хёскульд (*Ibid.* Bls. 265), Торстейн (*Ibid.* Bls. 322), Бьёрн (*Ibid.* Bls. 386), Давид (*Ibid.* Bls. 401), Амунди (*Ibid.* Bls. 410).

⁶¹ *Rauði*, семь человек: Сигхват (*Ibid.* Bls. 92), Хроальд (*Ibid.* Bls. 130), Торстейн (*Ibid.* Bls. 260), Гейрфинн (*Ibid.* Bls. 265), Халли (*Ibid.* Bls. 283), Грим (*Ibid.* Bls. 316), Храфн (*Ibid.* Bls. 409).

⁶² *Svarti*, четыре человека: Лёв (*Ibid.* Bls. 30), Бард (*Ibid.* Bls. 183), Торкель (*Ibid.* Bls. 273), Кольбейн (*Ibid.* Bls. 397).

⁶³ *Fagri*, три человека: Торкель (*Ibid.* Bls. 262), Торстейн (*Ibid.* Bls. 289), Энунд (*Ibid.* Bls. 158).

⁶⁴ *Skrauti*, Торгрим: *Ibid.* Bls. 262. Значение см.: Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 556.

⁶⁵ *Rá*, Олав: *Brennu-Njáls saga*. Bls. 3. Прозвище дано из-за щегольской внешности.

⁶⁶ *Breidmagi*, Торстейн: *Ibid.* Bls. 217.

⁶⁷ *Magri*, Хельги: *Ibid.* Bls. 258.

⁶⁸ *Langr*, Торкель: *Ibid.* Bls. 273.

⁶⁹ *Skjálgi*, Ульв: *Ibid.* Bls. 232; Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 552.

⁷⁰ *Halti*, Хамунд: *Brennu-Njáls saga*. Bls. 45; Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 235.

⁷¹ *Flatnefr*, Кетиль: *Brennu-Njáls saga*. Bls. 258.

⁷² *Snepill*, Торир: *Ibid.* Bls. 273; Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 574.

⁷³ *Rotinn*, Аудун: *Brennu-Njáls saga*. Bls. 258.

Шёлковая Борода⁷⁴, Торчащая Борода⁷⁵. Распространённость этого типа прозвищ, помимо их основной, выделительной функции, связана, возможно, ещё и с тем, что о характере человека во многом судили по внешности. Средневековые исландцы, как и прочие люди в Средневековье, считали, что наличествуют определённые закономерности соотношения внешности и характера и по облику человека можно предсказать его последующие поступки. Следовательно, внешняя характеристика человека не только была удобна для идентификации через визуализацию, но и оказывалась значимой для окружающих.

Таблица 1. Прозвища в «Саге о Ньяле»

	Общее число прозвищ	Число родовых прозвищ
Прозвища по внешности	107 (47%)	2
Прозвища по личным качествам	44 (19%)	4
Оттопонимические прозвища	68 (30%)	3
Всего	228 (100%)	9 (4%)

Второй тип прозвищ — прозвища содержательные, данные по каким-либо личным качествам (этот тип составляет пятую часть от общего числа прозвищ, причём практически все относящиеся к нему прозвища — единичные): Старый⁷⁶, Мудрый⁷⁷, а также Сильный⁷⁸, Могущественный⁷⁹, Вояка⁸⁰, Дерзкий⁸¹, Злой⁸²,

⁷⁴ *Silkiskeggr*, Сигтрюгг: Ibid. Bls. 408.

⁷⁵ *Örðigskeggi*, Эрик: Ibid. Bls. 322.

⁷⁶ *Gamli*, шесть персонажей саги: Транд (Ibid. Bls. 59), Снеульв (Ibid. Bls. 65), Кетильбьёрн (Ibid. Bls. 105), Хленни (Ibid. Bls. 245), Скиди (Ibid. Bls. 259), Хильдир (Ibid. Bls. 261). Джоан Турвилль-Петр полагала, что данное прозвище характеризовало основателя рода: *Turnville-Petre J. The Genealogist and History: Ari to Snorri // Saga-Book of the Viking Society. 1978–1981. Vol. 20. P. 13.* Однако не все его носители, упоминаемые в саге, подпадают под данное определение.

⁷⁷ Этим прилагательным принято переводить на русский язык несколько разных древнеисландских прозвищ: *Spaki* — четыре человека: Хавр (*Brennu-Njáls saga. Bls. 76*), Модольв (Ibid. Bls. 215), Тидранди (Ibid. Bls. 217), Гест (Ibid. Bls. 242); *Fróði*: Семунд (Ibid. Bls. 59) и Ари (Ibid. Bls. 260); а также *Djúpiðga* (Ауд, досл. «Глубокомудрая»: Ibid. Bls. 2) и *Fullspakr* (двое Торкелей, досл. «Полнознающий»: Ibid. Bls. 321). Их антонимами были *Fjflski* (Кетиль: Ibid. Bls. 234) и *Heimski* (Храфн: Ibid. Bls. 59).

⁷⁸ *Sterki*, пять человек: Орм (Ibid. Bls. 45), Халли (Ibid. Bls. 131), Ингьяльв (Ibid. Bls. 265), Халльбьёрн (Ibid. Bls. 319), Лейдольв (Ibid. Bls. 346).

⁷⁹ *Ríki*, Гудмунд: Ibid. Bls. 258.

⁸⁰ *Gerpir*, Гейрольв: Ibid. Bls. 187; *Cleashy R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 197.*

⁸¹ *Hákr*, Торкель: *Brennu-Njáls saga. Bls. 273.* Далее в саге так объясняется его прозвище: «Его звали Торкелем Дерзким, потому что он не щадил никого ни на словах, ни на деле, с кем бы ему ни приходилось встретиться» («Var hann fyrir því kallaðr Þorkell hákr at hann eirði hvártki í orðum né verkum, við hvern sem hann átti») (Ibid. Bls. 276).

⁸² *Illugi*, Торд: Ibid. Bls. 106.

Хитрый⁸³, Сварливый⁸⁴, Женщина-Скальд⁸⁵, Красноречивый⁸⁶, Речистый⁸⁷, Немой⁸⁸, Молчаливый⁸⁹, Беззаботный⁹⁰, Зоркий⁹¹. Черты характера отражало и прозвище, данное по какому-либо знаменательному событию в жизни нарекаемого, в котором он особо проявил себя. Сюда можно отнести и такие прозвища, как Кислый⁹², Убийца Берсерков⁹³, Годы Фрейра⁹⁴, Годы Белого Мыса⁹⁵, Масло⁹⁶. Иногда, однако, и прозвище, данное по особенностям внешности, также могло отражать какое-либо событие, повлёкшее за собой получение этого прозвища⁹⁷.

В некоторых случаях одноосновные антропонимы, видимо, ещё частично сохраняли значение исходного апеллятива или, по меньшей мере, соотносились с ним, о чём свидетельствует то, что некоторые апеллятивы могли выступать одновременно и в качестве личных имён, и в качестве прозвищ, для которых семантика слова была, бесспорно, важна. Так, в саге одновременно действуют Хьяльти Скеггьясон (*Hjalti Skeggjason*)⁹⁸ и Олейв Рукоятка (*Óleifr hjalti*)⁹⁹, Скафти Тороддсон (*Skafti Þoroddsson*)¹⁰⁰ и Тормод Рукоять (*Þormóðr skafti*)¹⁰¹, викинг Сотти (*Sóti*)¹⁰² и Халльвард Сажа (*Hallvarðr sóti*)¹⁰³, Сварт Ульфссон (*Svartr Úlfsson*)¹⁰⁴ и Торкель Чёрный (*Þorkell svart*)¹⁰⁵. Отсутствие жесткой границы между именем и прозвищем и их взаимопроникновение отмечали ещё Э. Х. Линд и А. Смит, а вслед за ними и Д. Вейли, которая сделала на основании этого

⁸³ *Snjalli*, Хальвдан: Ibid. Bls. 59; *Cleashy R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 575.*

⁸⁴ *Rósti*, Брюнольв: *Brennu-Njáls saga. Bls. 87; Cleashy R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 501.*

⁸⁵ *Skáldkona*, Торхильд: *Brennu-Njáls saga. Bls. 75.* Она получила своё прозвище за острословие.

⁸⁶ *Sléttmáli*, Кетиль: Ibid. Bls. 131.

⁸⁷ *Orðlokar*, Вемунд: Ibid. Bls. 59.

⁸⁸ *Ómálgi*, Аскель: Ibid. Bls. 47.

⁸⁹ *Pegjandi*, Торир: Ibid. Bls. 64.

⁹⁰ *Órækja*, Мёрд: Ibid. Bls. 199.

⁹¹ *Rammi*, Атли: Ibid. Bls. 269; *Cleashy R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 482.*

⁹² *Súrr*, Торстейн: *Brennu-Njáls saga. Bls. 260.* Причина получения им этого прозвища описана в «Саге о Гисли»: *Gísla saga Súrssonar / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1943 (=Íslenzk fornrit. Bd. VI). Bls. 8.*

⁹³ *Berserkejabani*, Гуннстейн: *Brennu-Njáls saga. Bls. 265.*

⁹⁴ *Freysgodi*, Торд: Ibid. Bls. 218.

⁹⁵ *Hvítanesgodi*, Хёскульд; получение прозвища: Ibid. Bls. 224.

⁹⁶ *Smjör*, Торольв: Ibid. Bls. 258. Встречающийся в некоторых русскоязычных изданиях саг Торольв Жир — тот же самый человек. Различия в переводе его прозвища вызваны личными предпочтениями переводчиков. Значение др.-исл. слова см.: *Cleashy R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. P. 572.* О том, как он получил своё прозвище, см. «Книгу о занятии землей»: *Landnámabók. Bls. 39.*

⁹⁷ «Þorgeirr högvinkinni... fekk á Fitjum kinnarsár ok orð gott» («Торкель Рассеченная Щека... получил в Фитьяре рану в щеку и прозвище») (Ibid. Bls. 66); «Önundr tréfótr... var í móti Haraldí konungi í Hafrsfirði og lét þar fót sinn» («Энунд Деревянная Нога... сражался против конунга Харальда в Морском Фьорде и потерял там ногу») (Ibid. Bls. 198).

⁹⁸ Ibid. Bls. 149.

⁹⁹ Ibid. Bls. 34.

¹⁰⁰ Ibid. Bls. 125.

¹⁰¹ Ibid. Bls. 125.

¹⁰² Ibid. Bls. 8.

¹⁰³ Ibid. Bls. 179.

¹⁰⁴ Ibid. Bls. 60.

¹⁰⁵ Ibid. Bls. 245.

совершенно справедливый вывод о том, что исландские имена на данном этапе ещё не утратили полностью своей семантики¹⁰⁶.

В «Книге о занятии земли» сына Торстейна Чёрного (*Þorsteinn Sámur*) звали Самом (*Sámur*)¹⁰⁷, а сына Шипа-Хельги (*Brodd-Helgi*) — Бородач-Бродди (*Skegg-Broddi*)¹⁰⁸, т. е. прозвище кого-нибудь из одного близких родичей могло переключаться с именем другого. Иногда можно проследить и переход прозвища в имя: в «Саге о Ньяле» один из основателей рода Халля носил прозвище Тидранди (*Þiðrandi* — Глухой), которое через поколение уже давалось детям как личное имя¹⁰⁹, а в «Книге о занятии земли» деда Ламби Сильного (*Lambi sterkí*) зовут Торгейр Ягненок (*Þorgeirr lambi*)¹¹⁰.

Процесс включения прозвища в имя, которое в результате превращалось из одноосновного в двухосновное, удаётся проследить в именах некоторых персонажей саги. Сюда можно отнести имена, где в качестве первой основы выступает прозвище, как правило, исключительное или редкое. Это имена таких героев саги, как Броддхельги (*Broddhelgi*, Шип-Хельги)¹¹¹, Далаколь (*Dalakólr*, Долина-Коль)¹¹², Дигркетиль (*Digrketill*, Жир-Кетиль)¹¹³, Эллидаgrim (*Ellidagrímur*, Ладья-Грим)¹¹⁴, Гальдрахедин (*Galdrahéðinn*, Колдун-Хедин)¹¹⁵, Хольтаторир (*Holtafórir*, Холм-Торир)¹¹⁶, Сидуhalль (*Síðuhallr*, Побережье-Халль)¹¹⁷, Скарпхедин (*Skarphéðinn*, Гнев-Хедин)¹¹⁸, Скораргейр (*Skorargeirr*, Ущелье-Гейр)¹¹⁹, Спакберси (*Spakbersi*, Мудрец-Берси)¹²⁰, Стедьяколь (*Stedjakólr*, Наковальня-Коль)¹²¹, Торфэйнар (*Torfeinar*, Торф-Эйнар)¹²², Вигахрапп (*Vígahrappr*, Убийца-Храпп)¹²³, Вигаколь (*Vígakólr*,

¹⁰⁶ Lind E. H. Norsk-isländska personbinamn från medeltiden. Uppsala, 1920–1921; Smith A. H. Early Northern Nicknames and Surnames // Saga-Book of the Viking Society. 1928–1936. Vol. 11. P. 40–52; Whaley D. Nicknames. P. 342.

¹⁰⁷ *Sámur* ‘чёрный’: Landnámabók. Bls. 185.

¹⁰⁸ Ibid. Bls. 290.

¹⁰⁹ Brennu-Njáls saga. Bls. 217, 321. Трансформацию этого прозвища в имя описывал А. Янсён: Janzén A. De fornvästnordska personnamnen // Personnavne. S. 49.

¹¹⁰ Landnámabók. Bls. 92. Ср.: Ibid. Bls. 108.

¹¹¹ Brennu-Njáls saga. Bls. 319. Из-за сложности передачи в переводе этой особенности наименования для большинства персонажей в русской традиции используется форма имени с обычным прозвищем.

¹¹² Ibid. Bls. 2.

¹¹³ Ibid. Bls. 283.

¹¹⁴ Ibid. Bls. 61.

¹¹⁵ Ibid. Bls. 235.

¹¹⁶ Ibid. Bls. 218.

¹¹⁷ Ibid. Bls. 217.

¹¹⁸ Ibid. Bls. 273; в русской традиции — Скарпхедин.

¹¹⁹ Ibid. Bls. 380.

¹²⁰ Ibid. Bls. 320.

¹²¹ Ibid. Bls. 274.

¹²² Ibid. Bls. 185.

¹²³ Ibid. Bls. 193.

Убийца-Коль)¹²⁴, Вигаскути (*Vigaskúti*, Убийца-Скути)¹²⁵, Викингакари (*Vikingakári*, Викинг-Кари)¹²⁶ и Икснаторир (*Yxnafórir*, Бык-Торир)¹²⁷.

О том, что данные имена были именно именами с прозвищами-расширениями, а не просто редкими именами, можно судить по тому, что в сагах в некоторых случаях описываются обстоятельства их получения. Причина появления у Ущелье-Гейра такого прозвища косвенно упоминается в саге — это совершённый им некогда подвиг¹²⁸. В других родовых сагах рассказывается о приобретении своих прозвищ Хельги и Ториром¹²⁹. Получение Колем прозвища Убийца можно проследить по «Саге о Ньяле»: изначально он зовётся просто Колем, но после совершения ряда убийств он обозначается уже как *Vígakólr*¹³⁰. Таким же путём получает аналогичное прозвище Храпп¹³¹, и в тексте даётся, кроме того, объяснение его прозвища: «Меня зовут Убийца-Храпп, и я так назван потому, что я — человек необходимый»¹³². Корень *víga-* образовывал по такому типу не только прозвища, но и аналогичные по смыслу сложные слова¹³³, т. е. был достаточно продуктивен и распространен.

В других родовых сагах, например в «Саге об Эгиле», также имеются имена, построенные по данному типу. Традиционно сохраняемая в русских изданиях форма Скаллаgrim (*Skalla-Grímr*) в русле этой тенденции лучше передаётся как Лысина-Грим, тем более что в гл. 20 «Саги об Эгиле» говорится, что Грим получил своё прозвище из-за раннего облысения¹³⁴, а в гл. 1 раскрывается и значение расширения имени отца Скаллагрима Квельдульва¹³⁵. Пряди «Книги о занятии земли» (особенно важные в тех случаях, когда в сагах эти аспекты не освещены) повествуют о причинах получения некоторых прозвищ. Сюда можно отнести сюжеты с получением расширения имени Ворон-Флоки¹³⁶, Тюлень-Торира¹³⁷ и Руда-Бьёрна¹³⁸.

¹²⁴ Ibid. Bls. 84.

¹²⁵ Ibid. Bls. 335.

¹²⁶ Ibid. Bls. 104.

¹²⁷ Ibid. Bls. 322.

¹²⁸ «Þú munt ætla þér átta menn ok er þat þó minna en þat er þú vóst þú sjö í skorinna ok fórst í festi ofan til þeirra» («Ты возьмёшь на себя восьмерых, и это будет меньше, чем когда ты убил семерых в ущелье, спустившись к ним по веревке») (Ibid. Bls. 380).

¹²⁹ О получении Хельги прозвища Шип см. «Сагу о сыновьях Дроплаут» (*Droplaugarsonar saga*. Bls. 43) и «Сагу о Торстейне Белом» (*Þórsteins saga hvíta // Austfirðinga sögur*. Bls. 23); Ториром-Быком — «Сагу о Храфнкеле Годн Фрейра» (*Hrafnkels saga Freysgoða // Austfirðinga sögur*. Bls. 15) и «Сагу о людях из Лососей Долины» (*Laxdæls saga*. Bls. 78).

¹³⁰ *Brennu-Njáls saga*. Bls. 84.

¹³¹ Ibid. Bls. 193.

¹³² «Hefi ek nafn Víga-Hrapps ok þat með nafni at ek er engi dældarmaðr»: *Laxdæls saga*. Bls. 181.

¹³³ Ср.: «Ragi var vígamaðr mikill» («Раги был большим убийцей») (*Landnámabók*. Bls. 73).

¹³⁴ *Egils saga Skallagrímssonar*. Bls. 50. Он же: *Landnámabók*. Bls. 95. По этому же принципу построено другое имя в данной саге: Гора-Энунд (*Berg-Önund*): *Egils saga Skallagrímssonar*. Bls. 94.

¹³⁵ *Kveld-Úlfr*, т. е. Вечер-Ульв: Ibid. Bls. 4. Он же: *Landnámabók*. Bls. 68.

¹³⁶ *Hrafna-Flóki*: Ibid. Bls. 36–37.

¹³⁷ *Sel-Þórir*: Ibid. Bls. 95–97.

¹³⁸ *Rauða-Björn*: Ibid. Bls. 87. Его имя (упоминаемое также в «Саге о Курином Торире») не может быть переведено как «Бьёрн Рыжий», поскольку дальше в «Книге» специально поясняется, что «он первым стал добывать железо из болотной руды».

Устойчивость расширенных за счёт прозвища имен была различной. Герой «Саги о Ньяле» Кари Сёльмундарсон в гл. 98 редакции *Sturlubók* «Книги о занятии земли» назван Свидукари (*Sviðu-Kári*, т. е. Кари-Подпалина). В редакции же *Hauksbók* он назван Бреннукари (*Brennu-Kári*, т. е. Кари-Горелый)¹³⁹. Несмотря на такое разночтение, оба этих варианта расширения имени отражают событие, по которому дано прозвище, а второй ещё и перекликается с прозвищем самого Ньяля (*Brennu-Njáll*), хотя в тексте самой саги Кари Сёльмундарсон называется всегда только Кари.

Ладья-Грим в одной и той же саге во всех ситуациях зовётся только полным именем¹⁴⁰, и эта же форма его именования используется в патрониме¹⁴¹. Однако часто в «Книге о занятии земли» и сагах параллельно используются расширенное и краткое имена одного и того же человека (Хьёрлейв и Лейв¹⁴²; Икснаторир и Торир¹⁴³ и др.). А Побережье-Халль (*Síðuballr*)¹⁴⁴ называется в саге помимо полного имени иногда просто Халль (*Hallr*)¹⁴⁵ или даже с прозвищем, образованным по стандартной для оттопонимических прозвищ модели: *Hallr af Síðu* (Халль с Побережья). Последний вариант скорее характерен для ситуаций, описывающих юридические процедуры¹⁴⁶, т. е. он более официален. В патронимах, образованных от его имени, наряду с описательным оборотом (*sonr Halls af Síðu*)¹⁴⁷ употребляется и сочетание *Síðuballsson*¹⁴⁸.

Соединение всех трёх возможных способов именования — имени, прозвища и патронима — встречается относительно редко. Такое совмещение выглядит как сокращение генеалогического описания и встречается в том случае, когда прозвище составляет устойчивое сочетание с именем, но его носитель не настолько известен аудитории, чтобы не требовалась дополнительная его характеристика через кого-либо из его родственников, как правило, отца¹⁴⁹.

При этом по тексту саги можно увидеть, что прозвища, как и имена, передавались по наследству и также становились родовыми. Тогда родичи могли оказаться полными тёзками, как это было с Торкелями Мудрейшими¹⁵⁰ и Кетиями

¹³⁹ Ibid. Bls. 382.

¹⁴⁰ Brennu-Njáls saga. Bls. 347.

¹⁴¹ *Ásgrímr Ellidagrimssonar*. Ibid. Bls. 61.

¹⁴² *Hjörleifr* (Меч-Лейв) и *Leifr*. Landnámabók. Bls. 41.

¹⁴³ *Yxnafórir* (Бык-Торир) и *Dórir*. Hrafnkels saga Freysgoða. Bls. 3; Laxdæls saga. Bls. 32; Landnámabók. Bls. 290.

¹⁴⁴ Brennu-Njáls saga. Bls. 217, 370.

¹⁴⁵ Ibid. Bls. 233, 270, 331.

¹⁴⁶ Ibid. Bls. 281, 282, 289.

¹⁴⁷ *Ljótr sonr Halls af Síðu*. Ibid. Bls. 316. Ср. в «Книге о занятии земли»: *Yngvildr, dóttir Halls á Síðu* (Landnámabók. Bls. 282).

¹⁴⁸ *Þorsteinn Síðuballsson*. Brennu-Njáls saga. Bls. 400.

¹⁴⁹ *Ámundi enn blindi son Höskulds Njálssonar* (Амунди Слепой сын Хёскульда Ньяльсона); Ibid. Bls. 247.

¹⁵⁰ *Þorkell Fullspakr*, один из них был сыном дочери другого; Ibid. Bls. 321.

Громами¹⁵¹. В «Книге о занятии земли» тоже отмечены одинаковые прозвища у отца и сына¹⁵², братьев¹⁵³, нескольких человек в роду¹⁵⁴.

В отдельных родах бытовали прозвища, хотя и различные, но принадлежащие к одному семантическому кусту и характеризующие качества, свойственные нескольким членам данного рода, и тем самым тоже являвшиеся в некоторой степени родовыми. Так, деда Торстейна Трескоеда¹⁵⁵ звали Орнольвом Рыбобоном¹⁵⁶, отца Торгрима Щёголя¹⁵⁷ — Торкелем Красивым¹⁵⁸. В «Книге о занятии земли» Воронёнком называют сына Эндотта Вороны¹⁵⁹, а сына Офейга Безногого — Энундом Деревянной Ногой¹⁶⁰.

По некоторым прозвищам формировались родовые обозначения. Так, например, в «Книге о занятии земли» говорится, что от Эрпа, сына ярла Мельдуна, «пошли Эрплинги», а от Торкатлы Квочки «пошел род Квочки»¹⁶¹. Совпадение способа образования данных обозначений с отымёнными, свидетельствует о том, что прозвища в качестве эквивалента имени использовались также и для родовой идентификации.

* * *

Особую группу составляют прозвища, включающие информацию о месте жительства человека. Они репрезентировали территориальную принадлежность человека, обозначая его место в пространстве, тогда как родословная определяла место данного человека в ряду поколений. Однако, если учесть, что конкретный хутор мог передаваться по наследству и, следовательно, в течение нескольких поколений быть владением одной семьи, то локонимы можно рассматривать и как способ родовой идентификации. В то же время окружающая среда накладывала отпечаток на особенности жизненного уклада человека, и у представителей родов, живших в различных условиях, могли формироваться различные характеры.

Можно выделить несколько разновидностей «территориальных» прозвищ.

¹⁵¹ *Ketill Brymr Þórisson*, сын сына: Ibid. Bls. 321.

¹⁵² «Hallr goðlauss hét maðr. Hann var sonr Helga goðlauss» («Халлем Безбожником звали человека. Он был сыном Хельги Безбожника») (*Landnámabók*. Bls. 48).

¹⁵³ *Þorgímr bíldr, bróðir Önundar bílds* (Торгрим Клин, брат Энунда Клина): Ibid. Bls. 230.

¹⁵⁴ Кетиль и его внука Торгейра — Соня (*Blundr*), а также вариативное (более развернутое) у их потомка Торода: «Þeirrar ættar var Þóroddr hrísablundr» («Из их рода был Торода Соня из Зарослей») (Ibid. Bls. 74).

¹⁵⁵ *Þorskabítr*. *Brennu-Njáls saga*. Bls. 260.

¹⁵⁶ *Fiskreki*. Ibid. Bls. 260.

¹⁵⁷ *Skrautir*. Ibid. Bls. 262.

¹⁵⁸ *Fagrir*. Ibid. Bls. 262.

¹⁵⁹ «Helgi inn magri gaf Ásmundi [son Öndóts kráku] Kræklingahlíð» («Хельги Топций дал Асмунду [сыну Эндотта Вороны] Склон Воронёнка») (*Landnámabók*. Bls. 267).

¹⁶⁰ *Önundr tréfiotr son Ófeigs burlufótar*. Ibid. Bls. 198.

¹⁶¹ «Frá honum [Erpi] eru Erplingar komnir» («От него [Эрпа, сына ярла Мельдуна] пошли эрплинги») (*Landnámabók*. Bls. 142); «Frá hennar [Þorkatla klaka] er klökuætt komin» («От неё [Торкатлы Квочки] пошёл род Квочки») (Ibid. Bls. 306); «Valþjófr, son Örlygs ens gamla frá Esjubergi... þat er Valþýflinga kyn» («Вальтов, сын Эрлюга Старого со Вдовьей Горы... Это род Вальтовлингов») (Ibid. Bls. 57). Ср.: «Er Móðylfingar eru frá komnir» («От которого пошли модольвинги») (*Brennu-Njáls saga*. Bls. 130).

За пределами Исландии преваляла этническая идентификация. В Норвегии, Дании, Швеции по этническому признаку обозначали себя все исландцы, прибывавшие к иностранным королевским дворам¹⁶². Внутри самой Исландии территориальная принадлежность описывалась по округам/годордам, по более мелким районам (например, Широкая Долина) и по хуторам. По местности в «Саге о Ньяле» идентифицируют себя 35 человек¹⁶³. По годордам в саге принадлежность определяют в 12 случаях¹⁶⁴. По хутору характеризуются 12 человек¹⁶⁵.

Место жительства служило своеобразной «визитной карточкой» человека. При знакомстве подразумевалось, что исландец назовёт как показатель своего происхождения местность, откуда он¹⁶⁶. При этом жители отдельных регионов Исландии пользовались разной репутацией в обществе. Так, Ньяль, готовя Гуннара к роли Хедина-Купца и рассказывая о людях из различных местностей, учит отзываться о них следующим образом: «Он спросит, не с севера ли ты, и ты отвечай, что с Островного Фьорда. Он спросит, много ли там знатных людей. “Много там подлости”, — скажешь ты. “Есть ли в Долине Дымов доблестные люди?” — спросит он. “Воры там все и злодеи”, — скажешь ты. Тогда Хруту покажется это забавным, и он рассмеётся. Вы заговорите о людях с Восточных Фьордов, и ты должен всех бранить. Наконец, зайдёт у вас разговор о людях с Равнины Кривой Реки. Скажи, что там никого не осталось с тех пор, как умер Мерд Скрипица»¹⁶⁷. По последовавшей реакции Хрута видно, что исландцам было свойственно, преднамеренно или нет, принижать достоинства людей из других регионов. Хрут даже не упрекает мнимого Хедина за явную ложь. Также и Флоси может позволить себе сказать людям со Светлого Озера: «У себя в округе вы жадны и несправедливы»¹⁶⁸.

¹⁶² В беседе Хрута с норвежским конунгом: «“Ert þú íslezkr maðr?” — sagði konungr. Hann segir at svá var» («“Ты исландец?” — спросил конунг. Он ответил, что так и есть») (Brennu-Njáls saga. Bls. 9). При просьбе Храппа взять его на корабль: «Hann spurði hvað manna hann væri. Hrappur sagði til sín ok at hann væri utan af Íslandi» («Он спросил, кто он такой. Храпп назвал себя и сказал, что он из Исландии») (Ibid. Bls. 190).

¹⁶³ 51% от всех определений: Ibid. Bls. 2, 4, 52, 60, 82, 131, 143, 148, 152, 208, 217, 232, 272, 282, 333.

¹⁶⁴ 16% от всех определений: Ibid. Bls. 52, 246, 322, 347, 370.

¹⁶⁵ 16% от всех определений: Ibid. Bls. 48, 61, 75, 125, 166, 204, 217, 227, 245, 247, 272, 283, 390.

¹⁶⁶ «Hann spurði hvaðan hann væri. “Ek er austfirzkr maðr”, — segir hann» («Она спросила [у Атла], откуда он. “Я с Восточных Фьордов”, — ответил он») (Ibid. Bls. 82); «Hann mun spyrja hvort þú sért norðlenzkr. Þú skalt segja at þú sért eyfirzkr maðr» («Он спросит, не с севера ли ты, и ты отвечай, что ты с Островного Фьорда») (Ibid. Bls. 51). Аналогично в «Саге о людях из Лососьей Долины»: «Þorgils spyr hann at nafni ok kyn ferði ok svá hvaðan hann væri kominn. Hann kveðst Hrappur heita ok vera breiðfirzkr at móðurkyni... en ek er sunnlenzkr at föðurkyni» («Торгильс спросил его о имени, и роде, и откуда он прибыл. Тот назвался Храппом с Широкого Фьорда по линии матери... по отцу я с юга») (Laxdæls saga. Bls. 181).

¹⁶⁷ «Hann mun spyrja hvort þú sért norðlenzkr. Þú skalt segja at þú sért eyfirzkr maðr. Hann mun spyrja hvort þar sén allmargir ágætir menn. “Ærinn hafa þeir klækiskap” — skalt þú segja. “Eru í Reykjardal kappur miklir?” — mun hann segja. “Þjófar eru þar ok illmenn” — skalt þú segja. Þá mun Hrútr hlæja ok þykja gaman at. Þit munut tala um menn í Austfirðingafjórðungi ok skalt þú öllum fá nokkurt á mæli. Tal ykkar mun koma á Rangárvöllu. Þá skalt þú segja at þar sé sízt mannval, síðan Mörðr gígja var dauðr» (Brennu-Njáls saga. Bls. 51).

¹⁶⁸ «Er eruð ágiarnir heima í héraði ok ranglátir»: Ibid. Bls. 335.

Пространственная идентификация человека выполняла также практические функции. Бродяжничество никоим образом не поощрялось в исландском обществе, что видно даже из приведённой в саге пословицы: «Уши на месте там, где они выросли»¹⁶⁹. Общая территориальная принадлежность обязывала оказывать помощь в суде и мстить¹⁷⁰, поскольку, как правило, она совпадала с родственными связями или отношениями зависимости. Выступая за определённую территориальную общность, люди действовали в рамках коллектива и воспринимались окружающими как нечто целое¹⁷¹.

Определение людей по месту их жительства используется в тексте саги наравне с обозначением их по родовой принадлежности¹⁷². Сочетание имени с топонимом применялось в официальной обстановке, например, на тинге, даже в том случае, если топоним не был устойчивым прозвищем этого человека¹⁷³. Однако большинство первопоселенцев упоминаются в саге без указания на место их проживания¹⁷⁴, хотя подробное описание границ их владений имеется в «Книге о занятии земли» и входило в круг общеизвестных сведений. Можно предположить, что средневековым исландцам упоминания личного имени первопоселенцев в силу их большой известности было достаточно для их территориальной идентификации.

Идентификация по местности прежде всего находила отражение в оттопонимических прозвищах, составляющих чуть меньше трети от всех упомянутых в саге (68 из 228; см. Таблицу 1 и Таблицу 2). По способу словообразования и по семантике выделяются несколько их типов.

¹⁶⁹ «Þar eru eyru sæmst sem óxu»: Ibid. Bls. 117. Аналог русской пословицы «Где родился, там и пригодился».

¹⁷⁰ «Flosi beiddi Ljósvetninga liðveizlu» («Флоси попросил помощи у людей со Светлого Озера») (Ibid. Bls. 335); «Flosi ok allir Austfirðingar með honum gengu norðan at dóminum. Þar váru ok Reykdælir ok Ljósvetningar með Flosa» («Флоси, а с ним все люди с Восточных Фьордов пошли к северу от суда. Там, кроме этого, были люди из Долины Дымов и со Светлого Озера») (Ibid. Bls. 348); «En til eftirmáls eru Varnfirðingar» («Люди с Островного Фьорда будут мстить за него») (Ibid. Bls. 188).

¹⁷¹ Например: «Þeir undan Þríhyrningi ætluðu at fara at honum» («Люди из-под Треугольной Горы собрались напасть на него») (Ibid. Bls. 136); «Hann barðiz ok á Ljósvetningaleið við Guðmund enn ríka... ok höfðu Ljósvetningar sigr» («Он бился на осеннем тинге людей со Светлого Озера с Гудмундом Могучим... и люди со Светлого Озера победили») (Ibid. Bls. 276).

¹⁷² «Er frá honum komit allt hið mesta mannval á landinu: Oddaverjar ok Sturlungar ok Hvammverjar ok Fljótamenn» («От него пошли все самые знатные люди страны: жители Одди и Стурлунги, жители Лощины и люди с Реки») (Ibid. Bls. 259–260); «Þorgrímur kuggi, faðir Odds í Axlarhaga, föður Sela-Kálfs; þaðan eru Axlhegingar komnir» («Торгрим Шхуна, отец Олда с Плечевого Выгона, отца Кальва-Тюленя. От них пошли люди Плечевого Выгона») (Ibid. Bls. 146). См. также: *Аитовских Е. В.* Место жительства как элемент характеристики персонажей «Саги о Ньяле» // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 2002. [Вып. XIV:] Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. С. 123–131.

¹⁷³ «Er hér Lýtingr af Sámssstöðum?» («Здесь ли Лютинг из Двора Сама?»): *Brennu-Njáls saga*. Bls. 247. См. также: Ibid. Bls. 143, 166, 246, 283.

¹⁷⁴ Например, отсутствуют оттопонимические прозвища у Ауд Многомудрой (Ibid. Bls. 2); Олейва Рукояти (Ibid. Bls. 34); Торира Глухого (Ibid. Bls. 321); Атли-Каши (Ibid. Bls. 322) и др.

Таблица 2. Оттопонимические прозвища в «Саге о Ньяле»

Семантика основы	Количество	От общего числа прозвищ	От числа оттопонимических прозвищ
Этноним	9	4%	14%
Годора	12	5%	17%
Местность	35	15%	52%
Хутор	12	5%	17%
Всего	68	30%	100%

Прозвища иностранцев, как правило, даны по их этнической принадлежности¹⁷⁵. Оттопонимические прозвища исландцев образуются по более мелким образованиям (местностям, округам, хуторам) и совпадают с территориальной идентификацией их носителей. По своей структуре большинство локонимов представляют собой формулы «X из Y» (*X á/í/frá/ór Y*)¹⁷⁶. Однако некоторые из них настолько срастаются с именем, что входят в его состав, преобразуя одноосновное имя в двухосновное. Это, например, такие имена, как *Holtapórir* (Горир из Хольта); *Síðuballr* (Халль с Побережья); *Dalakólr* (Коль из Долин)¹⁷⁷. Третий тип, оттопонимные прилагательные, характерен для некоторых устойчивых производных от названий исландских местностей¹⁷⁸. Такой тип составляет 10% от общего числа локонимов, из которых половина характеризует иностранцев. Это такие прозвища, как Викец (т. е. «из Вика»)¹⁷⁹, Фаререц¹⁸⁰, Шетландец¹⁸¹, Трондхеймец¹⁸².

Имеются и родовые локонимы, которые составляют треть родовых прозвищ, встречающихся в саге. В большинстве случаев они образованы топонимом с предлогом, и их наличие указывает не только на совместное проживание

¹⁷⁵ Например, *Einar Hjaltlendingr* (Эйнар Шетландец): Ibid. Bls. 177 и т. п.

¹⁷⁶ 77% от общего числа оттопонимических прозвищ, например: *Steinvör í Sandgili* (Ibid. Bls. 143); *Ketill ór Mörk* (Ibid. Bls. 75); *Ketilbjörn frá Mosfelli* (Ibid. Bls. 104) и т. п.

¹⁷⁷ *Holtapórir* (Ibid. Bls. 48); *Síðuballr* (Ibid. Bls. 217); *Dalakólr* (Ibid. Bls. 2). Ср.: Лагуна-Эйнар (*Lóneinarr*): Landnámabók. Bls. 105.

¹⁷⁸ Например, *Breiðdalski* («из Широкой Долины») (*Brennu-Njáls saga*. Bls. 232); *Austfirzker* («с Восточных Фьордов») (Ibid. Bls. 82); *Eyfirzker* («с Островных Фьордов») (Ibid. Bls. 52).

¹⁷⁹ *Vikverskr*. Ibid. Bls. 63.

¹⁸⁰ *Færeyskr*. Ibid. Bls. 105.

¹⁸¹ *Hjaltlendingr*. Ibid. Bls. 177.

¹⁸² *Þrændzker*. Ibid. Bls. 388.

нескольких родичей, но и на общность качеств представителей данного рода, что видно из контекста саги. Сюда можно отнести прозвища Из Песчаного Оврага¹⁸³, Из Эльды¹⁸⁴ и Из-под Треугольной Горы¹⁸⁵.

Таким образом, оттопонимическое именование человека оказывается распространённым в Исландии способом идентификации. При кажущемся отличии от патронимов (определение человека не во времени, а в пространстве) оно также отсылает к генеалогическим сведениям — через родовую усадьбу — и указывает на принадлежность человека к определённому роду. Тот факт, что чаще всего локонимы образовывались от обозначений по местностям, означает, что данная форма именования была активно востребована в средневековой Исландии.

* * *

Подведём итоги. Родовая идентификация (через свою основную форму — патроним) продолжала оставаться преобладающей в исландском обществе на протяжении IX–XIII вв., поскольку к ней прибегали как при знакомстве, так и в официальных ситуациях, и в особенности в тех случаях, когда человек был известен в обществе недостаточно. Принадлежность к определённому роду выступала гарантией репутации человека в обществе, однако отсылка к нему не была единственно возможной и обязательной. Патроним служил минимальной единицей генеалогического описания, апеллирующей к отцу как к более известному в обществе члену рода. В обиходе патронимы чаще всего опускались. Постоянно употреблялись лишь те из них, которые стали прозвищами, или прозвища, образованные по принципу патронимов.

Другим способом родовой идентификации были оттопонимические прозвища, содержавшие в себе информацию о месте жительства их носителя, которое, как правило, было родовой усадьбой или местностью, где жило большинство представителей его рода. Следовательно, они также содержали сведения о родовой принадлежности. А построение оттопонимических обозначений общностей людей по типу, аналогичному родовым обозначениям, подтверждает их значимость для родовой идентификации.

Родовой идентификации служили и родовые имена. Связь с родом посредством родового имени маркировалась даже в том случае, если наследовалось не все имя, а одна из его основ. В противовес родовым личные имена способствовали выделению человека из череды родичей. Они употреблялись без каких-либо дополнительных компонентов в тех случаях, когда их носитель был достаточно известен в обществе. Индивидуальная идентификация (через личные имена и прозвища) дополняла идентификацию родовую, продолжая на нее опираться, несмотря на то, что внешне они противопоставлялись.

¹⁸³ *í Sandgili* — его носили Эгиль, его жена Стейнвёр и их сын Торгрим: Ibid. Bls. 143, 166.

¹⁸⁴ *ór Eldu* — Кетиль и его сын Олав: Ibid. Bls. 164, 181, 272.

¹⁸⁵ *Undan Þríhyrningi* — Старкад и его сын Торгейр: Ibid. Bls. 152, 166.

Список литературы

- Гуревич, А. Я. «Эдда» и сага / А. Я. Гуревич. — Москва : Наука, 1979. — 192 с.
- Литовских, Е. В. Место жительства как элемент характеристики персонажей «Саги о Ньяле» / Е. В. Литовских // Восточная Европа в древности и средневековье. — Москва : ИВИ РАН, 2002. — [Вып. XIV:] Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. — С. 123–131.
- Литовских, Е. В. Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (на материале «Саги о Ньяле») / Е. В. Литовских : дисс. ... к.и.н. — Москва, 2004. — 253 с.
- Литовских, Е. В. Родословия в процессуальной практике средневековой Исландии / Е. В. Литовских // Проблемы источниковедения / Отв. ред. С. М. Каптанов. — Москва : Наука, 2006. — Вып. 1 (12). — С. 26–32.
- Литовских, Е. В. Изменение исландского ономастикона в X–XIII вв. как показатель независимости древнеисландского государства / Е. В. Литовских // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. — 2022. — Т. 13, вып. 5 (115). — URL: <https://history.jes.su/s207987840021302-1-1/>. — (30.11.2022).
- Пеньковский, А. Б. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» / А. Б. Пеньковский // Ономастика и норма. — Москва : Наука, 1976. — С. 79–107.
- Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1978. — 201 с.
- Успенский, Ф. Б. К вопросу о происхождении русских отчеств / Ф. Б. Успенский // Восточная Европа в древности и средневековье. — Москва : ИВИ РАН, 2001. — [Вып. XIII:] Генеалогия как форма исторической памяти. — С. 182–187.
- Bjarni Guðnason. Njáls saga / Bjarni Guðnason // Kulturhistoriskt leksikon för nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. — Oslo ; Malmö : Gyldendal, 1978. — Bd. 12. — Sp. 244–249.
- Cleasby, R. An Icelandic-English Dictionary / R. Cleasby, Gudbrand Vigfusson. — Oxford : Oxford University Press, 1874. — 890 p.
- Cook, R. The Structure of Njáls Saga / R. Cook // Норна у источника Судьбы : сборник статей в честь Е. А. Мельниковой / под ред. Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазыриной, И. Г. Коноваловой, С. Л. Никольского, В. Я. Петрухина. — Москва : Индрик, 2001. — С. 206–213.
- Einar Ól. Sveinsson. Um handrit Njáls sögu / Einar Ól. Sveinsson // Skírnir. — 1952. — Bd. 26. — Bls. 114–152.

Einar Ól. Sveinsson. Dating the Icelandic Sagas : an Essay in Method / Einar Ól. Sveinsson. — London : University College London, 1958. — (Viking Society for Northern Research. Text Series. Vol. 3). — 126 p.

Einar Ól. Sveinsson. Njáls saga : A Literary Masterpiece / Einar Ól. Sveinsson. — Lincoln : University of Nebraska Press, 1970. — 210 p.

Finnur Jónsson. Einleitung / Finnur Jónsson // Brennu-Njáls saga. — Halle a. S. : Verlag von Max Niemeyer, 1908. — (Altnordische Saga-Bibliothek. H. 13). — S. III–XLVI.

Finnur Jónsson. Norsk-islandske kultur- og spogforhold / Finnur Jónsson // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. — 1921. — Bd. 3, no. 2. — S. 175–244.

Finnur Jónsson. Personennamen / Finnur Jónsson // Brennu-Njáls saga. — Halle a. S. : Verlag von Max Niemeyer, 1908. — (Altnordische Saga-Bibliothek. H. 13). — S. 425–443.

Guðni Jónsson. Íslendinga sögur. Nafnaskrá / Guðni Jónsson. — Reykjavík : Íslendingasagnaútgáfan, 1949. — 447 Bls.

Janzen, A. De fornsvenska personnamnen / A. Janzen // Personnavne / udg. A. Janzen. — København : Schultz, 1947. — (Nordisk kultur. Bd. VII). — S. 235–268.

Janzen, A. De fornvästnordska personnamnen / A. Janzen // Personnavne / udg. A. Janzen. — København : Schultz, 1947. — (Nordisk kultur. Bd. VII). — S. 22–186.

Jónas Kristjánsson. Njáls saga / Jónas Kristjánsson // Gudar på jorden : festskrift till Lars Lönnroth / red. S. Hansson, M. Malm. — Eslöv : Symposium, 2000. — P. 119–130.

Lind, E. H. Norsk-isländska personbinamn från medeltiden / E. H. Lind. — Uppsala : Lundequistska bokhandeln, 1920–21. — 416 s.

Maxwell, I. R. Pattern in *Njáls saga* / I. R. Maxwell // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. — 1957–1959. — Vol. 15. — P. 3–47.

Peterson, P. Old Norse Nicknames : PhD diss. / P. Peterson. — Minneapolis ; St. Paul : University of Minnesota, 2015 — URL: <http://conservancy.umn.edu/handle/11299/172669>. — (07.10.2022).

Schach, P. Instant Saga Style : the Evidence of the Manuscripts / P. Schach // Journal of English and Germanic Philology. — 1986. — No. 3. — P. 404–420.

Smith, A. H. Early Northern Nicknames and Surnames / A. H. Smith // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. — 1928–1936. — Vol. 11. — P. 30–60.

Turville-Petre, J. The Genealogist and History : Ari to Snorri / J. Turville-Petre // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. — 1978–1981. — Vol. 20. — P. 7–23.

Whaley, D. Nicknames and Narratives in the Sagas / D. Whaley // The Eighth International Saga Conference : the Audience of the Sagas (August 11–17, 1991) : Preprints / ed. L. Lönnroth. — Gothenburg : Gothenburg University, 1991. — Vol. 2. — P. 341–355.

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич / KARELIN Vladimir

Центр «Геополитические проблемы Севера: история и современность» / Centre
‘Geopolitical Problems of the North: History and Current Time’

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

karelin_vladimir@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ЭКСПЛУАТАЦИИ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
ПОГРАНИЧНОЙ РЕКИ ПАЗ В РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ
ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1906–1913 гг.)**

**THE PROBLEM OF PASVIK BORDER RIVER HYDROPOWER RESOURCES
EXPLOITATION AND RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER COOPERATION:
FIRST STEPS, 1906–1913**

Abstract: This article discusses the first negotiations between the two neighbouring states of Norway and Russia concerning exploitation of the hydropower in the border river in Pasvik. Based on in-depth research in Norwegian and Russian archives, the article traces the different interests and initiatives on both sides of the border, on the local and regional levels as well as on the national level. The article concludes that despite efforts from Norwegian entrepreneurs and state actors to reach an agreement, the issue remained unsolved before the start of WWI.

Ключевые слова / Keywords: Российско-норвежские пограничные отношения на Крайнем Севере, история гидротехнического комплекса на реке Паз, Кристиан Анкер, акционерное общество «Сюдварангер», переговоры по проекту соглашения о сотрудничестве в октябре 1907 г. в Санкт-Петербурге / Russian-Norwegian border relations in the Far North, history of the hydropower cooperation, negotiations since October till December 1907 in Saint Petersburg, A/S Sydvaranger joint-stock company, Christian Anker

История пограничных отношений России и Норвегии начала XX столетия таит немало неизвестных или малоизученных страниц. Об одной из них пойдёт речь. Она сфокусировала на себе внешнеполитические и хозяйственно-экономические интересы соседних северных стран. Как свидетельствуют факты, они не всегда находились в гармонии. Их мотивы время от времени скрыто или явно противоречили друг другу. Однако, поскольку обе стороны желали поддерживать и сохранять для общей выгоды мирные и дружественные отношения, столкновений почти всегда удавалось избежать¹.

Это особенно важно понимать, потому что сама международная обстановка в начале XX столетия была непростой. Острые противоречия России с Великобританией и неудачная война с Японией ослабили её позиции, в том числе на Севере Европы. Военные руководители империи накануне Первой мировой

¹ См.: *Roginsky V.V.* The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // *Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. P. 162–168; *Рогинский В. В.* Конвенция 1826 года «О разграничении между Норвегией и Россией» как дипломатическая проблема // *Вестник Баренц-Центра МПГУ*. Вып. 7. 2008. С. 25–30; *Нильсен П. П., Зайков К. С.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // *Арктика и Север*. 2012. № 5. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/854/6.pdf> (19.09.2017).

войны подозревали Стокгольм в тайном военном союзе с Берлином. Правительство было обеспокоено прогерманскими и русофобскими настроениями в Швеции². Волновала его и уязвимость почти не защищённых границ империи на Крайнем Севере.

На этом фоне дружественные отношения Российской империи с молодым норвежским государством могли стать ценным дипломатическим активом. Это хорошо понимали в Петербурге. Российская дипломатия первой приветствовала независимость Норвегии и была намерена налаживать и беречь с ней сотрудничество.

Задача наметить политику, которая бы отвечала новым реалиям, увязав её с обеспечением безопасности северных рубежей империи, выпала на долю министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа и его помощников. В разработке плана скандинавской и балтийской политики важную роль сыграл советник министра барон М. А. Таубе, ученик известного юриста-международника, профессора Ф. Ф. Мартенса.

По заданию министра осенью 1905 г. Таубе составил проект программы русской политики, отразивший основные приоритеты царской дипломатии. Ламздорф представил программу императору, и Николай II 13 октября (ст. ст.) 1905 г. без изменений её утвердил. Документ среди прочих пунктов (всего их было восемь) включал: отмену Ноябрьского договора 1855 г., замену его коллективной гарантией, но теперь уже с участием России. В ходе реализации этих идей империя первой среди великих держав признала независимость норвежского королевства и его территориальную целостность. Россия намерена была также уважать нейтралитет молодого государства³.

Еще в 1826 г., после подписания российско-норвежской конвенции о сухопутной границе на Крайнем Севере, река Паз стала служить рубежом, где встречались Норвегия и Россия. Историки считают, что конвенция в основном неплохо служила интересам обоих государств, то есть, сохранению мира и сотрудничества на границе⁴. Потому возникавшие время от времени спорные вопросы власти старались урегулировать, идя навстречу другу.

Это было тем более уместно, поскольку Норвегия в 1905–1917 гг. переживала экономический подъем. Население её северных провинций увеличивалось. Росло благоустройство небольших прибрежных городов и поселков пограничной провинции Финнмарк. Норвежские рыбаки и промысловики ввиду истощения прежних морских зон двинулись за добычей в восточную, русскую зону Арктики.

² См.: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.

³ См. кн.: Признание Россией норвежского независимого государства: Сборник документов / Составитель и авт. вступ. статьи В. В. Похлёбкин. М., 1958.

⁴ Зайков К. С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX — начала XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 2. С. 27–39.

Здесь они столкнулись с интересами лопарей и поморов. Возникла необходимость, избегая конфликтов и предупреждая распространение на Западе мифа о «русской угрозе», в то же время пресекать нарушения норвежцами морской и сухопутной границ империи на арктическом Северо-Западе⁵.

Особое беспокойство властей вызывала малонаселенность русско-норвежской границы на Западном Мурмане и по правому берегу реки Паз. Лояльность местного населения из числа колонистов иностранного происхождения (финляндцев, норвежцев) и их цивилизующее влияние на местное население уже с 1870-х гг., ставились под сомнение⁶. Забота о защите интересов поморов и местных общин православных лопарей ложилась на сотрудников российской дипломатической миссии в Кристиании и консульских работников в Финнмарке, а также на Архангельскую губернскую администрацию.

Проблемой гидроресурсов реки Паз и их хозяйственным использованием, стали активно интересоваться норвежские промышленные магнаты, дипломаты и чиновники. Российская общественность и печать живо обсуждали вопросы пограничных отношений, включая судьбу реки и православных саамов — коренных обитателей её долины. Губернская администрация в пограничном районе Пазреки считала своей опорой местное малочисленное полукучевое православное саамское население. Задачу обеспечения безопасности границы и предупреждения пограничных конфликтов в Архангельске считали критически важной. Это предполагало заботу о защите интересов, привилегий и традиционного способа жизни лопарей. В том числе сохранение их сервитутных прав. Между тем, давление миграционного притока норвежцев в пограничный Финнмарк привело к тому, что соседи стали вытеснять лопарей пазрецкого прихода с традиционных мест их весенне-летних рыбных промыслов на норвежской стороне границы⁷.

О предыстории развернувшихся на границе событий важно знать следующее: широкое индустриальное применение в Норвегии электричества и прогресс гидроэнергетики к началу XX века вызвали интерес к эксплуатации гидроресурсов пограничной реки Паз. Их потенциал в этом регионе был значителен. Истоком реки служит озеро Инари в Финляндии. Перепад высоты от истока реки до впадения в Варангер-фиорд Баренцева моря составляет 118 метров. В своем течении на север она проходит несколько больших озёр и образует обширную и живописную речную и озёрную долину.

Толчком зарождения интереса к промышленному использованию гидроресурсов реки послужили геологические открытия на севере Норвегии.

⁵ См.: Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман: Очерки истории края XIX — нач. XX в. Екатеринбург, 1999; Касян А. С., Карелин В. А. Норвегия // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2020. Т. 3. Россия и нейтральные страны.

⁶ См. кн.: Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М.; Архангельск, 2001.

⁷ Карелин В. А. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 1. С. 32–41

Наличие залежей железной руды в Финнмарке стало известно ещё в 1860-х гг. Их открытие и описание связано с именем Теллеффа Даля, служившего помощником директора геологической службы Норвегии⁸. Однако, эксплуатация бедных железом рудных депозитов считалась до начала XX века коммерчески невыгодной. Содержание железа составляло всего около 35%⁹. Однако в начале нового столетия положение в технологии добычи руды радикально изменилось. Распространение получил метод её обогащения путем электромагнитной сепарации. Обоганительные фабрики при горной добыче могли теперь производить железорудные окатыши с удельным содержанием железа выше 60-и или даже 70%.

Первой инициативу в постановке вопроса об эксплуатации энергетических гидроресурсов Паз реки проявила Норвегия. На рубеже XIX–XX столетий она опережала не только царскую Россию, но и многие другие страны в изучении и освоении гидроресурсов своей территории. Аналогичная ситуация сложилась и в опыте применения для промышленных, транспортных и бытовых нужд достижений электротехники и гидротехнического строительства. Индустриальная революция в Норвегии (ее новый, второй этап) с конца XIX века опиралась преимущественно на гидроэлектрическую энергию, в то время как во многих странах использовали в качестве источника энергии уголь, а позже и нефть. Это объясняется наличием в североевропейской стране больших запасов дешевых гидроресурсов (водопадов и горных рек). Кроме того, имело значение и внимание общества к развитию технической науки, системе школьного и технического образования.

Правительство Норвегии, обретшей независимость в 1905 г., в итоге политических дискуссий в парламенте (стортинге) и печати реализовало строгий запрет на монополизацию прав частной собственности (прежде всего, для иностранцев) на национальные гидроресурсы. Ещё в конце 1906 г. парламент принял так называемый «панический» концессионный закон. Он наложил запрет на аренду норвежских водопадов частными иностранными компаниями. Запрет был вызван опасением норвежской общественности перспективы массовой скупки крупным иностранным бизнесом водопадов. Считалось, что это создает опасность утраты Норвегией недавно обретенной национальной независимости¹⁰.

⁸ Теллеф-Даль (норв. *Tellef Dahll*, 1825–1893) — норвежский минеролог и геолог.

⁹ См.: *Похлебкин В. В.* Норвегия. М., 1957. С. 12.

¹⁰ Примеч.: Норвежское правительство, сформированное в 1907 г., продержалось у власти лишь до конца 1908 г. Радикальное крыло партии Венстре при поддержке норвежской Рабочей партии сформировало новое правительство (во главе с Г. Кнудсенем), которое в 1908 г. приняло окончательный «Закон о концессиях». В соответствии с ним запрет (1906 г.) снимался, но концессии становились срочными, Срок устанавливался на 60–80 лет. По его истечении права на водные пути вновь переходили к государству. Кроме того, правительство по истечении этого срока оставляло за собой право безвозмездного отчуждения в пользу государства всех построенных сооружений.

Концессионные законы 1906–1909 гг. закрепили приоритет их использования в национальных интересах¹¹. Стремление большинства нации и политических лидеров общества к консолидации национальной территории и ресурсов принесло в конечном счёте позитивные результаты. Принятые решения ускорили экономическое развитие страны и благоприятно сказались на прогрессе не только гидроэнергетики, но также промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Убедителен был пример норвежского промышленника С. Эйде¹². Он возвёл в провинции Телемарк ГЭС для снабжения энергией крупнейшего акционерного предприятия Ношк гидро¹³. Первоначально компания занималась производством селитряных удобрений и взрывчатки на базе научного открытия Биркеланда — производства азотной кислоты из воздуха с использованием промышленного электричества («норвежская селитра»). Так был открыт путь к широкому применению электрической энергии («белого угля») в национальной промышленности.

Курс Норвегии на широкое применение электроэнергии значительно ускорил индустриальный рывок страны, в том числе на севере Норвегии¹⁴. Строительство горнодобывающего предприятия в Финнмарке стало непосредственной причиной появления на свет идеи эксплуатации гидроресурсов реки Паз. Располагалось предприятие близ поселка Киркенес в прилегающей к границе с Россией коммуне Сер-Варангер (местечко Бьерневаттен).

Реализовывала многообещающий проект акционерная компания «Сюдварангер» со смешанным немецко-шведско-норвежским капиталом. Первоначально он составил 10 млн марок. Учредителями предприятия стали немецкие и шведские банкиры, а также норвежские и шведские промышленники. Собственников увлекла перспектива масштабных прибыльных поставок железной руды на внутриевропейский и, прежде всего, германский рынок.

Впервые с предложением применить энергию реки Паз для промышленной выработки электроэнергии выступил крупный предприниматель Кристиан Август Анкер¹⁵. Он сумел привлечь внимание специалистов и властей к бедным по составу,

¹¹ Примечательно, что первая в Норвегии ГЭС, принадлежала не частному капиталу, а муниципалитету (орган местного самоуправления). Она вошла в строй в Финнмарке в 1891 г. Её задачей было обеспечить электрическим освещением Хаммерфест — маленький город в заполярном крае. Лишь после этого была построена и введена в строй муниципальная ГЭС снабжавшая электроэнергией норвежскую столицу Кристианию.

¹² Самуэль «Сам» Эйде (норв. *Samuel Eyde*; 29 октября 1866, Арендал, Норвегия — 21 июня 1940, Остгорстранн, Норвегия) — крупный норвежский инженер и промышленник.

¹³ Норв. *Norsk Hydro* — ныне крупная норвежская нефтегазовая и металлургическая компания, осн. Самуэлем Эйде в 1905 г. под названием *Norsk hydro-elektrisk Kvalstofaktieselskab*.

¹⁴ Сёр-Варангер (норв. *Sør-Varanger*) — коммуна Сёр-Варангер находится в самой северо-восточной области Норвегии, в фюльке (графстве, губернии) Финнмарк.

¹⁵ Анкер, Кристиан Август (норв. *Christian August Anker*, 1840–1912) — выходец из богатой буржуазной семьи южной Норвегии, крупный коммерсант, владелец предприятий в бумагоделательной отрасли, играл заметную роль в индустриальной истории Норвегии, техническое и экономическое образование получил в Ганновере и Цюрихе: *Berg B. I.*

но мощным месторождениям железной руды. По его инициативе рудные залежи в Сер-Варангере были изучены специалистами в 1902–1903 гг. Это и дало толчок учреждению акционерного общества. Оно и стало собственником крупнейшего на протяжении всего XX столетия железорудного комбината Норвегии¹⁶. На новое предприятие соседей тогда же обратили внимание в России¹⁷.

По-видимому, правы историки, полагающие, что первоначально за спиной Кр. Анкера стоял его влиятельный американский деловой партнер и промышленный магнат Дж. Лонгбир Монро¹⁸. Первоначально их замысел заключался в соединении угольной добычи на Шпицбергене с предприятием по производству железного концентрата в Финнмарке¹⁹. Так или иначе, для работы компании Кр. Анкера требовалось очень много электроэнергии. Промышленник рассчитывал эксплуатировать энергию водопада Харефоссен²⁰. По подсчётам инженеров, построенная на этом «падуне» ГЭС могла обеспечить горнорудное предприятие мощностью от 40 000 до 80 000 лошадиных сил²¹. Предприниматель утверждал, что электроэнергия, полученная за счёт использования ресурсов реки Паз, вполне могла удовлетворить потребности планируемого комбината²².

Анкер потратил немало усилий обоснованию перед правительством своего бизнес-плана. Он апеллировал к высокому спросу на железную руду в Европе, подробно объяснял, насколько мощным является месторождение, убеждал, что будущее предприятие создаст немало новых рабочих мест для коммуны. К проекту Анкер приложил план-схему строительства перегрузочных пунктов и гавани в Киркенесе, а также ожидаемого роста численности местных городов. Для погрузки на морские суда предполагалось проложить «электроэнергетические и осветительные линии к различным шахтам, кабинам, рабочим и машинным цехам, а также к экспортным площадкам».

Christian August Anker // Norsk biografisk leksikon [Электронный ресурс]. URL: https://nbl.snl.no/Christian_August_Anker (26.12.2022); Lunde A. Sør-Varangers historie. Kirkenes, 1979.

¹⁶ В январе 1906 г. было учреждено Акционерное общество «Сюдварангер» (норв.: *Aktieselskapet Sydvaranger*).

¹⁷ Карелин В. А. К ранней истории совместного освоения природных ресурсов стран Баренцева Евро-Арктического региона: проблема использования «водной силы» Паз-реки в российско-норвежских отношениях (начало XX в.) // «Европейский Север: инновационное освоение морских ресурсов (образование — наука — производство)»: материалы междунар. науч.- практ. конф., Мурманск, 13–18 марта 2013 г. Мурманск, 2013. С. 269–270.

¹⁸ Berg R. Norway, Spitsbergen and America, 1905–1920 // *Diplomacy and Statecraft*. 2017. Vol. 28. Issue 1. P. 20–38.

¹⁹ См.: Dole N. H. America in Spitsbergen: The Romance of an Arctic Coal-Mine. Boston. 1922. Vol. I–II.

²⁰ *Harefossen* (рус.: Заячий водопад).

²¹ St. medd. nr. 11 (1904–1905): Ang. kontrakt mellem landbrugsdepartementet og Chr. Anker vedrørende jernmalforekomsterne paa Pasvikhalvøen i Sydvaranger: Den norske regjerings underdanigste indstilling af 30te mars 1905, som ved hans kongelige høiheid Kronprinsregentens resolution af 8de april s. a. Naadigst er bifaldt. URL: https://www.stortinget.no/nn/Saker-og-publikasjoner/Stortingsforhandlingar/Lesevisning/?p=1904-05&paid=2&wid=b&psid=DIVL980&pgid=b_1041&vt=b&did=DIVL1073 (26.12.2022).

²² Национальный архив Норвегии, Осло (Riksarkivet, далее — RA). 4991 P5: Brev fra Landbruksdepartementet datert 22. januar 1903 til Departementet for udenrigske sager, handel, sjøfart og industri; Gjenpart af Skrivelse fra Chr. Anker, Fredrikshald, til Landbrugsdepartementet, datert 15. December 1902.

Предприниматель просил власти разрешить ему использовать «долю норвежского государства в Харефоссене» для производства электроэнергии. С января 1903 г. письмо-заявку Кр. Анкера обсуждали норвежские министерства и ведомства. По его словам, воды от скалы в центре водопада и до западного берега реки следовало считать норвежскими. «Норвежскую часть воды», как он писал, можно направить по трубам, а затем в турбину.

Переговоры с норвежскими властями об использовании Харефоссена оказались весьма длительными. Предприниматель вёл их с 1903 по 1906 г. Архивный материал свидетельствует, что первоначально норвежские «инстанции» неохотно шли на разрешение частному предприятию разработки «рудного тела» вблизи пограничной реки. Ввиду ряда факторов представители министерства сельского хозяйства, министерства торговли и министерства иностранных дел, судоходства и промышленности отнеслись к предложению Кр. Анкера использовать Харефоссен крайне осторожно. Законодательство Норвегии в принципе не позволяло предоставлять частным подрядчикам права аренды на использование приграничных рек из-за опасений помешать традиционному использованию реки местным населением (рыболовство, лесосплав, туризм). Кроме того, норвежские власти не желали подвергать риску добрососедские отношения с Россией, поскольку, согласно Пограничной конвенции 1826 г. и Дополнительного протокола 1834 г., местное население, община православных лопарей, проживало на приграничной территории. Чиновники стремились достичь такой ситуации при которой использование гидроресурсов не беспокоило местное население и не давало повода к конфликтам соседних двух стран. Иными словами, создание частной промышленности в приграничной с Россией полосе, с одной стороны, должно было соответствовать норвежской политике безопасности, но, с другой — не иметь негативного влияния на отношения с Россией.

Кроме того, правительство в Кристиании, озабоченное задачей «норвегизации» Финнмарка, где велика была доля саамов и квендов, выдвинуло предпринимателям особое требование. Рабочая сила будущей горнодобывающей компании должна быть этнически норвежской или, по крайней мере, норвежско-говорящей²³.

Чиновники настаивали, чтобы строительные и технические операции происходили не ближе, чем в 100 метрах от норвежского берега пограничной реки Паз и на таком же расстоянии от пограничных знаков в районе Борисоглебской церкви. «Соседские отношения (с Россией — В. К.), подчеркивали авторы документа, серьезно пострадают, если промышленные дымы и дурно пахнущие газы станут отравлять воздух над святым для русских местом — Борисоглебской церковью»²⁴. Будущий контракт, считали в министерствах, должен включать положение о том, что Кр. Анкер и его правопреемники «обязаны избегать

²³ St. meld. nr. 11 (1904–1905).

²⁴ RA. 4991 P5: Bemerkninger fra udenrigsafdelingen til udkast til kontrakt mellem Landbrugsdep paa statens vegne og grosserer Chr. Anker, angaaende udnyttelse af jernmalmforekomster i Sydvaranger (помета от руки: «Levert statsraad Kildal 8 mars 1905»).

возможных претензий о возмещении ущерба и организовать все то, что король обязывает сделать ради сохранения добрососедских отношений с Россией или защиты прав российских подданных»²⁵.

Тем не менее, Кр. Анкер остался недоволен. Предложения бюрократов он посчитал чрезмерными, обременительными и дорогостоящими. Разрешение использовать участок (норвежского берега) к западу от полуострова Пасвик, по его словам, не обеспечит необходимой рентабельности, а условия по приватизации земли выглядят слишком затратными. Поскольку требования правительства, по его мнению, оказались несправедливы, он решил привлечь на свою сторону норвежскую общественность. Собственные аргументы он изложил в газете «Моргенбладет»²⁶. Несколько других изданий поддержали его точку зрения²⁷. Предпринимателю удалось привлечь на свою сторону губернатора Финнмарка Трулса Й. В. Граффа²⁸ и прокурора Верховного суда Р. М. Б. Шельберга. Последние могли оказать поддержку рассмотрению дела в интересах компании.

Губернатор Графф осенью обратился к российскому консулу в Финнмарке Оскару Визелю²⁹. Он пытался выяснить его взгляд на то, как российские власти могли бы реагировать на предложение норвежцев использовать Харефоссен³⁰. В начале 1906 года губернатор вместе с Шельбергом вновь связался с консулом Визелем. Они обсуждали намерение акционерной компании построить электростанцию в норвежской части водопада Харефоссен. Шельберг обещал русским властям, что компания, получив согласие русской стороны, приложит все усилия, чтобы не повредить местному рыболовству, не вызвать загрязнения реки и не изменить уровень её воды. Русский консул обнадежил собеседников. По его мнению, возможные российско-норвежские переговоры не должны были встретить трудности, так как «... норвежские и российские интересы как выше, так и ниже водопада в отношении размещения гидроэлектростанции совпадают». Так передал Шельберг его взгляд Анкеру. Он добавил, что Россия, скорее всего, не выдвинет условий иных, кроме тех, какие уже предусмотрела сама Норвегия. Самое главное позаботиться, чтобы не пострадали интересы местного населения.

Норвежское Министерство сельского хозяйства в феврале 1906 г., письменно известило МИД Норвегии, что оно весьма заинтересовано в налаживании стабильной и прибыльной горнодобывающей деятельности. Было рекомендовано провести переговоры с российскими властями о предоставлении Анкеру права

²⁵ Ibid.

²⁶ *Morgenbladet* — осн. в 1819 г., норвежская газета, посвящённая вопросам политики, культуры и науки, длительное время была крупнейшей в стране по размеру тиража.

²⁷ *Morgenbladet*. 26.08.1903; *Vardø-Posten*. 06.09.1903; *Vardø-Posten*. 22.11.1903.

²⁸ Норв.: Truls Johannesen Wiel Graff — губернатор провинции Финнмарк (1896–1906).

²⁹ Визель Оскар Оскарович (1864–1918) — русский дипломат. С 1901 по 1911 г. императорский консул в Хаммерфесте.

³⁰ RA. 4991 P5: Gjenpart af Skrivelse fra Amtmanden i Finnmarkens Amt til Landbrugsdepartementets Expeditionschef af 5 September 1903.

использовать гидроэнергию водопада Харефоссен³¹. Таким образом, крупному бизнесу почти удалось инициировать переговоры между норвежскими и российскими властями о межправительственном соглашении. Известны стали и первоначальные планы компании. Они были масштабны. Хозяева намеревались ежегодно производить до 600 тыс. тонн окатышей. По замыслам инженеров рудник и шахту с обогатительной фабрикой должна была соединить железная дорога. Её планировалось электрифицировать.

Реализацию проекта осложнил коррупционный скандал. В норвежской прессе появились громкие публикации. Из них следовало, что Анкер и один из его помощников установили «сомнительные денежные связи» с губернатором Граффом. В результате официального расследования губернатор Финнмарка был признан виновным в получении денег от Анкера для продвижения дела. В том же году Граффа отстранили от должности.

Для самого Анкера «грязное дело» юридических последствий не имело. Однако ему пришлось покинуть пост руководителя компании. Таким образом, план применить воды реки Паз для производства электроэнергии оказался более сложным, чем ранее ожидали. Когда горная компания развернула добычу железной руды и производство окатышей, для выработки электроэнергии она вынужденно применяла парогенератор. Однако скоро руководители осознали, что решение использовать уголь в качестве источника электроэнергии коммерчески неэффективно. Производство обходилось слишком дорого. В условиях острой конкуренции на международном рынке этот фактор заметно снижал рентабельность³². В итоге норвежская компания продолжила искать способ получить доступ к эксплуатации энергоресурсов реки Паз. Об этом свидетельствуют архивные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве³³.

Министерство иностранных дел России последовательно поддерживало курс на упрочение дружественного сотрудничества с Норвегией. С другой стороны, оно было озабочено слабостью позиций в пограничных отношениях на Крайнем Севере. Особенно контрастной выглядела отсталость Мурмана на фоне экономических и культурных успехов Норвегии, роста населения Финнмарка. Трудно было пройти мимо многочисленных фактов промысловой активности норвежцев в пограничных районах, упадка поморской торговли, нарушений

³¹ RA. 4991 P5: Brev fra Landbruksdep til Udenrigs-dep, datert 24. feb. 1906. Ср. тж. документ: «Ang. spørgsmaalet om indgaaelse af overenskomst med Rusland om udnyttelse af vandkraften i Pasvikelven».

³² *Eriksen K. E.* En gruvebedrift til nytte og besvær // *Det hjemlige og det globale: Festskrift til Randi Rønning Balsvik*. Oslo, 2009. S. 320–335; *Fasting K.* Aktieselskabet Sydvaranger 1906–1956. Oslo; Kirkenes, 1956.

³³ РГИА (далее — Российский государственный исторический архив). Ф. 387. Оп. 28. Д. 672: документы Главного управления землеустройства и земледелия (и подведомственного ему Лесного департамента), донесения Архангельского губернатора и архивные документы переписки со 2-м, «Консульским», Департаментом российского МИД.

соседями суверенной русской территории. Среди тревожных фактов речь шла и о постепенном вытеснении православных лопарей Пазрецкого прихода с тоней на норвежском берегу, где они издавна вели традиционный сёмужий промысел. После пограничного разграничения 1826–1834 эта деятельность осуществлялась на правах сервитута³⁴. Перспектива полного вытеснения лопарей пазрецкого прихода и утраты сервитутной привилегии, закреплённой пограничной конвенцией 1826 г., заставляла российский МИД вести длительные переговоры властями Норвегии и с искомать взаимоприемлемое решение.

Достоинством общественности становились нередкие факты браконьерства норвежцев-зверопромышленников и рыбаков, в том числе, на архипелаге Новая Земля. Примером может служить инцидент 1909–1910 гг. Ассоциация норвежских промышленников публично поставила под сомнение суверенные права России на северный остров Новоземельского архипелага. Петербургу пришлось пригрозить отправить военный корабль для выдворения нарушителей. Современный норвежский историк Й. П. Нильсен считает эти факты серьёзным кризисом в двусторонних дипломатических отношениях³⁵. Конфликт был улажен, но осадок от неприятного инцидента остался. В Петербурге полагали, что норвежская хозяйственная экспансия при определенных условиях может спровоцировать на границе нежелательные территориальные споры, конфликты и претензии. Помимо материального ущерба, от подобных фактов страдал и престиж империи как великой державы.

На таком фоне появление в 1906 г. в пограничной провинции Финнмарк крупной горной компании, намеренной эксплуатировать энергию Пазреки, усилило беспокойство официального Петербурга. Об этом предупреждали МИД и императорские консулы в Финнмарке, а также Архангельский губернатор. Осведомлены в России были и о борьбе национального и иностранного капиталов за контроль над гидроресурсами, а также следили за политической дискуссией в стортинге во время принятия концессионных законов в 1906–1909 гг. В российском МИДе стал известен и коррупционный скандал губернатора Финнмарка с основателем компании «Сюдварангер».

Заметим, что проблема гидроэнергетики с конца XIX — начала XX вв. являлась актуальной и для России. Отечественная научно-техническая интеллигенция настойчиво старалась привлечь внимание правительства к задаче систематического изучения национальных гидроресурсов и их использования³⁶.

³⁴ Сервитут здесь — право православных саамов Пазрецкого прихода на весенне-летний сёмужий промысел, который был закреплён конвенциями о разграничении 1826 и протоколом 1834 гг.

³⁵ Нильсен Й. П. Новая Земля — «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева Региона. Тромсе, 1996. С. 4–18.

³⁶ Начиная с 1900 года, по инициативе Российской академии наук стали проводиться Всероссийские электротехнические съезды, где обсуждались не только электротехнические проблемы. См.: Бушуев В. План ГОЭЛРО: возрастное ограничение 100+ // Энергетическая политика. Общественно-деловой научный журнал. URL: <https://energypolicy.ru/v-bushuev-plan-goelro-vozhrastnoe-ogranichenie-100/energetika/2020/13/20/> (10.12.2022).

В публикациях съездов ученых, инженеров и архивных документах упомянута и река Паз, как объект возможного приложения российских капиталов.

В 1906 и 1907 гг. в адрес Архангельской губернской администрации и центральных ведомств (по Лесному департаменту) поступило несколько прошений об аренде «падунов» на реке Паз. Речь шла о сдаче в аренду двух самых близких к предприятию водопадов нижнего течения Паз реки. Во-первых, Заячьего (норв. Харефоссен), где российский и норвежский берега могли быть соединены плотиной. В отношении этого места норвежская компания планировала заключить межправительственное соглашение, чтобы возвести ГЭС и эксплуатировать её на правах аренды русской части «падуна». Во-вторых, Пазрецкого водопада близ церкви Святых Бориса и Глеба, где оба берега и сам «падуна» полностью принадлежали российской стороне.

В начале 1907 г. АО «Сюдварангер» направило в Петербург записку главного инженера компании Инге Виуля³⁷ о желании компании использовать энергию вод совместного водопада Заячий (норв. *Harefossen*) на реке Паз. Документ содержал описание проекта электростанции и предложение арендовать на долгосрочных условиях российскую половину водопада для строительства норвежцами гидроэлектростанции при горном предприятии.

Авторами заявок на Пазрецкий водопад стали подданные империи. Их заявки не случайно совпали с учреждением акционерной компании «Сюдварангер», основанной в январе 1906 г. Автором одной из них выступил инженер Иоганн (Юхан) Оскарович Кнудсен, сотрудник электротехнического предприятия в Ревеле. В документах российского МИДа его называли «полунорвежцем», так как он был сыном норвежского колониста и торговца Оскара Кнудсена. Спустя время выяснилась связь молодого Кнудсена с руководством компании АО «Сюдварангер».

«Полунорвежец» Иоганн (Юхан) Кнудсен через своего представителя Иоганна Беренса заявил о желании арендовать русский Пазрецкий водопад (норв. Скольтефоссен) на 99 лет за 150 руб. в год. Цель — производить и продавать электроэнергию как в Российскую империю, так и за границу. Кроме того, И. Кнудсен планировал арендовать участок земли в двух верстах от церкви Св. Бориса и Глеба³⁸. Можно предположить (это позднее подтвердилось), что руководство норвежской компании, действуя через Кнудсена, негласно планировало получить шанс использовать электроэнергию сразу двух упомянутых водопадов.

Архангельские губернские власти с подозрением относились к семейству Кнудсен. Они полагали, что Кнудсены намерены захватить площадки на реке Паз для получения прибыльной торговой монополии. Вскоре выяснилось, что Иоганн (Юхан) Кнудсен выступил не как самостоятельный предприниматель. Он служил интересам компании АО «Сюдварангер» и получил от нее денежные средства для

³⁷ Норв.: *Inge Thoresen Wiull* (1868–?)

³⁸ РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 7–8 об.

последующего строительства и снабжения электроэнергией именно этой норвежской компании.

Прошение на аренду поступило также от предпринимателя Шапошникова. Он был намерен основать лесопильный завод и нуждался в электроэнергии. Судя по документам МИДа, его «уполномоченным лицом» являлся «известный аферист финляндец Сирен». Ещё одним претендентом на аренду водопада у церкви Св. Бориса и Глеба стал И. И. Лунд — архангельский купец норвежского происхождения³⁹. За ним, по сведениям архангельской губернской администрации, «скрывается уже причинивший русской казне крупные убытки швед Лидбек».

По общему мнению чиновников МИДа и Архангельской администрации, подателями всех заявок на аренду водопада руководили спекулятивные мотивы. Они в согласии с Кнудсенom и между собой заключили негласный сговор для достижения права участия в конкурсных торгах. Иными словами, их целью стала манипуляция процедурой фактически фиктивного торгового конкурса.

Важно подчеркнуть, что принципиальные вопросы об использовании пограничной реки принимал не Лесной департамент и не Архангельская губернская власть. Решающее значение имела позиция, занимаемая российским МИДом. Руководители лесного ведомства и губернатор изъявляли со своей стороны готовность выполнить пожелания и распоряжения министерства. Так, из столицы Архангельскому губернатору поручили уточнить по местным источникам достоверность информации о претендентах на аренду. Предположение, что подача заявок имела целью лишь имитацию, звучало убедительно, поскольку по закону проводить торги на сдачу в аренду положено было лишь при наличии конкурса соискателей.

Однако способы обходить это требование закона были хорошо известны (не только в России) и связаны с распространенной практикой. «Невольно является мысль, комментирует автор, директор Второго (внутреннего) департамента МИД в письме Архангельскому губернатору, что эти лица конкуренты лишь для виду, чтобы дать возможность торгам состояться. На самом деле они составляют одну кампанию, во главе которой тот же младший Кнудсен, стремящийся захватить всю свободную землю по обоим берегам реки Пазы, дабы никого не пустить на это место и сосредоточить пограничную торговлю в своих руках»⁴⁰.

Резюмировал позицию МИДа на проблему аренды энергоресурсов реки Паз заместитель (товарищ) министра иностранных дел К. А. Губастов⁴¹. Об этом свидетельствует его переписка с руководителем Главного Управления землеустройства и земледелия. В письме от 17 марта 1907 г. было сказано: «Все усилия наших властей за последние годы были направлены к недопущению в этой пограничной полосе иностранцев. И аренда земли норвежцами знаменовала

³⁹ Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 526.

⁴⁰ РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 12–13 об. Письмо от 25.07.1906.

⁴¹ Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) русский дипломат, тайный советник, член Совета министров, товарищ министра иностранных дел в 1906–1908 гг.

бы собой отказ от попыток ограждения края от норвежского влияния и от закрепления его за Россией»⁴². Будучи одним из руководителей министерства, Губастов считал такое недопустимым. Что касается лиц, желающих арендовать пограничные участки, продолжал Губастов категорично, то «...отдача земли у Заячьего падуна (норв. Харефоссен), в 15-ти верстах от Борисоглебской церкви, иностранному акционерному обществу представляется совершенно нежелательной...»⁴³.

МИД рекомендовал руководителям ведомств Главного управления землеустройства и земледелия, Лесного департамента и Архангельской администрации те аргументы, на которые они могли сослаться, чтобы избежать прямого и грубого отказа норвежцам. К числу таких «мягких» оснований был отнесён основной: аренда в промышленных целях водной силы реки Паз могла привести к загрязнению водоема и, тем самым нанести чувствительный убыток лопарям (они традиционно ежегодно предлагали англичанам, любителям семужьего лова, в аренду береговые участки). В качестве дополнительных оснований были предложены следующие аргументы: возведение плотин предполагало создание помех традиционному сплаву леса, «закрытие волока, идущего по русскому берегу» и изменение уровня вод реки и условий её течения⁴⁴.

В министерской тактике «мягкого» и дипломатичного уклонения от разрешения норвежцам аренды Заячьего водопада должен был сыграть (и действительно сыграл) важную роль приглашённый эксперт. Поэтому выбор кандидатуры имел решающее значение. Им мог стать опытный инженер-гидротехник. Его рекомендация имела только совещательное значение. Однако научно-техническая репутация, компетентность, объективность и беспристрастие могли маскировать истинные мотивы уже предрешенного властью отрицательного решения. Экспертом следовало выбрать только «благонадежного» и безоговорочно лояльного правительству человека, способного выполнить поставленную деликатную задачу, и на «скромность» которого можно положиться.

Выбор чиновников пал на профессора, преподавателя провинциального Харьковского технологического института Василия Ивановича Альбицкого⁴⁵. Играло роль то обстоятельство, что он был связан с крайне правой монархической организацией «Союз Русского Народа»⁴⁶. В. И. Альбицкий не раз публично демонстрировал полную лояльность монарху и правительству, в связи с чем он был непопулярен не только в студенческой, но и в профессорской среде Харьковского

⁴² РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 11–11 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Альбицкий Василий Иванович (1850 — не ранее 1926) русский инженер-технолог и педагог, один из активистов «Союза русского народа», профессор Харьковского технологического института.

⁴⁶ Союз русского народа (СРН) — массовая черносотенная монархическая организация, действовавшая в Российской империи с 1905 по 1917 г. Программа и деятельность СРН базировались на монархических, националистических и антисемитских идеях, а также православном радикализме.

технологического института⁴⁷. Коллеги, либерально настроенная профессура, признавали В. И. Альбицкого, как специалиста, но осуждали как реакционера⁴⁸. В аудиториях политически активные студенты срывали лекции. Профессор со своей стороны жаловался и искал защиту у ректора и министерского начальства, но от своих взглядов не отступал⁴⁹.

В бурлящей политической обстановке революционного 1907 года профессор с готовностью откликнулся на предложение Лесного департамента лично обследовать нижнее течение реки Паз и дать заключение о её энергетическом потенциале. Перед ним поставили и другую задачу, связанную с первой — проанализировать и дать гидротехническую и экономическую оценку заявки норвежской компании «Сюдварангер» на аренду русской половины Заячьего водопада (норв. Харефоссен).

В августе 1907 г. В. И. Альбицкий прибыл в Архангельск и встречался с представителями губернской администрации. Затем на пароходе отплыл сторону границы, на реку Паз. Норвежские представители, судя по архивным норвежским документам, в это же время настойчиво искали встреч с ним. Однако профессор постарался их избежать, не отвечая на телеграммы. В течение августа 1907 г. Альбицкий провел осмотр, изучение и измерения реки, наблюдения водопадов, причем не только Заячьего, но и Пазрецкого. Время было выбрано удачно. Вода реки, по утверждению местных жителей, была отнесена «к средним летним водам».

В столице, как мы предполагаем, Альбицкий имел деликатные беседы в правительственных ведомствах. Были ли такие встречи проведены с чиновниками в Главном управлении землеустройстве и земледелия, в Лесном департаменте или в МИДе, мы точно не знаем. Нет документов, которые могли бы этот вопрос прояснить. Однако ввиду деликатной темы бесед, их, возможно, и не существует. В нашем распоряжении имеются косвенные аргументы. Опираются они, на зафиксированные участниками и подтвержденные архивными документами факты хода длительных переговоров. Подробное описание трехмесячного процесса переговоров дано и российской, и норвежской стороной. Таким образом, мы знаем весь ход и описанные в документах результаты конференции.

Подготовленное профессором Альбицким заключение принципиально важное и общее по характеру. Предложение норвежского акционерного общества «Сюдварангер», писал он, имеет стратегическое значение: «...в целях охраны русской государственности на далекой, но богатой окраине России нежелательно...

⁴⁷ Институт был открыт 15 сентября 1885 г. как практический технологический институт с двумя отделениями — механическим и химическим, на которые принималось всего 125 человек.

⁴⁸ *Альбицкий В. И.* Гидравлика. Лекции, чит. в Харьк. техн. ин-те [имп. Александра III] в 1901/1902 учеб. г. проф. В. И. Альбицким. Ч. 1. Харьков, 1902; *Он же.* Днепровские пороги и устройство судоходства на них. Харьков, 1904.

⁴⁹ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 9. Оп. 1. Д. 569. Копия. Докладная записка профессора Харьковского технологического института В. И. Альбицкого.

поскольку «при переходе водопадов в руки норвежцев к ним перейдёт вся экономическая сила. А вместе с сим, все русское, православное будет навсегда вытеснено с издревле русской земли»⁵⁰. Выраженный охранительный подход и взгляды профессора, по сути, совпадали с оценкой ситуации в русском МИДе. Возможно, это и были главные причины, которые обеспечили ему доверие начальства.

Кроме всего прочего, России, по мнению эксперта, экономически невыгодна и передача водопадов в аренду норвежской компании в полном объеме. В этом случае власть окажется лишена возможности удовлетворить потребности российских предпринимателей, когда они рано или поздно станут нуждаться в дешевой механической силе. В будущем, прозорливо считал профессор, это вполне возможно. Вместе с тем, по оценке Альбицкого, добыча на норвежской стороне реки железной руды позволяла предполагать возможность открытия рудных тел и на правой, российской стороне реки Паз.

В Записке, направленной компанией «Сюдварангер» русскому правительству, содержалось, между прочим, указание на возможность двум государствам полюбовно поделить речные водопады. Однако Альбицкий в своих замечаниях указал на их неравноценность. На базе собственных оценок норвежская компания, считал он, преуменьшила совокупную силу нижних водопадов (которые АО «Сюдварангер» планировала для себя), но преувеличила силу верхних, которые норвежская сторона предлагала русской стороне для эксплуатации⁵¹.

На этапе «конференции экспертов» к делу подключилась и «тяжелая артиллерия» — норвежская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге. Заняться проблемой аренды водопадов поручили её секретарю Карлу Педеру Ведель Ярлсбергу⁵². Ещё летом 1907 года он пытался выяснить в МИД России, чем был вызван первоначальный отказ Лесного департамента, возможно ли все-таки достигнуть соглашения и на каких условиях. В июне 1907 г. норвежский дипломат обратился к министру иностранных дел А. П. Извольскому⁵³. Он предложил сформировать по делу совместную норвежско-русскую комиссию («конференцию») экспертов⁵⁴.

Как мы знаем по архивным материалам, российский МИД определенное решение по поводу норвежской аренды водопада уже сформулировал. Оно было негативным (чего норвежцы заранее знать не могли), но поскольку прямой отказ российской стороны норвежским партнерам выглядел бы «недипломатично»,

⁵⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 285. Л. 26–29 об.

⁵¹ Там же.

⁵² *Karl Peder Herman Boguslaw Wedel Jarlsberg* (1845–1942) с 1906 по 1908 гг. секретарь норвежской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге (см.: *Illustrert biografisk leksikon*, Oslo, 1920. S. 936).

⁵³ Извольский Александр Петрович (1856–1919) русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906–1910 гг.

⁵⁴ RA. 4991 P5: Brev fra Den kongelige norske legasjon i St. Petersburg til UD 26.06.1907, с приложением: Den norske legasjonens note til den russiske utenriksminister Izvolskij, datert 25./12.06.1907.

то переговорный процесс все-таки состоялся. Он был организован в октябре — декабре 1907 г. в Петербурге. Это были встречи, заседания и дискуссии экспертов (делегатов конференции).

Процесс затруднялся тем, что Альбицкий не владел французским языком. Общение происходило через переводчиков. Норвежским партнером профессора Альбицкого стал приехавший в Петербург губернатор Финнмарка Урби. Профессор Альбицкий несколько раз приходил на заседания конференции экспертов в сопровождении Г. К. Мерчинга — профессора Института инженеров путей сообщения в Петербурге. Это должно было придать вескости русской переговорной позиции. В связи с этим и Урби попросил подкрепления для норвежской делегации. В ноябре в Санкт-Петербург прибыл для участия в переговорах вместе с губернатором Гуннар Сэтрен, бывший ранее руководителем норвежского Директората водотоков.

По ходу заседаний тактика ведения переговоров уточнялась. Призвана она была не допустить впечатления, что русские намерены помешать успеху норвежской компании. Дело в том, что использование «белого угля» на основе прогресса гидроэнергетики давало дополнительные импульсы развитию норвежской компании. Одновременно это обостряло проблему безопасности границы и глубокой отсталости Мурмана.

Нам представляется, что российская власть намеревалась применить тактику имитации взаимного делового интереса и готовности обсуждать и решать конкретные вопросы проекта соглашения. Партнеру демонстрировалась также готовность искать варианты компромиссов, если подходы сторон не совпадали. На самом деле российская сторона проводила курс на затягивание и затруднение процесса обсуждений. С этой целью норвежским партнерам или выдвигались коммерчески невыгодные условия и затягивались переговоры, или по ходу дискуссий предлагались новые предложения. По-видимому, такую переговорную тактику предварительно заранее обсуждали и вырабатывали в российском МИДе и Главном управлении землеустройства и земледелия.

Так, профессор Альбицкий предложил целый ряд избыточных требований: к высоте плотины, с тем, чтобы избыточная мощность (свыше 6500 лошадиных сил) была передана российской стороне; к рабочей силе (в период строительства половина рабочих должна была состоять из русских); к российскому контролю над строительными работами и водопотреблением на электростанции; к переходу построенных объектов в совместное владение после окончания срока действия договора. Так, Альбицкий предложил передать их (в том числе турбины АО «Сюдварангер» на норвежском берегу реки) норвежскому и российскому государствам в совместное владение после истечения срока действия соглашения, а затем обеспечить контракт на энергопотребление российской компании на такой же продолжительный период, как для АО «Сюдварангер».

Когда дискуссия коснулась вопроса о стоимости аренды водопада, Урби оказался глубоко шокирован предложением Альбицкого. Она превышала, по мнению норвежцев, всякий разумный и экономически обоснованный уровень. Русский эксперт запросил 35 рублей в год за одну лошадиную силу, что составило бы до полумиллиона норвежских крон в год при выработке 6500 л.с. Все это, как мы предполагаем, соответствовало избранной в Петербурге тактике переговоров.

В своем отчете Урби позже показал, что в качестве контраргумента и для сравнения он представил русскому делегату цифры норвежских водопадов. Этим он хотел наглядно показать, насколько необоснованным было предложение его визави. Однако, профессор стоял на своем. Он якобы готов был договориться о цене не менее 15 рублей за лошадиную силу, то есть 200 000 норвежских крон в год. «Это чистое безумие... Но Альбицкий стоит на своем с непоколебимым упорством. И потому, — писал Урби, — я пока оставил вопрос о цене». Он не видел возможности снизить цену с 200 000 до 8 000–10 000 крон, что являлось бы приемлемым для Норвегии.

Другим вопросом, где стороны не смогли достичь соглашения, стал вопрос о совместном владении зданиями и сооружениями на норвежской земле. Урби получил четкий и категоричный отказ от норвежского Министерства иностранных дел: «Совместное владение невозможно». Такой ответ был легко предсказуем. Он давал русскому делегату повод, вкупе с другими предложениями, представлять позицию противной стороны негибкой и переложить на нее ответственность за безрезультатность дискуссии.

С норвежской стороны стратегия переговоров была сформулирована в пространным письме Министерства сельского хозяйства в норвежское Министерство иностранных дел. Все претензии Альбицкого следовало отклонять на том основании, что они выходят за рамки мандата Урби. Переговоры должны вестись только о лицензии для компании АО «Сюдварангер».

Со своей стороны, Урби советовал МИДу Норвегии не допускать одностороннюю российскую инспекцию будущей ГЭС, поскольку это легко может вызвать подозрения и «стать политическим» вопросом. С этим согласился МИД в Кристиании. Инспекцию следовало проводить только совместно норвежской и русской сторонами. И лишь при ежегодных посещениях электростанции. Далее норвежский МИД поручил Урби заявить, что обсуждение вопроса о размере арендной платы станет предметом переговоров позже, на отдельной встрече.

К концу ноября 1907 года Урби и Альбицкий подготовили, наконец, проект соглашения. Однако Урби оказался при этом сильно раздражен негибкой позицией партнера, не готового к новым уступкам. Альбицкий повторял российские требования и упрямо не принимал во внимание возражений норвежского делегата. Больше всего губернатора Урби беспокоило российское предложение статуса будущего соглашения: «Похоже, что Альбицкий хочет придать соглашению бессрочный и типовой характер. Боюсь, что такое соглашение в будущем может

быть использовано для давления на Норвегию с целью сдать водопад в аренду российским подрядчикам. В любом случае дело приобретает совершенно другие размеры, если заключить договор с общими правилами и на неограниченный срок», — писал Урби в норвежский МИД. Оценка, данная Урби, кажется справедливой. Но именно затягивание переговоров, по нашему мнению, и отвечало в данном случае интересам российской стороны.

За несколько месяцев встреч и дискуссий решительного согласия делегатов не произошло. Русские ссылались на то, что в их ведомствах идут внутренние переговоры. Норвежский посланник Пребенсен попытался успокоить их и заверил Урби, что такова обычная российская процедура.

Профессор Альбицкий добросовестно и умело исполнил поставленную задачу в ходе почти трехмесячных переговоров, дискуссий и обмена мнений. Он предложил норвежскому коллеге подписать подробно разработанный проект двустороннего договора.

В канун рождественских каникул 1907 г. разочарованная норвежская делегация сослалась на отсутствие полномочий для подписания предлагаемого Альбицким проекта и вернулась «для консультаций» на родину. Заметим, что норвежские власти не отказались от цели. Они лишь терпеливо ждали подходящего момента, чтобы возобновить переговоры при новых, более удобных обстоятельствах.

В начале января 1908 г. газета «Норлис» (*Avisa Nordlys*) сообщила, что губернатор Урби вернулся из России, не достигнув каких-либо результатов. Весной 1908 г. для обеспечения энергоснабжения горного завода руководство компании приступило к строительству паровой электростанции мощностью 6000 лошадиных сил. Она работала на угле. В 1911 г. мощность паровой электростанции была увеличена вдвое с перспективой дальнейшего развития.

В ноябре 1911 г. Виуль, технический директор горнозаводского предприятия, выступил с лекцией в Ассоциации инженеров и архитекторов в Кристиании. Аудиторией было, как сообщала газета «Афтенпостен», «очень многочисленное и представительное собрание». Присутствовал король Хокон VII, его сопровождали секретарь кабинета министров Грёнвольд и адъютант капитан Братт. Виуль с гордостью и воодушевлением рассказал о новых контрактах компании и об использовании самых современных машин, «какие раньше можно было найти только в Америке». Население Киркенеса за четыре года увеличилось с 50 до 2000 человек. «Быстро росли и поселения вдоль реки Паз Для многих рабочих семей важно построить дом в том месте, где их дети со временем смогут получить полезную работу. Этот населенный пункт можно было бы увеличить, если улучшить коммуникации, особенно если проложить дорогу к пахотным землям вдоль реки Паз», объяснял Виуль. Он призвал молодежь, которую захватила волна заокеанской эмиграции: «Не ездите в Америку. <...> Заработок в епархии Тромсё, и особенно в Финнмарке, значительно превышает обычный заработок на юге [Норвегии. — В. К.]». Вместо того чтобы эмигрировать в неопределенное будущее в Америке,

норвежская молодежь должна понять, что в Северной Норвегии есть работа для тех, у кого есть сила и отвага.

Впрочем, компания, пришла к заключению, что её решение использовать парознергетическую установку оказалось с точки зрения экономической целесообразности и финансовой отдачи, гораздо менее эффективным, чем предполагали. Весной 1913 г. компания вернулась к вопросу об использовании водопада Харефоссен.

После многих лет строительства, рудник и обогатительная фабрика работали без перебоев. Предприятию удалось показать операционную прибыль. В апреле 1913 г. компания обратилась к губернатору Урби с просьбой разрешить провести некоторые гидротехнические измерения летом 1913 г. «для изучения участка реки Паз между водопадами Сколтефоссен [рус. Пазрецкий. — В. К.] и Харефоссен». Понадобилось уточнить сезонную динамику уровня вод, а также просить о том же архангельского губернатора на российской стороне реки.

Губернатор Урби вновь начал переговоры от имени АО «Сюдварангер». Ответ из Архангельска был получен только в конце июля. Он оказался негативным. Губернатор Бибилов не разрешил проведение норвежских измерений на территории России. Местная российская администрация демонстрировала откровенно негативное отношение к активности компании «Сюдварангер» на пограничной территории.

Тем не менее, руководство компании проявило собственную инициативу, которая привела к дипломатическому инциденту. Он стал поводом к неприятным объяснениям между министром иностранных дел Норвегии Н. К. Иленом и его российским коллегой. Суть заключалась в том, что в середине июля 1913 г. на российской стороне пограничной реки Паз был замечен норвежский инженер. Он проводил «замеры и устанавливал столбы». На запрос российского Посланника в Кристиании министр Н. К. Илен просил губернатора Урби дать пояснение. Урби вынужден был извиниться за инцидент. Он оправдывался тем, что молодой инженер действовал самостоятельно и директор компании уже сделал ему выговор. Позднее он объяснил норвежскому Министерству иностранных дел, что все случившееся на деле оказалось простым недоразумением. Норвежский инженер якобы вообще не был на территории России. Он и сам в тот момент считал, что проводит измерения только на норвежской стороне реки.

В ноябре 1913 г. история нашла отражение в газетных публикациях. Они свидетельствовали о внутренних политических противоречиях империи. Буржуазно-либеральные «Голос Москвы» и «Новое время» критиковали власть за попустительство нарушениям норвежцами границы, а последних обвинили в попытке с помощью грязной уловки занять ценный русский «падун» на пограничной реке. Норвегия, как информировал читателей «Голос Москвы», ранее уже предлагала неоправданно низкую сумму за годовую аренду водопада норвежской электростанцией. Россия от нее отказалась. Тогда соседи проложили себе путь через

лес на российском берегу реки и поместили норвежские флаги в груды камней. Флаги все ещё были на месте, и пока российские власти разбирались с нарушениями, писала газета, норвежские инженеры продолжали на российской стороне свои замеры.

Газета «Голос Москвы», орган думской партии «Союз 17 октября», использовала инцидент как повод для резкой критики. На забытом Севере происходят странные вещи, писала газета. Поэтому неудивительно, писали авторы, что Норвегия «голодными глазами» смотрит на российские районы у Варангер-фьорда. По мнению газеты, русские власти совершили преступление, когда ещё в 1826 году подписали пограничную конвенцию и отказались от богатых рыболовных угодий и больших лесных ресурсов на берегу Варангер-фьорда. Газета упрекала власть в том, что той не хватало дальновидности и воли вкладывать средства в российский приграничный район на Севере и тем самым предотвращать давление со стороны Норвегии. По несколько преувеличенным утверждениям публицистов, на берегу реки Паз имелись месторождения алмазов, а на российской стороне фьорда также другие металлы, такие, как медь, свинец, никель, серебро.

Влиятельная газета «Новое Время» писала, что норвежцы, желают выкупа сервитутных прав саамов на рыболовные угодья в устье реки Паз. И это следует расценить, как скрытую попытку расширить норвежскую границу на восток. Теперь они (норвежцы) якобы окончательно проявили себя, поставив флаги на территории России. По мнению газеты, доказательством того, что норвежцы вынашивают экспансионистские планы, было то, что они решили использовать не Харефоссен, который находится на норвежской территории (утверждение было неточным. — В. К.), а предпочитают вести переговоры о Пазрецьком падуне (Скольтефоссене).

Алармистские публикации сделали для норвежских властей вопрос о гидроэнергетике на реке Паз ещё более трудным, чем это было ранее. Не помогло и то, что норвежская компания в декабре направила в норвежское Министерство иностранных дел длинное письмо. В нем она разъясняла свою позицию и прилагала отчет молодого инженера. По данным компании, обследования проводились её сотрудником с согласия губернатора Финнмарка (т. е. на норвежском берегу реки). Причем в отчете компания доказывала, что норвежский инженер оставался все время на норвежской земле, между тем как некая группа российских официальных лиц пересекла границу без разрешения, появилась в палаточном городке норвежца. Сам он пояснил, что не ставил флаги и не вырубал леса на российской земле, ссылаясь при этом на сопровождавшего его опытного местного знакомого. К объяснению им была приложена карта. Она, как он считал, доказывала его правоту. За отчетом последовало новое письмо в норвежское министерство от компании. В нем доказывалось, что место для палаток инженера находилось на норвежской стороне в 3 км от границы.

После изучения документов в Географической службе Норвегии выяснилось, что между Норвегией и Россией, возможно, существовали разногласия

относительно того, где именно проходит граница между пограничными знаками 356 и 357. Это могло стать причиной противоречий в описаниях инцидента. Рассмотрение дела было возложено на норвежские министерства юстиции и полиции. Они заключили в феврале 1914 г., что протоколы границы должны быть повторно пересмотрены в сотрудничестве с российскими властями. Они же заключили, что инженер, независимо от того, были флаги установлены на территории России или нет, поступил неудачно. В связи с этим к России не должно быть никаких претензий.

Ни та, ни другая сторона явно не желали продолжения пограничного инцидента, попавшего в фокус внимания печати и общественности. Напряженность и ухудшение отношений были не в их интересах. Дипломатический инцидент считался исчерпанным. Критика российского правительства, заметим, была во многом справедливой, но в данном случае попытка представить норвежцев захватчиками не соответствовала ни объективной реальности, ни конкретной политической обстановке и интересам как самой России, так и соседней страны.

Летом 1914 г. началась мировая война. Цены на уголь быстро росли. Это повлекло за собой заметное падение рентабельности добычи железной руды на шахтах и рудниках компании «Сюдварангер». Проблема дешевой электроэнергии стала ещё более актуальной, чем ранее⁵⁵. Война сформировала новые экономические и политические предпосылки для положительной динамики отношений двух стран. Появилась реальная перспектива взаимовыгодного сотрудничества в вопросе эффективного использования энергоресурсов пограничной реки. Отрывалась новая страница в более чем 70-летней непростой истории рождения каскада ГЭС на реке Паз.

Список литературы

Бущуев, В. План ГОЭЛРО: возрастное ограничение 100+ / В. Бущуев // Энергетическая политика. Общественно-деловой научный журнал. — URL: <https://energypolicy.ru/v-bushuev-plan-goelro-vozrastnoe-ogranichenie-100/energetika/2020/13/20/>. — (10.12.2022).

Зайков, К. С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX — начала XXI века / К. С. Зайков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2018. — № 2. — С. 27–39.

Карелин, В. А. К ранней истории совместного освоения природных ресурсов стран Баренцева Евро-Арктического региона: проблема использования «водной силы» Паз-реки в российско-норвежских отношениях (начало XX в.) / В. А. Карелин // «Европейский Север: инновационное освоение морских ресурсов (образование — наука — производство)»: материалы междунар. науч.-практ. конф.,

⁵⁵ Eriksen K. E. En gruvebedrift til nytte og besvær. S. 323.

Мурманск, 13–18 марта 2013 г. / Мурман. гос. тех. ун-т. — Мурманск : Изд-во МГТУ, 2013. — С. 269–270.

Карелин, В. А. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века / В. А. Карелин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2016. — № 1. — С. 32–41.

Касиян, А. С. Норвегия / А. С. Касиян, В. А. Карелин // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны : [трехтомный коллективный труд / ответственный редактор: академик РАН А. О. Чубарьян]; Институт Всеобщей истории РАН. — Москва : Международные отношения, 2020. — Т. 3. Россия и нейтральные страны. — 392 с.

Нильсен, Й. П. Новая Земля — «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева Региона / Й. П. Нильсен / Тромсе : Университет г. Тромсе ; Музей г. Тромсе, 1996. — С. 4–18.

Нильсен, Й. П., Зайков, К. С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне / Й. П. Нильсен, К. С. Зайков // Арктика и Север. — 2012. — № 5. — URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/854/6.pdf>. — (19.09.2017).

Новикова, И. Н. «Между молотом и наковальней» : Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. — 488 с.

Овсянкин, Е. И. Архангельск купеческий / Е. И. Овсянкин. — Архангельск, 2000. — 525 с.

Попов, Г. П. Мурман : Очерки истории края XIX — нач. XX в. / Г. П. Попов, Р. А. Давыдов. — Екатеринбург : Ин-т эколог. пробл. Севера, 1999. — 220 с.

Похлебкин, В. В. Норвегия / В. В. Похлебкин. — Москва : Географгиз, 1957. — 80 с.

Рогинский, В. В. Конвенция 1826 года «О разграничении между Норвегией и Россией» как дипломатическая проблема / В. В. Рогинский // Вестник Баренц-Центра МПГУ. — Вып. 7. — 2008. — С. 25–30.

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах : перевод с норвежского / Р. А. Давыдов, К. С. Зайков, В. А. Карелин [и др.] ; под редакцией Й. П. Нильсена. — Москва : Весь мир, 2019. — 705 с.

Berg, R. Norway, Spitsbergen, and America, 1905–1920 / R. Berg // Diplomacy and Statecraft. — 2017. — Vol. 28, issue 1. — P. 20–38.

Berg, B. I. Christian August Anker / B. I. Berg // Norsk biografisk leksikon [Электронный ресурс]. — URL: https://nbl.snl.no/Christian_August_Anker. — (26.12.2022).

Dole, N. H. America in Spitsbergen : the romance of an Arctic coal-mine / N. H. Dole. — Boston : Marshall Jones co, 1922. — Vol. I–II.

Eriksen, K. E. En gruvebedrift til nytte og besvær / K. E. Eriksen // Det hjemlige og det globale : festskrift til Randi Rønning Balsvik. — Oslo : Akademisk Publiserings, 2009. — S. 320–335.

Fasting, K. Aktieselskabet Sydvaranger 1906–1956 / K. Fasting. — Oslo ; Kirkenes : [s. n.], 1956. — 108 s.

Lunde, A. Sør-Varangers historie / A. Lunde. — Kirkenes : Sør-Varanger kommune, 1979. — 887 s.

Roginsky, V. V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders / ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. — Moscow : Languages of Slavonic Culture, 2005. — P. 162–168.

ОРЕХОВА Екатерина Александровна / OREKHOVA Ekaterina

Государственное областное учреждение культуры «Мурманский областной краеведческий музей» / State Regional Cultural Institution 'Murmansk Museum of Local History'

Россия, Мурманск / Russia, Murmansk

orekhova51@gmail.com

**СТРОИТЕЛЬСТВО ПАЗСКИХ ГЭС В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТ
«ПОЛЯРНАЯ ПРАВДА» И «СОВЕТСКАЯ ПЕЧЕНГА» (1950–1970-е гг.)**

**CONSTRUCTION OF THE PAZ HYDROPOWER PLANTS IN
THE PUBLICATIONS OF THE NEWSPAPERS *POLLARNALA PRAVDA* AND
SOVETSKALA PECHENGA (1950–1970s)**

Abstract: In the 1950s–1970s, a cascade of hydroelectric power stations was built on the Paz river in the Pechenga district of the Murmansk region. Construction had a special feature — for almost twenty years on the border area it was carried out by Norwegian and Finnish firms and workers. Based on the materials of the regional newspapers *Sovetskaia Pechenga* and *Poliarnaia Pravda*, an analysis is made of the coverage of this process in the local press.

Ключевые слова / Keywords: Пазские ГЭС, Печенгский район, Мурманская область, советско-норвежские отношения, советско-финляндские отношения, международное сотрудничество / Paz hydroelectric power stations, Pechenga region, Murmansk region, Soviet-Norwegian relations, Soviet-Finnish relations, international cooperation

Строительство и эксплуатация каскада Пазских ГЭС является примером успешного многолетнего сотрудничества трёх пограничных стран — России, Норвегии и Финляндии. Первая станция будущего каскада, Янискоски, была построена еще во время Второй мировой войны. В 1950 г. она была введена в эксплуатацию после восстановительных работ, проведенных финской фирмой «Иматран Войма». В дальнейшем, практически без перерыва, вплоть до 1970 г., финские и норвежские фирмы «Иматран Войма» и «Норэлектро» построили для СССР на реке Паз еще четыре станции — Раякоски, Кайтакоски, Борисоглебская и Хевоскоски.

В 1950–1970-х гг. в Мурманской области продолжалось создание системы гидроэлектростанций, начавшееся еще в довоенный период. Как и другие достижения народного хозяйства, эти события освещались областной прессой. Однако строительство на реке Паз имело особую черту — в течение почти 20 лет на приграничной территории его вели иностранные фирмы и рабочие. Попытаемся выяснить, как это отразилось в местной печати. С этой целью были проанализированы газеты «Советская Печенга» и «Полярная правда»¹.

¹ Районная газета «Советская Печенга» выходила в посёлке Никель с 7 ноября 1946 г. «Полярная правда» — старейшая областная газета, первый номер вышел 23 февраля 1920 г.

Всего за 1949–1971 гг. было опубликовано материалов с упоминанием Пазских ГЭС: в «Советской Печенге» — 70, в «Полярной правде» — 56. Для советской региональной прессы было свойственно заимствовать информацию, связанную с международными отношениями, у центральных изданий. Фактически же таких публикаций не так много. Районная «Советская Печенга» в указанный период опубликовала всего шесть таких материалов. Это были статьи «Советской России» и «Полярной правды». В свою очередь, областная «Полярная правда» перепечатала 10 сообщений «Правды» и ТАСС. В основном, это были советско-норвежские и советско-финляндские коммюнике.

В 1949–1954 гг. об активно ведущемся строительстве ГЭС на реке Паз не упоминала ни районная «Советская Печенга», ни областная «Полярная правда». Ничего не сообщает об этом в обзорной статье «Энергетика Заполярья» от 19 февраля 1949 г. и главный инженер Кольской энергосистемы М. И. Зархи, принимавший непосредственное участие в проектировании и строительстве ГЭС Янискоски². При этом подробная информация о планировании и строительстве других ГЭС в регионе публиковалась регулярно³.

Только в январе 1955 г. в статье «Огромный рост» Н. Е. Колембет, управляющий Кольским энергетическим районным управлением, впервые упоминает о работе Пазского каскада ГЭС и ГЭС Раякоски⁴. Районная газета «Советская Печенга» впервые сообщила об их существовании летом 1956 г. в короткой заметке «На экскурсии». В ней рассказывалось о посещении комсомольцами автотранспортного цеха «одной из электростанций нашего района», правда, без указания названия и места⁵. Впрочем, судя по публикации от 14 сентября 1956 г., такие поездки проходили регулярно, и их целью была ГЭС Раякоски⁶.

Логично было бы предположить, что увеличение количества публикаций должны были быть связаны с началом строительства или вводом в строй новых ГЭС.

На 1955–1956 гг. приходится наибольшее количество публикаций, упоминающих строительство Пазских ГЭС в «Полярной правде» — по 7 в год. Однако половина из них была заимствована у «Правды» и ТАСС. При этом ход строительства и работа других ГЭС региона описывались регулярно, подробно и силами собственных корреспондентов⁷.

² Зархи М. Энергетика Заполярья // Полярная правда. 19 февраля 1949. № 34.

³ Например, Захаров П. Ускорить строительство Кицкой ГЭС // Полярная правда. 7 августа 1952. № 186.

⁴ Колембет Н. Огромный рост // Полярная правда. 15 января 1955. № 13.

⁵ Адаменко В. На экскурсии // Советская Печенга. 10 июня 1956. № 69.

⁶ Экскурсия на электростанцию // Советская Печенга. 14 сентября 1956. № 110.

⁷ У энергетиков Кольского полуострова // Полярная правда. 6 ноября 1955. № 264; Князегубская гидроэлектростанция накануне пуска // Полярная правда. 9 октября 1955. № 240; Перед пуском Князегубской ГЭС // Полярная правда. 13 октября 1955. № 243; Успехи заполярных энергетиков // Полярная правда. 23 декабря 1955. № 301.

Может сложиться впечатление, что редакции обеих газет избегали сообщений об иностранном участии в строительстве⁸. Действительно, вплоть до середины 1960-х гг. подобные сведения поступали, в основном, из центральных средств массовой информации — ТАСС, газет «Правда» и «Советская Россия». В них сообщали о контактах СССР, Норвегии и Финляндии по вопросам регулирования водного режима реки Паз, планах строительства там советских и норвежских ГЭС⁹. Ввод в строй ГЭС Кайтакоски в 1959 г. был упомянут дважды в «Советской Печенге» и трижды в «Полярной правде», при этом об участии иностранных специалистов в строительстве не сообщалось. Собственные публикации этого времени информировали читателей о партийной учебе, выполнении плановых заданий и обязательствах, участии в соревнованиях коллективов Пазских ГЭС¹⁰.

Однако если обратиться к периоду в целом, упоминания об иностранном участии в строительстве ГЭС были довольно частыми. Из 70 публикаций «Советской Печенги», оно отмечается в 30, из 59 публикаций «Полярной правды» — в 29 случаях.

В связи с запуском в 1964 г. Борисоглебской ГЭС значительно выросло количество публикаций о ней в «Советской Печенге» — их было 11. Очередной рост пришелся на период строительства ГЭС Хевоскоски в 1968 и 1970 гг. — 11 и 10 соответственно. При этом в половине случаев упоминались иностранные строители. Количество публикаций на эту тему в «Полярной правде» в 1957–1971 гг. не превышало трех–четырёх в год.

⁸ Голков И. Автоматизация и телемеханизация в системе Колэнерго // Полярная правда. 6 марта 1956. № 58; Колембет Н. Ярko горят огни электростанций // 7 марта 1956. № 59; Зафхи М. Энергетика Мурманской области и перспективы ее развития // Полярная правда. 14 августа 1956. № 191; Зафхи М. Настоящее и будущее энергетики Мурманской области // Полярная правда. 4 августа 1957. № 183; На решающих участках народного хозяйства области // Полярная правда. 5 июня 1958. № 130; На решающих участках народного хозяйства области // Полярная правда. 25 июня 1958. № 147; На решающих участках народного хозяйства области // Полярная правда. 16 декабря 1958. № 210.

⁹ К вопросу о регулировании водного режима озера Инари и реки Паатсо-Йоки // Полярная правда. 1 марта 1955. № 50 (ТАСС); О пуске гидроэлектростанции Раякоски // Полярная правда. 11 сентября 1955. № 216 (ТАСС); Советско-норвежское коммюнике // Полярная правда. 16 ноября 1955. № 271; Во имя дружбы и сотрудничества между народами Норвегии и СССР // Полярная правда. 19 ноября 1955. № 273 (Передовая «Правды» от 17 ноября 1955); Советско-норвежские связи // Полярная правда. 31 января 1956. № 26 (ТАСС); Постройка финской фирмой электростанции для Советского Союза // Полярная правда. 27 мая 1956. № 125 (ТАСС); О работе советско-норвежской комиссии по распределению прав на использование гидроресурсов пограничной реки Паатсо-Йоки (Пасвикэльв) // Полярная правда. 11 июня 1957. № 136; Гидроэлектростанции на реке Паатсо-Йоки // Полярная правда. 14 ноября 1957 (ТАСС); Тараданкин А. Будущее реки Паатсо-Йоки // Советская Печенга. 20 ноября 1957. № 129 («Советская Россия»); Подписание советско-норвежского соглашения об использовании гидроресурсов реки Паатсо-Йоки (Пасвикэльв) // Полярная правда. 19 декабря 1957. № 297; Пасвикэльв — река пограничная // Советская Печенга. 20 апреля 1960. № 47 («Советская Россия»); Там, где проходит граница. Пас — река сотрудничества и дружбы // Советская Печенга. 22 июля 1962. № 87 («Советская Россия» за 19 июля 1962).

¹⁰ У энергетиков Кольского полуострова // Полярная правда. 6 ноября 1955. № 264; Ершов Ф. Коммунисты каскада Пазских ГЭС снова за учебой // Советская Печенга. 8 октября 1958. № 119; На дальней электростанции // Советская Печенга. 8 июля 1959. № 79; Татьянкина Б. На Раякоской ГЭС // Советская Печенга. 5 ноября 1959. № 132;

Состав авторов и тем публикаций в двух газетах несколько различается. В «Полярной правде» из 17 известных по именам авторов шесть специальных корреспондентов, шесть работников энергетического комплекса, один научный сотрудник, три туриста, председатель областного совета по туризму и экскурсиям. «Советская Печенга» располагала несколько большим количеством авторов (20). Среди них — руководящий (1), инженерный (3) и партийный (3) состав каскада, собственные и специальные корреспонденты (4), жители Печенгского района. Отчасти это отразилось на тематике публикаций. Можно выделить шесть тем: состояние и перспективы развития энергетики, международное сотрудничество, участие энергетиков в общественной, партийной жизни и социалистических соревнованиях, строительство ГЭС, туризм, быт энергетиков. Областная газета уделяла больше внимания общим вопросам: перспективам развития энергетики (11), репортажам о строительстве ГЭС (10) и туризму (8). Районную газету интересовали темы общественной жизни (27) и быта энергетиков (11). Международное участие в строительстве освещалось, в целом, одинаково часто.

В 1949–1971 гг. на страницах «Полярной правды» руководители и специалисты энергетического комплекса Мурманской области регулярно знакомили читателей с общим положением дел в этой сфере. Среди авторов: М. И. Зархи — главный инженер Кольской энергосистемы, Н. Е. Колеmbет — управляющий Кольским энергетическим районным управлением, И. Голков — инженер Колэнерго, Ю. Копытов — главный энергетик производственно-технического отдела Мурманского совнархоза, К. К. Сараханов — председатель центральной комиссии Мурманского совнархоза по экономии электроэнергии. «Советская Печенга» за это же время опубликовала лишь статью главного инженера Борисоглебской ГЭС А. Василевского, посвящённую обзору энергетики Печенгского района¹¹.

Практически равным было количество публикаций, посвящённых международному сотрудничеству при строительстве ГЭС. Часть из них, как отмечалось выше, была заимствована, часть написана собственными корреспондентами обеих газет. Примечательны заголовки статей, которые должны были демонстрировать официальную трактовку совместной работы советских и иностранных строителей. В частности, подчеркиваются темы дружбы, сотрудничества, мира на пограничных территориях: «Борисоглебская ГЭС в строю. Хороший пример советско-норвежского сотрудничества», «Свет дружбы на реке Пас», «Пограничная река дружбы», «Плотина дружбы», «Паз — река дружбы», «Пасвикэльв — река пограничная», «Там, где проходит граница. Паз — река сотрудничества и дружбы», «Плотина соединяет две страны», «В совместном труде», «Стройка на границе», «По законам добрососедства». Авторы неоднократно подчеркивали высокий уровень взаимопонимания, существовавшего между строителями. Участие норвежских специалистов в создании ГЭС определялось как

¹¹ Василевский А. Наш район — энергетический // Советская Печенга. 22 апреля 1964. № 51.

«яркое свидетельство крепнущих добрососедских отношений между СССР и Норвегией», «вклад в дело мира», «дружбы между народами», «торжество ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем». Корреспонденты нередко обращались к истории Второй мировой войны и совместной борьбе советского и норвежского народа с общим врагом, подчеркивая преемственность их сотрудничества. Создавался положительный образ норвежских строителей как «трудолюбивых, деловитых и точных» работников. Традиционными для советской прессы и интересными для советского читателя были описания условий труда и зарплаты иностранных рабочих. Внештатный корреспондент «Советской Печенги» А. Сухвал в репортаже со строительства Борисоглебской ГЭС в апреле 1963 г. сообщал, что норвежцы неохотно идут на сокращение сроков строительства и строго придерживаются установленного графика — «ведь рабочие получают повременную оплату, поэтому им невыгодно спешить». Отмечалось, что для них работы на строительстве ГЭС были хорошим заработком, при этом каникулы — рождественские и пасхальные, норвежцам не оплачивались. В октябре 1969 г. на строительстве ГЭС Хевоскоски побывала корреспондент «Полярной правды» С. Попова. Норвежские строители рассказали ей, что «при десятичасовом рабочем дне (сюда включается и обеденный перерыв) рабочий получает от фирмы от двух с половиной до четырех тысяч крон в месяц. Правда, 38 процентов заработка съедают налоги». Читателям разъяснялись причины, по которым к строительству советских ГЭС были привлечены специалисты из Норвегии и Финляндии. Корреспондент «Полярной правды» В. С. Белоусов в августе 1970 г. писал: «На севере этих государств, как известно, очень плохая занятость людей. Тысячи простых норвежцев и финнов не могут найти работу у себя на родине. Учитывая это, Советское государство пошло навстречу нашим северным соседям, предоставив им возможность построить для нас на пограничной реке Паз каскад электростанций»¹².

Большой объём публикаций посвящён участию коллективов ГЭС в общественной и партийной жизни, социалистических соревнованиях. Здесь явный количественный перевес на стороне «Советской Печенги» — 27 против двух. Содержание статей в целом стандартно, как и их названия — «Успехи энергетиков», «Энергетики опережают время», «Голосуют энергетики», «Рапортуют энергетики»,

¹² Борисоглебская ГЭС в строю. Хороший пример советско-норвежского сотрудничества // Полярная правда. 20 ноября 1963. № 273; Свет дружбы на реке Пас // Полярная правда. 20 ноября 1963. № 273; Оленин А. Пограничная река дружбы // Полярная правда. 16 ноября 1967. № 270; Королев А. Плотина дружбы // Полярная правда. 29 ноября 1968. № 279; Попова С. Паз — река дружбы // Полярная правда. 2 ноября 1969. № 258; Белоусов В. Паз — река дружбы // Полярная правда. 27 августа 1970. № 200; Пасвикэльв — река пограничная // Советская Печенга. 20 апреля 1960. № 47; Там, где проходит граница. Паз — река сотрудничества и дружбы // Советская Печенга. 22 июля 1962. № 87; Деревцов А. Плотина соединяет две страны // Советская Печенга. 22 ноября 1963. № 141; В совместном труде // Советская Печенга. 22 ноября 1963. № 141; Сухвал А. Стройка на границе // Советская Печенга. 17 апреля 1963. № 47; Хлебников Т. По законам добрососедства // Советская Печенга. 14 августа 1971. № 97.

«У энергетиков Раякосской ГЭС», «У энергетиков Борисоглебской ГЭС»¹³. Примечательно, что в них тема международного сотрудничества не затрагивается вообще.

Интересна тема быта энергетиков, обслуживавших работу каскада, ведь вся инфраструктура их посёлков была построена по непривычным для советских граждан иностранным стандартам. Первой к этой теме в 1963 г. обратилась «Советская Печенга». Внештатный корреспондент газеты А. Сухвал посетил Борисоглебскую ГЭС и строящийся при ней посёлок. Он отметил удобства в оборудовании квартир — полки, рамы окон на вращающихся шарнирах, оборудование кухонь, электрическое отопление. Однако, пишет он, «кое с чем мы не могли согласиться. Почему, например, проход в одну из комнат сделан через кухню? По нашему мнению, есть ненужные излишества. Так, в подвале каждого дома установлен электробойлер»¹⁴. Эта публикация осталась самым подробным описанием новостройки. В дальнейшем авторы ограничивались указаниями на важные для советских читателей подробности — наличие полностью меблированных квартир, оборудованных школ, спортзалов, магазинов, медицинских пунктов и клубов, уют и благоустроенность новых посёлков при ГЭС¹⁵. Гораздо большее внимание уделялось иллюстрациям советского образа жизни — учебе, свадьбам, культурному досугу, работе сотрудников станций по благоустройству¹⁶.

Довольно часто поднималась тема туристических поездок и образовательных экскурсий, в маршруты которых входили ГЭС Раякоски и Борисоглебская. Первыми экскурсантами на них еще в 1950-х годах, очевидно, стали работники предприятий Печенгского района¹⁷. В 1960 — начале 1970-х гг. туристические поездки на северо-запад области с посещением Борисоглебской ГЭС стали популярны у трудящихся из других районов Мурманской области¹⁸. Так, в 1965 г.

¹³ Кондратьева Е. Успехи энергетиков // Советская Печенга. 8 января 1965. № 3; Большакова Е. Энергетики опережают время // Советская Печенга. 12 июня 1966. № 70; У энергетиков Раякоски // Советская Печенга. 19 августа 1960. № 99; Большакова Е. У энергетиков Борисоглебской ГЭС // Советская Печенга. 30 сентября 1964. № 119; Голосуют энергетики // Советская Печенга. 18 марта 1969. № 33; Сильченко Н. Рапортуют энергетики // Советская Печенга. 18 ноября 1971. № 137.

¹⁴ Сухвал А. Стройка на границе.

¹⁵ В поселке Борисоглебский // Советская Печенга. 8 апреля 1964. № 43; Кондратьева Е. Новый поселок энергетиков // Советская Печенга. 13 августа 1968. № 95; Еще один поселок // Советская Печенга. 21 ноября 1968. № 139; Новоселье энергетиков // Полярная правда. 27 ноября 1968. № 277.

¹⁶ Художники пришли на ГЭС // Полярная правда. 16 марта 1966. № 62; Кондратьева Е. Свадьбы в Раякоски // Советская Печенга. 20 августа 1968. № 98; Кацило Т. Наша школа // Советская Печенга. 28 декабря 1968. № 155–156; Буровина З. Отсюда шагают опоры ЛЭП // Советская Печенга. 20.12.1969. № 152; Панно посвящено энергетике // Советская Печенга. 22 декабря 1970. № 152; Они учатся в Раякоски // Советская Печенга. 2 октября 1971. № 118.

¹⁷ Адаменко В. На экскурсии // Советская Печенга. 10 июня 1956. № 69; Экскурсия на электростанцию // Советская Печенга. 14 сентября 1956. № 110

¹⁸ Шувалов А. Через горы, реки и долины... // Полярная правда. 8 июня 1965. № 134; Костеев А., Ванышкин Р. Экскурсия не порадовала // Полярная правда. 17 ноября 1970. № 269; Соловьев Е. Зовут

Мурманский областной совет профсоюзов организовал серию экскурсий для «молодых рабочих и работниц Заполярья». Первая группа экскурсантов — рабочих предприятий рыбной промышленности и строительных организаций, проехала по маршруту «река Западная Лица — Никель — Заполярный — Борисоглебская ГЭС»¹⁹. В том же 1965 г., в период действия безвизового режима для граждан Скандинавии и Финляндии, посещение Борисоглебской ГЭС предлагалось не только советским, но и иностранным туристам²⁰. Для жителей Печенгского района посещения ГЭС, очевидно, сочетались с отдыхом на природе. Так, в 1967 г. Печенгский райком профсоюза работников культуры предложил организовать экскурсию на ГЭС Раякоски. Кратко упомянув об интересном рассказе начальника гидротехнического цеха о принципе работы агрегатов станции, автор подробно описывает рыбалку на берегах реки Наутси, песни у костра, замечательную гостиницу и магазин посёлка энергетиков. Однако он не забывает отметить, что «поездка для всех была полезной, дала возможность ближе познакомиться с экономикой и перспективами развития Печенгского района»²¹. Учителя районных школ использовали возможность посещения ГЭС для учебных экскурсий²². В 1970-х гг. организацией поездок занимались Мурманский областной совет по туризму и Мурманское бюро путешествий и экскурсий²³. Впрочем, большой поток туристов отражался на качестве. Так, туристы из Мурманской области писали на страницах «Полярной правды»: «Неудачно проходит посещение комбината “Печенганикель” и Борисоглебской ГЭС. Одновременно прибывает несколько групп туристов, ни один экскурсовод не в состоянии одновременно интересно провести экскурсию с большим количеством людей. Мы засекали время: оказалось, на комбинате “Печенганикель” и Борисоглебской ГЭС мы были немногим более двух часов, остальное время прошло в дороге. Везде мы слышали: “быстрее-быстрее”»²⁴.

В целом, несмотря на большие объёмы строительства ГЭС и участие в нём значительного числа иностранных специалистов, они оказались слабо включёнными в жизнь района и области. Отчасти это было связано с отдалённостью строительных объектов и их естественной изоляцией. Это также вполне соответствовало желанию властей держать под контролем контакты граждан разных стран. Региональная пресса вплоть до 1955 г. сохраняла полное молчание об идущем с участием иностранных фирм строительстве на границе.

дороги туристские // Полярная правда. 29 января 1971. № 24; Лапто В. Интересная экскурсия // Полярная правда. 3 июля 1971. № 157; Бирюков В. Полезная экскурсия // Советская Печенга. 21 июня 1967. № 74; Зайцев Н. К берегам Паз // Советская Печенга. 28 мая 1971. № 64.

¹⁹ Шувалов А. Через горы, реки и долины... // Полярная правда. 8 июня 1965. № 134; С экскурсией по Заполярье // Полярная правда. 2 сентября 1965. № 207.

²⁰ Приглашаем зарубежных гостей // Полярная правда. 18 апреля 1965. № 92; Бройдо Е. Скандинавы едут в Борисоглебский... // Полярная правда. 29 июня 1965. № 151; Быстряков Н. Туристы в Борисоглебском // Полярная правда. 6 августа 1965. № 184;

²¹ Бирюков В. Полезная экскурсия.

²² Зайцев Н. К берегам Паз.

²³ Лапто В. Интересная экскурсия; Соловьев Е. Зовут дороги туристские.

²⁴ Костеев А., Ваняшкин Р. Экскурсия не порадовала.

Лишь с наступлением «оттепели», информация о Пазских ГЭС стала поступать к советскому читателю.

События в Финляндии и Норвегии регулярно освещались и «Полярной правдой», и «Советской Печенгой» в рассматриваемый нами период. Нередко они были связаны с критикой внешней политики, общественно-политического и экономического строя соседних стран. При этом репортажи о Пазских ГЭС, упоминавшие иностранное участие в их строительстве, всегда отличались благожелательным тоном, подчеркивали важность добрососедства и совместной работы народов-соседей. Подобный подход находился в русле советской идеологии, разделявшей политику правящих кругов капиталистических стран и отношение к СССР их жителей. Советские граждане убеждались в том, что народы мира поддерживает миролюбивые инициативы СССР, выступают за мир, дружбу и сотрудничество. Региональная пресса в лице областной газеты «Полярная правда» и районной «Советской Печенги» действовала в соответствии с этими ориентирами.

НОВИКОВА Ярослава Владимировна / NOVIKOVA Iaroslava

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

ya.novikova@inbox.ru

**ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА РОМАНА КАУКО РЁУХКЯ «МАГНИТ» КАК
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДЛЯ ВЫВОДА
ПОВЕСТВОВАНИЯ НА МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ**

**THE TWELFTH CHAPTER OF KAUKO RÖYHKÄ'S NOVEL *THE MAGNET*
AS AN OBLIGATORY STRUCTURAL ELEMENT FOR BRINGING THE
NARRATIVE TO THE METAPHYSICAL LEVEL**

Abstract: In the paper I state, that in the 12th chapter Röyhkä raises narration about life and death to metaphysical level. I present the literary means, by which Röyhkä rejects subjectivity typical for previous chapters. To achieve generalisation Röyhkä changes the main character from the artist to an average Finnish soldier, provides shifts of voices within the same character, emphasises nature as the place of sublime experiencing and creates allusions to classics of national and world literature. I point out compositional elements promoting generalisation of concepts of life and death. I defend the statement concerning raise of concepts of life and death to metaphysical level by implementing methods of compositional, poetical, textual and intertextual analysis. I discover that the novel can be divided into two parts. On the one side, there are chapters 1–11 and the 13th chapter telling about existential experiences of the artist feeling himself an outsider. On the other side, there is the 12th chapter, which focuses on metaphysical experience of a person participating in a war. I make a conclusion that the character of a Finnish soldier is necessary to generalise intensive life experience. It also helps Röyhkä to place the novel into the national and worldwide tradition of humanistic war literature. The study is of a current interest, because it presents the analysis of a literary work typologically belonging to high modernism but being exceptionally created in the era of postmodernism in 1987, thus becoming an unordinary artistic phenomenon. Modern authors, who rejected the philosophy of postmodernism, find themselves outside the core of literary process also in the age of the Fourth Industrial Revolution, which effects in marginalisation of their art revealing as unwillingness of big publishing houses to publish and literary agencies to sell literature of such authors. Marginalisation of non posthumanistic art deprives readers of access to literary works of this kind and decreases research demand among the academic community. This tendency endangers high modernistic literature in modern conditions, resulting in the fact, that highlighting and studying literary pieces, created as continuation of high modernistic tradition and thus presenting high, fundamental art, are currently needed. Along with the said above the conclusion in this paper is preceded by the chapter dealing with reception of Röyhkä's literary work in Finland in the 21st century. I explain Röyhkä's boundary location in the modern system of Finnish literature by the fact of hypothetical change of formation types of writers in the 2010s. The study is new, because the literary work by Röyhkä has been studied a little in Finland, and in Russia it is not studied at all, especially in the light of coexistence of modernistic and postpostmodernistic art traditions.

Ключевые слова / Keywords: Финская литература, военный роман, Кауко Рёухкя, солдат, метафизика, модернизм, постмодернизм, постпостмодернизм,

постгуманизм / finnish literature, war novel, Kauko Röyhkä, soldier, metaphysics, modernism, postmodernism, postpostmodernism, posthumanism

Введение

Не являясь автором бестселлеров¹, финский рок-музыкант и писатель Кауко Рёухкя (*Kauko Röyhkä*, р. 1959), тем не менее, вызывает интерес у общественности на протяжении сорока лет. Во втором десятилетии XXI в. его имя стало частью литературоведческого термина («трагедия Кауко Рёухкя»), а его дебютный роман *Tien laidalla Waterloo* (1980; «Ватерлоо на обочине дороги») был включен в список «101 книга», составленный финской государственной телерадиокомпанией YLE по случаю празднования Финляндией столетия независимости в 2017 г.² В 2009 г., в преддверии 30-летия с момента выхода в 1980 г. первой пластинки и первого романа Рёухкя, главная газета Финляндии, *Helsingin Sanomat*, посвятила артисту широкоформатную статью³. В 2019 г. телерадиокомпания YLE отметила факт 40-летнего юбилея первого концерта Рёухкя в статье, опубликованной в связи с очередным выпуском радиопрограммы *Kutsuvieras* («Приглашенный гость»), посвященным творчеству Рёухкя⁴. Литературное творчество Рёухкя рассмотрено или упоминается в признанных профессиональным сообществом литературоведческих антологиях под редакцией Юрьё Варпио (*Yrjö Varpio Suomen kirjallisuushistoria 1–3* (1999) и Мики Халлила и др. (*Mika Hallila et al. Suomen nykykirjallisuus 1–2* (2013), в краткой истории литературы Финляндии Леены Кирстиня (*Leena Kirstinä Kirjallisuutemme lyhyt historia* (2000) и в специализированных антологиях, например, в антологии истории литературы Северной Финляндии под редакцией Синикки Карлссон и др. (*Sinikka Carlsson et al. Pohjois-Suomen kirjallisuushistoria* (2010). Музыкальные альбомы Рёухкя *Maan voimaa* (1985; «Земля — это сила») и *Pikku enkeli* (1986; «Маленький ангел») были включены финским музыкальным журналом *Soundi* в список 50 лучших альбомов финской поп-музыки всех времен⁵, а совместный альбом с музыкантом Рикку Маттила *Kauko Röyhkä ja Riku Mattila* (2008) — в список ста лучших альбомов двух первых десятилетий XXI в. по версии того же издания⁶. Музыкальный критик газеты *Helsingin Sanomat* Веса Сирен (*Vesa Sirén*) включил

¹ См., напр.: *Parhi K. Röyhkä* // Kaltio. 2002. № 3. URL: <http://www.kaltio.fi/vanhat/indexa684.html?54> (04.07.2020).

² Новикова Я. В. Сюрреализм в исповедальном романе Кауко Рёухкя «Бредущий в чащу» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 236—237. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/1_830_2020.pdf (21.06.2020).

³ *Sirén V. Röyhkä heijastaa kahta valoa* // Helsingin Sanomat. 08.03.2009. URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000004637640.html> (04.07.2020).

⁴ *Blomqvist K. Muusikko ja kirjailija Kauko Röyhkä: Nuoren pojan taivas on sininen ja korkea* // YLE [Электронный ресурс]. 24.07.2019. URL: <https://yle.fi/aihe/artikkeli/2019/07/24/muusikko-ja-kirjailija-kauko-royhka-nuoren-pojan-taivas-on-sininen-ja-korkea> (04.07.2020).

⁵ Yleistä keskustelua musiikista // Muusikoiden.net [Электронный ресурс]. URL: <https://muusikoiden.net/keskustelu/posts.php?c=1&t=176314&o=0> (25.10.2022).

⁶ Musiikkitoimittajat valitsivat: katso lista sadasta 2000-luvun parhaasta suomalaisesta levystä // Soundi [Электронный ресурс]. URL: <https://www.soundi.fi/jutut/2000-luvun-parhaat/> (25.10.2022).

композицию Рёухкя *Onnenpäivä* (1983; «Счастливый день») в свой список песен года с 1977 по 2017 гг.⁷ Будучи признанной частью национальной рок-культуры, артист становится частью финской культуры вообще⁸. Так, в 2009 г. Рёухкя была присуждена государственная премия в области искусства (*Taiteen valtionpalkinto 2009*) за заслуги в музыкальной и литературной сферах.

По собственному признанию, Рёухкя не является тенденциозным писателем⁹ и бизнес его никогда не интересовал¹⁰: например, создать свой аккаунт в социальной сети в маркетинговых целях по просьбе своего издательства *Like* в 2011 г. он согласился сначала без энтузиазма¹¹. К определениям себя как «музыканта, писателя и артиста» Рёухкя еще добавляет эпитет «мошенник, которому слишком повезло выбиться»¹² и отмечает, что, поскольку институту литературы Финляндии не удалось классифицировать его творчество и поместить его в какие-либо рамки, у многих в обществе существуют трудности с отношением к Рёухкя как к художнику¹³.

Творчество Рёухкя посвящено в основном темам искусства, сексуальности и природы¹⁴. В качестве литературных кумиров Рёухкя, повлиявших на его творчество, финские литературоведы и сам автор отмечают Генри Миллера¹⁵, Чарльза Буковски¹⁶ и американских битников, в частности сюрреалиста Уильяма Берроуза¹⁷.

Согласно античной философии, общая, метафизическая сущность вещей первостепенна по отношению к их конкретным реализациям¹⁸. Мы представим первый военный роман Рёухкя *Magneetti* (1987; далее — «Магнит») как наднациональное и вневременное произведение и рассмотрим поэтику воспроизведения метафизики жизни и смерти в его 12-й, предпоследней, главе. Роман стал четвертым произведением в литературном творчестве на тот момент 28-летнего Рёухкя. Сегодня библиография произведений 63-летнего автора насчитывает 18 романов, пять из которых — военные. Творчество Рёухкя не переведено на иностранные языки, за исключением романа *Kaksi aurinkoa* (1996; далее —

⁷ *Sirén V.* Tää menee näin: Vuoden biisit 1977–2017. Helsinki, 2017.

⁸ *Saaristo K.* Sittenkin vain rock 'n' rollia? // Hyvää pahaa rock 'n' roll. Sosiologisia kirjoituksia rockista ja rockkulttuurista. Helsinki, 2003. S. 7—18.

⁹ Kauko Röyhkä Lapin sodassa // YLE [Электронный ресурс]. URL: <https://areena.yle.fi/1-4492936> (19.06.2020). Мин. 18:48–18:51.

¹⁰ Kauko Röyhkä. Virallinen / Ed. O. Välimaa. Helsinki, 2014. S. 40.

¹¹ Ibid. S. 8.

¹² DJ-vieras Kauko Röyhkä kertoo elämäkerrastaan — vahva mielenkiinto alkuaikojen muisteluun // Supla [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supla.fi/audio/3474698> (04.07.2020). Мин. 00:05–00:13.

¹³ *Parhi K.* Röyhkä // Kaltio. 2002. №3. URL: <http://www.kaltio.fi/vanhat/indexa684.html?54> (04.07.2020).

¹⁴ Kauko Röyhkä — herääminen luontoon, musiikkiin, seksiin // YLE [Электронный ресурс]. URL: <https://areena.yle.fi/audio/1-50193578> (19.06.2020).

¹⁵ Tuotannon linjat // Oulun kaupunki [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ouka.fi/oulu/pohjoista-kirjallisuutta/royhka-tuotannon-linjat> (20.06.2020); Kauko Röyhkä. Virallinen. S. 8, 18.

¹⁶ Kauko Röyhkä. Virallinen. S. 8, 18.

¹⁷ Tuotannon linjat.

¹⁸ *Steinby L.* Kirjallisuus ja kirjallisuudentutkimus // Johdatus kirjallisuusanalyysiin / Toim. L. Steinby, A. Mäkilä. Helsinki, 2013. S. 51.

«Два солнца», вышел на латышском языке в 2005 г.)¹⁹ и мало изучено. Исследования уровня магистерских диссертаций в Финляндии сосредоточены в основном на рок-лирике Рёухья: например, исследования Йоханны Вестерсунд²⁰, Кати Нойонен²¹, Нины Кивинен²², Микко Пёнтюса²³. Самое успешное литературное произведение автора на сегодняшний момент — военный роман-прорыв «Два солнца»²⁴, номинировавшийся на получение главной национальной литературной премии Finlandia в 1996 г., проанализирован, в частности, в магистерских исследованиях Маарит Пакаринен²⁵ и Йенни Турунен²⁶.

Метафизическая природа литературных текстов Рёухья сближает их с творчеством представителей высокого модернизма: в плане формы — с полотнами Джорджо де Кирико (1888–1978) как родоначальника метафизической школы в живописи и вдохновителя сюрреалистов и в плане содержания — с литературными произведениями Альбера Камю, Эрнеста Хемингуэя, Генри Миллера, Джеймса Олдриджа и битников. Будучи сплавленным вместе, этот культурный материал делает из Рёухья финского Эдварда Хоппера (1882–1967), но уже от литературы — «мечтателя без иллюзий», утверждавшего, что «великое искусство — это видимое отражение внутренней жизни художника, которая формирует его видение мира. Сколько бы ни изобреталось техник, даже самых изощренных, они не могут подменить собой главного качества — воображения. <...> Внутренний мир человека огромен и разнообразен, его невозможно передать лишь выбором цвета, формы и рисунка»²⁷ — мысль, проходящая сквозь все творчество Рёухья и составляющая идею и смысл его искусства в целом.

Таким образом, Рёухья является продолжателем в Финляндии традиции классической гуманистической мировой культуры, что выделяет его на общем фоне активно издаваемой, в том числе и в Финляндии, техноориентированной литературы, объединяемой понятием и парадигмой искусственного интеллекта и

¹⁹ Suomen kirjallisuuden käännökset // Suomen Kirjallisuuden Seura [Электронный ресурс]. URL: <http://dbgw.finlit.fi/kaannokset/lista.php?order=author&asc=1&lang=FIN> (04.11.2022).

²⁰ Westersund J. “Talo meren rannalla”: Näkökulmia Kauko Röyhkän rocklyriikkaan. Joensuu, 1993.

²¹ Nojonen K. Epämääräisyyskohdat Kauko Röyhkän musiikkiteksteissä: Musiikin vaikutus merkityksen muodostumiseen sanojen ja musiikin ryhmittelyn törmäyskohtien avulla tarkasteltuna: Pro gradu tutkielma. Jyväskylä, 1996.

²² Kivinen N. “Mahdatko olla niin outo ja olenko minäkään?»: Identiteetin ongelma Kauko Röyhkän rocklyriikassa: Pro gradu tutkielma. Jyväskylä, 2001.

²³ Pöntys M. “Olen paha ja voimakas, kestän kyllä olla yksin”: Lyyrin minä Kauko Röyhkän rocklyriikassa. Helsinki, 2001.

²⁴ Mäkijärvi E. Provokatiivinen Kauko Röyhkä sopii huonosti yliherkälle 2010-luvulle — Nyt hän palaa leipälajinsa pariin, ja se toimii genressään // Demokraatti. 24.09.2018. URL: <https://demokraatti.fi/provokatiivinen-kauko-royhka-sopii-huonosti-yliherkalle-2010-luvulle-nyt-han-palaa-leipalajinsa-pariin-ja-se-toimii-genressaan> (20.06.2020).

²⁵ Pakarinen M. “Isokuovin huuto ja mätänevien ruumiiden löyhkä tyynenä kesäiltana”: Matala ja korkea, sota ja taide Kauko Röyhkän romaanissa Kaksi aurinkoa: Pro gradu tutkielma. Oulu, 2002.

²⁶ Turunen J. Sota viihdytysjoukoissa: Ironia ja parodia sota- ja taiteilijakuvauksessa Kauko Röyhkän romaanissa Kaksi aurinkoa. Helsinki, 2003.

²⁷ Отманже А. Эдвард Хопер: Мечтатель без иллюзий. М., 2020. (см. текст на внутренней части первой стороны).

входящей в ядро национального литературного процесса также и в этой стране²⁸. Литература, воспевающая человека, его воображение, чувства и интеллект, существует параллельно постгуманистической литературе, однако, в силу вытеснения ею себя на маргиналии литературного процесса и в сферу т. н. артхауса, гуманистическая модернистская литература становится менее заметной читателю и, не будучи канонизированной издателями и критиками, менее интересной для исследователей, оставаясь при этом объективно ценной и требующей поэтому сохранения и изучения.

Роман «Магнит»

В романе повествуется о службе 18-летнего Мартти на фронте Лапландской войны 1944–1945 гг., в ходе которой финская армия изгоняла со своей территории нацистские войска. Главный герой — молодой офицер из Оулу, северного и в те времена провинциального города на побережье Ботнического залива, родного города самого автора. Мартти мечтает о реализации своего творческого потенциала и чувствует себя посторонним в своей собственной и, как ему кажется, отсталой стране. На протяжении 11 глав читатель видит действительность глазами Мартти. Субъективность повествования подчеркивается характером деталей и ситуаций, выбранных для описания, и наличием большого количества несобственно-прямой речи. Так, сны, запахи, детские воспоминания, символические образы (напр., замеченный во время велосипедной прогулки рояль на свалке), рассуждения Мартти об отечестве, творчестве и любви создают в первых главах романа, предшествующих описанию переброски войск на фронт и изображению собственно военных событий, атмосферу неудовлетворенности, неуспокоенности и тревоги, фокусируя внимание читателя на внутреннем мире художника Мартти.

12-я глава примечательна тем, что главным героем в ней является не Мартти, а его сослуживец Эса. В этой предпоследней главе романа, в которой завершается повествование о войне, происходит смена фокуса с субъективного на общечеловеческий: читатель видит войну через описание событий, происходящих с Эсой — собирательным образом финского солдата.

Эса появляется уже в первой главе романа. Он друг и ровесник Мартти, родом из Южной Финляндии. Они познакомились в школе младшего офицерского состава и вместе перешли в пехотный полк, откомандированный в Оулу ожидать переброски в Лапландию. Примечательно, что у Эсы, в отличие от Мартти, есть фамилия — Эрля (Erälä), т. е. «некий, отдельный», другими словами, типичский

²⁸ Об антиутопии как центральном направлении в современной мировой литературе и аудиовизуальных медиа, см., напр., Synkistivät tulevaisuudenkuvat: Dystooppinen fiktio nykykirjallisuudessa // Tampereen yliopisto [Электронный ресурс]. URL: <https://projects.tuni.fi/dystopiaprojekti/esittely/> (03.11.2022); о фэнтези, научной фантастике, триллере, хорроре и спекулятивной фантастике как репрезентативных жанрах детской и юношеской литературы см., напр.: Heikkinen S. Genret lasten ja nuorten kirjallisuudessa: Tarkastelussa Helsingin kaupunginkirjaston englanninkielinen kokoelma: Opinnäytetyö (AMK). Turku, 2019. URL: <https://www.theseus.fi/handle/10024/266904> (27.12.2022).

персонаж, среднестатистический финн. Эса — противоположность Мартти: он реалист, хочет заслужить на фронте военную награду и интересуется больше девушками и алкоголем, чем велосипедными прогулками по побережью Ботнического залива. Мартти дает следующую характеристику своему другу:

Маленький, молчаливый, такой странный альбинос, похожий на члена экспедиции Нансена. <...> Незаметный парень, немного спортивный, немного такой, немного сякой, но, в общем, ничего особенного. Возможно, как раз у таких немного незаметных дела и идут лучше, чем у остальных²⁹.

В шестой главе взводы Мартти и Эсы после высадки в Лапландии расходятся, и Эса больше не появляется в романе вплоть до 12-й главы, которая посвящена целиком этому герою. Мартти в 12-й главе не упоминается ни разу.

Сцена в окопе

Глава начинается со сцены в окопе. Рёухкя относится к поколению, представители которого не принимали участия в войнах. Детство этого поколения также не пришлось на военные годы. В армии Рёухкя тоже не служил вследствие непрохождения психиатрической комиссии³⁰. Как описать войну, если сам ее не испытал — вопрос, актуальный для финских авторов, пишущих на темы Зимней войны, войны-продолжения и Лапландской войны в особенности начиная с 1980-х гг. И это при том, что «на Восточном фронте без перемен», как пишут финские литературные критики, имея ввиду стабильную популярность военной литературы на книжном рынке Финляндии³¹.

Традиционно в западной литературе, начиная с Первой мировой войны, военный роман, конкретно изображающий процесс изменения мира и имеющий неразрывную связь с действительностью, стремился поведать читателю об ужасах войны и передать тотальный шок, трагичность и разочарование в происходящем³². Одновременно военный нарратив превратился в пессимистичную модель непредсказуемости и кризисной сущности современной жизни³³. Иммерсивность достигалась за счет реалистичного описания происходящего: особенности речи (например, предпочтение форм настоящего времени), звуки, визуальные образы, запахи, болевые ощущения служили максимальному вовлечению читателя в изображаемый мир. При этом каждая новая литературная школа, в очередной раз пересматривая критерии реализма, стремилась отмежеваться от предшествующего поколения³⁴. Однако поскольку, по мнению финского литературоведа Маркку Сойккели, отдельный человек на фронте не в состоянии ни понять, ни охватить все

²⁹ Røyhkö K. Magneetti. Espoo, 1987. S. 40–41. Здесь и далее перевод фрагментов художественных произведений осуществлен автором статьи.

³⁰ Kauko Røyhkö. Virallinen. S. 52–53.

³¹ Kettunen N. Itärintamalta ei mitään uutta // Teema. 2016. № 5. S. 40–42.

³² Niemi J. Kirjallinen elämä. Kirjallisuuden yhteiskuntasuhteiden kartoitusta. Helsinki, 2000. S. 46–47.

³³ Soikkeli M. Sota ja sodan kuvat // Parnasso. 2019. № 6–7. S. 31.

³⁴ Ibid. S. 30–31.

происходящее, даже признанные наиболее аутентичными военные нарративы вынуждены опираться на более ранние рассказы о войне, будь то «На Западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка, «Илиада» Гомера, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Неизвестный солдат» Вейнэ Линна или весь опыт национальной и мировой военной прозы³⁵. Как в таком случае избежать шаблонности описания, свойственной жанру в его массовом проявлении³⁶? Удачно подобранная художественная форма, усиливая эстетическое переживание, одновременно и выделяет произведение в ряду подобных, и делает его типовым.

Такой художественной формой в начале 12-й главы романа «Магнит» становится модернистский прием замедленной съемки, стремящийся остановить мгновение и запечатлеть встречу человека со смертью. В окопе Эса наблюдает за направленным прямо на него дулом вражеской пушки и размышляет о том, возможно ли осознать выстрел прежде, чем снаряд снесет голову:

Времени, может быть, всего тысячная доля секунды, но, возможно, в такой важный момент время останавливается: снаряд приближается медленно, можно видеть, как он медленно вылетает из пушки, приближается и увеличивается, мозг понимает ситуацию, да вот только тело застыло и не слушается приказов, снаряд увеличивается и увеличивается, его можно видеть прямо перед собой как несущийся на тебя поезд, наконец он прямо перед лицом, огромный, горячий, остроконечный, и он начинает очень медленно отдирать голову, одновременно превращаясь в груды огня и осколков. Обжигающий жар, боль... продлится ли она так же долго, как приближение снаряда к цели?³⁷

Стремящееся к объективному описанию войны повествование начинается в романе только в 12-й главе: до этого читатель наблюдал за происходящим с позиций Мартти, ощущающего себя под колпаком и видящего сюрреалистические образы. Обилие несобственно-прямой речи способствовало концентрации внимания читателя на внутреннем мире героя-мечтателя. В предпоследней главе автор дистанцируется от субъективности, делая главным героем Эсу, символизирующего всю Финляндию, т. е. какого-угодно финна или шире — какого-угодно человека. В романе повествование выведено из сознания Эсы, а сам герой помещен в заданную, не зависящую от него объективную реальность в отличие от Мартти, реальность которого читатель наблюдает сквозь призму его же сознания. Кроме того, Мартти — образ, в котором в книге живет сам автор, т. е. этот образ является конкретным, персонализированным субъектом, транслирующим мысли автора, тогда как Эса описывается как объект, наблюдаемый со стороны и в начале романа находящийся в тени Мартти. Тем интереснее видеть, как в сцене в окопе Эса превращается в символ человека на войне вообще или в хор тысяч солдат, погибших или оставшихся в живых. Он становится по-новому обособленным от автора, потому что он теперь

³⁵ Ibid. S. 30.

³⁶ Ibid. S. 31.

³⁷ *Röyhkä K. Magneetti*. S. 154.

шире самого автора и Мартти тоже. Автор накладывает на образ этого героя свои же, неожиданные для этого образа в предыдущих главах метафизические рассуждения о приближающемся снаряде, т. е. о встрече со смертью, оформленные как так же несвойственная этому герою в остальных главах несобственно-прямая речь. Также реакция Эсы на повреждение руки, которую он, лежа на спине и смотря в черное от дыма небо, прижимает к себе, словно мать ребенка, обнаруживает героя в состоянии экзистенциальной отрешенности человека, который не хочет умирать и не понимает, почему он страдает:

От каменного забора медленно отрывается булыжник, чье движение Эса видит почти так же, как воображенное им движение снаряда из пушечного дула. Он даже усмехается такому булыжнику, но больше не смеется после того, как тот падает прямо на его *мягкую ладонь*. <...> *Его рука, его бедное дитячко безжизненно после случившегося несчастья, ужасно, ужасно...*³⁸

Открытие образа Эсы заново как человека в абстрактном смысле этого слова выводит повествование о войне на метафизический уровень и уже само по себе является катартическим. Контрастный выход из сцены в окопе, когда Эса после взрыва и ушиба руки, отвечая на вопрос сослуживца о самочувствии, говорит: «Я... [пауза. — Я. Н.] не ранен»³⁹ — и поднимается для перехода в контратаку, усиливает эффект генерализации образа, символизирующего нескончаемый поток солдат, погибающих и сменяемых новыми. После этой сцены герой Эсы возвращается в свое характерное состояние: его мысли и короткие фразы контрастируют в своей незамысловатости со стилем окружающего текста. Рёухка переходит в изображении от солдата к окружающей его среде.

Природа

В отличие от преимущественно городской литературной традиции западных стран, финская литература черпает из народных и аграрных источников. Объяснением этому служит тот факт, что финская культура в своей литературной форме возникла из романтической системы ценностей⁴⁰ — национальная литература Финляндии начала оформляться в эпоху романтизма. Как пишет финский литературовед Юхани Ниеми, «финская литература в принципе всегда лучше чувствовала себя в лесу, чем в городе, и выбирала природу вместо культуры»⁴¹. В финской военной литературе лес воспринимается как друг, защитник и убежище финского солдата, для которого природа — дом⁴².

³⁸ Ibid. S. 155. Здесь и далее курсивом в примерах выделена несобственно-прямая речь, принадлежащая собственно герою Эсе.

³⁹ Ibid. S. 156.

⁴⁰ Niemi J. Kirjallinen elämä. S. 52.

⁴¹ Ibid. Перевод наш.

⁴² Lassila P. Kirjallisuus sodassa ja kulttuuritaistelussa // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin. Helsinki, 1999. S. 27.

В эпизоде, описывающем контрастную встречу финской армии на немецкие войска, читатель видит сцену, которую можно считать квинтэссенцией всего предыдущего опыта финской военной литературы, эстетически переосмысленного Рёухкя в духе контркультурных установок 1980-х гг. Эса вбегает в лес и отрывается от своих:

Заросли начинают редеть, свет поступает свободнее, и сквозь ветки показывается небольшая прогалина, в центре которой стоит безлистная ива. Почти из-под его ног поднимаются две темные спины... «Лось и лосенок», — думает он и инстинктивно укладывает одного на землю. По ремням, идущим в виде буквы Y, и по более темному сукну он узнает немецкую спину. Теперь это мертвая спина. *Дурак, лучше бы сидел в укрытии.* Но немцам в лесу некомфортно⁴³.

Второго немца Эса убивает ручной гранатой:

Немец лежит прямо, руки по швам. Осколки разорвали ему спину и затылок. <...> На лице лейтенанта очень красивое выражение страждущего мученика. «Мужик, похоже, умный», — решает Эса и срезает с убитого знаки отличия и нашивки альпийского егеря. Забирает его оружие и бумажник, в котором сразу обнаруживает вырезанную из газеты и аккуратно сложенную фотографию голый женщины, *такая светловолосая африканская баба*, прическа модно закручена спереди, показывает свою остроконечную грудь и бритые подмышки. Представление Эсы о покойнике как об умном человеке терпит крах. Отвратительный красный рот, как два лакричных червя, пустая улыбка кинозвезды, к тому же грудная клетка слишком поднялась, так что на месте живота остается зияющая яма. Засаленный бумажник начинает вызывать у него отвращение, он достает из него пару десятков финских денег и швыряет его в лес⁴⁴.

Эса мочится в затылок убитому немцу и громко смеется.

Встреча с диким животным — топос в финской литературе, маркирующий встречу героя с сублимом, т. е. возвышенным, заключающуюся в художественном восприятии крайнего опыта ощущения природы⁴⁵. Так, прочитывая предложение из предыдущей цитаты «Лось и лосенок», — думает он и инстинктивно укладывает одного на землю», читатель становится свидетелем проявления сути финского мироощущения, заключающегося в единении с природой, которое происходит в данной сцене через инстинктивное узнавание животного. Эта встреча, тем не менее, сразу же закрывается утилитарным убийством «животного», потому что Эса — пещерный человек в терминологии эстетики романов Рёухкя, т. е., с одной стороны, противоположность художнику как тонко чувствующей личности. С другой стороны, пещерный человек — это чистое дитя природы, непорочность которого резко контрастирует в представленной сцене с чуждыми элементами поп-культуры и гламура, вызывающими у Эсы отвращение. Ощущение абсурдности и

⁴³ Røyhkä K. Magneetti. S. 160.

⁴⁴ Ibid. S. 160–161.

⁴⁵ Soikkeli M. Sota ja sodan kuvat. S. 32.

неестественности происходящего, вызванное вторжением в привычный мир героя чего-то этому миру несвойственного, т. е. войны, усиливается чувством разочарования, испытываемого читателем от осознания того, что Эса ошибся, приняв людей за животных, а значит, настоящая встреча с природой не состоялась. Эффект обманутого ожидания и резкое снижение регистра патетики как художественные приемы вполне соответствуют эстетике постмодернизма.

Сцена является гротескной. Роман вышел в 1980-х гг. — в десятилетие постмодернизма в финской культуре, когда национальные культурные традиции и институты подверглись критическому переосмыслению, а высокое и низкое в культуре и искусстве были эклектично смешаны⁴⁶. Также и военные романы стали носить пародийный характер начиная уже с 1970-х гг.⁴⁷ Объектом пародии в этом жанре стала реалистическая традиция изображения Второй мировой войны, канонизированная классиком финской литературы Вейнё Линна (*Väinö Linna*, 1920–1992) в архетипическом военном романе финской литературы «Неизвестный солдат» (*Tuntematon sotilas*, 1954)⁴⁸. Роман разделил всю национальную военную литературу Финляндии на «до» и «после»⁴⁹ и до сих пор является референтным произведением для финских авторов, пишущих в этом жанре.

Интертекстуальность

Аллюзии на роман «Неизвестный солдат» прослеживаются в романе «Магнит» в коллективных сценах: некоторые имена и типажи сослуживцев Мартти и Эсы заимствованы напрямую из романа Линна, так же показан конфликт интересов офицерства и рядовых солдат, ориентиром для изображения батальных сцен так же послужил личный военный опыт предшествующего поколения, нашедший отражение в произведении «Неизвестный солдат» и ставший образцом для последующих романистов, не живших в военное время. Однако на протяжении всего романа «Магнит» автор иронизирует над национальной традицией военного романа или пародирует ее, превращая коллективные сцены с участием как рядового состава, так и военного руководства в балаган, посреди которого страдающий от творческой нереализованности индивидуалист-Мартти спрашивает себя «Зачем я здесь?», при этом достойно и до конца исполняя свой воинский долг, так же как и конфликтующие с офицерами в романе «Неизвестный солдат» рядовые продолжают выполнять приказы командиров. Как постмодернистское по своей эстетике произведение роман «Магнит» неоднозначен и этим сложен, потому что его ирония и пародия не злы, в отличие от других произведений искусства, созданных в

⁴⁶ *Hosiaisloma* Y. Postmodernismia honkaen keskellä // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin. Helsinki, 1999. S. 255—262.

⁴⁷ Magneetti // Oulun kaupunki [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ouka.fi/oulu/pohjoista-kirjallisuutta/magneetti> (19.06.2020).

⁴⁸ *Niemi J.* Kirjallinen elämä. S. 47.

⁴⁹ См., напр.: *Soikkeli M.* Sota ja sodan kuvat. S. 31.

Финляндии в это же время⁵⁰. Более того, автор, и выразитель его мыслей в романе Мартти, сочувствует своей неидеальной родине, принимает ее такой, какая она есть, и признает свою неразрывную связь с ней в конце романа, называя отечество магнитом, который держит его на этой земле⁵¹.

С участием Эсы читатель видит аллюзию на роман «Неизвестный солдат» в 12-й главе в следующей сцене. Начало контрнаступления откладывается, и Эса под обстрелом отправляется прогуляться до командного пункта своей воинской части. Майор просит прапорщика Эсу сварить кофе. Воды нет, и Эса идет во двор к колодцу. Ординарец подполковника, в обязанности которого как раз и входит варить кофе, сидит, выпрямив ноги, под колодцем и разгадывает кроссворд:

— Живет в водоемах, пять букв! [в оригинале «шесть букв». — Я. Н.]

— Выдра, — отвечает Эса.

— Не подходит.

— Коипу. [в оригинале «нутрия». — Я. Н.]

— Таких даже не бывает. Бобр... бобер... [в оригинале «окунь». — Я. Н.]⁵².

Диалог является примером реминисценции сцены разговора о происхождении человека в романе «Неизвестный солдат». В этой сцене солдаты финской армии — крестьянин Хиетанен и рабочий-коммунист Лахтинен — спорят о том, нужны ли звезды и правда ли то, что человек вышел из воды и состоит из угля, как утверждает Лахтинен⁵³. Хиетанен поднимает Лахтинена на смех, предлагая остальным солдатам послушать рассказ о том, что он якобы сначала был окунем⁵⁴. Звезды Хиетанену тоже не нужны, потому что свет их бесполезен⁵⁵. Линна, показывая в своем коллективном романе все социальные слои Финляндии и региональные особенности характера и речи финнов, в упомянутом диалоге продемонстрировал также разделение финского общества по принципу грамотности на прогрессивный рабочий класс и патриархальное крестьянство. Спор Хиетанена и Лахтинена продолжается, когда присутствующий при разговоре солдат Ванхала в ответ на аргумент Лахтинена о том, что «ложь [о Боге]»⁵⁶ придумали господа, чтобы люди покорно отправлялись на войну «защищать денежные мешки капиталистов»⁵⁷, замечает: «Но ведь один финский солдат равен десяти русским», на что Лахтинен в свою очередь отвечает: «А что мы будем делать, когда придет одиннадцатый?»⁵⁸. Классическим этот фрагмент произведения Линна делает послание автора о том, что человечество, пройдя путь в миллиарды лет и достигнув современного уровня развития, теперь истребляет себя же на войне.

⁵⁰ См., напр.: *Hosiailuoma Y. Postmodernismia honkaen keskellä*

⁵¹ *Röyhkä K. Magneetti*. S. 175–176.

⁵² *Ibid.* S. 158.

⁵³ *Linna V. Tunteiden sotilas*. Porvoo; Helsinki, 1955. S. 32.

⁵⁴ *Ibid.* S. 33.

⁵⁵ *Ibid.* S. 32.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Ibid.* S. 34.

⁵⁸ *Ibid.*

Идея романа «Магнит» та же: пусть главный герой в романе не коллектив, а нетипичный для финского военного романа герой-художник, пусть в романе пародируются героические для финской историографии сцены высадки в Торнио и освобождения Лапландии, идея и послание романа те же, что и в канонизированном реалистическом военном романе Линна: неприятие жестокости войны и одновременно готовность сражаться за родину.

Рецепция творчества Рёухкя на фоне признания

Несмотря на долгую карьеру и признание заслуг Рёухкя в сфере искусства Финляндии, в частности его литературное творчество воспринимается критиками по-прежнему неоднозначно и неровно. Так, в начале 2000-х гг. литературовед Маркку Сойккели отмечал отсутствие в романе «Магнит» связности повествования в отношении как материала, так и сюжета⁵⁹. Роман, однако, был переиздан в 2014 г. Вышедший в 2018 г. очередной военный роман Рёухкя *Maan korvessa kulkevi* («Бредущий в чаще») критик Пертти Авола назвал «традиционным, даже старомодным»⁶⁰. По поводу этого же романа критик Эса Мякиярви заметил, что «провокационный Рёухкя плохо подходит сверхчувствительному и обидчивому второму десятилетию XXI в.»⁶¹. Термин «трагедия Кауко Рёухкя» (*Kauko Röyhkän tragedia*), в свою очередь, отсылает, по мнению автора термина критика Алексиса Салусъярви (*Aleksis Salusjärvi*, р. 1980), к «одержимому сексом автору, который только и хочет, что заниматься любовью с женщинами и писать об этом»⁶². Только такой сюжет, как утверждает критик, больше никому не понятен, потому что секс умер в прозе 2010-х гг. Рёухкя же является последним живым представителем поколения, «сделавшего секс частью литературы Финляндии в 1970-х гг.»⁶³. Сам Рёухкя так объясняет значение темы секса в своей литературе: «О чем мне тогда писать? <...> Еда меня не интересует. <...> С сексом связано много интересного: человеческие отношения, борьба за власть, предпочтения, извращения, любовь, ненависть, травмы, воспоминания и т. д.»⁶⁴.

По мнению литературоведа, доктора философии Кая Экхольма (*Kai Ekholm*, р. 1953), бывшего директора Национальной библиотеки Финляндии и биографа классика культуры Финляндии Йорна Доннера (*Jörn Donner*, 1933–2020) — писателя, режиссера, соратника Ингмара Бергмана, политика и дипломата, — «время великих писателей [подобных Йорну Доннеру] в Финляндии прошло», потому что институт литературы в современных условиях рынка, а именно аутсорсинга редакторов в издательствах и сокращения количества критиков, в условиях отсутствия у читателя

⁵⁹ *Soikkeli M.* Kauko Röyhkä // *Kotimaisia sotakirjailijoita*. Helsinki, 2001. S. 203.

⁶⁰ *Avola P.* Kauko Röyhkä kirjoittaa vetävästi Lapin sodan vaikutuksista lapsiin ja aikuisiin // *Helsingin Sanomat*. 14.11.2018. URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000005899491.html> (19.06.2020).

⁶¹ *Mäkijärvi E.* Provokatiivinen Kauko Röyhkä sopii...

⁶² *Nykykirjallisuudessa seksiä on vähän ja se on liian korrektia kiihottaakseen* / YLE [Электронный ресурс]. Helsinki, 2018. URL: <https://areena.yle.fi/audio/1-50022340> (20.06.2020). Мин. 1:33–1:37.

⁶³ *Ibid.* Мин 0:58–1:39.

⁶⁴ *Kauko Röyhkä.* *Virallinen*. S. 51. Перевод наш.

интереса к печатной книге, недостатка финансирования со стороны государства и отсутствия абсолютного посвящения себя творчеству со стороны современных писателей постепенно сходит на нет⁶⁵. Если воспринимать это утверждение как констатацию смены типов формаций писателей и считать одной из характеристик писателей уходящей формации также отсутствие тенденциозности и верность стремлению сохранить связь времен, или, по собственному выражению Рёухкя, «веру в древних мудрецов»⁶⁶, Кауко Рёухкя можно отнести, по крайней мере, к последним финским модернистам, а именно к последним аналоговым писателям цифровой эпохи. Так, в романе «Магнит» автор ведет интертекстуальный диалог не только с Вейнэ Линна, но и с Эрнестом Хемингуэем. В конце 12-й главы автор на фоне Эсы, одиноко стоящего на берегу и смотрящего на ситуацию по-прежнему конкретно, т. е. по-военному, метафизически прощается с оружием. Приближаются сумерки, и Эса выходит в дельту реки, откуда открывается вид через острова на мыс Лайваниеми и море:

За ивами крошечные фигурки немцев сворачивают свои артиллерийские позиции. Видны крыша транспортного средства и двигающееся дуло пушки. Сквозь ветер слышится звук двигателей. Один мужчина вышел почти на берег, стоит там без дела и смотрит сюда. «Винтовкой по нему можно попасть», — думает Эса. Тогда мужчина поднимает руку и машет. Видит ли он Эсу, укрывшегося на всякий случай за кустами? Возможно, это какой-то добряк, который хочет попрощаться с этим местом, с этой проклятой страной, потребовавшей столько их жизней. Прощайте, ивы Лайваниеми, которые колышет ветер, маленькое море и ничтожный город, прощай, война⁶⁷.

Заключение

На оригинальной черно-белой обложке романа «Магнит», выполненной в технике коллажа, изображены два финских солдата, стоящие в полуоборот и спиной. Их изображения наклеены на перевернутое фото домов на берегу, символизирующее состояние, в котором иллюзия и реальность поменялись местами. Произведение «Магнит» — это два романа в одном: роман о художнике и собственно военный роман, занимающий одну главу. Сюжетная линия Мартти — это исповедь самого молодого автора на пороге девятилетнего молчания, в которой он определяется со своим отношением к родине и к своим творческим возможностям. Образ Эсы необходим для обобщения в романе интенсивного жизненного опыта, раскрываемого Рёухкя через военный сюжет, и для встраивания произведения в национальную и мировую традиции гуманистической военной литературы. В 12-ю главу автор помещает темы, которые остались в тени творческих

⁶⁵ Suurten kirjailijoiden aika on Suomessa ohi // YLE [Электронный ресурс]. Helsinki, 2020. URL: <https://areena.yle.fi/audio/1-50530536> (20.06.2020)

⁶⁶ *Röyhkä K. Maan korvessa kulkevi.* Helsinki, 2018. S. 310.

⁶⁷ *Röyhkä K. Magneetti.* S. 161–162.

поисков Мартти в остальных главах: смерть солдата, вечность природы и ценность жизни.

Роман «Магнит» особенный потому, что это первая попытка приближающегося к кризису молодого автора подвести черту и попробовать свои силы в традиционном для финской литературы, и поэтому ответственном и требовательном, жанре. Рёухкя, по-видимому, считал, что спустя семь лет после дебюта пришло время высказаться на важные для себя темы и облечь весь свой жизненный опыт в форму хорошо написанного военного романа, который впишет его имя в историю национальной литературы. Роман не стал популярным, несмотря на то, что в нем закодированы, с одной стороны, универсальные гуманистические концепты и ценности, и, с другой стороны, знаковые для финской культуры образы: например, сюрреалистический образ туберкулезного санатория в стиле функционализм, появляющийся в последней главе и выступающий реминисценцией шедевра финской архитектуры — туберкулезного санатория в Паймио, спроектированного Алваром и Айно Аалто на рубеже 1920–30-х гг., — но также и классического модернистского литературного произведения Томаса Манна «Волшебная гора» (1924). Соединяя эти общие и частные элементы, автор стремится объяснить свою идею понимания им родины как магнита, от которого ему никуда не деться, как бы ни хотелось, и который одновременно является условием его физического существования на Земле.

При перечислении военных романов Рёухкя критики иногда забывают упомянуть «Магнит»⁶⁸. Причина может быть в том, что интерес к литературному творчеству Рёухкя у публики начал возрастать только после выхода успешного романа «Два солнца» в 1996 г.⁶⁹, и предшествовавший ему малоуспешный военный роман был забыт как неудачная попытка. Причиной же непопулярности романа «Магнит», на наш взгляд, можно считать несоответствие идеи и замысла автора запросам читательской аудитории Финляндии рубежа 1980–90-х гг.: типичные для творчества Рёухкя «эксцентричные, надломленные, неприкаянные и неправдоподобные»⁷⁰ и одновременно лиричные главные герои-художники, будучи помещенными в военный роман в близкие к сюрреалистическим гротескные обстоятельства, не нашли отклик у читателей ввиду своей нехарактерности для национальной формы жанра вообще, а призванная уравновесить этот поэтический дисбаланс 12-я глава оказалась, по-видимому, недостаточной для вывода всего романа за рамки субъективного переживания настолько, чтобы вызвать у читателя ощущение сопричастности. По-прежнему не желая покидать свой художественный, часто сюрреалистический мир, Рёухкя сознательно удерживает себя на периферии

⁶⁸ *Mäkijärvi E. Provokatiivinen Kauko Röyhkä...*

⁶⁹ *Parhi K. Röyhkä.*

⁷⁰ *Mäkijärvi E. Provokatiivinen Kauko Röyhkä...*

современного литературного процесса в Финляндии или даже дистанцируется от него⁷¹.

Список литературы

Герман, М. Модернизм : искусство первой половины XX века / М. Герман. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 384 с.

Новикова, Я. В. Сюрреализм в исповедальном романе Кауко Рёухкя «Бредущий в чаще» / Я. В. Новикова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 1. — С. 236—247. — URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/1_830_2020.pdf. — (21.06.2020).

Оттанже, Д. Эдвард Хоппер: мечтатель без иллюзий / Д. Оттанже. — Москва : «Манн, Иванов и Фербер», 2020. — 130 с.

Heikkinen, S. Genret lasten ja nuorten kirjallisuudessa : tarkastelussa Helsingin kaupunginkirjaston englanninkielinen kokoelma : opinnäytetyö (AMK) / Satu Heikkinen ; Turun ammattikorkeakoulu. — Turku, 2019. — 32 s. — URL: <https://www.theseus.fi/handle/10024/266904>. — (27.12.2022).

Hosiaislouma, Y. Postmodernismia honkaen keskellä / Y. Hosiaislouma // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin / toim. P. Lassila. — Helsinki : SKS, 1999. — S. 255—262.

Kauko Röyhkä. Virallinen / ed. O. Välimaa. — Helsinki : Like, 2014. — 323 s.

Kettunen, N. Itärintamalta ei mitään uutta / N. Kettunen // Teema. — 2016. — № 5. — S. 40—47.

Kivinen, N. “Mahdatko olla niin outo ja olenko minäkään?”: identiteetin ongelma Kauko Röyhkän rocklyriikassa / Nina Kivinen ; Jyväskylän yliopisto, Kirjallisuuden laitos. — Jyväskylä, 2001. — 118 s.

Lassila, P. Kirjallisuus sodassa ja kulttuuritaistelussa / P. Lassila // Suomen kirjallisuushistoria 3. Rintamakirjeistä tietoverkkoihin / toim. P. Lassila. — Helsinki : SKS, 1999. — S. 8—38.

Linna, V. Tuntematon sotilas / V. Linna. — Porvoo–Helsinki : WSOY, 1955. — 477 s.

Niemi, J. Kirjallinen elämä : kirjallisuuden yhteiskuntasuhteiden kartoitusta / J. Niemi. — Helsinki : SKS, 2000. — 175 s.

Nojonen, K. Epämääräisyyskohdat Kauko Röyhkän musiikkiteksteissä : musiikin vaikutus merkityksen muodostumiseen sanojen ja musiikin ryhmittelyn törmäyskohtien avulla tarkasteltuna : pro gradu tutkielma / Kati Nojonen ; Jyväskylän yliopisto, Musiikitieteen laitos. — Jyväskylä, 1996. — 104 s.

Parhi, K. Röyhkä / K. Parhi. — Text : electronic // Kaltio. — 2002. — № 3. — URL: <http://www.kaltio.fi/vanhat/indexa684.html?54>. — (04.07.2020).

⁷¹ Новикова Я. В. Сюрреализм в исповедальном романе Кауко Рёухкя...; Kauko Röyhkä. Virallinen. S. 34.

Pakarinen, M. "Isokuovin huuto ja mätänevien ruumiiden löyhkä tyynenä kesäiltana": matala ja korkea, sota ja taide Kauko Röyhkän romaanissa *Kaksi aurinkoa*: pro gradu tutkielma / Maarit Parkarinen; Oulun yliopisto, Taideaineiden ja antropologian laitos. — Oulu, 2002. — 82 s.

Pöntys, M. "Olen paha ja voimakas, kestäen kyllä olla yksin": lyyrinen minä Kauko Röyhkän rocklyriikassa / Mikko Pöntys; Helsingin yliopisto, Suomen kielen laitos. — Helsinki, 2001. — 108 s.

Röyhkä, K. Maan korvessa kulkevi / K. Röyhkä. — Helsinki: Like, 2018. — 327 s.

Röyhkä, K. Magneetti / K. Röyhkä. — Espoo: Weilin+Göös, 1987. — 176 s.

Saaristo, K. Sittenkin vain rock 'n' rollia? / K. Saaristo // Hyvää pahaa rock 'n' roll. Sosiologisia kirjoituksia rockista ja rockkulttuurista / toim. K. Saaristo. — Helsinki: SKS, 2003. — S. 7—18.

Sirén, V. Tää menee näin: vuoden biisit 1977–2017 / V. Sirén, J. Metso. — Helsinki: Like, 2017. — 216 s.

Sirén, V. Röyhkä heijastaa kahta valoa / V. Sirén // Helsingin Sanomat. — 08.03.2009. — URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000004637640.html> (04.07.2020).

Soikkeli, M. Kauko Röyhkä / M. Soikkeli // Kotimaisia sotakirjailijoita / toim. K.-O. Nevaluoma. — Helsinki: BTJ Kirjastopalvelu, 2001. — S. 201—204.

Soikkeli, M. Sota ja sodan kuvat / M. Soikkeli // Parnasso. — 2019. — № 6–7. — S. 28–33.

Steinby, L. Kirjallisuus ja kirjallisuudentutkimus / L. Steinby // Johdatus kirjallisuusanalyysiin / toim. L. Steinby, A. Mäkipalli. — Helsinki: SKS, 2013. — S. 13—56.

ПУБЛИКАЦИИ
PUBLICATIONS

МАТЮШИНА Инна Геральдовна / MATYUSHINA Inna G.

Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, РГГУ & Университет Эксетера / E. M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities & University of Exeter
Россия, Москва & Соединённое Королевство, Эксетер / Russia, Moscow & United Kingdom, University of Exeter
innamat@hotmail.co.uk

«САГА О КЛАРУСЕ»: ЖАНР, КОМПОЗИЦИЯ, СТИЛЬ

CLÁRI SAGA: GENRE, COMPOSITION AND STYLE

Abstract: The article argues that *Clári saga* presents a rare example of plot, genre and style contamination. Its composition unites two plots: the bridal quest (involving the trials of the eponymous hero) and the taming of the shrew (involving the trials of the heroine). The latter appears unmotivated (because by the end of the bridal quest narrative the heroine is sufficiently tamed by the loss of her virginity) but can be accounted for by the influence of the canons of the fairy tale. In terms of genre, as is shown in the article, *Clári saga* combines themes and images of the fairy tale, chivalric romance and *exemplum*. The saga is permeated by characteristically folklore motifs and compositional features: its structure is determined by the use of the sacred number three (three trials of the hero, three trials of the heroine, three scenes of the hero's flogging, three scenes of blows received by the heroine from the hero, three visits of the hero, three scenes of the construction of tents, three episodes of Perus' reign etc), endowed in the narrative with an enhanced magic effect. The genre of romance is dominant in the first part of the saga through the following characteristic features: the action is set in a chivalric milieu; the characters belong to courtly society, with its luxurious way of living and sumptuous feasts; and canons of chivalrous behaviour and courtesy are observed by all characters except the main ones. The second part of the saga with its inherent misogyny and didacticism, focuses on the trials of the spirit and the body, the action takes place in an atmosphere of extreme poverty and is centered on sufferings, hardships and deprivations, aimed at testing the endurance and loyalty of the heroine and providing a model for other women, thus paying tribute to the genre of *exemplum*. Genre contamination is sustained by the stylistic features of the saga, characteristic of *exempla* ('learned' style, Latinised syntactic constructions, Latin borrowings), folklore (proverbs, repetitions, parallelisms, an emphasis on numerals) and chivalric romance (cf. the use of words: *kurteiss* 'courteous, chivalrous', *kurteisi* 'chivalry, courtesy', *riddari* 'knight'). Borrowings from Middle Low German, which in the context of the saga in some cases acquire emotionally coloured pejorative connotations, are mostly given the function of a stylistic device and become an integral part of the speech characteristics of heroes. Whether the compiler of the saga was a translator or a creator, whether his name was Bishop Jón Halldórson or Bergr Sökkason, he perfectly mastered the art of narration: by creating the effect of the author's presence through rhetorical questions, by enhancing the impact of the story with the help of references to collective wisdom, proverbs and sayings, by using multiple verbal games and by employing borrowings from Latin and Middle Low German in the speech characterisation of heroes. His literary gift and sense of style made *Clári saga* not only a model for numerous imitations in the Middle Ages but also a source of entertainment for today's readers.

Ключевые слова / Keywords: Сага, сага о Кларусе, рыцарский роман, *exemplar*, сказка, фольклор, устная традиция, брачные испытания, укрощение строптивой, учёный стиль / Saga, *Clári saga*, chivalric romance, *exemplar*, fairy tale, folklore, oral tradition, bridal trials

Вступительная статья

«Сага о Кларусе»: жанр, композиция, стиль

«Сага о Кларусе» сохранилась в двадцати четырёх рукописях¹, из которых наиболее ранние, Стокгольмский кодекс (Stock. Perg. 4to no.6, ок. 1400 г.) и рукопись из Арнамагнеанского собрания (AM 657b 4to, конец XIV в.), основаны на несохранившемся общем источнике. Составитель Стокгольмского кодекса включает «Сагу о Кларусе» в собрание переводов рыцарских романов или рыцарских саг (*riddarasögur*), таких как «Сага об Эреке» (переложение романа Кретьена де Труа «Эрек и Энида»), «Сага об Элисе и Розамунде» (переложение старофранцузской жести «Эли де Сен-Жилль»), «Сага о Бевисе» (переложение несохранившейся версии англо-нормандской поэмы «Бев из Амтона»), «Сага о Фловенте, конунге франков» (переложение утраченной песни о деяниях, отличающейся от французской песни «Флоовант», оригинальный текст которой восстанавливается по единственной рукописи N 349 из библиотеки Монпелье) и, следовательно, по всей видимости, считает сагу переложением рыцарского романа.

Составитель рукописи из Арнамагнеанского собрания (AM 657b 4to), датированной 1350 г. и записанной в бенедиктинских монастырях северной Исландии (Тингейрар и Мункатвера), включает «Сагу о Кларусе» в собрание текстов, которое состоит из шестидесяти *exempla*, переведённых с латыни, нескольких агиографических текстов (двух видений, саги о чудесах Пресвятой Девы Марии, «Саги о Святом Михаиле», «Саги о Святом Фоме») и «Саги о Йоуне Соннике». Составитель, таким образом, вероятно, соотносит «Сагу о Кларусе» с жанром *exemplar*. Предполагалось, что рукопись AM 657b 4to могла быть составлена учёным и аббатом монастыря Мункатвера Бергом Соккасоном, который жил и работал в

¹ Полный список рукописей саги приводится в библиографии рыцарских саг (*Kalinke M., Mitchell P. M. Bibliography of Old Norse-Icelandic Romances. Ithaca (NY), 1985 (=Islandica. Vol. 44). P. 72–75*): Арнамагнеанское собрание: AM 179, fol. (XVII в.), AM 181e, fol. (ок. 1650 г.), AM 395, fol. (XVIII в.), AM 567, 4to IX (нач. XVI в.), AM 589c, 4to (XV в.), AM 589d, 4to (XV в.), AM 657a-b, 4to (конец XIV в.); коллекция Расмуса Раска в Копенгагенском университете: Rask 31 (XVIII в.); Британская библиотека: Add. 4870, 4to (XVIII в.), Lbs 222, fol. (1695–1698 гг.), Lbs 1491, 4to (1880–1905 гг.), Lbs 1637, 4to (ок. 1780 г.), Lbs 2319, 4to (1727–1729 гг.), Lbs 3021, 4to (1877 г.), Lbs 4489, 4to (1885 г.), Lbs 2315, 8to (1780–1819 гг.), Lbs 2484, 8to (ок. 1852 г.), Lbs 2956, 8to (1858–1864 гг.), JS 636, 4to (XVII–XIX вв.), IB 138, 4to (1774 г.); Скагафьордюрский архив в Сёйдаркроукюре, Исландия (*Héraðsskjalasafn Skagfirðinga, Söðarkrókur*): HSk 32, 8to (кон. XIX в.); частная коллекция Бёдвара Кварана, Тьяльданес, Исландия (*Böðvar Kvaran, Tjaldanes*): MS. V, 8.b (1914 г.); Королевская библиотека в Стокгольме: Perg. 4:o nr 6 (ок. 1400 г.), Papp. 4:o nr 13 (ок. 1670 г.).

монастыре Тингейрар в 1316–1322 гг.² и записал не только «Сагу об архиепископе Николае» и «Сагу о Михаиле, предводителе ангелов», но и несколько рыцарских саг и «Прядь о Йоуне Хальдорссоне»³. Имя Берга Соккасона называлось в качестве возможного автора «Саги о Кларусе»⁴.

Рукопись АМ 657b 4to завершается кратким житием епископа Йоуна Хальдорссона, которому приписывается сочинение нескольких *exempla* и «Саги о Кларусе». Пролог к «Саге о Кларусе» однозначно указывает на епископа Йоуна Хальдорссона как на создателя произведения. Здесь утверждается, что сага основана на латинском рассказе, сочинённом рифмованным стихом, который был обнаружен Йоуном Хальдорссоном во Франции и переложен им самим на древнеисландский: «Здесь мы начинаем сагу, которую рассказывал достойный муж, блаженной памяти, епископ Йоун Хальдорсон. Он нашёл её записанной по латыни во Франции в том виде, который они зовут ритмическим, мы же называем рифмованным» (*Þar byrjum vér upp þessa frásögn sem sagði virðullgr herra Jón biskup Halldórsson, ágætir áminningar, en hann fann hana skrifaða með látínu í Frannz í þat form, er þeir kalla rithmos, en vér kollum hendingum*)⁵. Скорее всего, речь здесь идёт о норвежце Йоуне Хальдорссоне (ок. 1275–1339), епископе исландского монастыря в Скальхольте в 1322–1339 гг.

Считается, что Йоун Хальдорссон был норвежцем по происхождению, однако его мать могла быть исландкой, так как её имя, Фрейгерд (*Freygerðr*), неизвестно за пределами Исландии. Йоун вырос в Норвегии, был монахом доминиканского ордена в Бергене, изучал богословие в университетах Парижа и Болоньи и, возможно, пересказывал своим ученикам и прихожанам привезённые им из Парижа *exempla*, которые впоследствии были записаны⁶. После завершения образования Йоун Хальдорссон возвратился в Норвегию, провёл там более десяти лет до того, как был избран епископом в Скальхольте и рукоположен в августе 1322 г. Епископ Йоун прибыл в Исландию лишь год спустя и жил там до самой кончины в 1339 г. Из «Саги о Лаврентии» известно, что епископ Йоун был

² Hallberg P. Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur: Synpunkter och exempel. Göteborg, 1968 (=Acta Nordistica Gothoburgensia. Vol. 3). S. 179–182; Johansson K. G. Texter i rörelse. Översättning, original textproduktion och trädning på norra Island 1150–1400 // Übersetzen im skandinavischen Mittelalter / Hrsg. V. Johanterwage und S. Würth. Wien, 2007 (=Studia Mediaevalia Septentrionalia. Bd. 14). S. 83–106; *Idem*. A Scriptorium in Northern Iceland: *Clarus saga* (AM 657b 4to) revisited // Sagas and the Norwegian experience = Sagaene og Noreg: 10th International Saga Conference, Trondheim, 3–9 August 1997: Preprints = Fortrykk / Ed. J. R. Hagland. Trondheim, 1997. P. 323–331.

³ Бергу Соккасону приписывается сочинение нескольких рыцарских саг, таких как «Сага о Кирьялаксе» (*Kirjalax saga*), «Сага о Ремунде, королевском сыне» (*Rémundar saga keisarasonar*) и «Сага о Динусе Гордом» (*Dínus saga dramláta*).

⁴ Hallberg P. Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur. S. 182–186.

⁵ Clári saga / Hrsg. G. Cederschiöld. Halle a. S., 1907 (=Altnordische Saga-Bibliothek. H. 12). S. 1. Ниже примеры из «Саги о Кларусе» приводятся по этому изданию (далее — Clári saga). Издание саги в современной исландской орфографии: Clári saga // Riddarasögur / Bjarni Vilhjálmsson gáf út. Reykjavík, 1954. Bd. V. Bls. 1–61.

⁶ Jakobsen A. Studier i Clarus saga: til spørsmålet om sagaens norske proveniens // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. No. 23. 1963. Bergen; Oslo, 1964. S. 17–20.

превосходно образован, считался талантливым проповедником и учёным⁷; он так же свободно владел латынью, как и своим родным языком, и был одним из лучших латинистов Исландии своего времени⁸.

Большинство исследователей считают «Сагу о Кларусе» прозаическим переводом несохранившегося латинского стихотворного романа с ярко выраженным морализирующим началом⁹. Один из первых издателей саги Густав Седершёльд высказал несколько предположений относительно истории создания сохранившегося текста: во-первых, сага могла быть переведена епископом Йоуном в Париже и привезена им в Норвегию; во-вторых, она могла быть переведена в Париже по просьбе Йоуна; в-третьих, латинский текст поэмы мог быть привезён епископом в Скандинавию и переведён им самим; и наконец, латинский текст оригинала мог быть привезён в Норвегию и переведён в монастыре в Бергене или в Скальхольте¹⁰. На основании исследования языковых особенностей саги (её фонологии, лексики, синтаксиса) высказывалось предположение, что первый перевод саги был сделан на норвежский язык, возможно, самим епископом Йоуном, а затем норвежский перевод послужил основой исландского переложения (все сохранившиеся рукописи саги были составлены в Исландии)¹¹.

Композиция саги линейна и состоит из пролога, первой части, повествующей об испытаниях героя, второй части, рассказывающей об испытаниях героини, и заключения. В прологе говорится о создателе саги епископе Йоуне Халльдорссоне и сообщается о её основных персонажах: королевском сыне Кларусе, его наставнике Перусе и высокомерной принцессе Серене, дочери французского конунга Александра, которая отвергает всех женихов и самую мысль о браке.

Основная тема первой части определяется брачными испытаниями героя, который хитростью пытается завоевать ненавидящую его девушку и склонить её к браку. Как только герой объявляет о своих намерениях, Серена вынуждает его пролить яйцо на одежду и выставляет с пира, обзывая «мужланом» (*þorpani*) и советуя ему поискать подходящего общества среди бродяг и оборванцев. С помощью своего

⁷ «После этого был избран епископ Йоун Халльдорсон и рукоположен как епископ Скальхольта, он принадлежал к доминиканскому ордену, был великим учёным и превосходным проповедником, и он долго учился за границей в Болонье и в Париже во Франции» (гл. 37). Перевод фрагмента из «Саги о Лаврентии» сделан по изданию: Biskupa sögur III: Árna saga biskups, Lárentius saga biskups, Sögupáttir Jóns Halldórssonar biskups, Biskupa ættir / Guðrún Ása Grímsdóttir gáf út. Reykjavík, 1998 (=Íslenzk fornrit. Bd. 17).

⁸ В «Саге о Лаврентии» говорится о том, что епископ Йоун был выдающимся латинистом («Там правил упомянутые епископы: господин Йоун в Скальхольте, и господин Лаврентий в Хоуларе. Люди говорили, что никогда не было в Исландии лучше латинистов» — гл. 48); он свободно владел латынью как письменным языком («То письмо было написано на латыни, превосходное сочинение, и оно показывало непревзойденную ученость епископа Йоуна» — гл. 54); произносил речи на латыни («епископ Йоун произнёс вступительную речь на латыни» — гл. 55); говорил на латыни как на своём родном языке («Мы все знаем, господин Йоун, что владение латынью у тебя такое же свободное, как и твоим родным языком» — гл. 55). Перевод фрагментов из «Саги о Лаврентии» сделан по изданию: Biskupa sögur III.

⁹ Jakobsen A. Studier i Clarus saga.

¹⁰ Clári saga. S. XXVII–XXVIII.

¹¹ Jakobsen A. Studier i Clarus saga. S. 43–55.

мудрого учителя из Аравии Перуса, отвергнутый жених, изменивший внешность и назвавшийся принцем Эскельвардом, завоёвывает Серену и получает согласие на брак. Девушка выражает готовность провести с ним ночь, а затем и выйти за него замуж, только чтобы заполучить приглянувшиеся ей предметы. Выпив вина, Кларус три ночи подряд погружается в глубокий сон, во время которого приближённые Серены трижды избивают его. Третья ночь оказывается для жениха более счастливой, так как благодаря совету наперсницы Серены Кларусу удаётся одержать победу над строптивой невестой. Вопреки канонам жанра, сага не заканчивается описанием брачного торжества, но повествует о мести Кларуса за нанесённые ему оскорбления.

Вторая часть саги посвящена испытаниям строптивой невесты. После свадьбы Серена просыпается в пустой комнате и видит рядом с собой оборванного бродягу (переодетого Перуса). В течение года ей приходится сопровождать его во всех странствиях, выносить невзгоды и унижения, пока она наконец не доказывает свое постоянство и не воссоединяется с Кларусом. Нельзя не заметить, что в основе второй части «Саги о Кларусе» лежит сюжет укрощения строптивой невесты. Серену из «Саги о Кларусе» сравнивали с повелительницей Трюд, о которой рассказывается в «Беовульфe» (строки 1934–1955), и отмечали сходство в характере и судьбе обеих героинь: их гордыню, преодоленную после брака, и превращение в идеальных правительниц¹².

«Сага о Кларусе», представляющая собой, насколько известно, первое сохранившееся в Исландии повествование о брачных испытаниях жениха, вероятно, оказала влияние целую группу саг, в основе которых лежит похожий сюжет. Таковы: «Сага о Сигргарде Смелом» (*Sigrðar saga frækna*), «Сага о Гиббоне» (*Gibbons saga*), «Сага о Динусе Заносчивом» (*Dínus saga drambláta*), «Сага о Викторе и Блавусе» (*Viktors saga ok Blávnus*), «Сага о Сигурде Молчаливом» (*Sigurðar saga þögla*), «Сага о Нитиде» (*Nitida saga*)¹³. Предполагалось, что в «Саге о Кларусе» впервые в исландской литературе использовался образ строптивой невесты (принцессы Серены), повлиявший на создание образов дев-правительниц (*meykongr*)¹⁴, подобных пятнадцатилетней Ингигерд, героине «Саги о Сигргарде Смелом», Флоренции в «Саге о Гиббоне», Филотемии в «Саге о Динусе Заносчивом», Фульгиде в «Саге о Викторе и Блавусе», Седентиане в «Саге о Сигурде Молчаливом», Нитиде в «Саге о Нитиде». Нельзя исключать того, что «Сага о Кларусе» могла быть известна создателю «Саги о Нитиде»: герои обеих саг (Кларус и Ливориус) называют себя именем Эскильвард (*Eskilvarður*); обе саги основаны на сюжете свадебных испытаний;

¹² Kalinke M. Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland. Ithaca (NY), 1990 (=Islandica. Vol. 46). P. 66–108.

¹³ Bibire P. From riddarasaga to lygisaga: The Norse Response to Romance // Les Sagas des Chevaliers (Riddarasögur): Actes de la Ve Conférence Internationale sur les Sagas (Toulon, Juillet 1982) / Ed. par R. Boyer. Paris, 1985. P. 55–74; Kalinke M. Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland. P. 98–107.

¹⁴ Jóhanna Katrín Friðriksdóttir. From Heroic Legend to 'Medieval Screwball Comedy'? The Origins, Development and Interpretation of the Maiden-King Narrative // The Legendary Sagas: Origins and Development / Ed. by A. Ney, A. Lassen, Ármann Jakobsson. Reykjavík, 2012.

в обеих сагах властная невеста подвергает испытаниям своего жениха, который меняет свой облик и свое имя; имена саговых персонажей Нитида, Серена и Кларус восходят к латинским прилагательным (*nitidus, serenus, clarus*) со значением «светлый»¹⁵.

Тем не менее «Сага о Кларусе» отличается от саг о девах-правительницах, так как её героиня не правит страной, хотя её власть в королевстве почти равна власти самого короля (глава 3), и не нуждается в укрощении после свадьбы. Структура «Саги о Кларусе» определяется совмещением двух сюжетов: «укрощение строптивой» (АТ 900–901)¹⁶ и «послушание и супружеская верность» (АТ 887 или «терпеливая Гризельда»¹⁷). Предполагалось влияние на исландские саги о поисках невесты и брачных испытаниях немецких исторических сочинений эпохи Меровингов¹⁸, однако черты сходства не настолько велики, чтобы исключить возможность полигенезиса, тем более что сюжет о строптивой невесте встречается и в германском фольклоре (ср. сказки типа «Король Дроздобород», «Хакон Бородач»).

С фольклорными жанрами, в частности, со сказкой, «Сагу о Кларусе» сближает композиционная функция сакральных чисел: Эскельвард трижды приходит к Серене, его трижды избивают, Серена трижды отправляется в город просить милостыню, Перус строит три шатра, шатры передвигаются при помощи трёх животных, пиры продолжаются три дня, Перус правит страной саксов три года. Числа в саге не только воспроизводятся, но и зеркально отражаются в связи с разными персонажами: Кларус является к принцессе с 60 дружинниками, Серену сопровождает 60 служанок; Кларус приводит с собой на пир 500 рыцарей, Александр приходит к Кларусу с тем же числом воинов; Перус приказывает Кларусу сочинить пять строф, на Кларуса нападают с побоями пять слуг Серены. Магическая роль чисел, вероятно, унаследованная из фольклора, наделяет их в нарративном пространстве саги композиционной функцией.

Сюжетообразующую роль в «Саге о Кларусе» играют сказочные мотивы и образы, такие как проявление женской инициативы (В. Я. Пропп называет невесту волшебной сказки «великой чародейкой», «воинственной девой», «богатырь-девкой», «царь-девицей»¹⁹) и относительная пассивность мужчины, характерная для архаического матрилокального брака²⁰ (в первой части саги Кларус подвергается

¹⁵ О «Саге о Нитиде» см. подробнее: Матюшина И. Г. «Сага о Нитиде»: Перевод, вступительная статья, комментарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 120–142.

¹⁶ Aarne A., Thompson S. Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. 2nd revision. Helsinki, 1981 (=FF Communications. Vol. 75. No. 184). P. 310–312.

¹⁷ Ibid. P. 302–303. Насколько известно, наиболее ранний пример сюжета о терпеливой Гризельде (возможно, восходящего к устной традиции) даёт «Декамерон» Боккаччо (1352 г.), один из наиболее известных — «Кентерберийские рассказы» Чосера (рассказ оксфордского студента).

¹⁸ О немецких памятниках на сюжет поиска невесты см.: Bornholdt C. Engaging Moments: The Origins of Medieval Bridal-Quest Narrative. Berlin, 2005 (=Ergänzungsbande zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 46).

¹⁹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 323.

²⁰ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.; СПб., 2005. С. 203.

унижениям и избиваниям и играет чисто страдательную роль); убежание жениха²¹ или магическое бегство жениха с превращениями, переменой облика и погоней²² (Кларус меняет облик, называется чужим именем Эскельварда и дважды покидает Серену: в первой части саги на три года, во второй части — на год); сокрытие героя под «низкой» личиной «грязного парня», «беднейшего из бедных» и «ужасно безобразного»²³ (во второй части саги роль «укротителя» строптивой невесты исполняет Перус, скрытый под личиной отвратительного грязного бродяги); присутствие волшебного помощника (учителя-колдуна)²⁴, воплощающего магическую силу героя перед вступлением в брак (в саге невесту для героя завоёвывает его наставник Перус); обладание магическими средствами и силами²⁵, в том числе тотемными животными, которые должны показать способность героя управлять природой²⁶ (Перус владеет волшебством, а изготовленные под его руководством животные — медведь, лев и грифон — вызывают у невесты неукротимое желание обладать ими).

Отдельного упоминания заслуживает сказочный мотив брачных испытаний, положенный в основу композиции «Саги о Кларусе». Как и сказка, сага не оканчивается вступлением в брак, так как её героя, как и сказочного жениха, ждёт испытание брачной ночи. Опасность брачной ночи, как писал В. Я. Пропп, может быть связана с таинственной гибелью всех женихов (в саге Перус упоминает о бедах, которые ждут женихов героини) или с магической силой невесты, наложением её тяжёлой руки, то есть с попыткой удушения жениха²⁷ (в саге Кларуса трижды избивают, причем первые два раза — до полусмерти). Пропп считает, что в сказочных мотивах «бессилия жениха, демонической силы женщины и превосходящей ее силе помощника, который побеждает царевну»²⁸, «образно отразилось представление об опасности дефлорации женщины и что эта опасность — мифологического свойства. Она — отражение представления о могуществе женщины»²⁹. В «Саге о Кларусе» герою удаётся победить Серену только с помощью своего наставника Перуса, который исполняет роль волшебного помощника. После брачной ночи нрав строптивой невесты улучшается, и она более не нуждается в укрощении, однако вторая часть саги тем не менее посвящена её, казалось бы, немотивированным испытаниям. Можно предположить, что введение сюжета укрощения невесты объясняется следованием канонической структуре волшебной сказки.

²¹ Там же.

²² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 342.

²³ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. С. 54.

²⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 307.

²⁵ Там же. С. 331.

²⁶ Там же. С. 341.

²⁷ Там же. С. 325.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ Там же. С. 327.

Согласно теории Проппа, укрощение невесты, обычно осуществляемое волшебным помощником, который «берет трех сортов прутья и истязает царевну»³⁰, объясняется стремлением лишить её силы, заставить её стать покорной и слушаться мужа: «Страх брачной ночи есть страх перед еще не сломленной властью царь-девицы. Этой власти ее лишают, лишают силой посвящения, через которое проходит только мужчина. Отныне женщина порабощена, она уступила мужчине всю власть, она отступила от последней цитадели, где, как полагали, она еще может проявить свое таинственное могущество. Отныне безраздельно властвует мужчина»³¹. Именно в стремлении показать эту «безраздельную власть мужчины» и состоит, как можно предположить, задача создателя «Саги о Кларусе», взявшего за образец сюжет волшебной сказки как наиболее близкий по композиции и функции.

Тем не менее «Сага о Кларусе» существенно отличается от волшебной сказки по ряду структурных и композиционных признаков. Во-первых, хотя женитьба на царевне представляется «главной целью героя и высшей ценностью в иерархии сказочных ценностей»³², тем не менее в саге счастливый брак героя отнюдь **не** «является конечным звеном, последним и высшим пунктом синтагматического развертывания сюжета»³³, его «развязкой», а брачная тема **не** «совпадает со счастливым концом»³⁴ (за свадьбой следует вторая часть саги, посвящённая испытаниям героини). Во-вторых, хотя сюжет саги близок сюжетам сказок о добывании чудесных предметов (АТ 550–551, 560–569), в которых «мифологическая героика уступила место новеллистическим перипетиям и хитростям, а полученный довольно легко чудесный предмет моментально используется для приобретения жены-царевны»³⁵, чудесные предметы в саге (в отличие от сказок АТ 560–569) отнюдь не «остаются первоначальной целью героев», но лишь «становятся ступенькой для “счастливой” женитьбы»³⁶. В «Саге о Кларусе» чудесные предметы, которыми жаждет завладеть героиня, используются для разоблачения её алчности и служат её исправлению. В-третьих, в саге отсутствует мотив «индивидуального перехода героя от низшего общественного статуса к высшему с помощью “чудесной” женитьбы»³⁷, которая в данном случае не приносит освобождения из конфликтной ситуации. В отличие от персонажей сказки герой «Саги о Кларусе» отнюдь не нуждается в том, чтобы повысить свой социальный статус благодаря женитьбе.

В «Саге о Кларусе» присутствуют композиционно-жанровые черты не только сказки, но и рыцарского романа, и *exemplum*. Первая часть саги напоминает рыцарский

³⁰ Там же. С. 326.

³¹ Там же. С. 330.

³² Мелетинский Е. М. *Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре)* // Он же. Избранные статьи. Воспоминания. М., 2008. С. 295.

³³ Там же. С. 295.

³⁴ Там же. С. 297.

³⁵ Там же. С. 298.

³⁶ Там же. С. 299.

³⁷ Там же. С. 303.

роман (действие происходит в рыцарской среде и содержит описания великолепных пиров, драгоценностей, роскошеств придворной жизни). Вторая часть сближает её с жанром *exemplum* (акцент ставится на испытаниях духа и тела, повествование разворачивается в атмосфере крайней нищеты, рассказывается о всяческих лишениях, несчастьях, страданиях, долженствующих закалить героиню и проверить её стойкость, верность и мужество). В заключении создатель саги объясняет причины испытаний героини и даёт их назидательное истолкование всего нарратива в духе *exemplum*: Серена «дала ясный пример того, как подобает другим добрым женщинам хранить верность своим мужьям или обрученным» (...gefandi svá á sér ljós dæmi, hversu öðrum góðum konum byrjar at halda dygd við sína eiginbændr eða unnasta). Из приведённых строк следует, что цель саги состоит в том, чтобы дать женщинам урок постоянства и добродетельного поведения. Как считает Марианн Калинке, употребление слова *dæmi* 'пример' свидетельствует о том, что сага должна быть интерпретирована как относящаяся к жанру *exemplum*³⁸. На основании сюжетного сходства саги с жанром *exemplum*, исследователи считали сагу не переводом, но оригинальным сочинением: «из эпилога саги о Кларусе становится ясно, что епископ Йоун использует жанр романа для создания сознательно избранного образца, объясняющего его непоколебимые убеждения в необходимости ответственного поведения жён по отношению к своим мужьям»³⁹. Однако нельзя не заметить, что с жанром романа сагу сближает только её первая часть, а с жанром *exemplum* — вторая часть и эпилог.

Жанровая контаминация проливает свет на семантические и стилистические особенности саги, характерные для рыцарских романов: следование канонам рыцарского поведения, обходительности, учтивости; использование лексики, восходящей к рыцарским романам, например, слов *kurteis* 'куртуазный, обходительный', *kurteisi* 'куртуазия, светскость, вежливость', *riddari* 'рыцарь'. Вместе с тем сага строится на характерном для сказки использовании мотивов, образов и сакральных чисел; а присутствующие в ней мизогинизм и назидательность, особенно ярко проявляющиеся во второй части саги, и употребление «учёного» латинизированного стиля заставляют вспомнить о жанре *exemplum*.

Характерную черту стилистики саги составляет использование пословиц и поговорок (таких как *hinn ríkari verður ráð að segja* — «советы дают власть имущие», *eigi ver einn eiður alla* — «одна клятва не покрывает всех») и парных синонимических конструкций, таких как *listug og fögur* — «обходительный и прекрасный», *maket og maner* — «почёт и поведение», *kukl og klókskapur* — «волшебство и хитрость», *volke og vandræði* — «волнения и бедствия». Авторские вторжения в повествование проявляются в использовании риторических вопросов (*Hvað meira?* — «Что же далее?

³⁸ Kalinke M. *Clári saga: A Case of Low German Infiltration* // Scripta Islandica: Isländska sällskapets årsbok. 2008. Vol. 59. P. 9.

³⁹ Hughes S. F. D. *Clári saga as an Indigenous Romance* // Romance and Love in Late Medieval and Early Modern Iceland: Essays in Honor of Marianne Kalinke / Ed. by K. Wolf and J. Denzin. Ithaca (NY), 2008. P. 157.

Чего больше?», *Hvað langt?* — «Как долго?» или *Hvað þarft hér langtíð?* — «Какая нужда медлить?»), формул (ср. *Ok hvárt sem þær tala langt eða skamt* — «И долго ли, коротко ли они говорили»), выражений, подобных *Er þar skjótt af að segja* — «Можно быстро рассказать о том, что...», усиливающих ощущение, что рассказчику известно более того, о чём говорится в саге. Риторические вопросы создают впечатление авторского присутствия в повествовании и употребляются в наиболее семантически значимых фрагментах саги (унижения героя, испытания героини). Пословицы и поговорки, возможно, унаследованы создателем саги из фольклорной традиции, однако, несомненно, используются им как стилистический приём в эмфатической функции.

Стиль «Саги о Кларусе» можно назвать «книжным», в ней встречаются метафоры, исландская юридическая лексика, латинские синтаксические конструкции. Из оригинала, возможно, унаследованы латинские падежные формы (ср. окончание латинского винительного падежа в словосочетании *til Teclam* — «к Текле», ср. лат. *ad Teclam*; или окончание латинского родительного падежа *með ráðum Teclae* — «с советом Текль») и заимствования из латыни (*í Paradisum* — «в Раю», *bissum og cicladem* — «полотно и парча», *af þeim carbunculo* — «из этих рубинов», *signum* — «знак», *solarium* — «солнечная комната», *setur hann ein limitem* — «поставил он преграду»). В саге употребляются переводы латинских конструкций (ср. отражение *ablativus absolutus* во фразе *og að skipunum búnum og öllum hlutum vel til fengnum* — «и когда корабли приготовили и обо всех вещах хорошенько позаботились» или *at komanda morgni* — «когда наступило утро»), кальки латинских идиом (ср. лат. выражение *quis multa* и исландское *og hvað meira* — «и что же больше»), игра слов, основанная на латинских словах (например, замена имени *Serena* на *Severa* обыгрывает значения латинских слов *serenus* «спокойный» и *severus* «суровый»), причастные обороты (*styrkjandi hans ráð og ríki með öllum mætti og megni* — «укрепляя свою власть и страну со всей мощью и силой»)⁴⁰. В использовании латинизированных конструкций, несомненно, можно видеть признак учёного стиля.

Лексика «Саги о Кларусе» испытала влияние нижненемецкого языка, о чём свидетельствует употребление многочисленных заимствований из него: *angst* «несчастье», *espinger* «лодка на корабле», *fordrifast* «исключать», *fyrirstanda* «понимать», *hóf* «пир», *junker* «юноша», *krankur* «больной», *lykt* «запах», *skari* «общество», *skerfur* «монетка», *stolz* «гордый»⁴¹. Особенно много заимствований из нижненемецкого встречается в речах Серены, относящихся к Кларусу и его спутникам: *skálkr* «негодяй» (ср. нижненем. *schalk* «мошеник»), *þorpari* «мужлан» (ср. нижненем. *dorper* «трубиян»), *fantar* «бродяга» (ср. нижненем. *vant* «бродяга»), *ribbaldar* «пройдоха» (ср. нижненем. *ribalt* «головорез»)⁴². В словах Перуса о Серене и её уловках и хитростях тоже используются заимствования из нижненемецкого: *kukel* «колдовство» (ср. нижненем. *gokelen* «обманывать, надувать», *gokeler* «обманщик, трикстер»), *klókskapr* «хитрость»

⁴⁰ Hughes S. F. D. *Clári saga* as an Indigenous Romance. P. 142–143; Kalinke M. *Clári saga*. P. 11. Ср. также в предисловии Г. Седершёльда к его изданию саги: *Clári saga*. S. XX–XXIV.

⁴¹ Kalinke M. *Clári saga*. P. 5–25. См. также: Hughes S. F. D. *Clári saga* as an Indigenous Romance. P. 144.

⁴² Kalinke M. *Clári saga*. P. 14–15.

(ср. нижненем. *kloken* 'обманывать'), *kyndugskap* 'коварство, хитрость' (ср. нижненем. *kundicheit* 'хитроумие, заносчивость').

Знаменательно, что заимствованные из нижненемецкого слова со значением «колдовство» (*kukl*), «хитрость» (*klókskapr*) применяются в саге и к Перусу, которому удаётся противостоять уловкам Серены и отомстить за унижение Кларуса. Так, отец героя выражает уверенность в том, что Перус сможет победить Серену «своим умом, хитростью и учёностью» (*með sínu viti ok klókskap ok klerkdómi*); Перус одерживает над героиней верх «большим колдовством, и теми умениями, и хитростью, о которых сейчас было рассказано» (*með miklu kukli ok þeim listum ok klókskap, sem nú var frá sagt*); укрощённая в конце саги Серена узнает, что и на её уловки (*þókkut klóket* — «нечто хитрое») есть более могущественное «колдовство» (*kukl*) и «коварство» (*klókskapr*).

Создаётся впечатление, что нижненемецкие заимствования приобретают в контексте саги отрицательные коннотации (хитрости, уловки, коварство), в то время как латинские заимствования (*klerkdómr* 'учённость') принадлежат к учёной лексике и окрашены в стилистически положительные тона. Присутствие нижненемецких заимствований объясняли как тем, что переводчик саги жил и трудился над своим произведением в интернациональной среде (возможно, в Париже)⁴³, так и тем, что он мог принадлежать к монастырю в Бергене, крупному торговому городу и центру ганзейской лиги⁴⁴. Однако можно высказать и иное предположение: в контексте саги заимствования из нижненемецкого относятся к эмоционально окрашенной (в отдельных случаях пейоративной) лексике и используются как стилистический прием.

Был ли составитель саги переводчиком или создателем, звался ли он епископом Йоуном Халльдорсоном или Бергом Соккасоном, он мастерски владел искусством повествования, объединяя сюжеты, мотивы и образы разных жанров (сказки, романа и *exemplum*), находя для этих жанров идеальное стилистическое воплощение, создавая эффект авторского присутствия, вводя риторические вопросы, усиливая эмоциональность рассказа при помощи пословиц и поговорок, обыгрывая заимствования в речевой характеристике героев. Благодаря литературному дару и чувству стиля создателя «Саги о Кларусе», она не только вызвала многочисленные подражания в Средние века, но и не утратила интереса для читателей в наши дни.

Предлагаемый ниже перевод саги выполнен по изданию: Clári saga / Hrsg. G. Cederschiöld. Halle a. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1907 (=Altnordische Saga-Bibliothek. H. 12).

⁴³ Clári saga. S. XXVII–XXVIII.

⁴⁴ Эту точку зрения высказывает в сноске Седершёльд (Ibid. S. XXIX) и подробно аргументирует Альфред Якобсен (*Jakobsen A. Studier i Clarus saga*. S. 43–104).

«Сага о Кларусе»: перевод и комментарий

Глава 1

Здесь мы начинаем сагу⁴⁵, которую рассказывал⁴⁶ достойный муж, блаженной памяти⁴⁷, епископ Йоун Халльдорсон. Он нашёл её записанной по латыни во Франции в том виде, который они (*франгузы*. — *II. M.*) зовут ритмическим, мы же (*исландцы*. — *II. M.*) называем рифмованным⁴⁸. Она начинается так: король⁴⁹ саксов Тибурций правил своей страной с великой славой и честью⁵⁰. Он был знаменит не только своим положением и величием, но и своей щедростью и великодушием⁵¹, а также тем, что владел королевским золотом и драгоценностями, дорогими коврами⁵² и всеми сокровищами страны, и сопровождавшими его прекрасными рыцарями. Много благородных вождей пользовалось поддержкой короля, укрепляя его закон и страну со всей силой и мощью⁵³, как его смиренные слуги. Король был женат, у него была добродетельная правительница⁵⁴; она происходила из королевского рода и из знатной семьи⁵⁵, и была во всех отношениях достойна любви правителя. У короля и королевы был единственный сын, его звали Кларус. Он по праву и по справедливости получил это имя, ибо Кларус значит «светлый» на нашем языке, и в то время не было в мире прекраснее мужа из плоти и крови⁵⁶.

⁴⁵ В оригинале употреблено слово *frá-saga* ‘сага, рассказ, повествование’.

⁴⁶ Употребленное здесь слово *sagði* ‘рассказывал’, возможно, содержит отсылку к устной традиции.

⁴⁷ Скорее всего, перевод латинского выражения *clarissimae memoriae*.

⁴⁸ Букв. «который они зовут “ритмом”, а мы называем “хендингами”» (*er þeir kalla rithmos, en vér kollum bendingum*). В этой фразе даётся объяснение латинского слова *rithmos* при помощи скандинавского слова «хендинги» (*bendingar*) — рифмы. Скальдическая поэзия различает два вида рифмы: полную (ададьхендинг, используемый в чётных строках) и консонанс (скотхендинг, который встречается в нечетных строках).

⁴⁹ В тексте саги используется латинское заимствование *keisari*, а не скандинавское слово «конунг».

⁵⁰ В формуле *heiðri ok sama* оба слова почти синонимичны и имеют значение «слава»; употребление таких парных синонимичных формул составляет характерную черту стиля «Саги о Кларусе».

⁵¹ В «Саге о Кларусе» нередко встречаются парные формулы с аллитерацией, такие как *råd og ríki* — «власть и страна», *með öllum mætti og megni* — «со всей мощью и силой».

⁵² Употреблённое в оригинале словосочетание *dýrir vefir*, в котором слово *vefr* может обозначать любую ткань или полотно, в том числе парчу и ковры, относится к устойчивым фразеологизмам.

⁵³ Используемые в саге причастные обороты, такие как *styrkjandi hans råd og ríki með öllum mætti og megni* — «укрепляя его закон и страну со всей мощью и силой», представляют собой характерную черту учёного стиля.

⁵⁴ Для обозначения жены короля в саге используется не заимствованное слово *keisarinna*, но исконное слово *dróttning* ‘правительница’.

⁵⁵ Трудное для перевода выражение *vel mannaða* ‘хорошо оснащённый людьми’, применимое к кораблю, в данном контексте сочетается с *að ætt* — «в роду», и описывает королеву как происходящую из хорошего рода.

⁵⁶ Составитель саги сообщает, что его герой по праву носит значимое имя (*Réttliga ok virðkvanniliga fekk hann þat nafn* — «справедливо и достойно получил он это имя») и объясняет его, ссылаясь на перевод (*því at clárús þýðir upp á vart mál þjartar* — «ибо Кларус переводится на наш язык как «светлый»), а затем комментирует выбор имени (*í þann tíma var engi vanni maðr í veröldu með hold ok blóð* — «и в то время не было в мире прекраснее мужа из плоти и крови»).

Он рос и развивался, стремясь к превосходной мудрости и совершенству. И как только он достиг соответствующего возраста, то обратился к занятиям⁵⁷, ибо так богатые люди наставляют своих сыновей в этих странах. Он обучался вопросам и ответам о семи искусствах⁵⁸, и учил его лучший наставник, какой только был во всей стране этого правителя. И ум его был огромен и чудесен, и благодаря ему он превосходил всех людей, а потому он не много лет продолжал своё учение, прежде чем его можно было назвать верховным владыкой⁵⁹ всех живущих в той трети⁶⁰, которую мы именуем Европой. И король в своей мудрости понял, что у его сына в изобилии есть способности стать великим и могущественным человеком⁶¹, и ничего для него не жалел. И так как Кларус пока ещё научился немногому, он (*король*. — *И. М.*) стал размышлять, где бы ещё в мире ему найти нового наставника для своего сына и преподать ему те искусства, о которых ещё не слыхали и которых не видали⁶² в тех краях.

Глава 2

В те времена рассказывали о могущественном господине из Аравии, которого звали Перус⁶³. Он превосходил мудростью и знаниями всех людей на земле, и о его искусстве и уме много говорилось в книгах и рассказах⁶⁴. Это произвело на короля

⁵⁷ «Обратился к занятиям» — *til bæk settr*, букв. «обратился к книгам».

⁵⁸ В Средние века семь свободных искусств, включавших тривий (грамматику, риторику, диалектику) и квадривий (геометрию, музыку, математику и астрономию), считались необходимыми для получения образования. Вопросы и ответы, упомянутые в саге, относятся к методике обучения, состоявшей в том, чтобы научить ученика отвечать на вопросы преподавателя, проверяющего знания, и задавать вопросы для того, чтобы приобрести новые знания.

⁵⁹ Для того, чтобы подчеркнуть превосходство героя над всеми людьми, составитель саги использует немецкое заимствование *yfirmeistari* (ср. нем. *Obermeister*, *Altmeister*).

⁶⁰ Три части мира, известные в Средние века, включали Африку, Азию и Европу, которые считались примерно равными по величине.

⁶¹ В формуле «великий и могущественный» (*mikill maðr ok mektugr*), которая характеризует Кларуса, используется нижненемецкое заимствование *mektugr* (ср. нижненемецк. *mechtich*), которое встречается и в описании отца Серены, правителя Франции Александра (*riker, mektugr* — «богатый, могущественный»). То же заимствование употребляется и в изображении одеяний Серены (*mektugra* — «более великолепные», чем когда-либо видели люди).

⁶² В парной формуле *íséna ok fáheyrðar* — букв. «невиданные и редко слышанные» синонимы употребляются в функции усиления значения.

⁶³ Этимология имени Перус неизвестна, однако, возможно, представляет собой вариант имени Порус, короля Индии, который был одним из противников Александра Великого. Знаменательно, что в саге король Франции (отец Серены) тоже носит имя Александра.

⁶⁴ Образ наставника королевского сына Перуса заставляет вспомнить о магах и волшебниках, упоминаемых в средневековых немецких романах (*Maksymink S. The Court Magician in Medieval German Romance. Frankfurt am Main, 1996 (=Mikrokosmos. Bd. 44)*). Так, волшебник Гансгуотер из поэмы Генриха фон Тюрлина «Корона» (XIII в.) в качестве инженера придумывает и конструирует три необыкновенных замка, наполненных различными чудесными вещами и механическими предметами (*Zach Chr. Die Erzählmotive der Crône Heinrichs von dem Türlin und ihre altfranzösischen Quellen: Ein kommentiertes Register. Passau, 1990. S. 130–139*). Перус в саге тоже выступает в роли «инженера» и строит три шатра, изменяющих местоположение при помощи механических животных, в ногах которых прячутся люди.

такое впечатление, что он послал гонца в дальний путь по долам и весям⁶⁵, и завлёк господина к своему двору щедрыми обещаниями денег и развлечений для того, чтобы его сын смог воспользоваться великими и разнообразными познаниями Перуса. И что же дальше? Случилось так, что королевский гонец возвратился в положенное время и с тем человеком, который уже был назван (*Перусам. — II. М.*). Король принял его с великим торжеством и почтением. И тотчас же Кларус оказался на его попечении. Так долгое время королевский сын всеми силами преуспевал в учении. Ему казалось, что всё приобретённое им ранее было игрой и детскими забавами по сравнению с обучением у господина Перуса.

Глава 3

И когда господин Перус прожил там долгое время, однажды произошло вот что. Прогуливаясь⁶⁶ с королевским сыном в окружении разодетой толпы и прекрасной свиты своих слуг, он обратился к королевскому сыну с такой речью: «Сегодня ты сложишь пять строф⁶⁷ небольшого сочинения⁶⁸ и произнесёшь их утром в первый час⁶⁹. И вот какая будет тема: конунг Франции зовётся Александром, он очень богат и могуществен. У него есть единственная дочь, необыкновенно красивая и очень образованная⁷⁰. Имя её Серена. Можно обойти весь свет, но во всём мире не найдётся никого более мудрого или более обходительного, чем она⁷¹. Благодаря познаниям, её власть в королевстве почти равна власти самого короля. У неё есть великолепная башня в королевском городе, там живёт шестьдесят высокородных прислужниц, и все они — её личные служанки. Самая знатная из них зовётся Теклой, она дочь конунга скоттов. Ни один муж не входит в её комнату, кроме самого конунга и её приближенных. Тысяча вооружённых рыцарей днём и ночью стережёт балконы на башне, дабы защитить и уберечь девиц от всех опасностей и тайных нападений. Проявлением того роскошества, в котором живёт конунгова дочь, служит то, что у её ног, когда она сидит, лежит львица, кроткая, как ягнёнок, которая сопровождает её всюду, куда она ни пойдёт. Так велика её мудрость и образованность, что она заметила бы твою понятливость не больше, чем смекалку

⁶⁵ В рукописи AM 657b 4to употреблена формула *lands ok sjóvar* — «страны и моря», а в рукописи Stock. Perg. 4to no.6 *lands ok lagar* — «страны и края».

⁶⁶ В начале третьей главы саги используется несколько немецких заимствований, например, *spázérandi* 'прогуливаясь', *skara* 'отряд', *dikta* 'сочинять стихи'.

⁶⁷ Повествуя о задании Перуса, составитель саги использует два латинских заимствования подряд: *dikta* (ср. лат. *dictare* 'сочинять, писать') и *vers* (ср. лат. *versus* 'стихотворение').

⁶⁸ Слово *avintyri* может относиться к сказкам, быличкам, притчам, а также обозначать занимательные рассказы.

⁶⁹ Первый час — 6 часов утра.

⁷⁰ Употребляется то же выражение *vel mannaða* 'хорошо оснащённый людьми', что и в описании королевы саксов (см. примечание 53), однако в данном контексте оно изображает Серену как хорошо образованную и воспитанную.

⁷¹ В саге используется французское заимствование *kurteis* — первоначальное значение 'куртуазный, принадлежащий придворному обществу', затем 'вежливый, обходительный' («более обходительного» — *kurteisari*).

пахаря⁷². Теперь об этом деле рассказано полностью, — сказал господин Перус, — сочиняй же хорошенько!».

И на том они закончили свой разговор, и пошли к столу, но королевский сын ел мало, а пил ещё меньше, а потом провёл всю ночь в постели, а когда настало утро, то встретились Кларус, королевский сын, и господин Перус. Перус спросил, готовы ли стихи. Королевский сын ответил так: «Я не спал всю ночь, не только потому что сочинял стихи, а потому что думал о той юной девице, о которой ты рассказал мне, и я намереваюсь сделать нечто большее, чем просто сочинить пять строф. Услышав твой рассказ, я понял, что не знаю, кроме неё, ни одной юной девушки, которая была бы равна мне по могуществу и воспитанию».

Услышав это, господин на некоторое время замолчал. Немного спустя он сказал с большим чувством: «Да простит меня Господь за то, что я поделился с тобой таким бесполезным рассказом. Ведь я поведал тебе об этой конунговой дочери только самое хорошее и замечательное. Но о ней можно рассказать и много плохого и неподобающего. Сколько бы достойных юношей она не унизила, благодаря своей хитрости⁷³ и колдовству, всё равно трудно сосчитать тех, кто к ней отправляются. А теперь и ты тоже последуешь за ними. Но прошу тебя, оставь эти мысли, ибо никто из живых людей⁷⁴ не может противостоять ее дурному нраву».

Но королевский сын всё равно настаивал на своём решении и был твёрд, как скала⁷⁵. Он сказал, что не успокоится, пока не увидит юную девицу. Господин Перус ответил ему, заметив, что это может привести к большому стыду, если он станет настаивать. Он добавил, что ничего хорошего не выйдет, если ему удастся посмотреть ей в лицо.

Стоит ли медлить? Прошло несколько дней, и Кларус отправился к отцу и рассказал ему о том разговоре, который состоялся у него с Перусом. Он немедленно стал настаивать, чтобы ему одолжили два надёжных корабля и людей, дабы он смог отправиться во Францию посвататься к госпоже Серене. И тогда же он попросил господина Перуса поехать с ним вместе. Однако тот (Перус. — И. М.) нарушил его план, отказав ему, и объяснив, что будет беда, если он поедет, а не останется.

⁷² В оригинале использована лаконичная конструкция с эллипсисом: *ad eigi sinnadi hon meira þinu nami en eins akerkarls* — «она не больше заметила бы (*sinna* ‘считаться, обращать внимание’) твою понятливость (*nami* ‘понятливость, послушание’), чем пахаря’ (*akerkarls* < *aker* ‘пахотная земля’+ *karl* ‘мужик’).

⁷³ Возможно, слово *kukl* ‘колдовство, обман, хитрость’, представляющее собой нижненемецкое заимствование (ср. нижненем. *gokelen* ‘обманывать, надувать’, нем. *gaukeln* ‘колдовать’, англ. *juggle* ‘жонглировать, хитрить, извращать’), наделяется в контексте саги отрицательными коннотациями.

⁷⁴ Сложное слово *lifandismaðr* ‘живущий человек’ представляет собой специфически норвежский композит (напомним, что составителем саги считается епископ Йоун Халльдорссон, который в юности был монахом доминиканского монастыря в Бергене).

⁷⁵ Первый компонент со значением «зола» в редко встречающемся сложном слове *gallhardr*, ‘твёрд, как зола’ приобретает особенную важность в контексте саги (ср. упоминание золы как средства изменения внешности героя, примечание 100).

Но что бы ни говорил господин Перус, король не мог отказать сыну в просьбе, так как любил его. Он тотчас приказал приготовить шестьдесят кораблей и обильно нагрузить их прекрасными товарами, вложив все свои силы в подготовку наилучшего путешествия. Король выбрал самых знатных людей, которые жили в его стране, сыновей герцогов и ярлов, баронов и рыцарей. И когда корабли приготовили и обо всех вещах позаботились⁷⁶, королевский сын отплыл в море со своим отрядом. Им был послан попутный ветер, и созданы благоприятные условия. Об их путешествии ничего не рассказывается, пока они не убрали паруса при виде главного города правителя Франции.

Глава 4

Конунг Александр и его свита увидели эти корабли и пришли в восхищение, заметив искусство управлять судами и обходительность⁷⁷ прибывших людей. Благодаря замечательному посланцу он (*Александр. — II. М.*) незамедлительно получил сведения о происхождении предводителя отряда. И как только он узнал, насколько знатен был тот человек, который к нему явился, то послал своих рыцарей навстречу королевскому сыну и пригласил его к себе домой на трёхдневный пир. Тот принял это приглашение с благодарностью и признательностью.

Во дворце конунга сейчас же последовали приготовления. А затем явился Кларус с пятьюстами людьми. Конунг Александр встретил его с почестями и посадил рядом с собой на престол. Тотчас же начался великолепный пир, во время которого были вручены редкие и дорогие дары и поданы королевские напитки. Все люди той страны и равным образом сам конунг были поражены красотой и учтивостью, утончённостью и обходительностью⁷⁸ королевского сына Кларуса. В палатах тогда зазвучали громкие голоса, и не только в палатах, но и во всём городе, в котором вести распространялись, как огонь в траве, ибо нельзя было найти человека подобного Кларусу, королевскому сыну, даже если обыскать весь мир. Действительно, этот слух достиг внутреннего двора и через запертые двери замка ушей конунговой дочери, и ей очень захотелось узнать, есть ли правда в этих новостях. И так прошёл первый день пира.

⁷⁶ В основе синтаксической конструкции, использованной в саге (*og að skipunum búnun og öllum blutum vel til fengnum* — «И когда корабли приготовили и обо всех вещах позаботились»), вероятно, лежит латинский оборот *ablativus absolutus*.

⁷⁷ «Обходительность» (*hæveska*), заимствование из нижненемецкого *hovesch* (совр. нем. *höflich*), — ключевое слово в саге, его значение предполагает соответствие этическим нормам, вежливость, хорошие манеры, куртуазное поведение.

⁷⁸ В качестве вторых членов парных формул используются синонимичные заимствования: в первой формуле *fegrð ok kurteisi* ‘красота и учтивость’ употребляется французское заимствование *kurteisi* ‘куртуазность’; во второй формуле *list ok hæversku* ‘утончённость и обходительность’ — заимствование из нижненемецкого (*hæveska* ‘обходительность’, ср. нижненем. *hovesch*; нем. *höflich*). Принимая во внимание семантику слова *list* ‘умение, искусство, утончённость’, можно предположить, что функция скопления трёх контекстуальных синонимов в соседних формулах состоит в акцентировании обходительности, воспитанности, куртуазности героя и предваряет мотив оскорбительного поведения героини.

Глава 5

Когда наступило утро второго дня пира, госпожа Серена сказала своей прислужнице Текле: «Сегодня ты спустишься из башни с двенадцатью служанками в палаты моего отца и станешь смотреть со всем вниманием на сына чужеземного короля, его красоту и сложение, и всё его поведение, утончённость и обходительность, ибо нас интересует, есть ли правда в тех слухах, которые распространяются о его внешности и мудрости. Наблюдай за ним, чтобы хорошенько понять, достоин ли он по своему воспитанию того, чтобы быть приглашённым к нам на пир. Ты жизнью ответишь, если нас подведёшь».

«Моя госпожа, — сказала Текла, — я с радостью выполню твоё поручение».

И она сразу же спустилась со своими двенадцатью служанками, и никто не помешал ей на пути, и пришла к престолу конунга Александра, и поклонилась ему, и почтительно приветствовала и его, и Кларуса, королевского сына, со всей его знатной свитой. Госпожа Текла была одета в яркие наряды и сопровождающие её прислужницы тоже. Она была и изящна и красива, и владела необычайным красноречием, и её можно было принять за самую обходительную девушку королевского рода, если бы такая драгоценность не была помещена в иную оправу⁷⁹, и то была конунгова дочь Серена.

Конунг Александр радостно её приветствовал, и вместе с ним все, кто там были, и он пригласил её сесть. Но она заняла место рядом с королевским сыном Кларусом, чтобы лучше выполнить своё поручение. Королевский сын сразу же понял, благодаря своей мудрости, что её приход был вызван желанием его узнать, и позволил ей сделать это, и поместился прямо перед ней. Всё прошло, как он и ожидал, и когда она полностью выполнила поручение своей госпожи, то раскланялась с ними, пожелала им доброго дня, и возвратилась со своей свитой, и никто ей не помешал, как и прежде, и она взобралась на башню.

Госпожа Серена с радостью её приветствовала, а затем спросила о своём поручении и о том, насколько величественным и обходительным оказался королевский сын. «Госпожа, — сказала Текла, — этого юного воина зовут Кларус, он сын Тибурция, короля Саксонии. О его внешности можно сказать, что ангелы на небесах красивее и светлее⁸⁰, но не такие высокие и крепкие. И то же можно сказать о его учтивости и его поведении, насколько я могу о них судить. И такое суждение я

⁷⁹ Предполагается, что в основе употребленного в саге выражения *ef eigi hefði þrúllkur gimsteinn legið í annað skaut* — «если бы такая драгоценность не была помещена в иную оправу» (досл. «складку одеяния») лежит юридический фразеологизм *að leggja í skaut*, встречающийся в исландском кодексе законов «Серый Гусь» (*Grágás*) (*Hughes S. F. D. Klári saga as an Indigenous Romance*. P. 140).

⁸⁰ Парная формула «красивее и светлее» (*bjartari ok fegri*), вероятно, содержит аллюзию на имя Кларус — «светлый» — *bjartr* (см. примечание 54). Седершёльд предполагает, что в латинском оригинале (если он существовал) могла встречаться игра слов: *Clarus* — *clariores* (*Klári saga*. S. XXII).

могу сообщить тебе, моя госпожа. Исключая тебя, в мире нет никого, равного ему по знатности и достоинству».

«Достоверны две новости, — сказала госпожа Серена, — что ты находишься под сильным впечатлением, и мы в конце концов выясним, так ли в действительности обстоят дела. Но сначала мы подождём и посмотрим, как пройдёт пир. Нам кажется, что как только закончится конунгов пир, королевский сын пригласит нашего отца на трёхдневное пиршество в свой шатёр. Мы хотим осуществить наши намерения через несколько дней и тогда посмотрим, как сложатся обстоятельства».

И что же далее? Именно это и случилось, когда королевский сын пригласил конунга Александра на пир в свой шатёр, и конунг вместе со своими пятьюстами людьми принял его приглашение с благодарностью и признательностью. Немного прошло времени, прежде чем пир стал таким весёлым, что конунг и все его спутники поняли, что никогда так не подкреплялись кушаньем и не отдыхали в обществе таких могучих дружинников. И так прошли следующие три дня.

И по окончании пира госпожа Серена заговорила со своей прислужницей Теклой. «Сейчас ты спустишься со своими двенадцатью служанками в шатёр к королевскому сыну и пригласишь его сегодня к нам на башню со столькими людьми, сколько он захочет взять с собой».

«Я обязана, госпожа, — сказала Текла, — исполнить твое приказание. Но я хочу попросить тебя, чтобы ты обращалась с этим человеком с уважением, и обошлась с ним так, как требует твоя знатность и как он заслуживает, воздерживаясь от всякого вероломства и обмана».

Как только госпожа Серена услышала это заявление⁸¹, то гневно ответила: «Замолчи и исполни наше приказание и не давай нам советов, прежде чем тебя не спросят». И на этом завершился их разговор.

Глава 6

На следующий день после того, как закончился пир у Кларуса, в третьем часу госпожа Текла спустилась с башни со своими двенадцатью прислужницами, не останавливаясь по дороге, пока не пришла в шатёр Кларуса, королевского сына. Тогда она предстала перед ним со всем приличием и достоинством, поклонилась ему и учтиво его приветствовала. Он радостно её принял и спросил, кто она. Она назвала ему своё имя и род и обратилась к королевскому сыну: «Я пришла передать тебе приглашение своей госпожи Серены, дочери французского конунга. И оно состоит в том, что она зовёт тебя сегодня на пир в свою башню со столькими людьми, сколько ты сочтёшь необходимым взять».

⁸¹ Слово со значением «ходатайство, заявление, представление» (*fram-burðr*), которое употребляется в связи с настоятельной просьбой Теклы обращаться с Кларусом вежливо, даёт один из многих примеров использования юридической лексики в саге.

Услышав слова девицы, Кларус, королевский сын, очень обрадовался и ответил так: «Приглашение, которое ты, молодая госпожа, нам передала, мы принимаем с бóльшей радостью, чем всё золото Аравии; а страна Аравия более богата золотом, чем любая земля под солнцем». И он счёл, что все королевства в мире стоят меньше, чем тот привет, который был ему сейчас передан. «Мы придём, — сказал королевский сын, — с шестьюдесятью лучшими моими людьми, если ты полагаешь, что это не слишком много».

«Мы считаем, что это слишком мало, а не чересчур много, — ответила Текла, — ибо такому господину, как ты, подобает пригласить столько людей, сколько тебе приятно».

И она тотчас ему поклонилась и пожелала хорошего дня, а затем отправилась в обратный путь со своей свитой. Она сейчас же поднялась на башню и сообщила конунговой дочери, что королевский сын принял её приглашение. Она, как и прежде, сказала, что никто, подобный Кларусу, никогда не приезжал туда ранее, как сама госпожа Серена сможет подтвердить.

На башне сразу же начались великие приготовления, не похожие на те, что бывают в повседневной жизни. Всё было покрыто пурпуром, вышитым золотом, и златоткаными коврами, а остальное было убрано самыми дорогими тканями, так что на стенах не было видно пустых мест, кроме тех, которые были нарочно так оставлены, чтобы произвести впечатление.

И когда приготовления к пиру были завершены, то Кларус, королевский сын, прибыл к подножию башни со своими людьми. И Текла уже была там и со всею учтивостью проводила его и его людей к дверям замка, и ввела в палаты, которые были приготовлены к пиру. И когда он вошёл в двери, то там уже стояли прислужницы с чашами из червонного золота⁸². Всё вокруг сверкало так, что трудно было смотреть, и весь потолок был покрыт чистым золотом. Он был изукрашен и расписан изображениями и астрономическими картинами, и учёными рисунками всех видов. Всё благоухало самыми дорогими душистыми травами. И столь великий человек, наделённый такой властью (*как Кларус. — И. М.*), туда никогда не входил; и можно заметить, более не войдет. Столь приятны были благовония, которые они могли обонять, что им казалось, они были в Раю⁸³. И хотя Кларус, королевский сын, был рождён на свет в престольных палатах, он был поражён тем необычайным великолепием, которое там можно было увидеть.

Госпожа Серена восседала на подушках, а у её ног лежала львица. Она (*Серена. — И. М.*) была так нарядно одета, что ни один из живущих не видел бóльшей роскоши. И господин Перус не был не прав, когда говорил, что в её красивом лице скрывается какое-то особое хитроумие; и всё-таки впечатление было самым необыкновенным, настолько чудесными были её прекрасные черты. И когда

⁸² В словосочетании «с чашами» — *med minnlaugum*, возможно, произошла субституция *n* вместо *d* (*minnlaug* вместо *mundlaug* ‘чаша для омовения рук’); мытьё рук перед вкушением пищи и после этого было принято на скандинавских пирах.

⁸³ Для обозначения Рая используется латинское заимствование *Paradis* (ср. лат. *Paradisus*).

королевский сын и его спутники вошли в дверь, госпожа поднялась ему навстречу, учтиво приветствовала и его, и всех приглашённых людей. И он радостно поздоровался с нею. Тотчас же совершилось омовение, и потом они вместе уселись на высокие сидения, а рыцари Кларуса заняли места близ него по своему происхождению; рядом с конунговой дочерью сидели её прислужницы, а те, что были выбраны для того, чтобы стоя отдавать почёт гостям, были наиболее знатными людьми во Франции.

У них был самый великолепный пир с всевозможными увеселениями и изысканными кушаньями, отборными винами и благородными напитками. Госпожа Серена была очень весела и приветлива со своими гостями. И как только стали разносить пиво, королевский сын завёл разговор и откровенно рассказал госпоже о своём деле и сватовстве. Он всё сказал ей до того, как спросил совета у самого конунга, и тем подтвердил, что благодаря их мудрости ей и конунгу принадлежат вся власть и закон в королевстве. Кларус заметил, что хотел спросить, совпадают ли в этом вопросе их намерения. Конунгова дочь приняла его слова с большой радостью, так что её ответ казался благоприятным⁸⁴. И жизнь королевскому сыну представилась не более ценной, чем тень, по сравнению с расположением и поддержкой госпожи Серены, конунговой дочери, которыми, как ему казалось, он уже заручился, судя по её разговору и веселью.

Глава 7

Понадобилось бы много времени, чтобы рассказать обо всех дорогих яствах и редкостных угощениях, которые явились на пиру. И мы решили оставить всё это и опустить то, что было подано королевскому сыну и конунговой дочери. И напоследок принесли сваренные всмятку яйца, которые, как считается многими придворными людьми, полезно есть после трапезы. Конунгова дочь тотчас же взяла яйцо и спросила королевского сына: «Господин Кларус, — сказала она, — не хочешь ли ты в порядке любезности разделить со мною это яйцо пополам и съесть вторую половину?»

«С удовольствием, Госпожа», — ответил он.

И тогда она наклонилась и сделала вид, что выпила его, и протянула королевскому сыну (*оставшуюся часть*. — II. М.). На нём была надета дорогая, хорошо сотканная накидка, а под ней тёмно-коричневая куртка из парчи⁸⁵, на которой

⁸⁴ В оригинале использован фразеологизм *við hvert orð þótti grös gróa* — «с каждым (сладким, лстивым. — II. М.) словом, казалось, вырастала трава».

⁸⁵ Слово *cyclas*, *cycladis* заимствовано из средневековой латыни и обозначает лёгкое одеяние из шёлка или парчи с декоративной вышитой каймой (ср. *ciclade auro texta* — «одеяние, расшитое золотом» в *Passio Sanctae Agnetis* Псевдо-Амвросия — строка 24; об этом сочинении см.: Sources of Anglo-Saxon Literary Culture: Volume One: Abbo of Fleury, Abbo of Saint-Germain-des-Pres and Acta Sanctorum / Ed. by F. M. Biggs, T. D. Hill, P. E. Szannach and E. G. Whatley, with the assistance of D. A. Oosterhouse. Kalamazoo (MI), 2001. P. 57–59).

сверкали золотые вышивки и драгоценные камни, украшающие ворот и рукава. Говорили, что ему от рода восемнадцать зим.

И тогда он вознамерился принять яйцо самым изысканным образом. Но как только он взял яйцо, она задела его своими пальцами. И из-за того, что яичная скорлупа перевернулась, и она его подтолкнула, он уронил яйцо и пролил его себе на грудь так, что желток испачкал его куртку до самого пояса. Сейчас же произошла мгновенная перемена, будто темные тучи затмили радостный солнечный свет, и скверная погода обрушилась на судно, которое прежде следовало при благоприятном ветре. И он мог бы назвать её Северой вместо Серены⁸⁶, ибо она отбросила всю свою приветливость и стала враждебной⁸⁷. Помимо всего, она стала насмехаться над ним, говоря следующие слова⁸⁸: «Посмотрите сюда, — сказала она, — у нас завёлся неотесанный, вонючий деревенщина, такой, как ты! Зачем ты так позорно покинул материнский дом и унёс оттуда свои отвратительные ножищи, раз у тебя не хватает воспитания на то, чтобы успешно донести еду до рта в обществе приличных людей? Сейчас же убирайся из этой комнаты, противный мужлан, со всеми своими пешедралами и разбойниками⁸⁹, которых ты сюда притащил, если не хочешь быть осмеянным!»

Какой смысл медлить? Так случилось, что столы оказались убранными, и королевский сын со своими людьми удалился с пира без омовения; его попросту выставили за дверь, которая за ним немедленно захлопнулась. Конунгова дочь же тотчас уселась, весёлая и довольная, и решила, что всё отлично устроилось. А он пошёл в свой шатёр, багровый (*от гнева. — II. М.*) и рассерженный, и решил, что лучше бы у него было совсем мало денег или он полностью утратил большую часть тех преимуществ, которые у него были от рождения, чем навлёк на себя такой стыд. Но всё обстояло именно таким образом.

А затем по прошествии нескольких дней, он приказал людям готовиться в путь. Что же ещё? Как только ветер стал попутным, он уехал, не попрощавшись ни с королём, ни с кем-либо другим. А тёмно-коричневую куртку с пятном, которое он заслужил на пиру у госпожи, он положил в запирающийся сундук. Он тотчас же поднял парус, и условия у него были такими же благоприятными, как и раньше, так что он прибыл живым и здоровым домой в Саксонию.

Король его достойно встретил и господин Перус тоже, и, как полагалось по обычаю, они спросили его, как прошла поездка. Но Кларус на первых порах рассказал о ней немного. Сначала о путешествии королевского сына говорили очень мало, ибо никто не знал, как он был оскорблён, кроме тех, кто были с ним на башне,

⁸⁶ В саге обыгрываются значения латинских слов *serenus* 'спокойный' и *severus* 'суровый' (Серена = «спокойная» превратилась в Северу = «суровую»).

⁸⁷ В саге сказано, что она надела на себя волчью шкуру, приняла обличье волка, то есть стала по-волчьи злобной (*hon tekr sér þann vargham*).

⁸⁸ Использованное в саге выражение *með svo föllnum ordum* (букв. «с такими следующими словами») встречается в юридической фразеологии.

⁸⁹ В саге использовано латинское заимствование *ribboldum* от лат. *ribaldus* 'разбойник'.

а он, под страхом смерти, приказал им ничего об этом не рассказывать и повиноваться ему даже в самом малом.

Глава 8

Однажды, когда прошло немного времени, они гуляли и разговаривали, король, его сын Кларус и господин Перус. Тогда королевский сын рассказал отцу всю свою историю, заклиная обоих, короля — его доброй славой, а Перуса — его мудростью, посоветовать ему, как обрести свое достоинство.

Король был чрезмерно рассержен этим рассказом, полагая, что он повредил его величию. Он сказал, что с радостью сделает всё, что в его силах, чтобы восстановить их доброе имя, но, с другой стороны, конечно, не может советовать в делах такого рода. Однако он с удовольствием попытается найти решение, даже если оно будет стоять половины его королевства.

Господин Перус сказал, что было бы неразумно и далее зависеть от такой неприятной (*девицы. — II. М.*), как конунгова дочь Серена, ибо чего можно добиться, если они и дальше будут иметь с ней дело. Королевский сын заявил, что господину Перусу легко избрать такой способ действий при его мудрости, уме и знанию книг⁹⁰. Однако господин Перус не обратил внимания (*на его слова. — II. М.*) и повторил, что всё это не приведет к добру. Тогда Кларус ответил на его речи так: «Для чего король, мой отец, искал тебя, отверженный⁹¹, в такой дали, как Аравия? Для того чтобы получить от тебя помощь, образование и мудрость! А ты являешься сюда, чтобы ничего не делать, а только пророчить беду или предрекать несчастье! Со всем своим умом ты не лучше погонщика волов или луковой головки и никогда не совершил ничего хорошего! Сейчас же выбирай одно из двух: или я отсеку своим мечом твою никчёмную языческую голову, чтобы ты мог подобрать с земли свои мозги, или, если ты можешь мне предложить кое-что получше, то дай совет, как мне отомстить за свой позор, да так, чтобы мы обрели славу и честь, а ты — хвалу и почёт за свои знания».

Господину Перусу такое решение показалось немного опрометчивым⁹², и он стал размышлять несколько усерднее, чем раньше, а через некоторое время произнес: «Хотя мы можем распоряжаться всеми запасами королевства и тем небольшим умом, который у меня есть, мне всё же неизвестно, будет ли исход дела позорным или славным. Но если мне придётся принимать в нём участие, то нет другого выхода, кроме того, чтобы ты доверил мне управление королевством на три года».

Королю тотчас же показалось, что это чрезмерная просьба, однако он распорядился соответствующим образом. Теперь всё так и произошло, что

⁹⁰ Вероятно, Кларус отвечает Перусу с иронией.

⁹¹ В оригинале употреблено слово *bannsettr* 'тот на кого наложено отлучение, запрет, проклятие'.

⁹² Ироническая интонация появляется благодаря использованию литоты: «Перусу решение (*отсечь ему голову*) показалось немного опрометчивым».

господин Перус взял в своё управление все королевские сокровищницы и всю страну, так что все мастера и другие люди должны были слушаться его приказаний и запретов⁹³.

Глава 9

В первый год правления господин Перус созвал всех мастеров, которые были во всей стране саксов, и наказал им исполнить огромную работу. Он велел им отлить рукоятки и заклепки на планках из меди, таким образом, как, по слухам, принято у знатных людей в их шатрах. И он обязал их все выгравировать и украсить золотом с непревзойдённым мастерством. И когда всё было закончено, он распорядился повесить драпировки самых прекрасных цветов, но не чрезмерно дорогие. После этого он потребовал построить шатёр такой великолепный, чтобы все люди захотели его увидеть.

Он (*Перус. — II. M.*) поручил, чтобы перед шатром был отлит бурый медведь⁹⁴, очень большой, из того же металла (*меди. — II. M.*) и инкрустирован золотом. В каждой ноге медведя мог поместиться человек, он (*медведь. — II. M.*) был очень гибким и сделан так искусно, что когда люди находились внутри него, то казалось, что он ходит, когда ему приказывают.

Он (*Перус. — II. M.*) также велел сковать ожерелье из цепи и повесить медведю на шею, а от шеи спустить цепи по обе стороны, а другой конец цепи был закреплён в середине каркаса шатра. А те люди, которым приказывали, поднимали ноги медведя так, как это было описано. Казалось, что медведь бежал перед шатром и тащил его в нужное место. Все были изумлены тем, сколь искусно это было сделано. Вся эта работа была выполнена в первый год правления господина Перуса.

Глава 10

Во второй год правления господин Перус приказал исполнить другую работу, похожую на первую. Это был другой шатёр, более богатый, чем первый, все рукоятки и флюгеры с планками и заклёпками были сделаны из чистого серебра и были украшены и отделаны филигранью, обрамлённой большими кораллами. Он заказал, как обычно, наилучшие ткани для этого шатра, так что не было использовано ничего, кроме алого, голубого, пурпурного шёлка и разных

⁹³ Происхождение парной формулы *hlýða bōði og banni* — «слушаться приказаний и запретов» связывает её с законами (ср. в «Законах Гулатинга»: *konongr skal ræða bode og banne* — «конунг должен управлять приказаниями и запретами»: Den ældre Gulatings-Lov // Norges gamle love indtil 1387 / Utg. ved R. Keyser og P. A. Munch. Christiania, 1846. Bd. I. Norges love ældre end Kong Magnus Haakonssöns regeringstiltrædelse i 1263. S. 96).

⁹⁴ Медведь — тотемное животное в северных странах (*Bonser W. The Mythology of the Kalevala, with Notes on Bear-worship among the Finns // Folklore. 1928. Vol. 39. Issue 4. P. 344–358*).

драгоценных металлов⁹⁵. И этот шатёр был изготовлен ещё с большим мастерством, чем предыдущий, и всё было наилучшего качества.

Он (Перус. — II. М.) приказал, чтобы перед этим шатром был сделан исключительно огромный лев⁹⁶, украшенный чистым золотом, а сам из чистого серебра, и он (лев. — II. М.) казался живым. И так же, как и к лесному медведю, к нему был прикреплен цепью шатёр, и казалось, что шатёр двигался в то место, в которое приказано.

Поистине, ничего, сделанное руками, не походило на то, что выковали кузнецы. И тогда прошёл второй год правления господина Перуса.

Глава 11

На третий год правления господин Перус объявил о третьей постройке, и это был шатёр. Все заклепки и шишечки сверху, и флюгер на этом шатре были из чистого золота, и все обрамлены сияющими драгоценностями. И столь великолепной была ручная работа, что больше восхищались искусным мастерством, с которым она была выполнена, чем внешним видом шатра. Он выбрал все самые дорогие виды полотна, какие только можно было достать, самые ценные материи, затканые золотом, пурпуром, и тонкий шёлк, сатин и парча и многие другие ткани, которых мы не можем назвать. Все канаты в этом шатре были обёрнуты золотом, и все рукоятки на столбах, которые стояли в середине шатра, напоминали о пылающем огне из-за тех рубинов⁹⁷, которыми они были обрамлены. Перед этим шатром он приказал поместить грифона⁹⁸ из чистого золота, который благодаря тайному мастерству, казалось, двигался перед этим шатром, перемещаясь туда, куда приказывал господин Перус. А на шее грифона, как и прежде, помещалась цепь с золотым воротом, которая была привязана к передней части шатра.

И когда эта великолепная постройка была закончена, все пришли в восхищение, увидев её, так что о том, что было изготовлено прежде, вспоминали гораздо реже. Этот шатёр был более пышным и больше предыдущих. И никто не знал точно, для чего это было сделано, кроме господина Перуса. Вся эта постройка была полностью закончена в третий год правления господина Перуса.

После этого он собрал все самые большие корабли, числом шестьдесят, и оснастил их наилучшим образом и обильно нагрузил их разнообразными ценными

⁹⁵ Можно заметить сходство описания шатра в саге с изображением скинии в Исх. 36:8: «И сделали все мудрые сердцем, занимавшиеся работою скинии: десять покрывал из крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти; и херувимов сделали на них искусною работою».

⁹⁶ Лев — символ Евангелиста Марка; тотемное животное в южных странах.

⁹⁷ Для обозначения драгоценных камней в саге используется латинское заимствование (*af þeim carbunculo*), ср. лат. *carbunculus* — гранат или рубин.

⁹⁸ В тексте использовано слово *gammr* ‘стервятник’, однако предполагается, что создатель саги мог иметь в виду сказочное животное, напоминающее грифона с головой и крыльями орла и телом льва (Bernström J. Gamar // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid / Utg. I. Andersson, J. Granlund. Malmö, 1960. Bd. 5. Frälsebrev — Gästgiveri. Sp. 169–170).

предметами, золотом и серебром, драгоценными тканями, вином, мукой и всевозможными редкими и благоуханными травами. Он приказал приготовить для королевского сына наилучшее судно с головой дракона⁹⁹ и в изобилии снабдил его всеми припасами¹⁰⁰ королевства. Он выбрал команду из самых высоких и сильных, вооружённых наилучшим оружием, и никто не был более хорош собою, чем они.

И когда корабли были совершенно готовы, Кларус и господин Перус получили от короля разрешение отплыть. Затем они направились со своей флотилией в море и поплыли во Францию. И спустя некоторое время они приблизились к городу, которым правил конунг Александр. И господин Перус приказал спустить паруса, а затем скомандовал держать совет и попросил королевского сына отплыть с ним на вёслах к берегу, а всем людям велел некоторое время подождать. И так они и поступили. И они тотчас же вошли в небольшую долину, и там господин Перус спросил королевского сына: «Чего ты ждешь от этого путешествия? Намереваешься ли ты предстать перед конунговой дочерью так же открыто, как и прежде? Разве она не узнает тебя и не станет презирать, невзирая на твое могущество?».

«А это мы ещё посмотрим», — сказал Кларус. И сейчас же господин Перус достал из мешка платок и развязал его, и в нём оказалось нечто вроде золы¹⁰¹. Он посыпал золой на лицо королевского сына, и сильно потёр, пока кожа не согрелась под его руками. После этого он взял зеркало и попросил королевского сына посмотреться в него, чтобы убедиться в том, что ему не нанесено никакого вреда. Он (*Кларус. — II. М.*) увидел, что лицо у него стало чуть-чуть смутным, как у тех людей, которые долгое время живут в отдалённых местах под солнечными лучами. Тогда сказал господин Перус: «Надеюсь, что госпожа Серена теперь не сможет тебя узнать. Сейчас ты поменяешь и своё имя, и своё отечество: ты будешь зваться Эскельвардом, сыном конунга Страны Черных Людей¹⁰², и ты сделаешь предложение конунговой дочери Серене. И ты объявишь всему судну, что это и есть твоё имя, и пригрозишь смертью каждому, кто откроет твоё настоящее имя».

⁹⁹ «Судно с головой дракона» (*dreka*) — драккар, деревянный корабль викингов с низкими бортами, высоким резным килем и кормой.

¹⁰⁰ Для обозначения тех припасов, которыми нагрузили корабли по приказанию Перуса, использовано немецкое заимствование *spizadan* < нем. *Speisen* ‘провизия’.

¹⁰¹ Упоминание золы как средства изменения внешности заставляет вспомнить о героях и героинях волшебных сказок о Золушке, Иване Запечнике, Аскеладдене (о связи этих героев с родовым очагом, см.: *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 53–54).

¹⁰² Название страны *Bláland* использовалось скандинавами эпохи викингов для обозначения северной Африки, жители которой назывались *blámenn*. В «Саге об Инглингах» говорится: «*Svíþjóð hina miklu kalla sumir menn eigi minni en Serkland hið mikla, sumir jafna henni við Bláland hið mikla. Hinn nyrðri hlutur Svíþjóðar liggur óbyggður af frosti og kulda, svo sem hinn syðri hlutur Blálands er auður af sólarbruna*» («Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустыня из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустыня из-за солнечного зноя»: *Сага об Инглингах* / Пер. М. И. Стеблин-Каменского // *Сноффри Стурлусон. Крут Земной* / Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 11).

И с этим они отплыли обратно на корабль. Кларус приказал объявить об этом всем людям на кораблях, и все согласились сделать так, как он приказал.

После этого они подняли паруса и не останавливались, пока не оказались перед самым главным городом французского конунга. И тогда они быстро высадились на землю и устроили для себя изысканные покои. Местные люди восхищались обходительностью и знатностью этих людей и их достойным поведением. Они приготовили себе еду, а после этого улеглись на покой и проспали всю ночь.

Глава 12

Когда наступило утро, Кларус поднялся вместе со своими людьми. Тогда мастерство господина Перуса сразу же стало явным, ибо первый шатёр был поднят на носовой части драккара, и бурый медведь отправился по берегу к тому месту, где должен был, согласно знаку Перуса, стоять шатёр, и занял место прямёхонько напротив шатра. И все были очень довольны тем местом, где остановился медведь.

В тот момент Серена подошла к окну, чтобы развлечься. Она смогла увидеть только что прибывшие корабли, а неподалёку от них великолепный шатёр, который сиял, как пламя, в свете утреннего солнца. Тогда её сердцем завладели два чувства: изумление и алчность, так как она жаждала обладать всем, что видела, если это имело ценность. Она тотчас же позвала свою служанку Теклу и приказала ей поскорее спуститься со своими прислужницами и разузнать новости.

Она (Текла. — II. М.) немедленно сделала то, что ей приказала госпожа, и спустилась с башни вместе со своими людьми. И там она встретила рыцарей конунга Александра и тех, кто подходил к шатру, чтобы узнать, кто был предводителем этого каравана судов. Но они отвечали, что не знают, и сказали, что предводитель очень могущественен и горд, и они не смогли с ним поговорить. Несмотря на это, она приблизилась к шатру. А раз она подошла ближе к шатру, чем люди короля, то спросила одного из выдающихся мужей из отряда об имени и отечестве их предводителя. Она немедля возвратилась и была готова рассказать своей госпоже о том, что предводитель звался Эскельвардом и доводился сыном конунга Страны Черных Людей.

И тогда заговорила конунгова дочь: «Очевидно, их драгоценности, привезённые из путешествия¹⁰³, совсем не те, что у нас. И я никогда не видела лучшего сокровища, чем тот шатёр, который у них есть, и мы с радостью купили бы его или получили в дар, если бы это было возможно. Ты сейчас же спустишься с башни с двенадцатью служанками и повидеешься с ним, и сегодня же пригласишь в

¹⁰³ «Сокровища, привезённые из путешествия» (*fararblóma* — «цветы путешествий»), то есть всё, что располагается на судне и его украшает, включая ценность груза.

наше жилище этого господина Страны Черных Людей вместе со столькими людьми, сколько он пожелает взять».

«Как я могу, — сказала Текла, — пойти и заговорить с этим чужестранным и незнакомым предводителем, когда он столь горд и величествен, что рыцари твоего отца, короля, сообщили мне, что никому не удалось добиться встречи с ним?».

«Ты пойдёшь к нему, если дорожишь жизнью! — воскликнула конунгова дочь. — И, может статься, что он не станет обращаться с тобой, как с другими людьми».

Долго ли, коротко ли они об этом говорили, но Текла отправилась к шатру вместе со своими прислужницами. Она подошла очень скромно, и попросила разрешения войти, и его получила. Тогда она предстала перед господином и учтиво его приветствовала. Но он ответил ей весьма спокойно и снисходительно. И тогда сказала Текла: «Я должна передать тебе, господин, приглашение от своей госпожи Серены, дочери французского конунга. Дело обстоит так, что она просит тебя придти сегодня в её жилище на башне со столькими людьми, сколько тебе кажется приличным взять с собой». Господин отвечал ей с сомнением, однако после уговоров прислужницы, он наконец согласился придти. И тогда она возвратилась на башню рассказать своей госпоже, что её приглашение принято.

И сейчас же на башне начались великие приготовления, как и раньше. И в назначенное время господин из Страны Черных Людей подошёл с шестьюдесятью людьми к башне. И там, так же, как и прежде, госпожа Текла со всеми почестями пригласила войти и его, и всех людей. Госпожа Серена тотчас же приветствовала своих гостей с большим гостеприимством и учтивостью и усадила их, как и в прошлый раз.

Глава 13

Тогда начался такой же великолепный пир, как и прежде. Господин вёл себя довольно холодно. Однако госпожа Серена держалась приветливо и радостно, угождая ему своим расположением. И когда пиво пошло вкруговую, он стал более дружелюбным. И тогда госпожа спросила его о его имени и отечестве, и он ответил. Серена тотчас же сказала: «Судя по твоим сокровищам, привезённым из путешествий, южный мир совсем не похож на наши края в том, что касается богатств и драгоценностей, ибо я никогда не видывала более красивой и изящной вещи¹⁰⁴, как тот замечательный шатёр, которым ты владеешь. В наши намерения входит купить этот шатёр, если это возможно. И я бы с радостью приняла его, если бы ты мне его отдал».

Господин ответил медленно, сказав, что это невозможно, и что не его это дело быть торговцем. И чем больше он отказывался, тем больше конунгова дочь

¹⁰⁴ Формула «более великолепной и изящной вещи» (*mektugra grif ok klénna*), которая описывает шатёр, состоит из двух нижненемецких заимствований: *mektugr* (ср. нижненемецк. *mechtich*) и *klénna* (ср. нижненемецк. *klén* ‘маленький’).

настаивала. И долго ли, коротко ли, но так случилось, что он назначил цену за шатёр, сказав, что откажется от своего владения, только в обмен на её нежность¹⁰⁵. И тогда конунгова дочь на некоторое время замолчала, но когда она сообразила, сколько разных уловок ей известно, то сказала так: «Мы бы ни за что даже не стали и думать о том, чтобы так позорно продать нашу славную честь, если бы только не самые исключительные обстоятельства. Если ты пообещаешь мне и поклянёшься, что получишь от моего отца позволение взять меня как целомудренную¹⁰⁶ королевскую дочь и королеву, и мы не откроем того позора, которому должно случиться, то сможем закончить это дело».

А что же дальше? Произошло именно то, что пообещал господин; тогда приступили к тайным переговорам, и была принесена клятва. А потом было принято решение, что он пораньше уйдёт с пира, а когда наступит вечер, вернётся к подножью башни. Текла будет там и впустит его. Он пообещал устроить так, что шатёр будет отдан утром тем, кого госпожа пришлёт за ним.

Какая нужда в спешке? Всё произошло согласно договоренностям, и господин вернулся рано с пира к своим людям, а вечером снова медленно пришел к подножью башни. Текла была там, впустила его и провела наверх в солнечную комнату¹⁰⁷, где спала конунгова дочь. И она уже была в кровати¹⁰⁸ и сидела в своей вышитой золотом шёлковой сорочке, и со всей радостью приветствовала господина. И сейчас же Текла раздела его, и затем он лег в постель.

И госпожа Серена попросила Теклу принести им успокоительный напиток¹⁰⁹. И Текла взяла небольшой кубок и налила из него в чашу и подала госпоже. И тогда госпожа Серена обратилась к господину и спросила, будет ли он пить первым или последним. И он попросил её выпить первой. И она так и сделала и выпила всё. И затем она налила чашу во второй раз. И господин Эскельвард взял её и выпил, и сразу же заснул прямо в постели.

А конунгова дочь встала и оделась. И она сейчас же приказала Текле позвать пятерых дружинников из нижней части здания, и каждому велела принести свой самый огромный хлыст. Когда они пришли, госпожа сказала им: «Хватайте парня¹¹⁰, который лежит в постели, валите его на пол и избейте так, чтобы он хорошенько запомнил это, когда проснется утром!»

¹⁰⁵ «Нежность» (*blíða* ‘милость, расположение’) — в данном случае эвфемизм, обозначающий девственность.

¹⁰⁶ Причастие *ítekit*, букв. «не взятую», то есть целомудренную, представляет собой *hvarþr legomenon* и, возможно, калькирует латинское прилагательное *intacta*.

¹⁰⁷ В описании спальни Серены употреблено латинское заимствование *solarium* ‘солярий’.

¹⁰⁸ В оригинале использовано слово *sæng* ‘покрывало, одеяло’, однако оно применяется и для обозначения кровати.

¹⁰⁹ Обычай пить перед сном пиво или вино для улучшения сна был распространен в Средние века.

¹¹⁰ По отношению к сыну короля слово «парень» (*drenginn*) должно быть воспринято как оскорбление.

И вот, так они и сделали, бросили его на пол, как охапку сена, и молотили так, что содрали у него кожу с головы до пяток¹¹¹, и ничего на нем не осталось в целости, а их хлысты покрылись его плотью, и кожей, и кровью. Он не проснулся ни ночью, ни утром, пока солнце не поднялось высоко, и шатёр не был забран и помещён под охрану в кладовую королевской дочери.

И после того, как его грубо выбросили из башни, он отправился к своим людям, *позорно* обесчещенный, и никто никогда прежде не получал таких увечий, какие были сейчас ему нанесены. Господин Перус был очень опечален и заметил, что весьма неразумно быть во вражде с таким отвратительным существом, как конунгова дочь. Однако королевский сын обвинил его и сказал, что со всею своею премудростью он нисколько не лучше маленькой собачонки. И весь день он пил со своими людьми, и так как был молод, то вскоре обрёл силу, и ему помогали всеми наилучшими способами, какими только могли.

Глава 14

С тех пор прошло несколько дней, и однажды утром случилось так, что госпожа Серена снова уселась у окна и увидела зрелище, которое пронзило её сердце. Она тотчас воззрилась на то, как сверкающий лев из алого, как пламя, золота, так величаво тянул шатер с корабля, как она никогда прежде не видывала. И теперь она уже помнила о том, что получила, не более, чем о половинке самой мелкой монетки. Сейчас её сердце снедала жадность, причинявшая ей великое горе, и она поняла, как многого лишилась из-за того, что произошло. Но с другой стороны, её не покидала надежда, ведь у неё в запасе было немало хитростей, а у её прислужницы Теклы немало способностей.

И она немедленно позвала к себе Теклу и сказала ей так: «Где на свете можно найти человека, который настолько богат и владеет столь огромными сокровищами, как тот, кто сейчас прибыл сюда? Ты сейчас же пойдёшь и попробуешь исправить положение своей настойчивостью, и посмотришь, примет ли он наше приглашение». Тогда ответила Текла: «Как я могу сделать это, госпожа? Предстать перед взором господина после той беды, которая уже постигла его из-за моих слов? Ничего другого не может произойти, кроме того, что он снесёт мне голову или сожжёт меня на костре, если я только появлюсь перед его взором».

«Нет, — сказала *дочь конунга*, — всё будет гораздо лучше, так что верь в нашу удачу». Однако как бы долго они об этом ни говорили, случилось так, что Текла спустилась к шатру со своими прислужницами, вновь испросив разрешения войти, как и прежде, и передала господину приветствия от *дочери конунга*, и сказала, что она искренне сожалеет обо всём, что выманила у него обманом, и теперь считает его

¹¹¹ В формуле «с головы до пяток» (*milli hals ok hnakka*) используется аллитерация в экспрессивной функции.

превосходным человеком, и всё улучшит и исправит согласно прежним условиям, если он согласится придти к ней в гости.

Господин Перус посоветовал ей не доверять и сказал, что было бы лучше забрать шатёр и поднять паруса, а её оставить со всей её неумеренной алчностью. Королевский сын ответил, что положение будет лучше, если еще раз ей поверить, и заметил, что у неё такой нрав, что она может сама исправиться, добавив, что на всякое правило есть исключение. И случилось так, что Текла вновь возвратилась и сказала своей госпоже, что господин опять согласился к ней придти. И она (*Серена. — II. М.*) всячески поблагодарила её (*Теклу. — II. М.*) за путешествие.

Нет необходимости в слишком продолжительных речах, чтобы рассказать о том, что королевский сын явился на башню. И конунгова дочь постепенно произнесла все заклинания, при помощи которых им можно было овладеть, и привела в своё оправдание много различных лукавых объяснений. И вновь случилось так, что позднее, когда пиво было принесено, и господин развеселился, она потребовала шатёр. Очень кратким будет рассказ о том, как всё было устроено согласно тем же условиям, что и раньше. И можно быстро поведать о том, как Эскельвард ушёл, как он лёг в тот вечер в постель, выпил, заснул, был избит, выставлен с теми же увечьями, как и прежде, а шатёр перекочевал в кладовую конунговой дочери.

Так он вернулся к своим людям обещанный и пристыженный. Сейчас же между господином Перусом и королевским сыном установились холодные отношения: господин Перус винил его в том, что он обыскал весь мир ради того недруга, который навлёк на него несчастье, и в том, что его постигла неудача, тогда как счастливый случай ожидал его где-то в другом месте. А королевский сын ответил, что господин Перус сам навлёк на него всю эту неудачу, ведь он (*Клафус. — II. М.*) отправился в это путешествие из-за его (*Перуса. — II. М.*) пустой болтовни. А теперь он (*Клафус. — II. М.*) выглядит перед людьми, как посудомойка или погонщик волов, и его (*Перуса. — II. М.*) голова покатится с плеч, если он (*Перус. — II. М.*) не возьмёт на себя ответственность за все неудачи и не сможет навлечь позор на ту, которая всё это начала (*Серену. — II. М.*).

После этого они спокойно провели несколько дней, пока королевский сын продолжал поправляться.

Глава 15

Теперь остаётся рассказать о том, как однажды рано утром госпожа Серена подошла к своему окну посмотреть, что произошло и приключилось, и что может быть любопытного для её глаз или ушей. И сейчас же она увидела, как из драккара вылетает грифон со сверкающими золотыми крыльями и несёт великолепный шатёр, подобного которому она никогда не видела ни раньше, ни потом. Грифон приземлился на берег перед кораблём. Ей показалось, будто солнечный свет засиял

так же ярко, как сверкали те драгоценности, которыми было украшено это творение. У неё закружилась голова, и она почти потеряла сознание, так как её сердце переполнили два чувства: неутолимая жадность было первым, а вторым было сожаление об утраченных возможностях. И ей так захотелось заполучить этот шатёр, как и тот, которым она уже завладела, что ума у неё осталось не больше, чем у тухлой луковой головки. С одной стороны, она пришла в отчаяние от того, что этот хороший человек никогда больше ей не поверит, ведь она уже довольно неприятно обманула его два раза. Но когда она пришла в себя и обдумала произошедшее, то внушила себе надежду, предположив, что вновь, как и прежде, может положиться на свои уловки и помощь Теклы.

И она немедленно позвала к себе Теклу и заговорила так: «Слушай, дорогая подруга! — сказала она, — Можно ли найти где-нибудь в мире другого знатного человека, у которого столько сокровищ и богатств, как у этого?».

И тотчас ответила Текла: «И впрямь, госпожа! — воскликнула она, — как видишь, у этого человека больше славы и чести, чем у всех остальных в этом мире, и в самом деле кажется удивительным, почему ты обращаешься с ним, как с другими¹¹²? Стоит бояться, что кто-нибудь наконец отомстит за все твои проделки».

«Замолчи! — воскликнула конунгова дочь, — не навлекай на нас несчастья! Вместо этого, иди и пригласи его придти к нам самыми льстивыми словами, какие найдёшь».

«Я предпочла бы, — сказала Текла, — оставить тебя и службу и испытать любую нужду, только бы перестать быть лгуньей и мошенницей по отношению к такому достойному хёвдингу». И долго ли, коротко ли они о том говорили, но случилось, как и прежде, ведь советы дают власть имущие¹¹³, и Текла отправилась, несмотря ни на что, со своими людьми вниз в шатёр.

И теперь мы поведаем небольшой рассказ о том, что произошло в шатре, прежде чем она вошла. Господин Перус выпрузил с корабля маленькую круглую палатку и воздвиг её в центре большого шатра. У входа в эту палатку он поставил преграду, которую мы называем порогом¹¹⁴, и что-то вырезал и написал на ней. Он позвал королевского сына в эту палатку. И когда они сели, он сказал: «Я сделал

¹¹² В саге использована идиома *öllum eitt baka* — «печь для всех одно», то есть обращаться со всеми одинаково.

¹¹³ Составитель саги употребляет пословицу *hinn ríkari verður ráð að segja* — «богатые (или власть имущие) дают советы» (то есть те, кто имеют власть, могут приказывать) как ссылку на коллективную мудрость и как оправдание последующих действий Теклы.

¹¹⁴ Создатель саги даёт объяснение латинскому заимствованию *limitem*: «...og í durum þess tjalds setur hann ein limitem; það köllum vér þresköld...» («У входа в эту палатку он поставил преграду, которую мы называем порогом»). Возможно, переводчик или писец путает два латинских слова: *limes* «преграда, граница» (вин. падеж *limitem*) и *limen* «порог» (вин. падеж *liminem*). Вероятно, Перус ставит преграду на пути Теклы, отмечая границу того помещения, где ей приходится сказать правду. В саге слово «порог» употребляется дважды: в объяснении действий Перуса, поставившего преграду, «которую мы называем порогом» (*það köllum vér þresköld*), и Теклы, которая «переступает порог» (*ketur inn um þresköldinn*).

всё, что мог; и мастерство моё истощилось, если нам сейчас это не удастся. Вот тебе первое дело: как только госпожа передаст тебе приглашение и войдет в эту дверь, она ничего не должна успеть сделать, кроме того, чтобы принести тебе клятву. Вот тебе золото (*кольцо*. — *II. M.*), которое ты возьмёшь, и как только она войдёт, протяни ей руку, надень ей кольцо и крепко держи, так чтобы оно было на её руке, и проси её соблюсти тебе верность. Спроси её, почему ты и конунгова дочь пьёте из одного сосуда, который не причиняет ей вреда, а ты погружаешься в сон, похожий на смерть. Обещай ей, без лукавства, что если она будет тебе верной в этих трудных обстоятельствах, то ты возьмёшь её с собой домой, и она станет твоей королевой, если только сама не откажется».

И теперь когда они так поговорили, Текла вошла в шатёр и огляделась вокруг, но не увидела господина. Она спросила о нём, и дружинники ответили ей, что он в маленькой палатке, стоящей перед ней. И она приблизилась к двери с большим почтением, и спросила разрешения, и, получив его, вошла. И как только она переступила порог, разум оставил её, так как с ней произошло что-то, чего она никогда не испытывала. И она не могла изложить своего дела умело и красноречиво. И королевский сын взял её за руку и натянул ей кольцо и произнёс все слова, которые были сказаны ему прежде. И тогда ответила девица с великим беспокойством: «Не понимаю, что со мной происходит, ибо я никогда не нарушила бы доверия своей госпожи; с другой стороны, я сознаю, что могу причинить тебя вред не более, чем себе самой. Но пусть случится то, чему должно, и я проявлю осторожность и нарушу свою верность, будь это по моей вине или по какому-либо другому удивительному обстоятельству».

И тогда в разговор вступил господин Перус и сказал так: «Сделай так, моя дорогая, — молвил он, — не наливай ему больше коварных напитков, но отдай ему свою верность! Ибо ты теперь обязана ему, как своему мужу, из-за вашего тайного сговора»¹¹⁵.

«Теперь должно быть именно так, — ответила она, — и вот первое: у того сосуда, из которого ты пьёшь, два дна, она пьёт обычное пиво из верхнего отдела, но та предательская смесь, которую ты пьёшь из нижней части, тебя и усыпляет».

«Будь так добра, — сказал королевский сын, — никогда больше не давай мне этого напитка».

Она ответила: «Как я могу сделать это даже ради спасения жизни? Ведь она осматривает кубок и заметит любые изменения, и тогда я буду обречена на пытку».

После этого господин Перус вновь вступил в разговор и сказал Текле: «Ты возьмёшь самый слабый напиток, похожий на прежний, какой только найдёшь, и смешаешь их пополам в том отделе, из которого он пьёт, и она никогда этого

¹¹⁵ Никакого тайного сговора между Кларусом и Теклой не было.

не узнает. Тогда покажется естественным, что он сначала заснёт, но его сон будет не таким глубоким и длительным, как раньше». И на этом они и порешили.

На следующий день она возвратилась к своей госпоже, но лицо у неё было весьма пунцовым. Госпожа Серена приветливо с ней поздоровалась, спросила её о поручении и о том, почему она так взволнована.

«Меня удивляет, — сказала Текла, — почему ты меня спрашиваешь о том, может ли девица наконец смутиться, когда ей, как мне, приходится день за днём столь вероломно появляться перед таким достойным правителем. И хотя бы меня бросили в темницу, я больше никогда не пойду выполнять такие поручения. Тем не менее, я передала приглашение».

«Ты заслужила нашу благодарность, — ответила госпожа, — и получишь хорошее вознаграждение».

Прошло немного времени, и королевский сын вновь явился на башню и принял участие в пире. И долго было бы рассказывать о тех прекрасных словах, и миролюбивых речах, и кротких уговорах, и великих уловках, к которым прибегла конунгова дочь. Были оговорены те же условия, что и раньше. И быстро можно поведать о том, как всё произошло: королевский сын выпил, заснул, был избит, как и прежде, унижен и выброшен на пол.

Но всё это случилось так, как предсказал господин Перус, и сон его был не столь глубок, как раньше, и он проснулся посреди ночи; и хотя чувствовал себя несколько одеревеневшим, он точно помнил, куда ему нужно идти, чтобы отдохнуть. И он сейчас же взобрался в постель к дочери конунга, и провёл чудесную ночь до самого утра.

И когда взошло солнце, Текла подошла к постели и спросила, не пора ли одеваться и позаботиться о шатре. Тогда конунгова дочь ответила: «Оставь его в покое! — сказала она, — мы полагаем, что он отлично может быть как здесь, так и там».

«Вот это радость и хорошие новости, моя госпожа!» — сказала Текла и удалилась. А затем королевский сын оделся и вернулся к своим людям.

Мы коротко расскажем о том, как он в течение двух недель каждую ночь оставался на башне с конунговой дочерью. И таким образом он обсудил это дело с конунгом и взял её как свою законную королеву, как и обещал. И конунг весьма великодушно выделил ей наследство, золото и сокровища — в таком количестве, что и измерить было нельзя. И всё это богатство было погружено на корабль. И вскоре после этого королевский сын собрался в путешествие, и в течение нескольких дней всё было готово и собрано на борту, кроме большого шатра, в котором молодые люди спали как муж с женой. И все люди остались в последнюю ночь на корабле, кроме нескольких охранников с ними в шатре. Конунгова дочь всю ночь спала в большой радости и великом удовольствии в объятиях своего господина.

Глава 16

Теперь госпожа Серена проснулась рано, открыла глаза, огляделась и подумала, что происходит нечто необычайное. Она поискала глазами шатёр и своих дружинников, но все они исчезли вместе с кораблем. Потом она поискала глазами золотую кровать с дорогими полотнами, расшитыми золотом, однако на их месте была грубая кожаная накидка¹¹⁶. Длинные поперечные балки были положены прямо на ровную землю и привязаны к столбам толстенными кожаными ремнями, которые обычно используют пастухи¹¹⁷. Справа от себя в постели она увидела изверга¹¹⁸, огромного и довольно безобразного. Он был чёрен, как ворон, нос у него был длинным и крючковатым; и он был уродлив во всех отношениях. Он задрал нос кверху и храпел, как кобель. Из носа у него до самого рта стекала отвратительная слизь, он втягивал ее внутрь с каждым вдохом и выдыхал с каждым выдохом. У дочери конунга не было никаких украшений, кроме её кружевного нижнего белья, которое лежало подле неё.

Когда она всё это увидела, то удивилась и сразу же решила, что видит сон. И тогда она закрыла глаза и всем своим умом нацелилась на то, чтобы узнать местность и окрестности. И так она весь день пролежала там, пока злобный пёс в её постели не проснулся и мрачно не уставился на неё горящими глазами, а потом с гневом закричал: «Что это ты здесь разлеглась, проклятая блудница, — сказал он, — убирайся отсюда и отправляйся домой к своему отцу! Прошло то время, когда я желал твоего общества. Хорошо же и достойно продала ты своё целомудрие, и по справедливости твоё вероломство пало на твою собственную голову. Смотри же, куда завела тебя алчность! Подумай теперь об Эскельварде, которого ты для себя выбрала и которому отдала свое девичество¹¹⁹. Здесь теперь Эскельвард, королевский сын, со своим прекрасным шатром и другими богатствами. Справедливо наказана ты за свою гордыню. Придётся тебе быть просто бродяжкой или разбойницей, пока не станешь такой же, как я».

Конунгова дочь сейчас же ответила ему с великим воодушевлением¹²⁰: «Мне кажется, дело обстоит так, что мой брак хуже, чем я думала, а потому мне

¹¹⁶ Употреблённое в саге выражение *skarpur skinnstakkur* ‘грубая кожаная накидка’ может относиться и к одежде, которую, возможно, носил спутник Серены, и к тому, чем было покрыта её лежанка.

¹¹⁷ Данное в саге описание лежанки Серены: «Raftar eru þar niður lagðir á sléttum velli og við bundnir staurar með skörpum álum, sem fehirðar eru vanir að búast um» («Длинные поперечные балки были положены прямо на ровное поле и привязаны к столбам грубыми кожаными ремнями, которые обычно используют пастухи»), — напоминает переносные загоны для овец, которые использовались в Исландии до XIX в.

¹¹⁸ Слово «изверг» (*dólgur*) использовалось в значениях ‘враг’, ‘дьявол’, ‘привидение’, ‘великан’, ‘злодей».

¹¹⁹ В саге использовано необычное слово *jungfrúdom* ‘девство’ вместо более нейтрального *meydomr*.

¹²⁰ Использованное выражение *af móði miklum* — «от великого духа» приводит на память эддическую «Гренландскую Песнь об Атли», герой которой Гуннар в такой же безвыходной ситуации, что и Серена, произносит речь: «kvaddi þá Gunnarr, / sem konungr skyldi, // mærr í mjöðranni / af móði stórum» («сказал тогда Гуннар, как подобает конунгу, знатный в медовых палатах, от великого духа

придётся его заслужить. Что же дальше? Кому более подобает наслаждаться моими умениями и обходительностью, чем тебе? Давай сейчас сделаем то, что кажется наилучшим: я буду всячески любить тебя чистой любовью, как своего мужа, а ты не станешь мне мешать. И я ручаюсь тебе своей честью¹²¹, что ты будешь конунгом Франции. И где же на свете найдётся другая любезная госпожа, которая даст своему возлюбленному такое доказательство, хотя он и не очень красиво сотворён? О тебе будут думать совсем иначе, если я украшу тебя дорогими нарядами».

«Ты меня украсишь! — воскликнул он, — Прежде будет тебе горе! Я так тебя изобью, что спина у тебя сделается такой же мягкой, как живот, если ты не уползешь домой к своему отцу».

«Чего бы это ни стоило, — ответила она, — я буду следовать за тобой, пока длится моя жизнь».

Что же дальше? Он встал на четвереньки¹²² в кожаной кровати и отряхнулся. Затем он взял свирели¹²³, которые висели на веревке, и забросил себе на плечо, ведь бродяги играют на них, чтобы заработать пропитание, и ушёл столь сердито, что даже с ней не попрощался, и в мгновение ока оказался так далеко, что она перестала его видеть.

Она заметила возле себя одежду, которую сняла на ночь, и быстро её надела. И тотчас пошла по той дороге, по которой отправился бродяга. И так как она не привыкла к ходьбе, то быстро утомилась. А он велел встречному мальчишке на холме осыпать её презрительными словами, когда она пойдёт за ним, и сказал, что переломает ей все кости, если она не повернёт назад. И она ответила, что всё равно будет следовать за ним, как бы она ни страдала, до тех пор пока может держаться на ногах.

К чему медлить? Так они шли весь день до самого вечера. Один раз он убежал от нее так далеко, что она почти не могла его разглядеть. В другое время он осыпал её оскорбительными словами и угрозами всякий раз, когда она его догоняла. Она всё равно не отступала, хотя была сильно измучена голодом, и жаждой, и жарой, ведь она ничего не ела целый день.

И когда наступил вечер, они пришли в деревню. И увидели там недавно прибывших странствующих извозчиков¹²⁴, которые ездили по всей стране со своим товаром. У них были комнаты и доброе вино, и они были веселы и благодушны. Бродяга вошёл и спросил, не хотят ли они поразвлечься в обмен на еду и питье.

(от щедрой души)» (Акв. 9, 5–8). Вызывая ассоциации с героическим эпосом, создатель саги подчёркивает и благородство героини, и отчаянность её положения, и вероломство тех, с кем она вынуждена иметь дело.

¹²¹ Употреблённое в оригинале выражение *eg vil borga þér upp á mína trú* — «я ручаюсь тебе своей честью» принадлежит к юридическим фразеологизмам.

¹²² В саге использовано выражение *Hann uppr til handa ok fota* — «он встал на руки и на ноги», то есть на четвереньки.

¹²³ Употреблённое в саге сложное слово *skaldþípa*, переведённое здесь как «свирели», несомненно, относится к музыкальному инструменту. В одной из поздних бумажных рукописей, основанных на АМ 657b 4то, встречается конъектура *belgþípa* «волынка».

¹²⁴ В оригинале употреблён *hafaх legomenon: vagnaten* («повозка, тележка» + «человек, мужчина»).

Они решили послушать, что он сможет сыграть. И тогда он, как дурак, начал играть на своих свирелях, разные выдуманные песни, и все, кто были в доме, смеялись и принимали его за шута. А Серена лежала на соломе на полу, страдая так сильно, как большинство людей никогда не страдали. И после развлечения бродяге вручили столько еды и питья, сколько он мог съесть. Но он ничего не дал конунговой дочери, только бросил ей несколько скудных крошек и костей. И из-за того, что она, как и все люди, испытывала сильный голод, она их съела. И никогда прежде во все дни жизни её так плохо не обслуживали.

И когда бродяга наелся и напился, то бросился на солому. И она вознамерилась лечь рядом с ним, но он свирепо и злобно её оттолкнул, как только она к нему приблизилась. И она не могла бы быть к нему ближе, чем, если бы между ними оставалось место для двух людей. И он снова захрапел, как кобель¹²⁵. А она, как обычно, спала в эту ночь совсем немного.

Глава 17

И когда наступило утро, этот проклятый пёс, проснувшись, напал на неё с теми же оскорблениями, что и раньше. Он закричал, что ей не подходит, как грязной недотепе, бродить за ним в красивых одеждах, пока он голодает, и сказал, что лучше бы он употребил их на покупку того, чем можно набить брюхо. Она ответила ему кроткими словами, заметив, что сделает всё, что может, дабы помочь ему стать более преуспевающим, чем прежде. И сейчас же он сделал, как обещал, и снял с неё кружевную юбку, расшитую золотом, побежал в город и продал её, чтобы наполнить себе брюхо, всё съел, выпил, а потом гнусно с ней разделался.

И оставив ей лишь скудную одежду, он побежал по дороге туда, где раньше им встретились странствующие извозчики. И конунгова дочь слепо побрела за ним, совсем как накануне. И он совершил два поступка: напал на неё с оскорблениями и убежал вперед.

Так продолжалось до вечера. И она так страдала от усталости, голода и жажды, что почти не сознавала, сможет ли ещё терпеть.

Вечер застал их в другой деревне, где им встретились те же странствующие извозчики, что и раньше. И всё произошло точно так же, как в предыдущую ночь. Бродяга играл за еду, а она лежала, измученная оскорблениями, и ничего не ела и не пила, кроме того, что он ронял из рук. И спали они точно так же, как раньше.

И когда настало утро, он продал ещё одну её юбку, чтобы набить себе брюхо. И сейчас же подобрал рваный кусок грубого льна, швырнул ей и сказал, чтобы она лучше им прикрылась. О них нечего рассказывать, кроме того, что после этого они долго странствовали, следуя за извозчиками день за днём. Госпожа Серена так страдала от всяческого дурного обращения, что можно только удивляться тому,

¹²⁵ В саге использовано сложное слово *dverghundr* < *dverg* 'карлик' + *hundr* 'собака' (иногда используется в исландском для обозначения бесхвостой собаки).

как она могла это вынести, ведь она была воспитана без тревог и забот. Чаще всего она ходила босиком, терпя голод и жажду, жару и холод, и в довершение всего оскорбления и мучения того чудовища, за которым следовала и которое терзало её ночью и днём.

Так продолжалась её жизнь целых двенадцать месяцев, и каждый вечер они получали жильё от тех же странствующих извозчиков, что и прежде, и она очень измучилась от всех этих невзгод.

И однажды так случилось, что она заметила очень большой город, такой, какого никогда раньше не видала. И все башни и зубчатые стены сверкали, как золото в огне. И извозчики въехали в городские ворота. И сейчас же бродяга побежал так быстро, что она не смогла его догнать и потеряла из виду. Она немедленно устремилась за ним, пока не увидела его лежащим на дороге. Он сломал ногу и так ужасно её разmozжил, что кости вышли наружу. Она подошла к нему и спросила его со слезами, какое несчастье с ним приключилось. Однако он ответил ей по-волчьи грубо и зло, что эта беда, как и все прочие, случилась с ним из-за неё. Он сказал, что ему кажется, она не перестанет ему вредить, пока не лишит его жизни.

«Не говори так, мой дорогой! — сказала она, — ведь я сделаю всё, чтобы вернуть тебе прежнее здоровье».

«Можно попытаться сделать это побыстрее, — закричал он, — или ты думаешь, что мне подобает здесь столько лежать?».

«Что же мне делать, мой дорогой?» — сказала она.

«Попытайся, злобное создание, отнести меня в город на спине», — приказал он.

«С радостью», — ответила она.

И так и случилось, что она посадила его себе на спину. И из-за своего роста он целую вечность волочил ногу за её спиной. Ему казалось, что это путешествие вызывало у него боль, хотя она делала для этого несчастного всё, что могла. И она напрягалась изо всех сил, пытаясь бороться с этим злодеем, и ей казалось, что все, что происходило раньше, было простым, а теперь она впервые узнала, что такое настоящее горе. Однако она наконец-то дотащила его до ворот городской стены. Но случилось так, что положение несколько не улучшилось, так как когда он огляделся и понял, где оказался, то закричал: «Смотри же, — сказал он, — я давно знал, что ты, грязная тощая дрянь, попытаешься лишить меня жизни, и сейчас твоё предательство вышло наружу, ведь ты принесла меня сюда! А здесь то самое место, где мне грозит смертная казнь и где я совершил главное злодеяние. Как только я войду в эти ворота, меня повесят. Так что не смей тащить меня в этот город!»

И теперь она испытала новое горе, спрашивая, что нужно сделать. «Здесь есть, — сказал он, — хижина для странников неподалёку от ворот — отнеси меня туда!». И хотя она почти падала с ног, ей пришлось сделать это. И тотчас же она упала рядом с ним, так устав и измучившись, что ей казалось, она никогда уже не сможет встать.

Она недолго лежала там, так как он не мог более выносить её близости и начал упрекать её, говоря так: «Что ты теперь намереваешься делать? — сказал он. — Почему я должен лежать здесь без всякой помощи из-за твоей злонамеренности и лени?»

«Что я должна исполнить, мой дорогой?» — спросила она.

«Исполнить? — сказал он. — Иди в город и проси для меня милостыню».

«Как же я сделаю это? — спросила она. — Ведь я так несчастна, бедна и измучена, и никого здесь не знаю».

«Здесь за воротами в той части города, где мы находимся, — сказал он, — стоит собор, а перед ним есть место для бедных людей, и туда ежедневно приходит много горожан, и они раздают щедрые милостыни. Ложись сегодня ночью перед дверью и проси подаяния. Едва ли я умру до того, как ты вернёшься, хотя ты, конечно, этого желаешь».

Глава 18

И тогда после долгого или краткого разговора, случилось так, что она скорее поползла, чем пошла в город, и никто ей не препятствовал. И она дошла до церковной двери и пролежала там всю ночь, почти нагая, замёрзшая и голодная на холоде и морозе, и ни один человек к ней не подошёл. И когда наступил рассвет, она задремала. А в девятом часу¹²⁶ её разбудил сильный шум, и она заметила большую толпу нарядно одетых знатных людей, выходящих из церкви. И тотчас она обнаружила то, что её сердце едва могло вынести: в самой середине толпы она, как ей показалось, увидела Кларуса, королевского сына, и он был одет в ту самую тёмно-коричневую куртку с пятном, которая была испачкана до самого пояса. И ни один из этих знатных людей не сделал ей чести даже взглянуть в ту сторону, где она столь печально сидела, кроме Кларуса, королевского сына. Он выехал из толпы по направлению к ней и нанес ей такой сильный удар в ухо, что она ещё ударилась о стену, на которую опиралась, и потеряла сознание.

Придя в себя, она выбралась из города той же дорогой, по которой пришла. И теперь у неё было новое горе, её мучила мысль, что каким-то чудом Кларус, королевский сын, её узнал, хотя она и изменилась до неузнаваемости. Ведь её гордость ещё не совсем умерла, и она думала, что нет худшего несчастья, чем быть узнанной им в таком состоянии.

И как только она вышла из города, к ней приблизился человек, который выглядел как землевладелец¹²⁷, он вежливо её приветствовал и обратился к ней с такими словами: «Я понимаю, моя дорогая, — сказал он, — что у тебя едва ли была

¹²⁶ В оригинале сказано «в третьем часу дня», т. е. в 9 утра.

¹²⁷ Исландские законы различали землевладельцев (*búandi*, *bóndi*), работников (*gríð-maðr*) и земледельцев (*búðsetu-maðr*).

красивая и приятная жизнь, и несчастье выпало тебе на долю. Так Расскажи мне, что тебя мучает больше всего».

«Многое мучает меня, — ответила она, — но больше всего то, что у меня за городом есть нищий со сломанной ногой, который находится при смерти, а у меня нет средств ему помочь».

«Это доброе дело, — вымолвил он, — так возьми же у меня столько денег, сколько тебе понадобится, чтобы ты смогла позаботиться сегодня о вас обоих».

«Ради Господней любви! — воскликнула она. — Я не знаю здесь ни одного человека, и не ведаю, где рынок, а потому я прошу тебя сохранить для меня свои деньги и достать мне еды».

«Я с радостью сделаю это, если тебе кажется, что так лучше», — пообещал он.

И сразу же ушёл и быстро возвратился, принеся много еды на весь день и кружку с питьём. Она с радостью и готовностью приняла это и горячо его поблагодарила за доброе дело. И теперь она решила, что её не ждёт ничего неприятного, так как у неё было, что принести своему спутнику. Ведь она знала, что случится, если она возвратится с пустыми руками.

И теперь она уже не останавливалась, пока не пришла к нему. Но случилось то же, что и прежде, и он осыпал её оскорблениями и руганью, говоря, что она долго не возвращалась, и что она, конечно, хотела лишить его жизни и уморить его голодом и холодом. На каждый из этих упреков она давала кроткие ответы, объясняя, что совсем не хочет его погубить, но готова отдать свою жизнь, чтобы только вернуть его к прежнему состоянию. Он нисколько не смягчился от таких слов, но привстал и начал жадно поглощать еду — и можно было заметить, что сломанная нога никак ему в этом не препятствовала — и он говорил с ней, по своему обыкновению, враждебно и трусливо.

Можно быстро рассказать, что он велел ей спать снаружи ещё одну ночь, как и прежде. И в нескольких словах можно описать то, что случилось потом: она сидела, мучаясь, как и раньше, получила ещё один удар, нашла того же человека, приняла его милостыню по той же причине, что и днём раньше, возвратилась домой и получила ту же награду, что и всегда, а именно угрозы и проклятия.

И он велел ей лечь на площади в третью ночь. Но она стала возражать против этого, так как боялась, что встретит Кларуса, королевского сына. Однако она всё же пошла в город. Не нужно много времени, чтобы рассказать, что она бодрствовала всю ночь, получила третий удар, вернулась оттуда и встретила на улице того же человека, которого уже видела два раза прежде. И теперь он обратился к ней так: «Я страдаю вместе с тобой, создание Господа! — сказал он, — от того, что ты приходишь сюда каждый день в горе и в слезах. Прошу тебя, пойдём сейчас же со мною домой, чтобы сохранить и спасти твою жизнь, ведь ты достигла состояния полного истощения!».

«У меня нет никакой возможности сделать это, — ответила она, — я не могу стремиться к благополучию, если бедный человек, лежащий за городом, не получит помощи. Ведь он тотчас же умрёт, если ему не станет лучше».

«Сделай, как я говорю! — сказал он. — Ибо будет так, что твой больной найдёт хороший отдых». И он тотчас же взял её за руку и повёл её, вопреки её желанию, в свой дом, где было покойно и безопасно. И она едва могла поверить от счастья в то, что он ей сказал о её больном.

И когда она пришла в его жилище, он поставил перед ней самые богатые яства и самые изысканные вина, и сам ей прислуживал, и успокаивал её своими добрыми обещаниями, говоря, что теперь у неё всё будет хорошо и самая тяжёлая часть её жизни позади. И тогда она начала радоваться и веселиться, и снова почувствовала себя так, как в прежние времена.

Глава 19

Когда она поела и попила, хозяин встал со своего места и направился к ней. Он положил руки ей на плечи, сдёрнул с неё лохмотья и облачил её в прекрасные одеяния, подобные тем, которые она носила прежде. Затем он взял её за руку и повёл из одной комнаты в другую, пока они не пришли в огромные палаты с двумя дверями.

Она тотчас подумала, что случилось чудо: ей показалось, что она узнала свою самую дорогую прислужницу Теклу, которая шла к ней с большой толпой служанок. И все они низко склонились перед ней и сказали: «Да пошлёт тебе Господь доброго дня, наша дорогая госпожа». И они окружили её, поставив в середину, со всем почётом и торжественностью. А она едва могла понять, как ей поверить, что это происходит на самом деле, хотя всё доставляло радость ее взору. Завеса печали туманила её разум, как бури, среди которых она так долго странствовала¹²⁸, и она почти отказывалась верить, что наступят более счастливые времена, думая, что всё происходящее похоже на сон.

Они все проводили её до комнаты, которая была очень красивой, но не слишком большой. Внутри неё было совсем мало людей. Там она увидела Кларуса, королевского сына, восседавшего на престоле, и на нём было изысканное одеяние. И когда она вошла в дверь, он встал ей навстречу со всей учтивостью, взял её за руку, спустился к ней, посадил её рядом с собой и пожелал ей благословения от Господа. И затем он обратился к ней так: «Итак, госпожа Серена, — сказал он, — ты пришла сюда. Некоторое время ты страдала от несчастий и трудностей, и вынесла их с несравненным терпением и неслыханной добродетелью. Сохрани же в памяти, как можно дольше, оба эти качества, и память о том, каким жестоким человеком ты была прежде и какой преданной стала после великого испытания».

¹²⁸ В использованных стилистических конструкциях видели отражение вычурного, орнаментального стиля латинского оригинала (*Jakobsen A. Studier i Clarus saga. S. 5–20*).

«Посмотри сейчас, — сказал он, указывая на скамью, — на того парня со сломанной ногой, за которым ты следовала, огорчавшего и беспокоившего тебя весь прошлый год своим искусством и волшебством! И это был не кто иной, как господин Перус. Теперь за твоё постоянство и редкую добродетель, мы считаем, что ты полностью прощена за своё преступление и примирена с нами, и во всех отношениях заслуживаешь того почёта, для которого рождена. Теперь ты знаешь, что есть и бóльшие волшебники, чем ты сама! Но тебе, госпожа Текла, мы должны сказать следующее. Мы помним о том, что без всяких условий пообещали тебе во Франции: что ты будешь свободна от забот, что ты поедешь со мной в Саксонию и станешь нашей королевой. Всё это остается в силе, и мы сдержим наше обещание и надеемся на лучшее, если только ты сама не согласишься с радостью от этого отказаться».

Тогда ответила госпожа Текла, сказав, что она будет счастлива уступить своей госпоже и добровольно и с готовностью отдаст её своему господину и мужу со всем почётом и славой, которые она получила бы от него и которые Господь даровал бы им в день свадьбы. «А взамен я желаю следующего: чтобы ты приготовил для меня добрые вести, принимая во внимание моё положение по отношению к тебе и моё происхождение». И исход её речи был предвестием для Кларуса и госпожи Серены, и они все поблагодарили её за добродетель.

И случилось так, что госпожа Серена приняла на себя должность королевы и исполняла её с присущим ей умением, относясь к своему господину Кларусу, королевскому сыну, со всей доброжелательностью и дружелюбием. И он отдал госпожу Теклу в жены самому знатному человеку в стране саксов, и она была очень довольна своей участью.

Сейчас можно сказать, что сага окончена, но теперь всего в нескольких словах мы можем толком объяснить, почему всё это произошло. Все эти происшествя случились только по замыслу Кларуса и благодаря искусству Перуса, с помощью которых они отомстили за те издевательства, которым Серена подвергла королевского сына. Многие люди скажут, что Перус мог бы уладить дело раньше, если бы захотел, но вначале он не мог этого сделать, хотя Кларус, королевский сын, и получил от Серены шрамы, так как не последовал советам Перуса. Потом же всё пошло не так, как она задумала, и в ту самую ночь, после того, как конунгова дочь утратила шатёр, Кларус, королевский сын, отплыл домой в страну саксов со всем своим караваном судов, а с ним госпожа Текла. Перус же начал унижать госпожу Серену с помощью многих хитрых уловок и волшебства, о которых рассказывалось некоторое время. А те странствующие извозчики, которые появлялись на их пути, были наняты Кларусом, королевским сыном. Им было сказано, куда идти, и все их расходы были возмещены. Всё это было затеяно, чтобы Серена могла показать своё постоянство, ибо они никогда не вмешивались, как бы она ни поступала, дурно или хорошо, и были уверены, что она вернётся к своему отцу. И она терпела всё это время мучения и усталость по никакой иной причине, чем её собственная

добродетель и честность. Она обратилась помыслами к тому уродливому человеку, с которым делила постель, за которым неустанно следовала день за днём, и ради этого оставила своего отца, друзей и родных, и всё своё честолюбие. Добровольно согласившись на бедность с этим оборванным странником, своим поведением она дала ясный пример того, как подобает другим добрым женщинам хранить верность своим мужьям или обручённым. Со временем случилось то, что было заслужено; и по своим достоинствам она получила то, что ей подобало за её неслыханное постоянство. Такая могущественная женщина не была доведена до бедности, но вместо этого, стала верховной королевой страны саксов, и провела жизнь в большом счастье со своим господином, заслужила хвалу и честь, приличие и благословение, и проявила королевские способности.

И на этом мы заканчиваем рассказ о Кларусе, королевском сыне, и госпоже Серене, дочери французского конунга.

Список литературы

Матюшина, И. Г. «Сага о Нитиде»: Перевод, вступительная статья, комментарий / И. Г. Матюшина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2020. — № 1. — С. 120–142.

Мелетинский, Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. — Москва: Наука, 1986. — 320 с.

Мелетинский, Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) / Е. М. Мелетинский // Мелетинский, Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. — Москва: Издательство РГГУ, 2008. — С. 292–303.

Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа / Е. М. Мелетинский. — Москва; Санкт-Петербург: Академия Исследований Культуры; Традиция, 2005. — 240 с.

Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. — 370 с.

Сага об Инглингах / пер. М. И. Стеблин-Каменского // Снорри Стурлусон. Круг Земной / изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. — Москва: Наука, 1980. — С. 11–37.

Aarne, A. Types of the Folktale: a Classification and Bibliography / A. Aarne, S. Thompson. — 2nd revision. — Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1981. — 584 p. — (FF Communications. Vol. 75, no. 184).

Bernström, J. Gamar / J. Bernström // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid, från vikingatid till reformationstid / utg. I. Andersson, J. Granlund. — Malmö: Allhem, 1960. — Bd. 5. Frälsebrev — Gästgiveri. — Sp. 169–170

Bibire, P. From Riddarasaga to Lygisaga: the Norse Response to Romance / P. Bibire // Les Sagas de Chevaliers (Riddarasögur): Actes de la Ve Conférence

Internationale sur les Sagas (Toulon, Juillet 1982) / éd. par R. Boyer. — Toulon : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 1985. — P. 55–74. — (Civilisations 10).

Biskupa sögur III : Árna saga biskups, Lárentius saga biskups, Sögubáttir Jóns Halldórssonar biskups, Biskupa ættir / Guðrún Ása Grímsdóttir gáf út. — Reykjavík : Hið íslenska fornritafélag, 1998. — 493 bls. — (Íslensk fornrit. Bd. 17).

Bonser, W. The Mythology of the Kalevala, with Notes on Bear-worship among the Finns / W. Bonser // Folklore. — 1928. — Vol. 39, issue 4. — P. 344–358.

Bornholdt, Cl. Engaging Moments : the Origins of Medieval Bridal-Quest Narrative / Cl. Bornholdt. — Berlin : de Gruyter, 2005. — 242 S. — (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 46).

Clári saga / hrsg. G. Cederschiöld. — Halle a. S. : Verlag von Max Niemeyer, 1907. — 122 S. — (Altnordische Saga-Bibliothek. H. 12).

Clári saga // Riddarasögur / Bjarni Vilhjálmsson gáf út. Reykjavík : Íslendingasagnaútgáfan & Haukdalsútgáfan, 1954. — Bd. V. — Bls. 1–61

Den ældre Gulatings-Lov // Norges gamle love indtil 1387 / utg. ved R. Keyser og P. A. Munch. — Christiania : Chr. Grøndahl, 1846. — Bd. I. Norges love ældre end Kong Magnus Haakonssöns regeringstiltrædelse i 1263. — S. 1–118.

Hallberg, P. Stilsignalement och författarskap i norrön sagalitteratur : synpunkter och exempel / P. Hallberg. — Göteborg : Almqvist & Wiksell, 1968. — 262 s. — (Acta Nordistica Gothoburgensia. Vol. 3).

Hughes, S. F. D. *Klári saga* as an Indigenous Romance / S. F. D. Hughes // Romance and Love in Late Medieval and Early Modern Iceland : Essays in Honor of Marianne Kalinke / ed. by K. Wolf and J. Denzin. — Ithaca (NY) : Cornell University Library, 2008. — P. 135–164.

Jakobsen, A. Studier i Clarus saga: til spørgsmålet om sagaens norske proveniens / A. Jakobsen // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. No. 23. 1963. — Bergen ; Oslo : Universitetsforlaget, 1964. — 125 s.

Jóhanna Katrín Friðriksdóttir. From Heroic Legend to 'Medieval Screwball Comedy'? The Origins, Development and Interpretation of the Maiden-King Narrative / Jóhanna Katrín Friðriksdóttir // The Legendary Sagas : Origins and Development / ed. by A. Ney, A. Lassen, Ármann Jakobsson. — Reykjavík : University of Iceland Press, 2012. — P. 229–249.

Johansson, K. G. A Scriptorium in Northern Iceland : *Clarus saga* (AM 657b 4to) revisited / K. G. Johansson // Sagas and the Norwegian experience = Sagaene og Noreg : 10th International Saga Conference, Trondheim, 3–9 August 1997 : Preprints = Fortrykk / ed. J. R. Hagland. — Trondheim : Senter for Middelalderstudier, 1997. — P. 3233–331.

Johansson, K. G. Texter i rörelse. Översättning, original textproduktion och trading på norra Island 1150–1400 / K. G. Johansson // Übersetzen im skandinavischen Mittelalter / hrsg. V. Johanterwage und S. Würth. — Wien : Fassbaender, 2007. — S. 83–106. — (Studia Mediaevalia Septentrionalia. Bd. 14).

Kalinke, M. Bibliography of Old Norse-Icelandic Romances / M. Kalinke, P. M. Mitchell. — Ithaca (NY) : Cornell University Press, 1985. — 140 p. — (Islandica. Vol. 44).

Kalinke, M. Bridal-Quest Romance in Medieval Iceland / M. Kalinke. — Ithaca (NY) : Cornell University Press, 1990. — 223 p. — (Islandica. Vol. 46).

Kalinke, M. *Clári saga* : a Case of Low German Infiltration / M. Kalinke // Scripta Islandica : Isländska sällskapets årsbok. — 2008. — Vol. 59. — S. 5–25.

Maksymiuk, S. The Court Magician in Medieval German Romance / S. Maksymiuk. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 185 p. — (Mikrokosmos. Bd. 44).

Sources of Anglo-Saxon Literary Culture : Volume One : Abbo of Fleury, Abbo of Saint-Germain-des-Pres and *Acta Sanctorum* / ed. by F. M. Biggs, T. D. Hill, P. E. Szannach and E. G. Whatley, with the assistance of D. A. Oosterhouse. — Kalamazoo (MI) : Medieval Institute Publications, 2001. — 548 p.

Zach, Chr. Die Erzählmotive der *Crône* Heinrichs von dem Türlin und ihre altfranzösischen Quellen : ein kommentiertes Register / Chr. Zach. — Passau : Wissenschaftsverlag Richard Rothe, 1990. — 411 S.

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич / KARELIN Vladimir

Центр «Геополитические проблемы Севера: история и современность» / Centre
‘Geopolitical Problems of the North: History and Current Time’

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

karelin_vladimir@mail.ru

ШЕСТЬ ДОКУМЕНТОВ О РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (1906–1918)

SIX DOCUMENTS ON THE RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER RELATIONS (1906–1918)

Abstract: Publication of the Russian documents concerning the 1906–1918 Norwegian-Russian relations in the Far North, including the 1906–1913 negotiations on exploiting the hydro resources of the Paz river and some aspects of the border relations during the WWI.

Ключевые слова / Keywords: Российско-норвежские пограничные отношения на Крайнем Севере, история гидротехнического комплекса на реке Паз, Кристиан Анкер, акционерное общество «Сюдварангер», переговоры по проекту соглашения о сотрудничестве в октябре 1907 г. в Санкт-Петербурге / Russian-Norwegian border relations in the Far North, history of the hydropower cooperation, negotiations since October till December 1907 in Saint Petersburg, A/S Sydvaranger joint-stock company, Christian Anker

Выявление и изучение архивных материалов по теме статьи «Энергетические гидроресурсы пограничной реки Паз в Российско-Норвежских отношениях: исторический аспект (1906–1913)» побудило участников проекта часто обращаться не только к российским, но также и норвежским хранилищам делопроизводственных документов. Поэтому большое значение для нас имела помощь и консультации сотрудников Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге, Государственного архива Мурманской области (Мурманск), Национального архива Норвегии (Осло) и Регионального государственного архива (Тромсё). Пользуемся этим поводом, чтобы выразить этим организациям нашу искреннюю признательность.

Наибольшей ценностью при изучении российских интересов, выраженных в процессе взаимодействия центральных правительственных и Архангельских губернских учреждений с норвежскими партнерами, обладает сохранившаяся в фонде Главного управления Землеустройства и Земледелия и его Лесном департаменте (РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672) переписка с Министерством иностранных дел и его Вторым (консульским) департаментом, а также с Архангельским губернатором.

Анализ её содержания проясняет вопрос об отношении российского правительства к инициативе руководителей крупного норвежского АО (Анонимного

общества¹) «Сюдварангер» («Зюдварангер» в российских документах), просившего сдать ему в долгосрочную аренду русские участки пограничной реки Паз для устройства ГЭС на водопадах ее нижнего течения — Заячий (норв. Харефоссен) и Пазрецкий (норв. Сколтефоссен).

В российском МИДе и Главном управлении землеустройства и земледелия была выработана тактика двусторонних переговоров российского и норвежского экспертов. Эта подготовительная работа не афишировалась, поскольку была призвана замаскировать негативное отношение российских властей к расширению норвежской хозяйственной деятельности и притоку населения в пограничную область Восточного Финнмарка. По мнению российского МИДа, такое положение создавало определенные риски для отсталого западного Мурмана: норвежская миграция постепенно вытесняла в приграничной полосе немногочисленное коренное население — православных саамов.

В то же время генеральной задачей российской дипломатии на этом направлении оставалось намерение сохранять дружественный характер отношений с Норвегией. С этой целью необходимо было демонстративно выражать готовность конструктивно сотрудничать с соседним государством для достижения общих интересов. Такова была одна из целей и особенность (двойственность) «большой политики» империи в Скандинавии.

Активный участник событий и агент компании АО «Сюдварангер» с норвежской стороны инженер Иоганн (Юхан) Кнудсен представлял семейство колониста и предпринимателя Оскара Кнудсена. Характеристику положения и поведения его семейства во время Первой мировой войны сообщает документ местного подразделения (пункта) русской морской контрразведки в Мурманске.

№ 1

Сообщение директора второго (консульского) департамента МИД² от 25 июля (ст. ст.) 1906 г. (исх. № 9508) архангельскому губернатору³

Вашему превосходительству известно, каких трудов стоило выселить норвежского выходца Оскара Кнудсена с участка, занятого им близ церкви Св. Бориса и Глеба на пограничной с Норвегией стороне реки Паз. Ныне Кнудсену отказано во всех инстанциях, и вопрос о его выселении может считать решенным.

¹ Одна из разновидностей акционерного общества в некоторых западноевропейских странах.

² Бентковский Альфред Карлович (1860–1930) действительный статский советник, директор Второго (Консульского) Департамента (1905–1916).

³ Сосновский Иван Васильевич (1868 — после 1917) архангельский губернатор (19.11.1907–18.11.1911), действительный статский советник, камергер, окончил юридический факультет Петербургского университета, с 1893 служил чиновником в архангельской губернской канцелярии.

Между тем, по сообщению императорского консула в Финнмаркене⁴, в настоящее время лесной ревизор и лесничий отмеривают свободную землю по обоим берегам реки Пазы близ церкви Св. Бориса и Глеба трем конкурентам.

Одним конкурентом является некий Шапошников, желающий открыть лесопильный завод и купивший будто бы для этой цели у частных владельцев на верховьях реки Пазы около 1 000 000 бревен, в то время как на этой реке весь лес принадлежит казне, которая никому леса не продавала. Кроме того, уполномоченным господина Шапошникова является известный аферист финляндец Сирен, очень сомнительной репутации. По-видимому, вся эта затея несколько фантастична. Тем более, что река Паза с 29-ю водопадами и 9-ю большими озерами совершенно неудобна для сплава леса.

Другой конкурент — сын Кнудсена⁵, который желает строить завод для передачи электроэнергии в Норвегию на недавно открытые там залежи железной руды. Это предприятие тоже подлежит сомнению ввиду того, что, как известно, эксплуатация залежей, несмотря на заявления норвежского купца Анкера⁶, получившего концессию на разработку этой руды, об образовании им Общества с капиталом 5 млн. крон, скоро начаться не может вследствие открытых по этому делу крупных злоупотреблений, где был замешан губернатор Финнмаркена Графф⁷, ныне уволенный по подозрению в получении взяток.

Третьим конкурентом является некто Лунд⁸, за которым скрывается уже причинивший раз крупные убытки казне (по зав. Печора) Швед Лидбек.

Принимая во внимание, что уполномоченный Шапошникова Сирен, уезжая, передал полномочия свои Оскару Кнудсену, отцу, являющемуся в свою очередь уполномоченным другого конкурента — своего сына Иоганна, невольно является мысль, что эти лица конкуренты лишь для виду, чтобы дать возможность торгам состояться. На самом же деле они составляют одну компанию, во главе которой тот же Кнудсен, стремящийся, таким образом, захватить всю свободную землю по

⁴ Визель Оскар Оскарович (1864–1918) дипломат, императорский консул в Финнмаркене (1901–1911), статский советник.

⁵ Иоганн (Йохан) Кнудсен (норв. *Iuogann Knudsen*) элетротехник, инженер на предприятии Вольта в Ревеле. Его отец, Оскар Кнудсен (норв. *Oskar Knudsen*), норвежский торговец, выходец из Киркенеса, колонист, на Западном Мурмане занимал участок близ церкви Св. Бориса и Глеба. Являлся объектом жалоб русским властям на злоупотребления со стороны местных православных саамов.

⁶ Кристиан Анкер (норв. *Christian Anker*) норвежский промышленник, основал в 1906 г. железорудную компанию *AS Sydvaranger* в партнерских отношениях со шведским предпринимателем Нильсом Перссоном (швед. *Nils Persson*) и компанией *Metallurgiska* в качестве главного собственника, с 1910 г. открыто производство и экспорт железорудных окатышей.

⁷ Трулс Йоханнесен Виль Графф (норв. *Truls Johannessen Wiel Graff*, 1851–1918) с 1896 по 1906 гг. губернатор графства Финнмаркен.

⁸ Лунды — купеческий род, выходцы из Норвегии. Наиболее известен Иван Иванович Лунд (1867–1916), лесопромышленник.

обоим берегам реки Пазы, дабы никого не пустить на это место и сосредоточить пограничную торговлю исключительно в своих руках.

В случае, если отмеренная земля останется за той компанией, соседями Пазрецкой церкви снова становятся инородцы, что может принести урон промыслу наших лопарей. И вообще едва ли представляется желательным.

Сообщая об изложенном, Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить Вас сообщить мне, подтверждается ли фактическая сторона дела сведениями, имеющимися распоряжении архангельской губернской администрации. И в утвердительном случае, какие меры будут Вами приняты по настоящему делу.

Примите и прочее.

Источник:

**Российский государственный исторический архив (далее — РГИА).
Ф. 387. Оп. Д. 672. Л. 12–13. Машинописный документ. Копия.**

№2

**Из отношения товарища министра иностранных дел К. А. Губастова
главноуправляющему землеустройством и земледелием от 17 марта (ст. ст.)
1907 г. князю Васильчикову по поводу ходатайств разных лиц об аренде
водопадов на пограничной реке Паз**

...Следует иметь в виду, что пользование водной силой реки Паз в промышленных целях может помешать сплаву леса, повести к закрытию водотока, ведущего по нашему берегу или изменить уровень реки и условия ее течения. Загрязнение же реки нанесло бы чувствительный убыток лопарям, так как они, отдавая [ее] в аренду англичанам, любителям семуужьего лова, выручают 1 200 крон ежегодно, какового заработка они могли бы лишиться с загрязнением реки и уменьшением в ней лова семги.

Что же касается лиц, желающих арендовать пограничные участки, то отдача земли у Заячьего падуна в 15 верстах от Борисоглебской церкви иностранному Анонимному Обществу и участка земли близ Пазрецкого падуна Иоганном Кнудсенom представляется совершенно нежелательной ввиду того, что еще усматривается из имеющейся в Министерстве переписки.

Все усилия наших властей за последние годы были направлены к недопущению в этой пограничной полосе иностранцев. И так как аренда земли

норвежцами знаменовала бы собой отказ от попыток ограждения края от норвежского влияния и от закрепления его за Россией.

(подпись) товарищ министра иностранных дел Губастов⁹.

Источник:

РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 11–11 об. На бланке Второго (консульского) департамента МИД.

№ 3

Отношение управляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова министру иностранных дел от (?) апреля 1907 г.¹⁰ (исх. № 1902)

Имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что ввиду выраженных вверенным Вам Министерством соображений о нежелательности сдачи в аренду иностранцам Заячьего Падуна, ... возбужденное представителем Анонимного Общества Sydvaranger инженером Инге Виуля ходатайство об означенной аренде мною отклонено.

Что же касается Пазрецкого Падуна, то, так как оба берега реки Паз в этом месте принадлежат России и так как помянутый водопад, представляя значительную водную силу, может быть использован в интересах казны, мной сделано распоряжение о принятии мер к выяснению возможности отдачи в долгосрочную аренду с публичных торгов силы Пазрецкого водопада и самих условий таковой аренды.

При этом во избежание снятия этого водопада в аренду неблагонадежными лицами я полагал бы утверждение арендных торгов произвести по предварительному сношению с Вашим Высокопревосходительством.

Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием Князь Васильчиков¹¹.

Источник:

РГИА Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 14. На бланке по Лесному департаменту Отделение II. Машинопись. Отпуск.

⁹ Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) русский дипломат и историк, товарищ Министра иностранных дел (1906–1908), тайный советник. Член Совета Министров.

¹⁰ Извольский Александр Петрович (1856–1919) министр иностранных дел России (1906–1910 гг.).

¹¹ Васильчиков Борис Александрович (1863–1931) князь, государственный и общественный деятель, пшталмейстер (1899), землевладелец и владелец винокуренных и свеклосахарного заводов, главноуправляющий земледелием и землеустройством (июль 1906 — май 1908 гг.), член Государственного совета (1906–1917).

№ 4

Справка

От 30 марта (ст. ст.) 1913 г.

Граница России с Норвегией на Севере идет по реке Паз, по левому берегу которой к России отошло по Конвенции 1826 г. две квадратные версты, где находится церковь Св. Бориса и Глеба¹². В этом участке оба берега принадлежат России. В нем же расположен и водопад, так называемый Пазрецкий Падун.

Вопрос об аренде силы названного водопада уже возникал. Причем первоначальная инициатива в этом деле происходила со стороны одного местного жителя, который предложил казне назначить арендную плату за использование силы падающей воды названного водопада.

По собранным сведениям оказалось, что означенное лицо является в данном случае не самим предпринимателем, а старается в качестве посредника исключительно для иностранного Анонимного Общества «Зюдварангер», занимающегося разработкой залежей железной руды на норвежской стороне реки Пазы.

Впоследствии упомянутое Общество и само выступило с предложением взять в аренду у казны означенный водопад на предварительно выработанных правительством условиях этой аренды.

Для возможно правильного освещения на месте всех условий, которые могли бы лечь в основу указанного договора, был командирован Лесным департаментом специалист по гидротехническим вопросам профессор Харьковского технологического института Альбицкий¹³.

Дальнейшие переговоры ничем не окончились. Самый же вопрос об аренде водопада по распоряжению бывшего товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием тайного советника Иваницкого был внесен на обсуждение Гидрологического комитета Главного управления землеустройства и земледелия.

Последний Журналом от 16 декабря 1910 г. постановил: признать, что ввиду пограничного положения Пазрецкого водопада вопрос и сдаче в аренду данного водопада в аренду не может быть решен с должным соблюдением интересов России

¹² Церковь Св. Бориса и Глеба в посёлке Борисоглебский православный храм Печенгского района Мурманской области, находится на границе с Норвегией, на левом берегу реки Паз. Посвящён святым Борису и Глебу.

¹³ Альбицкий Василий Иванович (1850 — после 1917) профессор Харьковского технологического института, один из активных деятелей Союза русского народа в Харькове.

вне рассмотрения самих предположений о применении энергии водопада для тех или иных целей. Ввиду чего надлежит отложить сего вопроса до получения вновь конкретных и определенных предположений предпринимателей.

Не вызывая их при том путем публичной, доступной и для иностранцев конкуренции. И признать, что для решения означенного вопроса необходимо произвести более подробное, чем исполнено до сего времени, исследование водопада в отношении его мощности и состава сооружений как для использования энергии падающей воды, так и для удовлетворения условиям судоходства и сплава. Причем в последнем отношении надлежит иметь заключение ведомства путей сообщения.

С таковым заключением Комитета согласился и тайный советник Иваницкий. Причем предложил вопрос об эксплуатации силы Пазрецкого водопада отложить до возбуждения соответственных ходатайств. С тех пор упомянутый вопрос более не возбуждался.

Выше водопада Пазрецкий в 15 верстах от церкви Св. Бориса и Глеба расположен другой водопад — Заячий падун (по-норвежски Харефосс). Западная половина этого водопада принадлежит Норвегии, Восточная же — России.

Ходатайство об аренде этого водопада возбуждалось в 1907 г. (Анонимное Общество «Зюдварангер» и др.). Но таковые Главным управлением землеустройства и земледелия были отклонены ввиду заключения Министерства иностранных дел о нежелательности сдачи иностранцам в аренду этого пограничного водопада. В частности, что касается упомянутого в заявлении Союза русского народа от 18 марта 1913 г. ответа Главного управления землеустройства и земледелия норвежской компании, о том что для разрешения дела о водопаде нужно спросить местное население, то такового ответа в переписке, имеющейся по настоящему делу во II Отделении Лесного департамента Главного управления землеустройства и земледелия, не оказалось.

Источник:

РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 32–33об. Без подписи. Машинописный документ. (пометка: Составлена для Главного управления землеустройства и земледелия столоначальником Лесного департамента Загоровским на основе имеющейся в Министерстве внутренних дел переписки по делу, а также телеграммы архангельского вице-губернатора от 21 июля 1912 г. и отношения архангельского губернатора 2 мая 1913 г.)

№ 5

Из донесения архангельского губернатора Сергея Дмитриевича Бибикова¹⁴ от 15 июля (ст. ст.) 1913 г. главному управляющему землеустройством и земледелием. Автор освещает вопрос о выкупе норвежским государством сервитутных прав лопарей Пазрецкого прихода церкви Св. Бориса и Глеба в устье реки Паз и Ровдинской губы; а также объясняет свой отказ в разрешении Анонимному Обществу «Сюдварангер» по поводу его ходатайства о проведении изысканий российских берегов реки Паз

...Переходя затем к части корреспонденций, помещенных в газете «Новое время» относительно сдачи якобы в долгосрочную аренду губернской администрацией Лопарского водопада, находящегося близ храма Св. Бориса и Глеба, то должен засвидетельствовать Вашему высокопревосходительству, что ничего подобного в действительности не было и не могло быть. Так как само разрешение этого вопроса зависит лишь от местного Управления землеустройства и земледелия и Государственных имуществ. Лишь за последнее время мной были получены сведения о том, что анонимное общество «Зюдварангер» в Финнмаркене предполагает, если удастся получить разрешение Норвежских и Русских властей, приступить в будущем лето к производству межевых измерений посредством тахеометра берегов реки Паза между порогами Скульфоса и Харефоса.

Но по получению этих сведений я предложил от 17 июня с. г. (исх. № 1193) Александровскому¹⁵ исправнику ни под каким видом не допускать вышеуказанное общество к производству вышеупомянутых работ на пограничной полосе, принадлежащей России. Отрицательный же ответ последовал с моей стороны 12 сего июля и на телеграмму Финнмаркенского губернатора относительно изысканий берегов реки Паза в пределах России.

(Подпись) Губернатор Бибиков

Считаю необходимым приложить при том в копиях:

Копия телеграммы от 12 июля (ст. ст.) 1913 г.

¹⁴ Бибиков Сергей Дмитриевич (до 1870 — после 1917) архангельский губернатор (1912–20.01.1917), действительный статский советник.

¹⁵ Уездный исправник — глава полиции в уезде. Александровский уезд — административно-территориальная единица в составе Архангельской губернии, располагавшаяся на территории современной Мурманской области.

Киркенес. Губернатору Финнмаркена. Ходатайство анонимного общества «Зюдварангер» о производстве изысканий берегов Паз реки в пределах России оставляется мною без удовлетворения.

Губернатор Бибилов

Источник:

РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 45–47об. Подлинник. Машинописный документ

№ 6

**Рапорт начальника Мурманского контрразведывательного пункта по запросу
начальника штаба военного совета**

Копия.
Секретно.

Начальнику штаба военного совета

НАЧАЛЬНИК

Особого морского мурманского
контрразведывательного пункта

Марта 1918 года

№ 106

г. Мурманск

№ 3/30572

РАПОРТ

Доношу, что колонист становища Финманского Оскар Кнютцен происхождения из норвежцев в Русское подданство перешел 20–25 лет тому назад и жил в России только лишь летом, а с окончанием рыбного промысла он ежегодно уезжал в Норвегию. В ст. Финманском (sic!) он имел три дома и несколько амбаров, собственные суда и небольшой пароход в 65 рег. тонн водоизмещения.

В 1914 году, с объявлением войны, сыновья Кнютцена Сигурт, Ула и Харальд, получив объявление о явке к воинскому Начальнику, кряду же (sic!) скрылись от воинской повинности в Норвегию, где и проживают в настоящее время.

Сам Кнютцен во время войны в 1916 году, несмотря на то, что вывоз из России всяких товаров рыболовных снастей в то время был воспрещен, вывез в Норвегию

из становища Финманского на собственном пароходе все более годные промысловые снасти и много кое-какого товара. В то же время уехал сам в Норвегию и до настоящего времени в пределах России не появлялся. Живет он в гор. Киркенесе, где имеет два собственных дома.

Сигурт и Ула Кнютцены, как уехали из России, кряду же (sic!) занялись скупкой рыбы и тюленьего мяса для Германии и, как было установлено нашей заграничной агентурой, названные братья Кнютцены занимались в то же время шпионством в пользу немцев. Старший сын Кнютцена Иоганн, инженер-электрик, служит с 1909 года в Киркенесе на рудодобывающем заводе анонимной Сюдварангерской компании, состоящей из немцев и шведов.

Прошу не отказать уведомить меня, что вызвало потребность в настоящей справке.

Подписал: Начальник Особого Морского Мурманского
Контрразведывательного пункта Эллена.

С подлинным верно: За заведывающего военно-сухопутным отделом (подпись)

Источник:

Государственный архив Мурманской области. Ф. 919 (Управление коменданта Мурманского военного района). Оп. 1. Д. 67. Л. 67–67об. Машинописный документ. Копия.

ОРЕХОВА Екатерина Александровна / OREKHOVA Ekaterina

Государственное областное учреждение культуры «Мурманский областной краеведческий музей» / State Regional Cultural Institution 'Murmansk Museum of Local History'

Россия, Мурманск / Russia, Murmansk

orekhova51@gmail.com

СТРОИТЕЛЬСТВО КАСКАДА ПАЗСКИХ ГЭС В ФОТОМАТЕРИАЛАХ МУРМАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

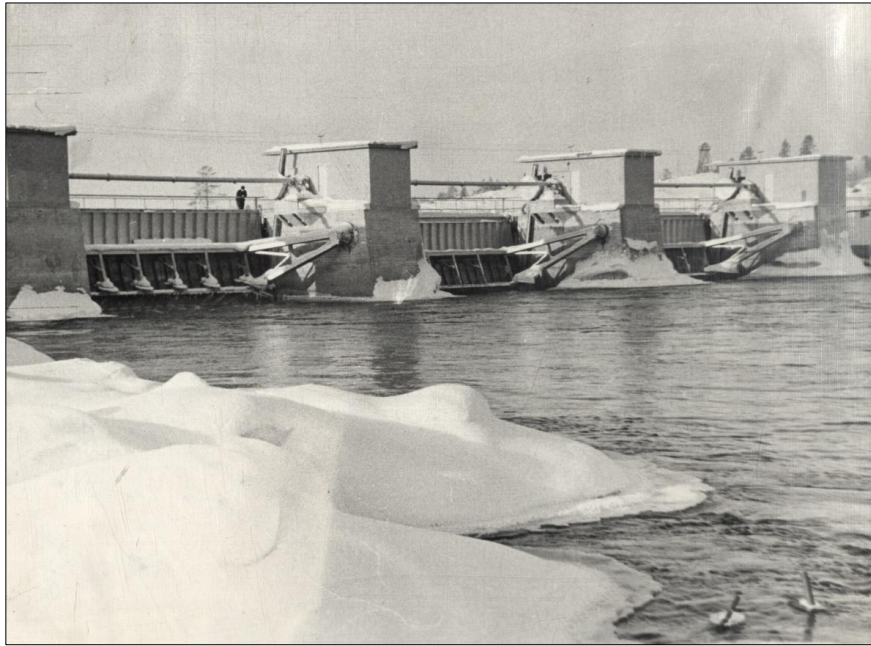
CONSTRUCTION OF THE CASCADE OF THE PAZ HYDROPOWER PLANTS IN THE PHOTO MATERIALS OF THE MURMANSK REGIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM

Abstract: A series of the photos from the collection of the Murmansk Regional Local History Museum illustrates the construction works of the hydroelectric power stations' cascade on the Paz river in the Pechenga district of the Murmansk region in the 1950s–1970s.

Ключевые слова / Keywords: Пазские ГЭС, Печенгский район, Мурманская область, советско-норвежские отношения, советско-финляндские отношения, международное сотрудничество / Paz hydroelectric power stations, Pechenga region, Murmansk region, Soviet-Norwegian relations, Soviet-Finnish relations, international cooperation

В ходе работы по проекту «История трансграничного гидроэнергетического комплекса на реке Паз (1906–1970): От соревнования к мирному сотрудничеству на Крайнем Севере Европы» в фондах Мурманского областного краеведческого музея (далее — МОМ) были выявлены коллекции фотографий, освещающих строительство и работу сооружений каскада Пазских ГЭС: Хевоскоски, Янискоски, Раякоски и Борисоглебской ГЭС. Большая часть этих фотографий ранее не экспонировалась. Материалы интересны, в частности, тем, что съёмки проходили на территории ограниченного доступа — в пограничной зоне. Помимо протокольных мероприятий, фотографы фиксировали процесс строительства и внутреннее устройство ГЭС, посёлки для персонала станций.

Первой в Пазском каскаде стала ГЭС Янискоски, строительство которой началось еще в 1938 г. для обеспечения электроэнергией никелевых рудников Петсамо (Печенги). ГЭС была разрушена в 1944 г. По контракту с СССР она была восстановлена финской фирмой «Иматран Войма» и вошла в строй 26 декабря 1950 г. При станции был построен посёлок (ликвидирован в 2011 г.).

МОМ ОФ-15433/3529. ГЭС Янискоски. Регулирующее сооружение. 1956 г.

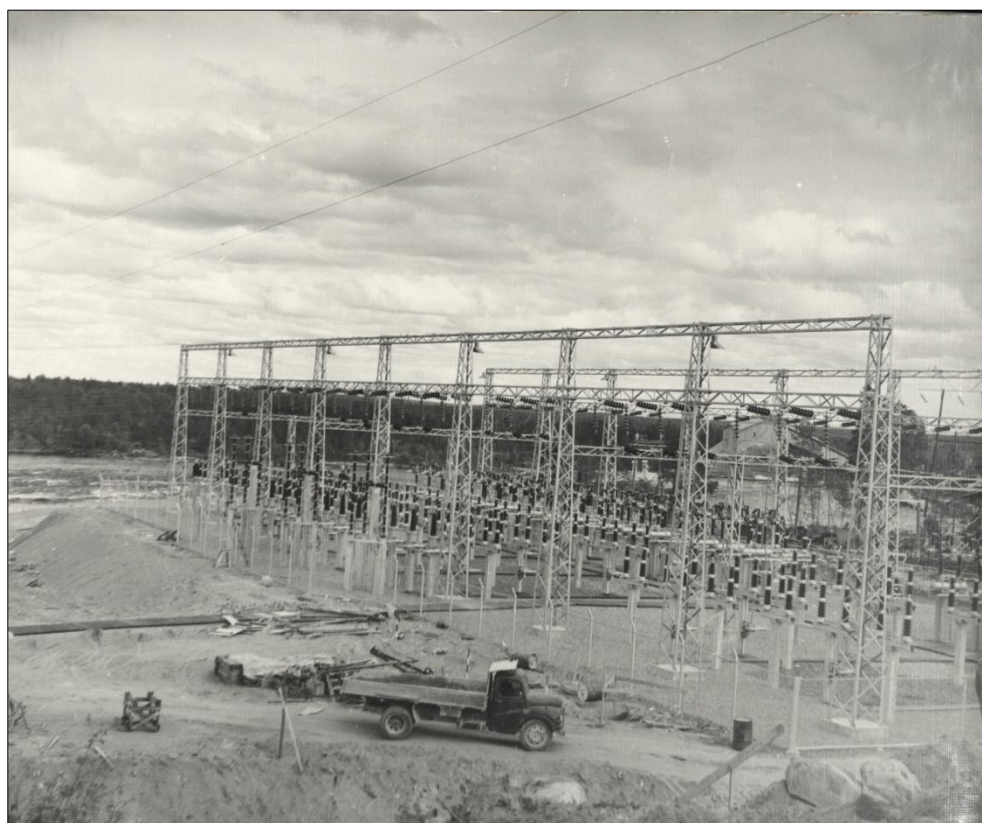
ГЭС Раякоски была построена и 25 мая 1956 г. введена в эксплуатацию фирмой «Иматран Войма». С единого пульта, расположенного на Раякоски ГЭС, осуществляется управление всеми ГЭС Пазского каскада, работающими в автоматическом режиме. Для персонала станции был спроектирован и построен посёлок Раякоски. Первая очередь населённого пункта была построена финнами и получила народное название «финский посёлок». Во время строительства ГЭС Хевоскоски было решено построить дома для сотрудников на территории Раякоски. Строительство вела норвежская фирма. Так появился «норвежский посёлок».

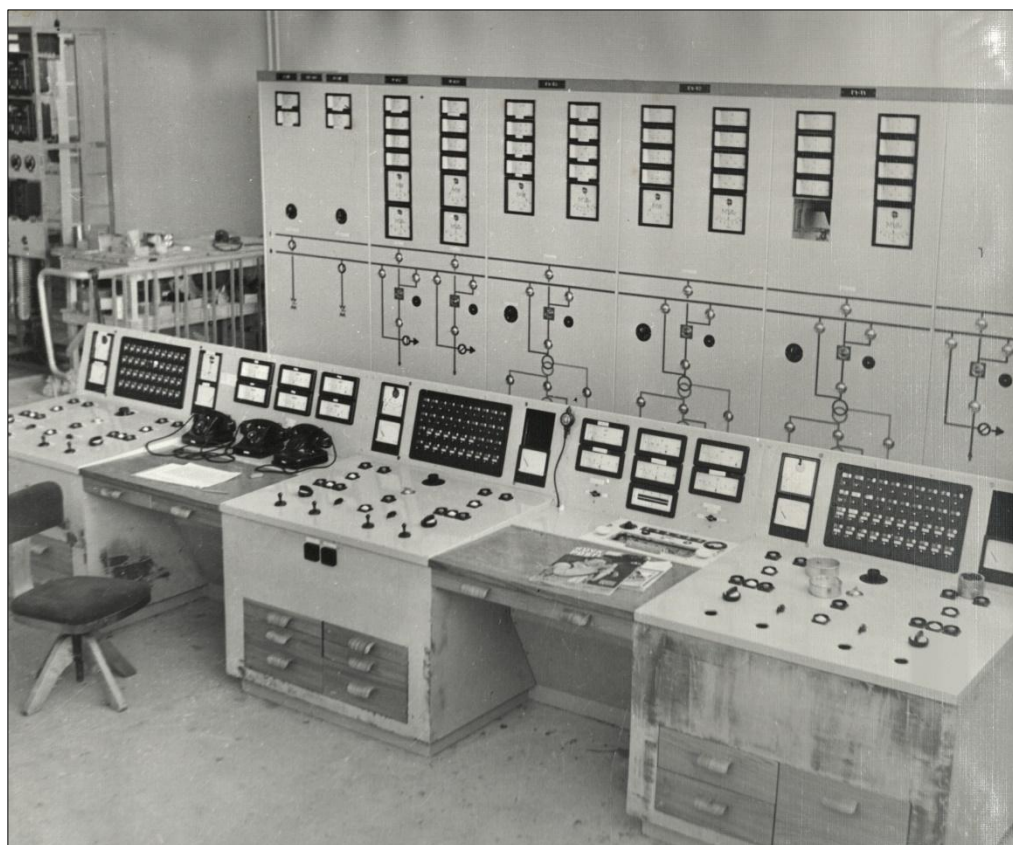
МОМ ОФ-15433/3518. ГЭС Раякоски. Вид с нижнего бьефа. 1950-е гг.

МОМ ОФ-15433/3520. ГЭС Раякоски. Вид станции с отводящего канала. 1950-е гг.

МОМ ОФ-15433/3521. ГЭС Раякоски. Подстанция 110 кв. 1950-е гг.

5.

МОН ОФ-15433/3523. ГЭС Раякоски. Пульт управления. 1950-е гг.

МОН ОФ-15433/3519. ГЭС Раякоски. Жилой дом. 1950-е гг.

Борисоглебская ГЭС — самая нижняя в Пазском каскаде, была построена норвежской фирмой «Нордэлектро» (*Nordelektro*) и введена в эксплуатацию 1 апреля 1964 г. Своё название ГЭС получила от расположенной на левом берегу реки Паз церкви Св. Бориса и Глеба. По 115-метровой плотине прошла государственная граница между СССР и Норвегией. Машинный зал станции был вырублен в скале на глубине 50 м под землей. Также в скале был пробит тоннель длиной 854 м по которому вода реки Паз попадает на лопасти турбин. Для персонала станции были построены дома «норвежского» типа.

МОМ НВФФ-3562/80-ФН. Пос. Борисоглебский. Кладбище. Река Паз около советско-норвежской границы. На той стороне — Борисоглебская ГЭС.
Сентябрь 1965 г. Автор фото М. М. Попов.

МОМ ОФ-15435/1292-8. Борисоглебская ГЭС. Водопад Сколтенфосс (Борисоглебский) до перекрытия русла реки Паз и быки водосброса. Зима 1961 г.

МОМ ОФ-15435/1292-9. Борисоглебская ГЭС. Верхняя часть портала левого отводящего канала (тоннеля) в период строительства. Лето 1962 г.

МОМ ОФ-15435/1292-5. Борисоглебская ГЭС. Временный мост и площадка строительства на левом берегу реки Паз. Зима 1961 г.

МОМ ОФ-15441/3776-8. Борисоглебская ГЭС. Строительство машинного зала. Видны шахты агрегатов. 1962 г.

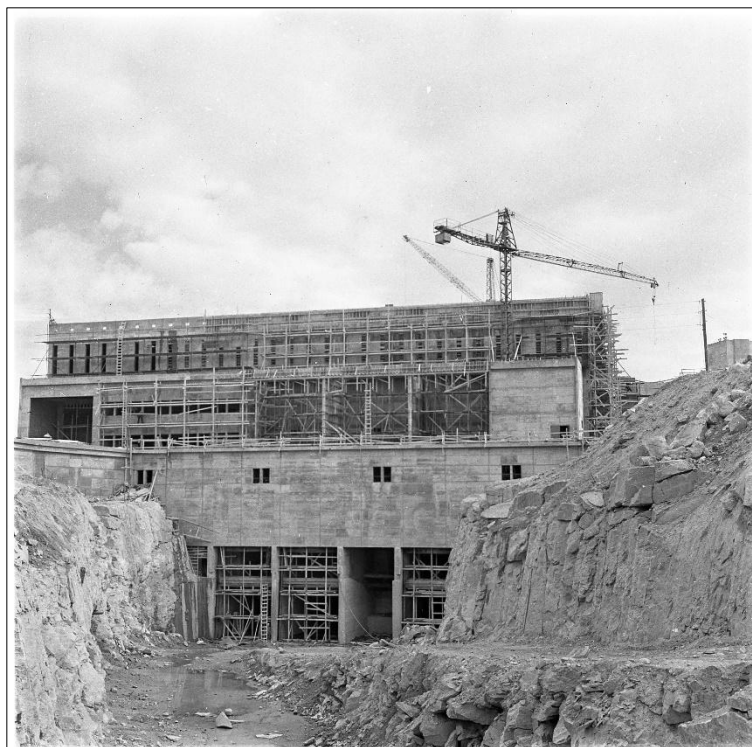

МОН ОФ-15435/1292-12. Борисоглебская ГЭС. Левая ветвь уравнильной камеры в период строительства. Лето 1962 г.

МОН ОФ-15435/1292-66. Борисоглебская ГЭС. Дома постоянного поселка для эксплуатационного персонала. Сентябрь 1962 г.

ГЭС Хевоскоски стала последней, построенной на Пазском каскаде. Сооружение станции началось в 1956 г. В июле 1970 г. норвежская фирма «Нордэлектро» — дочернее предприятие корпорации «Хафслунд» (*Hafslund AS*), завершила строительство. 9 сентября 1970 г. станция была принята в эксплуатацию. Хевоскоски ГЭС получила самый большой напорный фронт протяженностью 3 478 м, в который вошли три земляные плотины, водосброс и здание ГЭС.

МОМ НВФФ-3562/186-ФН. Строительство ГЭС Хеваскоски. Главное здание ГЭС и отводящий канал. Июль 1969 г. Автор фото М. М. Попов.

МОМ ОФ-15441/3776-12. ГЭС Хевоскоски. Водосливная часть плотины. Вид на норвежскую сторону. 1970 г.

МОМ ОФ-15435/2128-3. Подписание контракта об окончании строительства и передаче станции ГЭС Хевоскоски фирмой «Нордэлектро» советской стороне. Слева крайний — технический директор фирмы Розенберг, второй — Фредрик Станг Хеффермель (*Heffermehl Fredrik Stang*) — главный исполнительный директор энергетической корпорации «Хафслунд», третий — председатель всесоюзного объединения «Технопромэкспорт» Юрий Васильевич Смеляков. Второй справа — норвежский министр промышленности Сверре Вальтер Ростофт, третий справа — министр энергетики СССР Пётр Степанович Непорожний. 9 сентября 1970 г.

МОМ ОФ-15435/2128-6. Подписание протокола о сдаче ГЭС Хевоскоски. Слева — Фредрик Станг Хеффермел (главный исполнительный директор энергетической корпорации «Хафслунд» и Юрий Васильевич Смеляков (председатель всесоюзного объединения «Технопромэкспорт»). 9 сентября 1970 г.

МОМ ОФ-15435/2430-56а. ГЭС Хевоскоски. Машинный зал. 1971 г.

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ**
PAPERS OF THE ACADEMIC
CONFERENCES

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

*BUBRIKH READINGS: LANGUAGES AND CULTURES IN THE AGE
OF DIGITALISATION*

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

26–27 октября 2022 г. в г. Петрозаводске состоялась XIX научная конференция «Бубриховские чтения: языки и культуры в эпоху цифровизации». Чтения, история которых продолжается с 2000 г., были приурочены к Году культурного наследия народов России, а также началу Международного десятилетия языков коренных народов.

В рамках конференции обсуждался широкий круг вопросов финно-угорского языкознания, фольклористики, литературоведения, истории и современных этносоциальных процессов, актуальных в период цифровизации научного знания.

Данный ракурс хорошо прозвучал в первый день конференции, который был полностью посвящён цифровым технологиям и ресурсам в языковой сфере. Слушатели познакомились с новыми языковыми ресурсами, ходом пополнения и изменения уже существующих, с реализацией новых технологических идей в сфере распознавания карельской речи, развитием корпусной лингвистики на примере вепсского и карельского языков. В содержании докладов проявилась качественная переориентация научно-исследовательской работы сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН на работу с «цифрой».

Во второй день конференции фокус был смещён на социолингвистические и иные аспекты исследования прибалтийско-финских языков. Прозвучали доклады из разных областей научного знания, во многом основанные на полевых, экспедиционных материалах. В их числе были и результаты экспедиций, проведённых представителями научных и образовательных учреждений из-за пределов Карелии. Часть из них публикуется в данном выпуске. Совмещение этих взглядов снаружи и изнутри составило отдельную ценность дискуссионного блока конференции. Интересно звучали аналитические доклады по особенностям

презентации идентичности в художественной литературе и исторических сочинениях, два из которых опубликованы в настоящем выпуске Альманаха.

На конференции были представлены научные, учебные и учебно-методические книги и издания ИЯЛИ КарНЦ РАН и Кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ за два года, предшествующих мероприятию. Важно, что это произошло не только в форме выставки, но и краткого рассказа о достоинствах новых изданий.

Участниками конференции стали как авторитетные ученые (среди них — члены-корреспонденты РАН С. А. Мызников и И. И. Муллонен), так и начинающие исследователи, в том числе аспиранты. Научная конференция, поддерживающая лучшие традиции Бубриховской школы, стала эффективным инструментом для развития исследований в области прибалтийско-финской филологии и культуры, площадкой для обмена опытом и мнениями, а также роста молодых кадров.

С. Э. Яловицына

КУНДОЗЕРОВА Мария Владимировна / KUNDOZEROVA Maria

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

maria.vlasova@mail.ru

БАЗА ДАННЫХ «КАРЕЛЬСКИЕ РУНЫ»: ИДЕЯ СОЗДАНИЯ, КОНЦЕПЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

DATABASE KARELIAN RUNES: IDEA OF CREATION, CONCEPT, PROSPECTS

Abstract: The article discusses the idea of creating a unified digital database *Karelian Runes* and its first implementation as a collection based on the open corpus of the Veps and Karelian languages *VepKar*. The concept of a database containing Karelian runes of various genres is based on foreign experience and corresponds in structure to the Old Poems of the Finnish People (SKVR) corpus. The presence of a digital corpus of runes will allow in the future, within the framework of international activities, to integrate the Karelian database with the databases of Finland and Estonia in order to use a single toolkit for comparative analysis of folklore material developed by foreign colleagues within the framework of the FILTERI project.

Ключевые слова / Keywords: Карельские руны, база данных, коллекция рун, цифровой корпус, ВепКар, древние руны финского народа / Karelian runes, database, rune collection, digital corpus, VepKar, Old Poems of the Finnish People

Предыстория и идея создания

Карельская руническая поэзия (или так называемая «поэзия калевальской метрики») представляет собой конгломерат рун разных жанров (эпические, лирические, лиро-эпические, заговорные/заклинательные, кумулятивные, исторические, колыбельные, свадебные руны). Все эти произведения объединяет то, что их исполняли единым руническим размером («калевальская метрика», «калевальский стих»). Он близок четырехстопному хорею, нерифмованный, аллитерационный.

История собирания, изучения и публикации карельских рун насчитывает уже более двух столетий. За это время собирателями разных стран от карельских исполнителей были записаны сотни и тысячи вариантов рунических произведений. Оригиналы этих вариантов в виде рукописных или аудиозаписей хранятся в архивах России, Финляндии и Эстонии. Часть материалов опубликована в виде сборников, совокупность которых, ввиду разного подхода к систематизации материала и отличных принципов издания, представляет собой довольно пеструю картину. В поисках той или иной руны исследователь вынужден вникать в структуру каждого сборника, зачастую натываясь на ошибки, описки, несоответствия паспортизации архивным данным, повторные публикации одних и тех же текстов, на отсутствие

* Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР Карельского научного центра РАН (рег. № 121070800089-0).

простой и понятной системы поиска. Архивные же материалы и вовсе остаются недоступными для многих исследователей.

Карельскими фольклористами до сих пор не издано ни одного сборника, который был бы посвящен сразу всем жанрам рунической поэзии Карелии (хотя многотомник «Руны Карелии» числился в планах ИЯЛИ КарНЦ РАН (бывшего КНИИ) еще в 1930-х гг.¹). Это связано с традициями изучения карельского фольклора в Карелии. В первую очередь изучался эпос и его мифологическая основа², взаимосвязи с эпической поэмой «Калевалой», поэтому сборники содержали в основном эпические руны³. Параллельно получило развитие изучение регионального фольклора. Сборники стали охватывать фольклорный репертуар той или иной группы карелов⁴. При этом руническая поэзия, хоть и представлена на первых позициях, теряется в общей массе других жанров устного народного творчества региона.

Впервые попытка создания единого свода карельских рун разных жанров была предпринята фольклористом В. Я. Евсеевым в 1970-е гг. Им было подготовлено издание «Руны карельского народа»⁵ (*Karjalan kansan runot*), которое увидело свет лишь частично. Предполагалось, что в издание войдут избранные карельские руны из архивов Карелии и Эстонии, собранные в период с 1927 г. по 1973 г.⁶ В предисловии отмечается, что в «сборнике имеется больше десятка разных жанровых разделов»⁷, которые, однако, не перечислены. Из дальнейшего (не очень ясного) описания структуры можно уловить, что в сборнике, согласно терминологии автора-составителя, планировались, кроме эпических и исторических рун, разделы с балладами, трудовыми песнями, заклинательными рунами, детским фольклором и отдельно колыбельными песнями, лирическими, свадебными и другими обрядовыми, игровыми, хороводными песнями с калевальской метрикой⁸. Во многом такое деление на разделы было заимствовано, как пишет сам

¹ Миронова В. П. К истории публикации карельских рун // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 7. С. 109. URL: <https://uchzap.petrso.ru/journal/article.php?id=673> (27.12.2022).

² Иванова Л. П. Изучение вепсской и карельской мифологии в ИЯЛИ: имена, научные исследования и важнейшие результаты // Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур. Петрозаводск, 2016. С. 80–90.

³ Например: Карелиян эпическоит пает / Сост. И. Пажлаков. Петрозаводск: Карельской государственной издательства, 1939; Карельские эпические песни / Предисловие, подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950; Anuksen karjalazien eepizet pajot / Kokoonpannut V. Mironova. Petroskoi, 2007.

⁴ Песенный фольклор кестеньгских карел = Kiestingin kanšanlauluja. Петрозаводск, 2020; Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000; Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск, 2013; Музыкально-фольклорные традиции Северной Карелии = Vienan Karjalan kansanrunoutta: (Из собрания фольклорного архива Петрозаводской государственной консерватории). Петрозаводск, 2013.

⁵ Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn, 1976; I.1980. II.

⁶ Jevsejev V. Alkulause // Karjalan kansan runot / Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn, 1976. I. Kalevalanaiheiset kertovaiset runot. S. 5.

⁷ Ibid. S. 20.

⁸ Ibid. S. 20.

составитель⁹, из структуры многотомного издания «Древних рун финского народа» (о котором чуть позже). Кроме этого, сборник должен был содержать богатый научный аппарат: примечания/комментарии, указатель тем и функций текстов, указатель исполнителей, указатель географических названий, словарь малопонятных слов, а также нотировки, подготовленные У. Колк и Т. Кертту. Из всего перечисленного в свет вышли только первые две книги-раздела: «Калевальские эпические руны»¹⁰ (160 текстов) в 1976 г. и «Другие эпические руны. Исторические руны»¹¹ (115 и 26 текстов соответственно) в 1980 г. Обе книги содержат лишь тексты на оригинале с минимальной паспортизацией без оглавления и научного аппарата (исключение — вступительная статья на финском языке и ее резюме на русском и немецком языках в первой книге). Таким образом, первая попытка создания единого свода карельских рун оказалась не вполне удачной (по неизученным пока причинам¹²), и на 40 с лишним лет была забыта.

С тех пор изучение традиции рунопения в связи с развитием информационных технологий вышло на новый уровень. Начиная с 2015 г. карельскими фольклористами была реализована серия проектов, в результате чего в сети интернет появился электронный ресурс «Сказители Карелии: электронная энциклопедия»¹³. Ресурс содержит информацию не только о карелоязычных, но и о русских сказителях Карелии: биографические данные и фотоматериалы по каждому исполнителю, особенности его репертуара, образцы фольклорных произведений (рукописные, печатные, звуковые)¹⁴. Следующим логическим шагом должно стать создание ресурса самих фольклорных произведений, в первую очередь — рунической поэзии.

Идея создания цифрового корпуса карельских рун в очередной раз, но уже с новой силой, зазвучала в 2021 г., когда в Республике Карелия на официальном уровне проводился Год карельских рун. К карельскому фольклору было приковано пристальное внимание, и необходимость существования общедоступного корпуса текстов рун с переводом на русский язык особенно четко проявилась в среде творческой интеллигенции. Создание же подобного корпуса, который бы служил не только источником текстов для широкой аудитории, но и рабочим инструментом в изучении карельского и шире — финно-угорского фольклора, под силу лишь узким специалистам — фольклористам со знанием карельского языка и специфики

⁹ Ibid. S. 7.

¹⁰ Karjalan kansan runot. I.

¹¹ Karjalan kansan runot / Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn, 1980. II. Muita kertovaisia runoja. Historiallisia runoja.

¹² Архив с материалами по данному сборнику и переписка с эстонскими коллегами, которая предположительно может пролить свет на причины остановки публикации последующих книг сборника, находятся в личном архивном деле В. Я. Евсеева в Национальном архиве РК (фонд № Р-3717).

¹³ Сказители Карелии: Электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://illh.ru/KC2/> (24.10.2022).

¹⁴ Мифонова В. П. Карельские рунопевцы: к вопросу о создании электронного ресурса // Кижский вестник. Вып. 17. Петрозаводск, 2017. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-17/1850.html> (24.10.2022).

рунического материала. А их в нашей стране совсем немного. И приступая к созданию такого корпуса нам необходимо учитывать опыт наших коллег за рубежом.

Зарубежный опыт: «База данных *Suomen kansan vanhat runot*»

Записи материалов, сделанные финскими собирателями, хранятся в архивах Финляндии, и благодаря стараниям представителей финской фольклористической школы большая их часть была опубликована в 34-томном издании «Древние руны финского народа»¹⁵. В это издание наряду с карельской рунической поэзией вошла поэзия ижоры, финнов и води. Издание содержит 89247 текстов рун разных жанров. В 1990-е гг. это собрание рун было оцифровано, и с 2004 г. оно в виде открытого источника размещено в интернете во всеобщем доступе под названием «База данных *Suomen kansan vanhat runot*» (далее — СКВР) (*SKVR-tietokanta*)¹⁶. База данных снабжена системой расширенного поиска: по месту записи, собирателю, по заголовку (жанрам, сюжетам и темам), по времени записи, по номеру текста в СКВР, по содержанию. В 2008 г. «База данных СКВР» была размещена в системе *Octavo*, которая разрабатывается специально для поддержки гуманитарных исследований корпусов текстов и связанных с ними метаданных. Идея системы состоит в том, чтобы предложить пользователю широкие возможности для ограничения нужной части материала с помощью как внутренних текстовых, так и связанных с текстом параметров метаданных¹⁷.

«База данных СКВР» стала прототипом для создания базы данных эстонских рун (*Eesti regilaulude andmebaas (ERAB)*)¹⁸, которая содержит 100034 текста — почти две трети всех текстов песен *regilaulu*, найденных в эстонских архивах¹⁹. Дальнейшее сотрудничество финских и эстонских коллег способствовало появлению проекта *FILTER*²⁰, который направлен на создание новых аналитических инструментов и подходов для изучения обширной эстонско-карело-ижорско-финской устной поэзии. Участниками проекта выступают Финское литературное общество, Университет г. Хельсинки и Фольклорный архив Эстонского литературного музея. В рамках проекта создан пользовательский веб-интерфейс «Рунореги» (*Runoregi*), который объединил четыре независимые базы данных (корпус СКВР, корпус эстонских рун (песен *regilaulu*), неопубликованные коллекции рун архива Финского литературного общества, а также подборку литературно обработанных рун — таких, как «Калевала» и сборники стихов XIX в.). Кроме этого интерфейс предоставляет

¹⁵ Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1908–1997. I–XV.

¹⁶ SKVR-tietokanta — kalevalaisten runojen verkkopalvelu [Электронный ресурс]. URL: <https://skvr.fi/> (24.10.2022).

¹⁷ Kallio, K., Mäkelä E. Suullisen runon sähköisestä lukemisesta // Elore. 2019. Vol. 26. Nr. 2. S. 28. URL: <https://journal.fi/elore/article/view/84570> (27.12.2022).

¹⁸ Eesti regilaulude andmebaas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.folklore.ee/regilaul/andmebaas/?ln=en> (24.10.2022).

¹⁹ Eesti regilaulude andmebaas (ERAB) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.folklore.ee/regilaul/andmebaasist> (24.10.2022).

²⁰ FILTER (*Formulaic intertextuality, thematic networks and poetic variation across regional cultures of Finnic oral poetry*, Academy of Finland, 2020–2024, leaded by Kati Kallio).

инновационные алгоритмы обнаружения сходства и визуализации, позволяющие пользователю быстро перемещаться между текстами, читать похожие тексты в параллельном представлении, находить строки и отрывки текстов независимо от языковых вариаций²¹.

Очевидно, что материал карельских архивов мог бы быть интегрирован в уже готовую поисковую и аналитическую систему, что заметно расширило бы возможности исследователей карельского фольклора, но отсутствие единой цифровой базы данных карельских рун, а теперь еще и обострение политической ситуации, отодвигают эту возможность на неопределенный период.

Тем не менее, некоторые шаги в сторону создания корпуса карельских рун были предприняты. Для этого была намечена концепция, содержащая описание цели, материала, инструментария и перспектив использования корпуса карельских рун.

Концепция базы данных «Карельские руны»

Цель — объединение всех карельских рунических текстов разных жанров (опубликованных и неопубликованных) в единую базу, которая подчинена единой системе навигации по материалу.

Структура базы данных соответствует структуре корпуса «Древних рун финского народа» («Базы данных СКВР»): материал систематизируется по жанровому признаку (эпические руны, лирические руны, руны различной приуроченности (*erilaisissa tilanteissa*), свадебные руны, детский рунический фольклор, заговорные/заклинательные руны, небольшие руны (малые жанры), далее — по сюжетам, темам, функциям (в зависимости от жанра).

Источниками материала для базы данных в первую очередь станут опубликованные сборники карельских рун²², далее — рукописный архив Карельского научного центра РАН (КарНЦ РАН), Фонограммархив Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН и архивы других организаций (например, Фонограммархив научной библиотеки Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова).

База данных будет снабжена системой поиска по жанрам, сюжетам и темам, исполнителю, собирателю, месту и времени записи. Тексты будут представлены на языке оригинала и, при наличии перевода, на русском языке.

Размещение текста руны в базе данных будет приравниваться к публикации фольклорного текста, на который пользователи должны будут указывать ссылку.

²¹ Maciej, J., Kallio, K., Sarv, M. Exploring Finnic written oral folk poetry through string similarity // Digital Scholarship in the Humanities [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://doi.org/10.1093/llc/fqac034> (24.10.2022).

²² Карельский сборник. Л., 1929; Карельские эпические песни. М.; Л., 1950; Карело-финский народный эпос: в 2 кн. М., 1994; Песенный фольклор кестеньгских карел; Рода нашего напевы: избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. Петрозаводск, 1985; Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000; *Anuksen karjalazien eepizet rajot; Karjalan kansan runot. I–II; Suomen kansan vanhat runot. I, II, VII* и др.

Первое воплощение

База данных получила свое первое воплощение в виде коллекции «Карельские руны» на базе открытого корпуса вепсского и карельского языков ВепКар²³. Работа по наполнению коллекции (в рамках плановых тем) ведется фольклористом, научным сотрудником ИЯЛИ КарНЦ РАН М. В. Кундозеровой, программированием занимается ведущий инженер-исследователь Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН Н. Б. Крижановская.

Цель коллекции на данный момент — объединить опубликованные и неопубликованные варианты рун карелов Кестеньгского края, систематизировать собранный материал по жанрово-сюжетному признаку, создать указатель тем и мотивов. В качестве источников материала используется сборник «Песенный фольклор кестеньгских карел», база данных «СКВР», рукописный архив КарНЦ РАН, Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Титульная страница включает краткое описание коллекции и перечень жанровых разделов: эпические руны, заговорные/заклинательные руны, свадебные руны, детский фольклор. Эпические руны представлены сюжетами «Поиски дерева для лодки», «Состязание в сватовстве», «Пир в Пяйвёля», «Путешествие в Похьёлу». Заговорные/заклинательные руны представлены текстами заговора от пара в бане.

Каждый текст снабжен традиционными паспортными данными (координаты архивного хранения, данные об информанте (ФИО, год и место рождения), собиратель, место и год записи). Текст сопровождается переводом на русский язык, указанием мест более ранних публикаций. Для текста определяется языковая и диалектная принадлежность, жанр, основной сюжет и наличие контаминации с другими сюжетами, а также приводятся темы (реже мотивы) в порядке их появления в тексте. Все эти данные становятся активными ссылками, т. е. критериями для поиска (дополнительно возможно ограничение поиска внутри коллекции). К примеру, нажав на ФИО информанта, выводится список всех рунических произведений, записанных от него. Или же кликнув на одну из тем, выходит список текстов, в которых встречается такая же тема. Кроме возможности пользоваться развитой системой поиска, очевидным плюсом интеграции текстов рун в корпус ВепКара является автоматическая разметка слов, благодаря которой от слов в тексте идут отсылки на соответствующие значения в словарных статьях.

На сегодняшний день коллекция содержит порядка десяти текстов. На этом небольшом количестве текстов отработывается алгоритм заполнения бланка для добавления текста в корпус ВепКар, методика выявления тем и мотивов и внесения их в соответствующий указатель, принципы визуализации текстов в коллекции и результатов работы системы поиска. Все это необходимо сделать на начальном этапе для того, чтобы в будущем минимизировать редактирование программирования

²³ ВепКар: открытый корпус вепсского и карельского языков [Электронный ресурс]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/collection/2> (24.10.2022).

коллекции и достичь максимальной автоматизации процесса наполнения базы данных.

Для оформления ссылки на конкретный текст из коллекции предлагается такой вариант (у каждого текста есть свой номер):

Текст № 4274 // Коллекция «Карельские руны» Открытого корпуса вепсского и карельского языков ВепКар. URL: ссылка на текст.

Перспективы

Создание единой базы данных карельских рун позволит ввести в научный оборот архивные тексты рун и объединить в одном месте опубликованные и неопубликованные варианты, благодаря чему можно будет провести учет количественных показателей рунического наследия (что на данный момент не представляется возможным), настроить единую систему поиска по определенным критериям.

Наличие цифрового корпуса рун позволит в будущем в рамках международной деятельности произвести интеграцию карельской базы данных с базами данных Финляндии и Эстонии для использования единого инструментария сопоставительного анализа данных. Особенно актуально это будет выглядеть в диахронической перспективе.

База данных «Карельские руны» может стать начальным или дополнительным звеном в разработке общего фольклорного корпуса Карелии, что потребует большего коллектива разработчиков и привлечения грантовых средств.

Список литературы

Иванова, Л. И. Изучение вепсской и карельской мифологии в ИЯЛИ: имена, научные исследования и важнейшие результаты / Л. И. Иванова // Бубриховские чтения : Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур. — Петрозаводск : [б. и.], 2016. — С. 80–90.

Миронова, В. П. К истории публикации карельских рун / В. П. Миронова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43, № 7. — С. 107–113. — URL: <https://uchzap.petrso.ru/journal/article.php?id=673>. — (27.12.2022).

Миронова, В. П. Карельские рунопевцы: к вопросу о создании электронного ресурса / В. П. Миронова // Кижский вестник. — Вып. 17. — Петрозаводск, 2017. [Электронный ресурс]. — URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-17/1850.html> (24.10.2022).

Jevsejev, V. Alkulause / V. Jevsejev // Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. — Tallinn : Eesti Raamat. — 1976. — I. — S. 3–22.

Kallio, K. Suullisen runon sähköisestä lukemisesta / K. Kallio, E. Mäkelä // Elore. — 2019. — Vol. 26, nr. 2. — S. 25–40. — URL: <https://journal.fi/elore/article/view/84570/47790>. — (27.12.2022).

Maciej, J. Exploring Finnic written oral folk poetry through string similarity / J. Maciej, K. Kallio, M. Sarv // Digital Scholarship in the Humanities [Электронный ресурс]. — 2022. — URL: <https://doi.org/10.1093/llc/fqac034>. (24.10.2022).

ЕЛАГИНА Анна Александровна / ELAGINA Anna

НИУ «Высшая школа экономики», Лаборатория социогуманитарных исследований Севера и Арктики / HSE University, Laboratory for Arctic Social Sciences and Humanities

Россия, Москва / Russia, Moscow

anna.elagina.igel@gmail.com

РЫЖКОВ Алексей Маркович / RYZHKOV Aleksei

НИУ «Высшая школа экономики», Лаборатория социогуманитарных исследований Севера и Арктики / HSE University, Laboratory for Arctic Social Sciences and Humanities

Россия, Москва / Russia, Moscow

loehus@gmail.com

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ КАРЕЛИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

THE KARELIAN LANGUAGE IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF KARELIA AND CONSTRUCTION OF LOCAL SPACES

Abstract: This work briefly describes several aspects of how the Karelian language is represented in the linguistic landscape of Karelia based on visual materials and interviews collected in research trips to the region in 2019–2022. Which public places is written Karelian used in? Who promotes and organises its usage in the local environment? What are the main functions of the language in the linguistic landscape? Can the increase of Karelian's presence in public spaces be considered a revitalisation strategy? These are the questions we address in the text. We suggest that the use of Karelian in the linguistic landscape constructs ethnically marked social spaces closely tied to local identification. Besides, we discuss variability in Karelian inscriptions due to dialect diversity and the absence of unified spelling standards, as well as influence of other languages (primarily Russian and Finnish).

Ключевые слова / Keywords: Карелия, карельский язык, языковой ландшафт / Karelia, the Karelian language, linguistic landscape

Термин «языковой ландшафт», получивший в последнее время широкое распространение в социолингвистике и близких к ней дисциплинах, может иметь несколько интерпретаций¹. В самом широком смысле он обозначает набор идиомов, которые используются на определённой территории, распределение функций между ними, особенности их взаимодействия и становится почти синонимичен сочетанию «языковая ситуация». В более узком смысле, в котором термин употребляется в этом тексте, — применение письменных языков в публичных пространствах. Территориальный охват и в первом, и во втором

¹ Gorter D. Introduction: The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // International Journal of Multilingualism. 2006. Vol. 3. No. 1. P. 1–6; CenoḡJ., Gorter D. Linguistic Landscape and Minority Languages // Ibid. P. 67–80.

случае может быть очень разным — от городских районов до стран и макрорегионов. Опираясь на визуальные материалы и интервью, собранные в экспедициях 2019–2022 гг. в разных районах республики, в данной работе мы рассматриваем некоторые аспекты того, как жители Карелии используют письменные тексты на карельском языке в публичных пространствах своих населённых пунктов.

Языковой ландшафт республики формирует образ Карелии как приграничной и многоязычной территории, на которой сосуществуют разные этнические группы. Отдельные части региона имеют свои особенности, связанные как с национальным составом, так и с их положением относительно границы. Чаще всего надписи на улицах населённых пунктов республики выполнены на русском языке, который в целом доминирует в большинстве сфер коммуникации. Использование английского и финского ориентировано в первую очередь на «дальних» и «близких» иностранцев соответственно. Кроме того, эти два языка применяются в брендинге, рекламе, конструируя престижность и эксклюзивность товаров и услуг. Если в случае английского языка можно говорить об общероссийской практике, то финский в этой роли — региональная особенность. Национальные языки региона, карельский и вепсский, как правило, выполняют в публичных пространствах символическую функцию, подчёркивая национальный характер той или иной территории. Интересно, что финские тексты могут восприниматься схожим образом в тех частях республики, чья история наиболее тесно связана с локальными финскими сообществами.

В этой работе мы фокусируемся на том, как функционирует в языковом ландшафте республики именно карельский язык. Он представлен в регионе достаточно неравномерно: в некоторых населённых пунктах тексты на нём встречаются особенно часто, тогда как в других — отсутствуют вовсе. Использование карельского в окружающей визуальной среде зависит от ряда факторов: наличия у района статуса национального, присутствия очагов культурно-языкового активизма, отношения местных жителей к языковому разнообразию.

Использование карельского в публичных пространствах может рассматриваться как одна из стратегий в рамках языковой ревитализации. Многие представители местных сообществ, особенно участвующие в культурно-языковом активизме, связывают увеличение визуальной представленности языка в регионе с его жизнеспособностью. Признавая наличие в Карелии ситуации сильного языкового сдвига, они рассматривают такие меры как способ привлечения внимания к проблеме. Упоминается и другой важный аспект — демонстрация

статуса основного национального языка территории, которому должны соответствовать языковые практики жителей региона, считающих себя карелами.

Памятная табличка Г. Э. Ялаве в г. Петрозаводске

Визуальное присутствие карельского в публичных пространствах — это также один из маркеров национальной идентичности. Так, языковой ландшафт «старинной карельской деревни», «рунопевческой деревни» (это достаточно устойчивые характеристики таких населённых пунктов как Вокнаволоок, Калевала, Войница), по мнению некоторых жителей, должен подчёркивать историческое

значение места, его особую роль в культуре карелов. Такое конструирование национального образа территории связано с ревитализацией, но не сводится к ней. По всему посёлку Калевала, например, развешены баннеры с отрывками одноимённого эпоса из оригинальной финской версии и иллюстрациями к нему. Такое использование текста в пространстве не связано напрямую с поддержкой самого карельского языка (как, например, дублирование на собственно карельском на табличках в местном супермаркете), однако несомненно конструирует «карельскость» территории. Представление о том, что «Калевала» — явление карельской культуры, а посёлок — одно из мест его рождения, разделяется многими жителями и отражено в других элементах пространства.

Карельский язык можно встретить в названиях магазинов, кафе, туристических агентств, гостиниц, в сувенирной продукции. В таких случаях он участвует в формировании туристического бренда республики, подчёркивая национальную специфику. В перспективе подобное использование не только помогает предпринимателям привлечь внимание к своему продукту, но и выделяет карельский как важный компонент региональной идентичности, в первую очередь для «внешней» аудитории.

Таблички, вывески, граффити и другие формы представления карельского языка в публичных пространствах появляются благодаря различным акторам. Например, местные администрации во многих населённых пунктах дублируют информацию на карельском на вывесках официальных учреждений, а также участвуют в создании системы билингвальных уличных указателей. Продвижение карельского в языковом ландшафте может быть связано с деятельностью языковых активистов, в том числе в рамках комплексных проектов. Так, в Доме карельского языка с. Ведлозеро сотрудники наполнили пространство большим количеством указателей, подписей и инструкций на карельском языке, что должно способствовать достижению основной цели организации — созданию языковой среды для детей. Использование языка в ландшафте может быть инициативой местных жителей: мы несколько раз встречали случаи, когда хозяева домов по собственному желанию вешали самодельную табличку с названием улицы на карельском. Также в визуальном представлении национального языка активно участвуют предприниматели, которые, следуя тренду на применение карельского с целью отметить принадлежность к региону, дублируют таблички в магазинах или прибегают к карельскому в брендинге. Преследуя различные цели и руководствуясь различными логиками, акторы, которые участвуют в создании карельского языкового ландшафта, способствуют увеличению визуальной представленности языка в регионе.

*Билингвальная инструкция (на ливвиковском карельском и русском)
в Доме карельского языка, с. Ведлюзеро*

Билингвальная самодельная табличка с названием улицы, пос. Кестеньга

Билингвальное объявление (на собственно карельском и русском) в сетевом магазине «Пятёрочка», пос. Калевала

Близость финского и карельского создаёт ситуации, в которых нельзя точно определить, на каком идиоме выполнены элементы языкового ландшафта. Особенно часто подобные случаи возникают на севере Карелии, что связано с использованием на этой территории собственно карельского, в наибольшей степени из всех диалектов похожего на финский язык, как отмечают сами представители местных сообществ.

Билингвальная вывеска (на русском и на собственно карельском или финском), пос. Пяозерский

В тех случаях, когда невозможно однозначно определить язык, его идентификация может зависеть от того, как представители местного сообщества определяют адресата и функции текста. Об одной и той же табличке кто-то может

сказать, что она на финском и сделана для туристов из Финляндии, а кто-то другой будет утверждать, что это карельский текст и табличка сделана для местных жителей.

*Билингвальные таблички с адресами (на ливвиковском карельском и русском),
с. Видлица*

В карельских элементах языкового ландшафта наблюдается вариативность, которая связана с диалектными различиями и следованием разным орфографическим стандартам (а также отклонениями от них). Выбор карельского диалекта для текстов в публичных пространствах может зависеть от того, какой идиом наиболее тесно ассоциируется с той или иной административной территорией. Решения, основанные на подобных представлениях, не всегда соответствуют реальным языковым практикам. Так, в селе Михайловское местные жители говорят на людиковском диалекте, в то время как билингвальные таблички выполнены на ливвиковском, потому что данный вариант карельского больше распространён в Олонецком районе республики и используется местными администрациями по умолчанию. Отсутствие единого общепринятого орфографического стандарта даже в рамках одного диалекта приводит к ситуациям, когда на территории населённого пункта (иногда даже в пределах одной улицы) встречаются разные варианты написания одного и того же текста. Кроме того, вариативность возникает из-за различных переводов русских элементов при

248 *Карельский язык в языковом ландшафте Карелии и конструирование локальных пространств*
дублировании (конкурирующими стратегиями оказываются, например, транслитерация и заимствование финского аналога).

*Билингвальные таблички с адресами (на собственно карельском и русском),
пос. Калевала*

Обобщим всё сказанное выше. Карельский язык представлен в языковом ландшафте республики неравномерно, а его использование связано в первую очередь с символическими функциями. Карельские тексты в населённых пунктах, часто в сочетании с другими визуальными элементами, участвуют в конструировании особых мест, ассоциирующихся с национальной идентичностью. При этом попытки создания полноценной языковой среды с помощью увеличения представленности карельского в визуальном окружении достаточно редки, а вариативность, связанная с диалектными различиями, отсутствием устойчивых орфографических стандартов не позволяет говорить о карельском языковом ландшафте как о едином текстовом пространстве.

Список литературы:

Cenoz, J. Linguistic Landscape and Minority Languages / J. Cenoz, D. Gorter // International Journal of Multilingualism. — 2006. — Vol. 3, no. 1. — P. 67–80.

Gorter, D. Introduction : the Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism / D. Gorter // International Journal of Multilingualism. — 2006. — Vol. 3, no. 1. — P. 1–6.

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

КЮЭСТИ ВИЛКУНА И ЕГО ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ НАСТУПЛЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ НА ФИНЛЯНДСКУЮ АВТОНОМИЮ

**KYÖSTI WILKUNA AND HIS OEUVRE UNDER THE CONDITIONS
OF IMPERIAL GOVERNMENT'S ATTACKS ON FINNISH AUTONOMY**

Abstract: The imperial government's attacks on the autonomous rights of the Grand Duchy of Finland had a significant impact on the life and oeuvre of the national writers, including Kyösti Wilkuna (1879–1922). His literary works are valuable historical sources that contain information about some aspects of building the Finns' cultural memory, but they have not yet been studied from this point of view. The purpose of the article is to analyse some denotative and connotative meanings of Kyösti Wilkuna's historical adventure novels depicting the Finnish aspect of the wars between Sweden and Russia, especially the period of the Great Wrath, or *Isoviha*. The author concludes that these novels' contemporary reader not only learned an interpretation of the past, but also discovered connotative meanings in the text that were constitutive of an element of the image of the Other for the Finnish identity.

Ключевые слова / Keywords: История Финляндии, Великая Северная война, «великое лихолетье», *Isoviha*, Кюэсти Вилкуна, образ Другого, историческая память / History of Finland, the Great Northern War, the Great Wrath, *Isoviha*, Kyösti Wilkuna, the image of the Other, collective memory

На рубеже XIX–XX вв. имперская власть начала наступление на автономные права Великого княжества Финляндского, что оказало значительное влияние на развитие финской культуры, которая процветала в тот период времени¹. Национальные писатели стали чаще обращаться к актуальным историческим сюжетам, которые могли воодушевить сопротивлявшихся финнов и побудить их к борьбе за независимость. К числу таких писателей принадлежал и Кюэсти Вилкуна (*Kyösti Wilkuna*, 1879–1922)², который не только стремился образным словом сформировать боевой дух в характере финской молодёжи, но и принимал активное участие во многих судьбоносных событиях своего времени. По этой причине мемуары писателя оказались в поле зрения многих исследователей, однако его художественные произведения являются не менее ценными историческими источниками, которые содержат информацию о некоторых особенностях процесса

¹ Мейнандер Х. История Финляндии: Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 126.

² Ещё один распространённый вариант транслитерации имени автора на русский язык — Кюёсти Вилкуна.

250 *Кюэсти Вилкуна и его творчество в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию*

формирования культурной памяти финнов, но ранее не рассматривались в этом качестве. Целью настоящей статьи является анализ отдельных денотативных и коннотативных смыслов историко-авантюрных сочинений Кюэсти Вилкуны о финляндских событиях русско-шведских войн, в частности, о «великом лихолетье», или *Isoviha*, — периоде оккупации Финляндии с 1713/1714 до 1721 г.

В начале профессионального пути Кюэсти Вилкуна работал в газетах на разных должностях, что предоставило ему возможность овладеть словом до того, как он приступил к литературной деятельности. Читающая публика положительно отреагировала на его первые художественные произведения, которые представляли собой многообещающий дебют³. Широкую известность писателю принесли историко-авантюрные сочинения, особенно «Приключения Тапани Лёвинга I–II» (1911, 1912)⁴ и «Финские герои I–II» (1915, 1921)⁵, пользовавшиеся большим спросом у читателей. Критики отмечали их исторический реализм, который стал отличительной чертой художественных произведений Кюэсти Вилкуны в указанном литературном жанре. Содержание личной библиотеки свидетельствует об изучении им не только обобщающих трудов по истории Финляндии, но также сборников документов и специальных исследований. Настоящей находкой для писателя оказался «Дневник»⁶, написанный Тапани Лёвингом после окончания Великой Северной войны (1700–1721 гг.). В одном из своих писем Кюэсти Вилкуна заметил, что этот партизан — «настоящий финский Одиссей», обладающий такими качествами, как «хладнокровность и находчивость... знание тысячи уловок, чтобы нанести урон противнику в самых трудных ситуациях... стойкость перед холодом, голодом и врагом»⁷. Обозначенные качества «идеального главного героя» оказались в полной мере раскрыты на страницах «Приключений Тапани Лёвинга I–II», созданных на основе сведений из «Дневника» финского партизана.

Предисловия к художественным произведениям содержат информацию о том, какое значение автор придавал используемому в своём творчестве историческому материалу. В августе 1911 г. Кюэсти Вилкуна указывал, что период *Isoviha* является «особенным временем для нашей страны... и предания о нём ещё живы в памяти современников», а появление «Приключений Тапани Лёвинга I–II» считал лишь

³ Herlin I. Wilkuna, Kyösti // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-004487> (23.10.2022).

⁴ Wilkuna K. Tapani Löfvingin seikkailut I–II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1918. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (23.10.2022).

⁵ Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1917. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56193/pg56193.html> (23.10.2022).; *Iidem*. Suomalaisia sankareita II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1921. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56194/pg56194.html> (23.10.2022).

⁶ Stephan Löfving'in Päiväkirja retkistään Ison Vihan aikoina // Lähteitä Ison Vihan historiaan / Toim. Y. S. Yrjö-Koskinen. Helsinki, 1865. S. 393–456.

⁷ Railo E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä // Projekt Lönnrot [Электронный ресурс]. 1930. URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip> (23.10.2022).

«скромной инициативой» в деле формирования оригинального историко-авантюрного жанра, которого не хватало финской литературе⁸. В августе 1915 г. Кюэсти Вилкуна уже прямо указывал в «Финских героях I–II» на наличие воспитательной задачи, которая состояла в напоминании о героических подвигах предков, чтобы воодушевить потомков пожертвовать собой ради благополучия Родины⁹. В итоге период *Isoviha* стал трактоваться как один из этапов многовековой борьбы финнов за достижение независимости, и в июне 1918 г. автор констатировал, что «в тысячах битв против русских... ни одна капля нашей крови не была пролита напрасно»¹⁰. Обозначенные трансформации показывают, как в культурной памяти финнов осознанно актуализировался исторический опыт, обладавший символическим значением в контексте вызревания и воплощения идеи независимости.

В национальной историографии время наступления имперской власти на финляндскую автономию в 1899–1917 гг. получило название «периоды угнетения» (*sortokaudet*). В то время Кюэсти Вилкуна относился к радикально настроенной части финляндского общества, о чём свидетельствует его биография: вербовал участников егерского движения, находился в заключении в Шпалерной тюрьме, а затем сражался на стороне белых в Гражданской войне и принимал участие в Олонецком походе¹¹. Жизненный опыт представляется ключом к расшифровке его художественных произведений, в которых автор словно исповедуется читателю сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла¹². Однако признание «смерти автора» открывает многомерное пространство текста — паутину, которую исследователю предстоит не расшифровывать, а распутывать, что не гарантирует постижения всего многообразия возможных смыслов¹³. На смену преисполненному страстей автору приходит бездушный скриптор, который обладает только необъятным словарём, содержащим бесконечное множество различных видов письма. В то же время появляется и читатель, который взаимодействует как с денотативным (буквальным), так и с коннотативным (культурно обусловленным) содержанием текста¹⁴.

В историческом романе «Приключения Тапани Лёвлинга I–II» превозносятся заслуги финского партизана в военных событиях, а его действия характеризуются только в положительных тонах. Героическое повествование разворачивается на

⁸ *Wilkuna K.* Tapani Löfvingin seikkailut I–II.

⁹ *Ivalo S., Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita I.

¹⁰ *Wilkuna K.* Tapani Löfvingin seikkailut I–II.

¹¹ *Herlin I.* Wilkuna, Kyösti.

¹² *Барм Р.* Смерть автора // *Он же.* Избранные работы. Семантика. Поэтика. М., 1989. С. 385.

¹³ Там же. С. 389–390.

¹⁴ *Он же.* S/Z. М., 2009. С. 12–13, 49–51.

252 *Кюэсти Вилкуна и его творчество в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию*

фоне трагических событий периода *Isoviha* в годы Великой Северной войны¹⁵, когда «людьми овладел всепоглощающий страх... поток беженцев устремился на запад, а другие [оставшиеся]... спрятали скот и имущество». Значительное место занимает описание последствий прихода русской армии: огромный материальный ущерб, угон в плен мирных жителей и другие «варварские действия». Тапани Лёвинг увидел, что «[шведская] армия находится в плачевном состоянии», поэтому решил вступить в борьбу с противником и не прекратил оказывать сопротивление даже после полного захвата Финляндии¹⁶. В данном повествовании, как и в других случаях, сложная историческая действительность упрощалась до образа прошлого, который обладал убедительной силой и мощным аффективным воздействием¹⁷. Из таких образов прошлого формировалась культурная память, состоявшая не из фактической, а из воссозданной в воспоминании истории¹⁸. Её содержание оказывало существенное влияние на настоящее и будущее, в том числе определяло национальную идентичность финнов, которые столкнулись с новой угрозой на рубеже XIX–XX вв.

Постмодернистский анализ художественного произведения как исторического источника требует поиска не всех возможных смыслов текста, а только тех, которые являлись релевантными для породившей его культуры¹⁹. Наступление имперской власти на финляндскую автономию актуализировало в сознании читателей коннотативные смыслы, ранее отсутствовавшие в текстах о периоде *Isoviha*. Повествование о трагическом прошлом воспринималось современниками сквозь призму проживаемых ими «периодов угнетения», что пробуждало чувство ненависти к русским как заклятым историческим врагам. Данное эмоциональное состояние находилось в тесной связи с чувством страха, а ненависть придавала дополнительные силы в борьбе с возникшей угрозой²⁰. В этом контексте финские партизаны заняли место национальных героев, которые послужили образцами для идентификации. Их преувеличенный героизм усиливал оппозиционный дух финнов²¹, которые в момент опасности решили последовать созданному

¹⁵ Финское название периода *Isoviha* 1713–1721 (или 1714–1721) гг. дословно переводится как «большая ненависть», но в российской историографии получил распространение более вольный перевод — «великое лихолетье».

¹⁶ *Wilkinen K.* Tapani Löfvingin seikkailut I–II.

¹⁷ *Асман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38–39.

¹⁸ *Асман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 55.

¹⁹ *Егоров А. К., Каменев Е. В.* Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 512. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html18/s02/s02v2/12.pdf> (20.12.2022).

²⁰ *Вихавайнен Т.* Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 144–152.

²¹ Там же. С. 74.

историческому примеру. В «периоды угнетения» столь радикальное восприятие ситуации наблюдалось лишь у небольшой части финляндского общества, но новое поколение выросло с мыслью о «русской угрозе», что оказало значительное влияние на взгляды и действия его представителей в межвоенный период²². После обретения независимости наступило золотое время мифологизированной «ненависти к русским» (*ryssäviha*), эксплуатировавшейся вплоть до окончания Второй мировой войны.

Указанные выводы подтверждаются и в случае обращения к совместному художественному произведению Сантери Ивало и Кюэсти Вилкуны «Финские герои I–II», содержащему наиболее репрезентативный ряд тех личностей, которые в то время считались выдающимися представителями героического прошлого финнов. Усилиями национальных писателей широкие массы оказались «приглашены в историю», что произошло с помощью исторического романа — одной из основных форм репрезентирования того вида «воображаемого сообщества», которым является нация²³. В том числе на данной основе формировалась культурная память финнов как о периоде *Isoviha*, так и о похожих событиях других русско-шведских войн. Актуализация данного исторического опыта обеспечила прочные эмоциональные основы финской нации, что стало одним из ключевых факторов её единения перед угрозой со стороны имперской власти. Если раньше финский патриотизм основывался на доверии и любви к царю²⁴ и в Великом княжестве Финляндском можно было увидеть, как воздвигаются памятники в честь российских императоров, то с наступлением «периодов угнетения» всё громче стал слышаться разговор о русских как наследственном враге²⁵.

В заключение можно сделать вывод о том, что художественные произведения Кюэсти Вилкуны являются ценными историческими источниками, которые требуют всестороннего и углублённого изучения. Постмодернистский подход к анализу текстов не предполагает существования принципиального разрыва между историческим и литературным повествованиями о прошлом. В этом смысле сочинения национальных писателей оказали не меньшее влияние на представления финнов о собственном прошлом, чем труды профессиональных историков. Важную роль в формировании культурной памяти финнов сыграли и историко-авантюрные сочинения Кюэсти Вилкуны о финляндских событиях русско-шведских войн, в частности, о периоде *Isoviha*. Уже их первоначальный анализ показал, что в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию читатель-современник не только узнавал об одной из интерпретаций прошлого,

²² Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. S. 161.

²³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 46, 100.

²⁴ Klinge M. The Finnish Tradition: Essays on Structures and Identities in the North of Europe. Helsinki, 1993. P. 246.

²⁵ Kangas A. The Knight, the Beast and the Treasure: A Semeiotic Inquiry into Finnish Political Imaginary on Russia, 1918–1930s. Tampere, 2007. P. 11.

254 *Кюэсти Вилкуна и его творчество в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию*
но и обнаруживал в тексте коннотативные смыслы, определявшие один из элементов образа «Другого» для финской идентичности.

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва: Прогресс, 1989. — С. 384–391.

Барт, Р. S/Z / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. — Москва: Академический Проект, 2009. — 373 с.

Вихавайнен, Т. Столетия соседства: размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен; пер. с фин. А. И. Рупасова. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. — 248 с.

Егоров, А. К. Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований / А. К. Егоров, Е. В. Каменев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2018. — Т. 63, вып. 2. — С. 506–521. — URL: <http://vestnik.spbu.ru/html18/s02/s02v2/12.pdf>. — (20.12.2022).

Мейнандер, Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер; пер. со швед. З. Линден, С. Машкова. — Москва: Весь Мир, 2017. — 256 с.

Herlin, I. Wilkuna, Kyösti / I. Herlin // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-004487>. — (23.10.2022).

Kangas, A. The Knight, the Beast and the Treasure: a Semeiotic Inquiry into Finnish Political Imaginary on Russia, 1918–1930s / A. Kangas. — Tampere: Tampere University Press, 2007. — 321 p.

Karemaa, O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923 / O. Karemaa. — Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1998. — 221 s.

Klinge, M. The Finnish Tradition: Essays on Structures and Identities in the North of Europe / M. Klinge. — Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1993. — 264 p.

Railo, E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä / E. Railo // Projektii Lönnrot [Электронный ресурс]. — 1930. — URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip>. — (23.10.2022).

ПОТАПОВА Мария Сергеевна / POTAPOVA Maria

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

mariapotapova10@gmail.com

**ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ
ФИНЛЯНДИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ХАННУ МЯКЕЛЯ PIENI PAIKKA
KERBIHAN («МЕСТЕЧКО КЕРБИАН»)**

GENDER IDENTITY IN FINNISH LITERATURE: THE CASE OF
HANNU MÄKELÄ'S NOVEL *PIENI PAIKKA KERBIHAN* (A SMALL PLACE
KERBIHAN)

Annotation: By the 1990s gender identity became one of the most interesting topics for writers, *inter alia* Hannu Mäkelä, whose writings have not been profoundly analysed yet. This paper aims at tracing changes in the gender identity concept in the Finnish literature at the turn of the 20th–21st centuries using as an example H. Mäkelä's novel *Pieni paikka Kerbihan* (*A small place Kerbihan*) published in 1991. This novel illustrates shifts in the understanding of gender roles in the literature of early 1990s. The analysis focuses on a greater social freedom and independence of female characters (in family relations, jobs, finances, social mobility, and leisure activities). The representation of male characters highlights their ambiguity, uncertainty and incapacity to act or think independently. Having lost their traditional social dominance, they were merely adjusting to the new environment. The deadly disease of the main male character is a metaphor of his weakness, and his desperate attempts to cling to the outdated gender roles are ironically presented as pathetic.

Ключевые слова / Keywords: Гендерная идентичность, Ханну Мякеля, герой, героиня, финская литература, рубеж XX–XXI веков, роман / Gender identity, Hannu Mäkelä, male character, female character, Finnish literature, turn of the 20th–21st centuries, novel

Изменение представлений о гендере и гендерных ролях в литературе Финляндии стало заметно к началу 1990-х гг. Финляндия тогда стояла на пороге вступления в Европейский Союз. Страна находилась в экономическом кризисе после периода, известного как «экономика казино», когда уровень жизни граждан был стабильно высоким¹. В эпоху перемен возникло ощущение нестабильности, а это, в свою очередь, привело к необходимости найти в себе то новое, что помогло бы приспособиться к современным обстоятельствам. В результате иначе стали восприниматься давно происходившие — и обсуждавшиеся — изменения в отношении к гендерным ролям². Среди тех, чьё внимание они привлекли, оказался и

¹ *Karkama P.* Kirjallisuus ja nykyaika: Suomalaisen sanataiteen teemoja ja tendenssejä. Tampere, 1994. S. 307.

² О понятиях «гендер» и «гендерная идентичность» см., например: Воронина О. А. Гендер // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой // Женщина и общество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (14.12.2022) (это электронная версия словаря, изданного

писатель Ханну Мякеля (р. 1943), творчеству которого литературоведы пока уделяют не слишком много внимания. Между тем его роман *Pieni paikka Kerbihan* («Местечко Кербиан»), вышедший в 1991 г.³, даёт хорошую возможность рассмотреть представления о роли и месте женщин и мужчин в литературе Финляндии конца XX в. Цель настоящей статьи — проанализировать на предмет соответствия гендерным стереотипам образы главного героя и второстепенных женских персонажей в названном произведении Х. Мякеля и постараться выявить сдвиги в восприятии гендерной нормативности.

Сюжет романа сводится к следующему. Безымянный главный герой проводит отпуск со своей супругой Теей во Франции. Они направляются в деревню Кербиан, где сняли дом на лето. Спустя несколько дней герой обнаруживает, что супруга исчезла. В безуспешных попытках её разыскать он встречает другую девушку по имени Ивонн и понимает, что только с последней он будет счастлив. Вскоре главный герой получает от жены письмо с просьбой не искать её, так как она уехала намеренно и хочет развестись. Герой продолжает путь в Кербиан с новой избранницей и её пятилетней дочерью Арлетт. В доме они обустроивают быт, создают уют, но местные браконьеры серьезно ранят героя при попытке ограбления дома, и герой погибает. Роман посвящён проблеме самоидентификации и гендерной идентичности.

Согласно биологическому полу всех персонажей можно разделить на женщин и мужчин: Ивонн и Тея плюс главный герой и отец Теи, соответственно. Помимо главного и второстепенных героев в романе присутствуют герои эпизодические: жители французской деревни, где начинается действие, и новый избранник Теи Рихард — они тоже важны в контексте настоящей статьи.

В романе фигурируют два женских персонажа: жена главного героя Тея и его новая избранница Ивонн. На первый взгляд героини кажутся антиподами. Прежде всего, Тея, будучи финкой по национальности, представляет из себя светловолосую, голубоглазую женщину, Ивонн — француженка африканского происхождения: обладательница тёмной кожи, глаз и волос. Помимо этого, Тея верующая и спокойная, что отражает национальные черты характера. Ивонн, напротив, не проявляет интереса к религии, она активная и целеустремленная. Далее, Тея не может иметь детей, а у Ивонн есть дочь. Кроме того, Тея любит комфорт и всегда делает выбор в пользу дорогих вещей. Ивонн выбирает простые, но функциональные предметы одежды и мебели. Благодаря подобному контрасту автор демонстрирует, насколько женщины современных Финляндии и Франции отличаются друг от друга.

Более детальный анализ вышеупомянутых женских персонажей позволяет найти сходства между ними. Во-первых, в романе обе героини названы, то есть у них

в печатном виде в 2002 г.); Радина Н. К. Гендерная идентичность // Там же. URL: <http://www.owl.ru/gender/020.htm> (14.12.2022).

³ Mäkelä H. Pieni paikka Kerbihan. Helsinki, 1991.

есть имена. Притом что почти все мужские персонажи остаются безымянными на протяжении всего произведения. Этим приёмом автор подчёркивает значимость данных женских образов в жизни главного героя, а также признание высокой ценности женщин в современном обществе. Во-вторых, они обе молоды, то есть представляют собой новое поколение женщин. Этот факт объясняет их прогрессивные взгляды на семью, роль женщины в ней и обществе в целом. Например, Тея и Ивонн не придерживаются традиционного мнения о том, что женщина должна выйти замуж один раз на всю жизнь. У обеих были предыдущие отношения: Тея была замужем в течение десяти лет, а у Ивонн есть дочь от бывшего супруга. Развод не явился для них трагичным событием; обе сначала сделали выбор в пользу расставания с теми, кто им не подходил, а затем, при встрече с новым избранником, героини начали новые отношения. В-третьих, Тея и Ивонн стремятся к независимости, но каждая по-своему. Для Теи важен финансовый аспект. Ивонн, напротив, не выражает протеста, когда главный герой оплачивает их расходы. Для француженки более значима свобода морального выбора, ей не требуется общественное одобрение её поступков. Гендерная идентичность находится на стыке с экономической, например, именно Тея содержит себя и мужа. Более того, она продаёт недвижимость, чтобы поехать в отпуск с ним: «*Oli joutunut muumään sen (Tean. — М. П.) äidiltä perityn punaisen mökinkin...*» («Пришлось даже продать красный домик, оставшийся ей (Тее. — М. П.) в наследство от матери...»)⁴.

Тея чувствует удовлетворение от того, что именно она смогла оплатить отпуск самостоятельно, без финансовой помощи отца: «*Tämän sapatin hän (Tea. — М. П.) kyllä nyt rahoitti itse*» («Этот саббатикал она (Тея. — М. П.), естественно, оплатила сама»)⁵. Кроме того, именно у Теи главный герой обнаружил бутылку с крепким алкоголем, что общество обычно прощает мужчинам, но за что порицает женщин. Это полностью разрушает стереотип о поведении последних: «*Laukusta löytyi vielä pieni pullo konjakkia, se oli Tean hätävara*» («В сумочке ещё нашлась бутылка коньяка — неприкосновенный запас Теи»)⁶. Героини не потеряли женственность, которая проявляется по-разному. Любимые занятия Теи — читать женские журналы и ходить по магазинам в поисках дорогих вещей. Ивонн придерживается более стереотипных взглядов на роль женщины: она хочет воспитывать дочь в полной семье, заниматься домом и садом, в чём её взгляды совпадают с представлениями главного героя о гендерных ролях. По этой причине он чувствует себя счастливым с Ивонн.

Гендерная роль мужчины также изменилась. В книге присутствуют три мужских персонажа: главный герой, его тесть (отец Теи) и новый избранник Теи по имени Рихард. Протагонист романа не соответствует представлениям своей жены

⁴ Ibid. S. 12. (Здесь и далее перевод с финского выполнен автором статьи.)

⁵ Ibid. S. 13.

⁶ Ibid. S. 12.

об идеальном муже. Как уже было сказано, для Теи большое значение имеет финансовый аспект отношений, а одним из гендерных стереотипов является представление о мужчине как добытчике, то есть том, кто содержит семью, обеспечивает жену и детей. Х. Мякеля изображает противоположную в данном отношении ситуацию. Главный герой далёк от традиционного представления о главе семейства: он живёт в квартире своей жены, читатель не обладает сведениями о месте его работы или доходах. Для протагониста романа денежные вопросы не являются значимыми, единственная его собственность — личный автомобиль, который ему достался после развода с предыдущей супругой и деньги от продажи которого он хотел бы спрятать, а не потратить на семейные нужды: «Se (auto. — М. П.) oli kopio siitä autosta joka hänelle avioeron jälkeen oli jäänyt ja jonka hän siksikin oli halunnut matkalle lähdetäessä myydä ja panna rahat piiloon» («Она (машина. — М. П.) была как две капли воды похожа на ту, которая досталась ему после развода и которую он хотел продать перед отъездом, а деньги — спрятать»)⁷. Ирония — один из важных приёмов в романе, используемых автором для выражения своего отношения к героям. Один из примеров приведён выше. Другим примером может служить тот факт, что никто во французской деревне не может произнести имя главного героя. Однажды горничная отеля называет его Жаном (*Jean*). Фонетика французского языка не позволяет правильно артикулировать финское имя, и «Жан» не пытается научить героиню, хотя слышит её манеру речи каждый день. Наоборот, при встрече с новыми персонажами, он представляется им как Жан, чем демонстрирует, с одной стороны, потерю своей идентичности, а с другой, — глубокое желание ассимилироваться в новой среде. Х. Мякеля показывает своё ироничное отношение к уходящему поколению мужчин, которые в романе представлены в образе главного героя. Они оказались на некоем перепутье: с одной стороны, в детстве их приучали к выполнению традиционной роли мужчины как добытчика и защитника, с другой стороны, женским персонажам оказалась не нужна ни финансовая, ни моральная поддержка. Последнее обстоятельство поставило гендерную идентичность главного героя под сомнение, ему оказалось непонятным, как себя вести в изменившемся мире. Не найдя ответа, герой погибает от смертельно опасной болезни и ранения.

Отец Теи представляется протагонисту романа неким образцом, или примером, истинного мужчины, однако они оказываются антиподами. Отец Теи заключает в себе стереотипное представление об идеальном мужчине прошлого: он — глава семьи, состоявшийся и в финансовом, и личностном планах, обладающий обострённым чувством эмпатии, так как помогает близким во всём. Он воспитал дочь Тею после смерти жены, впоследствии устроил её на работу в свою фирму, а моральные принципы для него выше личностных. Эти идеалы не востребованы в современном обществе, и потому отец Теи остаётся безымянным, как и главный герой романа. «Tean isä oli ollut kunnian mies, koska hänkin oli sanansa avioliiton

⁷ Ibid. S. 13.

pyhydestä pitänyt» («Отец Теи был человеком чести, так как и он держал своё слово, что касалось святости брака»)⁸.

Автором-повествователем по имени назван только один мужской персонаж — новый избранник Теи Рихард (*Rikhard*), в то время как главный герой и его тесть остаются безымянными. Причиной этому служит полное соответствие Рихарда стереотипному представлению об идеальном мужчине современности. Согласно толкованию, его имя *Rikhard* имеет древнегерманское происхождение и образовано путём сложения слов со значениями 'власть, могущество' и 'сильный, стойкий'⁹. Он обладает всеми качествами, которые важны для молодой финской женщины: ровесник, со стабильным финансовым доходом, независимый, придерживающийся свободных взглядов на семью и отношения между полами человек. Рихард признаёт право женщин на равенство.

Эпизодические персонажи также участвуют в реализации темы гендерной идентичности. Образ местной учительницы во французской деревне выражается лексемой, в состав которой заложена гендерная принадлежность, — *naisopettaja*. Она привела детей на кладбище, что подчёркивает традиционность взглядов на роль женщины во французском обществе: её основной социальной функцией является забота о детях. При этом акцентируется более низкий статус женщины по сравнению с мужчинами и детьми, так как дети её не слушаются: «Koululuokka sieltä tuli iloisen virkun naisopettajan johtamana, jonka puhetta täälläkään ei kukaan kuunnellut» («Пришла группа школьников во главе с весёлой, бойкой учительницей, которую никто не слушал»)¹⁰. Дети чётко разделены на девочек и мальчиков, они не играют вместе, а противопоставлены друг другу. При описании девочек и мальчиков подчёркиваются стереотипные черты обоих полов: разговорчивость женского пола и стремление мужчин занимать доминирующую позицию: «Työt kerääntyivät omiin ystävyys- ja nokkimisryhmiinsä, kun taas poikien koko energia tuntui suuntautuvan kivien päälle kipuamiseen, eikä siinä silloin kysytty fyysistä soveltuvuutta, ylös vain ja kivien laelle käsiään heiluttamaan!» («Девочки разделились на маленькие группы, кто с кем дружит и общается, а мальчики то и дело взбирались на камни, не важно, насколько высокой оказывалась очередная вершина, главное — вверх и помахать в знак победы!»)¹¹. Таким образом, в романе персонажи, проживающие в городе, противопоставлены жителям деревни. Первые придерживаются более прогрессивных взглядов на гендерные роли и формируют новое представление о гендерной идентичности. Вторые исполняют традиционные общественные роли.

На отношение мужских персонажей к гендерным ролям влияет новая гендерная идентичность персонажей женских. Так, по мнению главного героя, в Теи и Ивонн сочетаются женское и мужское начала, которые изначально оба заложены в человеке. Автор-повествователь следующим образом описывает Ивонн — это

⁸ Ibid.

⁹ Hanks P., Hodges F., Hardcastle K. A Dictionary of First Names. 2nd ed. Oxford, 2006. P. 381.

¹⁰ Mäkelä H. Pieni paikka Kerbihän. S. 8.

¹¹ Ibid.

описание могло бы быть относится к мужчине: «Ääni oli käheä, harapoiva, vaikka äsken baaritiskillä se (Yvonne. — М. П.) oli tuntunut puhuvan vilkkaasti» (Голос стал сиплым, неуверенным, хотя только что у барной стойки она (Ивонн. — М. П.), казалось, говорила живо)¹². Отец воспитывал Тею одновременно как девочку и как мальчика: «Tea oli ainoa lapsena saanut tytön ja pojan kohtelun: ranskan lisäksi siinä oli ratsastus» («Тея была единственным ребёнком, и её воспитывали как девочку и мальчика одновременно: её обучали и французскому языку, и верховой езде»)¹³. Истоки соединения мужского и женского герой находит в прошлом: французской деревне есть отель, названный в честь богини Дианы. Название *Le Diana* кажется ему «мужественным». Этот персонаж римской мифологии выступал в роли богини охоты, чем занимались исключительно мужчины, а также она была богиней женственности и плодородия: «Nimeen sisältyi jotain kaukaista, ajalta ennen syntiinlankeemusta, sen iloa; oli yksi sukupuoli vain, nukkuva, ihmisen sielun jumala...» («В имени сохранилось что-то древнее, со времён до грехопадения, тогдашнее веселье; тогда был один, спящий, пол, бог души человеческой...»)¹⁴. Протагонист размышляет о том, что до грехопадения созданный богом человек являлся и женщиной, и мужчиной одновременно. Человек был абсолютно счастлив в таком виде, живя в согласии с собой. С грехопадения началась эпоха не только раздельного существования полов, но и доминирования мужчины над женщиной. Богиня Диана воплотила в себе первичное состояние человека.

Конечно, хорошо заметное ныне проявление в женщинах мужского начала было подготовлено историческими, социальными и культурными изменениями, которые продолжались достаточно долго. Если говорить именно о Финляндии, то стоит отметить, во-первых, получение женщинами прав, которые прежде принадлежали исключительно мужчинам. В первую очередь — избирательного права на национальном уровне (Финляндия в данном отношении стала одной из первых в мире). Уже в 1906 г., была проведена реформа парламента, который отныне начал формироваться на основе всеобщего избирательного права¹⁵. В 1907 г. сразу девятнадцать женщин вошли в финский парламент (9,5% от общего числа депутатов), и с тех пор их никогда не было меньше одиннадцати (5,5%, антирекорд 1930 г.)¹⁶. Во-вторых, в последней трети XIX в. женщины активно заявили о себе в литературе Финляндии. Например, на страницах своих произведений Минна Кант описывала жизнь простых людей и рассуждала о роли женщины в обществе¹⁷. В XX столетии

¹² Ibid. S. 42.

¹³ Ibid. S. 29.

¹⁴ Ibid. S. 24.

¹⁵ Клингс М. Имперская Финляндия / Пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. СПб., 2005. С. 487–489.

¹⁶ Naiset kansanedustajina // Eduskunta [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eduskunta.fi/FI/naineduskuntatoimii/kirjasto/aineistot/yhteiskunta/historia/naisten-aanioikeus-110-vuotta/Sivut/naiset-kansanedustajina.aspx> (15.12.2022).

¹⁷ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: От истоков до конца XIX века. Л., 1979. С. 394–412. URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/redkie/karkhu_istorija_lit-ry-finl.pdf (01.01.2022).

количество писательниц увеличилось. Наравне с авторами-мужчинами они описывали красоту природы, чувства и исторические события. В-третьих, равенство полов официально закреплено в законодательстве. С 1987 г. действует закон «О равенстве мужчин и женщин», запрещающий какую бы то ни было дискриминацию по половому признаку и устанавливающий равенство полов при избрании на государственные должности¹⁸. Кроме того, Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии с 1988 г. разрешает женщинам становиться священниками¹⁹. Таким образом, отразившиеся в финской литературе 1990-х гг. новые представления о гендерной идентичности имели исторические, социальные и культурные предпосылки.

Женские персонажи из романа Х. Мякеля «Местечко Кербиан», Тея и Ивонн, не желают ограничивать круг своих интересов домом и семьёй. Для них важно быть полноправными участниками общественных и семейных отношений, самостоятельно выбирать место жительства, должность, партнёра и стиль жизни. Мужские персонажи, представленные в образах главного героя, отца Теи и Рихарда, перестали быть добытчиками и защитниками, не боятся демонстрировать чувства; зачастую они оказываются слабее своих избранниц морально и даже физически. Х. Мякеля с иронией рисует уходящее поколение мужчин, которые тщетно пытаются вернуться к традиционным гендерным ролям. Женщины в романе независимы, а мужчины, потеряв своё доминирующее положение, ощущают неуверенность в себе, потеряли ориентир, и чтобы найти его, им потребуется время.

Список литературы

Воронина, О. А. Гендер / О. А. Воронина // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой // Женщина и общество [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm>. — (14.12.2022).

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии : от истоков до конца XIX века / Э. Г. Карху. — Ленинград : Наука, 1979. — 510 с. — URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/redkie/karkhu_istorija_lit-ry-finl.pdf. — (01.01.2022).

Клинге, М. Имперская Финляндия / пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. — Санкт-Петербург : Коло, 2005. — 616 с.

Контроль исполнения закона «О равенстве мужчин и женщин» // Ombudsman for equality [Электронный ресурс]. — URL: <https://tasa-arvo.fi/en/kontrol-ispolnenia-zakona-o-ravenstve-muzcin-i-zensin->. — (15.12.2022).

¹⁸ Контроль исполнения закона «О равенстве мужчин и женщин» // Ombudsman for equality [Электронный ресурс]. URL: <https://tasa-arvo.fi/en/kontrol-ispolnenia-zakona-o-ravenstve-muzcin-i-zensin-> (15.12.2022).

¹⁹ Naiset rappeina // Suomen evankelis-luterilainen kirkko [Электронный ресурс]. URL: <https://evl.fi/sanasto/-/glossary/word/Naiset%20rappeina> (15.12.2022).

Радина, Н. К. Гендерная идентичность / Н. К. Радина // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой // Женщина и общество [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.owl.ru/gender/020.htm>. — (14.12.2022).

Hanks, P. A Dictionary of First Names / P. Hanks, F. Hodges, K. Hardcastle. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 472 p.

Karkama, P. Kirjallisuus ja nykyaika : suomalaisen sanataiteen teemoja ja tendenssejä / P. Karkama. — Tampere : SKS, 1994. — 344 s.

Mäkelä, H. Pieni paikka Kerbihan / H. Mäkelä. — Helsinki : Otava, 1991. — 335 s.

Naiset kansanedustajina // Eduskunta [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.eduskunta.fi/FI/naineduskuntatoimii/kirjasto/aineistot/yhteiskunta/historia/naisten-aanioikeus-110-vuotta/Sivut/naiset-kansanedustajina.aspx>. — (15.12.2022).

Naiset pappeina // Suomen evankelis-luterilainen kirkko [Электронный ресурс]. — URL: <https://evl.fi/sanasto/-/glossary/word/Naiset%20pappeina>. — (15.12.2022).

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕВЕР ЕВРАЗИИ — ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ»

*ALL-RUSSIAN CONFERENCE 'THE NORTH OF EURASIA —
THE SPACE OF INTERACTION: A VARIETY OF APPROACHES'*

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

11 ноября 2022 г. в Петрозаводском государственном университете прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Север Евразии — пространство взаимодействия: многообразие подходов». Её организаторами стали кафедра отечественной истории ПетрГУ, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Национальный архив РК. На конференции были рассмотрены актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития Севера России. Научное мероприятие было посвящено памяти профессора ПетрГУ, д-ра ист. наук Александры Ивановны Афанасьевой (1927–2003). Открывая конференцию, проректор по научно-исследовательской работе ПетрГУ проф., д-р техн. наук В. С. Сюнёв подчеркнул важность сохранения памяти о поколении, заложившем основы исторической науки и исторического образования Карелии.

В рамках конференции работали три секции.

На секции **«Проблемы социально-экономического развития северных территорий»** основное внимание докладчиков было уделено актуальным проблемам индустриализации Российского Севера в XX в., в частности различным моделям развития лесной промышленности в 1920–1930-е гг. Рассматривались также вопросы занятости населения Карелии и Якутии во второй половине XX столетия, приграничного российско/советско-норвежского экономического сотрудничества и ряд других. Состоялась интересная дискуссия о границах применения в исторических исследованиях методов и понятийно-терминологических систем других социальных наук, их адаптации к процедурам исторической критики и интерпретации источников.

Докладчики секции **«Культура и политика: аспекты взаимодействия»** представили слушателям широкую палитру взглядов на взаимоотношения государства с писателями-деревенщиками Вологодской области, карельскими историками советского периода, активистами обществ дружбы «СССР-Финляндия» и породнённых городов. Вопрос о формах, методах и возможностях «культурной дипломатии» вызвал оживлённую дискуссию, как и представленные на секции

результаты социологического проекта по изучению образа Великой Отечественной войны в политическом сознании современной молодёжи.

На секции **«Репрезентации культуры северян»** много внимания было уделено истории русской православной церкви, её борьбе со старообрядчеством, а также влиянию сакрального на ранние большевистские праздники. Важными темами для активного обсуждения стали проблемы обучения и воспитания детей в первые десятилетия советской власти (в том числе с помощью кино), подготовки педагогических кадров, деятельности учебных заведений в кризисные периоды.

Смешанный формат конференции (возможность выступить очно и онлайн) значительно расширил географию участников: с докладами выступили учёные Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды, Пскова, Мурманска, Сыктывкара, Екатеринбурга, Якутска.

Работа секций проходила с заинтересованным участием студентов разных курсов. Сотрудники Научной библиотеки ПетрГУ подготовили выставку научных работ профессора А. И. Афанасьевой. Был также создан видеоролик с воспоминаниями её коллег и учеников.

Материалы конференции полностью будут опубликованы в 2023 г.

КУРЫЛЁВ Сергей Александрович / KURYLIOV Sergey

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
st062559@student.spbu.ru

ЖУКОВСКАЯ Татьяна Николаевна / ZHUKOVSKAYA Tatiana

Санкт-Петербургский институт истории РАН / St. Petersburg Institute of History,
the Russian Academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
tzhukovskaya@yandex.ru

***UNIVERSITAS* И *CHOLERA MORBUS*: УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА В ГОДЫ ЭПИДЕМИЙ 1831 И 1848 ГОДОВ**

UNIVERSITAS AND *CHOLERA MORBUS*: EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF PETERSBURG DURING THE EPIDEMICS OF 1831 AND 1848

Abstract: The article presents how, against the background of the devastating cholera epidemics that swept away in Russia in 1830–1831, according to incomplete data, almost 200,000 lives, and in 1848–1849 much more, sanitary and anti-epidemic measures were taken in the educational institutions of the Ministry of Public Education. A feature of St. Petersburg University and the Main Pedagogical Institute was the residence of a large number of state students in the building of the Twelve Colleges and other buildings. The usual sanitary measures developed by that time by the administration of educational institutions on the recommendations of physicians, as well as special anti-cholera measures, which included daily monitoring of students to identify sick people, prohibition of their contact with relatives, cleaning of premises, and announcement of extraordinary long vacations, turned out to be very effective. If among the professors of the university there were sick and died from cholera, then among the students in 1831, according to archival data, not a single death was recorded, and in 1849 only one student fell ill with cholera.

Ключевые слова / Key words: История эпидемий, холера, Министерство народного просвещения, Главный педагогический институт, Санкт-Петербургский университет / History of Epidemics, Cholera, Ministry of Public Education, Main Pedagogical Institute, St. Petersburg University

Научная актуальность исследования истории эпидемий и противодействия им заметно возросла во всем мире в связи с пандемией коронавируса. Глобальная вспышка COVID-19 потребовала оперативной выработки как необходимых способов противодействия самой болезни, так и системы мер против распространения вируса. Обращение к истории противодействия общества различным болезням и их распространению во время пандемий интересно с научно-исторической точки зрения. В XIX в. содержательный опыт противостояния эпидемиям был накоплен как в Европе, так и в России в отношении холеры. Этот опыт фиксировался в законодательстве, ведомственном делопроизводстве, отразился в мемуарных и эпистолярных источниках. Медицинские и административные меры

по борьбе с холерой неплохо исследованы в отношении российских городов и особенно столиц¹. Самостоятельным предметом исследований становится влияние эпидемии, а также мер по борьбе с ней на общественные настроения, что получило отраженное в эго-документах, периодике, донесениях полиции². Совершенствование противоэпидемических мер и организации здравоохранения и их эффективность получили характеристику в работах по истории медицины.

Холера была одним из самых смертоносных и массовых заболеваний в XIX — начале XX в. Достаточно сказать, что в XIX в. было пять больших пандемий холеры в мире (1817–1823, 1826–1837, 1846–1862, 1864–1872, 1883–1896 гг.)³. Холера была вездесуща, вызывала «в народе безотчетный страх и ужас»⁴, часто распространялась в армии, ведущей военную кампанию. Например, во время подавления Польского восстания 1830–1831 гг. холера унесла жизни более 12000 русских солдат⁵, немалой была смертность от холеры во время Венгерского похода русского экспедиционного корпуса (1849 г.) и во время Крымской войны.

Сильнейшая вспышка холеры в России случилась в 1830–1831 гг. Продвигаясь с юга страны, летом 1830 г. болезнь распространилась в Москве, а июнь 1831 г. был отмечен первыми холерными больными в Петербурге. Масштаб распространения заболевания и смертность от холеры приняли ужасающий характер: в 1831 г. в России числилось заболевшими холерой 466 457 человек, из них умерло 197 069, то есть 40%⁶. Исследование противодействия холере во время первой эпидемии важно, поскольку именно тогда в быстро меняющейся обстановке вырабатывались меры, способные сдерживать распространение холеры, но при этом предлагались и неэффективные и даже вредные решения.

Эпидемия холеры 1831 г. достигала наибольшей интенсивности на юго-западе России — в Бессарабской области, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической губерниях и в области Войска Донского, где процент умерших на 1000 человек населения колебался от 9,3 до 20,3⁷. В Петербурге

¹ McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison, 1965; Барабанова К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017; Landowski Z. Reakcje społeczne na pierwszą pandemię cholery w carskiej Rosji na podstawie przeglądu prasy i dokumentów z epoki (XIX w) // Studia historica gedanensia. 2021. Т. XII. S. 289–323.

² Выскочков А. В., Шелеева А. А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // Studia historica gedanensia. 2021. Т. XII. S. 259–288; Батиев М., Трифонова С. Память о холере 1830–1831 годов в Москве в дневниках, письмах и мемуарах // Историческая экспертиза. 2020. № 3. С. 184–201.

³ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки / Под ред. А. И. Метелкина. М., 1960. С. 247.

⁴ Золотницкий В. Н. Азиатская холера: причина её, пути распространения и меры борьбы с нею. Нижний Новгород, 1919. С. 6.

⁵ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. С. 248.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Архангельский Г. II. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-ти-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874. С. 117.

смертность от холеры также была высока. По официальным данным, из проживавших в 1831 г. в Петербурге 448 221 человек (эта цифра не включает воинских чинов и десятки тысяч сезонных рабочих) с 14 июня по 5 ноября заболело 9 245 человек, из которых умерло 4 757, т. е. более половины⁸. Конечно, это было связано с плотностью населения в столице, особенно в летний период, и неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями жизни большинства горожан, особенно беднейших слоев.

Важной причиной взрывного распространения холеры стала неосведомленность городских жителей об источниках инфекции и характере болезни, ложные слухи и паника. 5 июля 1831 г. на Сенной площади вспыхнул бунт «черни», подавленный только силами полиции, а также личным появлением Николая I перед народом. Обстоятельства «усмирения» бунта, итоги следствия о его «зачинщиках» и жертвах еще не стали предметом развернутого исследования⁹, однако понятны выводы, которые сделало правительство. Результатом этих событий стали жесткие административно-полицейские меры в столице, соединенные с широкой пропагандой противоэпидемических мер, созданием медицинских и социальных барьеров на пути холеры. В целом, эти меры оказались своевременны и эффективны, именно благодаря им холера практически не задела учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения.

Петербург являлся не только административным, но и научно-образовательным центром империи. Здесь находились высшие учебные заведения (Горный институт, Технологический институт, Главный педагогический институт, Императорский университет), военно-учебные заведения, гимназии. Сравнительное изучение мер, принимаемых в учебных заведениях Петербурга во время холерных эпидемий 1830–1831 и 1848 гг. является целью настоящей статьи. Не менее важно оценить само восприятие чрезвычайной обстановки современниками и их поведение, на примере представителей «ученого сословия».

Вскоре после начала эпидемии холеры в Петербурге был создан «Комитет для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице», который возглавил петербургский военный генерал-губернатор П. К. Эссен. В обязанности Комитета входило развертывание предохранительных мероприятий, к которым относились временные обсервационные заставы¹⁰, оцепление городских кварталов, организация временных холерных больниц и кладбищ. Комитет отвечал за разработку мероприятий по борьбе с распространением эпидемии¹¹.

⁸ Барабанова К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане... С. 31, 118.

⁹ Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). Ф. 36. Оп. 2. Д. 346: Дело о изыскании причин и виновников беспокойств, возникших 22 июня на Сенной торговой площади. 222 л.

¹⁰ То есть противоэпидемические меры, локализующие людей для предварительного наблюдения и выявления признаков болезни или их отсутствия.

¹¹ Барабанова К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношения горожан к ним // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. 2014. С. 130–131.

Министерство внутренних дел 25 июня 1831 г. издало «Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранения от оной и средства при первоначальном ее лечении», составлявшееся, скорее всего, в спешке и потому изобилующее довольно странными формулировками и рекомендациями, которые были, в частности, отмечены бароном И. Р. Ховеном. Он писал, что «ничто так не располагало к страху, к унынию и к беспокойству духа, как беспрерывно издаваемые правительством предостережения, наставления, распоряжения (кои тут же отменялись), попечительские посещения, ежедневные разнородные требования полиции, тревожившие и наводившие страх на жителей столицы»¹². Можно полагать, что у общества во время эпидемии возник запрос на понятные, последовательные и эффективные меры борьбы с болезнью. Таких мер в самом начале появления холеры в Петербурге разработано не было. Сомнительные и даже вредные рекомендации вроде ношения «набрюшников», натирания тела и рук уксусом, использования хлора для обеззараживания предметов и пищи не могли препятствовать распространению холерного вибриона, которое происходило через источники воды и при близком контакте с зараженными.

Для борьбы с холерой создавалась сеть оцеплений и карантин. Транспортное сообщения между городами, а также между Петербургом и пригородами было прервано¹³. Н. В. Гоголь в письме В. А. Жуковскому в Царское Село отмечал, что «карантины превратили эти 24 версты (расстояние от Санкт-Петербурга до Царского Села. — С. К., Т. Ж.) в дорогу от Петербурга до Камчатки»¹⁴.

21 июня 1831 г. А. В. Никитенко, тогда адъюнкт-профессор университета, оставил в своем дневнике следующую запись: «Мы с попечителем осматривали наши учебные заведения; благодаря судьбе в них еще не появилась холера»¹⁵. Эта запись сделана в момент наибольшей заболеваемости в столице. Буквально на следующий день на Сенной площади произошел холерный бунт.

Вскоре болезнь начала уносить жизни преподавателей и воспитанников учебных заведений Петербурга. В университете от холеры умерли профессор физики Н. П. Щеглов и историк Т. О. Рогов¹⁶. А. В. Никитенко фиксирует в дневнике: «26 июня 1831 г. Вот и возле нас холера сразила несколько жертв. Профессор физики Щеглов, протрвад около шести часов, умер. Кастелянша в пансионе сегодня занемогла и через пять часов тоже умерла. Умер и профессор истории Рогов».

В таких обстоятельствах настроение жителей столицы было подавленным. Никитенко пишет: «Жертвы падали вокруг меня, пораженные невидимым,

¹² Ховен И. Р. Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году // Русская старина. 1884. Т. 44. С. 396.

¹³ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. С. 257.

¹⁴ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков; АН СССР, Ин-т литературы (Пушкин. дом). Т. 10. Письма. 1820–1835 / ред. В.В. Гиппиус. М., 1940. С. 207.

¹⁵ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1. 1826–1857. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 108.

но ужасным врагом. Попечитель до того растревожился, что сделался болен: а теперь болезнь и смерть синонимы. По крайней мере, так думают все. В сердце моем начинает поселяться какое-то равнодушие к жизни. Из нескольких сот тысяч живущих теперь в Петербурге всякий стоит на краю гроба — сотни летят стремглав в бездну, которая зияет, так сказать, под ногами каждого». Это настроение подавленности, фатальной готовности к смерти, совпадает с настроениями москвичей, пережившими подобное годом раньше. Вот что писал профессор Московского университета М. П. Погодин своему коллеге С. П. Шевыреву в Италию: «Пишу к тебе, любезный Степан Петрович. Помолись о Москве в храме Святого Петра и обо мне, особенно если я достойнее других. В южной и юго-восточной России свирепствует зараза *cholera morbus*. Есть близко Москвы. Все меры взяты теперь: везде карантин, город оцеплен. Университет заперт, фабрики распускают. На днях у нас несколько человек умерло с признаками сомнительными, а город уныл был ужасно»¹⁷.

Внешними признаками болезни считались: бледность, похудение лица, впалые глаза, сухой бледный язык, слабые пульс и дыхание, холодные руки и ноги. От появления первых признаков заболевания до смерти проходило один-два дня, а то и всего несколько часов. Изнуряющий понос и резкое обезвоживание оставляли человеку мало шансов справиться с болезнью, которая заканчивалась потерей сознания, судорогами, смертью.

Руководителям учебных заведений необходимо было в кратчайшие сроки разработать систему мер противодействия болезни, поскольку у них перед глазами имелся печальный опыт Москвы, где холера проникла даже в Московский университет, закрытый в связи с эпидемией на целых полгода. А. И. Герцен поставил холеру наряду с визитом в университет А. фон Гумбольдта и будущего министра С. С. Уварова в число самых значимых событий своего университетского курса¹⁸. Также Герцен оставил описание умершего от холеры студента Московского университета: «Утром один студент политического отделения почувствовал дурноту, на другой день он умер в университетской больнице. Мы бросились смотреть его тело. Он исхудал, как в длинную болезнь, глаза ввалились, черты были искажены; возле него лежал сторож, занемогший в ночь»¹⁹.

Отметим, в петербургских учебных заведениях меры предосторожности от холеры были приняты еще осенью 1830 г., когда болезнь появилась в Москве, и стало понятно, что Петербургу ее тоже не избежать. Руководители учебных заведений обязаны были *ежедневно* представлять министру народного просвещения донесения о количестве принятых в лазарет воспитанников, с информацией о характере заболеваний. О случаях обнаружения холеры или подозрений на нее

¹⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина СПб., 1890. Т. III. С. 205.

¹⁸ Герцен А. И. Былое и думы / Вступ. статья В.А. Путинцева; примеч. Н.П. Ждановского. Т. 1. Ч. 1–3. М., 1958. С. 133.

¹⁹ Там же. С. 138.

министру следовало доносить немедленно²⁰. Превентивные меры разрабатывались врачами разных учебных заведений и в основе своей были схожи. Так, штаб-лекарь Главного педагогического института Рейнгольд Ниберг рекомендовал придерживаться следующих мер: «1) Воздух во всех комнатах должен быть как можно чище, для того нужно почаще отворять форточки, курить дегтем, уксусом или хлорином и протапливать в сырых комнатах; 2) Беречься простуды, одеваться теплее и ноги держать в сухой обуви; 3) Не обременять желудок излишнею и неудобоваримую пищей; строго запретить есть яблоки, сливы, дыни, арбузы, огурцы, сырую репу, морковь и тому подобные овощи; 4) Соблюдать наибольшую чистоту тела, переменять сколь возможно чаще белье и чаще ходить в баню; 5) Не выпускать до времени воспитанников из заведения, запретив им всякое сношение с приходящими к ним лицами»²¹. Р. Ниберг также предлагал «для поддержания крепости телесных сил, тесно связанных с душевными... сократить их (воспитанников. — С. К., Т. Ж.) умственные занятия»²². Для служителей института помимо первых четырех пунктов предлагалось «запретить, притом строго, излишнее употребление горячих напитков и не выходить утром с тощим желудком».

В предписании о мерах предосторожности против холеры для Института Корпуса инженеров путей сообщения было отдельно оговорено, как поступать в случае смерти холерного больного: «Если случится (чего боже сохрани), что такового больного от неподания ему скорой помощи постигла бы смерть, то находившееся на нем белье и кровать должны быть прежде их употребления хорошо вымыты и по крайней мере четверо суток выветрены. Самого же мертвого погребать не далее, как по прошествии суток»²³.

Холера не миновала учебные заведения. Тот же А. В. Никитенко сообщает, что в Екатерининском институте, где он преподавал, от холеры умерли четыре воспитанницы²⁴. Петербургский университет так же, как и ранее Московский, был закрыт на карантин, а занятия прерваны. Как отмечал Ф. Н. Фортунатов, курс университета, начавшийся в феврале 1831 г., был продлен до июня 1832 г. и вместо годового стал полуторагодовым, поскольку студентам были предоставлены продолжительные каникулы в связи с эпидемией холеры²⁵. Научная карьера самого Ф. Н. Фортунатова была сломана холерой. Он в составе еще нескольких лучших выпускников университета был отобран для отправки в 1831 г. в Дерптский профессорский институт, но вынужден был отказаться от этой перспективы из-за смерти от холеры обоих родителей и необходимости помогать родным. Он был

²⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 13. Оп. 1. Д. 3586. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 5–5 об.

²² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3586. Л. 5–5 об.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 13. Д. 418. Л. 16.

²⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826–1857... С. 109.

²⁵ Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // Русский архив. 1869. № 2. Стб. 310.

направлен учителем в Вологодскую губернскую гимназию, впоследствии стал директором Олонецкой губернской гимназии.

Примечательно, что в отдаленных губерниях Петербургского учебного округа директора училищ получили право самостоятельно принимать решение о закрытии учебных заведений. Так, директор училищ Вологодской губернии сообщал ректору Петербургского университета о том, что, приняв во внимание появившуюся в городе холеру, он принял решение с 24 сентября 1830 г. закрыть учение в гимназии и состоящих при ней училищах, учение продолжилось только в гимназическом пансионе, питомцы которого находились в изоляции. Свое решение директор училищ аргументировал тем, что «в училищном доме учатся 176 воспитанников разного звания учеников, поэтому болезнь могла быстро распространиться»²⁶. Когда болезнь отступила, учебные заведения были открыты. Однако в конце октября 1830 г. в Вологде вновь обнаружили признаки холеры, поэтому губернская гимназия и училища, кроме гимназического пансиона, с 25 октября были вновь закрыты²⁷.

Ситуация эпидемии в столице осложнялась тем, что в городских низах распространялись слухи о том, что никакой реальной болезни нет, а врачи обманывают людей. Такие слухи были далеко не безобидными — над врачами совершались самосуды, их избивали до смерти, врываются в лечебницы и уводили оттуда больных. Обстановка осложнялась тем, что советы по профилактике и лечению холеры были разнообразными и зачастую противоречивыми, поскольку в то время существовало несколько теорий о причинах распространения болезни, методах ее профилактики и лечения. Вплоть до 1883 г. «не только темный русский народ, но и сами врачи точно, определенно не знали ни возбудителя азиатской холеры — ее живой заразы, ни путей ее передачи, ни более или менее верных мер борьбы с ней»²⁸.

Врачи ситуацию переломить не могли и при этом рисковали собственными жизнями ради спасения людей. Так, член медицинского совета при Центральной комиссии для прекращения холеры врач Матвей Яковлевич Мудров умер от холеры в 1831 г.²⁹

Наиболее разрушительной для России по числу умерших была холерная эпидемия 1847–1848 гг. Жестоко пострадала от нее и столица империи. В конце июня 1848 г., на пике эпидемии, число заболевших в Петербурге превышало 1000 человек в день³⁰.

А. В. Никитенко на этот раз подробно и бесстрастно фиксирует в дневнике число заболевших и умерших, в том числе имена крупных чиновников и

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 314. Л. 1–1 об.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 314. Л. 3–3 об.

²⁸ *Золотницкий В. Н.* Азиатская холера... С. 6.

²⁹ *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России... С. 258.

³⁰ *Шерих Д. Ю.* Агонизирующая столица: Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры. М.; СПб., 2014. С. 61

аристократов, продолжая перемещаться с дачи в город по делам службы. Как биограф он с горечью пишет о смерти бывшего профессора философии А. И. Галича, уволенного из университета еще в 1821 г.: «В 1848 г. посетила Петербург холера, и между тысячами обреченных ей жертв в Галиче нашла она готовую для себя добычу. В начале весны, как обыкновенно, он переехал в Царское Село, чтобы провести там лето. И, несмотря на то, что он не принимал никаких предосторожностей против опасного и беспощадного врага и продолжал свой образ жизни, холера не вдруг поразила его. Целое лето он провел с обычной своею беззаботностью, как бы забытый ею, и уже в сентябре месяце, 9-го числа, когда она, по-видимому, начала ослабевать, почувствовал первые припадки болезни и, хотя в жестоких, но непродолжительных страданиях скончался того же дня. Ему было около 65 лет. Посреди всеобщей паники, произведенной эпидемией, всякий заботился о себе; ученики, почитатели и друзья Галича, рассеянные в разных частях Петербурга или в его окрестностях, спустя уже несколько дней узнали о его кончине; никто из них не сопровождал его до могилы»³¹.

При этом руководство и медицинская часть учебных заведений к тому времени оказались во всеоружии перед лицом холеры. В некоторых училищах столицы по официальным данным вообще не было выявлено заболевших. Причину этого можно усматривать, как в случае с Главным педагогическим институтом, в особом закрытом характере учебного заведения, а также в режиме карантинных мер, которые сводили внешние контакты воспитанников к минимуму и позволяли постоянно наблюдать за их состоянием и занятиями.

В Санкт-Петербургском университете, в 1848 г. располагавшемся в здании Коллегий вместе с Главным педагогическим институтом, все казенные студенты жили на частных квартирах, но аудитории постоянно окуривались специальным составом, лекарь регулярно проводил освидетельствование студентов. В отличие от 1831 г. не было зафиксировано смертных случаев среди преподавателей. Известно, что в 1849 г. умер студент университета Юлиан Садовский, «предположительно от холеры»³². Других заболевших и умерших от холеры среди студентов официальное делопроизводство не фиксирует. В университете, как и в Главном педагогическом институте, благодаря превентивным и наблюдательным мерам обстановка оставалась спокойной. Важно отметить, что система этих мер, усиленная и дополненная специальными антихолерными распоряжениями властей, в учебных заведениях вырабатывалась в предшествующие 30 лет, при борьбе с «обычными» инфекционными болезнями (чахотка, скарлатина, корь), которые в условиях совместного проживания студентов были их постоянными спутниками и иногда заканчивались смертельными случаями.

³¹ Никитенко А. В. Александр Иванович Галич, бывший профессор философии в С.-Петербургском университете // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Январь. Ч. CXLI. С. 65.

³² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6748.

Таким образом, можно констатировать, что высшая школа Петербурга во время первого появления холеры в столице использовала в целом эффективные меры борьбы с заболеванием. Во многих учебных заведениях не было ни одного заболевшего воспитанника. Эффективными средствами борьбы с эпидемией, позволившими избежать жертв, были ограничение контактов служащих и воспитанников с третьими лицами, даже с самыми близкими родственниками, обычные санитарные меры, практиковавшиеся в закрытых учебных заведениях и ежедневный врачебный контроль. В 1848–1849 гг. эти меры проводились так же строго как во время предыдущей эпидемии и не привели к массовой заболеваемости учащихся, в то время как количество заболевших горожан в это время в несколько раз превысило показатели 1831 г.

Список литературы

Архангельский, Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-ти-летний период 1823–1872 гг. / Г. И. Архангельский. — Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1874. — 356 с.

Барабанова, К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношения горожан к ним / К. С. Барабанова // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 129–143.

Барабанова, К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации: дис. ... канд. ист. наук / Ксения Сергеевна Барабанова. — Санкт-Петербург, 2017. — 201 с.

Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. — Санкт-Петербург: А. Д. и П. Д. Погодины, 1890. — Кн. III. — 396 с.

Батшев, М. Память о холере 1830–1831 годов в Москве в дневниках, письмах и мемуарах / М. Батшев, С. Трифонова // Историческая экспертиза. — 2020. — № 3. — С. 184–201.

Васильев, К. Г. История эпидемий в России. Материалы и очерки / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал; под ред. А. И. Метелкина. — Москва: Медгиз, 1960. — 398 с.

Высочков, А. В. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам / А. В. Высочков, А. А. Шелаева // *Studia historica gedanensia*. — 2021. — Т. XII. — С. 259–288.

Герцен, А. И. Былое и думы / вступ. статья В. А. Путинцева; примеч. Н. П. Ждановского. Т. 1, Ч. 1–3. / А. И. Герцен. — Москва: Гослитиздат. — 1958. — 455 с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений / гл. ред. Н. А. Мещеряков ; АН СССР, Ин-т литературы (Пушкин. дом). — Т. 10. — Письма. — 1820–1835 / ред. В. В. Гишпиус / Н. В. Гоголь. — Москва : Изд-во АН СССР, 1940. — 490 с.

Золотницкий, В. Н. Азиатская холера: причина ее, пути распространения и меры борьбы с нею / В. Н. Золотницкий. — Нижний Новгород : Тип. № 3, 1919. — 31 с.

Никитенко, А. В. Дневник / А. В. Никитенко. — Москва : Гослитиздат, 1955. — Т. 1. 1826–1857. — 542 с.

Никитенко, А. В. Александр Иванович Галич, бывший профессор философии в С.-Петербургском университете / А. В. Никитенко // Журнал Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург, 1869. — Январь. Ч. CXLI. — С. 1–100.

Фортунов, Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы / Ф. Н. Фортунов // Русский архив. — 1869. — № 2. — Стб. 305–340.

Ховен, И. Р. Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году / И. Р. Ховен // Русская старина. — 1884. — Т. 44. — С. 391–400.

Шерих, Д. Ю. Агонизирующая столица: Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры / Д. Ю. Шерих. — Москва : Центрполиграф ; Санкт-Петербург : Русская тройка-СПб., 2014. — 284 с.

Landowski, Z. Reakcje społeczne na pierwszą pandemię cholery w carskiej Rosji na podstawie przeglądu prasy i dokumentów z epoki (XIX w) / Z. Landowski // Studia historica gedanensia. — 2021. — Т. XII. — S. 289–323.

McGrew, R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832 / R. E. McGrew. — Madison : University of Wisconsin Press, 1965. — 229 p.

ГОЛУБЕВ Александр Анатольевич / GOLUBEV Alexander

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I / Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
kasa-gp@yandex.ru

КАРЛ НИКОЛАЕВИЧ (ЧАРЛЬЗ) БЕРД — УЧЕНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ИДЕЙ КАРЛА КАРЛОВИЧА (ЧАРЛЬЗА) ГАСКОЙНА

**KARL NIKOLAEVICH (CHARLES) BYRD IS A STUDENT AND FOLLOWER
OF THE IDEAS OF KARL KARLOVICH (CHARLES) GASCOIGN**

Abstract: The policy of attracting leading foreign specialists to the development of industrial production in Russia in the XVIII century, made it possible to make a significant technological breakthrough. Domestic enterprises created by new citizens of the country successfully competed with leading European manufacturers. A significant contribution to the development of high-tech production was made by a talented design engineer, a successful entrepreneur Karl Nikolaevich (Charles) Byrd. The first domestic steam engines, steamships (pyroscafs), industrial railways, bridge and architectural metal structures, other mechanisms and structures were created with the participation of a native of Scotland, submitted to the Russian Empire by K. N. Byrd.

Ключевые слова / Keywords: Паровая машина, литейный завод, металлоконструкция, паропровод, верфь / Steam engine, foundry, metal structure, steamship, shipyard

В XVIII в., в связи с нехваткой отечественных, технически грамотных специалистов, в Россию массово приглашаются ведущие европейские инженеры. В 1786 г. для расширения производства артиллерийских орудий для флота, заключается контракт с известным шотландским инженером, директором Карронского завода Ч. Гаскойном, который прибывает в Петрозаводск, на Олонекские заводы, с командой специалистов из акционерного общества *The Carron Company* (Шотландия). В состав представительной делегации входил и двадцатилетний инженер-литейщик Чарльз Берд.

Чарльз Берд родился в 1766 г. в Уэстертоне, шотландского графства Стерлингшир, в многодетной семье управляющего каналом Форт-энд-Клайд Николая Берда. Техническое образование получил на Карронском пушечном заводе. Учителями Ч. Берда стали «отец гражданской инженерии» Джон Смитон и директор завода Ч. Гаскойн. В 1785 г. в возрасте 19 лет Ч. Берд получил должность контролера оружейного отдела завода.

По прибытии в Петрозаводск Ч. Берд становится помощником Ч. Гаскойна — инспектором Петрозаводского Александровского пушечно-литейного завода. При непосредственном участии молодого инженера на заводе происходит техническое перевооружение: реконструируются доменные печи, прокладывается железная дорога — «чугунный колесопроезд» — между цехами, производится

подготовка к установке, закупленной в Великобритании паровой машины (первая в России паровая машина системы Д. Уатта была изготовлена Александровском заводе в 1790 г., уже после отъезда Ч. Берда) и прочие преобразования.

В 1789 г. Ч. Берд был откомандирован из Петрозаводска в Кронштадт на строительство чугунно-литейного завода. По истечении срока государственного контракта в 1792 г. талантливый инженер вкладывает накопленные средства в товариществе с санкт-петербургским заводчиком, инструментальным мастером, шотландцем Ф. Морганом в железоделательные мастерские на Матисовом острове Санкт-Петербурга. Молодой предприниматель преобразовал мастерские в механико-литейный завод. В 1796 г. были построены четыре каменных цеха завода, механическая мастерская, лесопильный завод, паровая мукомольня и корабельная верфь. На заводе выпускались предметы хозяйственного и бытового обихода. Так, в 1797 г. предприятие выпускало утюги, вьюшки, каминные печи для сахарных заводов, коленчатые валы для мельниц, лопасти и прочие изделия.

Женившись на Софии, дочери Ф. Моргана, после смерти компаньона, Ч. Берд стал единственным хозяином завода и развил предприятие до размеров одного из крупнейших предприятий столицы. В 1800 г. на заводе была построена первая паровая машина собственной конструкции. Павел I, посетивший в этом году завод, распорядился, чтобы Адмиралтейств-коллегия ввела в употребление «огненную машину малого размера, подобную той, каковая уже существует на заводах английского купца Берда»¹.

К 1825 г. предприятие выпустило 130 паровых двигателей, значительная часть которых была отправлена на российские промышленные предприятия. Завод стал одним из ведущих литейно-механических предприятий страны, увеличивая объемы выпускаемых паровых двигателей и прочей продукции. За первые тридцать лет XIX в. на заводе было изготовлено около 200 паровых машин. Решая проблему нехватки специалистов, Ч. Берд обучал машинистов, слесарей и кузнецов. Срок обучения специалиста составлял пять лет, в течение которых, предприниматель выплачивал ученикам пособие от 5 до 15 руб. в месяц.

Расширяя бизнес, Ч. Берд стал создавать свой флот, получив разрешение в 1800 г. на постройку двух больших судов. Имея частные причалы, предприниматель использовал собственный флот для торговли сахаром и вином. Доставка товаров с острова в Санкт-Петербург велась по специально построенному тоннелю, который выходил у моста через реку Пряжку.

С 1820 г. самым крупным заказчиком предприятий Ч. Берда стала специальная Комиссия по построению Исаакиевского собора. Член комиссии А. А. Бетанкур,

¹ Берд, Чарльз или Карл Николаевич // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб., 1900. Т. 2. С. 728.

руководя строительными и техническими работами, разместил значительную часть государственного заказа на заводе Ч. Берда. Для выполнения работ завод создал листопркатное производство с молотами до 90 пудов и паровым приводом мощностью 80 лошадиных сил. По заказу комиссии была изготовлена паровая машина для производства цемента и шесть специальных телег «медведок» грузоподъемностью от семи до десяти тонн. Для организации перевозки 36-ти гранитных монолитов для колонн Исаакиевского собора Ч. Берд в 1821 г. построил два парусных судна — «Святой Исаакий» и «Святой Петр», которые буксировали два парохода. В 1829 г. Ч. Берд получил от Комиссии заказ на транспортировку облицовочного итальянского мрамора.

В 1825–1832 гг. предприятие изготавливает приспособления для передвижения, подъема и установки гранитных колонн. Кроме этого, были изготовлены металлические детали конструкций купола, на которые использовали 490 тонн железа, 990 тонн чугуна, 49 тонн меди и 30 тонн бронзы. Позже на завод начали поступать заказы на отливку скульптурного убранства собора.

В 1839 г. в Санкт-Петербурге появился первый городской рельсовый транспорт, созданный по примеру Петрозаводского «чугунного колесопротода». Для транспортировки грузов от пристани на Неве до возводимого Исаакиевского собора были сооружены рельсовые пути, изготовленные на заводе Ч. Берда. Система этих путей имела несколько направлений и пересекала городские магистрали, поэтому рельсы укладывали на одном уровне с дорожным покрытием. За содержание путей отвечали инженеры завода Ч. Берда.

Наибольшую известность Ч. Берд получил благодаря строительству первого российского парохода. Первенец отечественного пароходостроения, судно «Елизавета», было построено в 1815 г. по проекту Ч. Берда, на его заводе. Основой парохода стала копия Тихвинской лодки длиной 18,3 м, шириной 4,57 м и осадкой 0,61 м. В трюме судна была установлена балансирная паровая машина Д. Уатта мощностью четыре лошадиные силы с частотой вращения вала 40 оборотов в минуту. Машина приводила в действие бортовые колеса диаметром 2,4 м и шириной 1,2 м, имевшие по шесть лопастей. Паровой котел отапливался дровами. Вода для питания котла подавалась насосом, приводившимся в действие от паровой машины. Над палубой судна возвышалась кирпичная дымовая труба. Впоследствии трубу заменили на металлическую высотой 7,62 м, которая могла нести на себе парус при попутном ветре. Скорость парохода достигала 10,7 км/ч. На судне был установлен простой руль, который обеспечивал легкое управление.

Испытания «Елизаветы» проходили в пруду Таврического дворца. На них корабль продемонстрировал хорошие ходовые качества. Судно было спущено на воду при большом стечении народа, в присутствии членов императорской фамилии.

Первый регулярный рейс отечественного парового бота состоялся 3 ноября 1815 г. в 6 часов 55 минут. Маршрут пролегал из Санкт-Петербурга в

Кронштадт. Командир Кронштадтского порта приказывал состязаться с пароходом лучшему гребному катеру, который, уступая в скорости, временами догонял пароход, а иногда перегонял и даже приставал к судну. В 10 часов 15 минут пароход прибыл в Кронштадт. На преодоление пути было затрачено 3 часа 15 минут, средняя скорость составила 9,3 км/ч. Пароход, взяв на борт пассажиров и в 13 часов 15 минут отправился в Санкт-Петербург.

Лоббируя свои коммерческие интересы, предприниматель организовывал семейные прогулки на пароходе для высших должностных лиц России. Путешествия проходили по Неве с посещением завода, затем по Ладожскому озеру. Гостями семейства Берд были члены императорской фамилии, царедворцы, губернаторы, министры, в том числе и директор Главного управления путей сообщения А. А. Бетанкур². Презентуя влиятельным гостям преимущества паровой тяги и представляя перспективы его развития, Ч. Берд получил ряд выгодных правительственных заказов, а пароход «Елизавета» стал ходить на постоянной основе по Неве и Финскому заливу. В 1816 г. был спущен на воду второй пароход улучшенной конструкции с машинной мощностью 16 лошадиных сил. Начиная с навигации 1817 г. регулярные пассажирские рейсы пароходов на линии Санкт-Петербург — Кронштадт стали совершаться по два раза в день, полностью заменив парусные лихтеры.

Создав пароходство на Неве Ч. Берд построил несколько судов, занимаясь как пассажирскими, так и грузовыми перевозками. Конкуренция между парусными судами и пароходами продолжалась недолго — использование пароходов было намного удобнее и быстрее, таким образом почти все перевозки оказались в руках Ч. Берда. Монополизировав водный транспорт столицы, предприниматель за короткий срок заработал громадное состояние.

Еще в 1813 г. Александр I предоставил американскому изобретателю Р. Фултону монопольное право на эксплуатацию пароходных судов на линии Санкт-Петербург — Кронштадт, а также на других российских реках в течение 15 лет. Р. Фултон так как не выполнил свою часть договора — в течение трех лет не вывел на российские линии ни одного судна.

9 июня 1817 г. Сенатским указом Ч. Берду было предоставлено монопольное право на гражданское паровое судоходство, перевозку грузов и пассажиров на Балтике, Каспии, Черном, Белом, Азовском морях, а также по озерам и рекам Европейской части России. Обладание привилегией давало ему право на монопольное строительство паровых судов и судовых машин: никакое частное лицо без разрешения Ч. Берда не имело возможности строить свои пароходы или делать их на заказ. Исключительная императорская монополия на строительство и эксплуатацию паровых судов в России принадлежала Ч. Берду до 1843 г.

² Берд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1891. Т. III А. С. 492.

К 1820 г. по водным просторам России ходили 15 пароходов, из них четыре — на линии Санкт-Петербург — Кронштадт. Была налажена пароходная связь столицы с Ревелем, Ригой и другими городами. В 1835 г. паровой флот состоял из 52 судов. Эпоха пара на флоте завоевала пространство российских водных путей.

Заслуги удачливого предпринимателя перед Россией неоднократно отмечались императорами. За труды на пользу мануфактурной промышленности 18 февраля 1811 г. Ч. Берд был пожалован чином обер-гиттенфервальтера VIII класса (чин горного ведомства, соответствовал чину коллежского асессора). Этот чин давал право на получение дворянства и принятие присяги на добровольное вступление в российское подданство, чем Ч. Берд и воспользовался, став Карлом Николаевичем. Затем Карл Николаевич был произведен в обер-бергмейстеры VII класса (соответствует надворному советнику), после чего повышен в чине до берг-гауптмана VI класса (соответствует коллежскому советнику).

За выполнение важнейших государственных заказов Карл Николаевич Берд награжден орденами Российской империи: Святого Владимира четвертой степени 24 сентября 1811 г.; Святой Анны второй степени 4 июля 1817 г.; Святого Владимира третьей степени 29 августа 1834 г.³

Карл Николаевич Берд скончался 10 декабря 1843 г. в Санкт-Петербурге и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

На протяжении XIX в. предприятие Берда выполняло правительственные и частные заказы. На заводе изготавливались металлоконструкции для Санкт-Петербургских мостов (Почтамтского, Пантелеймоновского, Львиного, Инженерного и Николаевского), зданий столицы (Адмиралтейства, Сената и Синода, Казанского и Исаакиевского соборов), скульптуры (барельефы и украшения капители колонны и ангела Александрийского столпа, сфинксы для пристани на Крестовском острове, детали убранства памятника императору Николаю I на Исаакиевской площади, памятник победе в Куликовской битве, декоративные, чугунные ядра у Царь-пушки в Кремле), а также сложные механизмы (паровые машины на Санкт-Петербургском Арсенале и Монетном дворе, землечерпательные машины для Мариинской водной системы, конструкции для городского водопровода, Тульского оружейного завода, Шлиссельбургских шлюзов, устройства для обточки стекла по заказу Императорского стекольного завода), фонари, ограды, детали декора и прочее.

Наследники Чарльза — Франц Карлович и внук Джордж Францевич были достойными продолжателями династии, развивая предприятие. Однако, в 1881 г. наследники в четвертом поколении продали завод акционерному обществу Франко-Русских заводов. Именно на этом предприятии с 1916 по октябрь 1917 года

³ Берд, Карл Николаевич // Военная энциклопедия: в 18 т. / Под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1911. Т. 4. С. 480.

ремонтировался крейсер «Аврора», вышедший в Неву, чтобы сделать свой исторический выстрел.

В 1926 г. предприятие вошло в состав Адмиралтейских верфей. В 1930-е гг. на этом предприятии был изготовлен первый цельнометаллический самолет «Максим Горький». Память о блестящем инженере и успешном предпринимателе хранит небольшой мост через речку Пряжка в Санкт-Петербурге, который носит его имя. 25 декабря 1997 г. на здании административного корпуса заводоуправления была торжественно открыта мемориальная доска в память основания завода в 1792 г. Чарльзом Бердом.

ШАБУНИНА Анастасия Константиновна / SHABUNINA Anastasia

Институт всеобщей истории РАН / Institute of World History, Russian Academy of Science

Россия, Москва / Russia, Moscow

shabunina@bk.ru

УПОМИНАНИЯ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА В СРЕДНЕВИКТОРИАНСКОЙ ПРЕССЕ БРИТАНИИ

MENTIONS OF THE CITY OF PETROZAVODSK IN THE MIDDLE-VICTORIAN PRESS OF BRITAIN

Abstract: This article studies the frequency and contexts of mentioning the city of Petrozavodsk in the British press of 1850-1884, which included publications of the English, Welsh, Scottish and Irish counties. The use of an interdisciplinary method of content analysis made it possible to identify six contextual groups and divide all identified references into those related to: first, the production of steel and weapons; second, visits to the city by members of the imperial family; third, the construction of the railway; travel memories and travel recommendations; sixth, diseases in the city. The largest number of mentions of the city in the 19th century falls on the Middle Victorian period and is thematically connected with military-industrial technologies, supplying the army. The thematic representation in the British press of the city of Petrozavodsk reflected the goals that the public and news agencies set for the British special correspondents sent to the North. On the pages of the British press, Petrozavodsk was presented as a center of military-industrial production, the achievements of which formed an opinion about the technical potential of the entire Russian Empire of the period under review.

Ключевые слова / Keywords: Петрозаводск, средневикторианская Англия, пресса, контент-анализ, междисциплинарность / Petrozavodsk, Middle-Victorian England, press, content analysis, interdisciplinarity

Викторианские газеты выступают специфическим и зачастую ведущим источником по истории викторианской Британии. Именно в XIX в. происходит бурный рост не только количества изданий, но происходит резкое увеличение объема печатной продукции средств массовой информации, обусловленное как повышением заинтересованности и грамотности демократических слоев населения, так и общим удешевлением производства бумаги, типографических услуг, что было вызвано техническими новшествами.

Наиболее очевидным этот процесс стал во второй половине века, когда пресса становится максимально приближенной к ее современному виду. Газеты стали играть значимую роль не только в освещении локальных новостей региона, но и использовались современниками как источник информации о далеких землях или колониальных владениях. Типичной становилась практика перед отправкой в дальнее путешествие, особенно вызванное деловыми соображениями, обращаться к подборкам газет о месте назначения, изучению и анализу климата, нравов и специфике производства.

В свою очередь появление и массовое внедрение парового печатного станка, распространение железных дорог, рост грамотности, отмена так называемого «штампельного сбора» на печатные издания в середине века и развитие телеграфных средств связи создали условия для работы первых информационных агентств, способных к фиксации и трансляции информации отдельных, не редко удаленных от Англии территорий.

Характерной чертой викторианской прессы становится полное или с редакторским уточнением перепечатывание в коротком дневном промежутке схожего текста разными изданиями, материал для которого изначально был написан одним автором — специальным корреспондентом, который собрал данные и передал их в британское информационное агентство, продающее и направляющее данные в различные газеты. Как подчеркивает британский историк К. Вотерс, «в девятнадцатом веке с резким распространением новостей, бумаги и периодической печати появляется новый тип журналиста — специальный корреспондент... Когда газета дошла до миллиона и миллион получил образование вплоть до возможности читать газеты, возникла потребность в новом классе писателей — специальном корреспонденте. Железнодорожная авария, авария на шахте, королевский визит или состязание в силе между знаменитыми лошадьми либо экипажами лодок — все требовало услуги специального корреспондента — готового писателя, приехавшего и самостоятельно увидевшего, который успел телеграфировать, прежде чем мертвые были похоронены, королевский гость сделал свой последний поклон, а лошади и экипажи были накормлены и отдохнули»¹. Однако нельзя сказать, что специальный корреспондент был закреплен за отдельной местностью или постоянно там прибывал. Как указывает газета «Leisure Hour», когда специальный корреспондент заканчивает описание одного пространства «получает приказ отправиться в другое место. Таким образом, он может оказаться один день в России, дрожа от холода почти в нулевой температуре, а после небольшого перерыва изнемогать под жарким солнцем Испании или Италии; но уже через месяц может направляться в Индию или готовиться к путешествию в Китай»². Это были люди, готовые оперативно отправиться на место событий, освещая важные и популярные у публики сюжеты, среди которых особенно выделялись следующие, рекомендованные редакцией к описанию: «любые королевские визиты, пуск военных кораблей, построенных по новому принципу, грандиозные события дома или за границей»³. Подобный тематический набор обусловил и подбор данных, формирующих образ Петрозаводска в прессе XIX в.

В соответствии с современной парадигмой междисциплинарности, «выступающей в качестве одной из важных составляющих научно-

¹ Waters C. Special Correspondence and the Newspaper Press in Victorian Print Culture, 1850–1886. New York, 2019. P. 1–2.

² Leisure Hour. 1868. Jan. 1.

³ Four and Twenty Hours in a Newspaper Office. 1863. Sept. 26.

исследовательской практики»⁴ в исторических исследованиях, был применен метод контент-анализа в его количественном модусе для установления частоты и фиксации упоминаний выбранной для изучения дефиниции — в данном случае упоминания Петрозаводска в британской прессе. Научное оформление метода контент-анализа стало результатом необходимости социологического анализа средств массовой коммуникации, прежде всего газетных изданий, успешно апробированный исследовательской группой Х. Д. Ласвелля в середине XX в.⁵ В настоящее время метод нашел эффективное применение в лингвистических и исторических исследованиях. Применение контент-анализа к выборке по исследуемому запросу *Petrozavodsk* позволило установить, как количественные показатели упоминания Петрозаводск, так и на последующем этапе исследования выделить основные тематические группы упоминаний города.

Исследуемой выборкой для проведения контент-анализа выступили издания, предоставляемые оцифрованным архивом «Британской национальной библиотеки»⁶ (*The British Library, London, UK*). Под британской прессой средневикторианского периода в исследовании понимается обобщенный массив периодических изданий типа «газета», вышедших с 1850 по 1884 гг. на территории Британии (английских (суммарно английских и уэльских), шотландских и ирландских графств).

Рассматриваемый средневикторианский период охватывает 1850–1884 гг. — время утверждения доминирования Британской империи, повышения интереса ее граждан к ранее мало освящаемым в прессе территориям. На этот же период падает и наиболее частые упоминания Петрозаводска на всем промежутке XIX в. — 167 упоминаний из 185 зафиксированных в период 1800–1900 гг.

Необходимо отметить, что первое появления Петрозаводска в британской прессе XIX в. относится к 1825 г., когда пять шотландских газет⁷ выпустили материал, упоминающий свадьбу «Елизаветы Андреевны, единственной дочери покойного мистера Эндрю Уотсона, из Петрозаводска»⁸, который был ранее приглашен, как и ряд других шотландцев в конце XVIII в.⁹ для организации работы сталелитейных заводов в Олонецкой губернии.

И, несмотря на ряд упоминаний о территориях Олонецкой губернии и Онежском озере, в ранневикторианский период и до 1854 г. упоминаний Петрозаводска (*Petrozavodsk*) на указанной выборке зафиксировать не удалось.

⁴ Репина А. П. Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1. С. 24.

⁵ Laswell H. D., Lerner D., S. Pool I. *The Comparative Study of Symbols*. Stanford, 1952.

⁶ The British Library. URL: <https://www.bl.uk/> (17.11.2022).

⁷ Caledonian Mercury. 1825. Mar. 17.; Fife Herald. 1825. Mar. 17.; Perthshire Courier. 1825. Mar. 18.; Aberdeen Press and Journal. 1825. Mar. 23.; The Scots Magazine. 1825. Apr. 1.

⁸ Fife Herald. 1825. Mar. 17.

⁹ Бенда В. Н. Развитие в России промышленной базы и технологии производства артиллерийского вооружения в XVIII веке // Вестник КГУ. 2021. №2. С. 41.

Диаграмма 1.

Количество упоминаний
Петрозаводска в британской прессе XIX в. (по десятилетиям)

Диаграмма 2.

Количество упоминаний
Петрозаводска в средневикторианской прессе Британии (за год).

Всего за период 1850–1884 гг. можно фиксировать 167 упоминаний Петрозаводск в британской прессе. Из которых: 116 упоминаний было зафиксировано в газетах, вышедший в графствах Англии, 28 упоминаний — газеты

Шотландии, 20 упоминаний — газеты Ирландии, 3 упоминания — газеты Уэльса. Все материалы были опубликованы на английском языке.

Тематически подавляющее большинство упоминаний контекстно охватывают вопросы, связанные с промышленностью в Петрозаводске.

Диаграмма 3.

Данные качественного тематического контент-анализа упоминаний
Петрозаводска в британской прессе 1850–1884 гг.

Можно выделить шесть контекстных групп, на которые, в свою очередь, могут быть расклассифицированы все 167 выявленных упоминания:

— первая контекстная группа, упоминания количественного и качественного производства оружия в городе, состояния сталелитейной отрасли — 124 упоминаний (74,25 %);

— вторая контекстная группа освящала вопросы посещения царскими особами региона — 22 упоминания (13,17 %);

— третья контекстная группа, вопросы постройки и ввода в эксплуатацию линий железной дороги — 7 упоминаний (4,19 %);

— четвертая контекстная группа — несчастные случаи и катастрофы в гражданском судоходстве — 7 упоминаний (4,19 %);

— пятая контекстная группа — путешествия (2 упоминания), описание погоды (2 упоминания) — 4 упоминания (2,4 %);

— шестая контекстная группа, болезни и инфекции в городе — 3 упоминания (1,8 %).

Первое зафиксированное упоминание Петрозаводска в рассматриваемый период относится к началу апреля 1854 г. и было связано с контекстом военного снабжения русской армии периода Крымской войны (1853–1856 гг.), зачастую называемой англичанами «Русской войной» (*Russia war*), находящейся под пристальным вниманием общественности, властной элиты и в целом в фокусе социального диалога середины века.

Газеты, описывая положение Британского флота на Балтии, подчеркивали существующую угрозу и призывали воздержаться от столкновения с русскими войсками. Далекое от описаний сражений издание *North British Agriculturist* отвело отдельный разворот описанию расстановки сил в регионе, подчеркивая значимость снабжения: «наибольшую тревогу, по-видимому, вызывают российские берега Балтийского моря. Из Кронштадта и Петербурга в Петрозаводск отправлено около 20000 пудов пороха, а из литейного завода пушки и снаряды; из Кронштадта в Архангельск направляется артиллерия с патронами и другими боеприпасами... С тех пор как мы покинули Англию, каждый доступный час был посвящен учениям флота с большими пушками, мушкетами и саблями; и это, как я понимаю, должно было быть сделано давным-давно, потому что, если мы будем должны сражаться, следует надеяться, что наши силы смогут предотвратить такелаж из смертников, которые стали бы для противника лишь тренировкой»¹⁰. Тревогу и озабоченность англичан фиксирует количество упоминаний снабжения русского флота и усиления работы петрозаводских заводов вокруг описанного прецедента, когда с первого по восьмое апреля 1854 г. вопрос поставок пороха и пушек освещался в двадцати выпусках газет английских (14 изданий), шотландских (4 издания) и ирландских газет (2 издания).

Интерес британцев к заводам Петрозаводска особенно усилился после того, как русский кораблестроитель К. И. Швабе в «Морском сборнике» 1855 г. репрезентировал «Олонецкие горные заводы» как ведущих поставщиков артиллерийских вооружений, описывая их прямое участие «в снабжении морской и сухопутной артиллерии орудиями и снарядами всех калибров и всеми принадлежащими к ним чугунными и железными изделиями»¹¹.

Уже к середине 1850-х гг. за Петрозаводском, ранее слабо освещаемом британской прессой, закрепляется статус одного из основных центров производства артиллерии для снабжения русской армии¹². В этом контексте представляют интерес рассуждения английского корреспондента в 1855 г. об отсутствии переговоров по возвращению из плена лейтенанта Женеста, содержавшегося под надзором полиции в городе и от которого приходили жалобы на холод и дизентерию: «Этот

¹⁰ *North British Agriculturist*. 1854. Apr. 5.

¹¹ Швабе К. И. Описание Александровского пушечно-литейного завода в Петрозаводске // Морской сборник. 1855. № 7. Отд. II. С. 2.

¹² *Star of Gwent*. 1854. June 10.

знаменитый город с 8000 жителей, основанный Петром Великим и полностью принадлежащий правительству, кишит русскими генералами и офицерами и занимается исключительно пушечным строительством... Лейтенант Женесте, занятый в литейной мастерской, в которую он был помещен, пробыл там достаточно, чтобы производство впечатлило его обширными ресурсами и непредвиденным обстоятельством — энергией русских в подготовке военных орудий, и если бы ему было позволено вернуться в свою страну, то, рассказывая о том, что он видел и слышал, произвело среди нас соответствующее уныние в пользу наших врагов»¹³.

Отмечали национальные черты русских через призму интереса подготовки к войне и другие газеты. Так, подводя предварительные итоги неудачной для Российской империи войны, шотландская газета *Glasgow Courier* была далека от празднования победы, обращая внимание на состояние оборонной промышленности и вовлеченность населения в военное обеспечение: «Русский народ доверяет гигантским ресурсам своей страны. Ее огромные размеры исключают возможность успешного вторжения. Как в случае с Наполеоном и Карлом XII, где временный триумф в начале лишь гарантировал разрушение и катастрофу в конце, так и теперь русские уверенно полагают, что если союзники попытаются проникнуть в их империю, то они непременно потерпят крах и поражение. Именно против людей, которые считают себя непобедимыми, солдаты Франции и Англии сейчас воюют. Русский никогда не уступает; в поражении он страшнее, чем в успехе, ибо в первом случае он втройне взволнован отчаянием и жаждой мести. Гордость — господствующая национальная черта, и эта гордость громко призывает к продолжению войны... По всей Российской империи путешественник не увидит ничего, кроме масштабных приготовлений к продолжению войны. Недалеко от Петербурга находятся пушечные литейные производства. Завод в Колпине выпускает восемьдесят пушек; а в Петрозаводске, соединенный речным судоходством с Петербургом, более ста в неделю. Это не считая огромных литейных заводов в России к югу от Москвы. Земля вокруг Петрозаводска наполнена железом, и работа по его добыче идет непрерывно. В этой связи можно заметить, насколько бесполезным был приказ английского правительства о запрещении вывоза железа, когда русские рудники могут дать его в большем количестве, чем это необходимо»¹⁴. Статья была перепечатана в шести различных изданиях. Однако содержа критику английского правительства, была размещена исключительно в шотландских газетах¹⁵.

¹³ Nottinghamshire Guardian. 1855. Oct. 18.

¹⁴ Glasgow Courier. 1855. Dec. 27.

¹⁵ Glasgow Courier. 1855. Dec. 27.; Scottish Press. 1855. Dec. 28.; Caledonian Mercury. 1855. Dec. 28.; The Glasgow Sentinel. 1855. Dec. 29.; North British Daily Mail. 1855. Dec. 29.; Dundee, Perth, and Cupar Advertiser. 1856. Jan. 1.

Следующие упоминания Петрозаводска в британской прессе приходятся на 1858 г. и были связаны с планированием посещения¹⁶ северных губерний Александром II. Подробное освещение перемещений императора и упоминание города нашло отражение в столичных и центральных для отдельных графств изданиях¹⁷, в ряде изданий отдельно подчеркивалось посещение императрицей Валаама, императором — Соловецкого монастыря и Петрозаводска¹⁸. Англичане не обошли вниманием и путешествие цесаревича Николая Александровича в 1863 г., которое воспринималось как политический жест выражения геополитических интересов империи. Его основными пунктами назначения назывались: «Петрозаводск, Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Самара, казачьи уезды на Дону, Бердянск, Керчь, Крым»¹⁹.

Однако наибольший интерес британской прессы вызывали вопросы технических новшеств и промышленных достижений. Ярчайшим примером может служить сюжет, связанный с отливом новых тяжелых пушек, сообщения о которых появляются в период с 25 августа 1864 по 14 февраля 1865 г. в 54 выпусках центральных и региональных газет. Первые августовские сообщения содержали краткое упоминание: «Недавно в Петрозаводске, в Олонецкой губернии, были произведены опыты с огромной пушкой, отлитой на литейном заводе этого города. Произведение весит около 1200 пудов (около 20000 кг). Эксперименты продолжались две недели, и пушка выдержала испытания без повреждений»²⁰. Успешный выпуск четвертой пушки в конце года вызвал пристальный интерес среди деловой прессы, акцентировавшей свое внимание на технических характеристиках оружия. При этом косвенно напекалось на необходимость привлечения зарубежного опыта в английскую промышленность: «четвертая огромная пушка из железа была недавно отлита в Петрозаводске, в России, по американской системе, то есть с охлаждением внутри водой. Эти пушки весят 2000 фунтов, их диаметр 15 дюймов, и длиной более 12 футов. Они бросают ядра весом 398 фунта. Это орудие при испытании действовало очень большой заряд пороха и оказывало самое разрушительное воздействие на железную пластину значительной толщины, особенно когда использовались снаряды, отлитые из твердого металла. Эти пушки стоят на одну шестую меньше, чем стальные, и, тем не менее, эта система никогда не была принята, кроме как в Америке и в Петрозаводске»²¹. Позже, в 1872 г., газеты

¹⁶ Morning Post. 1858. May 3.; Saint James's Chronicle 1858. May 4.

¹⁷ The Sun. 1858. May 27.; Sheffield Daily Telegraph. 1858. May 28.; Illustrated London News. 1858. May 29.; Hampshire Advertiser. 1858. May 29.; South Eastern Gazette. 1858. June 1.; Banffshire Journal. 1858. June 1.; Thacker's Overland News for India and the Colonies. 1858. June 2.; Dundee Courier. 1858. June 2.

¹⁸ Morning Post. 1858. July 10.; Evening Mail. 1858. July 19.; Morning Advertiser. 1858. July 20 *etc.*

¹⁹ Birmingham Daily Gazette. 1863. July 3.; Sheffield Daily Telegraph. 1863. July 3.

²⁰ Globe. 1864. Aug. 28.

²¹ Morning Herald. 1864. Dec. 30.; Western Daily Press. 1864. Dec. 30.; London Evening Standard. 1864. Dec. 30.; Morning Post. 1864. Dec. 31.; Dublin Evening Mail. 1864. Dec. 31.; Glasgow Morning Journal. 1865. Jan. 2.; Norwich Mercury. 1865. Jan. 4.; Oxford University and City Herald. 1865. Jan. 7 *etc.*

вспоминали, что «Европа была поражена слухами об огромных пушках, построенных в Петрозаводске»²².

Пресса пристально следила и за внедрением технологических новшеств в военной сфере, особенно это касалось внедрения нарезных орудий после неудач крымских сражений, играющих принципиальное значение в ведении европейской войны второй половины века. Газеты отмечали: «Особое внимание в последнее время русское правительство уделяет вопросу о нарезных пушках, и теперь прилагаются большие усилия для создания вооружения полевой артиллерии по этой системе. До самого недавнего времени русские полевые орудия были, без исключения, гладкоствольными, но австро-прусская война 1866 г. доказала превосходство, которое дает нарезная артиллерия, что вызвало полное изменение в вооружении этого рода, а энергичные усилия позволили поставить военную организацию империи на один уровень с западноевропейской как в этом, так и в других отношениях. В течение всего 1867 и 1868 гг. рабочие Петрозаводска и других крупных железоделательных заводов неустанно трудились над постройкой новых полевых орудий, и в начале нынешнего года был издан приказ правительства о немедленном завершении работ. Новые орудия теперь со всей возможной быстротой готовятся на главных северных мануфактурах»²³.

С начала 1870-х гг. британское правительство пристально следит за ростом производства в «огромных металлургических заводах Тулы, Иванова и Петрозаводске»²⁴, не только из-за необходимости военно-политической осведомленности, но и исходя из торговых интересов, связанных с оптимизацией поставок угля из России на фоне западноевропейского экономического кризиса 1873–1875 гг.

Уже в январе 1873 г. британская пресса приветствовала «программу новых железных дорог через северо-запад России, только что представленную на рассмотрение министра общественных работ, включающую в себя прямую линию от Петербурга, от Лоденого-Поля [Лодейного Поля] до Петрозаводского казенного металлургического завода, и другую линию, начинающаяся от Лоденого-Поля, которая распадается на две ветви: одна идет на восток до Вологды, другая на север до Архангельска»²⁵.

Слухи о начале подготовке к новой русско-турецкой войне побудили британские газеты пристально следить через специальных корреспондентов за строительством железных дорог, а также за «переориентацией многочисленных пушек на новейшую систему и издающиеся в Петрозаводске приказы»²⁶. Британские

²² Manchester Evening News. 1872. Dec. 20.

²³ Morning Post. 1869. July 22.

²⁴ Morning Post. 1870. Jan. 21.

²⁵ Morning Post. 1873. Jan 3.

²⁶ Aris's Birmingham Gazette. 1871. Dec. 30.

корреспонденты не только описывали технические характеристики орудий, но и сравнивали их с английскими образцами. К примеру, в 1878 г., описывая новые легкие пушки, произведенные на заводе в Петрозаводске, издание указывало: «правительство России готовит в Санкт-Петербурге и Петрозаводске Олонецкой [Олонецкой] губернии ряд легких горных орудий, аналогичных по образцу тем, которые в настоящее время используются в наших войсках в Афганистане»²⁷.

Начиная с 1871 г. британская пресса начинает регулярно публиковать отчеты о росте количества произведенного вооружения и улучшения сети железнодорожного сообщения в Российской империи. При этом позже оговаривалось, что «публикация этих бесспорно верных статистических данных вызвала всеобщее волнение; хотя и еще предстоит увидеть, окажут ли они какое-либо влияние на нынешнюю политику нашего военного министерства»²⁸.

В 1872 г. внимание европейской общественности было приковано к спуску на воду «Петра Великого» — первого броненосца российского флота²⁹. В статье «Судостроение в России» подчеркивалось: «замечательной иллюстрацией того, с какой скоростью развивается производство железа, а также строительство кораблей и машин, является спуск на воду «Петра Великого» — одного из самых сильных, если не самых сильных ныне существующих железных судов. Это судно спроектировано русским адмиралом Поповым и полностью построено русскими с использованием российских материалов. Железные пластины корпуса, описываемые как превосходное угольное железо, были изготовлены из русской руды на Императорском заводе в Петрозаводске на Онеге. Броневые пластины также были местного производства. Говорят, что железо лучшего качества и превосходит по прочности металл из Вулиджского арсенала. Ясно, что нам надо быть независимыми и господа Митчелл уже давно должны были построить судно, превосходящее корабль русского правительства в Петербурге...»³⁰.

Рубеж 1860–1870-х гг. был отмечен отходом от сугубо военной или торговой тематик. Начинают встречаться упоминания о вспышке сибирской язвы³¹, специфике региона и его возможности для дальнейшего исследования северных широт. Олонецкая губерния и Петрозаводск представал изобильным местом, где потенциальный исследователь крайнего Севера мог, по примеру француза О. Пави, «взять запас провизии, мехов, собак и северных оленей»³².

²⁷ Portsmouth Evening News. 1878. Dec. 16.

²⁸ Morning Post. 1871. Apr. 12.

²⁹ Liverpool Journal of Commerce. 1872. Sept. 6.; London and China Express. 1872. Sept. 6.; The Scotsman 1872. Sept. 6.; Liverpool Mail. 1872. Sept. 7.; Liverpool Mail. 1872. Sept. 7.; Morning Advertiser. 1872. Sept. 9 etc.

³⁰ Darlington & Richmond Herald. 1872. Sept. 7.

³¹ Banbury Guardian. 1868. Aug. 13.

³² Derry Journal. 1872. Mar. 13.

В фокус внимания британских газет попадали и печальные известия, связанные с несчастными случаями на пароходных линиях по Онежскому озеру в 1875 и 1878 гг.³³

Однако военно-промышленные вопросы, связанные с Петрозаводском, полностью не уходили из фокуса внимания британцев даже в периоды снижения темпов производства на местном заводе. Так, прекращение работы по государственным заказам после Русско-турецкой войны 1877–1878 г. привело к появлению следующего однократного упоминания информации в газетах: «из Петербурга я получил весть, что большой оружейный завод в Петрозаводске, близ Онежского озера, закрывается, и только административный персонал остается на службе. Уволено уже 2000 рабочих, и в Петербург посылаются жалобы, что многие из них голодают... Причина этих внезапных и обширных сокращений — огромное накопление запасов, которое имело место во всех стратегических департаментах. И заключалась в том, что рабочие в большинстве правительственных учреждений работали день и ночь по военным контрактам вплоть до последних недель, что было стимулировано недавней войной. Сейчас же власти приходят к мнению, что могут приобретать товары дешевле у частных производителей и желают теперь, когда развился резерв частного предпринимательства, сохранить его в рабочем состоянии для будущих чрезвычайных ситуаций»³⁴.

Начало 1880-х гг. становится временем спада интереса к военным заводам северных губерний, что связано не только с геополитической рестабилизацией указанного периода, но и свертыванием в 1881 г. «производства пушек на Александровском заводе, что можно считать началом последнего периода истории Олонецких горных заводов как центра военного производства»³⁵. Последними выявленными упоминаниями в рассматриваемый период становятся статья в *Sporting Gazette*, посвященная путешествию У. Х. Диксона по прибалтийским провинциям Российской империи. В них «автор, посещая земли и леса вокруг Петрозаводска по разным сторонам озера Онега в Олонецкой губернии»³⁶, называл их «Северной Швейцарией»³⁷.

Подводя итоги, можно отметить, что тематическая репрезентация Петрозаводска совпадала с общими задачами, которые ставила перед специальными корреспондентами английская пресса. Британская общественность была заинтересована в информировании в области военных, торговых и экономических

³³ Globe. 1875. June 14.; Edinburgh Evening News. 1875. June 16.; and etc.; Leicester Daily Mercury. 1878. Jul. 24.; Burnley Express. 1878. 27 Jul. 27.; Londonderry Sentinel. 1878. 27 Jul. 27 etc.

³⁴ Glasgow Evening Post. 1879. Feb. 10.

³⁵ Алексеев Т. В. Олонецкие горные заводы как центр военного производства в отечественной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 1. С. 13.

³⁶ Sporting Gazette. 1884. Oct. 11.

³⁷ Ibid.

связей, с интересом следила за жизнью монарших особ. В британской прессе средневикторианского периода столица Олонецкой губернии выступала, прежде всего, как центр военно-промышленного производства, темпы и технические новшества которого позволяли формировать представления о техническом прогрессе всей Российской империи и образе национальной идентичности ее жителей.

Список литературы

Алексеев, Т. В. Олонецкие горные заводы как центр военного производства в отечественной историографии / Т. В. Алексеев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2021. — № 1. — С. 5–20.

Бенда, В. Н., Развитие в России промышленной базы и технологии производства артиллерийского вооружения в XVIII веке / В. Н. Бенда // Вестник КГУ. — 2021. — №2. — С. 37–44.

Репина, Л. П. Память о прошлом как яблоко раздора или еще раз о (меж)дисциплинарности / Л. П. Репина // Исторический журнал: научные исследования. — 2013. — № 1. — С. 24–32.

Laswell, H. D., Lerner, D., S. Pool., I. The Comparative Study of Symbols / H. D. Laswell, D. Lerner, I. S. Pool. — Stanford : Stanford University Press, 1952. — 87 p.

Waters C., Special Correspondence and the Newspaper Press in Victorian Print Culture, 1850–1886. New-York : Springer International Publishing, 2019. — 236 p.

ГОДУНОВ Константин Валерьевич / GODUNOV Konstantin

Европейский университет в Санкт-Петербурге / European University in St. Petersburg
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

kostyagodunov@yandex.ru

**«КАК ПАСХА...»: ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОКТЯБРЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ И
ПЕРЕНОС САКРАЛЬНОСТИ***

**‘LIKE EASTER...’: THE CELEBRATION OF THE FIRST ANNIVERSARY
OF THE REVOLUTIONARY OCTOBER IN THE OLONETS PROVINCE AND
THE TRANSFER OF SACRALITY**

Abstract: The goal of the article is to analyze symbols and rhetoric in the interlocking fields of religion and politics at the time of Civil War. The author comes to conclusion that during the celebration of the first anniversary of the revolutionary October religious symbols are being used for legitimization of power, sacralization of politics.

Ключевые слова / Keywords: Гражданская война, советские праздники, политическая культура, эмоции, сакрализация / Civil war, soviet festivals, political cultural, emotions, sacralization

В одном городе мы наблюдали картину, которую приняли за религиозное торжество. Дети, одетые в белое, пели, а старшие смотрели на них с уважением и интересом. Позднее в винной лавке... мы спросили наших собутыльников, что за церковный праздник мы видели. «Праздник?» — ответили они. — Это была революция.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография.
М., 1980. С. 413.

«В мире, где христианские ценности утрачивают смысл, важнее всего потребность в сакральности»¹ — так Мона Озуф, автор классического исследования о праздниках Французской революции XVIII в., описала противоречивые особенности политической культуры революционной поры: в условиях глубокого кризиса монархии и церкви требовалось быстро найти новые принципы политической легитимации и политической сакрализации. Антирелигиозная политика, отрицание религиозных практик и институтов соединились с сакрализацией революционных символов, ритуалов и языка. Тема сакральности

* Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском Университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

¹ Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 388–389.

находилась в центре политической жизни. Для описания этого сложного явления М. Озуф использовала понятие «перенос сакральности». В ситуации распада традиционных политико-культурных институтов, скрепляющих «политическое тело» французской нации — монархии и церкви — сакральное отношение к религии и королевской власти вытеснялось, замещалось и подменялось новыми ценностями; объектами сакрализации стали принципиально важные для революционного языка понятия: «право», «свобода», «Родина»².

Этот подход — исследование сложных связей политики и сакральности — актуален и для исследователей Российской революции³. Автор данной статьи опишет некоторые особенности переноса сакральности, опираясь на материалы истории празднования первой годовщины Октября в Олонецкой губернии⁴.

Этот локальный кейс выбран не случайно. По мнению С. Э. Яловинцыной, в начале XX века вера жителей Олонецкого края «была весьма специфичной, сочетающей в себе православную обрядность как дань государству, в котором они жили, языческие верования и старообрядческие традиции своих недавних предков и односельчан, новые веяния протестантского толка, доходившие до этих мест вместе с кочующими в Финляндию и обратно торговцами»⁵. Описываемое в данной статье пространство находилось на пересечении традиций, национальных и религиозных, и именно этим оно интересно.

Традиция сравнения революции с Пасхой сформировалась в ходе революционных праздников 1917 г. Февраль описывался и эмоционально переживался многими современниками как религиозный праздник, а празднование Пасхи, в свою очередь, политизировалось, и это было важным показателем специфического психологического состояния первых месяцев революции, соединения религиозного и революционного сознания⁶. Это отразило эйфорию весенних месяцев 1917 г., переживания людей в это время были связаны с сильными эмоциями: «удовольствием или счастьем... чувством существования в эру чудес,

² Там же. С. 397.

³ См. об этом: Бустанов А. К., Колоницкий Б. И. Введение // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. СПб., 2018. С. 5–18.

⁴ Об организации этого праздника см.: Годунов К. В. Петрозаводск 7–8 ноября 1918 года: губернский центр в дни праздничных торжеств // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2015. № 8. С. 97–103; Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск, 2016. С. 53–66.

⁵ Яловинцына С. Э. Об особенностях миссии православного духовенства в приграничном приходе (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX – начале XX века) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 4 (97). С. 35. URL: <https://uchzap.petrso.ru/files/issue/UchZap97-12-2008.pdf> (27.12.2022).

⁶ Как отмечает исследователь политической культуры революции, «вера в Чудо политического, экономического и морального Воскресения страны и нации, обещанного революцией, стало важнейшим элементом массового политического (в действительности – политико-морально-религиозного) сознания»: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 85.

ощущением невероятного спасения, пришедшего в разгар неслыханных катастроф, потерь и разрушений»⁷.

Февральский этап революции проходил в Петрозаводске в форме праздника. В дни «праздников свободы» в Петрозаводске прошел военный парад, демонстрация и крестный ход. 5 марта в кафедральном соборе епископ Иоанникий зачитал манифест императора об отречении от престола и отслужил молебен о новом правительстве⁸. 9 марта состоялся «праздник свободы», который включал в себя военный парад и молебен — прошла «великая панихида по жертвам, павшим геройской смертью за свободу России в дни переворота, панихида при небывалой для Петрозаводска обстановке, при участии нескольких тысяч народа»⁹. Как и во многих других городах, в Петрозаводске праздники 1917 г. стали одновременно политическими и религиозными событиями.

Как перенос сакральности проявился в другой ситуации — в ноябре 1918 г., в дни празднования первой годовщины революционного Октября?

Корреспондент «Известий Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» А. Рачков писал в дни подготовки празднования: «Дни 7–8 ноября должны стать днями всеобщего митингования. Крылатым праздником духа должны мы их сделать. Это дни смотра наших сил, и мы должны ревностно к ним подготовиться, употребляя церковный оборот, постом и молитвою. За дни 7–8 ноября мы все обязаны стать зрелыми. Кто чего не понимает, должен понять. В работе коллективной мысли должен найти свое успокоение. После 7–8 ноября не должно остаться никаких недоумений. Все должны быть приведены к одному знаменателю в эти дни великого братского обучения... Но эти дни, помимо учебного их содержания, должны быть днями и великой радости. Так в пасхальные дни верующий разумом уподобляется воскресшему Христу и с чувством радуется под веселый звон праздничных колоколов торжеству Воскресшего Великого Сына»¹⁰.

Автор статьи затронул несколько тем: отсылка к образу Христа¹¹ подкрепляла описания годовщины революции в качестве замены главного праздника религиозного календаря. Праздник должен был стать временем коллективного квазирелигиозного обращения, способствующего духовному преображению участников торжеств. Подобное отношение к празднику было связано с вопросом о

⁷ *Стейнберг М.* Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018. С. 38.

⁸ Молебен // Олонецкое утро. 1917. 8 марта.

⁹ *Крылов В. И.* Первые дни революции в Петрозаводске. Петрозаводск, 1917. С. 16.

¹⁰ *Рачков А.* К Октябрьской годовщине // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 25 октября.

¹¹ Образ Иисуса Христа занимал важное место в антиклерикальной пропаганде периода Гражданской войны. Джей Бергман пришел к выводу: «учитывая культуру, которую революционеры разделяли со своими соотечественниками, обращение к образу Иисуса было для них вполне естественным»: *Bergman J.* The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement: The Case of Russian Marxism // *International Review of Social History*. 1990. Vol. 35. P. 248.

желаемых эмотивах¹²: участники революционного праздника должны были испытать эйфорию, сопоставимую с эйфорией участников религиозного торжества.

А. Рачков использовал особый язык для описания праздничного энтузиазма, статью он выстроил по канонам церковной проповеди. При этом уникальной, присущей только ему подобная риторика не была.

Составители доклада о праздновании первой годовщины Октября в Олонецком уезде описали «переживания, которыми преисполнены были молодые сердца детей в дни празднования революции. “Как Пасха”, говорили многие из них[,] и этими простыми детскими словами была определена вся важность нового гражданского праздника[,] с неотразимой силой подействовавшего на неиспорченное детское воображение и навевшая сладкие грезы о днях грядущей счастливой жизни»¹³. Как и А. Рачков, составители доклада писали об особой эмоциональной атмосфере революционного торжества, и сравнивали это торжество с главным христианским праздником. Для описания революционного энтузиазма организаторы торжеств использовали религиозные образы.

Корреспондент «Известий Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» сравнил 6 ноября с «великой субботой» — днем перед Пасхой, и описал значение этого дня так: «Чувствовалось наступление праздника Красной Народной Пасхи, праздника воспоминаний великого дня освобождения и обновления»¹⁴.

Сопоставление годовщины революции с главным христианским праздником не было присуще только политическому языку петрозаводских большевиков. Празднование годовщины революции описывалось как «Красная Пасха», «пролетарская Пасха», «праздник праздников» разными людьми в различных городах, понятие в том или ином виде встречается в различных источниках: в выступлениях видных большевиков и в письмах вождям, в заметках корреспондентов газет, в оценках критиков правящей партии¹⁵. Характеризуя праздник в качестве сакрального времени, сторонники революции стремились создать образ события, необратимо изменившего ход мировой истории.

¹² По мнению Уильяма Редди, эмотив — перформативное высказывание об эмоциях — «сам по себе является инструментом для непосредственного изменения, выстраивания, сокрытия и усиления эмоций». Таким образом, существует связь между высказыванием об эмоции и переживанием этой эмоции: Reddy W. Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural Anthropology. 1999. Vol. 14. P. 270.

¹³ Доклад о праздновании годовщины Октябрьской социалистической пролетарской революции в Олонецком уезде 7, 8 и 9 ноября (25 октября) 1918 года // Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 173 об.—174.

¹⁴ Путешественник. Праздник 7 ноября в деревне // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 16 ноября.

¹⁵ Годунов К. В. «Перенос сакральности» и празднования революционного Октября в годы Гражданской войны // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны. СПб., 2018. С. 57–75.

Возникает вопрос: свидетельствует ли употребление сакральных метафор о том, что праздник наделялся сакральным смыслом, или корректнее говорить об инерции языка, литературных приемах, не отражающих особенности формирующейся политической культуры? Для ответа на этот вопрос важно рассмотреть не только религиозные метафоры, но и некоторые элементы складывающегося праздничного ритуала.

Комиссия по выработке программы празднования I годовщины Октябрьской революции распорядилась «украсить гирляндами снаружи здание городского совета, по телефонным столбам с обеих сторон проспект Карла Маркса от здания городского совета до Советской площади, для чего потребуется 20 возов хвой»¹⁶. Фотоизображение¹⁷ дает возможность увидеть, что этот план был воплощен в жизнь: центр города был украшен хвойными гирляндами. Популярность словых ветвей в качестве важного элемента праздничного убранства объяснялась и их дешевизной, и тем, что они и ранее были распространенным видом праздничных украшений: обычай украшать еловыми и пихтовыми ветвями праздничное пространство города «восходил к дореволюционной религиозной православной (а от нее — к языческой, дохристианской) традиции, и стал еще до революции органичным элементом городской праздничной культуры»¹⁸.

Религиозная традиция влияла на визуальный стиль праздника по вполне прагматическим поводам — документы из фонда Александро-Свирского монастыря говорят о том, что флаг и красную материю для праздника обязали изготовить в монастыре¹⁹: организаторы торжеств использовали материю, которая в другой ситуации служила бы религиозным целям. В данном случае перенос сакральности имел практическое измерение — заимствование объяснялось недостатком ресурсов.

Отдел советского управления при исполнительном комитете Олонецкого уездного Совета принял решение о том, чтобы в честь празднования первой годовщины революции «во всех православных церквях Олонца и уезда производился звон», при этом богослужение не должно было проходить в эти дни²⁰. В программе празднования Октября в Олонецком уезде, утвержденной Отделом народного образования при Олонецком губсовдепе, говорилось о том, что «в 9 час. утра во всех церквях уезда в течении 15 минут должен быть колокольный звон, который возвестит наступление великого праздника

¹⁶ Протокол заседания комиссии по выработке программы празднования I годовщины Октябрьской революции в г. Петрозаводске // НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 170–170 об.

¹⁷ НА РК. III-28.

¹⁸ Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 125.

¹⁹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПб ИИ РАН). Ф. 3. Оп. 3. Д. 602. Л. 84, 92. Благодарю П. Г. Рогозного за указание на этот источник.

²⁰ [Предписание] Отделу Наружной Охраны 1 ноября 1918 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 607. Л. 94.

пролетарской Пасхи»²¹. Отношение к празднику как к особому времени требовало и использования специфического звукового фона, воспоминанию о революции необходимо было придать сакральное значение.

Эти планы были воплощены в жизнь, по крайней мере, в некоторых населенных пунктах Карелии. Описывая празднование первой годовщины Октября в Великой губе, корреспондент «Известий Олонецкого Губисполкома» упомянул и молитву, и другую ритуальную практику, сакрализующую образ Октября. Корреспондент вспоминал о споре с соседом по каюте, которому приписывал слова о том, что «деревня не отзовется» на празднование первой годовщины революции: «Возьмите старое время. В городах в царские дни и звон, и флаги, и фонари, и то, и се! А в деревне? Ровно ничего не бывало, разве обедню поп отслужит, но никто и не подумает в этот день идти в церковь»²².

Споря с этой позицией, корреспондент так описал революционный праздник: «За версту слышен перезвон колоколов... Виднеются почти у каждого дома красные флаги, среди ветвей зелени. Двери церкви раскрыты, на паперти молится по-праздничному одетая публика. Праздник здесь очевидно начинается общей молитвой, м. б. манифестация начнется от храма, где Русский народ привык изливать свои радости и горе. Вспомнились мне слова соседа, что и раньше в царские дни служились молебны и обедни. Но отчего так много народа и отчего он по-праздничному одет?»²³

Вопреки указанию Отдела советского управления, колокольный звон соединился с богослужением. Сравнивая советский праздник и дореволюционные ритуалы не в пользу последних, соединение элементов религиозной церемонии (молитвы, колокольного звона) и революционной демонстрации корреспондент большевистского издания описывал без иронии и критики.

Подобное отношение к религиозным символам нашло отражение и в революционном творчестве — 23 ноября 1918 г. в «Известиях Олонецкого Губисполкома» было напечатано стихотворение, в котором встречается четверостишие:

По России резво вьются
Флаги красные, как кровь,
Громко песни раздаются,
Слышен звон колоколов²⁴.

²¹ Программа празднования Отдела народного образования при Олонецком губсовдепе // НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 76.

²² *Путешественник*. Праздник 7 ноября в деревне // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 16 ноября.

²³ Там же.

²⁴ *Смелов В.* Праздник // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 23 ноября.

Для автора стихотворения и красные флаги, и колокольный звон были символами революционного праздника. Трудно судить о том, насколько было распространено подобное представление, но его попытались воплотить в жизнь организаторы торжеств и в таком географически отдаленном от Петрозаводска городе, как Витебск. Вопрос о совмещении колокольного звона — важного элемента традиционной праздничной культуры — с революционными лозунгами и плакатами обсуждался членами Витебской комиссии по празднованию годовщины Октябрьской революции²⁵. Это вызвало недовольство авторов заметки, опубликованной в «Известиях ВЦИК»: «Мы думаем, это совершенно неуместно, хотя бы и для вящего торжества, пользоваться для пролетарского праздника этим специальным поповским инструментом»²⁶. Публикация в центральной советской газете могла восприниматься как указание для организаторов торжеств в иных городах. При этом по свидетельству корреспондента, давшего обобщенную характеристику празднований Октября в провинции, празднование годовщины революции в Воронеже сопровождал «колокольный пасхальный неумолчный перезвон»²⁷. Представление о том, что празднование годовщины революции должно начинаться с колокольного звона (описываемого как пасхальный благовест), едва ли формировалось праздничными комиссиями столичных городов. Процессы сакрализации не шли «сверху вниз», распространяясь из столиц в провинции, не существовало единого центра сакрализации. Вернее было бы предположить, что отношение к празднику как к особому, сакральному времени было частью политического сознания организаторов праздника в различных городах.

Так или иначе, колокольный звон использовался для празднования годовщины революции не только в Олонецкой губернии. Но можно говорить о местном контексте, который придавал особое звучание использованию сакральной риторики и символики — убийства монахов и вскрытие мощей в Александро-Свирском монастыре осенью 1918 г.²⁸ По времени совпали одна из важнейших антиклерикальных акций периода Гражданской войны и попытка сакрализации главного революционного праздника.

Автор заметки, легитимирующей атаку на монастырь, заключал: «Новому человечеству нужна новая вера. Кто же заменит богов, королей и священников, как не свободная, верующая в свои силы, личность освободившегося человека! Новое человечество уже зародилось! Короли уходят! Уйдут и боги!»²⁹. Антиклерикальная

²⁵ Шамиур В. В. Празднества революции. Минск, 1989. С. 26.

²⁶ В провинции. Провинциальная хроника // Известия ВЦИК. 1918. 23 октября.

²⁷ Советская провинция в великую годовщину (Обзор I-й) // Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 ноября.

²⁸ См. об этом: *Рогозный П. Г.* Большевики и святые мощи // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 991–992.

²⁹ *Онежский В.* Боги уходят // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 5 ноября.

риторика в предпраздничные и праздничные дни соединялась с религиозными метафорами и образами (весьма характерен призыв: «... нужна новая вера»).

Члены Президиума Совещания по устройству празднества годовщины революции предложили городскому Совету «мобилизовать буржуазию и духовенство для очистки улиц и тротуар[ов] по маршруту шествия манифестации в первую очередь и во вторую всех остальных, а также для очистки заборов от устаревших плакатов и объявлений»³⁰. Священнослужители (наряду с олицетворением врага революции — «буржуазией») стали объектом символического унижения в праздничные дни.

События в монастыре оказали воздействие и на выбор пьесы, поставленной в дни празднования: 7 и 9 ноября в Петрозаводске был организован показ спектакля по пьесе Л. Н. Андреева «Савва». Корреспондент, описавший празднование, отмечал: «Савва» имел громадный успех. Желательно повторение этой пьесы»³¹. Подобный выбор пьесы явно был не случаен: речь в ней шла о разоблачении священнослужителей, использующих «чудотворные» мощи для обмана прихожан. Праздничный досуг приобретал политическое звучание: развлекаясь, участники торжеств должны были приобщаться к актуальной политической повестке.

При этом в 1918 г. политика большевиков носила в большей степени антиклерикальный, чем антирелигиозный характер, курс на создание атеистического государства в этот момент не был еще до конца определен³². Ресурс праздника использовался для критики священнослужителей, при этом язык и поведение организаторов годовщин Октября несли печать религиозных практик и религиозного языка.

Со временем ситуация переменилась. Иллюстрирует изменение тональности прессы статья, посвященная празднованию пятой годовщины революции в Петрозаводске: «Угрюм, молчалив огромный собор с потемневшей главой, нет ни веточки зелени, не видно предпраздничной сутолоки, он в стороне от великого надвигающегося нового мира. <...> В соборе ударили в колокол, другие откликнулись. Вот жизнь двух разных миров: одного чисто земного, с страданиями и упорной борьбой за счастье трудящихся, и другого — пассивного, покорного воле неведомой и несуществующей силы небес»³³. Колокольный звон описывался автором статьи как один из символов старого мира, уничтоженного революцией.

³⁰ Президиум Совещания по устройству празднества годовщины Октябрьской революции. Протокол. 31 октября 1918 г. // НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

³¹ Празднование годовщины революции в Петрозаводске // Олонецкая беднота. 1918. 20 ноября.

³² *Рогозный П. Г.* Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917–1920. М., 2018. При этом и антиклерикальную пропаганду нельзя связывать исключительно с политикой большевиков: начало антиклерикализму, кризису церкви положила первая российская революция и усилила Первая мировая война, а критика священнослужителей была присуща и некоторым верующим: *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917. М., 2015. С. 221–279; *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 619–658.

³³ *Прилежаев В. В.* Дни Октябрьских торжеств (Мысли, наброски и впечатления) // Карельская коммуна. 1922. 9 ноября.

Как мы видим, годовщина революции была особым моментом: изучая ее, мы можем увидеть не только элементы ритуала, которые стали впоследствии доминировать в советской политической культуре, но и те элементы, которые проявились лишь в определенной ситуации и затем были отброшены или прямо запрещены.

Восприятие годовщины революции в качестве сакральной даты оказало некоторое воздействие и на ритуал, и на визуальное оформление торжеств. Пытаясь обратиться к рабочим и крестьянам с политическими посланиями, которые они смогут воспринять, организаторы торжеств апеллировали к христианским текстам и образам. Чем объяснить использование религиозных образов и элементов ритуала? С одной стороны, организаторы торжеств стремились учитывать настроения людей, безразличных к политическому смыслу праздника, использовать привычные для них элементы ритуала³⁴. Возможно, в этом проявились особенности политической культуры, которые помогли большевикам и их союзникам одержать победу в Гражданской войне: жесткая репрессивная политика сочеталась с тактической гибкостью, способностью использовать привычные языковые клише, элементы ритуала даже в тех случаях, когда это, казалось бы, противоречило важной пропагандистской линии. Лора Энгельштейн полагает, что большевики победили в Гражданской войне «не только оружием и воинской дисциплиной, но и натиском слов и образов, визуальных и вербальных»³⁵. Многие из этих слов и образов имели сакральное значение.

Но едва ли лишь стремлением использовать знакомые и понятные «массам» язык и ритуалы можно объяснить действия революционных активистов. Сами носители культуры революционного подполья, в том числе и те, кто декларировал свой отход от религии, находились в поле влияния развитой религиозной традиции³⁶. Не случайно современные исследователи сравнивают российскую революцию со средневековыми битвами за веру, крестовыми походами³⁷, а большевиков — с миллениаристской сектой, по-своему переживавшей конец времен³⁸.

Вне зависимости от намерений разных групп организаторов праздника, в ноябре 1918 г. антиклерикальная пропаганда соединилась с сакрализацией революции. В дни празднования годовщины революции это проявилось на эмоциональном уровне. Революционные торжества должны были оказать

³⁴ Как показал Е. В. Дианова, и в 1920-е гг. в Карелии «сохранялась традиционная обрядность, связанная с календарными православными и языческими религиозными праздниками»: Дианова Е. В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. // Православие в Карелии: Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 132–133.

³⁵ Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. Oxford; New York, 2018. P. XXI.

³⁶ *Стейнберг М. А.* Пролетарское воображение: личность, модерность, сакральное в России, 1910–1925. Бостон; СПб., 2022. 542 с.

³⁷ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть... С. 85–86.

³⁸ Слезкин Ю. А. Дом правительства: Сага о русской революции. М., 2019.

всеобъемлющее эмоциональное воздействие на участников празднеств в момент глобального кризиса. Как замечают антропологи А. К. Байбурин и А. М. Пиир, советский праздник, «как и архаический ритуал, организуется таким образом, чтобы все органы чувств, все каналы связи человека с внешним миром были задействованы в максимальной степени»³⁹.

Праздники превращались в действо, влияющее на все органы чувств⁴⁰, его трудно было игнорировать. Праздничные звуки, цвета, особая организация пространства, особая эмоциональная риторика должны были оказать сильное эмоциональное воздействие на участников торжеств в момент тяжелейшего кризиса. Стремясь пробудить революционный энтузиазм, организаторы торжеств использовали праздник в качестве средства мобилизации чувств.

Как показывает карельский материал, перенос сакральности предполагал и перенос эмоций: традиционно предписываемые пасхальным дням эмотивы переносились на новый политический праздник.

Необходимо вспомнить статью А. Рачкова, процитированную в начале статьи. Он писал: «Как в великие дни христианской Пасхи подлинно верующие забывают и о своих недугах, и о своем горе и в приобщении к воскресшему Христу под малиновый звон праздничных колоколов ликуют целую неделю, точно такое же настроение должны мы вызвать в себе в дни октябрьского юбилея»⁴¹.

Как мы увидели, упоминание колокольного звона, сравнение годовщины революции с Пасхой были не просто метафорами, используемыми конкретным корреспондентом: участники торжеств должны были ощутить перемены, принесенные революцией, на эмоциональном уровне, и это подкреплялось и особой риторикой, и элементами ритуала. Празднование годовщины Октября было техникой воспитания чувств, и эти чувства должны были иметь отчетливый сакральный оттенок.

Список литературы

Аксенов, В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксенов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 984 с.

Байбурин, А. К. Счастье по праздникам / А. К. Байбурин, А. М. Пиир // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 227–257.

³⁹ Байбурин А. К., Пиир А. М. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 252.

⁴⁰ О том, как революция влияла на эмоции через органы чувств, см.: *Plamper J. Sounds of February, Smells of October: The Russian Revolution as Sensory Experience // The American Historical Review. 2021. Vol. 126. P. 140–165.*

⁴¹ Рачков А. К Октябрьской годовщине // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 25 октября.

Буддаков, В. П. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 / В. П. Буддаков, Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2015. — 714 с.

Бустанов, А. К. Введение / Бустанов А. К., Колоницкий Б. И. // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. — Санкт-Петербург : Лики России, 2018. — С. 5–18.

Годунов, К. В. «Перенос сакральности» и празднования революционного Октября в годы Гражданской войны / К. В. Годунов // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. — Санкт-Петербург : Лики России, 2018. — С. 57–75.

Годунов, К. В. Петрозаводск 7–8 ноября 1918 года: губернский центр в дни праздничных торжеств / К. В. Годунов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. — 2015. — № 8. — С. 97–103.

Дианова, Е. В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. / Е. В. Дианова // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — С. 127–136.

Дубровская, Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — 110 с.

Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — Москва : Наука, 1980. — 485 с.

Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Лики России, 2012. — 318 с.

Малышева, С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» / С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова // Визуальная антропология: городские карты памяти. — Москва : Вариант, ЦСПГИ, 2009. — С. 121–142.

Озуф, М. Революционный праздник, 1789–1799 / Мона Озуф. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 416 с.

Рогозный, П. Г. Большевики и святые мощи / П. Г. Рогозный // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 989–1004.

Рогозный, П. Г. Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917–1920 / П. Г. Рогозный. — Москва : Весь Мир, 2018. — 303 с.

Слезкин, Ю. А. Дом правительства: Сага о русской революции / Ю. А. Слезкин. — Москва : Corpus, 2019. — 969 с.

Стейнберг, М. Великая русская революция, 1905–1921 / М. Стейнберг. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2018. — 554 с.

Стейнберг, М. Д. Пролетарское воображение: личность, модерность, сакральное в России, 1910–1925 / М. Стейнберг. — Бостон : Academic Studies Press; Санкт-Петербург : Библиороссика, 2022. — 542 с.

Шамшур, В. В. Празднества революции: организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии / В. В. Шамшур. — Минск : Наука и техника, 1989. — 156 с.

Яловицына, С. Э. Об особенностях миссии православного духовенства в приграничном приходе (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX – начале XX века) / С. Э. Яловицына // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2008. — № 4 (97). — С. 31–35. — URL: <https://uchzap.petsu.ru/files/issue/UchZap97-12-2008.pdf>. — (27.12.2022).

Bergman, J. The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement : the Case of Russian Marxism / J. Bergman // International Review of Social History. — 1990. — Vol. 35. — P. 222–248.

Engelstein, L. Russia in Flames : War, Revolution, Civil War, 1914–1921 / L. Engelstein. — Oxford ; New York : Oxford univ. press, 2018. — 823 p.

Plamper, J. Sounds of February, Smells of October : the Russian Revolution as Sensory Experience / J. Plamper // The American Historical Review. — 2021. — Vol. 126. — P. 140–165.

Reddy, W. Emotional Liberty : Politics and History in the Anthropology of Emotions / W. Reddy // Cultural Anthropology. — 1999. — Vol. 14. — P. 256–288.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории РАН / St. Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

rupasov_ai@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: *Ritvanen J.-M. Mureneva kulmakivi: Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YYA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992. Helsinki: Siltala, 2021. 350 s.*

REVIEW OF: Juha-Matti Ritvanen. *Mureneva kulmakivi. Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YYA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992* (Helsinki: Siltala, 2021), 350 p.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, СССР, Россия, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, 1980–1990-е гг., Мауно Койвисто, М. С. Горбачёв / Finland, USSR, Russia, the Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance, the 1980s–1990s, Mauno Koivisto, Mikhail Gorbachev

Ускорившаяся к концу 1980-х гг. динамика перестроечных процессов в СССР с неизбежностью диктовала Финляндии необходимость оценки перспектив двусторонних отношений. Именно этому и посвящена монография Ю.-М. Ритванена¹, название которой — «Крошащийся краеугольный камень» — не вполне точно передает её содержание, поскольку отражает не столько слаженную «работу в камнедробилке» двух сторон процесса, а в основном только одной, тогда как вторая в силу дряхления и безволия часто оставалась вялой, пассивной (хотя иногда и провоцирующей).

Историк Юха-Матти Ритванен (Университет Турку) отнюдь не является первым финским исследователем, кто обращается к данной теме, однако он первый, кто настолько основательно, педантично попытался раскрыть её читателю. Обилие взаимосвязанных проблем, характерных для того краткого периода, который охватывает его исследование — 1989-1992 гг. — с неизбежностью создавало для автора сложности со структурой книги. Полностью устранить их ему не удалось, вынуждая довольствоваться в ряде случаев скромной описательностью (например, в отношении процессов в прибалтийских республиках СССР). Если эволюцию взглядов и оценок президента Мауно Койвисто на отношения с СССР и Российской Федерацией автору удалось показать очень ярко, то признать успешным выявление взглядов лидера СССР Михаила Горбачёва на отношения с Финляндией можно едва ли (впрочем, имелось ли у Горбачёва какое-либо собственное мнение о Финляндии?). В последнем случае автор не виноват — имеющиеся в его распоряжении источники не позволяют это сделать. Вместе с тем он и не предпринял видимых усилий, чтобы сделать какие-либо выводы из той разногласности мнений и косвенных оценок советских партийных и государственных деятелей, которыми

¹ *Ritvanen J.-M. Mureneva kulmakivi: Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YYA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992. Helsinki, 2021.*

буквально пестрит его сочинение. Ритванен фактически уклонился от выяснения позиции главы МИД СССР Эдуарда Шеварднадзе в переговорах осенью 1990 г., когда финская сторона поставила вопрос об отмене т. н. военных статей мирного договора. Пожалуй, прояви автор большее внимание к вопросу о взаимосвязи внутриполитической борьбы в СССР с конкретными внешнеполитическими актами (а не только к процессу переговоров об объединении Германии), то скорее всего, ему пришлось бы внести коррективы в излишне прямолинейно истолкованные им слова, например, того же Г. Янаева или Б. Аристова (s. 247). Уместно ли принимать на веру сказанное Янаевым в 1991 г. на том основании, что в начале 1970-х гг. тот занимался вопросами молодежи и его тогда знали в Финляндии (s. 154).

Для Финляндии изменения во внутренней и внешней политике СССР создавали предпосылки для отказа от ряда положений Парижского мирного договора 1947 г. и Договора о мире, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г., которые неизменно оценивались в Хельсинки как ограничивающие суверенитет страны. Именно по этой причине Ритванен уделяет особое внимание тем внешним фактам, которые послужили импульсом к началу внутриполитической дискуссии в Финляндии. Одним из таких фактов стало получение в октябре 1988 г. финским кадровым дипломатом, бывшим послом Финляндии в ООН и Швеции Максом Якобсоном предложение главы Агентства печати Новости Валентина Фалина написать статью о советско-финской войне 1939–1940 гг., которая была бы без цензуры опубликована в СССР. В статье, напечатанной в месячном приложении к центральному органу КПСС, «Правде», Якобсон назвал главным виновником войны Сталина (s. 49). Во время визита в Москву в апреле 1989 г. глава президентской канцелярии Яакко Калела выяснил, что в СССР были готовы пойти далее этой статьи. Тогда прозвучали намёки на возможность посещения Горбачёвым во время визита в Хельсинки кладбища героев в Хьетаниemi, что можно было бы расценивать как принесение извинений за войну (идея не была поддержана в международном отделе ЦК, секретариате Горбачёва и в руководстве МИД СССР). Позже, во время своего визита в Хельсинки в октябре 1989 г., Горбачёв — что отметила финская пресса — в своей речи не упомянул линии Паасикиви-Кекконена, а главной темой переговоров было сокращение так называемой восточной торговли. Извинений финская сторона не дождалась.

Как подчёркивает Ю.-М. Ритванен, ещё до того, как желательность внесения изменений в договоры 1947–1948 гг. стала предметом публичной дискуссии, 7 марта 1989 г. министерство обороны Финляндии подготовило меморандум, в котором анализировало ограничивающие положения Парижского мирного договора, связанные с Германией и Японией. В министерстве планировали

приобретение военных материалов в этих странах. Считалось, что благоприятная внешнеполитическая ситуация и особенно улучшение отношений СССР и ФРГ позволяют поставить вопрос о пересмотре ограничений договора. В феврале 1990 г. министерство обороны направило соответствующий меморандум в МИД Финляндии. Глава политического отдела МИД Яакко Блумберг также присоединился к мнению, что указанные ограничения являются устаревшими. Обоснованием для этого суждения являлось то, что СССР в феврале отказался от сопротивления объединению Германии (s. 37–38).

Ю.-М. Ритванен обращает внимание на сохранение рядом политических деятелей осторожности в отношении резких изменений внешнеполитического курса Финляндии. Президент М. Койвисто только после того, как в Москве промолчали на выраженное кандидатом в президенты Пааво Вяюрюненем желание добиться полноправного членства в Совете Европы, дал своё согласие на решение этого вопроса. Однако, когда в мае 1989 г. Финляндия получила членство в Совете, глава МИД Пертти Паасио особо подчеркивал: «Ни при каких обстоятельствах мы не станем членом Европейского Сообщества. Цель превращения Сообщества в политический союз препятствует этому» (s. 81). А осенью 1989 г. Койвисто, возражая Вяюрюнену, заявил: «Мы продолжаем линию Паасикиви-Кекконена, линию добрососедства, политики активного нейтралитета» (s. 82–83).

Тему изменений положений договора о дружбе одним из первых поднял депутат парламента Ристо Э. Й. Пенттиля в январе 1990 г. (s. 89). (Как напоминает Ритванен, ещё в 1970 г. глава МИД В. Лескинен заявлял, что ссылки в договоре на Германию после подписания в том году соглашения СССР с ФРГ утратили своё значение — s. 90.) Оценки происходивших в СССР внутриполитических процессов не позволяли на тот момент делать однозначных выводов. Именно поэтому прежняя осторожность вынуждала П. Паасио утверждать, что у Финляндии нет планов ставить перед СССР вопрос о договоре (хотя он и рискнул сказать, что тема может обсуждаться). Однако премьер Харри Холкери тоже считал, что нет оснований для изменения основ политики безопасности страны. И если Макс Якобсон предлагал подождать развития ситуации в Европе, то бывший посол, а теперь директор банка Яакко Илониemi полагал, что у России был, а у СССР есть в отношении Финляндии «легитимный интерес безопасности» и потому основания для изменения договора отсутствуют (s. 91).

На рубеже 1989–1990 гг. вероятность принципиальных изменений в отношениях с СССР всё чаще стала увязываться с развитием ситуации в Центральной и Восточной Европе. И если президент Койвисто, как отмечает Ю.-М. Ритванен, ссылаясь на интервью президента газете *Kainuun Sanomat* в начале апреля 1990 г., признавал улучшение обстановки в Европе, но предостерегал

от того, чтобы делать далеко идущие выводы, то в центральном аппарате МИД исходили из того, что объединение Германии создаёт совершенно новую ситуацию для Финляндии, позволяющую отказаться от т. н. военных статей мирного договора. Уже в мае того года эта тема стала публично обсуждаться, когда депутат парламента от Коалиционной партии Тууре Юннила сделал запрос о влиянии военных статей на суверенитет страны, считая, что правительство должно начать переговоры об их отмене (s. 99). Тогда же сотрудник центрального аппарата МИД Рене Нюберг спланировал т. н. *Operaatio Pax*, предусматривавшую последовательность действий и своего рода график действий, направленных на изменение статей Парижского мирного договора (s. 98–100). После того, как были согласованы условия объединения Германии, МИД Финляндии в августе — сентябре подготовил проект решения правительства об аннулировании военных статей Парижского мирного договора. Предложенная МИД процедура не соответствовала прописанной в тексте договора: обмен нотами с СССР и Великобританией считался в сложившихся исключительных обстоятельствах ненужной тяжёлой процедурой. Позже Койвисто признавал, что первоначально отклонил односторонний способ решения.

Ю.-М. Ритванен особое внимание уделяет такой теме, как стремление Мауно Койвисто получать информацию о происходящем в СССР от широкого круга лиц. В числе их оказывались академики Г. Арбатов (s. 197, 204), Абель Аганбегян (s. 145), социолог Татьяна Заславская (s. 175) и многие другие. Кроме того, Койвисто через главу своей канцелярии Яакко Калелу поддерживал постоянные неофициальные контакты с резидентом КГБ в Финляндии Феликсом Карасёвым (генерал Феликс Сутырин; его воспоминания под названием *Naapurinpojan muistelmät* были опубликованы в 1998 г.) для выяснения как мнений, так и настроений в советском политическом руководстве. Ритванен признаёт, что получаемая через Карасёва информация далеко не всегда отражала мнение высшего политического руководства СССР, чаще она отражала мнение лиц, довольно далеко отстоящих от власти. Карасёв сам мог признавать это. Тем не менее он оставался одним из каналов получения той информации, которая учитывалась Койвисто. 4 сентября 1990 г., не информируя МИД, Койвисто дал указание Калеле встретиться с Карасёвым. Ещё одним из тех, чьё мнение учитывалось в Хельсинки, был советник Горбачёва по внешнеполитическим вопросам А. Черняев. Так, именно Черняев сообщил Калеле, что Горбачёв готов к переговорам по поставленному финской стороной вопросу и относится к вероятному решению благожелательно. Хотя на последовавших переговорах Горбачёва и Койвисто последний не затронул эту тему (в отличие от экономических вопросов), но поведение Горбачёва было истолковано президентом Финляндии положительно, поскольку советский лидер сохранял спокойствие. Ритванен полагает, что, вероятно, в силу огромного числа

внешнеполитических и прочих проблем у Горбачёва не было достаточного интереса к проблемам Финляндии. Это утверждение Ритванена по своей военной статей мирного договора. По крайней мере, в последнем случае основанием может служить ход ряда бесед финского посла в Москве Хейкки Талвитие с заместителем министра иностранных дел Юлием Квицинским, на которые ссылается Ритванен (s. 111–112, 114).

Когда Х. Талвитие и Я. Блумберг 17 октября 1990 г. прибыли в МИД СССР, чтобы сообщить о решении Финляндии, то они оказались удивлены тем, что Юлий Квицинский ждал их с текстом мирного договора на столе. Более того, исходный тезис финской стороны, согласно которому аннулирование военных статей мирного договора вытекает из самого факта объединения Германии, Квицинский (бывший ранее послом в Бонне) не разделял. Как подчёркивает Ритванен, хотя ещё в сентябре 1990 г. глава МИД П. Паасио заявлял, что формулировки договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи не требуют изменения в связи с объединением Германии, в аппарате МИД всё же сочли возможным доложить Койвисто, что объединение позволяет считать упоминание Германии в договоре устаревшим (автору, быть может, следовало остановиться подробнее на взаимоотношениях главы МИД с кадровым составом центрального аппарата министерства по принципиальным политическим вопросам). Ритванен, ссылаясь на Юрия Дерябина, полагает, что отказ Финляндии от статей с упоминанием Германии не являлся проблемой для СССР, но МИД СССР не был готов официально одобрить такое решение. На переговорах с Талвитие Квицинский заявил, что понятие, которым оперируют финны, — «политика безопасности» — довольно расплывчатое, и спросил, нельзя ли его определить более точно (s. 111). Он также выразил удивление тем, что в финском заявлении речь идёт только о приобретении ядерного оружия. Спешка, в которой в Финляндии принималось решение, вызывала беспокойство в Москве. Об этом, в частности, командующему силами обороны адмиралу Яну Кленбергу говорил посол Б. Аристов (s. 113). Ответом на решение Финляндии стала советская нота от 9 ноября, которую в Москве не хотели предавать гласности в силу внутриполитических обстоятельств (рост критических настроений в отношении проводимой Горбачёвым политики как в партийном руководстве, так и в силовых структурах).

Озабоченность советской стороны стало вызывать и оживление в Финляндии дискуссии о возвращении Карелии. Накануне встречи главы МИД П. Паасио и Э. Шеварднадзе (15 ноября 1990 г.) финский министр отвечал на запрос парламентария Мариты Юрва, намерена ли финская сторона приступить к переговорам о возвращении т. н. Утраченной Карелии. Министр ответил,

что финская сторона не намерена ставить вопрос о возвращении утраченных по Парижскому договору территорий (s. 115).

На рубеже 1989–1990 гг. внимание Койвисто всё больше стала привлекать внимание фигура Б. Ельцина. Изначально (впрочем, и позже) он скептически относился к этому политическому деятелю. Летом 1990 г. Койвисто прочитал книгу Ельцина «Исповедь на заданную тему», констатировав по прочтении, что у того нет никакой программы. С осторожностью финская сторона относилась к контактам с представителями республиканских властей РСФСР, что проявилось во время визита главы внешнеполитического ведомства А. Козырева в октябре 1990 г., когда П. Паасио согласился только на неофициальный характер встречи (s. 145). В МИД Финляндии полагали, что и Ельцин, и Горбачёв исходили из одной посылки — необходимости сохранения положения СССР как великой державы. Такая же осторожность была проявлена в декабре 1990 г., когда директор Постибанка Сеппо Линдблум сообщил об обращении председателя Центробанка РСФСР Г. Г. Матюхина с просьбой о размещении депозита в 500 млн. долларов США. В просьбе было отказано, так как она не была согласована с позицией центрального руководства СССР (s. 146). Негативное отношение к Ельцину обуславливалось и тем, что тот выступил с инициативой создания российских сил безопасности, армии и т. д., за раздел ядерного оружия. Койвисто не верил, что Ельцин может возглавить СССР, считая позицию вице-президента Г. Янаева очень важной (об этом он упомянул в беседе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд в январе 1991). С самим Янаевым Койвисто встретился во время визита в Осло, особо поинтересовавшись характеристикой Ельцина. Возможность лично пообщаться с последним впервые представилась президенту Финляндии во время визита в Москву 25 июня 1991 г. Прямолинейность Ельцина не произвела на Койвисто хорошего впечатления. Ельцин отверг участие России в советско-финляндской экономической комиссии, заявив, что «внешняя торговля принадлежит России» (s. 172).

Особое внимание Ритванен обращает на комплекс проблем, связанных с ситуацией в прибалтийских республиках СССР, прежде всего в Эстонии. Быстрое обострение ситуации в Балтии тревожило Койвисто. В МИД Финляндии была создана неформальная группа во главе с бывшим генконсулом в Ленинграде Яакко Кауринкоски для отслеживания событий в Эстонии (s. 128). Исходя из возможности падения Горбачёва, Койвисто сохранял осторожность, полагая, что в любом случае нужно поддерживать хорошие отношения с СССР. Стремление стран Балтии к независимости следовало, по его мнению, поддерживать, но при этом не оказываться в противопоставлении с Москвой. Переговоры прибалтийских республик с Москвой он считал единственным путём к независимости Балтии.

Складывается впечатление, что именно оценки ситуации в СССР со стороны нового руководства прибалтийских республик оказывали на Койвисто наибольшее влияние. Он с особым вниманием отнёсся, например, к суждению, высказанному премьер-министром Латвии Иварсом Годманисом во время его визита в феврале 1991 г. в Хельсинки: Ельцин не подпишет союзного договора, пока Горбачёв не согласится на требования России, после чего у Горбачёва не будет никакой роли; у Горбачёва нет выхода из ситуации (s. 174).

Цитируя в начале своей книги слова Макса Якобсона о том, что Финляндия не верила в изменения, так как не хотела их, Ю.-М. Ритванен в заключении отмечает: «Якобсон даёт понять, что в быстро менявшейся ситуации 1989–1991 гг. у Финляндии было больше того, что можно потерять, чем того, что можно выиграть». Ритванен считает такой взгляд излишне односторонним: «Ведомая президентом Койвисто Финляндия стремилась к контролируемым и умеренным изменениям, готовясь к ситуации, в которой международное политическое развитие приобретает неожиданные черты». Отказ Финляндии от военных статей договоров 1947–1948 гг. означал выход страны из сферы влияния восточного соседа. Упомянутая выше *Operaatio Pax*, по мнению Ритванена, свидетельствовала о способности внешнеполитического руководства своевременно реагировать на изменения (s. 283).

Профессор международных отношений из университета Тампере Хиски Хауккала в одной из своих работ писал, что для принятия политических решений необходим косой взгляд, когда один глаз смотрит вперёд, а другой назад — так вырисовываются геометрические узоры мировой истории (s. 283). Ритванен вполне уместно обратился к этому суждению, чтобы сделать свой вывод: «Койвисто, предпочитавший исторические аналогии, извлекал уроки из прошлого, чтобы руководствоваться ими при выборе будущего. В частности, на его взгляды в отношении внешней политики повлиял опыт военного времени. Койвисто был склонен затягивать ответ на вопрос, как в ситуации, когда вы подпускаете противника очень близко, прежде чем открыть по нему огонь из всех орудий». Однако как только ситуация для него прояснялась окончательно, он проявлял решительность. Поэтому, когда отношения с восточным соседом приобрели в январе 1992 г. совершенно иное содержание после подписания нового договора, Койвисто полностью прекратил контакты с резидентом КГБ (s. 283).

Нельзя не согласиться и с утверждением Ритванена, что для Советского Союза отношения с Финляндией являлись всего лишь маленькой второстепенной ареной, что «советское руководство не могло уделять двусторонним отношениям столько же внимания, сколько финны». Зато последним создавшаяся ситуация позволила резко нарастить своё участие в европейских интеграционных процессах.

В своей книге Ю.-М. Ритванен исключительно педантично показал динамичный процесс принятия Финляндией решения, которое всего несколькими годами ранее было немыслимо. Хотелось бы, чтобы появилось исследование и российских историков и политологов, в котором выработка советской/российской стороной политики в отношении Финляндии на рубеже 1980–1990-х гг. рассматривалась бы не на одних лишь воспоминаниях отдельных лиц, причём далеко не всегда посвящённых в суть происходящего.

Список литературы

Ritvanen, J.-M. Mureneva kulmakivi : Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YYA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992 / J.-M. Ritvanen. — Helsinki : Siltala, 2021. — 350 s.

БИБЛИОГРАФИЯ
BIBLIOGRAPHY

ЧИКИНА Наталья Валерьевна / CHIKINA Natalia

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

tchikina@krc.karelia.ru

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2005*

CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2005

Abstract: With this issue we resume the publication of such Chronicles, the publication of which paused after the last issue in 2011. This paper is structured similarly to the previous editions. It begins with the Chronicles followed by a listing of the published books and articles in the Finnish, Karelian and Veps languages. A distinctive feature of these Chronicles is that they were compiled from the national periodicals published in the Republic of Karelia: magazines *Carelia* and *Kipinä*, newspapers *Karjalan Sanomat*, *Oma Mua*, *Vienan Karjala*, *Kodima*.

Ключевые слова / Keywords: Литература Карелии, финский язык, карельский язык, вепсский язык / Literature of Karelia, Finnish language, Karelian language, Veps language

Настоящая «Летопись литературной жизни Карелии 2005» является продолжением ранее выпущенных «Летописей», которые содержат публикации с 1917 по 2004 гг.¹ В данной «Летописи» представлен анализ и перечень публикаций, выполненный только на основе национальной периодической печати Республики Карелия. Источниковую базу в 2005 году составили журналы *Carelia* и *Kipinä*, газеты *Karjalan Sanomat*, *Oma Mua*, *Vienan Karjala* и *Kodima*.

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070800089–0.

¹ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963; Летопись литературной жизни Карелии (1962–1966) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1968; Летопись литературной жизни Карелии (1967–1971) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1974; Летопись литературной жизни Карелии (1972–1976) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1978; Летопись литературной жизни Карелии (1977–1981) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1984; Летопись литературной жизни Карелии (1982–1986) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская. Петрозаводск, 1989; Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994; Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010. 190 с.; Летопись литературной жизни Карелии (1996–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011. 245 с.; Летопись литературной жизни Карелии 2002 // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 480–510. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1056> (17.01.2019). DOI: 10.15393/j103.art.2018.1056; Летопись литературной жизни Карелии. 2003 // Там же. 2019. Вып. 4. С. 304–336. URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1418> (27.12.2022). DOI: 10.15393/j103.art.2019.1418; Летопись литературной жизни Карелии. 2004 // Там же. 2021. Вып. 6. С. 413–447. URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1782> (27.12.2022). DOI: 10.15393/j103.art.2021.1782.

Принцип отбора и систематизация материалов в данном выпуске в основном остаётся прежним. Раздел «Хроника литературной жизни» выполнен на русском языке и содержит краткое описание литературных событий (съездов, конференций, праздников, зарубежных контактов и т. д.); раздел «Библиография» даёт перечень оригинальных и переводных произведений художественной литературы, фольклора, детской литературы, литературы Финляндии в переводах на карельский и вепсский языки, работ по критике, литературоведению и фольклористике, опубликованных в отдельных и периодических изданиях. Литературные материалы публикуются и приводятся в библиографии на русском, финском, карельском и вепсском языках.

При составлении «Летописи» были использованы фонды Научной библиотеки Карельского научного центра РАН, архив издательства «Периодика»². Все публикации просмотрены *de visu*. Использовано упрощённое библиографическое описание на основе ГОСТ 7.1–2003.

Данной публикацией «Летописи» мы продолжаем работу по ведению библиографии в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. С момента выхода последнего выпуска «Летописи литературной жизни Карелии» (1996–2001), охватывающего пятилетний период, прошло одиннадцать лет, а разрыв в описании материала составляет 17 лет. «Летопись литературной жизни Карелии» не только позволяет проанализировать количество и качество публикаций, но и является хорошей иллюстрацией истории развития национальных литератур республики.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ

7 января в Петрозаводске были названы 100 лучших людей Республики Карелия 2004 года. Среди лауреатов журналист Анатолий Гордиенко, заведующая отделом прозы журнала «Север» Яна Жемойтелите, учитель костюмукшской художественной школы Виталий Добрынин, прозаик Дмитрий Новиков, корреспондент газеты *Karjalan Sanomat* Андрей Туоми. (*Karjalan Sanomat*. — 2005. — 12. tammik. — S. 3; *Vienan Karjala*. — 2005. — 13. pakkask.).

В январе были вручены стипендии начинающим авторам. Стипендию имени Я. Ругоева получила студентка 5 курса факультета Прибалтийско—финской филологии и культуры Евгения Ареховская, а стипендию имени Р. Рождественского получил студент 1 курса Филологического факультета Владимир Захаров. Оба учатся в Петрозаводском государственном университете. (*Karjalan Sanomat*. — 2005. — 12. tammik. — S. 10).

В январе в Художественной школе Петрозаводска наградили победителей международного конкурса среди молодых журналистов и начинающих писателей

² Составитель выражает благодарность издательству «Периодика», предоставившему в условиях пандемии коронавируса PDF-версии газет *Oma Mua* и *Vienan Karjala*.

«XX век: время и мы». В конкурсе приняли участие жители Петрозаводска, Кеми, Пряжи, Фоймогубы, а также Норвегии и Германии. Победителей выбирали в четырех номинациях: «Роль искусства в современном мире», «Сохранение семейных и народных традиций», «Европа без границ» и «Легко ли быть молодым?». На конкурс поступило более 100 работ. В номинации «Сохранение семейных и народных традиций» были отмечены работы журналистки карельского радио С. Зааловой и корреспондента детского журнала *Kipinä* Н. Денисовой. В номинации «Роль искусства в современном мире» победила работа главного редактора газеты «Лицей» Н. Мешковой. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 26. tammik. — S. 11).

В конце января в г. Подпорожье Ленинградской области состоялась презентация художественного фильма «Армастан», показ которого прошёл в Доме культуры. Роль хозяина таинственной вепсской деревни сыграл поэт Н. Абрамов. (Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.)).

4 февраля фонд «Юминкеко» (Финляндия) представил в Петрозаводске в Центре национальных культур три новые книги: *Väinämöisen venehen jälki* («След лодки Вийнямёйнена») П. Пертту, выпущенную в серии «Классики литературы Карелии», сборник избранных песен Л. Параске *Pihvivene* («Воздушная лодка») и книгу хельсинкского писателя, профессора и художника—графика *Miehen elos* («Жизнь мужчины») Виктора Куусела. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. helmik. — S. 11; Oma Mua. — 2005. — 10. tuhuk.; Vienan Karjala. — 2005. — 10. tuiskuk.).

В начале февраля стартовал литературный конкурс для молодёжи до 25 лет, памяти М. Гокоева. Участники могут присылать стихи, рассказы, очерки, а также фото о родном крае. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. helmik. — S. 15).

15 февраля исполнилось 70 лет председателю Союза писателей Карелии, переводчику, литературному критику, поэту А. Мишину. Чествование юбиляра прошло в Республиканском центре национальных культур. (Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 92–96; Kipinä. — 2005. — N:o 2. — S. 2; Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11; 16. helmik. — S. 11; Oma Mua. — 2005. — 23. tuhuk.; Vienan Karjala. — 2005. — 10. tuiskuk.; 14. sulak.; Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.)).

27 февраля в Центре национальных культур Петрозаводска на годовом собрании Союза карельского народа состоялась презентация «Толкового словаря языка карельских причитаний» А. С. Степановой и романа А. Кунтиярви *Yhdessä ylettih* («Вместе вознеслись»), в переводе на карельский язык Р. П. Ремпуевой. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. maalisk. — S. 9; Oma Mua. — 2005. — 10. kevätk.; Vienan Karjala. — 2005. — 10. kevätk.).

28 февраля стартовал четвертый международный марафон «Калевальская мозаика», который продлится до 9 апреля. В этом году он посвящён 170-летию издания эпоса «Калевала». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. maalisk. — S. 3; Oma Mua. — 2005. — 10. kevätk.).

28 февраля на заседании комитета по делам национальной политики Республики Карелия было принято решение начать выпуск альманаха на карельском языке. На его страницах планируется публиковать произведения прозы, поэзии, эссе, очерки и рецензии. В состав редколлегии вошли Е. Барбашина, Е. Богданова, Р. Коломайнен, П. Леонтьев, А. Мишин, Р. Ремшпева и А. Волков. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 16. maalisk. — S. 14; Oma Mua. — 2005. — 10. kevätк.).

1 марта в Доме художника прошел вечер памяти поэта, журналиста и переводчика П. Воутилайнена, на котором выступили поэты О. Мошников, Н. Абрамов, А. Мишин, А. Валентик. (Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 143–145; Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. helmik. — S. 15; Kodima. — 2005. — N:o 3 (keväz'k.)).

4 марта в преддверии Международного женского дня в Петрозаводске открылась выставка-ярмарка «Мир женщины», на которой посетители могли познакомиться со сборником стихов «Вера. Надежда. Любовь». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 30. maalisk. — S. 12).

18 марта в Центре национальных культур г. Петрозаводска в рамках фестиваля «Калевальская мозаика» состоялась презентация поэтической книги Е. Якобсона *Mielentilat* («Состояния души», Петрозаводск, 2004). (Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 113–117; Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. maalisk. — S. 11; Oma Mua. — 2005. — 24. kevätк.).

18 марта в Музее изобразительных искусств в Петрозаводске открылась выставка работ В. Добрынина «След лодки Вяйнямейнена». (Oma Mua. — 2005. — 24. kevätк.; Vienan Karjala. — 2005. — 24. kevätк.).

19 марта в Пудостьской библиотеке Гатчинского района Ленинградской области состоялся семинар «Калевала и Ингерманландия», организованный О. Коньковой. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 9).

20 марта в Центре национальных культур прошёл праздник карельской песни «Ты мне мила...», на котором студенты Петрозаводского университета прошли стихи В. Брендоева. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. maalisk. — S. 9).

В марте объявлены получатели премии Республики Карелия в области искусства и литературы «Сампо», среди них писатели М. Мазаев и Т. Мешко. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. maalisk. — S. 10; Vienan Karjala. — 2005. — 9. kesäk.).

В марте в Художественном центре п. Лоухи прошли «Дни Калеваль». Учитель карельского языка Л. Вдовина собрала учащихся 1–9 классов на занятия, где они узнали о процессе создания эпоса, собирательских экспедициях Э. Лённрота и многом другом. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 30. maalisk. — S. 6).

В марте и апреле Миа Хамари — «Художник года» среди молодых иллюстраторов эпоса «Калевала» — демонстрировала свои работы на выставке

«На плечах Большой Медведицы». Конкурс проводился фондом «Юминкеко» (Финляндия). (Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. maalisk. — S. 10; 13. huhtik. — S. 10).

1 апреля на сцене Национального театра Республики Карелия состоялась премьера спектакля *Laukkurit* («Коробейники») по пьесе С. Кантерво. (Oma Mua. — 2005. — 14. sulak.; Vienan Karjala. — 2005. — 14. sulak.).

5 апреля в средней школе п. Кепа Калевальского района состоялся праздник, посвящённый 85-летию со дня рождения Народного писателя Карелии О. Степанова. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 20. huhtik. — S. 13).

10 апреля в Музыкальной школе г. Олонца прошёл конкурс «Тебе спасибо, родной берег», в котором приняли участие самодельные композиторы и художники. Они соревновались в трех номинациях: лучшая песня, лучшая песня для хора (на стихи карельского поэта В. Брендоева), лучшая картина. Конкурс проводился в рамках республиканского фестиваля им. В. Брендоева «Здесь родины моей начало...». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 15).

14 апреля в Петрозаводском госуниверситете прошёл литературный семинар, посвященный 100-летию со дня рождения Н. Яккола, на котором выступили декан факультета Прибалтийско-финской филологии и культуры Т. Старшова, основатель фонда «Юминкеко» (Финляндия) М. Ниеминен, преподаватель Л. Назарова, поэт А. Хийри. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 20. huhtik. — S. 9; Oma Mua. — 2005. — 21. sulak.; Vienan Karjala. — 2005. — 28. sulak.).

15 апреля копия отсканированного архива Э. Г. Карху была передана в Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Работа по обработке материалов выполнена сотрудниками фонда «Юминкеко» (Финляндия), где хранятся оригиналы тетрадей петрозаводского литературоведа. Также оцифрованная копия архива Э. Г. Карху находится в *Suomen Kirjallisuuden Seura* («Финское литературное общество»). (Karjalan Sanomat. — 2005. — 20. huhtik. — S. 9).

23 апреля подведены итоги конкурса «Книга года Республики Карелия 2004». В номинации «Лучшая книга для детей и юношества» среди лауреатов названы книги Н. Васильевой «Под созвездием Кассиопея» и А. Линевского «Листы каменной книги». В номинации «Лучшая книга на карельском, вепсском и финском языках» — «Толковый словарь языка карельских причитаний» А. С. Степановой и две книги из серии «Классики литературы Карелии»: сборник прозы П. Пертту «След лодки Вяйнямёйнена» и сборник поэзии Я. Ругоева «Камень в пороге». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 10; Oma Mua. — 2005. — 28. sulak.; Vienan Karjala. — 2005. — 28. sulak., 23. kesäk.).

25 апреля музей «Кижы» организовал однодневный семинар, посвящённый значению творчества Т. Рябинина в детском воспитании. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 27. huhtik. — S. 11).

25 апреля уже в третий раз фонд «Юминкеко» (Финляндия) провёл симпозиум, посвящённый известному рунопевцу А. Перттунену. В этом году с докладами выступили фольклорист М. Кемпинен и музыковед Т. Хоффрен. (Vienan Karjala. — 2005. — 12. orask.).

В апреле журнал *Carelia* («Карелия») провёл читательскую конференцию. (Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 32—41; N:o 10. — S. 3—5; Karjalan Sanomat. — 2005. — 27. huhtik. — S. 3).

В апреле корреспондент вепсской газеты *Kodima* («Родная земля»), поэт Н. Абрамов получил предложение из Ленинградской области сняться в художественном фильме с рабочим названием «Первобытные страсти». Режиссер П. Васильев. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 3; Kodima. — 2005. — № 5 (semendk.)).

1 мая исполнилось 90 лет со дня рождения Народного писателя Карелии А. Н. Тимонена. По этому случаю в родной деревне прозаика Луусалми, как и во всём Калевальском районе, были организованы различные торжества. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 18. toukok. — S. 6).

20 мая в издательстве Карельского научного центра РАН вышла книга «Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России», изданная при поддержке Канадского Фонда Гендерного Равенства. Составитель и научный редактор — доктор филологических наук Е. И. Маркова. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 13).

В мае в Национальной библиотеке Республики Карелия состоялась презентация книги А. Валентика «Страна как струна», в которую вошли произведения, как прошлых лет, так и новые, содержащие размышления о родной земле и судьбах ровесников поэта. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 25. toukok. — S. 10).

8 июня исполнилось 15 лет газете *Oma Maa* («Родная Земля»), выходящей на карельском языке. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 1, 3).

9 июня исполнилось бы 60 лет актеру, драматургу, автору карелоязычной пьесы «Спой песню, карел!» А. Нярья. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 11).

В июне была вручена премия «Сампо». В этом году ее получили прозаик Т. Мешко и театр «Творческая мастерская». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 10).

В июне в Музее изобразительных искусств Карелии открылась выставка «Мир древних рун» по мотивам эпоса «Калевала», на котором представлены работы Ю. Люкшина, Б. Акбулатова, М. Мечева и других. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 22. kesäk. — S. 10).

В июне известный грузинский режиссёр Георгий Кавтарадзе поставил в Драматическом театре Петрозаводска пьесу по мотивам произведения В. Шекспира «Сон в летнюю ночь». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 22. kesäk. — S. 10).

В июне в культурном центре «Юминкеко» г. Кухмо (Финляндия) открылась выставка, посвящённая д. Самбатукса Олонецкого района Карелии. Эта деревня знаменита как родина карельского поэта В. Брендоева. (*Oma Mua*. — 2005. — 23. kezäk.).

2–3 июля в родной деревне известного карельского писателя О. Степанова Хайколя прошёл литературный фестиваль «Родичи». В первый день состоялся семинар на тему: «Судьба народа в творчестве писателей Калевалы и Кайнуу (Финляндия)». Среди докладчиков участники из Петрозаводска, Калевалы и Суомуссалми (Финляндия). (*Carelia*. — 2005. — N:o 8. — S. 48; *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 6. heinäk. — S. 12; *Oma Mua*. — 2005. — 7. heinäk.; *Vienan Karjala*. — 2005. — 14. heinäk.).

9 июля в д. Большие Горы Олонецкого района Карелии состоялась презентация книги Трошин Зины (наст. имя Зинаида Красюк) *Oma maa: Karjala* («Родная земля: Карелия»). (*Oma Mua*. — 2005. — 21. heinäk.).

13 июля исполнилось 95 лет со дня рождения известного фольклориста, собирателя фольклора, учёного В. Я. Евсеева. (*Karjalan Sanomat*. — 2005. — 6. heinäk. — S. 11).

В июле в рамках проекта *Kotku lentäi koilta ilmoiin* («Летит орел с востока») исследователи Финляндии и Карелии посетили д. Паданы Медвежьегорского района Карелии. Ректор музыкального училища г. Кухмо (Финляндия) П. Хутту—Хилтунен и собиратели фольклора Т. Хоффрен, Я. Сеппянен и В. Миронова занимались изучением песенной традиции северных карелов. (*Oma Mua*. — 2005. — 21. heinäk.; *Vienan Karjala*. — 2005. — 23. kesäk.).

2 августа в д. Вокнаволок Калевальского района прошёл традиционный праздник «Ильин день», в рамках которого состоялся фестиваль «Калевала — детям». На литературном семинаре с докладом «Калевала» известная и незнакомая выступил поэт и переводчик А. Мишин. Декан факультета Прибалтийско-финской филологии и культуры Т. Старшова рассказала о творчестве Н. Яккола и его романе «Водораздел». Поэт О. Мишина прочла стихи на ливвиковском наречии карельского языка. (*Karjalan Sanomat*. — 2005. — 10. elok. — S. 9; *Vienan Karjala*. — 2005. — 11. elok.).

В начале августа в санатории «Белые ключи» в Петрозаводске прошёл международный литературный молодежный лагерь, в котором приняли участие 32 школьника из Швеции, Норвегии, Финляндии, Архангельской и Мурманской областей. (*Karjalan Sanomat*. — 2005. — 10. elok. — S. 13).

15–20 августа в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл) прошёл X Международный конгресс финно-угроведов. Делегация из Карелии состояла из десяти человек, среди них языковед, поэт и переводчик Н. Г. Зайцева и литературовед Н. В. Чикина. (*Oma Mua*. — 2005. — 8. süvüsk.; *Vienan Karjala*. — 2005. — 8. syysk.).

17–19 августа в Петрозаводске прошла вторая литературная мастерская, организованная ингерманландским обществом Карелии, на которой об ингерманландской литературе рассказал А. Мишин. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 24. elok. — S. 12; 14. syysk. — S. 9).

30 августа исполнилось 75 лет исследователю карельского фольклора А. С. Степановой. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 31. elok. — S. 8; Oma Mua. — 2005. — 25. elok.; Vienan Karjala. — 2005. — 25. elok.).

В августе на берегах Онежского озера закончились съемки художественного фильма «Первобытные страсти» по сценарию ленинградского писателя П. Васильева. Роль участкового милиционера майора Орлова сыграл журналист и поэт из Петрозаводска Н. Абрамов. (Kodima. — 2005. — № 7/8 (heink.). — S. 3).

1 сентября исполнилось 75 лет поэту М. Тарасову. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 31. elok. — S. 11; Kodima. — 2005. — № 9 (sügüz'k.)).

6 сентября в Олонце прошёл ежегодный литературный фестиваль «Здесь родины моей начало» им. В. Брендоева. (Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 50–53; Karjalan Sanomat. — 2005. — 14. syysk. — S. 10; Oma Mua. — 2005. — 8. süvüsk.; Vienan Karjala. — 2005. — 22. syysk.).

В начале сентября в выставочном зале музея—заповедника «Кижи» в Петрозаводске открылась экспозиция «Север России в творчестве Юрия Ушакова». Карельский философ и поэт Ю. Линник долгие годы собирал материалы по истории, культуре и архитектуре Севера России. В его коллекции также оказались работы и книги известного ленинградского учёного, архитектора и педагога Ю. Ушакова. (Oma Mua. — 2005. — 8. süvüsk.).

22 сентября в Национальной библиотеке Республики Карелия прошёл семинар, познакомивший читателей с современной литературой Финляндии, на нем выступили писательница М.-Л. Миккола и руководитель издательства *Enostone* Ю.-В. Нийникангас. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 21. syysk. — S. 11; Oma Mua. — 2005. — 15. süvüsk.; Vienan Karjala. — 2005. — 13. sajek.).

22 сентября исполнилось 75 лет собирателю фольклора, основателю Шелтозерского музея, писателю Р. Лонину. В шёлтозерской библиотеке юбиляра поздравили председатель Общества вепсской культуры З. Строгальщикова, языковед Н. Зайцева, поэт Н. Абрамов. (Kodima. — 2005. — № 9 (sügüz'k.)).

22–27 сентября в Петрозаводске прошёл первый театральный фестиваль народов Баренцева региона, который открыла пьеса в постановке Л. Стукалова «Липериада» по книге классика финской литературы М. Лассила «За спичками». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. syysk. — S. 10).

24 сентября исполнилось 75 лет Институту языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. (Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 60–80; Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.; Vienan Karjala. — 2005. — 13. sajek.).

В сентябре Кукольный театр Петрозаводска начал сезон с постановки спектакля «Кошкин дом» по произведению С. Маршака. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. syysk. — S. 11).

Со 2 октября в Музее изобразительных искусств Республики Карелия проводился курс лекций для детей и взрослых на тему «Калевалы». Сотрудник музея А. Дункерс рассказывала о деятельности Э. Леннрота, главных героях эпоса, их образах и подвигах. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 21. syysk. — S. 11).

6 октября Центральной детской библиотеке Петрозаводска было присвоено имя писателя В. Данилова. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 14; Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.).

6–9 октября в г. Оверторнио (Швеция) прошел литературный семинар Баренц—региона, в котором приняли участие писатели Карелии: поэт Н. Абрамов, прозаик и переводчик Х. Хидман и литературовед Е. Маркова, рассказавшая о женской литературе Севера. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 9; 26. lokak. — S. 10; Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.; Vienan Karjala. — 2005. — 13. sajek.; Kodima. — 2005. — № 10 (reduk.)).

В октябре в Петрозаводском госуниверситете уже в шестой раз прошла конференция «Бубриховские чтения», на которой об особенностях языка веписских причитаний рассказала О. Жукова. (Vienan Karjala. — 2005. — 27. sajek.).

В октябре в издательстве «Периодика» вышла книга П. Воутилайнена *Ruskaa ja tuskaa* («Печальной осени багрянец»). (Vienan Karjala. — 2005. — 27. sajek.).

5 ноября в Социально—культурном центре г. Подпорожья Ленинградской области состоялся премьерный показ художественного фильма «Первобытные страсти» режиссёра Д. Гридина по сценарию П. Васильева, одну из ролей в котором сыграл веписский поэт Н. Абрамов. (Vienan Karjala. — 2005. — 10. pimek.; Kodima. — 2005. — № 10 (reduk.)).

14 ноября в Краеведческом музее г. Петрозаводска подвели итоги конкурса «Онежская маска» театрального сезона 2004–2005 годов. В номинации «Лучший спектакль» победу одержала постановка «Коробейники» Национального театра Республики Карелия по пьесе С. Кантерво. (Oma Mua. — 2005. — 17. külmük.; Vienan Karjala. — 2005. — 24. pimek.).

17 ноября в Выставочном зале Карельской государственной филармонии прошла презентация книги веписского поэта и переводчика Н. Абрамова «*Pagiskam, vel'!*» = Поговорим, брат», на которой выступили поэты М. Тарасов, О. Мошников, В. Агапитов и Н. Зайцева. (Oma Mua. — 2005. — 24. külmük.; Vienan Karjala. — 2005. — 10, 24. pimek.; Kodima. — 2005. — № 10 (reduk.), № 11 (kül'mk.)).

В конце ноября литературную премию Общества Кастрена (Финляндия) получил переводчик на финский язык Т. Вяйсянен. Эксперты высоко оценили его переводы повестей Г. Фукса «Двое в барабане» (2003) и «Калевальская волчица»

Я. Жемойтелите (2004). (Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. jouluk. — S. 9; Vienan Karjala. — 2005. — 22. talvik.).

В ноябре — декабре в Карельской государственной филармонии экспонировалась фотовыставка известного петербургского фотографа В. Плотникова «Четверть века без Высоцкого», на которой были представлены как отдельные снимки, так и материалы фотосессий. (Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.)).

18 декабря на праздновании Рождества в Центре национальных культур г. Петрозаводска со своими стихами на финском языке выступил поэт А. Мишин. Также он прочитал стихи О. Мишиной на карельском языке. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 21. jouluk. — S. 9).

Указом Президента России В. В. Путина поэт и переводчик А. Мишин награждён Орденом «Дружбы». (Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. jouluk. — S. 3; Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.)).

В этом году стипендию имени Я. Ругоева получила студентка третьего курса факультета Прибалтийской филологии и культуры К. Коротких, а стипендию имени Р. Рождественского — Р. Баландин — аспирант кафедры русской литературы. Оба — учащиеся Петрозаводского госуниверситета. (Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. jouluk. — S. 10).

Литературные страницы печатала республиканская газета *Karjalan Sanomat* (12. tammik. — S. 11; 2. helmik. — S. 11; 6. maalisk. — S. 11; 6. huhtik. — S. 11; 4. toukok. — S. 11; 1. kesäk. — S. 11; 6. heinäk. — S. 11; 10. elok. — S. 11; 7. syysk. — S. 11; 5. lokak. — S. 11; 9. marrask. — S. 11; 7. jouluk. — S. 11).

За год вышло 12 номеров журнала *Carelia* («Карелия»).

Рец.: Kolomainen R. Lehti peilaa itsestään lukijoissa // *Carelia*. — 2005. — N:o 7. — S. 32–41; Kolomainen R. Silta kirjallisuutemme tulevaisuuteen // *Carelia*. — 2005. — N:o 10. — S. 3–5; Inina J. Täytykööt toiveet ja haaveet // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 12. tammik. — S. 12; Inina J. Rauha, rakkaus ja perhesopu elämän perusarvoina // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 16. helmik. — S. 12; Inina J. Kalevala puhuttaa, mietityttää, innoittaa // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 23. maalisk. — S. 12; Hidman I. Nainen on elämän kantava voima // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 6. huhtik. — S. 12; Vähäsarja I. *Carelia*—lehti elää lukijoistaan // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 27. huhtik. — S. 3; Hidman I. Suomensukuiset kansat pohdinnan aiheena // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 29. kesäk. — S. 12; Hidman I. Eliitti ja kansalaiset: kumpi vie, kumpi vikisee // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 3. elok. — S. 12; Hidman I. Ei muutoksia ilman valtaoikeuksia // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 14. syysk. — S. 11; Hidman I. Mihin tähtää nykyinen uudistusprosessi? // *Karjalan Sanomat*. — 2005. — 12. lokak. — S. 11.

За год вышло 12 номеров журнала “Север”.

За год вышло 12 номеров журнала “Kipinä” («Искорка»).

Arv.: Veikkolainen I. Kipinä saa uusia lukijoita // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. maalisk. — S. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Отдельные издания

На финском языке

Stepanov O. Koetus korpikylässä. — Petroskoi : Verso, 2005. — 206, [1] s.

Arv.: Mishin A. Sodan mielettömyyttä korpikylän koetuksessa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. heinäk. — S. 11.

Voutilainen P. Ruskaa ja tuskaa: runoja / [toim. M. Telkkinen ja A. Mišin]. — Petroskoi : Periodika, 2005. — 152, [5] s.: kuv.

Arv.: Kolomainen R. Sie palasit // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 75–79; Timonen Ar. Abramovilla Muza čuhuttau // Vienan Karjala. — 2005. — 24. pimiek.; В последнюю осень уходят поэты... // Kodima. — 2005. — № 10 (reduk.).

На русском языке

Абрамов Н. Поговорим, брат: [сборник стихотворений]. — Петрозаводск : Периодика, 2005. — 110 с.: ил.

Arv.: Puhukaamme, veli // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 11; Mironova V. Pienen rahvahan runoilii // Oma Mua. — 2005. — 24. külmük.; Разговор с братом // Kodima. — 2005. — № 10 (reduk.); Мошников О. Из древнего племени Весь // Kodima. — 2005. — № 11 (kül'mk.).

Бапнин Ю. Каждому что—то отмерено...: стихи, повесть. — Петрозаводск : КГПИУ, 2005. — 78 с.: портр.

Arv.: Gin J. Juri Bašninin runot ja runomuotoinen novelli // Carelia. — 2005. — N:o 11. — S. 132–133; Juri Bashninin sota // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 11.

Валентик А. Страна как струна: кн. стихов. — Петрозаводск : Периодика, 2005. — 175 с.: портр.

Arv.: Runoilija Valentik esitti uuden kokoelmansa / MN // Karjalan Sanomat. — 2005. — 25. toukok. — S. 10.

Гребенщиков Н. Яблоки Елабуги: (Моление о Марине [Цветаевой]): поэма. — Беломорск: [б. и.], 2005. — 42, [1] с.: ил.

Arv.: Titova T. Nikolai Grebenshtshikovin runoilta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 6.

Дюжев И. И. Письма с Карельского фронта, 1941–1942 / сост. Ю. И. Дюжев. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. — 153 с.

Arv.: Čikina N. Sovan arkielämä majori D’uževin kirjasissa // Vienan Karjala. — 2005. — 28. heinäk.

Фукс Г. Синдром Катеньки: повесть / [предисл. А. Мишина; худож. Г. Чиквадзе]. — М.: Биоинформсервис, 2005. — 207 с.: ил.

Arv.: Mishin A. Venäjän iänikuinen ongelma // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. jouluk. — S. 11.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

На финском языке

Ensimmäinen runo: (Katkelmä Vanhasta Kalevalasta) // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11.

Ervasti V. Taaksepäin enää ei askeltakaan: runo // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 6–7.

Helo L. Kevät vuonna 1942: runo // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 6; Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 12.

•Armaalle; Sinä luokseni tulet...: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. maalisk. — S. 11.

•Karjala (katkelma): kertomus // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 11.

•Petroskoille: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 11.

Hiiri A. Rakastavaisen haave; Sade; ”Saattaa olla sellaisiakin...”; Suomen kieli: runoja // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 86–87.

•Rakastavaisen haave: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 16. helmik. — S. 12.

•Inkerinmaa: runo // Vienan Karjala. — 2005. — 10. tuiskuk.

Hämäläinen J. Uhtuan kulttuuritalo: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11.

Ivanov A. ”Vuokkiniemi, mun kotini...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 29. kesäk. — S. 12.

Jaakkola N. Pirttijärven rantamilla: [katkelma romaanista] // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 94–131.

•Selville vesille: (katkelma) // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 11.

Jakobson E. Uutta rock—lyriikkaa II: Sanat; Kaksintaistelu III; Monologi; Nukkekot; Sekakäyttäjät; Lännen valot; Kaupunki; Ystävät: runoja // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 58–62.

•Jeesuksen rukous; De Fresnes; Santra II: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 18. toukok. — S. 11.

Kettunen A. Onko vieraantuminen aina pahaki?: Essee // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 134–135.

•”Olen hämähäkki...”; ”Tänään olen jo kiivennyt Everestin huipulle...”; ”Viimeinen ovi suljettiin...”; ”Muistot kaatavat jyvää...”; ”Pieni saari valtameressä...”; ”Talveni mennyt...”; Vatsakummun laulu: runoja // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 126–129.

Korotkih K. ”Pudotin kiven hylättyyn kaivoon...”; ”Ovien narina herättää minussa...”; ”Kahleista tuskin voi irti päästä...”: runoja // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 133.

•Metsä; Talvirukous; ”Mitä pyytaisn joululahjaksi...”; Aika; Jouluk: runoja; Leipuri: novelli // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 130–135.

•”Ovien narina herättää minussa...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 12.

Korvela K. Ohhoh kultaista kotia: [muistelmia] // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 105–117.

Laine N. ”On sotamiehen onni oikukasta...”: runo // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 8.

•Tuisku: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 11.

•Hannele: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. maalisk. — S. 11.

•Puolukkarinteellä: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 11.

Mashin A. ”Karjalan Sanomat vuosia täyttää...”: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 12.

Mihejeva M. Vene on laskettu vesille: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11.

Mishin A. ”Usein erotan tuttuja kasvoja...”; ”Tätä tietä vaelsi jalkaisin...”; ”Aivan aamusta asti...”; ”Kävelemme Karkkilaan päin...”; ”Pusulasta Karkkilaan...”; ”Karkkilan kaupungissa...”; ”Sinä puolustit, Jaakko...”; ”Homehtunut...”; ”Olen tullut maailmaan...”: runoja // Carelia. — 2005. — N:o 2. — S. 6–9. Carelian numerossa runot on erehdyksestä pantu Päivi Nenosen nimiin.

•Lönnrotin matkaa kuvitellen: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 16. helmik. — S. 11.

Mishina O. Sodanaikainen muisto äidistä: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 12.

Nikolajeva J. ”Vaimo ei kenenkään...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 12.

Pahomov M. Tasavallan päivänä: runo // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 57.

- Perttunen M. Vellamon neito: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 11.
- Perttunen T. Laulun synty: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11.
- Väinämöisen laivaretki; Tulen synty: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. heinäk. — S. 11.
- Pöllä P. Surut: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.
- Rugojev J. Sukupolven tie: runo // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 7; Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 12.
- Silmät armaat sinisenharmaat: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. maalisk. — S. 11.
- Stepanov O. Kotikunnan tarina: (katkelma 1. osasta) // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 11.
- Koetus korpikylässä: (Katkelma) // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. heinäk. — S. 11.
- Summanen T. “On ensi lumen odotusta...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 11.
- ”Käy äidillä vieraissa silloin...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. maalisk. — S. 11.
 - Maa: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 11.
- Svaikina Ž. Sisko: kertomuksia // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 10–18.
- Timonen A. Kurorttimatka: kertomus // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 11.
- Vaskina J. Kivi kasvaa. Talo hengittää...: [Kuvaus] // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 80–85.
- Vikström T. Nukke: kertomus // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 136–140.
- Vikström U. Kiitos Sinulle, luminen Lappi: katkelma kuvausta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 11.
- Voutilainen P. Olen iänikuinen rakkaus: Katkelma minirunoelmasta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 11.

На карельском языке

- Aleksejeva K. Hetti: runo // Oma Mua. — 2005. — 19. orask.
- Rikas randaine: runo // Oma Mua. — 2005. — 23. kezäk.
 - Elävät zirkalot: runo // Oma Mua. — 2005. — 28. heinük.
- Brendojev V. ”Talvi taputtelou jalgoi...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 11.
- ”Azu moine čuudo...”: runo // Oma Mua. — 2005. — 10. tuhuk.

- Michen mustelmat: runo // Oma Mua. — 2005. — 5. orask.
- ”Minä jaksan jälgimäžen pajan...”; “Ammuigo? Vastevai mulloi...”; Anusrandaine: runuo // Oma Mua. — 2005. — 8. süvüsk.
- ”Kunne lienöü huškahtih...”: runo // Oma Mua. — 2005. — 29. süvüsk.
- Častuškua / keräi L. Jevsejeva // Oma Mua. — 2005. — 1. talvik.
- Dubinina Z. Myö olemmo: runo; Ristikanzu da koiru: kerdumus // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 157–159.
- Huvä eliä omal mual; Sana talves da mečas: runuo // Oma Mua. — 2005. — 23. tuhuk.
- Tule rinnale: runo // Oma Mua. — 2005. — 28. sulak.
- Ainavo musto: runo // Oma Mua. — 2005. — 5. orask.
- Kevät matkas; ”Kevät vuotettu tuli...”: runuo // Oma Mua. — 2005. — 26. orask.
- Midä ielleh: runo // Oma Mua. — 2005. — 2. kezäk.
- Ižändäzet – emändäzet: kerdumus // Oma Mua. — 2005. — 9. kezäk.
- Anus; Kezäl Anukses: runuo // Oma Mua. — 2005. — 30. kezäk.
- Keziä kaimates: runo // Oma Mua. — 2005. — 25. elok.
- Sügüzü; ”Harmai taivas, harmai järvi...”; ”Nuoret mielet on moizet...”; ”Olles vierahal rannal...”; Muarjah: runuo // Oma Mua. — 2005. — 15. süvüsk.
- ”Kuldaine val’si...”: runo // Oma Mua. — 2005. — 27. ligak.
- Elä ainos; Kurrelline aigu: runuo // Oma Mua. — 2005. — 3. külmük.
- Hallu: runo // Oma Mua. — 2005. — 8. talvik.
- Kuspäi tullah pajot?: runo // Oma Mua. — 2005. — 15. talvik.
- Hüviä Uuttu Vuottu!: runo // Oma Mua. — 2005. — 29. talvik.
- Jevsejeva L. Karjalastu sananpolvie // Oma Mua. — 2005. — 17. külmük.
- Kallis nahku; Tuohisiivet; Piiterih käyndy; Uuzi veneh; Tobju koivu; Mužikku kadoi; Tiedoiniekkku: kaskuja // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 67—71.
- Karjalaine: runo // Oma Mua. — 2005. — 14. sulak.
- Karjalan sananlaskut / keräi A. Demojeva // Oma Mua. — 2005. — 13. pakkask., 3. tuhuk.
- Karjalastu sananlaskuu / keräi A. Demojeva // Oma Mua. — 2005. — 11. elok.
- Kemppažen R. Palavu suvaičus: kerdumus // Oma Mua. — 2005. — 20. ligak.
- Kibrojeva A. Rahvahalline balluadu // Oma Mua. — 2005. — 7. heinük.
- Kontie ta tijani: (Karjalaini starina) // Vienan Karjala. — 2005. — 28. sulak.; 12. orask.
- Kudžijeva R. Kodžat tullah: ozutelmu // Oma Mua. — 2005. — 20. pakkask.
- Kui Iivan kävüi naimah: suarnu // Oma Mua. — 2005. — 11. elok.
- Legenda Pyhästä Miikkulasta // Vienan Karjala. — 2005. — 22. talvik.
- L’ovkin I. Ongo kaunis Karjala: runo // Oma Mua. — 2005. — 13. pakkask.

- Mihejeva M. Kurki ta vanhapiika: starina // Vienan Karjala. — 2005. — 26. orask.
- Ukko, akka ta orava: starina // Vienan Karjala. — 2005. — 9. kesäk.
 - Hukka ta repo kuomakset: starina // Vienan Karjala. — 2005. — 25. elok., 8. syysk.
- Mišina O. Voinan ielline kuva; Voiton iellizet päivät: runuo // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 145–147.
- Kevät; Keviän kuvat: runuo // Oma Mua. — 2005. — 28. sulak.
 - Pruazniekku Vuokkiniemes; Koufein juondu: runoja // Vienan Karjala. — 2005. — 25. elok.
 - ”Uuzi pajo, ku juakkuri keskijärvel lykätty...”: runo // Vienan Karjala. — 2005. — 24. pimiek.
- Nikiforova A. Tuhkimus—neidine: suarnu // Oma Mua. — 2005. — 3, 10. kevätäk.
- Pahomovan M. Tazavaldan päiv: runo // Oma Mua. — 2005. — 9. kezäk.
- Starin Kuudman därvehe niškuu: Suarn // Oma Mua. — 2005. — 28. heinük.
- Pappi da suari: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 1. süvüsk.
- Perttu P. Meččäpirtillä: kertomus // Vienan Karjala. — 2005. — 13, 27. tammik.; 10, 23. tuiskuk. — Jatkoa. Alku vuonna 2004 n:ssa 23.
- Perttuni T. Ei sitä vielä surmaksi suutittu: kuvaus // Vienan Karjala. — 2005. — 11. elok.
- Saveljeva Z. Minä mustan...: Voinanaigaine lapsestus // Oma Mua. — 2005. — 28. sulak.; 5, 12. orask.
- Buabal: runo // Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.
- Savin I. Sildu: kuvaus // Carelia. — 2005. — N:o 2. — S. 155–158.
- Roindurandu; ”Meččyrannas peldoine...”; Pedäjät; ”Vihmat millo avvutettih eliä...”; Midä minä suvaičen; Lumi; Syvysehty; ”Tiijustannen huomei...”; ”Žiälöičen dai vihuan...”; Talvi keviän iel: runuo // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 155–159.
- Naizile; Koivu ikkunan ual; Karjalan kieli; Astuin viele; Anuksen rannoil: runuo // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 149–151.
- Muaman mustokse: runo // Oma Mua. — 2005. — 3. kevätäk.
 - ”Omua Muadu lugies...”: častuškat // Oma Mua. — 2005. — 12. orask.
- Seiččemen höperyö Simanua: Marija Mihejevan starinoja // Vienan Karjala. — 2005. — 8. talvik.
- Semjonov P. Ustoin uarreh: kerdomus // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 158–159.
- Vastukavaine akku: Zuakkun // Oma Mua. — 2005. — 17. tuhuk.
 - Voinan kajahtus: kerdomus // Oma Mua. — 2005. — 5. orask.
 - Tüppies: kerdomus // Oma Mua. — 2005. — 1, 8. süvüsk.
 - Miärüvehkeh kerdomus // Oma Mua. — 2005. — 29. süvüsk.
 - Mihailan nuorus: kerdomus // Oma Mua. — 2005. — 3, 10, 17, 24. külmük.
 - Ristižän lahju: Nuorusaijan tapahtumu // Oma Mua. — 2005. — 15. talvik.

- Suarnu Ozas // Oma Mua. — 2005. — 6. ligak.
- Ščerbakova T. Pedrun ildu: kerdumus // Oma Mua. — 2005. — 15, 22. süvüsk.
- Tiedoiniekkku: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 18. elok.
- Tijani ta mies: (karjalaini starina) / Kert. S. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2005. — 14. sulak.
- Treskina Z. Častuškat // Oma Mua. — 2005. — 12. orask.
- Uljanova T. Častuškua // Oma Mua. — 2005. — 14. sulak., 11. elok.
- Varis ta repo: Marija Mihejevan starinoja // Vienan Karjala. — 2005. — 10. pimiek.
- Veikki V. Minä ammui en näi tähtii: Myös talvi; Kažin huoli; ”Piädy alah älä heitä...”; Lukus; ”Minä ammui en näi tähtii...”; Kegäleh; Kukkaro; Aktoruno; Mättähän tuan; ”Ihalmos vihmu...”; ”Ei suo pahuo azuo...”: runuo // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 141–144.
- ”Keviän küünäl muaman...”: runo // Oma Mua. — 2005. — 3. kevätk.
 - ”Ihalmos vihmu...”; ”Minä ammui en näi tähtii...”: runuo // Oma Mua. — 2005. — 23. kezäk.
 - ”Aunus minun – armas kodi...”: runo // Oma Mua. — 2005. — 7. heinük.
 - Sügüzün runot // Oma Mua. — 2005. — 29. süvüsk.
 - ”Terväh vieröü kondii muata...”; ”Keräilöü tuuli tukkuloih lehtet...”: runuo // Oma Mua. — 2005. — 20. ligak.
 - Hengi: runo // Oma Mua. — 2005. — 8. talvik.
- Viizas saldattu: suarnu / saneli K. Mitrofanova // Oma Mua. — 2005. — 23. tuhuk.
- Vot oli kummua...: Pajo // Oma Mua. — 2005. — 17. tuhuk.
- Volkov A. Elä, Karjal!; Muailman kirikkö; Tuliruno; Joga päivy on hyvä; ”Tuhat tuhanzii tähtii...”; ”En musta, mindäh egläi itkiin...”; Udruniemi; Filosofii: runuo // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 146–150.
- Časounan kelloine kuuzikos kuuluu...; Heinykuun yö; Pimien tytär; Oman itkun kel; Kallivo; Lendäjät vuvvet; Elokuun vihmu; Muaman sanat; On minul vihua: runuo // Carelia. — 2005. — N:o 11. — S. 154–159.
 - Elä, Karjal!: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 12.
 - Časounan kelloine kuuzikos kuuluu...: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 14. jouluk. — S. 12.
 - Filosofii; Muailman kirikkö: runuo // Oma Mua. — 2005. — 21. sulak.
 - Karjalan rahvahan pajo // Oma Mua. — 2005. — 2. kezäk.
 - Udruniemi: runo // Oma Mua. — 2005. — 7. heinük.
 - Heinükuun üö: runo // Oma Mua. — 2005. — 28. heinük.
 - Kallivo; Oman itkun kel: runuo // Oma Mua. — 2005. — 18. elok.
 - Elokuun vihmu: runo // Oma Mua. — 2005. — 25. elok.
 - On minul vihua: runo // Oma Mua. — 2005. — 29. süvüsk.

- Runo tulel // Oma Mua. — 2005. — 20. ligak.
- Täs: runo // Oma Mua. — 2005. — 24. külmük.
- Lendäjät vuvvet: runo // Oma Mua. — 2005. — 15. talvik.
- Siämärven val'si: runo // Oma Mua. — 2005. — 22. talvik.
- Talvi: runo // Oma Mua. — 2005. — 29. talvik.

На вепсском языке

Abramov N. "Mikš minä elän, mikš?..": runo // Vienan Karjala. — 2005. — 24. pimiek.

- Tal'ven runod // Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.).

Jeršova S. Nor' murzei: sarn / S. Jeršova, O. Žukova // Kodima. — 2005. — № 7/8 (heink.). — S. 6.

Zaitseva N. Vauktan unen süles: Unes lendan mä...; Vauktan unen süles; Tämbei uniš sindai nägin, armaz; Mä varastan kezad; Keza om lähen; Mä lendaižin meriden taga; "Minä keradan keraha holed..."; Minun tütrele; Miččed pimedad sügüzen ehtad; Päskhaižen pajo; Elon idu; Oh kodirandan koivut vauged: runod // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 144–150.

- Vauktan unen süles; Elon idu; Unes lendan mä...; Mi om elon jüvä?: runod // Kodima. — 2005. — № 3 (kevaz'k.).

Tark poig; Toi poig mamale razvavazan: starinad // Kodima. — 2005. — № 7/8 (heink.). — S. 6.

На русском языке

Абрамов Н. «Жизнь — мгновенье...»: стихи // Kodima. — 2005. — № 3 (kevaz'k.).

Башнин Ю. Зимний лес: стихи // Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.).

Конанов Б. «Козье молоко и пятак» или «Как в Киндасове базар образовался» // Kodima. — 2005. — № 3 (kevaz'k.).

Мишин А. «Ингерманландцы! Мои земляки...»: стихи // Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.).

Мошников О. Крохи: Памяти Пааво Воутилайнена: стихи // Kodima. — 2005. — № 3 (kevaz'k.).

- На реке Чернильнице: стихи // Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.).

Силина Е. Новый год: стихи // Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.).

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

На русский язык

Абрамов Н. Колдунья; Глухаринные песни; Поэзия: стихи / пер. О. Мошников // Kodima. — 2005. — № 11 (kül'mk.).

На финский язык

Abramov N. Vepsänmaa; Rukous: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 11.

Ar—Sergi V. ”Rakkaus, rakkaus...”; ”Oi, aja minut kauemmaksi pois...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 135–136.

•”Oi, aja minut kauemmaksi pois...”: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 29. kesäk. — S. 12.

Bashnin J. Kirjeet; ”Kauhea, kavala ja musta...”: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 11.

Blok A. Venäjä; Rautatiellä; ”Tsaari, Siperia, Ermak ja vankila...”; Uusi Amerikka; Haarahaukka: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 6–11.

•Haarahaukka: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 11.

Fet A. ”Koivu ja tammi. Oppia voit noilta...”; ”Ikkunain luona sokea...”; Rautatiellä; ”Tuoksuva kevään huuma vielä...”; Mehiläiset; ”Tulin tervehtimään taloon...”; ”Taas syksypäivän koite kolea...”; ”Näky lumoava...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 6–9.

•”Koivu ja tammi. Oppia voit noilta...”: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 3. elok. — S. 12.

Gusarov D. Korpi ei tunne armoa: (katkelma) / suom. L. Holm // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. syysk. — S. 11.

Guštšin B. Kahdestaan sateessa; Lohduttajan kypsyys: kertomuksia / suom. J. Hidman // Carelia. — 2005. — N:o 11. — S. 8–22.

Ignatov S. Kärpänen: novelli / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 7–49.

Inber V. Voitto: runo / suom. A. Äikiä // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 43–44.

Isajeva J. Ensimmäinen mies: [näytelmä] / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 58–80.

Ivanov An. Luonnonpuisto, pyhä maa: Vuokkiniemi, mun kotini; Luonnonpuisto, pyhä maa: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 113–114.

Kirjushina L. Allekirjoitus kirjaan; ”Ilosta kiitän kevätaikaa...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 7.

• “Vaietaan minusta...”; “Taas talvi emäntänä hyörii...”: runoja // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 12.

Kostin I. ”Kevättä odottava maa”: Vanha peili; ”Alhaalla lumi. Nukkuu siellä...”; ”Koiranilma, kelirikko, hämäryys...”; ”Kotikyläni tulee uneen...”; ”Kamarisi on siisti ja valoisa...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 6–8.

• ”Kevättä odottava maa”: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 12.

Kravtshenko B. Tapaaminen: (katkelma) / suom. I. Hännikäinen // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. syysk. — S. 11.

Leontjev P. Akonlahden kylän viimeiset päivät: kertomus / suom. J. Hidman // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 72–94.

Leskov N. Vasuri: (Katkelmä) / suom. L. Grönlund // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.

Lezinski M. Sota on sellaista...: kertomus / suom. A. Mašin // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 144–150.

Meshko T. Noita se on: Kaksiosainen romaani / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 7–59; N:o 2. — S. 47–119.

• Noita se on: (Katkelmä) // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 11.

Mišina O. Sodanaikainen muisto äidistä: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 6.

Moshnikov O. Palomiehen juttuja: Kaunotat ja palomies; Kyllä se hääpäivään mennessä paranee; Pieleen mennyt yritys; Mietteitä; Tšerkesskin erikoisjoukkojen arkea; Neuvokas sotamies; Siveyttä sekin; Paloauton kuljettaja SANYTŠ: kertomuksia / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 115–124.

• Savu; ”Metsänisäntä haperoin alla...”; ”Lapsuus, lapsuus. Paju hoikka...”; ”Miten veljeni, menevä viinaan...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 88–89.

• ”Lapsuus, lapsuus. Paju hoikka...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 12.

Nikolajeva J. ”Vaimo ei kenenkään...”: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 8.

Novikov D. Kiusaus; Tyylin synty: kertomuksia / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 10–22.

Pekki J. Legenda kapteeni Saxellista: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 80.

Pietiläinen J. ”Koskaan enää en palaa, en...”: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 8–9.

Rudanski S. ”Lennä Ukraina, oi tuuli...”: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 157; Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 11.

Severjanin I. Kuninkaan pilkka; Runo Moskovasta; Teillä Maan päällä; Kaikki ne puhuvat samaa; Hän se on; Ja hän nukkuikin nuorena; ”Sattuma ohjaa kohtaloita...”; Orkidea: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 11. — S. 23–26.

•Hän se on: runo // Karjalan Sanomat. — 2005. — 14. jouluk. — S. 12.

Simonov K. Odota, niin palajan...; Maine: runoja / suom. A. Äikiä // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 41–42.

•Odota, niin palajan...: runo / suom. A. Äikiä // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 12.

Soini H. ”Keittiö...”: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 9.

•Jää Biarmiaan: Kaksiosainen näytelmä / suom. T. Ahava // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 123–155.

Spiridonov A. Jugorno: Marien eepos: Alkulaulu / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 140–143.

Surkov A. Divisioonat marssivat länteen; Punertaa kajo kauhea...; ”Kun sukupolvet tulevat...”: runoja / suom. A. Äikiä // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 39–40.

Sysoikov M. Odotus; ”Oi viini kirpaiseva, viini verraton...”; ”Runoja luen. Ovat kylmät liian...”; Peredelkino: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 11. — S. 93–95.

•Perinnönsaajille: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 11.

Trofimov F. Korppuja ja seteleitä: (Katkelma) // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 11.

Tšerepanov N. Kivet tien varrella: kertomus / suom. N. Nordberg // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 63.

Urajeva I. Leikitäänkö siilileikkiä?: kertomus / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 41–43.

Utkin J. Pakolaiset; Sisar: runoja / suom. A. Äikiä // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 42–43.

Valentik A. ”Olemme oppineet tuhoa manaamaan...”; ”Oi jumalaton maamme...”; Kirkossa: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 47–48.

•Kirkossa: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 3. elok. — S. 12.

Vasiljeva N. Sellaista on elämä: Neljas osa / suom. L. Kolomainen // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 56–66: Novellin alkuosat julkaistiin Careliassa 1/2001 ja 10/2002.

Veresov D. Zweigin varjo: kertomus / suom. J. Hidman // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 49–54.

Vysotski V. Hevosia nirsoja: runoja / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.

На карельский язык

Andilahan ruutat: Suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2005. — 1. talvik.

Bunin I. Pimiet kävelykujot: kerdomus / kiänd. L. Markianova // Carelia. — 2005. — N:o 12. — S. 148–151.

Čehov A. Humalniekan pakina pirun kera: kertomus / kiänt. M. Vlasova // Vienan Karjala. — 2005. — 12. orask.

Kravčenko B. Muaman kirjaine: kerdomus / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2005. — 19. orask.

•Huondes: kerdomus / kiänd. Vas. Ivanov // Oma Mua. — 2005. — 14. heinük.

Rubtsov N. Talvipajo / kiänd. I. Suavan // Oma Mua. — 2005. — 17. tuhuk.

Rudanski S. ”Hengiä Ukrajinah, tuuli...”: runo / kiänd. V. Brendojev // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 156.

Šestlov J. Vanhu nägemine; Torum: runuo / kiänd. A. Volkov // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 138–139.

•Huondes; Valan sanan: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2005. — 3. tuhuk.

Zoščenko M. Uvven Vuvvenke: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 13. pakkask.

•Suvaičus: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 10. tuhuk.

•Limonuadu: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 3. kevätk.

•Leikkavus: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 17. kevätk.

•Pohjal: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 7. sulak.

•Kaži da rahvas: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 23. kezäk.

•Paras huogavo: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 21. heinük.

•Vägevü keino: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 11. elok.

•Igävät silmät: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.

•Ozavu lapsestus: kerdomus / kiänd. P. Sem’onov // Oma Mua. — 2005. — 8. talvik.

Tarhanov A. Jürül ristindü: runo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2005. — 10. kevätk.

• Vetropaula; ”On süväin sanua juno pitkü...”; ”Miun silmät on taivahas kiini...”: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2005. — 17. kevätk.

Veikki V. Veroi: kedomus / kiänd. M. Viglijeva // Oma Mua. — 2005. — 20, 27. ligak.

Vella (Aivaseda) J. Valgiet iänet: runo / kiänd. A. Volkov // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 137–138.

Üheksä vellie da sizär: Suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2005. — 24, 31. kevätk.

На вепсский язык

Rudanski S. ”Puhu döloi Ukrainale...”: runo / känd. R. Lonin // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 157.

Silakova N. Padanik; Mina: kedomukset / känd. M. Ginijatullina // Kodima. — 2005. — № 4 (sulak.).

Zošcenko M. Sapkaižed: kedomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.).

• Holekahad mehed: kedomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2005. — № 5 (semendk.).

• Irdaline azj: kedomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2005. — № 9 (sügüz’k.).

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На финском языке

Kyhälä—Juntunen K. Miten jänö talvehtii?: runo // Kipinä. — 2005. — N:o 1. — S. 3.

Pöllä P. Lepakko ja Kana: satu // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.

Šapiro T. Rauha: laulu / säv. D. Tsvibel // Kipinä. — 2005. — N:o 11. — S. 3.

На карельском языке

Mišina O. Ruskei zor'aïne. — Petroskoi: Periodika, 2005. — 31 s.: kuv.

Arv.: Čoma kniigu lapsile // Oma Mua. — 2005. — 22. talvik.; Timonen Ar. Lapset suatih lahjaksi kirja // Vienen Karjala. — 2005. — 22. talvik.; Zaiceva N. Kirjpaličal // Kodima. — 2005. — № 12 (tal’vk.).

* * *

Antonova N. Sogei Semoi; Piäsközet; Keittäi: runuo // Oma Mua. — 2005. — 27. pakkask.

•Keittäi; Sogei Semoi; Tüönämmö pläšniä: runuo // Oma Mua. — 2005. — 9. kezäk.

•Piäsközet; Tīpa—kanaine; Vuotan mamii; Ajammo junal; Čirih!: runuo // Oma Mua. — 2005. — 16. kezäk.

•Tütti Katti; Uinotuspajoine; Ken midä maltau?; Vas'ka; Häkkine; Kottaraine; Üksi, kaksī, kolme: runuo // Oma Mua. — 2005. — 4. elok.

Arvua arvautukset // Kipinä. — 2005. — N:o 4. — S. 12–13.

Brendojev V. Se on sügüzü: laulu / muuz. L. Olešova // Kipinä. — 2005. — N:o 9. — S. 3.

Brendojeva M. Arbua // Kipinä. — 2005. — N:o 11. — S. 10–11.

Dubinina Z. Ainavo musto: laulu / muuz. L. Olešova // Kipinä. — 2005. — N:o 5/6. — S. 3.

•Sinine Peldoine: kedomus // Oma Mua. — 2005. — 28. heinük.

•Kasta vastu: kedomus // Oma Mua. — 2005. — 4. elok.

Gorškova E. Kažinpoigu: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 3. tuhuk.

•Kivi järven rannal: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 19. orask.

•Hukku: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 4. elok.

•Kukkazien pagin: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 11. elok.

•Kiärmöisieni: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 25. elok.

Gubareva A. Kukoin vuozī: runo // Oma Mua. — 2005. — 27. pakkask.

Joki I. Mitä ikkunasta näky?: kertomus // Vienan Karjala. — 2005. — 24. kevät.

Karhu I. Velleni ta koira: kertomus // Kipinä. — 2005. — N:o 11. — S. 5.

Kuosalistarina // Vienan Karjala. — 2005. — 10. tuiskuk.

Larionova V. Ruado kaikkii čomendau; Čiučoi: runuo // Oma Mua. — 2005. — 1. süvük.

Mišina O. Kevät: runo // Kipinä. — 2005. — N:o 3. — S. 4.

•Ul'traton; Tüttö da mado: runuo // Oma Mua. — 2005. — 22. süvük.

•Hokkei: runo // Oma Mua. — 2005. — 8. talvik.

•Uvven Vuvven iänet: runo // Oma Mua. — 2005. — 29. talvik.

•Agjatoi juhlu mečas: runo // Vienan Karjala. — 2005. — 22. talvik.

Muamon ihmehlahjat: Karjalaini starina // Vienan Karjala. — 2005. — 23. tuiskuk.

Remsujeva S. Härkä tervattu selkä: (karjalaini starina) // Vienan Karjala. — 2005. — 10, 24. kevät.

Repo ta ukko kalalla: (Karjalaini starina) // Kipinä. — 2005. — N:o 1. — S. 8–9.

Runoja lapsilla // Vienan Karjala. — 2005. — 13, 27. tammik.

Savin I. Runo lapsile // Oma Mua. — 2005. — 27. pakkask.; 10. külmük.

Sinitskaja N. Kissi, kissi...: runo // Oma Mua. — 2005. — 10. külmük.

Ščerbakova T. Nieglikko, keppiine da kužoi: näütelmä // Kipinä. — 2005. — N:o 10. — S. 8–9.

•Kagrulühtes: kerdomus // Oma Mua. — 2005. — 17. tuhuk.

Tijani ta mies: (karjalaini starina) / kert. S. Remsujeva // Kipinä. — 2005. — N:o 12. — S. 5.

Tuttujeva L. Uuzi Vuozi; Lumitiähtüt: runuo // Oma Mua. — 2005. — 29. talvik.

Usova A. Käydih tytöt kerran meččäh: kerdomus // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 151–153.

Uusivuotini kuusi: Rostuon starina // Vienan Karjala. — 2005. — 22. talvik.

Veikki V. Ken kažile sil'mät da hännän andoi: Näytelmä // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 152–159.

•Kukki laulau: Suarnu // Oma Mua. — 2005. — 22. süvüsk.

Virzuine: ozutelmu / valm. A. Gubareva // Oma Mua. — 2005. — 3. tuhuk.

На вепском языке

Abramov N. Kalas: runo // Kipinä. — 2005. — N:o 5/6. — S. 16–17.

•Heinäntego; Kezapäiv küläs: runod // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 2–3.

Andrejeva A. Armaz mamoi: laulu / säv. L. Olešova // Kipinä. — 2005. — N:o 3. — S. 3.

Muštatišed // Kipinä. — 2005. — N:o 4. — S. 7.

Petuhov A. Mecnikoiden jäl'gidme: kerdomus // Kodima. — 2005. — № 6 (kezak.).

Zaiceva N. Taivahanke sido; Keza om lähen: runod // Kodima. — 2005. — № 4 (sulak.).

•Kuldaine keza i sinine vezi: “Päiväine laskvas kactes...”; “Päiväizen sil'mäine noustatab äkkid...”; ”Lizoi tuli randha rigol...”: runod // Kodima. — 2005. — № 7/8 (heink.). — S. 6.

•Maman kättepajo; Lizoi voikab; Laukas: runod // Kodima. — 2005. — № 10 (reduk.).

На русском языке

Дивный остров Киж: [научно-популярное издание для юношества] / [сост.: Д. Н. Москин и др.; текст: В. А. Гущина, Б. А. Гущин; авторы проекта: Д. Н. Москин, Ю. В. Шлейкин]. — Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. — 61 с.: ил.

Рец.: Сярки М. Дивный остров Киж: под таким назв. вышло в свет первое изд. для детей и юношества о знаменитом острове // Курьер Карелии. — 2005. — 19 февр.; Ogneva O. Kiz'in suares nuorele polvele // Oma Mua. — 2005. — 23. tuhuk.;

Timonen Ar. Ihmehuari on nuorison käsissä // Vienan Karjala. — 2005. — 23. tuisuk.;
Abramov N. Znamasine Kizi—saren päiv // Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.).

ПЕРЕВОДЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На финский язык

Antsygina Z. Lumikello: kertomus / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 5/6. — S. 4–5.

• Ihmeellinen nokkonen: satu / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 6.

Danilov V. Katkelma kertomuksista / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 10. — S. 4–5.

Karpin N. Taikareppu: Miiikkula—vaarin kaskuja / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 9. — S. 14–15.

Silakova N. Ruusu ja tammi: satu / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 15.

Šapiro L. Kuka tuntee minut?: kertomus / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 11. — S. 4.

Uspenski E. Sininen vaunu: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 9.

На карельский язык

Aipin J. Garbaloine da heinükassaine: (Suarnu) / kiänd. A. Volkov // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 10–11.

Avandol kezriäjät: suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2005. — 27. pakkask.

Kaksi velle: suarnu / kiänd. J. Filippova // Oma Mua. — 2005. — 26. orask.

Kultasarvi poro: (saamelaini starina) / kiänt. O. Sokolova // Vienan Karjala. — 2005. — 11. elok.

Mintäh pöllöt hiirie pyyvetäh?: (hantilaini starina) // Vienan Karjala. — 2005. — 27. sajek.

Mintäh särillä silmät ollah ruskiet: (evenkkiläini starina) / kiänt. O. Sokolova // Vienan Karjala. — 2005. — 28. heinäk.

Ovčinnikov A. Uvven Vuvven kel, Miškal: kedomus / kiänd. M. Viglijeva // Oma Mua. — 2005. — 13. pakkask.

Pikkarani samaani—tyttö: (eskimosilaini starina) / kiänt. O. Sokolova // Vienan Karjala. — 2005. — 22. syysk.; 13. sajek.

Pikku hiiri suurta maailmaa kiertelömassä: (Eskimossilaini starina) / kiänt. O. Sokolova // Vienan Karjala. — 2005. — 14. heinäk.

Silakova N. Rasvakatti Tim: starina / kiänt. O. Melentjeva // Kipinä. — 2005. — N:o 5/6. — S. 12.

Ščerbakova T. Valgei neičükkäine — kudritukkaine: kedomus // Oma Mua. — 2005. — 23, 30. kezäk.; 7. heinük.

Tuohinenä: (Mansilaini starina) / kiänt. O. Sokolova // Vienan Karjala. — 2005. — 23. kesäk.

Ualto suuri ta ualto pieni: (Englanttilaini starina) / kiänt. V. Karakina // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 8—9.

Usačev A. Hiiri, kumpani söi kissoja: starina / kiänt. M. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2005. — 24. pimiek.

Uspenskii E. Sinine vagonu: runo / kiänd. O. Mišina // Oma Mua. — 2005. — 19. orask.

На вепсский язык

Lühüd kalu: Sarn / känd. J. Aprodu // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 5.

Mihe jänišal oma pit'käd korvad: (Mansi—rahvahan sarn) / känd. N. Abramov // Kipinä. — 2005. — N:o 1. — S. 10—11.

Mišina O. Uden Voden äned: runo / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2005. — № 12 (tal'vk.).

Noidkatil: (Saamalaine sarn) / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2005. — N:o 1 (viluk).

Silakova N. Tähthakaz vihm: sarn / känd. M. Ginijatullina // Kipinä. — 2005. — N:o 9. — S. 5; Kodima. — 2005. — № 4 (sulak.).

•Sebrastihezoi: sarn / känd. M. Ginijatullina // Kipinä. — 2005. — N:o 10. — S. 7.

•Padanik: kedomus / känd. M. Ginijatullina // Kipinä. — 2005. — N:o 11. — S. 8—9.

•Uden voden čud: sarn / känd. M. Ginijatullina // Kipinä. — 2005. — N:o 12. — S. 11.

ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ В ПЕРЕВОДЕ

На карельский язык

Aho J. Nezevikkö, vuaru, suari...: kedomus / kiänd. L. Markianova // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 151—159.

Leino E. Lemminkäizen muamo; Kui on hyvä duumaija: runuo / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2005. — 20. pakkask.

На вепсский язык

Lardot R. Kargaidajad lindud: Hronika—kirjutez / känd. N. Abramov // Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.); № 3 (keváz'k.); № 10 (reduk.); № 11 (kül'mk.).

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА**На финском языке**

Aamuvanhainen mietiskelijä: 95 vuotta kirjailija Uljas Vikströmin syntymästä / valm. V. Mašin // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 35–43.

Abramov N. Kansalliskieliset lehdet tarvitsevat valtion tukea // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 2.

• Karjalaa ylistävä sanaseppä: Runoilija ja yhteiskuntamies Marat Tarasov täyttää 75 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 31. elok. — S. 11.

Antonova N. Oma Mua—lehti täytti 15 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 1, 3.

Armas Mišinin 70—vuotispäiväksi // Kipinä. — 2005. — N:o 2. — S. 3.

Aro J. Vladimir Brendojevia muisteltiin Aunuksessa: Vuosittain järjestettävät runofestivaalit ovat karjalan kielen juhlaa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 14. syysk. — S. 10.

• Taidemuseossa alkaa Kalevala—aiheinen luentosarja: Luennot sopivat sekä lapsille että aikuisille // Karjalan Sanomat. — 2005. — 21. syysk. — S. 11.

• Kirjallisuuden trendit muuttuvat vuosikymmenten saatossa: Kirjailija Marja-Leena Mikkola kertoi Suomen kirjallisuuden vaiheista // Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. syysk. — S. 11.

• Sergei Pronin on taiteen tuhattaituri: Kansallisen teatterin johtaja kirjoittaa kirjoja, tekee lauluja rakkaudesta ja näyttelee // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 10.

Behtereov V. Runoilija Kiestingistä: [Leonid Karpov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 24. elok. — S. 6.

Denisova N. Velhomaailmaan luoja Joanne Rowling: [Harry Potter] // Kipinä. — 2005. — N:o 3. — S. 16–17.

Etnofuturisti Enska [Jakobson] ja tutkija Jevgeni [Bogdanov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 18. toukok. — S. 11.

Gin J. Sananen Armas Mišinistä // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 88–91.

Ivanov V. Fjodor Dostojevski pyhäksi // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 141–143.

Jarvanne J. Suomalaisen kirjallisuuden päivä // Kipinä. — 2005. — N:o 10. — S. 16–17.

Jeremei Aipin // Kipinä. — 2005. — N:o 7/8. — S. 10–11.

Karhu T. Nuoria kehoitetaan kirjallisuus— ja valokuvakilpailuun: [M. Gokkojevin muistokilpailu] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. helmik. — S. 15.

Karjalan kirjallisuuden saavutus: [T. Meshko] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 11.

Karjalasta Karpaateille asti: [A. Timosen 90—vuotispäiväksi] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 18. toukok. — S. 6.

Karkea totuus sodasta: [D. Gusarov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. syysk. — S. 11.

Kirjojen nimikemäärä kaksinkertaistunut Suomessa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. syysk. — S. 11.

Kolomainen R. Kalevalan uustulkinnalla myötä— ja vastatuulta // Carelia. — 2005. — N:o 2. — S. 3–5.

•Nainen jota miehet eivät ole pystyneet korvaamaan: [T. Staršova] // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 19–25.

•”Hädin tuskin pysyn ajan kannoilla, ja se on taka—ajostani iloissaan”: [M. Tarasov] // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 48–53.

•Editio castrata eli Klassikot historian ja... kirjallisuuden ulkopuolella // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 54–58.

•Elämää taidetekstien takana: [J. Žemoitelite] // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 90–96.

Kornilova J. Leo Närjää muistellen // Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 11.

Kostin I. Runoromaani Kalevala: [Uusi A. Mišinin ja E. Kiurun venäjännös] // Carelia. — 2005. — N:o 2. — S. 141–147.

Kräkkijev A. Jääkö vain Kalevala—eepos jäljelle karjalaisista? // Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. maalisk. — S. 7.

Kuzkina O. Nuori [kirjallisuuden] tutkija [N. Tšikina] lähikuvassa // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 78–80.

•Aunuksen runofestivaalille tuli Brendojevin tuotannon ihailijoita // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 50–53.

Kuzmina M. Ortjo Stepanov juhlan aiheena Kepassa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 20. huhtik. — S. 13.

Leontjev P. Sanataiteilija ihmisen, rauhan ja ystävyysden asialla: 90 vuotta Antti Timosen syntymästä // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 97–106.

Mashin V. Lokakuisen päivän kaksi tapahtumaa: [Karjalan Sanomain 85—vuotispäivää ja P. Voutilaisen ”Ruskaa ja tuskaa”—kirjan julkaiseminen] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 12.

Mašin A. Mies elää joka muistetaan: [P. Voutilainen] // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 143–145.

Mišin A. Ortjon saari elämässä ja kirjallisuudessa: 85—vuotta kirjailijan syntymästä // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 128–134.

- Jättie hyvä jälgi muale: [V. Brendojev] // Carelia. — 2005. — N:o 9. — S. 115–122.
 - ”Opetä sydämesi hyvyteen”: (Mihail Sysoikovin 85—vuotispäiväksi) // Carelia. — 2005. — N:o 11. — S. 90–92.
 - Tuli talvi, toi pakkasen: [Talviaiheisen runous] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 11.
 - Lähi sydäntä sydän on: [Runous naisesta] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. maalisk. — S. 11.
 - Kirjallisuuden myöhäinen lapsi: [O. Stepanov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 11.
 - Rintamamiehiä kirjallisuudessa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 11.
 - Lea Helon Petroskoi // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 11.
 - Klassikkojen suomentaja: [L. Grönlund] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.
 - Uupumaton taisteilija: [V. Vysotski] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.
 - Todellisen elämän kertoja: [Karjalan kirjailijat] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. syysk. — S. 11.
 - Ei päivää ilman riviä: [F. Trofimov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 11.
 - ”Ottakaa sirpaleet”: [M. Sysoikov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 11.
 - Rakkain työ: [P. Voutilainen] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 9. marrask. — S. 11.
 - Mehevää karjalaista sävyä: [V. Huotarisen ”Kun tikka takoi”—romaanista] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. jouluk. — S. 11.
- Nesvitski M. Karjalaiset laukkurit elpyvät uuteen eloon: Kansallinen teatteri teki aikoihin ensimmäisen näytelmän laukunkantajista // Karjalan Sanomat. — 2005. — 30. maalisk. — S. 11.
- Yli 600 teosta hakemassa Vuoden kirja—titteliä // Karjalan Sanomat. — 2005. — 13. huhtik. — S. 11.
 - Kirjakilpailu päättyi yllättäviin tuloksiin: Valokuva—albumi nostettiin Vuoden kirjaksi Karjalassa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 4. toukok. — S. 10.
 - Sampo kirjalle ja näytelmälle: Viidestä taidepalkinnosta vain kaksi meni jakoon // Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 10.
 - Kirjailijamuseo [O. Stepanov] Haikolaan, mediakeskus Kalevalaan: Suomi ja Venäjä satsaavat kulttuurimatkailuun Vienen runokylissä // Karjalan Sanomat. — 2005. — 3. elok. — S. 11.

•Nuoret periferian keskustassa: Barentsin kirjailijanalut kohtaavat lukijoita nelikielisessä valikoimassa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 21. jouluk. — S. 11.

•Khayyam, Shakespeare ja Pushkin puhuvat vepsää: Vepsäläisrunoilija Nikolai Abramov kääntää mielellään maailman klassikoita äidinkielelleen // Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. jouluk. — S. 10.

Nikon O. Viimeinen kumarrus Äänisniemelle: [S. Pankratov] // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 152—155.

Poljakova S. Valentin Tšekmasov. Kirjailija Dmitri Gusarovin muotokuva // Carelia. — 2005. — N:o 7. — S. 160—161.

Pulkin V. Olga ja Oleg: [Mišin] // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 75—79.

Rugojeva N. Ajan kuva: ihmisiä ja vuosia: [M. Masajev] // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 119—120.

Sidorkin V. Abramov osallistuu uuteen elokuvaan: [Alkuvoimaiset intohimot] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 8. kesäk. — S. 3.

Soini H. Kuva Suomesta Venäjän runoudessa vuosina 1910–1930 / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 76–96.

•Venäläisen proosan ja lehtikirjoittelun Suomi—kuva vuosina 1900–1930 / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2005. — N:o 8. — S. 32–47.

•Venäläisten pakolaiskirjailijoiden Suomi—kuva 1920– ja 1930-luvuilla / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2005. — N:o 10. — S. 113–132.

Starshova T. “Vereltäni suomalainen, venäläinen hengeltäni”: [A. Mišin] // Carelia. — 2005. — N:o 1. — S. 92–96.

•Kansallisen kirjallisuuden klassikko: Nikolai Jaakkolan 100—vuotispäiväksi // Carelia. — 2005. — N:o 4. — S. 81–93.

•Mies monella uralla: Armas Hiiren – Oleg Mishinin merkkipäivälle // Karjalan Sanomat. — 2005. — 16. helmik. — S. 11.

•Ainutlaatuinen kertoja: [N. Jaakkola] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. huhtik. — S. 11.

Svintsov D. Pyyteettömän rakkauden polulla: [V. Danilov] / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 10. — S. 2–3.

Syrjäläinen J. Enemmän kirjoittajia inkeriläisjärjestöille: Petroskoin kirjoituspaikassa inkeriläisiä opetettiin luomaan suomenkielisiä tekstejä // Karjalan Sanomat. — 2005. — 24. elok. — S. 12.

•Castrenin seuran palkinto suomentajalle Toivo Väisäselle // Karjalan Sanomat. — 2005. — 7. jouluk. — S. 9.

Toivonen R. Antti Timosen sukujuurista // Karjalan Sanomat. — 2005. — 27. huhtik. — S. 12.

Tunnettu satukirjailija: [H.C. Andersen] / valm. I. Veikkolainen // Karjalan Sanomat. — 2005. — 13. huhtik. — S. 15.

Umberg A. Nimikkostipendit jaettu: [J. Arehovskaja ja V. Zaharov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 10.

•Nuoret journalistit ja kirjailijat palkittiin: Kansainvälisestä 2000—luku, aika ja me — kilpailusta halutaan tehdä perinteinen // Karjalan Sanomat. — 2005. — 26. tammik. — S. 11.

•Filmi vepsäläisistä pyörii nyt Pietarin kaapelikanavalla: Podporozhjen kaupungin asukkaat näkivät Armastan—elokuvan ensimmäisinä // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 1, 10.

Vasiljeva N. Norjalainen kirjailija Hans Sande // Carelia. — 2005. — N:o 2. — S. 125.

•Anne Bjørkli kirjoittaa lapsille // Kipinä. — 2005. — N:o 11. — S. 14.

Veikki V. Brendojevin muistofestivaalin valmistaudutaan // Karjalan Sanomat. — 2005. — 23. maalisk. — S. 10.

Vieras kotimaassa: [P. Pöllä] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 10. elok. — S. 11.

Vikström T. [Elämäkerta] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. tammik. — S. 11.

Volkov A. Kirjallisuusyhdistys julkaisee aikakauskirjaansa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 16. maalisk. — S. 14.

•Hyvät nimet pitää nostaa kunniaan: Karjalaisia kirjailijoita oli kadonnut taistelukentille ja joutunut vainojen uhreiksi [I. Nikutjev ja A. Kirillov] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 18. toukok. — S. 12.

Volkova N. Haikola vastaanotti juhlavieraita: Kirjailija Ortjo Stepanovin kotikylässä pidettiin Kotikuntalaiset–kirjallisuusfestivaali // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. heinäk. — S. 12.

Vähäsarja I. Eino Karhu arkisto digitaaliseen muotoon: Yli sadan CD-levyn aineisto valmiina tutkimuskäyttöön // Karjalan Sanomat. — 2005. — 20. huhtik. — S. 9.

•Tutkimusretki Karjalan kirjallisuuden lähteille: Kirjallisuusseminaari juhlisti Nikolai Jaakkolan 100—vuotispäivää // Karjalan Sanomat. — 2005. — 20. huhtik. — S. 9.

Zhukov A. Viekkä lapsi Danilovin kirjastoon // Karjalan Sanomat. — 2005. — 12. lokak. — S. 14.

* * *

Huotarinen V. Senni Timonen tarkastelee lyyristä kansanrunoutta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 24. elok. — S. 9.

Kansanrunojen uupumaton kerääjä: [V. Jevsejev] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 6. heinäk. — S. 11.

Kolomainen R. Sandran [Stepanovan] kohtalon koulu // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 44–52.

Laulut uudesta sammosta: [Kalevalamittainen eeppinen runoudesta] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11.

Mishin A. Pohjolan Homeros: [Miihkali Perttunen] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 5. lokak. — S. 11.

Moskin D. Vienan Karjala tauluissa ja sydämessä: [taiteilija V. Dobrinin] // Carelia. — 2005. — N:o 5. — S. 81–96.

• Kalevala puunleikkaajan luomistyössä: [Igor Gaškov] // Carelia. — 2005. — N:o 6. — S. 97–109.

• Kalevala taiteilijain silmin / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 2. — S. 8–9.

Nesvitski M. Kalevaloiden uupumaton venäjääntäjä: [A. Mishin] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 2. helmik. — S. 11.

• Väinämöisen veneen mehevä jälki: [Taiteilija V. Dobrynin] // Karjalan Sanomat. — 2005. — 30. maalisk. — S. 10.

Semakova I. Keneltä lauluja lahjaksi meille? / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2005. — N:o 2. — S. 6.

Sudakov V. ”La laulan liki kottia”: [L. Paraske] // Carelia. — 2005. — N:o 3. — S. 101–104.

Syrjäläinen J. Yli 40 vuotta Karjalan perinnekulttuurin hyväksi: Tutkija Santra Stepanova täytti eilen 75 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2005. — 31. elok. — S. 8.

Timonen Ar. Kalevalaa soitetaan sähkökitaralla: Blüher & Mauzer teki eepoksesta seitsemänosainen roksarjan // Karjalan Sanomat. — 2005. — 28. jouluk. — S. 11.

Tonisaar V. Turisteja odotetaan Lönnrotin jalanjäljille // Karjalan Sanomat. — 2005. — 30. maalisk. — S. 6.

Umberg A. Näyttely tuo uuden näkemyksen tunnetusta kokoelmasta: Muinaisrunojen maailma heijastaa eepoksen muutamia aiheita // Karjalan Sanomat. — 2005. — 22. kesäk. — S. 10.

Vienan satuja julkaistiin levyllä: Kertojista enää kuudesosa on tämänilmaisissa // Karjalan Sanomat. — 2005. — 16. maalisk. — S. 10.

На карельском языке

Akilan I. Kirjahmalton alguopastaikirju karjalazile: [Pieni Alku-opastaja Vienan Karjalaisille, 1906] // Oma Mua. — 2005. — 21. heinük.

• Tulisüdämine karjalashengine Iivo Härkönen da hänen kirju ”Laululoi anukselazil” // Oma Mua. — 2005. — 4. elok.

Filippova J. Trošin Ziinan Oma Maa // Oma Mua. — 2005. — 21. heinük.

• Kai ”Oma Mua” ühtes kniigas // Oma Mua. — 2005. — 27. ligak.

Melentjeva O. Eläkkäh karjalaiset kirjailijat meijän syväimissä: [P. Perttu, V. Kuusela, L. Paraske] // Vienan Karjala. — 2005. — 10. tuiskuk.

• Kankasta ta helmijä laukkuryssän koropasta: [Laukkurit—näytelmästä] // Vienan Karjala. — 2005. — 14. sulak.

•Suomalaiset kirjailijat [M.–L. Mikkola ja V. Niinikangas] kerrottih kokemuksesta nuorilla // Vienan Karjala. — 2005. — 13. sajek.

Mironova V. Tozi karjalaine hengi Rahvahallizen teatran laval: [Laukkuriteatritukses] // Oma Mua. — 2005. — 14. sulak.

•Karjalan vahnin tiedolaitos täutti 75 vuotta: [Kielen, literatuurin da historien instituutti] // Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.

•Karjalan vanhin tutkimuslaitos: [Kielen, kirjallisuuden ta istorijan instituutti] // Vienan Karjala. — 2005. — 13. sajek.

Mišin A. Armas Mišinin tuomilapsuuvven kirpie maku / Pak. Ar. Timonen // Vienan Karjala. — 2005. — 14. sulak.

•Pitäy nostua sarretujen kirjailijien nimet: Marfa — romaani hävisi sen kirjuttajan Ivon Nikutjevin kera syytettynä // Vienan Karjala. — 2005. — 12. orask.

Nieminen S. Grafikko Viktor Kuusela runoilijana: [Miehen elos—kirjasta] // Vienan Karjala. — 2005. — 23. kesäk.

Nikitina Z. Joga runos — oma mua da rahvas: [Trošin Ziina] // Oma Mua. — 2005. — 4. elok.

Ogneva O. ”Laululippi” joga karjalazeh pereheh // Oma Mua. — 2005. — 27. ligak.

Patrakka M. Hänen südämes eläü Karjalan mua: [V. Kuuselan Miehen elos—kirjasta] // Oma Mua. — 2005. — 27. ligak.

Rettihev H. Mintäh tikka tako karjalaisilla tämmösen osan?: [V. Huotarisen ”Kun tikka takoi”—kirjasta (Joensuu, 2004)] // Vienan Karjala. — 2005. — 11. elok.

Šekspirua vepsän kielel / valm. V. Sidorkin // Oma Mua. — 2005. — 13. ligak.

Timonen Ar. Vienalaiset suatih lisyä Jumalan sanua omalla kielellä: [Apostolien toiminta—kirjasta] // Vienan Karjala. — 2005. — 23. tuiskuk.

Toivonen R. Kontratan Mikin Antti [Timonen] Luusalmesta // Vienan Karjala. — 2005. — 12. orask.

”Täs sünnünrannan minun algu”: [V. Brendojevan festivualin ohjelmu] // Oma Mua. — 2005. — 1. süvusk.

Veikki V. Anuksen mua valmistuu Brendojevan festivualih // Oma Mua. — 2005. — 31. kevät.

Viglijeva M. Vienan Karjala-lehtele — 5 vuotta! // Oma Mua. — 2005. — 10. tuhuk.

•Jumalan annettu n’ero — runoilla muamankielel: Armas Mišinän 70-vuozipäiväks // Oma Mua. — 2005. — 23. tuhuk.

•Lüüdiläzien Seuran uuzi julgavo: [Lüüdilaine—žurnual] // Oma Mua. — 2005. — 4. elok.

•Häi maltoi jättiä oman jälle...: [V. Brendojev] // Oma Mua. — 2005. — 15. süvusk.

• Hiän jätti jälen syväimissä: [V. Brendojev] // Vienan Karjala. — 2005. — 22. syysk.
 Vladimir Danilovan nimine kirjasto / valm. V. Sidorkin // Oma Mua. — 2005. —
 13. ligak.

Volkov A. Roih uuzi žurnualu!: [”Taival”] // Oma Mua. — 2005. — 10. kevät.

* * *

Čikina N. Seesjärven kylissä paissah ta lauletah karjalaksi // Vienan Karjala. —
 2005. — 23. kesäk.

Dubinina Z. Kalevala – meijän ühtehine uarreh // Oma Mua. — 2005. —
 27. pakkask.; 3, 10, 17, 23. tuhuk.; 3, 10. kevät.

Larin Paraske vallotti syväimie // Vienan Karjala. — 2005. — 13. pakkask.

Mironova V. Kalevalan kauti meis tietäh muailmas // Oma Mua. — 2005. —
 3. kevät.

• Väinämöizen venehen jälgi: [V. Dobrinin] // Oma Mua. — 2005. — 24. kevät.

• Rahmannoit seesjärveläzet jäädih mieleh // Oma Mua. — 2005. — 21. heinäk.

• Vienalaiset kylät ta nüijen eläjät [Vitali] Dobrininin kuvissa // Vienan Karjala. —
 2005. — 24. kevät.

Nieminen M. Konsa kuuntelet starinoja, sytytä kynttilät ta ota lapsi yskäh // Vienan
 Karjala. — 2005. — 10. kevät.

Onegina N. Karjalaiset starinat elukoista // Vienan Karjala. — 2005. — 28. sulak.

• Ammuni, ka ei unohutettu: [M. Remsu] // Vienan Karjala. — 2005. — 22. talvik.

Remsujeva R. Valitulla uralla uskollini tutkija: [S. Stepanova] // Vienan Karjala. —
 2005. — 25. elok.

Sokolova O. ”Tuuli toi sata sanua, tuhat ilma tuuvvitteli...”: Kuulusa vienankarjalaini
 runonlauluja Tat’ana Perttunen 3. elokuuta ois täyttän 125 vuotta // Vienan Karjala. —
 2005. — 11. elok.

Stepanova S. Sandra Stepanova: “Olen ozavu...” / Pagizutti M. Viglijeva // Oma
 Mua. — 2005. — 25. elok.

Sündü heittäü — tieduo tuou / valm. V. Mironova // Oma Mua. — 2005. —
 13. pakkask.

Timonen Ar. Kalevala — mosaiikki kučču // Vienan Karjala. — 2005. —
 23. tuiskuk.

• Kalevalan marafoni Lönnrotin männyn mualla // Vienan Karjala. — 2005. —
 10. kevät.

• Kalevala — eepossua soitetah sähkökitaralla: [M. Potsenkovski] // Vienan
 Karjala. — 2005. — 22. talvik.

На вепсском языке

Ladvlaine N. Vepsän man i rahvahan tetab kaičii: 75 vot tädui vepsän man tetabale mehele Rürik Loninale // Kodima. — 2005. — № 9 (sügüz'k.).

Zaiceva N. Anatoli Petuhovan starinoiden uz' elo // Kodima. — 2005. — № 6 (kezak.).

Vepsläiziden elo tedomehiden silmil: [”Vepsä: Maa. Kansa. Kulttuuri” — kirjan ezituses Suomes] // Kodima. — 2005. — № 5 (semendk.).

На русском языке

Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России: учеб. пособие / сост. и науч. ред. Е. И. Маркова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2005. — 210 с. — Из содерж.: Маркова Е. И. Гендер в литературе: от семинарских занятий — к коллективному исследованию: (концепция и методика). — С. 4–18; Маркова Е. И. Проблема гендерной и национальной идентичности в автобиографических повестях современных писателей Карелии. — С. 20–31; Маркова Е. И. Женщина и мужчина во времена исторических катаклизмов в автобиографическом цикле А. Медведской «Незабудки» и в повести С. Залыгина «Незабудка». — С. 32–62; Маркова Е. И. Этапы становления женского самосознания. — С. 63–66; Маркова Е. И. Ассоциация женщин–литераторов Северо-Запада «Мария» (1989–1995) как стимулятор творческой активности женщин–писательниц и как фактор нового распределения ролей на литературной арене Европейского Севера России. — С. 68–75; Маркова Е. И. Образ женщины–творца в триптихе Р. Мустонен «Пеперуда», повести Г. Скворцовой «Дом для тысячи сердец», Э. Орешкиной «Дожди в Проточном переулке». — С. 76–87; Пулькин М. В. Современные жизненные стратегии и гендерный фактор в творчестве Виктора Пулькина и Раисы Мустонен. — С. 88–92; Маркова Е. И. Проблема идентификации писателей–мужчин в Карелии постсоветского периода: (полемиические заметки). — С. 93–98; Сидорова А. П. Наблюдения над текстом «Калевалы»: гендерное насилие в супружеской жизни / А. П. Сидорова, А. Е. Беликова. — С. 126–127; Дубровская Е. Ю. На перекрестных волнах истории: повествование Н. Якколы «Водораздел» о событиях революции и гражданской войны в Карелии. — С. 128–133; Мишин А. И. Проблема гендерного равенства в творчестве карельского поэта Яакко Ругоева. — С. 134–140; Мишин А. И. Финско–ижорская народная поэтесса Ларин Параске и ее пророчества о судьбе России. — С. 158–162; Фомин Н. Н. Построение гражданского общества в России и литература малого вепсского

народа. — С. 163–167; Маркова Е. И. Судьба России и любовь: (гендерные аспекты в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь»). — С. 177–182.

Arv.: Krasavtseva N. Yhteistyö poiki artikkelikokoelman // Karjalan Sanomat. — 2005. — 1. kesäk. — S. 13.

* * *

Абрамов Н. Над твоей могилой плачет небо...: [П. Воутилайнен] // Kodima. — 2005. — № 3 (keväs'k.).

•Мы им культуру принесем...: [Р. Казакова] // Kodima. — 2005. — № 6 (kezak.).

•Воспевший Карелию: 1 сентября 75 лет исполнилось Марату Тарасову — поэту и общественному деятелю // Kodima. — 2005. — № 9 (sügüz'k.).

Корниенко А. Первобытные страсти на берегах Онего: [о съемках худож. фильма «Первобытные страсти» с участием вепс. поэта Н. Абрамова] // Kodima. — 2005. — № 7/8 (heink.). — S. 3.

Корниенко Д. Путь к Оскару долог и тернист: [о худож. фильме «Первобытные страсти» с участием вепс. поэта Н. Абрамова] // Kodima. — 2005. — № 11 (kül'mk.).

Поташев В. Поэтический вечер [Н. Абрамова] в филармонии // Kodima. — 2005. — № 11 (kül'mk.).

Поэт и гражданин: 70 лет исполнилось поэту, переводчику, литературоведу Армасу Мишину // Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.).

Фомин Н. Любить по-вепски: [о фильме «Армастан»] // Kodima. — 2005. — № 2 (uhok.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО (70 ЛЕТ ВЛАДИМИРУ АНАТОЛЬЕВИЧУ КАРЕЛИНУ)

70 YEARS ANNIVERSARY OF VLADIMIR ANATOLYEVICH KARELIN

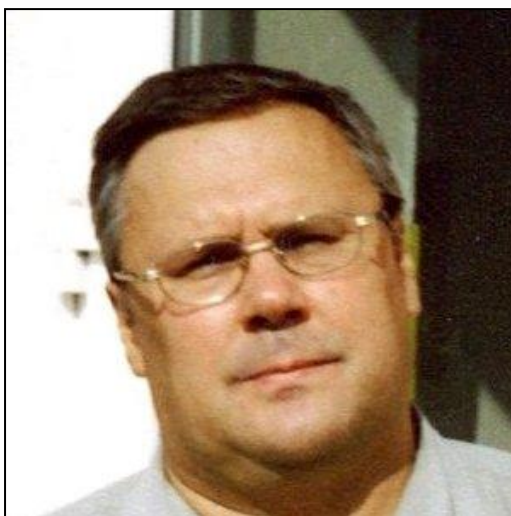

Фото: журнал [«Наука из первых рук»](#)

Юбилей — весомый повод для того, чтобы подвести некоторые итоги, оценить сделанное, наметить планы на будущее. 23 июля с.г. отметил свое 70-летие Владимир Анатольевич Карелин — кандидат исторических наук, доцент, известный специалист по истории России и по истории русско-норвежских отношений, творческой деятельности которого посвященная настоящая статья.

Владимир Анатольевич родился в Москве в 1952 году. Его отец Анатолий Васильевич был профсоюзным работником. В годы детства и юности юбиляра он являлся председателем профсоюза железнодорожников Мурманского отделения Октябрьской железной дороги. Мама Владимира Анатольевича Елизавета Григорьевна была медицинским работником. Владимир Анатольевич успешно окончил школу №2, одну из лучших в Мурманске, и в 1970 году продолжил обучение в Мурманском государственном педагогическом институте (далее МГПИ) на историческом отделении историко-филологического факультета. Поступление было трудным: при наборе в группу историков 25 человек конкурс составлял до 8 человек на место, причем документы подавали многие выпускники школ с весьма высокими баллами в аттестатах. При такой конкуренции Владимир Анатольевич при зачислении оказался в числе первых, сдав четыре вступительных экзамена на «отлично».

Выбор в пользу отделения истории был не случайным: Владимир Анатольевич с детства интересовался гуманитарными науками, особенно историей, литературой и английским языком. В студенческие годы В. А. Карелин показал себя блестящим студентом: с увлечением учился, получив диплом с отличием, успешно проходил педагогические практики, занимался общественной деятельностью, выезжал в составе студенческого сельскохозяйственного отряда в Астраханскую область, где студенты занимались сбором помидоров и арбузов, грузили урожай на машины и в

вагоны, помогали в ремонте сельскохозяйственной техники, выполняли разные подсобные работы. В институте учителями В. А. Карелина, о которых он с гордостью, уважением и благодарностью часто вспоминает, были известные историки, замечательные преподаватели профессора И. Ф. Ушаков, А. А. Киселев, Ю. Н. Климов, доценты Г. В. Атласов, В. В. Курякин, С. И. Большаков и многие другие. В период обучения определился круг научных интересов юбиляра — он стал углубленно заниматься историей России XIX — начала XX века, писал работу о декабристе М. С. Лунине, выступал с докладами на научных конференциях.

После окончания института Владимир Анатольевич был призван на военную службу, которую проходил в окрестностях Ленинграда в Гвардейском учебном мотострелковом полку им. Ленинского Комсомола, где готовили младших командиров для частей всего Северо-Запада СССР. Службу Владимир Анатольевич прошел самым достойным образом: стойко преодолевал армейские трудности, был одним из лучших стрелков взвода, о его успехах в боевой подготовке неоднократно упоминалось в местной военной газете. Срочную службу юбиляр завершил в 1975 году, став гвардейцем и получив знак «Отличник Советской Армии».

После увольнения в запас Владимир Анатольевич с осени 1975 года стал работать учителем истории и обществоведения в Мурманской заочной школе моряков. Работа предполагала регулярный выход в море, проведение занятий и консультаций с моряками на судах. Это дало молодому историку очень ценный опыт преподавания и общения с людьми разного уровня образования, разных интересов, позволило повидать далекие края: Канарские острова, городки и поселки Арктического побережья СССР. В 1977 г. В. А. Карелин был приглашен на работу в Мурманский городской комитет ВЛКСМ на должность инструктора, которая предполагала выполнение большого объема сложной организационной работы, общение с широким кругом лиц, овладение многими новыми знаниями и умениями. Работа шла успешно, но интерес к преподаванию и научной деятельности вынудил юбиляра в 1978 г. вернуться в сферу образования. Он перешел на работу учителем истории и обществоведения в одно из профессионально-технических училищ г. Мурманска. Этот этап профессиональной деятельности юбиляра также стал очень важным в его судьбе: он пополнил свои исторические знания, приобрел большой методический опыт, получил навык учебной работы с очень сложным контингентом молодежи.

В начале 80-х годов прошлого века на кафедре истории обозначилась острая потребность в новом специалисте по истории России. Рассматривая разные кандидатуры, заведующий кафедрой истории профессор А. А. Киселев без сомнений выбрал В. А. Карелина и рекомендовал его для обучения в целевой аспирантуре при Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (далее ЛГПИ). В 1981–1984 гг. при кафедре истории России ЛГПИ им. А. И. Герцена юбиляр прошел хорошую научную школу. Научным руководителем Владимира Анатольевича сначала был профессор Ю. В. Кожухов,

после кончины которого руководство взял на себя другой крупный специалист по истории России профессор В. И. Старцев. В 1985 г. В. А. Карелин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русское техническое общество и проблема подготовки квалифицированных фабрично-заводских рабочих в России (1866–1890 гг.)». Оппоненты, в том числе известный ленинградский исследователь доктор исторических наук, профессор Т. М. Китанина, дали очень высокую оценку кандидатской диссертации Владимира Анатольевича. Много позже Таисия Михайловна Китанина неоднократно говорила одному из авторов этих строк о своем самом благоприятном впечатлении о диссертационной работе Владимира Анатольевича и о высоких профессиональных качествах её автора.

С 1984 г. началась работа В. А. Карелина в родном вузе в качестве штатного преподавателя. Владимир Анатольевич прошел основные ступени карьеры преподавателя вуза: сначала он работал ассистентом, затем старшим преподавателем, доцентом. Наш юбиляр весьма успешно вел свою преподавательскую деятельность, приобрел популярность как лектор, пользовался заслуженным авторитетом среди студентов и коллег. В эти годы сложился лекторский стиль Владимира Анатольевича, который отличала четкая логика изложения, умение лектора найти и показать в историческом процессе главное, яркая живая речь, чувство юмора и ирония. В отношениях со студентами В. А. Карелин всегда был исключительно доброжелателен и вежлив, старался поддержать усердных, мотивировать отстающих.

В трудные 90-е годы XX века, когда МГПИ, как и другие вузы страны, оказался в отчаянном положении — без достаточного финансирования и государственной поддержки, с неясными перспективами — В. А. Карелин в числе небольшой группы инициативных сотрудников института подключился к развитию новых направлений деятельности, в том числе, к развитию внебюджетной и международной работы в вузе¹. По его предложению при МГПИ в 1996 г. было создано Отделение международных образовательных программ, на котором обучались русскому языку слушатели из Австрии, Норвегии, США, Турции, Финляндии, Швейцарии. Отделение успешно развивалось, рождались новые идеи и планы, поэтому в 1999 г. было реорганизовано в *Баренц-факультет*, который в 2001 г. был переименован в *Баренц-центр*. Как директор Баренц-факультета/Баренц-центра В. А. Карелин развернул активную деятельность: был организован прием обучающихся на ряд специальностей и специализаций, впервые в истории МГПИ (МАГУ) введено преподавание шведского и норвежского языков, проводились встречи студентов с

¹ О международной деятельности МГПИ (МАГУ) см.: Климов О. Ю., Лявданский Э. К. МГПИ в системе международных научных связей // Культура и образование. Вестник Мурманского отделения Академии педагогических и социальных наук. 2000. №1. С. 8–14; Климов О. Ю. «Народная дипломатия» в Баренцевом регионе: Мурманский государственный педагогический университет в системе международных научных, образовательных и культурных связей Баренцева региона в 90-е гг. XX — нач. XXI вв. // Баренц-сборник. Региональное межвузовское научное издание. Мурманск, 2013. Вып. 1(01). 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества. С. 64–79; Климов О. Ю. Первый опыт — Our First Experience // In the North, The East and West Meet: Festschrift for Jens Petter Nielsen / Ed. by Myklebost, K. A., Bones, S. Tromsø, 2019. P. 333–348.

видными политическими деятелями и дипломатами. При Баренц-факультете/Баренц-центре была организована кафедра Баренц-регионоведения, создана исследовательская лаборатория и учрежден журнал «Вестник Баренц-центра» («Вестник Баренц-факультета»), который издавался с 1999 по 2012 годы. В состав редколлегии вошли видные ученые, в том числе известный мурманский историк профессор А. А. Киселев, директор Центра «Северная Европа» Института всеобщей истории РАН А. А. Комаров и норвежский историк Йенс Петер Нильсен². В журнале публиковались статьи, обзоры, интервью, касающиеся международных отношений на Севере Европы. По инициативе В. А. Карелина были опубликованы эксклюзивные интервью с заместителем председателя комитета Государственной думы РФ по международным делам Ю. А. Квицинским (бывшим послом в Норвегии с 1997 г.), с Оддрун Петтерсен — генеральным секретарем Баренц-секретариата (Киркенес) с 1993 по 2002 гг., с губернатором норвежской провинции Финнмарк Э. Э. Мидтун, с Ю. Муландером — послом Швеции в Москве с 2004 по 2008 гг., с послом Российской Федерации в Норвегии (с 2010 г.) В. А. Павловским и другими официальными лицами. В этих публикациях раскрывались различные аспекты официальной политики России, Норвегии, Швеции на Севере Европы, обсуждались перспективы создания в Баренц-регионе новой модели международных отношений, построенных на сотрудничестве и уважении интересов всех сторон. Важно также подчеркнуть, что вся работа «Баренц-факультета/Баренц-центра» осуществлялась на внебюджетной основе и приносила институту/университету немалые дополнительные средства. Это было особенно важно в 90-е годы прошлого столетия, когда бюджетное финансирование не покрывало даже самых необходимых потребностей вуза.

В 2012 г. В. А. Карелин завершил свою работу в МГПИ (МАГУ), прослужив родному институту/университету почти тридцать лет. В течение нескольких лет он являлся преподавателем Мурманского филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики, а в 2018 г. переехал в Санкт-Петербург, где продолжает активную научную деятельность. Владимир Анатольевич участвует в международных научных проектах с партнерами из Норвегии, Финляндии, других стран, публикует статьи и книги, выступает с докладами на научных конференциях, является регулярным читателем научных библиотек Санкт-Петербурга, неустанно работает в архивах, ведет переписку с партнерами по проектам, встречается с коллегами.

В. А. Карелин немало сделал для научного становления молодых исследователей российского и зарубежного Севера, Арктики и международных связей в регионе. Коллеги в Петрозаводском государственном университете, Поморском государственном университете (в настоящее время Северный (Арктический) федеральный университет) тесно сотрудничают с Владимиром Анатольевичем, хорошо знают и уважают его. В немалой степени он выступал

² Подробнее см.: Климов О. Ю., Карелин В. А. Баренц-факультет Мурманского государственного педагогического университета // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2015. № 7. С. 11–14.

своего рода связующим звеном между содружеством историков Мурманска, Петрозаводска и Архангельска. Владимир Анатольевич умеет увидеть в ученых, занимающихся схожей научной проблематикой, не соперников, а соратников, друзей, поэтому всегда старался налаживать тесные деловые и дружеские отношения между коллективами вузов Русского Севера. Владимир Анатольевич генерирует новые продуктивные идеи, постоянно публикуется в научных изданиях Архангельска и Петрозаводска, через живую творческую работу объединяет нордистов Москвы, Санкт-Петербурга и ближнего зарубежья с вузами, библиотеками и архивами отечественной «глубинки», выступает организатором совместной исследовательской деятельности. Удивляет его умение разыскивать новые документы в архивах, его исследовательский задор и завидная работоспособность. Пожалуй, на Русском Севере, в Финляндии и скандинавских странах не осталось ни одного значимого архива, где бы Карелин не проработал множества документов.

Исследователям истории северных стран и истории международных отношений на Севере Европы В. А. Карелин известен как крупный ученый, специалист в области истории России XIX — начала XX веков и истории российско-норвежских отношений. Юбиляр получил солидную научную подготовку: он не только обучался в аспирантуре при ЛПГИ им. А. И. Герцена, но в 2005–2008 гг. прошел подготовку в докторантуре при СПбГУ. В. А. Карелин являлся участником многих солидных научных конференций, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Мурманске, Петрозаводске, Киркенесе, Тромсё, на Шпицбергене. Им опубликовано более ста научных статей и несколько книг, реализован ряд значимых научных проектов.

Первым опытом международной научной деятельности В. А. Карелина стало участие в совместном с университетом г. Гронингена (Нидерланды) проекте по истории русско-голландских отношений, который коллектив историков осуществлял под руководством ректора МГПИ Э. К. Лявданского. Работа завершилась изданием уникального учебного пособия «Россия и Нидерланды: контакты и взаимное видение», в котором юбиляр выступил автором одного из разделов³. В середине 90-х годов XX в. В. А. Карелин выступил с важной инициативой: он выдвинул идею нового международного проекта по истории русско-норвежских связей. Предложение было поддержано ректором МГПИ Э. К. Лявданским и заведующим кафедрой отечественной истории профессором А. А. Киселевым, который стал научным руководителем с российской стороны. В. А. Карелин в проекте выполнял важную роль координатора и явился автором ряда разделов. Партнерами в проекте выступила группа норвежских историков университета г. Тромсё, научным руководителем которых стал известный исследователь профессор Йенс Петер Нильсен. После переговоров и обсуждений проекта с норвежской стороной было решено подготовить общими усилиями учебное пособие, рассказывающее об истории Норвегии и русско-норвежских

³ Россия и Нидерланды: контакты и взаимное видение: Учебное пособие. Мурманск, 1995.

отношений. Первую часть пособия, по истории Норвегии, написали норвежские историки, а историю отношений между двумя странами и народами исследовали мурманские ученые. В течение нескольких лет совместной работы состоялся обмен визитами, было проведено несколько рабочих совещаний и научных конференций. В 2001 г. учебное пособие «Соседи на Крайнем Севере» было издано и вызвало очень теплую реакцию со стороны широкой общественности и коллег, в частности, высокую оценку изданию дал известный ученый-исследователь скандинавских стран А. С. Кан⁴.

В. А. Карелин плодотворно трудится на ниве науки, обращаясь к актуальным проблемам недавней истории России и стран Северной Европы. Им опубликован ряд весьма значимых научных трудов. В 2013 году Владимир Анатольевич издал монографию, посвященную экономической политике России на Шпицбергене в 1905–1925 гг. и формированию русских деловых интересов на архипелаге⁵. Книга имеет очень широкую источниковую основу: автором использованы как архивные, так и опубликованные источники отечественного и зарубежного происхождения. Некоторые из них не были известны читателям. В монографии раскрыты цели и задачи российской политики в вопросе о Шпицбергене на широком фоне международных отношений начала XX века, показана динамика этой политики, особенности создания и деятельности первых русских угледобывающих предприятий на архипелаге. Автор книги прекрасно владеет проблемой, большим материалом источников, а также историографией вопроса и потому весьма компетентно оценил результаты работы новейших российских и иностранных историков.

Одним из значимых международных проектов юбиляра стало издание перевода книги Харальда Риесто «Маленький город и война», в которой норвежский историк описывал события Второй мировой войны на примере истории небольшого северного городка Вадсё⁶. В. А. Карелин выступил не только инициатором данного издания, но решил множество сложных практических вопросов: нашел переводчика и издательство, обеспечил источники финансирования. Книга весьма важна своим содержанием: она показывает, насколько отличалась немецкая оккупация Норвегии от того ужаса, который она принесла народам Советского Союза.

Важным научным деянием юбиляра стало издание в сотрудничестве с норвежскими учеными Йенсом Петером Нильсеном и Кари Ага Мюклебюст

⁴ Соседи на Крайнем Севере. Россия и Норвегия: от первых контактов до Баренцева сотрудничества: учебное пособие / Мурманский государственный педагогический институт, Университет г. Тромсе (Норвегия). Мурманск, 2001; Кан А. С. Русско-норвежское учебное пособие // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. 2002. № 4. С. 156–165 (Рец. на кн.: Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: от первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. 384 с.).

⁵ Карелин В. А. Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген (1905–1925 гг.): исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы. Архангельск, 2013.

⁶ Риесто Х. Маленький город и война. Вадсё в 1941–1945 гг. СПб., 2005.

писем российского дипломата К. Н. Гулькевича (1865–1935) профессору-слависту, переводчику и общественному деятелю Олафу Броку (1867–1961), которые хранятся в фондах норвежской Национальной библиотеки в Осло⁷. Публикация вводит в научный оборот ценные новые источники, которые не были известны широкому кругу специалистов. В этих письмах, написанных в период с 1916 по 1923 годы, раскрываются различные аспекты истории российско-норвежских общественных, политических и культурных связей во время Первой мировой войны, в годы русской революции и гражданской войны.

Еще одной важной публикацией юбиляра, выполненной в соавторстве с Йенсом Петером Нильсеном, является издание серии документов из отечественных архивов, которые посвящены российско-норвежским отношениям начала XX века. Данная подборка малоизвестных документов раскрывает особенности дипломатических, экономических, политических связей двух стран в очень напряженный период истории — накануне Первой мировой войны и непосредственно во время этого военного конфликта⁸. Публикация была осуществлена при содействии Института истории и религиоведения Университета г. Тромсё (Норвегия) и российско-норвежского исследовательского проекта «Асимметричное соседство: Россия и Норвегия, 1814–2014». В числе научных достижений юбиляра также участие в солидной коллективной монографии, которую подготовила группа российских ученых при участии норвежских коллег. Это книга, посвященная отношениям России и Норвегии в 1814–1917 гг.⁹ Авторы рассматривают различные аспекты отношений двух стран, показывают их динамику, изменения под влиянием меняющихся внешних и внутренних условий в наших государствах. Свою активную научную деятельность юбиляр успешно продолжает, так что будет еще не раз радовать специалистов и любителей истории своими публикациями.

Следует вспомнить о замечательных человеческих качествах Владимира Анатольевича. Важные черты его личности — исключительная честность, принципиальность, верность идеалам, отсутствие склонности к соглашательству, к социальной мимикрии. В. А. Карелин отличается скромностью, доброжелательностью, открытостью в общении с разными людьми. При этом, отвергая такие качества, как подлость, лживость, чиновничество, карьеризм, Владимир Анатольевич не считал нужным скрывать своего отношения к непорядочным людям, приспособленцам и лжецам, демонстрировал в своих делах

⁷ Памятники эпохи русской революции и Гражданской войны: Письма дипломата Константина Николаевича Гулькевича норвежскому другу профессору Олафу Броку (1916–1923) / В. А. Карелин, Й. П. Нильсен, К. А. Мюклебуст. М., 2017.

⁸ «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905–1917) / Сост. и ред. В. А. Карелин Й. П. Нильсен. М., 2014.

⁹ Давыдов Р. А., Зайков К. С., Карелин В. А. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / [Р. А. Давыдов, К. С. Зайков, В. А. Карелин и др.]; под редакцией Йенса Петтера Нильсена; пер. с норв. [А. С. Касиян и др.]; Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Институт всеобщей истории Российской академии наук. М., 2019.

и поступках твердость и принципиальность. Это нередко осложняло жизнь и работу нашему юбиляру, но зато доставляло ему большое уважение со стороны многих достойных людей.

Владимир Анатольевич отличный семьянин — отец трех дочерей, в воспитание которых вложил душу и немалые силы, имеет внука и внучку, о которых трогательно и нежно заботится. Юбиляр является человеком высокой культуры и широких интересов. Он в юности увлекался английским языком и очень хорошо самостоятельно овладел им, что позволяет ему свободно читать литературу, вести переписку с зарубежными коллегами, выступать с докладами на международных научных конференциях. Владимир Анатольевич любит музыку, регулярно слушает классику, старый рок 60–70-х годов XX в., сам в юности хорошо играл на гитаре и даже был одно время соло-гитаристом в студенческом ансамбле. Одно из увлечений юбиляра — физкультура и спорт. В школьные годы он занимался волейболом в детской спортивной школе, в студенческие годы входил в команду по спортивному ориентированию, совершал в составе туристической группы походы в Хибины и другие интересные места Кольского края. Однако главным увлечением Владимира Анатольевича с детских лет остается чтение. В юности и молодости он активно знакомился с зарубежной и отечественной классикой, в последние десятилетия отдает предпочтение мемуарной и научной литературе, серьезной публицистике. В. А. Карелин интересный собеседник: он имеет собственное суждение по многим сложным вопросам истории и современной жизни, является блестящим полемистом, спор с которым требует большой эрудиции и немалой гибкости ума.

Авторы данного очерка поздравляют дорогого друга с юбилеем и желают ему долгих лет жизни, новых творческих достижений и успехов, здоровья и счастья.

**О. Ю. Климов,
А. В. Репневский,
В. Ю. Силов**

ЭНЕРГИЯ РЕКИ ПАЗ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ

THE PAZ RIVER ENERGY IN A RESEARCH PROJECT

Научно-исследовательский проект по истории каскада ГЭС на реке Паз, реке трех границ, стартовал в марте 2020 г. Де-факто исследование должно было охватить целую эпоху индустриального развития региона с 1906 по 1970 гг. XX в. Именно в эти десятилетия идея сооружения цепочки гидроэлектростанций на реке прошла путь от своего зарождения к полной реализации с созданием Борисоглебской ГЭС под номером 8. Путь к созданию каскада был бурным как сама река, поскольку указанные десятилетия сами были максимально бурными в политическом отношении: революции, интервенции, войны (гражданские, «горячие» — мировые и «холодная»).

Естественно, что исследовательский проект сразу мыслился как международный, поскольку каскад создавался усилиями и в общих интересах России, Норвегии и Финляндии. История его строительства и работы — целая эпоха в развитии не только энергетики и промышленности Заполярного Севера. Это также история непростых дипломатических, хозяйственных, культурных взаимоотношений стран-соседей. Главное, это еще и история судеб нескольких поколений людей, проживавших, действовавших в приграничье.

Проект родился не на пустом месте. Пресса заинтересованных стран регулярно сообщала читателям о своенравии быстрой реки, процессе строительства и открытии новых гидростанций каскада. В архивах всех трех стран отложились солидные пласты документов: от сообщений геологов и инженерных решений до дипломатических переговоров и культурных мероприятий. Появлялись и научные статьи в журналах и сборниках, раскрывавшие тот или иной важный момент событий в долине реки Паз, но тема оказалась столь обширна, что появлялись только кусочки пазла, который не складывался в общую историческую картину. (Заметим, что название реки и слово «пазл» вполне созвучны).

Мотором и душой проекта, предложившего собрать этот пазл и создать научно-объектовое и одновременно красочное изображение, стал северянин, историк-нордист, к. и. н. Владимир Анатольевич Карелин. Похоже, что мысль о широком проекте по теме родилась у него довольно давно. Во всяком случае, еще в 2011 г. в одном из сборников статей, изданных в Мурманске, находим его небольшую статью «Проблема использования гидроресурсов пограничной реки Паз в российско-норвежских отношениях (начало XX века)»¹.

Тема энергетики, промышленного развития Северных регионов, освещение как проблем, так и лучших времен в деле взаимовыгодного освоения богатств и охраны

¹ Карелин В. А. Проблема использования гидроресурсов пограничной реки Паз в российско-норвежских отношениях (начало XX века) // Проблема модернизации социально-экономической инфраструктуры Европейского Севера России в XX–XXI вв: историческая ретроспектива и современность. Мурманск, 2011. С. 124–130.

природы Заполярья, актуальна во все времена. Для историков и политиков не менее важно освещение и анализ практического делового и культурного сотрудничества и соперничества.

Желая комплексно изучить «проблему реки Паз...», В. А. Карелин в конце 2019 — начале 2020 гг. проявил завидный организационный талант и собрал интернациональную команду из ученых, которые могли бы внести серьезный вклад в реализацию проекта. Он привлек заинтересованных спонсоров в лице руководства «Кольский» ПАО «ТЭК-1», составил содержательный план работ, предложил возможную структуру обобщающего издания, согласовал с каждым из участников его исследовательское задание.

В коллектив исследователей вошли представители Мурманского арктического государственного университета (МАГУ), Мурманского государственного технического университета (МГТУ), Государственного архива Мурманской области (ГАМО), историки Северного Арктического федерального университета (САФУ). Партнерами по проекту выступили ученые-историки Арктического университета Норвегии (г. Тромсе), Университета Восточной Финляндии.

К началу весны 2022 г. более 15 научных статей и десятки документальных материалов проекта уже были готовы и отредактированы. Они ждут своей публикации. Энергия реки Паз поможет нам в полной реализации проекта. В этом же номере «Альманаха североευропейских и балтийских исследований» уже можно познакомиться с подробным, хорошо документированным, обладающим научной новизной исследованием В. А. Карелина о начальных годах изучения потенциала реки Паз в российско-норвежских отношениях 1906–1913 гг.

А. В. Репневский

ПЕРЕВОДЧИКИ ПЁТР ГОТФРИДОВИЧ И АННА ВАСИЛЬЕВНА ГАНЗЕНЫ

TRANSLATORS PYOTR G. GANZEN AND ANNA V. GANZEN

Фото: [Бэбиблог](#)

Переводчики Пётр Готфридович Ганзен (1846–1930) и его жена Анна Васильевна Ганзен (урожд. Васильева, 1869–1942) внесли неоценимый вклад в дело ознакомления читающей публики в России с произведениями писателей Скандинавии. Сказки Х. К. Андерсена в их переводе публикуются до сих пор, а драмы Х. Ибсена идут на сцене. П. Г. Ганзен познакомил также читателей Дании с книгами писателей России.

П. Г. Ганзен в 1846–1881 годах

Петер Эмануэль Хансен (*Peter Emanuel Hansen*) родился в Дании в 1846 г. Сначала он строил свои жизненные планы в расчёте на большую актерскую славу и поступил в Королевский театр. Однако громкий успех не пришёл, и в 1871 г. он разуверился в актёрской профессии, приобрел модную тогда специальность телеграфиста. Датская фирма под названием «Большая скандинавская телеграфная компания» (в России чаще использовали сокращённое название «Сторно») объявила набор телеграфистов на телеграфную линию через Россию и Китай в Японию.

П. Э. Хансен выбрал Японию. Тогда поездка была очень длительной, естественно, на лошадях, поскольку Транссибирскую железнодорожную магистраль начали строить гораздо позже, только в 1891 г. Когда он приехал в сибирский город Омск, то внезапно отказался от дальнейшей поездки, поскольку поменялся местом назначения с коллегой-датчанином, который должен был остаться в Омске. В семье его потомков воспроизводят много раз повторявшийся им рассказ, что этот коллега, проиграв по дороге в карты большую сумму денег жителю Омска, предпочёл уехать, не расплатившись. Первым днём работы было 23 июля 1871 г., впоследствии ему зачли стаж работы в России по почтово-телеграфному ведомству, начиная с этой даты¹.

В конечном счёте все получилось очень удачно. Вряд ли о нём говорили бы сейчас, если бы он доехал до Японии. Он прожил семь лет в Омске и еще три года в другом сибирском городе — Иркутске. Его имя приобрело русский вид. В «Памятной книжке Иркутской губернии за 1881 год» можно встретить упоминание, что среди телеграфистов Иркутской телеграфной станции есть датский подданный Петр Эмануэлович Ганзен². Положенное русским людям отчество было создано из его второго имени. Потом отчество изменилось на Богданович, поскольку Богдан — условный перевод на русский язык имени отца «Готфрид». И только позже его имя в России приобрело окончательный вид — Петр Готфридович Ганзен.

Во время выступления с рассказами о жизни П. Г. Ганзена автор этих строк часто слышал вопрос, как датчанину могло прийти в голову поселиться в Сибири без знания русского языка. Ответить очень легко, потому что П. Г. Ганзен хорошо знал немецкий, французский и английский языки. А образованные русские люди в крупных городах владели французским (вспомним страницы «Войны и мира» Л. Н. Толстого с французской речью героев), часто немецким, реже английским языком. К тому же П. Г. Ганзен с первого дня приступил к изучению русского. Днём он успешно работал на телеграфе, а в долгие сибирские вечера старательно учил русский язык.

Сначала он делал для себя переводы отдельных текстов, а с 1874 г. стал переводить литературные произведения русских писателей. Когда он прочитал роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история», он решил познакомить с ней датских издателей. Роман был послан, напечатан в 1877 г., причём имел большой успех в стране, где несколько задержалась эпоха романтизма в литературе. Первый успех в переводах вдохновил П. Г. Ганзена, появились многочисленные новые

¹ *Партала М. А.* Петр Готфридович Ганзен — преподаватель Электротехнического института, один из пионеров подготовки телеграфных специалистов в России // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2012. № 10. С. 142.

² *Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 год.* Иркутск, 1881. С. 45.

переводы русских авторов на датский язык, в частности Л. Н. Толстого. Затем дело дошло и до переводов произведений датских авторов на русский язык.

П. Г. Ганзен вступил в продолжавшуюся несколько лет переписку с И. А. Гончаровым. Написал о себе, о своих переводах с русского на датский, позже послал пробные переводы со скандинавских языков на русский, в частности перевод двух произведений Х. Ибсена. Гончаров отнёсся к переводчику с большим вниманием, отвечал каждый раз очень доброжелательно, но в письме от 8 июня 1878 г. отметил в переводах недостаток «духа языка, живого, разговорного» и предложил подождать с публикацией переводов с датского на русский. П. Г. Ганзен послушался его и сосредоточился на переводах с русского языка на датский. Позже его дочь опубликовала эту интереснейшую переписку³.

В этот период П. Г. Ганзен познакомился с Марией Александровной Энгельфельд, и они полюбили друг друга. Проблема, однако, в том, что она была замужем, а её муж долгие годы считался «без вести пропавшим». И только когда факт исчезновения был в судебном порядке зафиксирован, они смогли обвенчаться, что произошло в 1878 г. П. Г. Ганзен усыновил пятилетнего сына жены Петра Энгельфельда, в 1879 г. родилась их дочь Мария.

П. Г. Ганзен в 1881–1887 годах

В 1881 г. П. Г. Ганзен с семьей переехал в Санкт-Петербург — тогдашнюю столицу России. Сначала он устроился на работу в Управление городского телеграфа телеграфистом первого разряда по найму. В 1882 г. в Санкт-Петербурге при Главной (потом стала называться Центральной) телеграфной станции открылась школа телеграфистов, куда он поступил преподавателем английского языка. Прошло не очень много времени, как он стал заведующим этой школой. Он ввёл в подготовку специалистов немало новинок, в частности внедрил групповую совместную систему обучения телеграфистов на аппарате Морзе, которая давала лучшие результаты, чем существовавшая ранее индивидуальная система подготовки. Им были созданы многочисленные пособия, опубликованные в 1887 г. и внедрённые в телеграфных школах всей России⁴. Его дочь М. П. Ганзен-Кожевникова рассказывала впоследствии, когда стала преподавать датский язык, своим студентам, что если она приходила на почту отправить телеграмму, там, рассматривая её фамилию, спрашивали, не родственница ли она П. Г. Ганзена, а уж когда она отвечала, что это её отец, то очень радовались, потому что все телеграфисты России при обучении пользовались его многочисленными учебными пособиями.

³ Ганзен-Кожевникова М. П. И. А. Гончаров. Переписка с П. Ганзеном // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 35–105.

⁴ Парчала М. А. Петр Готфридович Ганзен... С. 143.

В 1885 г. от туберкулеза умерла М. А. Энгельфельд, жена П. Г. Ганзена. По-видимому, его финансовое положение было не очень хорошим, потому что он не сразу пригласил к своей дочери Марии гувернантку. Но затем в 1886 г. было создано первое в стране Техническое училище почтово-телеграфного ведомства, куда он был приглашён на работу временным преподавателем английского языка. 20 января 1887 г. П. Г. Ганзен принял российское подданство. Вряд ли это было выдвинуто как условие, но явно очень помогло, поскольку после этого он был зачислен на службу и вскоре стал почто-телеграфным чиновником второго, а затем первого класса. Училище быстро осознало, какой нужный специалист к ним пришёл, и предложило П. Г. Ганзену работу и по телеграфной части тоже. В 1887 г. он пригласил к восьмилетней дочери Марии гувернантку. По объявлению в газете пришла Анна Васильевна Васильева.

А. В. Ганзен в 1869–1887 годах

Анна Васильевна Васильева родилась в небольшом городе Касимове Рязанской губернии 8(20) декабря 1869 г. последним ребёнком из тринадцати. В раннем детстве умерли одиннадцать из них, выжили только Анна и её сестра Раиса, которая была на 20 лет старше⁵.

Её отец Василий Васильевич Васильев 35 лет проработал на разных должностях в городской думе, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, в последние годы был кассиром и бухгалтером. Мать Мария Петровна всегда была домохозяйкой.

В 1872 г. семья в поисках лучшей жизни переехала в Петербург. Отец устроился на работу конторщиком в газете, потом бухгалтером на заводе, но в 1882 г. почти полностью потерял трудоспособность. Родители очень хотели, чтобы склонная к наукам девочка стала учительницей. Её приняли в гимназию, которая называлась Литейной по близлежащему проспекту и была расположена по адресу Бассейная улица, дом 15. Стоит отметить, что гимназии в России, в отличие от современных скандинавских, имели полный курс обучения, обычно семь лет. Мужских гимназий в городе было около 20, женских вдвое меньше, и только одна была казенной (правительственной), все остальные входили в благотворительную систему Ведомства учреждений императрицы Марии.

В 1887 г. Анна закончила гимназию с серебряной медалью. Ей легко давались гуманитарные предметы, в особенности языки, по окончании она знала три иностранных языка (немецкий, французский, английский). Во время обучения она

⁵ Автобиография А. В. Ганзен // Рязанская областная детская библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://rznodb.ru/oldrznodb/ganzens/ganz.htm/avtobiogr.htm> (25.11.2022).

часто помогала другим ученицам. Гимназия была платная, стипендию получить не всегда удавалось, и мать одной из таких учениц платила за Анну.

Женщинам в российские университеты доступа не было, но незадолго до этого в Петербурге были созданы частные Высшие женские курсы, которые принято называть Бестужевскими по имени одного из создателей — историка К. Н. Бестужева-Рюмина. После гимназии Анна стала посещать некоторые лекции. Кроме этого, она подрабатывала, где могла, в частности, ходила по урокам для заработка. Попробовала также заняться литературным трудом, сочиняла стихи, детские рассказы и даже приступила к написанию романа. Несмотря на обещания редакторов напечатать, ничто из всего этого не было опубликовано.

И вот она пришла по объявлению к П. Г. Ганзену.

П. Г. Ганзен и А. В. Ганзен в 1888–1917 годах

Через полгода после первой встречи, в 1888 г., они обвенчались. В 1889 г. родился первый ребёнок, их единственная дочь Марианна⁶. Потом родились сыновья: Лев в 1891, Владимир в 1893, Эмануэл в 1894.

Между тем техническое училище почтово-телеграфного ведомства в 1891 г. было преобразовано в Электротехнический институт императора Александра III (как Электротехнический университет он существует до сих пор). П. Г. Ганзен продолжил преподавательскую деятельность, в мае — июне 1892 г. он был командирован в Данию, Швецию и Норвегию для ознакомления с техническими особенностями устройств соединений телеграфных сетей. В 1895 г. особым распоряжением все годы его деятельности в почтово-телеграфном ведомстве России как по контракту, так и по найму были объединены, и общий стаж для выслуги и начисления пенсии стал исчисляться с 23 июля 1871 г.⁷ Работая в институте, он опубликовал учебник «Английский язык по системе И. Гасфельда»⁸. Он прекратил работать в Институте только в августе 1906 г., имея преподавательский стаж в 20 лет⁹.

Все эти годы П. Г. Ганзен продолжал заниматься переводами, но теперь он был не один. Анна легко овладела датским, а позже и другими скандинавскими языками. Обладая литературным талантом, она уже начиная с 1890 г. подключилась к переводческой деятельности мужа. Впрочем, в первые четыре года её имя как переводчика не было обозначено в печати. Но сотрудничество было отмечено.

⁶ Сейчас общепринятым является такое написание её имени, но сама она подчёркивала, что по документам она Мариана, хотя в документах встречались также Марианне и Мариане, что в её жизни часто приводило к разного рода недоразумениям.

⁷ *Партала М. А.* Петр Готфридович Ганзен... С. 145.

⁸ *Брауде А. Ю.* По волшебным тропам Андерсена. СПб., 2008, С. 234.

⁹ *Партала М. А.* Петр Готфридович Ганзен... С. 144.

«У меня теперь такая замечательная помощница», — пишет П. Г. Ганзен в 1890 г. Л. Н. Толстому¹⁰.

Когда в 1891 г. П. Г. Ганзен опубликовал перевод пьесы Х. Ибсена «Гедда Габлер», он написал в своем письме к Бьёрнстjerne Бьёрнсену от 16 августа 1892 г.: «Очень хвалят мой перевод “Гедды Габлер”. В отношении языка его считают мастерским. Я спокойно могу писать об этом, поскольку это, главным образом, заслуга моей жены»¹¹.

Гораздо позже, незадолго до смерти, П. Г. Ганзен высоко оценил участие жены в их общем литературном деле: «Заявляю чистосердечно, что без сотрудничества моей жены не было бы моего писательства»¹².

Их женитьба стала перстом судьбы. Нет сомнений в том, что П. Г. Ганзен к этому времени свободно владел русским языком, но в его собственных статьях (и письмах к Гончарову), тем более в литературных переводах на русский язык чувствовалось преобладание официального стиля. Живой русский язык, которым, как все русские читатели знают, пронизаны переводы сказок Андерсена, принесла с собой А. В. Ганзен. «Благоухающая поэзия Андерсена впервые предстала читателям во всей своей чарующей прелести», — написал книгоиздатель И. И. Горбунов¹³.

Именно этому замечательному переводческому дуэту русская культура обязана столь многим. Их совместная работа продолжилась в большом количестве переводов скандинавских авторов. Наконец, в 1894 г. в процессе работы над четырёхтомным собранием сочинений Х. К. Андерсена (1894–1895) в книге впервые появилось сочетание: «Перевод А. и П. Ганзен». Следует заметить, что оно не совсем соответствует нормам русского языка (правильно было бы Ганзенов). Но зато это сочетание стало известным всей России. А. В. Ганзен любила рассказывать своей семье позже, уже в 1930-е гг., что в одном из российских городов однажды распространили анкету среди читателей городской библиотеки, и на вопрос: «Какие книги вы больше всего любите читать?» поступили ответы: «Перевод А. и П. Ганзен»¹⁴.

Сохранились воспоминания дочери переводчиков М. П. Ганзен-Кожевниковой о том, как они работали над переводом сказок Андерсена. Сделав первый вариант

¹⁰ Литературное наследство. М., 1965. Т. 75. Лев Толстой и зарубежный мир. Кн.1. С. 334.

¹¹ Волков В., Ермачихин Е. Искренне уважающая Вас Анна Ганзен // Мецкерская новь. 1993. 7 сент. URL: <https://rznodb.ru/oldrznodb/ganzens/ganz.htm/iskren.htm> (25.11.2022).

¹² Ганзен-Кожевникова М. П. И. А. Гончаров. Переписка с П. Ганзеном. С. 38.

¹³ Брауде А. Ю. Ханс Кристиан Андерсен в России // Андерсен Х. К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М., 1983. С. 330.

¹⁴ Жаров Б. С. Переводчики А. В. и П. Г. Ганзены в рассказах их дочери М. П. Ганзен-Кожевниковой. Воспоминания ученика // Скандинавская филология (Scandinavica). 2012. Вып. 12. С. 201. URL: <http://scandphil.spbu.ru/ru/category/%d0%b2%d1%8b%d0%bf%d1%83%d1%81%d0%ba%d0%b8/2012/%d0%b2%d1%8b%d0%bf%d1%83%d1%81%d0%ba-12/> (27.12.2022).

перевода сказки, переводчики собирали детей. Сказка медленно читалась, причём внимание было обращено на реакцию маленьких слушателей. Если что-то было непонятно или реакция не соответствовала ожидаемой, вносились поправки и шла новая проверка. Все должно было звучать совершенно естественно¹⁵.

Поразительным было трудолюбие переводчиков. Когда муж уходил на службу, жена садилась за письменный стол и работала над новыми переводами. Когда муж приходил, наступал его черёд занять стол, а жена переходила к домашним делам. А когда они перебирались на снятую на лето дачу (всегда один и тот же дом в поселке Озерки к северу от города, собственной дачи у них никогда не было), где, казалось бы, можно спокойно отдохнуть, они, напротив, говорили друг другу: «Теперь еще больше времени можно уделить переводческой работе». И даже если не было четкой договорённости с издательством, переводили интересную книгу «в стол» в расчёте на лучшее будущее¹⁶.

Помимо собрания сочинений Х. К. Андерсена и переводов произведений отдельных авторов, в число которых входили датчане С. Киркегор (Кьеркегор) и Г. Банг, норвежцы К. Гамсун и Б. Бьёрнсон, швед А. Стриндберг и многие другие писатели, они опубликовали два раза полное собрание сочинений Х. Ибсена с подробнейшим комментарием в восьми томах (1903–1907).

Некоторые переводы они делали по отдельности. Только П. Г. Ганзен переводил сложные произведения Л. Н. Толстого, объясняя это так: «Жена “по летам своим” (двадцать лет), несмотря на свое умственное развитие, все-таки еще слишком молода»¹⁷.

Было также довольно много самостоятельных переводов и у А. В. Ганзен. Вообще она была очень активным человеком и состояла в множестве общественных организаций, где всегда играла важную роль: с 1896 г. член Русского литературного общества «Союз писателей», с 1902 г. общества помощи нуждающимся литераторам «Литфонд» и так далее¹⁸.

П. Г. Ганзен помимо переводов создавал также авторские работы, которые знакомили Россию с различными сторонами жизни Скандинавских стран. Он переписывался с русскими писателями и провёл несколько дней в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, о чём оставил интересные воспоминания¹⁹.

Примерно с 1904–1905 гг., как единодушно утверждают потомки, П. Г. Ганзен перестал переводить сам. Он по-прежнему отбирал произведения, вёл переписку с

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Брауде А. Ю. По волшебным тропам Андерсена. С. 238.

¹⁸ Автобиография.

¹⁹ Ганзен П. Г. Пять дней в Ясной Поляне // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 1. С. 451–468.

издательствами, решал принципиальные вопросы, но переводы делали теперь его жена Анна и дочь Марианна, хотя это не афишировалось. Так выходили сборники под названием «Фиорды. Датские, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен» (1909–1917, всего 13 томов).

Дело в том, что к этому времени П. Г. Ганзен, уделявший большое внимание знакомству России с опытом социальной работы за рубежом, охране детства, образованию женщин, начиная с 1904 г. получил требовавший много времени высокий пост в Ведомстве учреждений императрицы Марии, которое занималось социальным обеспечением, воспитательными домами, женскими учебными заведениями России²⁰.

К 1917 г. П. Г. Ганзен — действительный статский советник (1911, «За отличие»), чиновник особых поручений IV класса по Табели о рангах, сверх штата, при главноуправляющем собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Был награжден орденами Св. Станислава третьей степени (1897) и второй степени (1905), Св. Анны третьей степени (1900) и второй степени (1906 «За выдающиеся отличия»), Св. Владимира четвертой степени (1909) и медалями. Награждён был также датским орденом Данеброга (кавалерский крест, 1895) и норвежским орденом Св. Олафа (кавалерский крест первого класса, 1908)²¹.

Титул действительного статского советника соответствовал армейскому званию генерал-майора. П. Г. Ганзен имел мундир, в котором ходил на работу, в том числе проводя инспекции соответствующих учреждений во многих городах России²². П. Г. Ганзен много раз ездил в командировки за границу по социальным вопросам, в частности, посетил конгрессы по охране детства в Брюсселе и Лондоне. Опубликовал книги «Охрана детства в Англии» и «Призрение бесприютных и заброшенных детей в Англии по системе д-ра Бернардо» (1916).

Во время революционных событий осенью 1917 г. П. Г. Ганзен уехал в Данию, очевидно, предполагая вернуться в ближайшее время, но этого не произошло.

А. В. Ганзен в 1917–1942 годах

А. В. Ганзен осталась в России с четырьмя детьми: тремя своими и падчерицей, о которых предстояло заботиться. Она продолжила активную переводческую деятельность, в 1919–1925 гг. была сотрудником и членом редколлегии основанного

²⁰ Это ведомство получило своё название от имени Марии Фёдоровны, жены Павла I, а не Марии Фёдоровны, принцессы Дагмар, супруги Александра III, как предпочитают думать в Дании.

²¹ *Партала М. А.* Пётр Готфридович Ганзен... С. 145.

²² По рассказам потомков, А. В. Ганзен минимум 15 лет после его отъезда хранила дома этот мундир.

А. М. Горьким издательства «Всемирная литература». Была членом московского, потом всероссийского союза писателей.

В 1919 г. она была арестована и провела несколько недель в тюрьме. Как рассказывала автору этих строк её внучка М. С. Кожевникова, дочь М. П. Ганзен-Кожевниковой, во время обхода квартир дома жильцов расспрашивали, нет ли у них оружия. А. В. Ганзен ответила, что никакого оружия нет. Но при обходе обязательно присутствовал дворник, который сказал, что в действительности оружие есть, на чердаке лежит их охотничье ружьё. Это ружьё принадлежало сыну Владимиру, погибшему от случайного выстрела в 1911 г. О ружье они совершенно забыли. Пришлось провести в тюрьме время, пока А. В. Ганзен не сумела передать А. М. Горькому, который её прекрасно знал, просьбу помочь. В результате переговоров она была освобождена. Других эксцессов подобного рода не было.

В городе существовало много небольших появлявшихся и исчезающих издательств, которые соревновались в выпуске книг, в том числе переводных. Было очень важно успеть быстро перевести что-то новое из того, что подходило по требованиям момента. В нескольких случаях для скорости полученный оригинал книги А. В. Ганзен разрывала пополам и посылала вторую половину в Воронеж, куда к мужу переехала её дочь М.П. Ганзен-Кожевникова, и они вдвоём укладывались в срок. Новинки из Дании присылал муж. Они переписывались, и она к нему совершила несколько поездок. По меньшей мере один раз она была там со своей внучкой Марианной.

Сказки Андерсена перед переизданием всегда ею перечитывались и правились. Если А. В. Ганзен находила лучший вариант какого-то места при повторной публикации любых произведений, то вносила его в старый перевод, поэтому издания разных лет несколько различаются. Но в подписи под переводами сказок Андерсена в эти годы по неизвестным причинам осталась только она одна в отличие от переводов произведений Х. Ибсена, которые продолжали исполняться на сцене и печататься, как и раньше, с классической пометой «Перевод А. и П. Ганзен».

А. В. Ганзен с момента создания единого Союза советских писателей стала его членом и даже была избрана секретарем Ленинградского отделения Союза, о большом уважении к которой рассказывали впоследствии многие писатели. В 1930 г. Союз писателей отметил 40-летие переводческой деятельности А. В. Ганзен, в связи с чем ей было направлено поздравление от самых известных писателей, в котором говорилось, что она перевела «около 300 произведений, принадлежащих перу приблизительно ста авторов и составляющих около тысячи печатных листов»²³.

²³ Бахтин В. С. Писатели Ленинграда: Библиографический справочник: 1934–1981. Л., 1982. С. 78.

А. В. Ганзен в 1920–1930-е гг. перевела значительное количество книг — новинок скандинавской литературы. В частности, именно она делала переводы только что опубликованных книг М. Андерсена-Нексе, который тогда очень много издавался в СССР. Писатель, часто приезжавший в Ленинград, встречался с ней и считал её своим другом.

А. В. Ганзен осталась после начала войны и блокады в Ленинграде. В голодное и холодное время она думала о сохранности книг домашней библиотеки и позволяла родственникам в «ганзеновской» квартире на 10 линии Васильевского острова жечь в «печке-буржуйке» только переплёты книг, но не сами книги²⁴. Она умерла в самую тяжёлую зиму блокады в 1942 г. В книгах встречаются разные упоминания даты её смерти: 1 апреля, 2 апреля. В действительности, как разрешили говорить её родственники, всё было гораздо трагичнее. Она отдавала свой скудный паёк детям и скончалась от голода 27 марта. Но родственники, чтобы сохранить её продовольственную карточку на апрель, сообщили властям апрельскую дату. Проблемы не было, потому что умерших в ту тяжёлую пору просто выносили во двор, и ночью особые похоронные команды собирали тела и увозили. Она похоронена среди безымянных жертв. На Смоленском кладбище рядом с могилой её сына Владимира, погибшего в 1911 г., родственники позже сделали надгробие с надписью «А. В. Ганзен», но там захоронения никогда не было.

Память о переводчиках жива до сих пор. На малой родине А. В. Ганзен с 2005 г. Рязанская областная детская библиотека под руководством директора Т. Н. Окружной периодически проводит Ганзеновские чтения при участии учёных и деятелей культуры из многих городов России, присутствовали также иностранные гости. Детская библиотека в Касимове теперь носит имя А. В. Ганзен. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» в 2021 г. провёл конференцию, посвящённую 175-летию со дня рождения П. Г. Ганзена.

Известные всем россиянам строки сказок Х. К. Андерсена в «ганзеновском» переводе — не просто важная часть зарубежной литературы, но и реально существующий элемент русской языковой культуры. Бесполезно обсуждать вопрос, можно ли делать новые переводы этих сказок на русский язык. Ну, конечно, можно, почему же нет. Но для русского читателя переводы «А. и П. Ганзен» — оригинал. Заменять их так же нелепо, как переписывать современным языком Пушкина и Гоголя.

Б. С. Жаров,
Санкт-Петербургский государственный университет

²⁴ Жаров Б. С. Переводчики А. В. и П. Г. Ганзены... С. 204.

О ПРОЕКТЕ «НОРДБУК» ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГОРОДЕЦ»

ON THE NORDBOOK SERIES OF THE GORODETS PUBLISHING HOUSE

Скандинавская линия «НордБук» — достаточно молодой проект московского издательства «Городец». Серия родилась летом 2020 г., в самый разгар пандемии. Два года — не такой уж большой срок для книжной серии, но всё же достаточный, чтобы поделиться некоторыми результатами. Несмотря на все трудности и неопределённость, издательству удалось выпустить более двадцати пяти книг североευропейских авторов. О некоторых из них [мы уже писали](#), но хотелось бы охарактеризовать серию в целом.

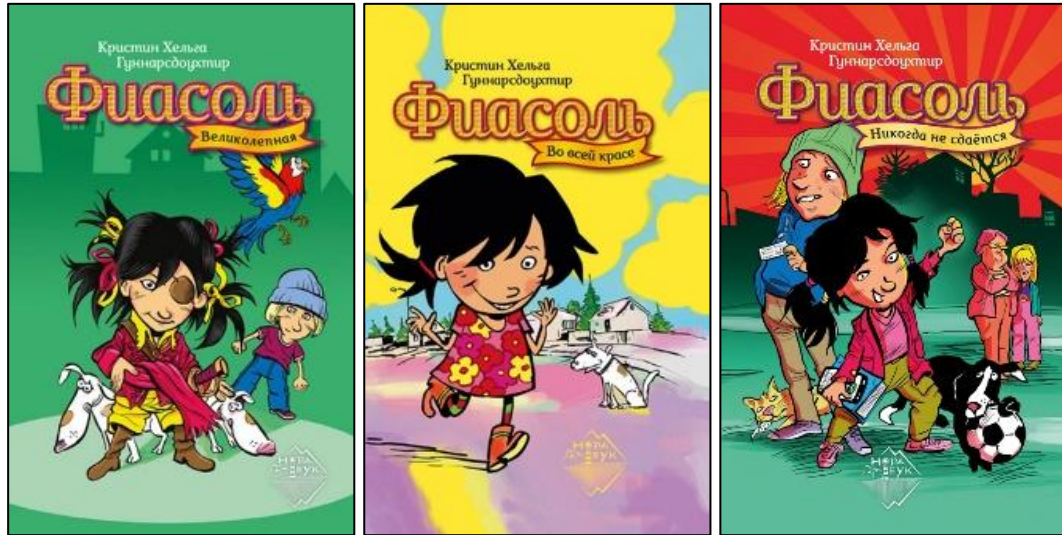
Главная задача проекта — представить российскому читателю современную художественную литературу северных стран в как можно более широком срезе — и географическом, и жанровом. География наших изданий охватывает всю классическую Скандинавию (Данию, Швецию, Норвегию, Исландию) и Финляндию, а также Фарерские острова и Гренландию, жители которых, несмотря на небольшую численность, сохранили свой уникальный язык и культуру. Жанры переведённых произведений весьма разнообразны: детектив, или криминальный роман (как его чаще называют в Скандинавии), психологическая проза, книги для детей и подростков, нон-фикшн и графический роман. Авторы многих книг — уже состоявшиеся, известные писатели, как у себя на родине, так и в других странах, их книги были отмечены литературными премиями, переведены на разные языки. Есть и книги молодых авторов, которые показались нам яркими и интересными.

Детская литература

Большая и очень важная часть нашей скандинавской детской серии — книги писателей Исландии. Это наш эксклюзив, ведь исландские книги для детей на русском языке практически не издавались. Что же особенного в этих книгах? Исландских писателей, как и авторов других скандинавских стран, отличает интерес к сложным темам. У детей, как и у взрослых не всегда всё благополучно, существует много проблем, как в школе, так и в семье. Но при этом истории исполнены оптимизма: в жизни ребёнка много радости, приключений, а кроме того, он растёт очень самостоятельным, свободно высказывает свое мнение и принимает многие решения. Эти книги будут интересны и полезны не только для детей, но и для родителей.

Первыми в серии «НордБук» вышли две детские книги исландской писательницы Кристин Хельги Гуннарсдоухтир (*Kristín Helga Gunnarsdóttir*, род. 1963) о приключениях девочки по имени Фиасоль. Эти весёлые истории о девочке-фантазёрке, которую иногда называют «исландской Пеппи Длинный Чулок», проиллюстрировал исландский художник Халлдоур Балдурссон, а перевёл на русский

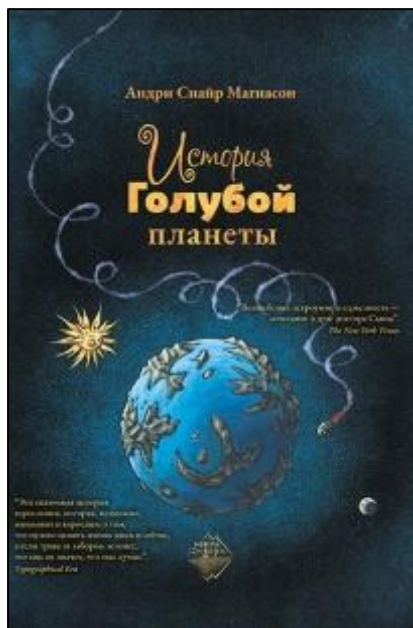
язык известный петербургский скандинавист и переводчик Борис Жаров. Фиасоль — одна из любимых героинь исландских детей. Писательница несколько раз становилась лауреатом Исландской детской книжной премии. Сейчас по мотивам серии в Исландии снимается телесериал.

Всего в издательстве «Городец» вышли шесть книг Кристины Хельги Гуннарсдоухтир в переводе Бориса Жарова. Их можно читать в любом порядке, но написаны они в определённой последовательности, в соответствии с возрастом героини: «Фиасоль — во всей красе», «Фиасоль у себя в норке», «Фиасоль всегда в пути», «Великолепная Фиасоль», «Фиасоль и похищение маленького льва» и «Фиасоль никогда не сдаётся». Фиасоль живёт с родителями, двумя сёстрами, и забавными болонками, Хансиной и Йенсиной, в маленьком городке Грасабайр. Ей не сидится на месте, она всё время что-то придумывает, чтобы сделать жизнь немного интереснее. Фиасоль любит путешествовать, помогать детям и исполнять желания. Но иногда ей очень трудно навести порядок в своей комнате и справиться с заданиями по математике. Она совершает ошибки, но учится их признавать и исправлять. В этих книгах читатель также найдёт неожиданные реалии из жизни исландских детей: истории о рождественских троллях и привидениях, а также о том, что президента можно встретить в обычном продуктовом магазине.

В серии «НордБук» вышли две книги ещё одного исландского писателя — Андри Снайра Магнасона (*Andri Snær Magnason*, род. 1973), автора романов, пьес, поэтических сборников, книг для детей и подростков. Его произведения переведены более чем на тридцать языков мира. В 2016 г. писатель баллотировался в президенты страны. Книгу «История Голубой планеты» (русский перевод Игоря Мокина) он написал двадцать лет назад для своего маленького сына и не предполагал, что она станет известной, и её будут читать дети в разных странах. Как написал автор в предисловии

к русскому изданию, он хотел сочинить «красивую и серьёзную историю, в которой будет рассказываться про весь мир». Русский перевод Игоря Мокина вошёл в лонг-лист премии им. Корнея Чуковского в номинации «Переводная художественная литература для детей 8–12 лет».

На Голубой планете не было взрослых, на ней жили только дети, они были свободны и счастливы и делали всё, что им заблагорассудится. Но однажды на планету приземлился загадочный человек, который мог исполнить любое их желание. Начинают происходить чудеса, а затем и другие события, не только радостные, но и очень грустные. Эта история начинается как невинная сказка с увлекательным сюжетом, а перерастает в философскую притчу о современном мире. Книга ставит перед читателем непростые вопросы: Почему нельзя всегда быть счастливым? Хорошо ли, если все желания начнут исполняться? Что такое война? Почему одним всё, а другим ничего?

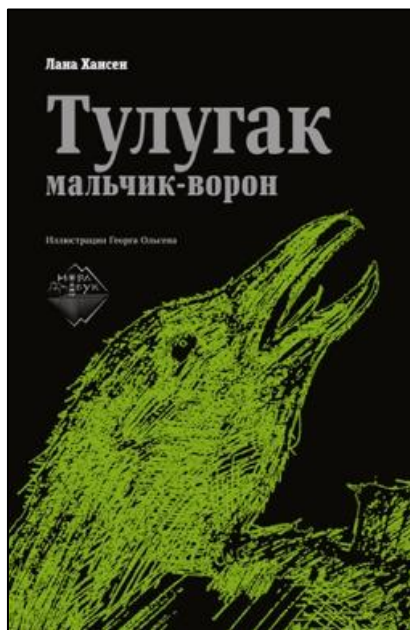
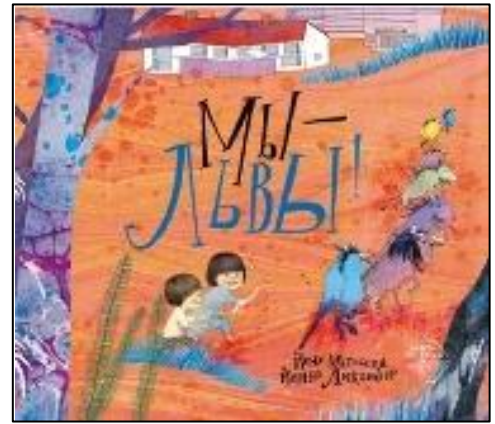
Вторая книга Андри Снайра Магнасона называется «Ящик времени» (перевод Ольги Маркеловой). Это необыкновенно увлекательная история, будущее переплетается в ней с историей из далекого прошлого. Спасаясь от экономической и экологической катастрофы, люди попрятались в загадочные чёрные ящики, чтобы не выходить из них до тех пор, пока не настанут лучшие времена. Города заросли лесом, в бывших супермаркетах рыскали дикие звери. Осталась лишь горстка детей, ящики которых открылись раньше времени, и таинственная старая женщина. Вместе они пытаются разгадать загадку: что же стало с миром?! Поиски ответа заставляют их обратиться к событиям далекого прошлого, больше похожим на легенду или чудесную сказку о прекрасной принцессе. Что же такое время? Как его измерить и оценить? Бывают ли хорошие и плохие времена?

В 2021 г. совместно с сотрудниками Детского зала Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино мы провели [встречу с исландскими писателями](#) Кристин Хельгой Гуннарсдоухтир и Андри Снайром Магнасоном, их русскими переводчиками, а также читателям, которые имели возможность задавать вопросы лично или в прямом эфире. Получился очень интересный разговор об особенностях

детской литературы Исландии, почему она популярна сегодня во многих странах, чем отличаются исландские дети от российских, действительно ли исландский язык совсем не изменился за несколько сотен лет, и в чём заключаются основные трудности при переводе детских книг на русский язык.

Среди детских книг серии «НордБук» нужно отметить книжку-картинку «Мы — львы!» шведского автора Йенса Маттссона (*Jens Mattsson*) и финской художницы Йенни Люкандер (*Jenny Lucander*). Эта книга на очень трудную тему, причем адресована она детям младшего возраста. Нежная, в чем-то юмористическая и в то же время трагическая история повествует о любви двух братьев и умении переживать горе и болезнь с помощью игры и фантазии. Яркие и тонкие иллюстрации создают вместе с текстом удивительный мир, в котором соседствуют боль, тревога, улыбка, сострадание и надежда. Книга получила премию Северного совета в области детской и юношеской литературы (2020), а российское издание (в переводе Юлии Колесовой) вошло в топ-лист детской литературы крупнейшей московской ярмарки Нон-фикшн (2021). Нам также удалось поговорить с автором, художницей и переводчицей в прямом эфире Детского зала Иностранки. Как написать детскую книгу о тяжёлой болезни? Нужно ли говорить с детьми о смерти? Это и многое другое мы обсудили [на встрече](#) «Любовь, болезнь и игра: как литература помогает говорить с детьми на трудные темы».

Самая необычная из наших детских книг — это книга гренландской писательницы и эоактивистки Ланы Хансен (*Lana Hansen*, род. 1970) «Тулугак — мальчик-ворон». В этой сказке есть и интересный сюжет, и актуальные экологические проблемы, и отголоски традиционной мифологии эскимосов. Кроме того, эту книгу можно считать первым переводом художественного произведения с гренландского языка на русский. Автор перевода — Вадим Грушевский, иллюстрации выполнены Георгом Ольсеном, гренландским художником, писателем и музыкантом.

Тулугак — обычный мальчишка, но у него есть одно удивительное свойство: он умеет летать. Он живет в Гренландии — стране фьордов и ледников. Однажды мальчик знакомится с Духом Льда, который рассказывает ему об опасности, грозящей нашей планете.

Чтобы спасти Землю, Тулугак отправляется в полное неожиданностей путешествие — по воздуху, суше и воде. В связи с выходом этой книги в журнале «Книжная индустрия» было опубликовано [интервью](#) с директором гренландского издательства *Milik Publishing* Лене Теркильдсен «Гренландия: книгоиздание на самом большом острове в мире».

Ещё одно из наших примечательных изданий — сборник гренландских сказок «Одноглазый великан». Эти сказки собрала и пересказала для детей известная датская журналистка, писательница, кинематографист Гунвор Бьерре (*Gunvor Bjerre*, род. 1942). Она объездила много стран, но Гренландия навсегда покорила её сердце. Именно поэтому ей было так важно познакомить детей с частицей сокровищницы гренландской культуры — старинными преданиями и мифами инуитов. Проиллюстрировал сказки Мики Якобсен (*Miki Jacobsen*, род. 1965), один из самых известных и признанных художников Гренландии. Отличительной чертой его работ является тесная связь с гренландской природой и культурой. Сочные яркие акварели позволили легендам прошлого заиграть новыми красками.

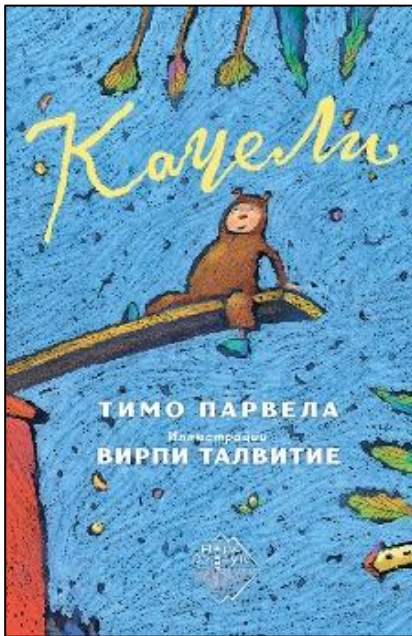
Это очень важная книга, ведь гренландские народные сказки для детей на русском языке практически не издавались, выходило лишь несколько научных изданий для фольклористов. Для этой книги мы отобрали 22 сказки, которые знакомят читателя с огромным и разнообразным миром гренландской мифологии и культуры. Говорящие животные и летающие шаманы, сильные мужчины, способные в одиночку унести кита, и бедные сиротки, вынужденные ходить босиком по снегу, одноглазые великаны и обычные люди, взрослые и дети, проявляющие мужество и смекалку, хитрость и ловкость, — всё это и многое другое можно встретить в гренландских сказках и легендах. На русский язык книгу

перевела Гаянэ Орлова, а предисловие к этому изданию написала Галя Моррелл, художница и полярный исследователь, большой знаток гренландской культуры.

Среди детских книг серии «НордБук» можно отметить и книгу датской писательницы Гунвор Ганер Крайберг (*Gunvor Ganer Krejberg*, род. 1973) «Мирья. Новые крылья» (в переводе Егора Фетисова). Это увлекательная история о девочке-эльфе,

о приключениях, дружбе и смелости, страхе и сомнениях. Но главное — это рассказ о преодолении внутренней неуверенности и обретении веры в себя. На [сайте «Библиогида»](#) — одного из главных на сегодня путеводителей по литературе для детей и подростков — книга охарактеризована так: «Вопрос доверия — один из центральных в книге, где нехарактерное для сказки и фэнтези, стремительное повествование уживается с многочисленными образами и метафорами. <...> “Новые крылья” можно считать психологической историей о подростках и для подростков, только подаётся она в оригинальной сказочной форме».

Одна из последних детских новинок издательства «Городец» — книга известного финского писателя Тимо Парвелы (*Timo Parvela*, род. 1964) «Качели» (в переводе Анны Сидоровой). Автор хорошо знаком русскому читателю по популярнейшей серии книг о девочке Элле. «Качели» — первая книга трилогии о медвежонке Боре, ставшая классикой современной финской детской литературы и переведённая на двенадцать языков мира.

В каждом ребёнке живёт одинокий медвежонок, поэтому детям так легко понять, что чувствует главный герой книги — Бор. Тимо Парвела, многие годы работавший школьным учителем, написал глубокую и трогательную историю о непонимании, поиске себя и обретении внутреннего равновесия. Иллюстрации художницы Вирпи Талвитие (*Virpi Talvitie*, род. 1961, трижды была номинирована на почетную премию имени Ханса Кристиана Андерсена) прекрасно дополняют рассказ и пробуждают воображение читателя. История о медвежонке отмечена многими литературными наградами, в числе которых и главная премия Финляндии в области детской литературы *Finlandia Junior* (2006).

Скандинавский детектив

Скандинавский детектив давно стал узнаваемым брендом и знаком качества в мире детективной литературы. В 2000–2010 гг. обнаружилось, что помимо таких «звездных» имён, как Ю Несбё, Стиг Ларссон, Хеннинг Манкелль в Скандинавии существует очень много талантливых и самобытных писателей, чьи книги пользуются

большой популярностью, переводятся и экранизируются. В серии «НордБук» представлены многие авторы скандинавского детектива.

Очень популярны в Норвегии книги норвежского писателя Фруде Гранхуса (*Frode Granhus*, 1965–2017) умершего в возрасте 52 лет. Прежде всего это серия из шести детективов, главный герой которых инспектор Рино Карлсен, а действие происходит на родине автора — Лофотенских островах. На русском языке вышли в свет первые две книги серии — «Водоворот» и «Шторм» (в переводе Алены Юченковой).

Детективы Гранхуса держат читателя в постоянном напряжении, интрига сохраняется до самого конца книги. Сюжет разворачивается в нескольких городах, деревнях, часто действие происходит параллельно и в прошлом, и в настоящем. Постепенно нити сплетаются в единую историю, раскрываются все новые и новые подробности давно забытых событий. Главный герой — детектив Рино Карлсен — вовсе не супергерой, обладающий даром дедукции или особой прозорливости. Он обычный человек: увлекается роком, любит своего сына, ревнует бывшую жену, ненавидит ремонт.

Дикая природа и суровый климат Лофотенских островов создают особую напряжённую атмосферу в детективах Фруде Гранхуса. Проживший всю жизнь в Северной Норвегии, писатель детально, достоверно и ярко описывает атмосферу действия своих романов — ландшафт, природные явления. Действие романов происходит в городе Будё (столица Нурланда) и деревнях Бергланд и Ландегуде. «Северная Норвегия с отвесными скалами, огромными валунами, бурлящим ледяным

морем, штормовым ветром описана так ярко, что, прочитав романы, кажется, сам превращаешься в местного жителя. Море, дождь и ветер становятся полноценными героями-деятелями романа», — отмечает переводчица [А. Юченкова](#).

Книги Гранхуса многогранны. Среди главных тем, волнующих автора, можно выделить отношения родителей и детей, любовь в её самых разных и подчас болезненных проявлениях, а также тему мести или права на возмездие. Как далеко может зайти человек в слепом желании отомстить? И насколько оправдано это желание и те последствия, к которым оно может привести? В книге затрагивается и множество социальных проблем: медицина и отношение в обществе к инвалидам, работа социальных служб и прочее.

Датский детектив представлен в серии книгой «*Всё имеет свою цену*» в переводе Анатолия Чеканского. Её авторы известные в Дании писатели — брат и сестра Лотте и Сёрен Хаммеры (*Lotte Hammer*, род. 1955, *Søren Hammer*, род. 1952). Они начали совместную писательскую деятельность в 2008 г., выпустив свой первый детективный роман «Зверь внутри». Книга имела большой успех, была переведена на шестнадцать языков (в том числе на русский). С 2008 по 2016 г. писательская пара опубликовала десять детективов, героями которых стали главный комиссар уголовной полиции Копенгагена Конрад Симонсен и его коллеги из отдела по раскрытию убийств.

Действие романа «Всё имеет свою цену» частично происходит в Гренландии. Найденное среди льдов тело убитой двадцать пять лет назад молодой женщины влечёт за собой масштабное расследование с неожиданными результатами. Обстоятельства смерти погибшей напоминают Конраду Симонсену одно из давних дел, к расследованию которого он имел непосредственное отношение. Дело растёт с пугающей быстротой, вскрываются всё новые и новые эпизоды. По непонятным причинам ход расследования становится объектом пристального внимания администрации премьер-министра страны.

Уникальным можно назвать издание детектива фарерского писателя Стейнтора Расмуссена (*Steintór Rasmussen*, род. 1960) «*Смерть приходит в клуб вязания*» (перевод Андрея Мельникова). Эту книгу можно считать первым переводом прозаического произведения с фарерского языка на русский (ранее выходили только сборник поэзии и книга фарерского автора XIX в., написанная на датском языке). Стейнтор Расмуссен — известный фарерский музыкант, автор песен, поэт и писатель. Получил признание как автор сборников рассказов, стихотворений и книг для детей. В 2016–2019 гг. выпустил серию из пяти детективов.

Книга написана в традициях «скандинавского нуара», где расследование преступления переплетается с воспоминаниями, тайнами и травмами прошлого, с описаниями дикой, но завораживающе притягательной северной природы — родных для автора Фарерских островов. Шесть женщин из небольшого фарерского городка Норвуйк, знакомые друг с другом со школьной скамьи, периодически встречаются, чтобы провести время за вязанием и обсуждением новостей. Однажды они получают страшное известие: в старом доме на окраине города был найден труп хорошо знакомого им 42-летнего мужчины. Жители городка напуганы, полиция немедленно начинает поиски убийцы.

Шведский детектив представлен в серии «НордБук» книгой Лизы Марклунд (*Liza Marklund*, род. 1962), одной из самых успешных писательниц детективного жанра. Лауреат и номинант более двадцати литературных премий, как в Швеции, так и за рубежом, Марклунд работает также журналисткой и является совладельцем третьего по величине издательского дома Швеции *Piratförlaget*. Её книги переведены более чем на 40 языков (восемь книг были изданы на русском языке) и разошлись тиражом порядка 23 млн. экземпляров.

Лиза Марклунд прославилась серией детективов о журналистке Аннике Бенгтзон. На русском языке выходили романы «Последняя воля Нобеля», «Место под солнцем», «Красная волчица», «Прайм-тайм» и другие. В 2010 г. Марклунд вместе с американским писателем Джеймсом Паттерсоном написала роман «Убийцы по открыткам», возглавивший список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». В 2020 г., во время пандемии, писательница начала писать трилогию, первая книга которой — «Полярный круг» — вышла на русском языке в переводе Юлии Колесовой. В своём письме, обращённом к издателям, Марклунд [писала](#), что в это непростое время у неё возникло страстное желание смотреть не вперёд, а оглянуться назад, обратиться к своему прошлому: «Город Стентрэск, затерянный среди лесов Норрботтена на севере Швеции, — это сумма моих воспоминаний и видений, его жители — тени и мечты о прожитой жизни».

Книга, написанная в жанре психологического детектива, охватывает четыре десятилетия: начинается в 1980 г. и находит своё продолжение на Рождество 2019 г.

Пять девочек-подростков из маленького городка в Норрботтене встречаются раз в месяц, чтобы обсудить прочитанные книги (они называют свой книжный клуб «Полярный крут»). Одна из них бесследно исчезает летом 1980 г. Сорок лет спустя её находят убитой, а четыре женщины вновь собираются вместе. Это психологический детектив, в нём также можно найти много интересных деталей о повседневной жизни Швеции 1980-х гг.

Ещё один необычный шведский детектив — «Особый ген» (в переводе Аси Лавруша). Его автор — Карин Бойс (*Karin Bojs*, род. 1959) — писательница, научный журналист, почётный доктор Стокгольмского университета, почти 20 лет являлась главой научного отдела шведской газеты *Dagens Nyheter*. На многих языках была издана её научно-популярная книга о генетике *Min europeiska familj: De senaste 54 000 åren* (в русском переводе Елены Тепляшиной она вышла в 2020 г. в московском издательстве *Individuum* под названием «Моя доисторическая семья. Генетический детектив»).

Книга «Особый ген» — первый опыт автора в жанре романа. Тридцатилетняя Дорис, внештатный корреспондент крупной столичной газеты, собирает материалы о новом лауреате Нобелевской премии по физиологии и медицине. Исландско-шведский ученый Пол Карассон открыл ген, который одновременно обуславливает склонность к творчеству и шизофрении. Тема вызывает у Дорис не только профессиональный, но и личный интерес, поскольку этим недугом страдает её брат, некогда одарённый математик и чемпион Швеции по игре в го.

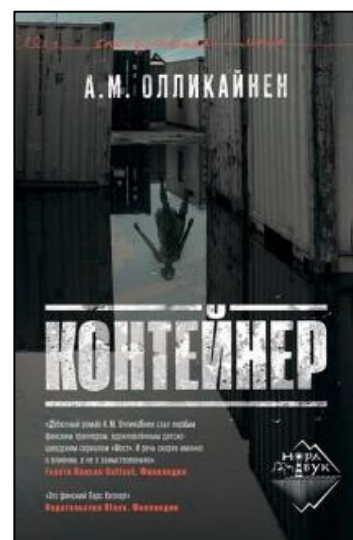

Первая финская книга, изданная в издательстве «Городец», — детектив «Отступники» известной писательницы Леены Лехтолайнен (*Leena Katriina Lehtolainen*, род. 1964) (переводчик — Алексей Михайлов). Живущая в глуши смотрительница заповедника Айно обнаруживает на берегу озера едва живого мужчину. Лингвист Томас только что прилетел в Финляндию, его похитили прямо из аэропорта, накачали парализующим веществом, раздели и бросили в воду. Айно выхаживает Томаса, и вместе они начинают выяснять, кто и почему пытался его убить. Становится понятно, что преследователи Томаса мстят ему за то, чего он не совершал.

Книги Лехтолайнен переведены на десятки языков и завоевали признание читателей по всему миру. В Финляндии её криминальные романы стали бестселлерами, были отмечены литературными премиями и экранизированы. На русском языке выходили книги из серии о сотруднице полиции Марии Каллио, а также ряд детективов из цикла «Телохранитель». В [обзоре](#) Ксении Десятковой «Лучшие детективы 2021 года, мимо которых вы могли пройти» творчество Леены Лехтолайнен характеризуется так: «Книги Лехтолайнен — это всегда вызов читателю, готов ли он взглянуть на окружающих и себя не с самой привлекательной стороны. Кроме захватывающего сюжета и поднимаемых вопросов морали и долга, её детективы отличает дух далекой и незнакомой российскому читателю Финляндии. Вы буквально пропитаетесь запахами хвойных лесов, услышите шёпот горных рек, почувствуете мелкий гравий и мягкий мох под ногами. И, конечно, не забывает Леена Лехтолайнен провести экскурсию по музею современных нравов финского общества, чем живут жители этой скандинавской страны сейчас, что ценят, к чему стремятся и чего боятся».

Всё больше финских писателей входят сегодня в число популярных в мире авторов криминального романа. Книгу «Контейнер» написали супруги Аки и Милла Олликайнены (*Aki Ollikainen*, род. 1973, *Milla Ollikainen*, род. 1974, их общий псевдоним — А. М. Олликайнен). Оба состоявшиеся писатели: роман Аки «Белый голод» вошёл в лонг-лист Букеровской премии (2016), а Милла — автор трёх детективов, один из которых в 2012 г. стал победителем финского конкурса детективов. «Контейнер» — их первая совместная книга, ставшая лауреатом того же конкурса в 2019 г. Это первый роман из задуманной авторами серии про женщину-следователя Паулу Пихлая. На русский его тоже перевёл Алексей Михайлов.

Действие разворачивается в наши дни в Хельсинки. Полиция расследует смерть женщины, которая была заперта и утоплена в грузовом контейнере. Контейнер принадлежит одному из самых известных бизнесменов Финляндии. Расследованием умело и хладнокровно руководит женщина-комиссар полиции Паула Пихлая. Параллельно рассказывается о личной жизни Паулы. Старые воспоминания теперь всплывают на поверхность: когда она была очень молодой, ей пришлось отдать ребёнка на усыновление. Мальчику, её сыну, сейчас двадцать с небольшим, и ему предъявлено обвинение в убийстве...

Психологическая проза

Скандинавская литература — это не только детективы. Карин Альвтеген (*Karin Alvtengen*, род. 1965), шведская писательница, больше известная как автор детективов, в нашей серии выступает как автор тонкой психологической прозы. Её книга *«Эффект бабочки»* (перевод Екатерины Крестовской) не относится к детективному жанру, хотя детективная интрига там тоже присутствует. Этот роман отсылает нас к известному рассказу Рэя Брэдбери. То, что произошло много лет назад, может неожиданным образом повлиять на нашу сегодняшнюю жизнь.

По непонятным причинам легковой автомобиль врезается в поезд дальнего следования. В аварии погибают одиннадцать человек. Но что предшествовало катастрофе? Виноват ли кто-то ещё, кроме водителя? Углубляясь в прошлое, мы видим, как случайности неумолимо сплетаются в бесконечную сеть, создавая настоящее, как наши поступки влияют на ход событий далеко за пределами нашей собственной жизни.

В романе несколько сюжетных линий и три героя, вокруг которых вертится повествование. Узнав о своей неизлечимой болезни, главная героиня Будиль пытается переосмыслить свою жизнь, сделать то, что давно хотела, но боялась (развестись с мужем, наладить отношения дочерью, разобраться в своём прошлом). Параллельно рассказывается история её дочери Виктории, которая погружена в свои проблемы и не замечает, что происходит с матерью. Третий герой этого романа — Андреас, переживший большой стресс из-за преступления, свидетелем которого он случайно стал, и которое роковым образом изменило его жизнь. Эта книга очень честная и откровенная, она прежде всего — о доверии и понимании, об одиночестве и поиске смыслов, о борьбе свободной воли против силы детских травм.

Роман *«Двойной портрет»* известной шведской писательницы и журналистки Агнеты Плейель (*Agneta Pleijel*, род. 1940) посвящён неожиданной встрече двух великих людей: писательницы Агаты Кристи и художника Оскара Кокошки. Книга основана на реальной истории и содержит малоизвестные детали из жизни английской писательницы. Читатель становится свидетелем шести сеансов, во время которых Кокошка пишет портрет Агаты Кристи. Писательница и художник проходят путь от почти полного неприятия друг друга до искренней дружбы, длившейся до конца жизни Агаты Кристи. Книга вышла в прекрасном переводе Анны Савицкой, как и роман ещё одной шведской писательницы — Терез Буман.

Терез Буман (*Therese Bohman*, род. 1978) — автор четырёх книг, переведённых на ряд европейских языков, а также литературный критик, редактор отдела культуры газеты *Expressen*. Роман «Другая» в 2015 г. был номинирован на премию Шведского радио и Литературную премию Северного Совета.

Главная героиня романа «Другая» работает в больничной столовой шведского города Норрчёпинга, но мечтает писать книги. Одним дождливым днём врач Карл Мальмберг предложил подвезти её до дома. Так началась история страстных отношений между женатым мужчиной и молодой женщиной, мечтающей о другой, прекрасной и настоящей жизни. Это книга о любви и предательстве, о смелости и малодушии, о власти и классовых различиях, о вере в себя и свою мечту и умении бросить вызов собственным страхам.

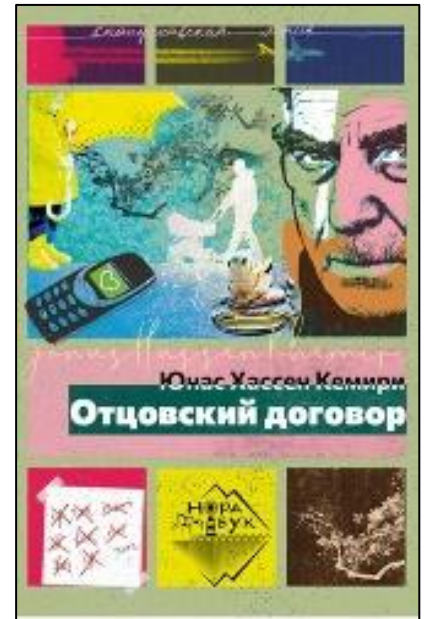
Один из самых интересных и успешных авторов нашей серии — Юнас Хассен Кемири (*Jonas Hassen Khemiri*, род. 1978). В серии «НордБук» вышли два романа этого шведского писателя — «Всё, чего я не помню» и «Отцовский договор». Обе книги вошли в список главных произведений шведских авторов последнего десятилетия, которые можно прочитать на русском языке, составленный журналом *Swedish Book Review* совместно со Шведским институтом. У автора совсем не шведская фамилия и внешность, хотя родился он в Швеции — его отец родом из Туниса. Романы и пьесы Кемири необычайно популярны и в Швеции, и за рубежом, он лауреат почётной премии им. Августа Стриндберга, премий за лучший переводной роман в Америке и Франции. Оба романа в русском переводе вошли в прошлом году в лонг-лист почётной премии Ясная Поляна.

Кемири — мастер сложной психологической прозы, полифонических романов, где каждый герой имеет свой неповторимый голос. В романе «Всё, чего я не помню» (в переводе Юлианы Григорьевой) некий писатель пытается воссоздать последний день жизни Самуэля — молодого человека, внезапно погибшего (покончившего с собой?) в автокатастрофе. В рассказах друзей, любимой девушки, родственников и соседей вырисовываются разные грани его личности: любящий внук, бюрократ поневоле, преданный друг, нелепый позер, влюбленный, готовый на все ради своей девушки. Что же остается от всех наших мимолетных воспоминаний? И что скрывается за тем, чего мы

не помним? Это роман о любви и дружбе, предательстве и насилии, горе от потери близкого человека и одиночестве, о быстротечности времени и свойствах нашей памяти.

Роман «Отцовский договор» (в переводе Наталии Братовой) с иронией и горечью рассказывает о том, как сложно найти общий язык с самыми близкими людьми. Что значит быть хорошим отцом и мужем, матерью и женой, сыном и дочерью, сестрой или братом? Казалось бы, наши роли меняются, но как найти баланс между семейными обязательствами и личной свободой, стремлением быть рядом с теми, кого ты любишь, и соблазном убежать от тех, кто порой тебя ранит?

Дедушка дважды в год приезжает домой из-за границы, чтобы навестить своих взрослых детей. Его сын — неудачник. Дочь ждёт ребенка не от того мужчины. Только он, умудрённый жизнью патриарх, почти совершенен — по крайней мере, ему так кажется. Этот роман заставит вас смеяться и плакать, узнавать в героях себя и своих близких. Произведение получило много высоких оценок критиков и книжных блогеров. Так, литературный критик Владислав Толстов [назвал](#) его лучшим переводным романом 2021 г.

Книга датского писателя Роберта Золя Кристенсена (Robert Zolja Kristensen, род. 1964) «Воздушные шары запрещены» небольшая по объёму, но очень многослойная: это и рассказ о жизни преподавателей шведского университета, и увлекательный любовный треугольник с непредсказуемым финалом, и символическое повествование о современной жизни в Скандинавии. Особый подтекст создают в книге знаки и таблички, которые коллекционирует главный герой. В романе читатель найдёт и философское осмысление жизни, и чувство юмора, и тревожное напряжение в ожидании развязки, а также своеобразный авторский стиль, который прекрасно передан в переводе Егора Фетисова.

В издательстве «Городец» вышло два романа одного из самых оригинальных писателей современной Исландии — Сьона (Sigurjón Birgir Sigurðsson, род. 1962). Автор десяти романов и двенадцати сборников стихов, лауреат Литературной премии Северного совета (2005), Исландской литературной премии (2013) и кавалер ордена

Искусств и изящной словесности Франции (2021), Сьон известен и как автор текстов к песням певицы Бьорк. В 2001 г. он был номинирован на премию «Оскар» как соавтор её песни к фильму «Танцующая в темноте».

«Скугга-Бальдур» — пятый роман Сьона, выпущенный в Исландии в 2003 г. Книга получила Литературную премию Северного совета, переведена на 35 языков. Описанные в романе события происходят в 1883 г. в заснеженной исландской глубинке, на юго-западе страны. В сюжете неожиданным образом переплетаются судьбы трёх главных героев: Фридрика, когда-то учившегося за границей в Дании, Аббы — девушки с синдромом Дауна, которую нашли на потерпевшем крушение у берегов Исландии иностранном судне, и священника местного прихода Бальдура Скуггасона — большого любителя лисьей охоты. Несмотря на лёгкость

повествования и даже некоторый налёт сказочности, книга затрагивает проблемы человечности современного общества. Кроме того, книга полна символов и до последней страницы неясно, кто же в ней настоящий герой, а кто — злодей. Прекрасный перевод Натальи Демидовой был номинирован на премию «Ясная Поляна» (2019).

Недавно на русском языке вышел в свет второй роман Сьона — «Зародыш мой видели очи Твои. История любви». Эта [книга](#) является первой частью трилогии «КоДекс 1962» (*CoDex 1962*), на создание которой автору потребовалось больше двадцати лет. Первая книга вышла в Исландии в 1994 г., вторая — в 2001, а третья через пятнадцать лет, в 2016 г. Каждая из книг читается как самостоятельное произведение, хотя их и многое связывает. Трилогия была названа «исландской 1001 ночью» в рецензии газеты *The Guardian*.

Действие романа происходит во время Второй мировой войны в небольшом немецком городке Кюкенштадт. В местной гостинице неожиданно появляется заморённый до полусмерти беглец из концлагеря. У него в руках — шляпная коробочка, где хранится глина особого замеса, из которой будет вылеплен ребёнок. Беглеца прячут в потайной комнатке гостиницы, где его выхаживает горничная

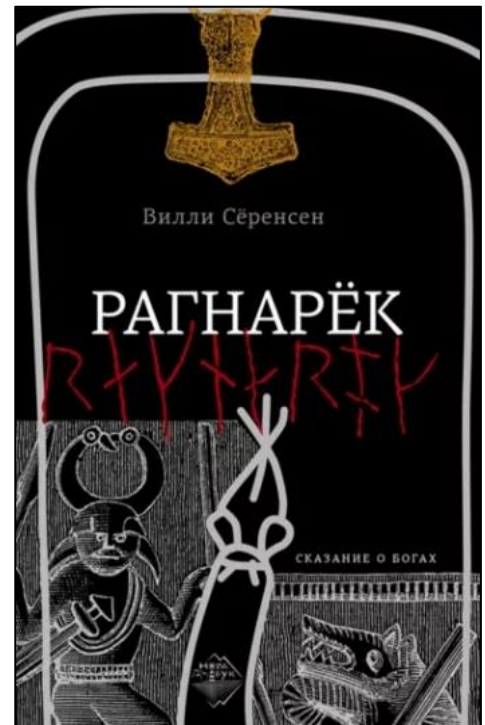

Мари-Софи. В этом причудливом сюжете нашла своё отражение еврейская легенда о Големе, услышанная автором в 1990 г. в Праге. Там он посетил могилу известного раввина, который, согласно преданию, создал из глины великана, призванного защищать еврейскую общину от преследований и погромов. В благодарность за «услышанную молитву» Сьон обещал перенести легенду о Големе на исландскую почву. Это глубокая и оригинальная проза, полная мистики, иронии, невероятных хитросплетений сюжета и написанная волшебным языком.

Несколько книг нашей серии выходят за рамки определённых литературных жанров. Среди них книга «Рагнарёк» датского писателя Вилли Сёренсена (*Villy Sørensen*, 1929–2001) в переводе Бориса Ерхова. Это авторское переложение скандинавской мифологии. Писатель использовал традиционные мифологические сюжеты Старшей и Младшей Эдды, но истолковал их по-своему, с известной долей юмора. Книга «Рагнарёк» вышла в свет в 1982 г. С тех пор в мире многое изменилось, но взаимная вражда и недоверие, разговоры о «глобальной катастрофе» по-прежнему не утихают. А сегодня мотив «гибели богов» стал, к сожалению, ещё более актуальным.

Отличительной особенностью первого русского издания книги «Рагнарёк» являются уникальные аутентичные иллюстрации, созданные художником и дизайнером книги Андреем Ирбитом. Используя технику коллажа, совмещая рисунок, фотографию, изображения средневековых гравюр, художник помогает читателю увидеть впечатляющую своим размахом картину мироздания, какой она представлялась древним скандинавам. Осенью 2022 г. русское издание книги «Рагнарёк» стало участником прошедшей в Санкт-Петербурге III Биеннале книжной графики и иллюстрации.

Говоря о книжной иллюстрации, нельзя не упомянуть графический роман «Голод» норвежского художника Мартина Эрнстсена (*Martin Ernstsen*, род. 1982), выполненный по мотивам одноименного романа Кнута Гамсуна (в переводе Елены Рачинской и Евгении Воробьевой). «Голод» и сегодня, спустя 130 лет после его первой публикации, продолжает

привлекать новых читателей. Художник переосмысливает произведение в формате комикса, ещё полнее раскрывая психологическую глубину «Голода» и подчёркивая средствами графики отчаянную и безнадежную борьбу героя за жизнь. Визуальное повествование погружает читателя в богатый и разнообразный мир романа: от подробных изображений городской среды 1880-х гг. до красочных видений, лихорадочных фантазий главного героя, наполненных оригинальными метафорами.

Графический роман Мартина Эрнстсена удостоился ряда престижных литературных премий в Норвегии (в том числе читательской премии *Ordknappen* и двух премий *Grafill* в номинациях «Лучший комикс года» и «Лучшая литературная адаптация года»), а российское издание вошло в топ-лист ярмарки Нон-фикшн (2021).

Елена Дорофеева,
литературовед, выпускающий редактор серии «НордБук»
издательства «Городец», Москва

(Все иллюстрации взяты с сайта Издательского дома «Городец»:
[https://gorodets.ru/collection/skandinavskaya-liniya-nordbuk.](https://gorodets.ru/collection/skandinavskaya-liniya-nordbuk))

**XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ САГОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«САГИ И ЦИРКУМБАЛТИЙСКАЯ АРЕНА»
(ХЕЛЬСИНКИ, ТАЛЛИНН, 7–14 АВГУСТА 2022)**

18TH INTERNATIONAL SAGA CONFERENCE *SAGAS AND THE CIRCUM-BALTIC ARENA* (HELSINKI AND TALLINN, 7TH–14TH AUGUST 2022)

Саговая конференция — главное событие в жизни мирового саговедения — обычно проходит раз в три года. Однако из-за пандемии за последней конференцией, прошедшей в 2018 г. в Рейкьявике, последовал более длительный перерыв, и даже весной 2022 г. было до конца не ясно, не отложится ли конференция ещё на год. В этом году конференция проходила сразу в двух городах, сначала в Хельсинки, а затем в Таллинне, куда участники переплывали на пароме. Часть докладов была в дистанционном формате, однако многие всё же смогли приехать очно, что — при всех обстоятельствах 2022 года — казалось настоящим праздником жизни. Особенностью событий такого масштаба является их неохватность: одновременно всегда шло от четырёх до шести секций, и послушать все доклады было невозможно. В этом отчёте я зафиксирую то, что мне удалось послушать, а также опишу основные темы секций; с развёрнутыми тезисами большинства докладов можно также ознакомиться в открытом препринте¹. Круглые столы и дополнительные мероприятия я оставляю за рамками отчёта.

За четыре дня конференции прошло три пленарных лекции по вопросам, часто возникающим в современном саговедении. Так, в первый день *Нил Прайс* поднял вопрос о необходимости и в то же время сложности междисциплинарного подхода к сагам. Хотя, как отметил Прайс, в современной скандинавистике с тезисом о необходимости междисциплинарного подхода никто не спорит, в реальности он применяется не так часто. Однако диалог между дисциплинами позволяет углубить наше понимание эпохи викингов, что, в свою очередь, создаёт основу для конструирования такого образа этой эпохи, какой был бы более близок к исторической реальности и в то же время учитывал бы специфику источников разных типов. По словам Прайса, конструирование подобного образа необходимо, так как эпоха викингов занимает заметное место в массовой культуре и привлекает особое внимание — в такой ситуации перед учёными стоит не только задача накопления знания, но и его обязательного донесения до массовой общественности. В качестве недавнего примера такого междисциплинарного взаимодействия, предполагающего влияние на массовое представление об эпохе викингов, Прайс

¹ Pre-Print Papers of the 18th International Saga Conference: Sagas and the Circum-Baltic Arena. Helsinki and Tallinn, 7th–14th August 2022 / Ed. by Frog, Joonas Ahola, Jess Barber, Karoliina Kouvola. Helsinki, 2022. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/346783> (05.11.2022).

привёл работу над фильмом, который в российском прокате получил название «Варяг» (*The Norseman*, 2022, реж. Роберт Эггерс).

Другая проблема, всегда встающая перед саговедами, — это изучение саг с учётом, с одной стороны, фольклора и устной культуры Древней Скандинавии, а с другой стороны — культуры записи саг и их переписывания. К устной культуре в своей лекции обратился *Стивен Митчелл*, который сделал обзор развития методов фольклористики, связанных с филологией, в XX в. и рассмотрел современные подходы в исследованиях фольклора, которые используются сейчас в саговедении (исследования памяти, этнография речевых актов, этнолингвистика, исследования форм исполнения древнесеверной поэзии и т. д.). В свою очередь, развитие одного из ключевых направлений современных исследований в области саговой письменной культуры представил *Харальдур Бернхардссон* в лекции о рукописной вариации. Харальдур презентовал свой проект, продолжающий его работу в рамках завершившегося большого проекта о вариации в рукописях «Саги о Ньяле»² — так как эта сага сохранилась в очень большом количестве рукописей из разных временных периодов, она позволяет проследить изменения исландского языка на уровне морфологии и синтаксиса с XIII в. вплоть до XVII в., когда отношение к сагам изменилось и их начали переписывать с целью сохранить как можно ближе к тексту.

Главной темой конференции этого года были саги в контексте циркумбалтийского региона³, что отразилось в тематических блоках докладов: были отдельные секции о «Саге о Йомсвикингах», «Саге о Гутах», о репрезентации саамов и финнов в сагах, о языковом и культурном взаимодействии в циркумбалтийском регионе и др. Кроме тематических секций были блоки и с традиционными сюжетами (эддическая поэзия, язык и поэтика саг, саги и история религиозных практик средневековых скандинавов и др.), и с популярными сейчас направлениями исследований (репрезентация «иног» в сагах, история эмоций, гендерные исследования, экокритический подход, рецепция саговых образов и сюжетов в современных медиа и др.).

Об эддической поэзии в этом году была всего одна специальная секция, которая открылась докладом *Микаэля Мэйлса* о критериях датировки поэм «Старшей Эдды». Мэйлс начал с ключевой проблемы датирования поэм: всегда стоит вопрос о том, является ли поэма ранней или же это сочинение XII в., известного своим антикварным интересом к прошлому. Задачу датировки решают либо с помощью

² Результаты проекта см. в сборнике: *New Studies in the Manuscript Tradition of Njáls saga: The historia mutula of Njála* / Ed. by E. Lethbridge, Svanhildur Óskarsdóttir. Kalamazoo, 2018.

³ Термин «циркумбалтийский регион» в русскоязычной скандинавистике был предложен Г. С. Лебедевым для описания общих процессов не только в странах, непосредственно прилегающих к Балтийскому морю, но и в Северо-Западной Руси (*Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций* (IX–X вв.). М., 2018. С. 9). В данном контексте этот термин также используется расширительно.

анализа содержания, либо с помощью анализа языка или метра поэмы. По мнению Мэйлса, проблемой современной скандинавистики является то, что эти критерии обычно не сочетаются между собой, поэтому в докладе он предложил при датировке сначала смотреть на лингвистические и метрические маркеры, указывающие на раннее сложение поэмы, а затем на то, есть ли в поэме содержательное единство — при сочетании этих критериев её можно было бы датировать как раннюю. В качестве примера Мэйлс рассматривал поэму «Речи Высокого», которая, по его мнению, была составлена целиком до 1000 г. н.э. За Мэйлсом выступил *Джеймс Паркхаус* с докладом о риторической функции устойчивой связки лексем *vreiðr* и *vega* в эддических поэмах. Его доклад вызвал дискуссию о том, как именно такие связки стоит называть, формулами или же коллокациями, как было у Паркхауса — Даниэль Севборг согласился, что термин «коллокация» в случае его материала работает лучше. Последний доклад в эддической секции, сделанный *Клаусом Йоханом Мирволем*, был посвящён критике последней интерпретации рунической висы на камне из Рёка. В последнее десятилетие на основе переинтерпретации одной лексемы в висе была выдвинута гипотеза о том, что в висе отражается беспокойство автора о климатических изменениях — эту гипотезу Мирволь подробно раскритиковал, прибегая к многочисленным лингвистическим аргументам, и вернулся к традиционной интерпретации, согласно которой автора висы интересовал не климат, а остготский король Теодорих Великий. Основное тёмное место в висе Мирволь предложил интерпретировать как след краткого аналогического выравнивания в парадигме существительного *strönd*, продлившегося с 800 по 850 г.

О «Младшей Эдде» был всего один доклад на секции о рукописях (тоже единственной за все дни конференции). В нём *Фредерике Рихтер* рассматривала трансформацию «Младшей Эдды» в бумажных рукописях XVII–XVIII вв., где в паратекстуальных элементах проявляется представление читателей того времени о своём прошлом, а функция «Младшей Эдды» раз за разом переосмысливается. На той же секции *Дарья Глебова* описывала нарративную стратегию составителя рукописи *Bajarbók á Raufasandi* (AM 73b fol., XIV в.), анализируя состав компиляции и рукописную вариацию в одной из её частей, «Саге о Бьёрне, герое долины реки Хит», а *Алиса Валтола-Уолкер* — структуру сборников саг о древних временах XV в. Здесь же, в контексте исследований рукописей, следует упомянуть доклады *Тома Лоренца* о псалтири-палимпсесте AM 618 4to и *Тордис Эдды Йоханнесдоухттир* о сравнении двух версий легендарной «Саги о Боси» (*Bósa saga*) — Тордис Эдда показала, что расхождения между версиями настолько велики, что более поздний вариант, сохранившийся в рукописях XVII в., можно считать отдельной, заново составленной сагой.

В секциях об истории дохристианских верований в Древней Скандинавии «Старшая» и «Младшая» Эдды рассматривались уже не сами по себе, но как источники. Были доклады, посвященные образам отдельных богов (Тор в «Песни о Харбарде» (*Hárbarðsljóð*), *Manu Braithwaite-Westoby*), образу мёда поэзии в эддической и скальдической поэзии (*Ann Sheffield*), о древнескандинавской космологии (*Eldar Heide; Jesse Barber; Jules Piet*) и воображаемом пространстве в «Младшей Эдде» (*Timothy Liam Waters*); *Ян Козак* обратился к образам Вёлуна и Одина, превращающихся в птиц, и выделил в рассказах о них общую мотивную структуру. Здесь же стоит упомянуть доклады о нехристианских верованиях Древней Скандинавии и их отражении в сагах и в близких им источниках. Так рассматривали образы фигур, специализирующихся на ворожбе: практика *seiðr* в сагах в контексте описаний волхвования в древнерусской «Повести временных лет» (*Leszek P. Stupecki*); «ангел смерти» у Ахмада ибн Фадлана как образ валькирии и вёльвы (*Gerður Halldóra Sigurðardóttir*); происхождение мотива прядения судьбы (*Grzegorz Bartusik*). Отдельная секция была посвящена описаниям практик первопоселенцев. Так, например, *Терри Ганнелл* рассматривал фольклорные параллели к практике исландских первопоселенцев бросать в океан столбы, которые должно прибить к берегу; на той же секции обсуждались и различные формы взаимодействия первопоселенцев между собой (*Audur Ingvarsdóttir; Cassidy Croci*). Несколько докладов было посвящено описанию жертвоприношений животных в сагах и в иных источниках (археология, исторические описания других традиций) (*Lesley Abrams; Klaudia Karpińska; Tonicha M. Upham*), а также различным культовым предметам (*Nancy L. Wicker; Timothy Nancarrow*).

На нескольких секциях обсуждались религиозные практики Скандинавии в эпоху христианизации и христианские тексты в древнесеверной книжности: обсуждались образ упадка природы после изгнания Адама и Евы из Рая по позднему древнеисландскому сочинению *Sethskvæði* (*Tiffany Nicole White*); представления средневековых исландцев о жизни язычников в аду после смерти (*Thomas Andrew Hughes*); формы насилия против священнослужителей, отражённые в сагах (*Elizabeth Walgenbach*); образ св. Биргитты (*Ella Le Peltier-Foschia*). Было также две отдельные секции, посвящённых активно развивающемуся сейчас изучению саг о епископах и житий святых, которые оказываются отличным материалом для самых разных исследований. Так, на материале чудес рассматривали, как средневековые исландцы воспринимали разного рода заболевания, как физические, так и душевные (*Natalie M. Van Densen*); кроме того, саги о епископах дают хорошую почву для анализа ситуаций, когда в средневековой Исландии похороны становятся очагом распри (*Ryder Patzduk-Russell*). Отдельное внимание было уделено восприятию чудес св. Олава в средневековой Скандинавии и Древней Руси (*Daria Segal*), текстологии саг о

Гудмунде (*Magnús Hauksson*) и функции переключения языкового кода в сагах о епископах (латынь-древнеисландский) (*Yekaterina Yakovenko*).

Обращусь к тематическим секциям и докладам. В двух секциях внимание было сосредоточено на образе финнов и саамов в сагах. Так, образ финнов (*finnar*) рассматривался в контексте воображаемой географии на примере и отдельных саг (*Andreas Schmidt*), и более обширного сагового корпуса (*Gaïa Perreault*); соответствующие упоминания в сагах были поставлены в контекст археологических находок, что позволяет увидеть некоторые подтверждения саговых свидетельств на уровне материальной культуры (*Sirpa Aalto & Anna Wessman*). Брент Джонсон проследил в сагах термины *finnar* и *lappir*, стремясь реконструировать отношение финнам и саамам в сагах; Том Грант рассмотрел образ «Снежного короля» (*Snær inn gamli*) в древнескандинавских источниках с особым вниманием к *Fundinn Noregr*. Этот последний источник был также в центре внимания доклада Бена Аллорта. В свою очередь, Аларик Холл попробовал подойти к растительным образам в финских заговорных текстах в рамках экокритического подхода в поисках образа растений как агентов деятельности, однако в результате пришёл к выводу, что заговорные тексты не дают соответствующего материала. Специальный доклад был посвящён связи финнов в сагах с волшебством, к которой, как было отмечено, необходимо найти новый подход (*Gwendolyne Knight*). Отдельное внимание было также уделено культурным взаимодействиям в циркумбалтийском регионе — обсуждалась реконструкция столкновения разных языков во времена путешествия Олава Трюгтвасона в Гардарики (*Gunhild Kværness*), использование рунического письма в Финляндии и Польше (*Kendra Willson*), распространение схожих музыкальных инструментов у балтийских народов и в Великом Новгороде и их общее происхождение (*Andris Mucenieks*). Были также доклады о культурных контактах с народами за пределами обозначенного региона — о наёмных войсках в Скандинавии (*Beñat Elortza Larrea*) и о взаимодействии с мусульманами (*Eduardo Ramos*).

Несколько отдельных секций было посвящено сагам, где действие как раз происходит в циркумбалтийском регионе. В докладах о «Саге о Гутах» рассматривались параллели к саге и элементы, из которых складывается её нарратив (*Viktória Gyönki*), а также встречающаяся в ней генеалогическая модель «три брата в третьем поколении» в контексте других случаев её использования (*Frog*). Отдельная секция была также посвящена «Саге о Кнютлингах», где рассматривалась её текстология (*Alexandra Petrulovich*), а также представленный там материал, касающийся военных столкновений на границах внутри циркумбалтийского региона (*Jakub Morawiec*), и образ конунга Магнуса Доброго (*Marta Rey-Radlińska*). Ещё на двух секциях обсуждалась «Сага о Йомсвикингах»: её сравнивали с «Парцифалем»

Вольфрама фон Эшенбаха (*Annette Volging*) и с королевскими сагами (*Lucie Korecká*); рассматривали её стиль в контексте других саг (*Anna Katharina Heiniger*); анализировали её переводы на английский язык (*John Kennedy*). Большую дискуссию вызвали доклады *Джонатана Корреа-Реаса* и *Роланда Шиль*. Корреа-Реас проанализировал различные модели передачи власти, представленные в саге, и участники дискуссии (Торви Тулиниус, Роланд Шиль) отметили, что этот подход стоило бы применить и к другим сагам о легендарном прошлом, чтобы лучше понять, как исландцы XIII в. представляли себе структуры власти. В свою очередь, Роланд Шиль представил доклад о близких параллелях между правилами йомсвикингов и законами норвежского двора *Hirðskrá*. Отмечу, что законам было посвящено ещё две отдельных секции. Законы рассматривались как элемент в построении сагового повествования (*Ela Sevcikova*), как ключ к реконструкции социальной системы Средневековой Исландии в аспекте различных форм труда (*Santiago Barreiro*), а также как способ увидеть механику оскорблений и понесенного из-за них ущерба (*Sean Lawing*).

Много внимания было уделено образу «другого» (*the Other*) в сагах. Были отдельные доклады, где как «иные» рассматривались образы представителей нескандинавских народностей в сагах, таких как финны (см. выше) или, например, славяне (*Carina Damm*); анализировались нарративные функции путешествий героев саг в «другие» миры (*Michael Micci*). На одной из секций обсуждались разные аспекты репрезентации «другого» в сагах о древних временах: *Glæsivellir* как иное пространство (*Virginie Adam*); восприятие героев с другим цветом кожи на примере Гудмунда с кожей цвета Хель (*Heljarskinn*) (*Jacob Bell*); проблемы терминологии при описании мира в легендарных сагах на примере «Саги об Озде Стреле» (*Jonas Zeit-Alt peter*). На другой секции разговор шёл в основном об «иных» в так называемых постклассических и переводных сагах: *Ребекка Меркельбах* описала пространства, где в постклассических сагах пребывают «другие» (монстры и маргинализированные группы, в том числе саамы); *Бэйзил Арнольд Прайс* предложил рассматривать образ героя «Саги о Финнбоге сильном» в рамках квир-теории, а *Наташа Брэдли* показала, как при переводе латинской истории Тита Ливия в *Rómverja saga* меняются некоторые детали описания персонажей женского пола как «иных» — если колдуны мужчины описываются так же, как в оригинале, то образы колдующих женщин в переводе доместифицируются и их описания изменяются на традиционные для саг. Это наблюдение любопытно сочетается с передачей женских образов в древнесеверном переводе романа Кретьена де Труа «Ивейн, или Рыцарь со львом» — как показала *Холли Макартур*, образ Люнетты, дающей советы, передаётся в отличие от других женских образов очень близко к оригиналу, что, по мнению Макартур, может объясняться подготовленностью древнесеверной аудитории к такому образу,

благодаря женским образам в сагах о древних временах. Гендерный аспект был отражён также в докладах о гендере и эмоциях (отличия в репрезентации гендера и эмоциональных реакций персонажей в оригинале и в древнесеверном переводе романа *Partonpeau de Blois* (*Meritxell Risco de la Torre*)) и об образах женщин в сагах и в их дальнейшей рецепции: в контексте саг о древних временах (*Valerie Broustin & Rudolf Simek*), в викторианских травелогах (*Sofie Vanherpen*) и в постклассических сагах (*Anne Lind*). Женские образы, в частности образы ведьм, анализировались также в сагах и в норвежском фольклоре (*Clare Mulley*); рассматривались методологические проблемы, связанные с анализом фигур женщин-воительниц (*Miriam Mayburd*).

Две секции были посвящены истории эмоций — направлению, активно развивающемуся в саговедении в последние 15 лет. Рассматривались репрезентация страха в сагах (*Teodoro Manrique Antón*); контексты, в которых возникают образы сердца и груди в скальдической поэзии (*Edel Porter*); изображение болезни и связанных с ней эмоций (*Caroline Batten*); изображение изнасилования и репрезентация насильника в «Саге об Адонии» (*Adonias saga*) (*Matthew Roby*). Мария Новотна рассматривала изображение эмоций в сагах — традиционно через описание физического состояния персонажа — как проявление связанности души и тела в восприятии средневековых скандинавов.

Было несколько докладов о рецепции культуры и книжности средневековой Скандинавии: об использовании образов и сюжетов из древнескандинавской культуры в современной массовой культуре, например, в японской манге на примере образа Вальхаллы (*Sayaka Matsumoto*) и Локи (*Tsukusu Jinn Itô*), во французской литературе XIX в. (*Pierre-Brice Stahl*) и даже в идеологическом дискурсе Нидерландов XIX в. (*Simon Halink*); о деятельности скандинавских антикваров XVIII–XIX в., в т. ч. об исландских и датских изданиях саг XIX в. (*Ciaran McDonough*) и об исландских антикварных изданиях пословиц и поговорок XVIII в. — в последнем случае *Кристина Шот* анализировала сборник пословиц Гюдмюндюра Йоуннсона, который, как показала Шот, неосознанно архаизировал собранные им современные ему пословицы. В одной из секций был представлен доклад об использовании образов из древнеисландских саг в видеоиграх (*Лука Панаро*). Был также доклад об источниках уже упомянутого фильма Роберта Эггерса «Варяг» (*The Norseman*): *Томас Снрей* подробно проследил отражение сюжета о принце Амлете в разных традициях, рассматривая обширный круг источников от средневековых хроник (Саксон Грамматик) и до поздних исландских саг и фольклора. Отдельно стоит отметить доклады, которые рассматривали саги о древних временах как позднесредневековую рецепцию раннесредневековых событий. Так, *Адам Берштадт* показал, как описание пространств в «Саге о Вёльсунгах» (*Völsunga saga*) и «Саге о Рагнаре Кожаные штаны» (*Ragnars saga loðbrókar*), помещённых рядом в рукописи

конца XIV в., отражают современную этой рукописи идеологическую обстановку в Дании, что позволяет говорить о рецепции этих саг в восприятии читателя конца XIV в., а *Сабине Хейди Вальтер* анализировала «Сагу об Ингваре Путешественнике» (*Yngvars saga víðförla*) как культурную память о событиях шведского похода XI в. в Исландию XV в. «Сага об Ингваре Путешественнике» упоминалась на конференциях и в ином контексте: если Вальтер сосредоточилась на рецепции XV в., то в другом докладе *Аннетт Краков* привела аргументы в пользу более ранней датировки самого похода Ингвара, датировав его — вместо 1040-х — 1020-ми годами.

Можно также выделить отдельный блок докладов, посвящённых анализу языка и нарратива саг. Так, например, *Йонас Тирош* применил к анализу нарратива саг подход, взятый из исследований кинематографа, *Сюзанна Станковицева* предложила анализ структуры и композиции «Саги о Хитром Реве» (*Króka-Refs saga*), а *Торви Тулиниус* привёл пример того, как саги об исландцах дают представление об исландском обществе XIII в.: в докладе он сосредоточился на образе королевской крови в «Саге о людях из Лососьей долины» (*Laxdæla saga*); схожим образом анализировал «Сагу о Вёльсунгах» как источник взглядов исландцев XIII в. на брак и власть *Марио Маттин Паес*. *Евгения Воробьёва* рассматривала использование формул, связанных с насилием, в контексте интертекстуальных связей, которые могли возникать в памяти аудитории саги при встрече с подобной формулой; *Джонатан Хью* проследил мотив вновь обрётённых руки и кольца, связывающий несколько поздних рыцарских саг и саг о древних временах, а *Мария Кристина Ломбарди* — мотив сломанного хребта в сагах и в скальдической поэзии. На одной из секций была представлена серия лингвистических докладов о заимствованиях, прозвищах и географических названиях (*Merrill Kaplan; Bjarni Gunnar Ásgeirsson; Ilya Sverdlov*), а на другой *Хойкур Торгейрссон* представил обзор современных стилометрических подходов к исландской словесности от саг до рим. Обсуждались также лексика переводных текстов (*Alicia Maddalena*), трансформация оригинала при его переводе (*Matthew Malone*), текстология переводных текстов на материале «Саги о Троянцах» (*Trójumanna saga*) (*Malo Adenx*). Были доклады о реконструкции сложения тех или иных саг: *Ульвар Брагасон* рассматривал гипотетические устные источники «Саги об исландцах» (*Íslendinga saga*), входящей в «Сагу о Стурлунгах» (*Sturlunga saga*), а *Ив Ленцин* предложил несколько аргументов в пользу составления «Саги о названных братьях» (*Fóstbræðra saga*) Ингимундом Эйнарссоном (1170) — его доклад вызвал бурную дискуссию, в которой Торви Тулиниус и Микаэль Мэйлс согласились с Ленцином относительно ранней датировке саги (XII в.), но не приняли идею об авторстве Ингимунда. Некоторые доклады были посвящены формам и поэтике древнесеверной литературы: *Йонас Веллендорф* размышлял о том,

почему в латинской средневековой традиции нет примеров, функционально похожих на древнеисландский *prosimetrum*; Даниэль Севбоге выступил против уже ставшего общим местом утверждения, что переводчики рыцарских романов в XIII в. при переводе пропускали все описания эмоций и проявлений субъективности в романах; Дэвид Нэ обратил внимание на место саги в жанровой теории Андре Иоллеса, автора труда «Простые формы». Несколько докладов было посвящено позднесредневековым литературным формам древнеисландской литературы, например, поэтике постсредневековых тул (*pulur*) (Yelena Sesselja Helgadóttir), нарративной функции способностей к магии в римах (Lee Colwill) или особенностям рецепции «Саги об Эгиле» в римах и сагах, на римах основанных (Nikola Macháčeková).

Византийским сюжетам было посвящено два доклада: об отражении путешествий Харальда Сигурдссона в сагах и в *Gamanvísur* (Erin Goeres), а также об образах вернувшихся из Византии исландцев, которые служили в варяжской дружине у византийского императора — Про Теилор предложил рассматривать их как ветеранов войн, и при всех сложностях такой перспективы, она даёт возможность увидеть некоторых персонажей саг по-новому, например, Гриса из «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» (*Hallfredar saga vandræðaskálds*).

Всего в нескольких докладах рассматривалась скальдическая поэзия сама по себе. Обсуждалась поэтика отдельных скальдов (Isobel Boles), типологические параллели к фигуре скальда (David Ashurst) и образ придворного скальда в сагах (Eirik Westcoat), описания исполнения вис в сагах (Ben Chennells; Inés García López); вариация в рукописной традиции скальдических вис (Kate Heslop); формульность в скальдической поэзии (Bianca Patria).

Большой блок докладов был посвящён разным аспектам, связанным с географией — как реальной, так и воображаемой — и с изображением природы. Часть сюжетов касалась пространств, далёких от Исландии и Норвегии: репрезентации циркумбалтийского региона и Византии как частей *Austrvegr* (Восточного пути) в сагах и в рунических надписях (Agni Agathi C. Papamichael); воображаемых пространств в сагах о древних временах (T. P. Rowbotham); нарративной функции географии в «Саге о Хрольве Пешеходе» (*Göngu-Hrólfs saga*) (Kathrin Chlench-Priber); эсхатологического описания скандинавов в прологе к историческому труду Адама Бременского (Lukas Gabriel Grzybowski); представлений о мореходстве и морской географии в мире саг и в среднеанглийской поэзии (Rebecca Drake). Часть докладов, наоборот, освещала сюжеты, связанные с представлениями о пространствах Исландии: Гисли Сигурдссон анализировал, как в «Саге о названных братьях» фиксируются местные маршруты, места торговли и власти, а Нофа Кнауфельд показала, как в композиции комплекса рукописей, относящегося к **Vatnsþyrna* и *Pseudo-Vatnsþyrna*, конструируется исландский ландшафт, что было значимо для

составителя изначальной компиляции, из которой эти рукописи происходят. Некоторые доклады были посвящены изображению ландшафта не только в сагах, но и в фольклоре. Так, *Маттиас Эгелер* представил материал из современного фольклора о различных географических местах в Исландии, которые часто соединяются у рассказчиков с героями саг, но при этом современное повествование очень сильно отходит от сюжетов саг (схожий процесс, но на примере анализа образа *badstofa* (сауны) отметила *Кейтлин Парсонс*, сравнивавшая соответствующие эпизоды в сагах и в фольклоре XVII в.); *Йонас Кёслинг* анализировал образ моря (*rán*) в скальдической поэзии, сагах и в фольклоре циркумбалтийского региона. В двух докладах саги рассматривались в популярной сейчас перспективе *animal studies*: в центре внимания обоих докладчиков были собаки и их репрезентация в сагах и в археологических находках (*Harriet Evans Tang; Ashley Castellino*).

Наконец, возвращаясь к теме, поднятой Нилом Прайсом в его лекции на открытии конференции, следует отметить несколько междисциплинарных докладов. Часть из них была посвящена рефлексии над перспективой, которая открывается перед исследователями саг при взаимодействии с методологией из другой дисциплины — например, при использовании квантитативных методов *Digital Humanities* (*Gregory Gaines*) или методов из арсенала музееведения (*Olivia Elliott Smith*); в одном из докладов данные археологии и письменных источников рассматривались через призму терминологии когнитивных подходов к истории религии (*Declan Taggart*). В центре внимания других докладов были элементы культуры Древней Скандинавии, к которым трудно прикоснуться только через одну дисциплину: так в исследовании тингов сочетаются данные ономастики, письменных источников и археологии на территории поселений эпохи викингов в Шотландии (*Alexandra Sanmark & Irene García Losquiño*), а при анализе символов эпохи викингов — археологические данные с письменными источниками и информацией из базы данных *Eitri* (*Katherine Beard*); археология также позволяет уточнить наши представления о процессе родов, дополнив его данные из саг (*Katherine Olley*). Вообще же, междисциплинарность была характерна и для многих докладов из упомянутых выше.

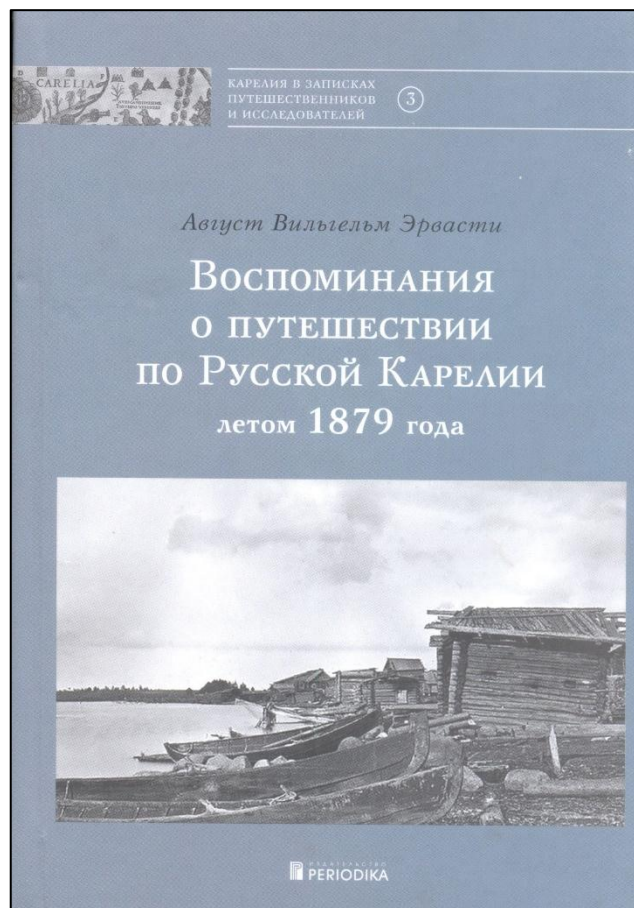
Дарья Глебова,
НИУ ВШЭ, Москва

КНИГА А. В. ЭРВАСТИ «ВОСПОМИНАНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО РУССКОЙ КАРЕЛИИ ЛЕТОМ 1879 ГОДА» КАК ВАЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

THE BOOK BY A. V. ERVASTI RECOLLECTIONS FROM A TRIP TO RUSSIAN KARELIA DURING THE SUMMER OF 1879 AS AN IMPORTANT HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC SOURCE

В 2022 г. в издательстве «Периодика» вышел в свет русскоязычный перевод книги Августа Вильгельма Эрвасти «Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 г.»¹. Это издание стало уже четвёртой переводной книгой в серии «Карелия в записках путешественников и исследователей»², которую совместно выпускают Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Карельское просветительское общество (Финляндия).

Автор «Воспоминаний» А. В. Эрвасти (1845–1900) — финляндский журналист, путешественник, писатель, издатель, специалист по статистике. Идея совершить путешествие в Русскую Карелию возникла у него в 1873 г., но осуществить её удалось только в 1879 г. Интерес к Карелии у А. В. Эрвасти появился в молодые годы. Его формирование связано с рядом факторов. Одно из первых впечатлений о Карелии А. В. Эрвасти получил после прочтения путевых заметок Элиаса Лённрота, которого он знал лично³. Очевидно, что интерес к Карелии подогревался у молодого человека и через знакомство с «Калевалой». О глубоком уважении к этому эпосу свидетельствуют строки в «Воспоминаниях»: «...и каждый финн должен бы знать и помнить о нём [дом Полвила в г. Каяни. — А. К.], ведь именно там, по всей

* Работа подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации». Номер регистрации: 121070700117–1.

¹ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 года. Петрозаводск, 2022.

² Пиха П. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии; Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2019.; Tšubinski P. Elämä Vientien kylissä 1860-luvulla. Karjalan tilastollinen ja kansatieteellinen katsaus. Helsinki, 2021; Olenev I. Karjalan maa ja sen tulevaisuus Muurmannin radan rakentamisen yhteydessä. Helsinki, 2019. 156 s.

³ Лааксонен П. К читателю // Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 12.

вероятности, написана большая часть “Калевалы”⁴. Немаловажную роль в становлении взглядов А. В. Эрвасти сыграло то, что в молодости, будучи жителем Оулу и Каяни, он часто встречался с карельскими крестьянами-коробейниками⁵. Общение с ними постепенно формировало у молодого журналиста образ Русской Карелии и будущего этого края, в котором Финляндия, по его мнению, должна была сыграть большую роль. В 1874 г. в письме к Ю. Юрьё-Коскинену он обосновывал историческую родственность Финляндии и Беломорской Карелии⁶. По всей видимости, окончательно эти взгляды сложились к 1877 г., когда А. В. Эрвасти впервые выступил с ними в Оулуском Финском клубе⁷.

Готовясь к поездке в Карелию, А. В. Эрвасти планировал навестить «зарубежных финнов», как он говорил о карелах, познакомиться с условиями жизни этого народа. Кроме того, его интересовали природные условия края, который примыкал к Великому княжеству с другой стороны его восточной границы. Сразу заметим, что административно-таможенная по сути граница воспринималась А. В. Эрвасти также как символический фронт, разделяющий во многих отношениях Россию и Великое княжество. Вспоминая о её переходе, он пишет: «...в первые минуты мне лезла в голову мысль, что мы находимся в чужой стране». Спутник А. В. Эрвасти, его двоюродный брат Ялмар Басилье, после перехода границы произнес: «Ну, вот мы и в России!»⁸.

Первое издание «Воспоминаний» увидело свет в Финляндии в 1880 г.⁹ Научная и культурная общественность страны встретила работу с большим вниманием. Книга была написана в популярном во второй половине XIX в. жанре путевых очерков — одном из ранних направлений журналистики. Его особенностью является не только рассказ о путешествии, но и изложение общественно-политических взглядов автора¹⁰. В этот период просвещённые круги молодой финской нации находились в поисках ответов на вопросы о национальной идентичности и историко-культурных корнях своей страны. Эпос «Калевала» давал эти ответы и обращал их внимание на Русскую Карелию. А. В. Эрвасти в своей книге не только составил живой образ Карелии, но уже во вступительной статье чётко дал понять, что рассматривал своё путешествие как знакомство с «новой Финляндией», и в «очерке речь идёт только о финнах [хотя и по другую сторону

⁴ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 23.

⁵ Vaara P. Kuka oli oululainen A. V. Ervasti ja miten hän liittyi Vienan Karjalaan? // Karjalan Heimo. 2014. No. 1–2. S. 24. URL: <https://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/sites/default/files/kh-artikkelit/KH-1-2-2014.pdf> (27.12.2022).

⁶ Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 24–25.

⁷ Suistola J. A. W. Ervastian jalanjäljillä // Faravid. 2001. No. 25. S. 69. URL: https://www.pshy.fi/sites/pshy.fi/julkaisut/1977_2019/Faravid_artikkelit/Faravid_25/Suistola/pages/Farav_id_25_043.html (30.08.2022).

⁸ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 31.

⁹ Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Wenäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880.

¹⁰ Скибина О. М. Жанр путевого очерка на страницах периодики 80-х — 90-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 6. С. 134.

границы. — А. К.] и их стране»¹¹. Отметим, что мнение об искусственной оторванности карелов от финнов порой встречалось и в русскоязычной публицистике. Например, известный своим вниманием к социально-экономическим проблемам Карелии И. В. Оленев писал о жителях края: «Заброшенные в глухие углы Архангельской и Олонецкой губернии, оторванные от родной по племени Финляндии... они предоставлены сами себе»¹².

Благодаря своим взглядам на Русскую Карелию, в историю общественной мысли Финляндии А. В. Эрваста вошёл как один из отцов «карельского вопроса» и карелианизма¹³. В то же время, как считает финляндский историк Йоуни Суистола, «Эрваста нельзя рассматривать как основателя ирредентистской идеологии, не говоря уже об идеологии Великой Финляндии», поскольку политические взгляды журналиста на карельский вопрос были неопределёнными¹⁴.

Книга стала одним из знаковых сочинений периода национального романтизма и в той или иной степени повлияла на взгляды современников. Так, И. К. Инха (1865–1930), который совершил знаменитое путешествие в Беломорскую Карелию в 1894 г., ссылаясь на «Воспоминания» при публикации уже своего путевого очерка в 1911 г.

Второе, дополненное, издание «Воспоминаний» вышло уже после смерти автора — в 1918 г. Лишь в 2005 г. в Финляндии было выпущено третье издание. Предположим, что такой перерыв мог быть связан с тем, что после Второй мировой войны из официальной внешнеполитической повестки Финляндии был удалён «карельский вопрос» и установлены добрососедские отношения с СССР. Идеи карелианизма при этом отошли в тень изменившейся общественно-политической картины финляндского общества.

Несмотря на то, что книга не переиздавалась в течение десятков лет, «Воспоминания» активно использовались финляндскими и отечественными историками и этнографами (несмотря на отсутствие русскоязычного перевода) как ценный источник информации по социально-экономической, общественной, религиозной и этнокультурной ситуации в Беломорской Карелии в последней четверти XIX в.¹⁵ Отметим, что учёные обращаются и к другим сочинениям А. В. Эрваста, рассматривая их в качестве исторического источника¹⁶.

¹¹ Эрваста А. В. Воспоминания о путешествии... С. 16.

¹² Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: путевые очерки. Гельсингфорс, 1917. С. 150.

¹³ Nordqvist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 29–30. URL: http://www.sarks.fi/fa/PDF/FA25_27.pdf (29.08.2022); Vihavainen T. Petroskoi suomalaisessa lehdistössä 1800-luvun lopulla // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа / [Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, И. М. Соломещ]. Петрозаводск, 2012. С. 291; Vaara P. Kuka oli oululainen A. V. Ervasti... S. 24.

¹⁴ Suisto J. A. W. Ervastian jalanjäljillä... S. 89.

¹⁵ См., например: Пулькин М. В. Политика русификации в конце XIX — начале XX в.: административный аспект (по карельским материалам) // Уральский исторический

Композиция книги подчинена изложению хода путешествия, и в своём рассказе журналист почти не отходит от выбранной концепции. Исключением являются лишь два сюжета. Первый из них касается изложения видения автором экономических условий Карелии, а второй связан с выдержками из книг по истории Соловецкого монастыря. Сравнительно небольшой объём книги обусловлен и хронологическими рамками путешествия. 3 июля 1879 г. А. В. Эрvasti со своим спутником пересёк восточную границу Великого княжества, а 31 июля вернулся в Финляндию. Помимо прочих возможных причин краткости пребывания А. В. Эрvasti в Беломорской Карелии (за вычетом времени поездки на Соловки и Архангельск он не пробыл здесь и 20 дней), можно назвать цель самой поездки. Она носила лишь ознакомительный характер. В отличие от путешествовавшего по Беломорской Карелии в 1870-е гг. А. А. Борениуса или экспедиции И. К. Инхи и К. Карьялайнена, А. В. Эрvasti не занимался такой трудоёмкой и времязатратной работой, как поиск и запись местного фольклорного материала. В первую очередь его интересовали, как он писал, «средства к существованию и какой [у карелов. — А. К.] достаток», а также насколько они русифицировались¹⁷. Как отмечает П. Ваара, А. В. Эрvasti вообще не был ярко выраженным языковым активистом, веря в эволюционное развитие финского языка и его роль в финляндском обществе. В студенческие годы он не принимал активного участия в борьбе шведско- и финноязычных студенческих группировок в университете¹⁸. Видимо, в этом следует видеть причины того, что его поездка в Русскую Карелию носила не филологический в широком смысле этого слова характер, как у других современников или предшественников. Его интерес к Карелии, как указывает П. Ваара, был идеологическим и этнографическим¹⁹. Именно в этом ключе следует оценивать описанные А. В. Эрvasti дискуссии о «языковом вопросе», которые возникали несколько раз в ходе путешествия. Он доказывал представителям местного населения²⁰, что «... карельский язык, то есть финский», имеет как минимум ничуть не меньшее значение, чем русский язык²¹. Факты использования местным карельским населением русского языка производили на А. В. Эрvasti «несколько тягостное впечатление, как если бы мы находились в чужой стране, в России»²². Таким образом, для оулуского журналиста карельский язык (который он

вестник. 2016. № 4. С. 120–126; Шкалов Ю. Г. Язычники, православные, сектанты, лютеране? Религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX — начало XX века). Петрозаводск, 2014; Витужновская-Кауппала М. Карелы Северо-Запада России в Гражданской войне: поиск стратегий выживания // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний 1917–1922. СПб., 2020. С. 126–140.

¹⁶ См., например: *Ervasti A. V. Väkivunseikoista Venäjän Karjalassa*. Helsinki, 1888; *Ervasti A. V. Suomalaiset Jäämeren rannalla: matkamuistelmia*. Helsinki, 2017.

¹⁷ *Эрvasti А. В. Воспоминания о путешествии...* С. 15.

¹⁸ *Vaara P. Kuka oli oululainen A. V. Ervasti...* S. 24.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Оговорим, что это были зажиточные люди, занимавшиеся торговлей.

²¹ *Эрvasti А. В. Воспоминания о путешествии...* С. 155, 209.

²² Там же. С. 37.

рассматривал как диалект финского) являлся объектом внимания не с научной филологической точки зрения, а как один из индикаторов уровня национального самосознания. Особенно у наиболее богатой и успешной части населения Карелии.

Идеалистические представления А. В. Эрвасти о Русской Карелии сказались на подготовке к путешествию. Первоначально он планировал совершить его в одиночку, как и прежние поездки по Финляндии. Он считал, что путешествие по Карелии в одиночестве безопасно. Двоюродного брата он пригласил присоединиться «в роли собеседника». В то же время близкие журналиста отнеслись к идее путешествия в Карелию «с некоторым ужасом», а в приграничной местности финские крестьяне предупреждали спутников, что Карелия — «погибельное место» для мужиков²³. Слабое предварительное планирование путешествия сказалось и на недостаточно хорошо продуманном бюджете и расчёте времени²⁴. Однако это оказалось преимуществом, поскольку и финансовых средств, и времени было запланировано несколько больше, чем требовалось. Это позволило совершить дополнительную поездку в Архангельск.

Ещё одним важным упущением в ходе подготовки к путешествию стало то, что А. В. Эрвасти заранее не обратился к Архангельскому и Олонецкому губернаторам за открытым листом для бесплатного проезда на лодках по многочисленным водным путям края. Со страниц книги остаётся не вполне понятным, знал ли журналист вообще о такой возможности. Большую часть путешествия А. В. Эрвасти нанимал за деньги лодки и гребцов, а вопрос о наличии открытого листа возник уже ближе к концу пути²⁵.

Следует подробно остановиться на отдельных проблемах, затронутых А. В. Эрвасти в его книге. Мы намеренно оставляем за скобками все сюжеты, связанные с поисками автором «... чувства собственной национальности»²⁶ у карелов, и его обоснования необходимости ориентации этого народа на Финляндию, а финляндской общественности — на всестороннюю помощь карелам. Этот аспект часто попадал в поле зрения исследователей.

Нас в первую очередь интересует картина социально-экономического положения населения Карелии в конце 1870-х гг., зафиксированная финским путешественником. А. В. Эрвасти уделил такому описанию большое внимание и в силу того, что это была одна из целей путешествия, и ввиду своих профессиональных качеств статистика. С последним обстоятельством связаны приведённые им ценные сведения о количественных показателях. А. В. Эрвасти зафиксировал существовавшие тогда в Кемском уезде цены и стоимость услуг, неземледельческие заработки населения, расстояния между населёнными пунктами, дворность деревень, существовавшие объёмы посева на пахотных участках,

²³ Там же. С. 17, 25–26.

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ Там же. С. 162–163.

²⁶ Там же. С. 164.

количество голов домашнего скота. Все эти сведения служат важными источниками социально-экономического характера.

Среди прочих особенностей повседневной жизни населения края особое внимание автора привлекла проблема корабейничества. А. В. Эрвасти был хорошо знаком с тяжёлыми реалиями разносной торговли в Финляндии. Некоторые известные ему примечательные факты он изложил в книге²⁷. В особом разделе А. В. Эрвасти описал своё видение экономических условий Карелии. Он назвал разносную торговлю «главным промыслом в Карелии» и подробно изложил её суть и значительные масштабы. А. В. Эрвасти представил развёрнутую оценку причин низкой экономической эффективности корабейничества, напрямую связывая её с бедностью карельских крестьян. Главное, что сдерживало, по его мнению, разносную торговлю в Финляндии — это отсутствие чёткой правовой основы этого занятия. А. В. Эрвасти считал, «каждый из друзей Карелии» должен был бороться за легализацию разносной торговли в Финляндии²⁸. Изменение финляндского законодательства в этом вопросе могло бы «незамедлительно и ощутимо поспособствовать карелам», поскольку придавало бы новые импульсы главному занятию местного населения²⁹. На наш взгляд, А. В. Эрвасти видел в корабейничестве не только основу для благосостояния карелов, но и надёжный способ трансляции культурного, политического и экономического влияния Финляндии на Карелию. В частности, на страницах книги неоднократно указывалось, что более зажиточные крестьяне в Беломорской Карелии ведут успешную торговлю в Финляндии. Их хозяйства и вообще обстановка в домах, по свидетельствам путешественника, во многом копировала тот уклад жизни, который существовал в Финляндии.

Если А. В. Эрвасти рассматривал в качестве основы благосостояния населения Карелии корабейничество, то местные жители, хорошо зная об уровне жизни в Финляндии, считали, что залог благополучия их края заключается в изменении существующего законодательства. По словам финского журналиста, карел «постоянно твердит»: «Ах, если бы у нас было так же, как у вас, если бы у нас были законы Финляндии»³⁰. Вопрос о том, насколько в действительности было распространено такое мнение в Беломорской Карелии или А. В. Эрвасти генерализирует частные высказывания, остается открытым. В то же время сам автор, возможно, и не акцентируя на этом достаточного внимания читателя, называет несовершенство российского законодательства одним из основных факторов низкого уровня развития сельского хозяйства и неземледельческих промыслов местных крестьян³¹.

Проходные на первый взгляд детали повествования при внимательном чтении становятся значимым историческим источником. Например, после одного из

²⁷ Там же. С. 37, 42–43 и др.

²⁸ Там же. С. 91, 93.

²⁹ Там же. С. 225–226.

³⁰ Там же. С. 98.

³¹ Там же. С. 95, 96, 193.

переходов путешественник и его попутчики ночевали в деревне Кимасозере, на северном берегу одноименного озера. Это небольшое географическое уточнение важно, поскольку на противоположной стороне озера располагалась одноимённая деревня, но находилась она уже в Олонецкой губернии. В этом месте по озеру проходила административная граница между губерниями. А. В. Эрвасти таким образом свидетельствует, что именно в северном (Архангельской губернии) Кимасозере в то время велась подготовка к строительству народного училища на средства, которые были завещаны купцом М. Т. Мининым³². Училище было построено и находилось в ведении директора народных училищ Архангельской губернии³³. В Кимасозере, которое находилось в Олонецкой губернии, также действовала школа, которую в современных текстах иногда путают с народным училищем М. Т. Минина³⁴.

Большое внимание в книге уделено описанию сети путей сообщения в Беломорской Карелии, что важно при реконструкции векторов развития экономических и культурных контактов жителей карельских волостей с Финляндией, с одной стороны, и с населением поморских волостей Кемского уезда, с другой. Зачастую автор специально останавливается на перечислении населённых пунктов и расстоянии между ними³⁵. Его описания физического состояния сухопутных пешеходных троп и особенностей спуска вниз по порожистым рекам заслуживают внимания исследователей. В то же время подобные описания встречаются и во многих других опубликованных источниках. Отметим лишь любопытную, на наш взгляд, деталь: при переходе от Минозера в Лувозеро А. В. Эрвасти кратко охарактеризовал дорогу — это была довольно широкая тропа, по которой можно было идти пешком. Через болота были положены гати, а через ручьи перекинуты мосты. На дороге даже имелись верстовые столбы, однако А. В. Эрвасти по привычке, видимо, ошибочно посчитал, что они означали пройденную милю³⁶. Описание этого пути свидетельствует о том, что даже в самой удалённой части Повенецкого уезда Олонецкой губернии местное земство прилагало усилия для поддержания в порядке минимальной дорожной инфраструктуры. Предположим, что если бы А. В. Эрвасти завершал этой дорогой путешествие по Карелии, то остановился бы на её описании более подробно, поскольку в Кемском уезде, по которому, в основном, пролегал его путь, проблема транспортной доступности населённых пунктов стала решаться только в 1920-х гг.

В отношении дорожного вопроса гораздо более ценными видятся два других сюжета, нашедшие отражение на страницах книги. Прежде всего, заслуживает

³² Там же. С. 47.

³³ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2918. Л. 39; Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1568. Л. 6.

³⁴ См., например: *Абросимова А. А.* К вопросу о помещениях начальных школ и жилья учителей в Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX в. // *Кижский вестник*. Выпуск 17. Петрозаводск, 2017. С. 9.

³⁵ *Эрвасти А. В.* Воспоминания о путешествии... С. 185–186.

³⁶ Там же. С. 42.

внимание упомянута А. В. Эрвасти колёсная дорога, которая уходила на север от Ухты на расстояние более 10 км³⁷. В опубликованной в 1908 г. книге «Архангельская Карелия», где подготовлен обширный раздел о путях сообщения в Кемском уезде, нет упоминания об этой дороге: «... жителям... Кемского уезда колёсные грунтовые дороги были и недоступны, и известны только по слухам, да по рассказам коробейников»³⁸. В связи с этим можно лишь сожалеть, что А. В. Эрвасти ограничился только кратким упоминанием дороги из Ухты, не упомянув, когда она была построена, на какие средства и кем.

Вторая заслуживающая внимания деталь, относящаяся к состоянию путей сообщения в Беломорской Карелии, связана с упоминанием строительства дороги от Куусамо до Керети через Кестеньгу. Этот инфраструктурный проект сам по себе вызывает большой интерес, поскольку в перспективе мог связать поморские и карельские волости Кемского уезда между собой и с Финляндией. По свидетельству А. В. Эрвасти, в реализации этого проекта были заинтересованы торговцы как в Куусамо, так и в Керети. В то же время журналист отметил, что у жителей д. Новая Керетской волости имелись опасения относительно сооружения дороги³⁹. Принимая во внимание насущную необходимость в хороших путях сообщения в Беломорской Карелии, было бы интересно узнать причины этой обеспокоенности. К сожалению, А. В. Эрвасти не прояснил их в тексте книги. В любом случае, эти опасения были напрасны, поскольку и спустя 30 лет эта дорога (но уже не до Финляндии, а лишь до Тихтозерской волости) рассматривалась властями лишь как перспективная⁴⁰.

При озёрных переходах А. В. Эрвасти отмечал отсутствие хоть какого-то заметного движения водного транспорта. Вероятно, ради художественной образности он писал, что на каждом новом озере «искал дымок парохода». Впрочем, причину такого положения дел журналист хорошо понимал и сам, справедливо связывая её с крайне низкой плотностью населения и разбросанностью деревень⁴¹.

Описывая традиционные пути сообщения в Кемском уезде, А. В. Эрвасти методично критиковал недочёты в выпущенной незадолго до этого географической карте И. Инберга. Проверая её непосредственно на месте, журналист приходил к выводу о значительных, а порой и критичных неточностях этой карты⁴². Тем не менее А. В. Эрвасти счёл необходимым отдать долг автору составленной карты. По его словам, географические объекты на ней хоть и не всегда расположены в правильном месте, но названия их приведены корректно⁴³. Здесь же отметим, что путешественник вообще часто (видимо, он это делал целенаправленно)

³⁷ Там же. С. 196.

³⁸ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 40.

³⁹ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 187.

⁴⁰ Архангельская Карелия. С. 45.

⁴¹ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 49–50.

⁴² На стр. 196 А. В. Эрвасти критикует также и оценки Э. Лённротом ширины озера Среднее Куйто.

⁴³ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 66, 67, 161.

упоминает многочисленные локальные топонимы: названия порогов, мысов, гор (варак) и т. д. Эта информация должна найти особый интерес среди современных читателей и краеведов.

Несколько раз в книге упоминаются примеры исторической памяти местного населения, связанные с докарельским населением края — саамами. А. В. Эрвасти описал две местные легенды, связанные с этим народом, а также упомянул о саамских захоронениях рядом с д. Парфёново (Керетская волость)⁴⁴.

А. В. Эрвасти довольно критично подошёл к описанию Кеми. При сравнении с Оулу, город, естественно, проигрывал по всем показателям. Такое отношение было вызвано тем, что Кемь была для него административным русскоязычным центром государственной власти: «...город воспринимается как глубоко чужой, здесь уже начинаешь с беспокойством ощущать, что находишься на самой отдалённой восточной границе Финляндии»⁴⁵. Соловецкий монастырь путешественник рассматривал как важный идеологический центр влияния на Беломорскую Карелию. Тем не менее, на страницах книги А. В. Эрвасти относился к обители с интересом и известной долей почтения.

На наш взгляд отдельно необходимо остановиться на критике, которой А. В. Эрвасти подверг экономическое положение Кеми. Добавим, что город здесь это скорее собирательный образ всего карельского Поморья. Прежде всего нас интересует оценка уровня развития сельского хозяйства. На стр. 83 А. В. Эрвасти утверждает, что причина, по которой в городе не занимаются земледелием, заключается в отсутствии удобных земель вокруг него. На стр. 88 он противоречит сам себе, когда пишет: «...невозможно допустить, что земля в окрестностях города для этого совершенно непригодна». Несмотря на замеченную им лично при подъезде к городу скудность удобных для полеводства земель, А. В. Эрвасти приводит другое малоубедительное объяснение неразвитости в городе сельского хозяйства. Он связывает его с тем, что Кемь — русский город, в то время как «наш [финский. — А. К.] народ известен своим упорством в продвижении земледелия как можно дальше на север»⁴⁶. Аналогичное объяснение А. В. Эрвасти приводит для объяснения неразвитости мореходства в Кеми: «...общеизвестно и признано, что русский не является прирождённым мореходом»⁴⁷. Это спорное утверждение, учитывая географию торговых связей и морских промыслов поморов⁴⁸, которые, кроме того, осуществляли эту деятельность в суровых условиях арктических морей. При этом из содержания книги следует, что А. В. Эрвасти был осведомлён о том, что

⁴⁴ Там же. С. 180, 212.

⁴⁵ Там же. С. 87.

⁴⁶ Там же. С. 88.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Об этом подробнее см. «Море — наше поле»: количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII — начало XX в. / Под ред. Ю. А. Лайус, Д. Л. Лайус. СПб., 2010.

русское население Поморья активно занимается морскими промыслами в полярных водах, которые и составляли его главный доход⁴⁹.

Неточности встречаются при описании упоминавшейся выше строящейся школы в д. Кимасозеро. По приводимым А. В. Эрвасти сведениям, купец М. Т. Минин подготовил завещание «годом раньше», т. е., если журналист проезжал здесь в 1879 г., то завещание было подписано, согласно его сведениям, в 1878 г. В действительности же духовное завещание было подготовлено в 1877 г. Уточнений требуют и приведённые путешественником условия пожертвования. Согласно А. В. Эрвасти, М. Т. Минин на строительство школы завещал 40 000 рублей⁵⁰. Однако на самом деле на «устройство училища» купец жертвовал 5 000 рублей. Ещё 45 000 рублей вносились на хранение в Государственный банк, а проценты с этого вклада должны были покрывать все нужды учебного заведения⁵¹.

Выше было отмечено внимание, с которым автор отнёсся к проблеме развития коробейничества, считая его «главным промыслом» и залогом экономического благополучия карельского крестьянства. При всей важности коробейничества для населения карельских волостей Кемского уезда, с экономической точки зрения это был всё же не основной источник дохода⁵². По сведениям П. П. Чубинского (на которого через работы Й. А. Фриза ссылался и А. В. Эрвасти), опубликованным в 1866 г., общий доход населения Беломорской Карелии от разносной торговли в Финляндии составил 19 650 руб., что было сопоставимо, например, с доходом от извоза и содержания станций (19 239 руб.) и заметно уступало доходу от местного и отъезжего рыболовства (29 408 руб.)⁵³. В 1872 г. коробейничество принесло крестьянам Беломорской Карелии 52% промыслового дохода⁵⁴. Однако важно учитывать, что эта цифра характеризует лишь роль коробейничества в структуре внеземледельческой экономической активности местного населения. Основой крестьянской экономики на тот момент при этом всё же оставалось сельское хозяйство⁵⁵. В 1866 г. оно давало 40% всего валового дохода крестьян карельских волостей, а в урожайный 1881 г. эта цифра достигала 65%⁵⁶. Промыслы имели важное, но всё же вспомогательное значение. Даже в начале XX в., когда роль

⁴⁹ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 94.

⁵⁰ Там же. С. 47.

⁵¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1568. Л. 6–7; Оленев И. В. Карельский край... С. 109.

⁵² Подчеркнём, что речь идёт целиком о Беломорской Карелии без учёта специфики в отдельных волостях.

⁵³ Чубинский П. П. Статистическо-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского Статистического комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 93.

⁵⁴ Кораблёв Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 60.

⁵⁵ Оценка экономической целесообразности занятия крестьянами сельским хозяйством в условиях Беломорской Карелии в последней четверти XIX в. — отдельная важная тема, которая выходит за рамки этой работы.

⁵⁶ Кораблёв Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии... С. 52–53.

несельскохозяйственных заработков заметно возросла, они по-прежнему расценивались современниками как вспомогательные⁵⁷.

А. В. Эрвасти не акцентирует внимание читателя на вынужденном характере разносной торговли в Финляндии и не связывает напрямую это явление с тем, что сельское хозяйство не было способно обеспечить крестьян необходимым уровнем благосостояния. Основной причиной низкого уровня земледелия журналист считает особенности практики общинного землевладения. Однако это была лишь одна из причин сложившейся ситуации. В карельских волостях, как правило, уже не практиковались общинные переделы, которые упоминает путешественник⁵⁸. Проблема имела комплексный характер. А. В. Эрвасти упоминает некоторые её аспекты (запрет на разработку подсек, нахождение всего леса в собственности государства), но не рассматривает их в рамках общего контекста анализа проблемы низкого уровня землепользования в Карелии⁵⁹.

Следуя стилистике жанра путевых очерков, А. В. Эрвасти подробно знакомит читателя с хронологией своей поездки, часто фиксируя даты и дни недели. Однако как минимум в одном месте путешественник перепутал датировки. Так, на стр. 69 он пишет, что утром 10 июля они отправились из Панозера. Затем, на стр. 79 и стр. 102 упоминается, что путники ночевали в Подужемье (с 10 на 11 июля) и в Кеми (с 11 на 12 июля) соответственно. Если исходить из того, что из Панозера они выехали утром 10 июля, то, учитывая две ночи, из Кеми на Соловки они выехали утром 12 июля, а приехали в монастырь, как это следует из книги, к вечеру того же дня. Логично предположить, что следующая дата — 13 июля. Однако на стр. 118 А. В. Эрвасти указывает, что следующим утром было всё ещё 11 июля. Возможно, дата выезда из Панозера также была перепутана. На ошибочность датировки пребывания на Соловках указывает и переводчик текста Р. П. Коломайнен.

По причине недостаточной осведомленности автор допустил неточность при описании действия солеварни недалеко от Керети. А. В. Эрвасти утверждает, что «выварка соли из морской воды в последнее время запрещена»⁶⁰. Однако в действительности такого запрета не существовало. В то же время с 1862 г. в России действовал соляной налог, который делал этот промысел экономически маловыгодным⁶¹.

⁵⁷ Архангельская Карелия. С. 39; К вопросу о нуждах Беломорской Карелии. Архангельск, 1910. С. 9.

⁵⁸ Камкин Н. Архангельские карелы (этнографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. № 2. С. 299–300; Сельские поземельные общины в Архангельской губернии. Вып. 1. Архангельск, 1882. С. 26.

⁵⁹ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 95–96.

⁶⁰ Там же. С. 167.

⁶¹ О-в. И. Соляной налог // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 30 А. С. 844. Помимо этого налога на цену итогового продукта сильно влияло и то обстоятельство, что дрова для солеварен промысловики должны были покупать у государства, поскольку общинных крестьянских лесов в Кемском уезде не было (См.: Чубинский П. П. Солеварение в Архангельской губернии // Труды Императорского Вольно-Экономического общества. 1866. Т. IV. Вып. 1. С. 31–32).

Некоторой критики заслуживают и географические (картографические) наблюдения А. В. Эрвасти. Так, на стр. 183 сказано: «От Пингасалмы мы проехали сначала с версту через Пингозеро и мимо деревни Пингасалмы...» Из этого описания следует, что существовало два населенных пункта с таким названием, однако в Кестенгской волости существовала только одна деревня с таким названием⁶². На стр. 168 А. В. Эрвасти критикует карту И. Инберга за неправильное расположение деревни Новая (Керетская волость). По мнению журналиста, д. Новая располагалась в полутора милях (15 км) к западу от вершины Керетской губы⁶³. Между тем, согласно современным топографическим картам, в действительности это расстояние по прямой составляет 40 км (4 мили), а при пути вверх по реке — почти 50 км (5 миль). В то же время на стр. 177 А. В. Эрвасти указывает уже правильное расстояние этой деревни от морского побережья — 4 мили.

Наконец, необходимо сделать ещё одно незначительное замечание, которое касается географических рамок понятия «Русская Карелия» и его неопределённой интерпретации у А. В. Эрвасти. Предположим, что журналист не употребил здесь широко распространённый топоним *Беломорская Карелия* (фин. *Vienan Karjala*), чтобы дистанцироваться от ошибочного мнения, согласно которому, как он пишет, «Карелия находится на другой стороне моря, на берегах Северной Двины»⁶⁴⁶⁵. В первых строках книги он указывает, что этот край простирается «от нашей [финляндской. — А. К.] восточной границы до Белого моря». Таким образом, он ограничивает регион Русской Карелии Кемским уездом. Далее в книге А. В. Эрвасти часто употребляет слово «Карелия». При этом географические рамки у путешественника крайне размытые. Так, на стр. 217 он пишет, что «Кемский уезд — это примерно половина Карелии». Если он имел в виду только Беломорскую Карелию, то это утверждение не соответствует действительности, поскольку карельские волости занимали только часть (хотя и бо́льшую) Кемского уезда⁶⁶. Возможно, под термином «Карелия» оулуский журналист понимал все территории проживания карелов на пространстве как Архангельской, так и Олонецкой губернии. Косвенно на это может указывать то, что самой южной частью Карелии А. В. Эрвасти считает территорию «ближе к Онежскому озеру»⁶⁷. Однако и в этом случае за очерченной границей остаются карельские волости Петрозаводского и Олонецкого уездов. В любом случае, район упомянутого путешественником Онежского озера находится на большом отдалении от описанной им на первых страницах книги района путешествия по «Русской Карелии».

⁶² Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / Под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1907. С. 194.

⁶³ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 168.

⁶⁴ Северная Двина по-фински *Vienanjoki*.

⁶⁵ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 97–98.

⁶⁶ Архангельская Карелия. С. I, [40].

⁶⁷ Эрвасти А. В. Воспоминания о путешествии... С. 221.

Несколько слов необходимо сказать и об оформлении книги. Финские издания 1880 и 1918 гг. не были иллюстрированы, а в русскоязычном были помещены фотографии Ю. Бломстедта и В. Сукдорфа, сделанные архитекторами летом 1894 г. в ходе этнографической экспедиции по Беломорской Карелии и изданные в начале XX в. в отдельных альбомах⁶⁸. Эти снимки не столь хорошо известны, как фотографии И. К. Инхи⁶⁹. Таким образом, читатель не только откроет для себя произведение А. В. Эрvasti, но и познакомится с не так часто встречающимися фотографиями деревень Беломорской Карелии.

Большая заслуга переводчика Р. П. Коломайнена заключается не только в подготовке легко и приятно читаемого текста, но и в снабжении его многочисленными примечаниями. Эти пояснения касаются бытовавших в Финляндии в XIX в. мер длины, площади, объёма, некоторых специальных терминов. Без справочной информации многие детали повествования могли бы остаться незамеченными читателем. Например, без перевода в километры одной шведской мили невозможно понять реальные расстояния переходов путешественника. В отдельных случаях Р. П. Коломайнен указал и на неточности, которые допустил А. В. Эрvasti. Например, о времени поздней литургии в Соловецком монастыре (стр. 138) или при отождествлении должностей исправника и бургомистра (стр. 221).

Отметим лишь одно, но важное замечание к выпущенному изданию. Внимательное и вдумчивое чтение этой книги предполагает частое обращение к картографическим материалам для составления более полного понимания о направлениях путей сообщений в Беломорской Карелии, уточнении места нахождения той или иной давно уже не существующей деревни и т. д. На наш взгляд, было бы уместно включить в книгу в качестве приложения карту Кемского уезда с указанным на ней маршрутом следования экспедиции А. В. Эрvasti. Издание 1880 г. было снабжено картой, однако не очень подробной (по всей видимости, Инберга)⁷⁰. В переиздание 1918 г. включена хорошая, соответствующая тому периоду карта. Особенно важно то обстоятельство, что на ней обозначен и путь А. В. Эрvasti по Карелии⁷¹.

В заключении отметим: в 2019 г. выход перевода книги И. К. Инхи стал заметным событием в общественной жизни Карелии, путевые очерки А. В. Эрvasti встречены с аналогичным вниманием. Широкому кругу читателей стоит

⁶⁸ Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja keskisestä Venäjän Karjalasta Helsinki, 1901.

⁶⁹ См. подробнее: Raatikainen R. Karelia and karelian people in Nordic expeditioners' photographs from the late 19th century // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. Вып. 5. С. 27–56. DOI: [10.15393/j103.art.2020.1655](https://doi.org/10.15393/j103.art.2020.1655)

⁷⁰ Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Wenäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880. S. [209]. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/1910095?page=209> (12.09.2022).

⁷¹ Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Wenäjän Karjalassa kesällä 1879. Helsinki, [1918]. S. [241]. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/2111235?term=MUISTELMIA&term=MATKALTA&term=VEN%C3%84J%C3%84N&term=JARJALASSA&term=KES%C3%84LL%C3%84N&term=1879&term=JARJALAN&term=249> (12.09.2022).

воспринимать этот литературный труд как исторический источник и памятник конкретной эпохи, который отражает взгляды А. В. Эрвасти и его единомышленников в Финляндии на Карелию и будущее этого края, характерные для последней четверти XIX в.

А. Ф. Кривоноженко

ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО БЛОКНОТА
FROM A STUDENT NOTEBOOK

НЕОБХОДИМОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

A NECESSARY INTRODUCTION

Создавая наш Альманах, мы видели его прежде всего как научное издание, объединяющее специалистов в области истории, международных отношений, политических наук, культур, литератур, языков народов Северной Европы и региона Балтийского моря. Но с каждым новым выпуском мы всё больше убеждались, что в этом электронном издании мы можем и должны создать площадку и для совсем молодых голосов — студентов-гуманитариев, только погружающихся в нордистику. Речь идёт не только о первых шагах в науке — студенческие научные статьи уже публиковались в предыдущих выпусках и эту практику мы продолжим. Вопрос ставится шире: дать возможность нашим студентам, обучающимся аналитике в области нордистики, попробовать себя в разных жанрах — рецензия, эссе, литературная и театральная критика. Подобного рода работы выполняются в процессе обучения в высшей школе и порой их написание становится мощным стимулом для студента углубиться в избранную тематику или отразить своё отношение к избранной специализации. Площадок для издания такого рода работ практически нет, хотя, как нам кажется, публикация лучших из них даст высказаться и принесёт пользу не только их авторам, но и привлечёт к северной тематике других студентов. Кроме того, со временем эти тексты могут стать интересным историческим источником.

В этом выпуске мы решили апробировать свои идеи, представив на суд читателей впечатления трёх студентов-нордистов ПетрГУ от премьерного спектакля Национального театра Карелии «Нора» по пьесе Генрика Ибсена «Кукольный дом». О спектакле уже писали [журналисты](#), оценки театральных критиков ещё впереди. Но театру интересно и мнение молодых зрителей, тем более подготовленных, уже прослушавших вводные курсы по истории культур и литератур стран Северной Европы. Поэтому после просмотра спектакля состоялась встреча студентов с актёрами, которая оказалась очень интересной для обеих сторон. Впечатления об этих событиях мы и решили опубликовать.

И. Р. Такала

МНЕНИЕ О ПОСТАНОВКЕ «НОРЫ»

AN OPINION ON THE STAGING OF NORÅ

Несмотря на то, что в нашей жизни уже давно укоренилось такое искусство как кино, театр окончательно не забыт. Мы всё также с нетерпением стоим в очередях за билетами на всеми ожидаемый спектакль, сидим в уютных театральных залах в ожидании начала представления, наслаждаемся мастерством актёров на сцене и, в конце концов, испытываем катарсис от всего происходящего.

Признаюсь, последний раз театр я посещал давно, а Национальный театр и вовсе в детстве. Можно сказать, что в сознательном возрасте в Национальном театре побывал впервые. Мне было интересно узнать, какова она жизнь петрозаводского театра в 2022 году, и постановка «Норы» по пьесе Генрика Ибсена стала отличной возможностью вновь окунуться в театральный мир.

Всегда интересно наблюдать, как тот или иной режиссёр способен поставить литературное произведение или оформить его в виде фильма. Читая произведение, мы представляем себе образы героев, их выражение лиц, чувства, обстановку вокруг. И у каждого человека в голове своя картинка. Поэтому после прочтения любого произведения, я ищу в интернете его экранизации и постановки, чтобы узнать — как другие люди видят всю происходящую историю. Именно об этом я думал, знакомясь со спектаклем, который поставил польский режиссёр Анджей Бубень.

С первых минут постановка вызвала у меня чувство некоего полёта. Оно было вызвано, прежде всего, музыкальным сопровождением, которое специально написали к постановке пьесы в театре. Музыка очень важна как для кино, так, в первую очередь, и для театра. Она помогает режиссёру показать своё видение происходящего на сцене или выразить свои эмоции, которые он испытывал при знакомстве с произведением. «Нора» — это пример того, каким должно быть музыкальное сопровождение в театральной постановке.

Ничто так не выявляет талант режиссёра, как игра актёров. Можно сказать, что актёры — это куклы режиссёра, а всё, что происходит на сцене во время выступления — игра в кукольном доме. Пьеса Ибсена как ни одно другое произведение соответствует этой метафоре. Ведь действие действительно происходит в кукольном доме. И, как мне кажется, у режиссёра и его помощников великолепно получилось добиться удивительно слаженной игры актёров. Возникает ощущение, что ты действительно стоишь и со стороны наблюдаешь за тем, как режиссёр играет куклами.

Правда некоторые режиссёрские решения вызвали у меня и однокурсников вопросы. Например, отсутствие детей Норы в постановке. Мне и многим другим кажется, что сцены с детьми являются очень важной составляющей, раскрывающей

образ Норы как нежной, любящей матери и делающей её уход ещё более трагичным. Зрители, не читавшие пьесу, могут не до конца понять всю глубину трагедии главной героини.

В целом же постановка мне очень понравилась. Удачный подбор актёров, чью мастерскую игру следует выделить особо, интересные лаконичные декорации и универсальные костюмы, соотносимые с любым временем, как будто действие происходит в наши дни — всё это произвело на меня большое впечатление. Я с удовольствием и дальше намерен смотреть постановки нашего Национального театра.

Алексей Финогенов,
студент 2 курса профиля бакалавриата «История стран Северной
Европы»

ПЬЕСА VS ПОСТАНОВКА

THE PLAY VS THE STAGING

После просмотра в Национальном театре Республики Карелия спектакля «Нора» по пьесе норвежского драматурга Генрика Ибсена «Кукольный дом» мне захотелось рассмотреть достоинства и недостатки этой постановки и понять, насколько точно её создателям удалось перенести идеи Ибсена на сцену.

К несомненным достоинствам спектакля следует отнести его художественное оформление. Декорации заслуживают всяческой похвалы: простая белая платформа, имитирующая квартиру Хельмеров с минимумом мебели (несколько стульев, стол, диван) и парой игрушек на полу, по окончании какой-либо сцены вращалась, и на её белые стены проецировались картины норвежских художников-импрессионистов. Этот лаконизм интерьера придаёт пьесе новое прочтение и вневременной характер (разрыв с конкретной социально-исторической средой — норвежским обществом второй половины XIX века). Некоторые опрошенные мною однокурсники также одобрительно отзывались о музыкальном оформлении спектакля: музыка, оставаясь как бы фоном, тем не менее хорошо дополняла происходящее на сцене.

Игрой актёров также можно восхититься, видно, что все они профессионалы, способные глубоко вжиться в образ своего героя и удивительно точно воспроизвести любые эмоции — радость, горе, тревогу, страх. Так, в финальной сцене мы видим в игре Андрея Горшкова (Торвальд) и Юлии Куйкка (Нора) всю тяжесть испытываемых их героями чувств: вспотевшее лицо Торвальда показывает его напряжение, а из глаз Норы проступают горькие слезы.

Вместе с тем некоторые режиссёрские новации вызывают вопросы, например об уместности чрезмерной иногда экзальтированности главной героини и соответствии поведения героев нормам и ценностям общества, описанного Ибсеном. Grimасы, странные жесты и вульгарное поведение в отдельных сценах кажутся странными и ненужными для раскрытия основных мыслей произведения. В обществе владычества строгой протестантской морали (каким и была Норвегия в XIX веке) вульгарное поведение жены по отношению к другим мужчинам и даже к собственному мужу выглядит весьма странным. Сюда можно отнести поцелуй Кростадтом Норы или периодическое ползание супругов по полу и мебели. Преувеличенные порой до гротеска жесты (танцевальные па, прыжки, хлопанье руками по столу в сценах общения Норы с доктором Ранком) противоречат самому норвежскому менталитету: строгости, сдержанности чувств и их проявлению через конкретные поступки. Скупость в проявлении ярких эмоций делает эти поступки более весомыми, поскольку мотивированы они скрытыми или подавленными чувствами. Впрочем, я не виню актёров и полагаю, что им не составило бы труда

раскрыть образы героев пьесы с учетом особенностей норвежской культуры. В данном случае все вопросы адресованы к режиссёру. Тем более, что в ряде случаев неуместное поведение актёров вызывает противоположную от ожидаемой реакцию зрителей. К примеру, в последней сцене кульминации отношений Торвальда и Норы актёр внезапно начинает раздеваться, что создает скорее комический эффект и слабо доносит идею потери Торвальдом его прежнего комфортного состояния.

Спектакль полностью соответствует содержанию пьесы, и в диалоги не вносилось никаких существенных изменений. Однако авторы спектакля вырезали несколько сцен общения Норы со своими детьми, по-видимому, из-за трудностей привлечения детей-актёров. Тем не менее, данные сцены в пьесе показывают истинное лицо Норы – не легкомысленной и сорящей деньгами дамы, а глубоко чувствующей и страдающей женщины, для которой дети главное утешение в этом браке. Эти сцены важны и для дальнейшего повествования, ведь Нора решает развестись с Торвальдом из-за его слов о вреде лжи для воспитания детей. На мой взгляд, отсутствие этих сцен упростило и обеднило образ Норы.

Глубина художественного образа, как мне кажется, является важным критерием оценки значимости любого произведения. И здесь можно с увлечением рассказывать об изобретательном подходе авторов спектакля к раскрытию разных образов. Об особенностях оформления постановки уже говорилось. Простая комната семейства Хельмеров отчётливо напоминает часть кукольного домика с передвижными стульями, что очень хорошо соотносится с идеей Ибсена о фальшивости внешней стороны жизни человека в браке, да и в любой форме человеческих взаимоотношений. Ещё более интересным представляется решение с образом служанки в доме Хельмера. Таинственная фигура женщины в чёрном появляется на сцене с самого начала, практически всё время молчит, почти никогда не уходит, но её никто не замечает. Этот образ замечателен своей множественностью интерпретаций. Для некоторых моих однокурсников это была действительно просто служанка, присутствие которой не обязательно замечать, другие увидели в ней символ некоей недосказанности между основными героями или даже символ скрытых чувств Норы, её иное, не кукольное состояние.

Что касается меня, то я бы хотел связать этот образ с темой неизбежного рока в творчестве Ибсена. В его произведениях идея рока раскрывается в наличии почти у каждого героя некоего мрачного потаенного секрета. И когда наступает момент откровения, мнимая реальность в сознании героя распадается на куски, приводя его либо к смерти, либо к душевным страданиям (прекрасными примерами могут послужить такие пьесы Ибсена как «Дикая утка» и «Привидения»). Поэтому я думаю, что бессловесная чёрная фигура на сцене олицетворяет собой тот самый секрет Норы, который она безуспешно пытается скрыть пред лицом рока.

Зрительское восприятие спектакля – важный критерий для оценки творческих сил театрального коллектива. Хорош, прежде всего, тот спектакль, что приковывает внимание зрителя до последней минуты и оставляет устойчивый эмоциональный след в его сознании. Из разговоров в группе я могу сделать вывод, что в целом постановка студентам понравилась, вызвав положительные эмоции, хотя многие заметили и недостатки, отмеченные мною выше. Но мы шли на спектакль подготовленными — каждый читал «Кукольный дом» и у каждого было уже своё представление о пьесе и её героях. Если человек не читал ни одного произведения Генрика Ибсена, то у него, на мой взгляд, спектакль не вызовет серьезных претензий и покажется замечательной постановкой из-за яркой игры актёров, изобретательного оформления и качественного изложения сюжета.

В целом я считаю, что такое новое прочтение Ибсена можно считать ценным подарком для любителей классической норвежской литературы. Кроме того, этот спектакль может вновь возродить интерес нашей общественности ко многим выдающимся произведениям скандинавской литературы.

Чернышов Терентий,
студент 2 курса профиля бакалавриата «История стран Северной Европы»

«НОРА». ИЗ ПУЧИН НИГИЛИЗМА К ТРАДИЦИИ

NOR.4. FROM THE ABYSS OF NIHILISM TO THE TRADITION

Мне довелось ознакомиться с пьесой норвежского драматурга Хенрика Ибсена «Кукольный дом», а затем посетить спектакль на финском языке в Национальном театре Республики Карелия, который поставил польский режиссёр Анджей Бубень. Данный разбор будет делиться на две части: в первой — немного о пьесе, во второй — о самой постановке.

Если задать вопрос, о чём же был «Кукольный дом» (который в отечественной театральной традиции известен также как «Нора» — по имени главной героини Норы Хельмер), то ответ я бы дал приблизительно такой: это история о ценности «целительного нигилизма» и возвращении в лоно традиции через него. Во многом, к такой точке зрения я пришёл, посмотрев спектакль, что не означает, что его посыл совпадает с тем, что я думаю о послы пьесы.

Вопреки бытовавшему ранее мнению, что пьеса является феминистическим агитационным материалом, я, как и сам режиссёр, отрицаю данную интерпретацию. Действительно, понятно, почему такую трактовку используют при объяснении сюжета, но, с моей точки зрения, такой взгляд является излишне поверхностным. Во-первых, потому что из обычной демонстрации каких-то феминистических тенденций, персонажей с такими взглядами не следует, что пьеса феминистическая. В противном случае можно дойти до абсурда и заявить, например, что Фёдор Михайлович Достоевский в романе «Бесы» пропагандировал революционные и либеральные идеи, просто потому что он их вкладывал в уста своих героев. Во-вторых, даже если демонстрируются персонажи, то есть героини со схожими взглядами или в схожем положении, то показать их можно по-разному.

Именно в этой пьесе, как мне кажется, демонстрируются две главные героини со своими сюжетными арками. Они обе схожи. Меркантильная Нора, которая постоянно волнуется о деньгах и способах их получения, и даже говорит, что, зарабатывая их, она ощущает себя «будто мужчиной», который является кормильцем и добытчиком, хотя использует заработанные деньги во благо своей семьи. Фру Линне очень напоминает эмансипированную женщину, которая сама себе хозяйка, никому ничего не должна, даже знает что-то в финансовых делах и пытается устроиться на работу в серьёзную контору, но при этом одинока и несчастна.

Их арки идут по одной и той же схеме, только направления разные. Драматургический путь Норы движется из не самой высокой точки морального развития к низшей через нигилизм, где она отвергает всё, во что верила, все общественные ожидания, религиозные предписания, свой долг матери и жены, упорно твердя, что она человек, который должен себя воспитать. Таким образом, она

разрушает естественные границы существования человека. Арка Фру Линне наоборот, идёт от низшей точки к высшей. Кристина Линне — человек, прошедший через невзгоды и удары судьбы и оставшийся абсолютно ни с чем: ни мужа, ни детей, ни семьи, никого, ради кого можно было бы жить. По этой причине она стремится это исправить: если человек сам по себе, его охватывает гнетущее чувство одиночества, депрессии и пустоты оттого, что не о ком заботиться. Это в действительности касается не только женщин. По этой причине она решается воспламенить старые чувства своего давнего поклонника Кругстада, от которого Кристина в молодости отказалась «из-за того, что нашла партию повыгоднее». Ей в тот момент было всё равно, от кого у её поклонника дети, она желает счастья, она желает быть женой, она желает иметь того, кому сможет посвятить всю жизнь, таким образом преодолевая всё, чем она была в начале пьесы. При этом у неё нет никаких претензий к обществу, в котором она находится. Хотя она и не горит революционным пламенем эмансипации женщины, её образ демонстрирует наглядный результат устремлений феминизма. И то, что она пытается это исправить, уже демонстрирует силу «целительного нигилизма» — нет успеха, нет независимости, нет справедливости, есть только семья и долг перед ней. Иными словами, героиню, опустившуюся на самое дно морального развития, «целительный нигилизм» провоцирует на повторную переоценку ценностей, приводящую к очищению, восстановлению границ и традиционного порядка.

Связующей нитью между двумя арками является Кристина, которая видит, как ребячески Нора смотрит на мир и понимает, что именно такое отношение к жизни, в конце концов, сгубило её молодость. То есть, в её глазах Нора — отражение её ошибок. По этой причине она говорит ей несколько раз, что она «дитя», которое смотрит на мир несерьёзно. И по этой же причине в момент истины она позволяет конфликту между Норой и её мужем случиться, чтобы не оставить камня на камне от её детского мировосприятия. Чтобы, погрузившись в пучины нигилизма, она прошла тот же путь, что прошла сама Кристина, и вернулась обратно к роли матери и жены.

Поэтому, с моей точки зрения, данная интерпретация более чем применима к осмыслению происходящего в сюжете пьесы.

Однако стоит понимать, что взгляд режиссёра на смысл сюжета отличается от моего. Во время состоявшейся после спектакля беседы с актёрами выяснилось многое. В постановке были изменены некоторые аспекты сюжета, героев и общего посыла.

Во-первых, несколько действующих лиц из числа прислуги были собраны в единый образ Служанки, которая практически постоянно на сцене, она всегда присутствует, но, исходя из её природы, на неё никто не обращает внимания, пока её помощь не понадобится. Она как «воздух» этого дома, без которого нет жизни, но

одновременно она может символизировать саму главную героиню пьесы. Режиссер А. Бубень буквально говорил актрисе, исполнявшей роль, «стать воздухом».

Во-вторых, во время постановки постоянно наряду с диалогами героев переставляются стулья, особенно в сцене встречи Норы и Фру Линне после долгих лет, где Норе ставят стулья, по которым она после перечисления каждой из своих заслуг делает следующий шаг. Актёры объясняли это тем, что таким образом демонстрируется меркантильность и легкомысленность Норы, которая пребывает в своих фантазиях, банально балуется со стульями и делает с ними что хочет.

В-третьих, приобрёл новые черты образ друга семьи Норы, Доктора Ранка, который в самой пьесе был крайне пессимистичным героем, способным всем испортить настроение. В постановке он стал человеком, который, понимая, что его вот-вот не станет из-за наследственной болезни, всё равно желает как можно больше времени провести с близкими людьми и друзьями, а именно с Норой. Поэтому он пускается в пляс вместе с ней, даже говоря совсем неприятные вещи о своей скорой кончине, а также кутит со всеми на празднике, чтобы не иметь никаких сожалений. Воистину, как по совету Воланда из «Мастера и Маргариты». Причём данная параллель здесь возникла неслучайно. Дело в том, что в образе Д-ра Ранка присутствует демоническое начало. По этой причине он то и дело рекомендует Норе всё попробовать, абсолютно не думая о последствиях.

В-четвёртых, в постановке было доведена до логического финала странная манера обращения мужа Норы к ней, которая в пьесе звучала даже не как типичное восточное обращение вроде «О, свет очей моих!» или «Моя ненаглядная», а как какие-то сексуальные эвфемизмы, едва ли подходящие для обычного разговора между супругами. Я не ожидал, что именно последнее впечатление окажется истиной, ведь актёры, исполнявшие главные роли, буквально так и ответили. Завершённость показана в финале, где муж Норы раздевается до трусов, желая вступить с супругой в близость, чего не было в тексте пьесы. Однако именно этим раскрывается отношение Торвальда Хельмера к своей благоверной.

В-пятых, была добавлена сцена после конца текста пьесы, где Фру Линне и её давний поклонник Кругстад сидят на одном диване по разные стороны. Актёры объясняли это тем, что так была показана открытость концовки. С одной стороны, Кристина нашла себе мужа, вошла обратно в обычную жизнь, но с другой, счастлива ли она в действительности? Этим и объясняется режиссёрское видение смысла сюжета: каждый герой пьесы любыми способами стремится к счастью, однако стоит ли оно того, вопрос открытый. Например, в представлении А. Бубеня, Фру Линне стремилась не помочь своей давней подруге, а отомстить ей, что показано посредством тона, с которым она к ней обращается. В том же духе выстроена линия Кругстада, зачинщика конфликта пьесы. Тем не менее, с объяснением финальной

сцены я категорически не согласен, так как сам тон сцены не говорит об открытости концовки, а как раз подталкивает к мысли о том, что вряд ли всё стоило того. Как раз открытая концовка была в тексте, потому что там никто ни на что не намекал, ведь не в этом ли заключается «открытость» концовки? Также трактовка о желании мести Кристины Норе мне представляется бессмысленной, поскольку если сопоставить диалоги и действия персонажей, то нарратив о желании отомстить просто не стыкуется с происходящим. Если бы Фру Линне действительно желала отомстить, то она не попросила бы Кругстада отказаться от компромата. С другой стороны, по какой причине она настаивала именно на том, чтобы конфликт между Хельмерами состоялся? Быть может, у её поступка был иной мотив, нежели месть? Иными словами, меня не очень убеждает взгляд режиссёра, который говорит, что каждый хочет добиться счастья за чужой счёт.

Таким образом, можно заключить, что «Кукольный дом» или «Нора» – довольно глубокое произведение с актуальным посылом, особенно для нашего времени. Постановка А. Бубеня представляет собой очень хороший спектакль с оригинальными решениями на уровне режиссуры, которые органично дополняют или переосмысливают некоторых персонажей, однако с его взглядом на смысл сюжета я не согласен.

Каширов С. С.,
студент 2 курса магистерской программы «История стран Северной
Европы (история, языки, культура Финляндии и Швеции)»

IN MEMORIAM

ШРАДЕР ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА (1939–2022)

SCHRADER TATIANA ALEKSEEVNA (1939-2022)

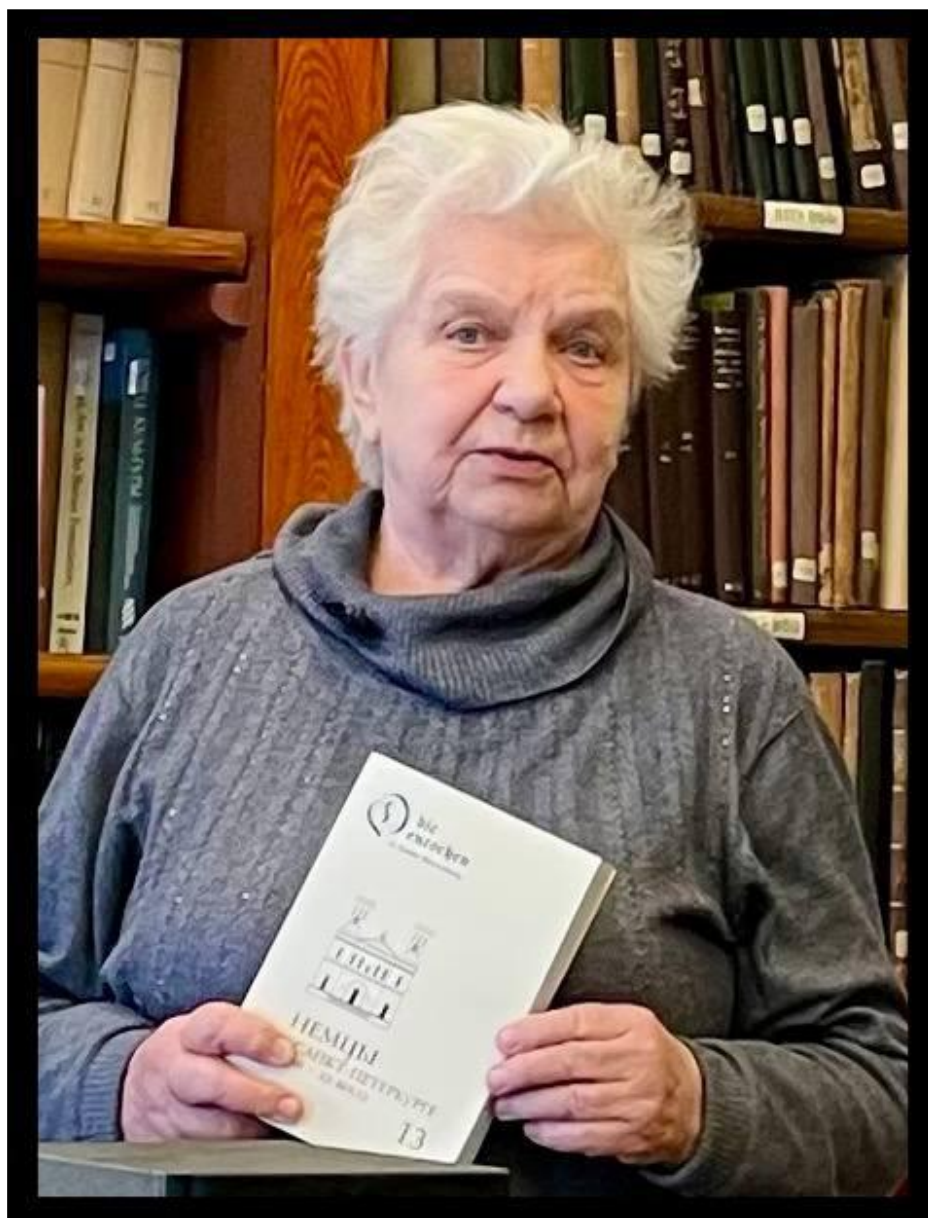

Фото: [Кунсткамера](#)

16 мая 2022 года скончалась Татьяна Алексеевна Шрадер, кандидат исторических наук, человек, внесший большой вклад в скандинавистику, в изучение истории культурных и торговых связей между Россией и Скандинавскими странами, в дело укрепления дружбы между нашими народами. Особенно горько ощущать утрату автору этих строк, поскольку нашему знакомству более 65 лет.

Окончив в 1956 году среднюю школу, Таня Алимova, как ее тогда звали, поступила на филологический факультет Ленинградского университета, на первое в стране отделение норвежского языка и литературы, в то время как я выбрал датский язык. Кафедрой германской филологии заведовал тогда профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский, который спустя два года стал инициатором создания

отдельной кафедры — первой в стране кафедры скандинавской филологии и возглавлял ее последующие двадцать лет.

Занятия в наших группах проходили параллельно. Когда мы встречались, студенты норвежского отделения хвастались успехами в изучении трудного норвежского языка под руководством молодого энергичного преподавателя Валерия Павловича Беркова, который занимался альпинизмом, ездил на мотоцикле. Мы париловали тем, что наш язык еще труднее, а преподаватель Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова, которой было под семьдесят, дочь знаменитых переводчиков скандинавской литературы Анны Васильевны и Петра Готфридовича Ганзенов.

Какие-то занятия в группах были общими. Так, курс истории Скандинавии целый год читал крупнейший специалист в этой области Игорь Павлович Шаскольский. В крохотной аудитории плечом к плечу мы записывали его рассказы о походах викингов, Стокгольмской кровавой бане, о сложных ситуациях, которые регулярно возникали на севере Европы. Получилось так, что именно история оказалась позже в центре внимания Татьяны Алексеевны. Об интереснейшей литературе скандинавских стран рассказывала нашим двум группам Ирина Петровна Куприянова. Были и другие общие предметы. Студенты тех лет почти все были ленинградцами, пережившими частично, а некоторые даже полностью блокаду. Я узнал, что Таня Алимова оставалась в городе в первые полтора года блокады, затем была эвакуирована и вернулась после войны.

Судьбы выпускников были разными. Кто-то уехал и исчез навсегда. Следует сказать, что Татьяна Алексеевна не только осталась в Ленинграде, но и все последующие годы не теряла связи с родной кафедрой. Первым местом работы на десять лет для нее стал Арктический и Антарктический Научно-исследовательский институт АН СССР, крепко связанный с любимым ею Севером. Институт в те годы размещался в знаменитом Шереметевском дворце на берегу Фонтанки. Значительно позже он переехал в специально построенное здание, а дворец стал Музеем музыки, где в Белом зале устраивались концерты. Однажды спустя много лет мы с Татьяной Алексеевной оказались там на концерте скандинавской музыки. В антракте она водила меня по залам и среди музыкальных экспонатов делилась воспоминаниями о работе здесь в столь давнее время, причем как о светлых днях, так и о тяжелых днях тоже.

Историческая тематика, Север захватили ее, и она старалась заниматься этим всюду, где было возможно. Она работала потом в Библиотеке Академии наук, в Главной физической обсерватории, в других местах. Со временем ей удалось собрать большой материал, который лег в основу диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Защита состоялась в 1985 году. Тема очень важна для изучения истории отношений России и Норвегии: «Торговые связи русского Поморья с Северной Норвегией (конец XVIII — начало XIX в.)». Этот труд был высоко оценен не только у нас в стране, но и в Норвегии, куда она не раз

приезжала с научными целями. Она среди пионеров тематики, которой сейчас занимаются многие.

Звездный час, как я считаю, наступил для Татьяны Алексеевны, когда она в 1994 году пришла на работу в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Именно здесь она оказалась в центре всех направлений изучения Скандинавии. Первая конференция под удачно выбранным названием «Скандинавские чтения» состоялась в 1996 году. Затем, как хорошо отрегулированные часы, проходила каждый четный год. Однажды, это было в 2005 году, была еще и дополнительная конференция, посвященная 100-летию провозглашения независимости Норвегии, но это не заменило традиционную конференцию, проведенную годом позже. Многочисленные исследователи-скандинависты из разных городов России, бывшего СССР и дальнего зарубежья приезжали, чтобы «людей повидать и себя показать».

Есть немало встреч ученых, будь то конференции или симпозиумы, которые проходят живо и интересно для участников, но затем все уходит в песок. Совсем не так получилось со «Скандинавскими чтениями», поскольку затем все материалы докладов появлялись в печатном виде в замечательных толстых, прекрасно иллюстрированных томах с тем же названием «Скандинавские чтения» и указанием года конференции.

Если кто-то думает, что процесс подготовки конференции, а потом издания тома проходит легко и просто, то он ошибается. Одним из главных участников этого процесса, главной движущей силой всегда была Татьяна Алексеевна. Сколько сил и энергии она потратила, сколько слез пролила — теперь об этом уже некого спросить. Нам же остается только пожелать, чтобы регулярность проведения конференций и публикации томов «Скандинавских чтений» не были навсегда утрачены.

Татьяна Алексеевна вовсе не замыкалась на скандинавской тематике. Еще одним направлением ее деятельности в МАЭ было регулярное проведение научных конференций «Немцы в Санкт-Петербурге» с последующим изданием соответствующих сборников.

Проявила она себя и в педагогической деятельности, нашла время, чтобы преподавать норвежский язык студентам Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

При этом все последние годы ее уделом была серьезная болезнь, которую она воспринимала очень мужественно.

Все хорошо знавшие Татьяну Алексеевну Шрадер отмечают не только глубокие знания, но и доброжелательность, мягкость в обращении и доброту этого замечательного человека.

Борис Сергеевич Жаров

27.05.2022

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ШРАДЕР
IN MEMORY OF TATIANA ALEKSEEVNA SCHRADER

Фото — проект [«Отечественные этнографы и антропологи. XX век»](#)

16 мая 2022 года ушла из жизни Татьяна Алексеевна Шрадер. Можно говорить о Татьяне Алексеевне в терминах институциональных заслуг и достижений, и тогда выстроится картина жизни незаурядного ученого, переводчика, организатора науки.

Татьяна Алексеевна закончила кафедру скандинавской филологии Ленинградского государственного университета в 1961 г. Это очень престижное место учебы и в наше время: я помню, как сама училась на филологическом факультете СПбГУ в 1990-е гг., и студенты-скандинависты считались практически «избранными». Со студенческих лет судьба Т. А. Шрадер была связана с Северной Европой — с языками, а потом этнографией народов Скандинавии, с изучением богатейшего культурного наследия народов этого сурового и сложного региона, находящегося на стыке интересов мировых держав и векторов европейского развития. После окончания университета Татьяна Алексеевна поступила на должность младшего научного сотрудника Арктического и Антарктического

научно-исследовательского института. Затем последовали годы работы в Музее этнографии народов СССР, где Татьяной Алексеевной была подготовлена и успешно защищена в Институте истории СССР Академии наук кандидатская диссертация «Торговые связи Русского Поморья с Северной Норвегией. Конец XVIII — начало XIX в.» (1986 г.). Надо сказать, что русско-норвежские приграничные контакты и специально — поморские, рыболовецкие и торговые промыслы в этих местах оставались центральной темой её исследовательских интересов на протяжении всей научной карьеры. С 1986 по 1993 г. Татьяна Алексеевна работала в Библиотеке Академии наук, где занимала должность учёного секретаря (1990–1993).

В 1993 г. Татьяна Алексеевна пришла в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (как с 1992 г. стала именоваться Кунсткамера, обретя статус особо ценного объекта культуры Российской Федерации). С тех пор, без малого тридцать лет Татьяна Алексеевна проработала в отделе европеистики МАЭ РАН.

Когда она пришла в наш музей, такого отдела еще не существовало — подразделение, в которое её принял тогдашний директор, научный руководитель моей диссертации, Александр Сергеевич Мыльников, называлось отделом общей этнографии и объединяло одно время таких видных учёных и такие личности, как Б. Н. Путилов, Г. В. Старовойтова, А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон, Н. В. Юхнёва. Дело в том, что, заняв в 1992 г. пост директора Кунсткамеры, А. С. Мыльников вынашивал идею расширения научных исследований Музея антропологии и этнографии до Европы, которая в рамках традиционного для этнографических институций регионального членения коллектива, специально не была представлена до той поры самостоятельным отделом, как было это, например, в московском Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, бывшем нашем «головном» институте¹. А. С. Мыльников начал подыскивать и собирать исследователей с полем интересов в европейских странах и со знанием европейских языков. Татьяна Алексеевна стала одним из первых сотрудников, приглашённых в отдел с целью формирования его новой, регионально ориентированной исследовательской деятельности. Меня А. С. Мыльников пригласил в отдел с той же целью, и я хорошо помню первое собеседование с директором в его кабинете, наполненном мебелью XVII и XVIII вв.: напротив директорского стола на диване для посетителей неизменно сидела Т. А. Шрадер — как мне казалось тогда, знающая себе цену дама, смотрящая несколько свысока на вчерашнюю студентку. Долгое время я видела Татьяну Алексеевну только в таком свете: она любила, например, рассказать, что с юности знала Д. А. Ольдерогге и его семью благодаря знакомству с ним мамы; любила подчеркнуть свою элитарность: и петербургские корни семьи, и образовательный бэкграунд, и свой богатый

¹ До 1992 г. МАЭ (Кунсткамера) РАН являлся Ленинградской частью Научно-исследовательского института этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА АН СССР), который был создан в 1943 г. как головное подразделение в Москве.

зарубежный опыт, редкий в советское время. Однако эта кажущаяся неприступность Шрадер в одночасье рассеивалась, когда за чаем в отделе Татьяна Алексеевна вдруг перевоплощалась и начинала рассказывать свои «фирменные» анекдоты. Это была целая серия анекдотов о финнах, которые она умела буквально «сыграть»: она рассказывала их, точно подражая финскому акценту, умея через эти короткие юмористические истории и их фонетическое воплощение поиграть с распространенными этническими стереотипами, так хорошо известными этнографу. Тогда Татьяна Алексеевна становилась душой коллектива, который в иное время за чаем обыкновенно развлекал своими историями и воспоминаниями А. С. Мыльников.

Путь, который прошла в науке Т. А. Шрадер, похож в некоторой степени на профессиональный рост многих представителей старшего поколения наших коллег. Сначала Татьяна Алексеевна занимала должность научного сотрудника отдела общей этнографии и вела научную и практическую музейную работу, организовывала выставки в МАЭ. Так, в 1997 г. прошла масштабная выставка «Скандинавия в музеях Санкт-Петербурга», подготовленная совместно с Российским этнографическим музеем. В эти годы Т. А. Шрадер также активно проводила исследовательскую работу, участвовала в различных этнографических экспедициях в Норвегии и Швеции, проводила архивные изыскания. С 1995 г. и до конца жизни Т. А. Шрадер работала старшим научным сотрудником отдела европейстики МАЭ РАН.

Татьяна Алексеевна Шрадер считается признанным авторитетом в области скандинавской этнологии, одним из крупнейших российских ученых, занимающихся этнографией российско-норвежского пограничья. Благодаря усилиям Т. А. Шрадер в 1996 г. были проведены первые Скандинавские чтения, в которых приняли участие ведущие специалисты как из России, так и из-за рубежа, избравшие в качестве поля своих исследований североевропейский регион. Эти научные чтения стали регулярными, проводимыми раз в два года, и сыграли важнейшую роль в объединении творческих усилий исследователей. Было создано научное объединение скандинавистов, результаты работы которого хорошо известны не только у нас в стране, но и далеко за ее границами. По результатам этих научных биеннале регулярно выходят в свет основательные сборники Скандинавских чтений в изысканном дизайне — рунические знаки и наскальные рисунки на пастельном фоне обложки. Блестящая идея Татьяны Алексеевны позволила Скандинавским чтениям превратиться в уникальную площадку научного обмена учёных-скандинавистов самого широкого спектра — этнографов, культурологов, историков, археологов, лингвистов и литературоведов, а издаваемому по итогам чтений сборнику — в одну из самых ожидаемых, востребованных и приобретаемых книг.

Другой, столь же важной темой научной деятельности Татьяны Алексеевны были немцы Санкт-Петербурга в биографическом аспекте. Интерес к петербургским

немцам был связан с личным биографическим аспектом: супруг Татьяны Алексеевны, Эдуард Германович Шрадер, происходил из семьи немцев, предки которых переселились в Российскую империю и в конце XIX в. основали известное в Петербурге фотоателье «А. Ренцъ и Ф. Шрадер». Надо сказать, что Эдуард Германович сам был страстным исследователем своей родословной и истории этого фотоателье². Он охотно делился своими находками в архивах Петербурга и Финляндии, где проживают другие потомки семьи петербургских Шрадеров, писал книгу³, которая успела выйти при его жизни, но вот продолжение этой книги Эдуард Германович уже не успел дописать...

Татьяна Алексеевна добилась глубоких и серьёзных успехов и в этой области. Она обладала непостижимым для меня до сих пор талантом работать с архивными источниками — искать, находить редчайшие документы и сведения и увлекательно повествовать о них в своих публикациях. Параллельно с успешным семинаром Галины Ивановны Смагиной «Немцы в России и русско-немецкие научные и культурные связи» в конце 1990-х гг. Татьяна Алексеевна собрала и организовала свою конференцию, направленность которой была определена её названием: «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект». Конференция с 1999 г. стала ежегодным научным форумом не только в масштабе Петербурга, но и получила известность в России и за рубежом, а по результатам исследований её участников регулярно публикуются одноимённые сборники. Татьяна Алексеевна Шрадер сумела собрать и объединить вокруг себя круг людей, которые так же увлеченно распутывают сложные клубки судеб петербургских немцев — знаменитых и известных, внёсших вклад в культуру, науку, промышленность, медицину, военно-морское и транспортное дело столицы Российской империи; а также и неизвестных или изгнанных, замученных в застенках сталинских лагерей и забытых на долгие годы, честных тружеников своей непростой Родины.

Блестящие знания европейских языков (в первую очередь норвежского, немецкого, английского) позволяло Татьяне Алексеевне не только свободно ориентироваться в научной литературе на языках народов европейского региона, а также свободно общаться с коллегами из европейских стран, но и являться одним из признанных авторитетов в России как в области скандинавской этнографии, так и переводческого дела. Татьяна Алексеевна работала устным переводчиком, в её архиве сохранились старые любительские киноплёнки, где она запечатлела уникальный опыт своей переводческой работы в лагере «Артек» в 1960-е гг. Она стала автором двух переводов книг с норвежского на русский язык⁴. Мы неоднократно были свидетелями, как во время официальных визитов в МАЭ

² Вуори Т., Шрадер Э. Фотоателье «Н. Rentz & F. Schrader» в Санкт-Петербурге // Немцы в Санкт-Петербурге XVIII–XX вв.: биографический аспект. СПб., 2005. Вып. 3 / Отв. ред. Т. А. Шрадер. С. 115–122.

³ Шрадер Э. Г., Вуори Т. История фотоателье «А. Ренцъ и Ф. Шрадер» (1877–1917). СПб., 2011.

⁴ Гриндэ Н. История норвежской музыки / Пер. Т. А. Алимова. Л., 1982; Хансен-Хайер А. Книга об отце / Пер. И. Б. Ефремов, Т. А. Алимова-Шрадер, М. П. Ганзен. Л., 1986.

РАН норвежских делегаций Татьяна Алексеевна не только организовывала эти визиты, но и брала на себя роль переводчика, а на международной конференции к 300-летию Санкт-Петербурга в стокгольмском университете *Södertörns högskola* в 2003 г. модерировала заседания на английском и немецком языках, в перерывах свободно беседа с хозяевами конференции на шведском.

Свидетельство признания трудов Татьяны Алексеевны — заслуженные награды: Диплом премии «Вклад в развитие и сохранение национальной идентичности» (премия учреждена Фондом «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга» при поддержке Комитета по Внешним связям Администрации Санкт-Петербурга по случаю 15-летнего юбилея Фонда 07.11.2008.), Благодарственное письмо Русско-немецкого Центра встреч при Петрикирхе Санкт-Петербург — за многолетнее сотрудничество в развитии культурных отношений Европы и России, популяризацию европейской культуры, за многолетний вклад (20 лет) в проведении конференций «Немцы в Санкт-Петербурге» — и многие другие награды и грамоты.

При этом Татьяне Алексеевне удивительным образом было «не жалко» отдавать свои детища преемникам, отпускать свои конференции в новую жизнь. К 2012 г. Татьяна Алексеевна постепенно стала приобщать меня к делам, касающимся конференции «Немцы в Санкт-Петербурге», а Илью Борисовича Губанова — к Скандинавским чтениям. Она объясняла это тем, что стареет и пора уже готовить преемников, хотя слово «стареть» никак не подходило к ней, потому что она была по-прежнему активна в научной и организационной деятельности, и такой продуктивности могли бы позавидовать иные молодые коллеги. Фактически до 2021 г. всё руководство «Немцами в Санкт-Петербурге», подготовка, корреспонденция, модерирование конференции, а также ответственное редактирование сборников оставалось в руках одной Татьяны Алексеевны, моя же помощь долгое время ограничивалась приятными хлопотами по организации кофе-паузы, и мне, честно говоря, очень нравилась неприметная роль «официантки». У нас с Татьяной Алексеевной уже давно были негласные договорённости: я могла отчитываться работой в оргкомитете этой конференции, хотя почти всё лежало на ее плечах, взамен я выполняла за неё обязательную, возложенную на каждого сотрудника музейную работу: Татьяне Алексеевне как пожилому человеку было непросто разобраться в хитростях автоматизированной музейной базы данных. Но весной прошлого года Татьяна Алексеевна вдруг окончательно передала мне все контакты и бразды правления конференцией, будто почувствовав, что время настало. Я обсуждала с ней каждый шаг, не только потому, что требовалась её поддержка, но и потому, что это были поистине «её» конференции: с каждой новой научной встречей я все больше убеждалась, что людей, которые ежегодно выступают с докладами, держит вместе не профессиональная необходимость, а сама Шрадер. Ее любили, с ней дружили, к её авторитету апеллировали. Я очень боялась что-то упустить, нарушить традиционный порядок, потому часто звонила Татьяне

Алексеевне с вопросами. А она, «отпустив» дела — вдруг стала по-девичьи ветреной и свободной: легко могла признаться, что забыла о чем-то; что она на даче и её вместо дел сейчас радуют цветы и собака Браун, и с полчаса, смеясь, с упоением рассказывать о проделках своего четвероногого друга. Татьяна Алексеевна последней прислала мне заявку на *свою* конференцию, за два дня до начала она позвонила и, застенчиво смеясь, сообщила, что не сможет прийти на открытие и появится только во второй день на свой доклад, потому что появились очень важные дела: она приглашена на мероприятие, где будут говорить о её папе и вручать памятный знак... А когда пришла на свой доклад и была встречена настоящими овациями ожидавших её бессменных участников — было видно, что она совершенно довольна своей свободой.

Хочется вспомнить о Татьяне Алексеевне Шрадер и в другом ракурсе — каким она была человеком в своём приватном мире. Мне не часто приходилось бывать в её семье, только лишь дважды. Впервые к себе Татьяна Алексеевна меня позвала в первые годы нашей совместной работы — я помогала ей справиться с компьютером, она работала над статьёй и только начинала осваивать технику. Шрадер жила тогда с супругом, мамой и собаками в небольшой квартире на Удельной, на северной окраине Петербурга. Так получилось, что Татьяна Алексеевна довольно поздно встретила свою любовь, и дети не появились в их браке с Эдуардом Германовичем. Шумом и радостью дом наполняли животные, которые всегда жили у Татьяны Алексеевны, и она всегда увлечённо рассказывала о них у нас в отделе. Могло показаться, что в этом есть некая неустроенность, неполноценное женское счастье, и мне, действительно, на работе порой казалось, что Шрадер многих молодых недолюбливает. В приватной атмосфере этот образ разрушился, и помню, как я потом многие годы рассказывала о своих впечатлениях нашим коллегам: Татьяна Алексеевна и Эдуард Германович окружили меня какой-то родительской заботой, после недолгой борьбы с компьютером усадили за заботливо и со вкусом накрытый круглый стол за угощение. Я обратила внимание на обстановку её комнат, множество книг, винтажную мебель, массу декоративных мелочей. Можно сказать, что этот дом имел «душу» не только потому, что каждая деталь была связана с воспоминаниями, напоминала хозяйке о поездках, встречах и сотрудничестве с самыми разными людьми, но и потому что сами супруги Шрадер наполняли его своим теплом: как старосветские помещики, они были в то же время подобны старым добрым родителям, ждущим в свой дом выросших детей.

С годами мне перестало казаться, что Шрадер кого-то может недолюбливать. Она часто звонила всем нам, поскольку в последние годы уже не бывала на работе столь же часто, как раньше, и подолгу справлялась о жизни, здоровье и домочадцах. Будучи в Кунсткамере по делам, совершала визиты вежливости, обходя многие кабинеты. Как-то, году в 2017-м или 2018-м она позвала меня с детьми к себе накануне нового года — супруги уже несколько лет, как переехали с севера Петербурга на юго-восток, на Неву. Меня тогда удивила такая перемена в жизни

пожилых людей — не просто поменять жилье, но уехать в совершенно другой район. А Татьяна Алексеевна как-то очень легко переживала перемены в жизни, не только была лёгкой на подъём для поездок, которых она совершила великое множество за свою долгую жизнь. Она тут же нашла много плюсов в своем новом местоположении: «Мы с Брауном знаете, как чудно гуляем вдоль Невы!» В квартире в Рыбацком снова был накрыт тот же круглый стол, на этот раз мои дети разглядывали дикинские вещи, чучело пингвина, старинные статуэтки и вазочки, скандинавские деревянные вещицы и слушали рассказы Татьяны Алексеевны и Эдуарда Германовича. Татьяна Алексеевна умела удивительно легко из простых ингредиентов приготовить изысканное вкусное блюдо. И тогда за столом, подавая простой пирог с картофелем и итальянскими травами, она, смеясь, рассказывала, что её норвежские коллеги и друзья всегда бывали удивлены и восхищены этим угощением. У неё было приятно быть гостем, она умела красиво встретить, окружить не только теплом и радушием, но и сделать это с какой-то неповторимой аутентичностью, в которой хорошо прочитывался ее богатый европейский опыт.

Всего лишь 29 марта Татьяна Алексеевна отметила свой 83-й день рождения. В это время из типографии вышел свежий 13-й выпуск сборника «Немцы в Санкт-Петербурге», а 15 апреля мы собрались на его презентацию в стенах Библиотеки МАЭ РАН: учёные и энтузиасты из разных научных институций города ждали этого события и пришли с цветами для Татьяны Алексеевны, новыми планами, мыслями и идеями. Бесконечно грустно, и трудно поверить, что ровно через месяц такой деятельный, энергичный, полный новых научных проектов и молодой душой учёный ушел из жизни. Сейчас очень греет душу тот факт, что мы успели собраться в тот вечер, душевно выпить игристого вина и порассуждать о будущих конференциях, что Татьяна Алексеевна успела подержать в руках новый сборник, сделанный уже её преемниками.

Ю. В. Бучатская

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА САКСЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ
DEDICATED TO THE BLESSED MEMORY OF ALEKSANDR IVANOVICH SAKSA

Фото: проект [«Отечественные этнографы и антропологи. XX век»](#)

Александр Иванович Сакса родился 11 августа 1951 г., в г. Петрозаводск. Окончил исторический факультет ЛГУ, кафедру археологии (1978). С 1978 г. трудился в ЛОИА/ИИМК РАН (аспирант, ст. лаб., м. н. с., н. с., с. н. с., в. н. с.).

Этнокультурная история древних карелов, вепсов, саамов и русских, издавна проживающих на территории Карелии и в приграничье с Финляндией в тесном контакте друг с другом, изучается в течение длительного времени как археологами Финляндии, так и России. Исследования по средневековой археологии Карелии и Карельского перешейка систематически ведутся в России с 70-х гг. XX в. Изучены укрепленные поселения XII–XV вв., получен богатейший материал, позволяющий охарактеризовать планировочную структуру поселений, дома с печами-каменками и хозяйственные постройки, ремесла, сельское хозяйство и домашние промыслы, охоту и рыболовство, военное дело.

Большой вклад в создание источниковой базы Северо-Западного Приладожья внес А. И. Сакса. Наиболее результативные полевые исследования осуществлены им в Куупшала-Калмистомяки в п. Куркиёки в 1985–1987, 1995 гг. (вскрыто более 500 кв. м). На исследованной территории выявлены культурные слои эпохи неолита и раннего металла, 25 погребений X–XV вв., а также предметы из разрушенных захоронений. На городище Хямеенлахти (п. Куркиёки) А. И. Сакса в 1986–1987 гг. исследовал средневековый слой на площади около 70 кв. м. Исследователем раскопан также комплекс Ольховка (Приозерский район Ленинградской области) (169 кв. м), состоящий из селища, ритуальных куч и жертвенных камней. При археологических раскопках древней крепости Корела на рубеже 80–90-х гг. XX в. (раскопки А. И. Саксы и П. Уйно) обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений,

и предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены при строительных работах.

Итоги многолетних полевых и научных исследований А. И. Сакса опубликовал на финском языке в 1998 г. в диссертации *Rautakautionen Karjala* на соискание степени доктора философии, защищенной в Финляндии. В 2007 г. А. И. Сакса успешно защитил докторскую диссертацию в ИИМКе РАН (С. И. Кочуркина выступила официальным оппонентом). В 2010 г. А. И. Сакса опубликовал книгу «Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли» (СПб.: «Нестор-История», 2010. 400 с.).

Более 20 лет А. И. Сакса исследовал территорию Выборга. В процессе археологических раскопок им выявлены слои, предшествующие городу, а также культурные слои шведского, русского и финского периодов функционирования города. Изучены фортификационные сооружения Замкового острова, городского парка, Башня Ратуши и городская оборонительная стена («Каменный город») XV в. Вскрыты жилые постройки, хозяйственные сооружения. В итоге получены новые ценные данные о ранней истории средневекового Выборга, развитии городской структуры, оборонительных сооружениях и хозяйственной деятельности населения.

А. И. Сакса запомнился коллегам как один из организаторов науки. Начиная с 1976 г. в СССР и Финляндии каждые 2–3 года поочередно проходили советско-финские симпозиумы. Знание финского языка сыграло решающую роль. Научная программа, доклады и экскурсии не могли обойтись без А. И. Саксы-переводчика. Финские коллеги его ценили, приглашали читать лекции, участвовать в научных проектах.

Археологические экспедиции в поселке Куркиёки и окрестностях, которыми руководил А. И. Сакса, оставили добрую память об этом дружелюбном и открытом человеке. Александр Иванович всегда бережно и уважительно относился к местным жителям, завязывал многочисленные знакомства, вникал в бытовые проблемы и старался помочь по мере своих возможностей. Как-то само собой получалось, что и школьники, и работники совхоза постепенно вовлекались в жизнь экспедиций. Всегда находились люди, которым была интересна древняя история Приладжья. Многие годы все с улыбкой и по-доброму вспоминали Сашу (так его называли). Председатель сельского совета Галина Алексеевна Ситар, директор школы Лидия Алексеевна Бокунова, заведующая столовой РайПО Кима Ильинична Червопа, главный врач больницы Павел Севастьянович Цайдер, учителя, ученики — все в той или иной степени помогали экспедиции. У Александра Ивановича была великолепная память. Он до мелочей помнил и экспедиционные события, и местных жителей, с которыми общался. Александр Иванович всегда помогал местным жителям — кому-то колол дрова, кому-то привозил из города продукты. И все это в промежутках между насыщенной полевой работой.

В последние годы мы встречались на конференциях, семинарах, тематических экскурсиях в Великом Новгороде, в Приозерске. Александр Иванович ратовал

за развитие музеев в небольших поселках и всегда поддерживал начинания Куркиёского краеведческого центра по исследованию родного края, проведению конференций, организации экспозиций. В залах музея демонстрируются документальные фильмы с участием А. И. Саксы.

Институт археологии РАН *in memoriam* написал: «Александр Иванович был дорог нам как надежный товарищ, умеющий слышать и сотрудничать, человек, несущий в себе обаяние севера и тепло человеческих отношений».

С. И. Кочуркина, М. И. Петрова

САКСА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (11.08.1951–14.08.2022)

SAKSA ALEKSANDR IVANOVICH (11.08.1951–14.08.2022)

Фото: [Kalmistopiiri](#) (*Pirjo Uino*, 1990)

14 августа 2022 г. после тяжёлой болезни, на 71-м году ушёл из жизни Александр Иванович Сакса, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, автор более 200 опубликованных научных работ на нескольких языках, в том числе трёх больших монографий.

Родился будущий исследователь 11 августа 1951 г. в г. Петрозаводске Карело-Финской ССР. Родители Александра Ивановича — ингерманландские финны, родом из дер. Горки в Губаницком сельском поселении Волосовского района Ленинградской области. Обстоятельства военного времени не позволяли родителям остаться в деревне, и только в 1956 году семья возвращается в родные места. Дома говорили по-фински. Отец Иван Анисимович был плотником, а мама, Айно Ивановна — домохозяйкой. Согласно семейной легенде, в начале XX в. прадед Александра Ивановича (по материнской линии) работал в Выборге кузнецом (все мужчины в её роду были кузнецами).

В начальных классах Александр Иванович учился в родной деревне, позже — в дер. Торосово (известной своей усадьбой Врангеля), заканчивал школу в

г. Волосово. Он рос в окружении преподавателей гуманитарных дисциплин. Возможно, именно это окружение и предопределило дальнейшую судьбу учёного.

Окончив школу в 1969 г., Александр Иванович попробовал поступить в Горный институт. После год проработал в Торосовском совхозе. С 1970 г. три года служил на Балтийском флоте, а в 1972 г. поступил на рабфак ЛГУ. Через год интенсивной подготовки он был зачислен в ЛГУ на исторический факультет, на кафедру археологии. Там Александр Иванович и увлёкся славянской и норманнской тематикой, а диплом защитил по материалам карельских средневековых могильников. В 1978 г. он поступил в аспирантуру, а 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)». Научным руководителем был доктор исторических наук Анатолий Николаевич Кирпичников. По окончании аспирантуры Александр Иванович был принят в Ленинградское отделение Института археологии Академии наук (с 1991 г. ИИМК РАН) в Славяно-финский сектор.

С 1975 г. Александр Иванович работал с А. Н. Кирпичниковым в Карелии. Тема древней корелы очень увлекала исследователя, а знание финского языка (бережно хранившееся в семейном кругу) значительно упрощало работу с финскими источниками, что позже помогло и в налаживании рабочих контактов. Уже в конце 70-х Александр Иванович познакомился с ведущими финскими учёными в рамках интенсивного советско-финского сотрудничества по археологии. Он выполнял функцию секретаря рабочей группы, председателем и сопредседателем которой с советской стороны выступали руководитель академик Б. А. Рыбаков и А. Н. Кирпичников, с финской стороны — профессор кафедры археологии университета Хельсинки Карл Мейнандер. В рабочей группе также активно принимали участие ведущие специалисты из Прибалтики.

С 1978 г. Александр Иванович руководил Приозерским археологическим отрядом ЛОИА/ИИМК РАН. Благодаря его работам, активному сотрудничеству как с российскими, так и финляндскими специалистами, археологическое изучение памятников железного века — Средневековья Карелии перешло на качественно новый уровень.

Важным результатом многолетних исследований стала локализация в сильно изменившемся современном ландшафте мест расположения грунтовых могильников, изученных в конце XIX в. Ему удалось выделить отдельные микрорегионы, каждый из которых рассматривался как единый комплекс со своей внутренней структурой. Такой подход позволил обнаружить и изучить синхронные могильникам поселения, культовые объекты, клады и отдельные находки артефактов. Отдельные микрорегионы были определены исследователем как средневековые поселенческие центры: Лапинлахти на южном берегу озера Суванто, нижнее течение реки Вуокса с центром в Ряйсяля, район Каукала, побережье озера Вуокса с расположенным там же городом Корела, район Хиитола с островом Килполансаари, район Куркийоки и район города Сортавала в Северном

Приладожье. Для всех них исследователь детально проанализировал все категории археологических находок, выявил структуру и основные этапы развития.

С 1998 года под руководством Александра Ивановича велись археологические исследования на территории Выборга, где он возглавлял Выборгскую археологическую экспедицию ИИМК РАН. За два десятилетия экспедицией было обследовано множество строений в исторической части города, а также такие знаковые объекты как Башня Ратуши, «Гильдейский дом» (по адресу ул. Выборгская 8), Кафедральный собор и, конечно же, жемчужина города — Выборгский замок. Городские исследования позволили обобщить характер застройки и методы освоения территории города в период его развития. В 2020 г. вышла его монография «Из истории одного Выборгского средневекового дома. Археологические исследования в Выборге у «Дома купеческой гильдии» в 2004–2012 годах», в которой были изложены и обобщены результаты текущих исследований.

В 2007 г. Александр Иванович защитил докторскую диссертацию на тему «Древняя Карелия во второй половине I — нач. II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли». Исследователь становится ведущим научным сотрудником Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН. В последние годы жизни он также являлся членом рабочей группы по сотрудничеству между Россией и Финляндией в области археологии, членом учёного и диссертационного советов ИИМК РАН, активно сотрудничал с целым рядом зарубежных организаций: Финским археологическим обществом, Финским литературным обществом, Финским обществом изучения церковной истории, обществом «Калевала» (Финляндия).

Александр Иванович сохранится в нашей памяти не только как выдающийся учёный, оставивший большое научное наследие, но и как крайне жизнерадостный, доброжелательный, полный оптимизма и тонкого юмора человек. Он был любящим отцом, верным другом, человеком с большим сердцем. Светлая память...

С. В. Бельский

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ — СУНИ ЛЬВА ВАЛЬТЕРОВИЧА (1932–2022)
IN MEMORY OF THE TEACHER — SUNI LEV VALTEROVICH (1932–2022)

3 марта 2022 г. на 90-м году ушел из жизни Лев Вальтерович Суни, советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор Петрозаводского университета, специалист по истории Финляндии, российско-финляндских отношений и истории финского населения России.

Суни Лев Вальтерович. 2013 г.

Я познакомилась со Львом Вальтеровичем, придя учиться в университет, в 1988 г., в т. н. скандинавскую группу. Он проявил ко мне, как мне показалось, особое участие в связи с тем, что я была родом из п. Калевала (Ухты), где он жил некоторое время. Так он вспоминал об этой поре: *«После окончания университета я поехал работать в школу, в Ухту, в Калевальском районе. Стал преподавать историю там, успешно, как мне кажется. Но потом житейская линия сменилась, меня избрали вторым секретарем районного комсомола. Уговорили, я потом осознал, что это большая ошибка с моей стороны. В конце концов я сумел освободиться и вернуться в Петрозаводск. А вот в Петрозаводске преподавателем истории я устроиться не смог, аккордеон меня выфучил, аккомпанировал я».*

В ту первую встречу Льва Вальтеровича, как моего научного руководителя, интересовал уровень знания финского языка. Он взял какую-то книгу на финском,

посвященную калевальскому краю (как потом выяснилось, это был К. Инха), и стал просить меня прочесть и перевести подписи к фото. Я как-то (наверное, не очень хорошо) справилась с этой задачей и заметила на одном из фото дом, который принадлежал моему роду в Вокнаволоке. Я поделилась этим открытием со Львом Вальтеровичем, рассказала о доме, семье, а потом, уже через десяток лет, он вспоминал этот ничем не примечательный случай, что меня очень впечатлило. Это его отношение к людям, их судьбам, чаяниям, ненавязчивое проявление интереса к их занятиям и хобби, стремление увидеть лучшее в человеке, при общении со Львом Вальтеровичем, обращало мое внимание.

Надо сказать, что о таком прямодушном, простом, неформальном общении учителя и ученика Лев Вальтерович рассказывал и на примере своей жизни. *«Я до сих пор вспоминаю нашего преподавателя по истории России XIX века Евгения Михайловича Эпштейна. Он был прекрасный лектор, шахматист, кандидат в мастера спорта. Шахматные соревнования неизменно проходили с его участием. Общим увлечением были шахматы, фотография. Мы постигали ее таинства, совместно обсуждали тонкости фотододела и т. д. И такие непосредственные (за пределами аудитории) отношения были с некоторыми преподавателями даже военной кафедры, для которой понятие субординации не пустой звук».*

Лев Вальтерович мягко, но методично требовал от нас, историков, знания хронологии и дат, справедливо полагая, что они составляют костяк исторического образования. При написании курсовой работы проявлял заинтересованность к выявленным в архивах источникам и учительское терпение при редактировании опусов студентов. Сейчас, по прошествии многих лет и событий, с особой теплотой вспоминается и сам факт существования такого сообщества как «скандинавская группа» на историческом факультете, которая позволила сконцентрироваться на изучении истории Северной Европы и родной Карелии, и которая была создана благодаря инициативам Льва Вальтеровича. В 2015 г. он рассказывал: *«Формировались группы из пяти-шести студентов по их желанию. Они соглашались слушать эти курсы сверх стандартной учебной программы, факультативно. А в 1992-м году, когда я освободился от заведования кафедрой, создал лабораторию по истории Финляндии и скандинавских стран. Специализация была юридически оформлена, сначала приказом ректора, затем все документы утвердили в Москве, в министерстве. Это была единственная в российских университетах специализация по истории стран Северной Европы с отдельным набором студентов, со своей программой, со своими курсовыми и дипломными работами и т. д. Надо сказать, что специализация пользовалась успехом у студентов. Для многих студентов хорошее знание финского или шведского языка в сочетании с солидной подготовкой в области истории северных стран послужило неплохим трамплином для последующего трудоустройства. В Финляндии проявляют интерес к этой специализации, приезжали и приезжают авторитетные ученые для чтения лекций. Большую поддержку оказывало Министерство просвещения Финляндии,*

присылая учебную литературу. Появилась возможность работать в библиотеках и архивах Финляндии и т. д. Руководил ею до 1999 г., передав руководство специализацией и лабораторией, И. Р. Такала и И. М. Соломещу соответственно».

В целом поощрительная педагогика Льва Вальтеровича вдохновляла. Ошибки не воспринимались как преступление, а могли быть исправлены. Помню один случай, когда по ряду непредвиденных обстоятельств я залила водой книгу, которую мне дал Лев Вальтерович для чтения. Она оказалась безнадежно испорченной, и мне было стыдно возвращать её в таком виде. Я решила сделать качественную копию путём фотокопирования. Когда я принесла её возвращать, Лев Вальтерович долго и добродушно смеялся и сказал, что в следующий раз, если такое произойдёт, но книгу всё же можно будет читать, не стоит прилагать столько усилий.

Так случилось, что с окончанием студенческих лет я стала работать методистом со Львом Вальтеровичем в Лаборатории по проблемам скандинавских стран и Финляндии Петрозаводского государственного университета. Это взаимодействие запомнилось высоким доверием с его стороны как руководителя. Все новшества, а тогда ещё только начиналась эра персональных ЭВМ, всячески им приветствовались. Систематизация и каталогизация книг в электронном виде, форматирование текстов, поиск новой информации в тогда ещё весьма медленном Интернете, статистический анализ результатов этносоциологических исследований — все эти методы тогда только апробировались, и отнюдь не всегда опыт был удачным. Но это не останавливало, а ставило новые задачи, и я благодарна Льву Вальтеровичу за доверительное отношение, возможность пробовать и совершать собственные выборы. В его жизни их тоже было немало.

Например, он рассказывал о своей учёбе в аспирантуре и настойчивом желании её окончить и защитить диссертацию: *«Я поступил в заочную аспирантуру нашего университета. Стал собирать материал для диссертации, и когда через пару лет он был собран, я попросил перевести меня в очную аспирантуру, чтобы получить больше свободного времени для написания самой диссертации. Университет порекомендовал мне обратиться за таким разрешением о переводе в министерство, в Москву. Министерство ответило бюрократической отпиской. В общем, круг замкнулся. Тогда я написал три письма — в Московский, Ленинградский и Тартуский университеты. Рассказал о своей теме и поинтересовался возможностью перевестись к ним в аспирантуру всего на один год. Москва ничего не ответила, Ленинградский университет ответил: приезжайте на переговоры, а Тарту ответил: приезжайте, без всяких условий. И я туда уехал. Тартуский университет дал даже не один, а два года. За один год, как и обещал, я написал диссертацию, а второй год у меня ушел на ее издание, т. е. книга вышла к моменту защиты».*

Другим примером выбора Льва Вальтеровича может быть его решение перейти на работу в Академию наук: *«Я пришел в Академию в 1972-м году. Переход был вызван моей*

неудовлетворенностью работой на кафедре всеобщей истории. II. II. Кяйвярйяйнен поручил мне читать средневековую и новую историю зарубежного Востока, к которой у меня душа совсем не лежала. Все мои силы первые пять — шесть лет ушли на то, чтобы подготовить эти курсы. Совершенно не оставалось времени для углубленных занятий историей Финляндии. II у меня стала созреть мысль, что надо, конечно, с этой практикой кончать. II вот в 72-м году я перешел в Академию наук. С 72-го по 82-й. 10 лет плодотворной работы. Написаны монографии, подготовлена докторская диссертация, защищал ее в Эстонской Академии наук в Таллинне. Защитил ее я, по-моему, в 81-м году».

Отдельного внимания заслуживает тема взаимодействия Льва Вальтеровича с научной средой Финляндии. Он как-то поделился воспоминанием о своих первых поездках: *«Первый раз я поехал 1962-м году переводчиком на студенческий молодежный фестиваль. Но это поездка совершенно не имела прямого отношения к моим занятиям. Хотя мне удалось все же выкроить время, посетить университет и госархив, познакомиться с некоторыми финскими историками. А первая научная поездка в Финляндию была в 76-м году. В то время я уже работал в Институте языка, литературы и истории АН СССР в Петрозаводске. Директор Института М. Н. Власова сама занималась историей Финляндии. II именно в это время был создан комитет по научному сотрудничеству между Финляндией и СССР, в котором М. Н. Власова была председателем секции истории с советской стороны. Не без ее содействия мне была предоставлена возможность отправиться в первую зарубежную научную командировку. Это было время установления тесных профессиональных контактов между нашими историками и историкам Финляндии. Стали проводиться совместные семинары, конференции. У меня началась череда знакомств с финскими коллегами, среди которых были известные в стране исследователи, профессора и академики».*

Мне посчастливилось участвовать в исследовании, посвящённом финнам Карелии, которое в середине 1990-х проходило в нашей скандинавской Лаборатории. Оно включало в себя методы социологического исследования, и я наблюдала, как учится мой учитель в ходе подготовки анкеты, проведения опроса и обработки информации в новых для того времени системах управления базами данных. Это был интересный процесс общения с социологами, программистами; освоение приёмов постановки задач в более строгом, формальном ключе. Это открывало новые горизонты и учило новому отношению к жизни — всегда учиться, осваивать новое.

И Лев Вальтерович был примером этому и тогда и год назад, когда при одной из последних встреч с ним я узнала, что он учит немецкий язык! В 90 лет! Он пробует слушать аудиокниги, по-прежнему выбирая приемлемые для себя варианты, в данном случае чтецов. И ещё он по-прежнему интересуется жизнью в университете, Академии наук и обещает, по возможности, «заскочить» в гости.

В заключение хотелось бы представить несколько фотографий из личной коллекции Льва Вальтеровича. Таким я его не знала, но его рассказы о рыбалке, лыжных соревнованиях, дружбе, вкупе с этими фото, дополняют образ важного в моей жизни человека и учителя.

Л. В. Суни студент

Л. В. Суни, Г. Д. Корнилов

А. В. Суня на рыбалке

А. В. Суня на лыжных соревнованиях, 1981 г.

С. Э. Яловицына